ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
имени В. И. ЛЕНИНА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1870–1918 гг.

Сборник документов

МОСКВА
1940

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЯ КРАСНОЙ АРМИИ имени В. И. ЛЕНИНА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1870—1918 гг.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

СОСТАВИЛИ
А. Г. КОРОЛЕВ и О. Н. ФРЕЙФЕЛЬД
Под редакцией проф. В. М. ХВОСТОВА

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ
1940

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Перевод документов, взятых для настоящего сборника из книги „Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях", и ряд других документов проверен по соответствующим иностранным источникам: „Documents diplomatiques français 1871—1914"; „Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie 1878"; Rouard de Card, „Les traités de protectorat conclus par la France en Afrique 1870—1898"; „Documents diplomatiques. Ministère des affaires étrangères. Les accords franco-italiens de 1900—1902"; „Documents diplomatiques. L'alliance franco-russe 1890—1912"; „Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914"; Schulthess, „Europäischer Geschichtskalender 1897"; Pribram, „Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879—1914"; Georg von Rüdiger, „Die Bedeutung der Algeciras-Konferenz"; „The Times History of the War in South Africa 1899—1902"; „Britich Documents on the Origins of the War, 1898—1914" и т. д.

Ряд документов, например: „Меморандум о целях войны" (гл. VI настоящего сборника, док. № 236); „Обращение Брайана к американскому народу" (гл. VI, док. № 246); „Речь Вильсона перед конгрессом 2 апреля 1917 г." (гл. VI, док. № 251) и др. переведен на русский язык специально для настоящего сборника.

ОТ РЕДАКТОРА

Назначение настоящего сборника — помочь слушателям Военно-политической ордена Ленина академии Красной армии имени В. И. Ленина в изучении курса истории международных отношений. Материал сборника даст слушателю возможность ознакомиться с некоторым количеством источников — преимущественно дипломатических документов.

Ознакомление с дипломатическими документами имеет троякое значение. Во-первых, документ гораздо ближе, непосредственнее знакомит с историческими фактами, нежели самое лучшее историческое повествование. Документ — это непосредственный остаток эпохи, частица событий прошлого.

Во-вторых, слушатель должен иметь некоторое представление, откуда черпает историческая наука свои знания о прошлом. Для истории международных отношений дипломатический документ является главным источником этого знания.

В-третьих, дипломатические документы и в прошлом и сейчас пишутся весьма условным языком.

Товарищ Сталин, характеризуя буржуазную дипломатию, указывал: «Когда буржуазные дипломаты готовят войну, они начинают усиленно кричать о «мире» и «дружественных отношениях». Если какой-нибудь министр иностранных дел начинает распинаться за «конференцию мира», то так и знайте, что его «правительство» уже отдало заказ на новые дредноуты и монопланы».

Говоря о буржуазных дипломатах, товарищ Сталин писал, что у них «слово должно расходиться с делом, иначе какой же он дипломат. Слово — это одно, дело — совершенно другое. Хорошие слова — маска для скверных дел. Искренний дипломат — это сухая вода, деревянное железо» [1].

Чтобы суметь за словесной шумихой дипломатических формул понять истинный смысл того или иного договора, ноты, посольского донесения, слушатель должен всегда помнить эти указания товарища Сталина.

Дипломатические документы бывают нескольких видов: а) международные договоры (мирные и союзные, консультативные пакты, до-

[1] Сталин, Выборы в Петербурге, «Социал-демократ», вып. 4, М., Партиздат, 1934 г., стр. 144.

говоры о нейтралитете и проч.); б) ноты, т. е. официальные сообщения одного правительства другому; в) дипломатические донесения послов и посланников министрам; г) инструкции, которые министр дает послам и т. д. В сборнике имеются образцы всех этих типов документов.

Выше мы заметили, что дипломатический документ является главным из тех источников, на основе которых историк международных отношений восстанавливает факты прошлой международной борьбы. Это главный вид источников, но далеко не единственный. Вот почему составители включили в сборник несколько отрывков из дневников (например, Хауза, Палеолога) и мемуаров — Бюлова, Тирпица и др. (помещенная в главе I записка Шувалова о Берлинском конгрессе по сути дела тоже носит мемуарный характер).

Мемуары — это вид исторического источника, требующий к себе особо критического подхода. Вряд ли удастся отыскать много политических деятелей, которые писали бы свои воспоминания с исключительной целью объективно поведать о том, что им случилось видеть и слышать в своей жизни. Почти всегда мемуары пишутся, чтобы оправдать деятельность их автора. Отсюда, понятно, для мемуариста большой соблазн одни факты скрыть, другие раздуть, а третьи — просто выдумать. Все мемуары тенденциозны. В них, конечно, можно почерпнуть немало интересного, в особенности, если автор их действительно стоял в центре событий. Но вместе с тем, в них обычно бывает масса лжи, которую историк должен распознать и отбросить.

Гораздо бóльшую ценность представляют дневники. Дневник пишется автором обычно для себя; мемуары пишутся для публики. Дневник пишется по свежим следам событий, мемуары — много времени спустя. Ясно, что дневник для историка много ценнее мемуаров. Но, конечно, при условии, что это в самом деле дневник, а не мемуары, написанные много лет спустя, которым автор для большего правдоподобия придал форму дневника, написанного якобы в дни описываемых событий. Очень часто в капиталистических странах дневники искажают издатели: одно выбросят, другое дополнят.

Важное значение в качестве источника имеют газетные статьи и корреспонденции, речи политических деятелей, парламентские прения и т. п. Нужно только помнить, что буржуазная печать вовсе не ставит своей задачей сообщать своим читателям, как на самом деле происходило то или иное дело. Она подает читателям факты не такими, какими они были в действительности, а такими, какими, по мнению редактора газеты, их должна представлять себе широкая публика. Поэтому из газетных материалов историк международных отношений мало что узнает о том, как происходили события на самом деле. Он узнает только то, как данная газета, а значит и стоящие за нею классовые группировки, эти события оценивают. Не столько сами дипломатические события, сколько взгляды на них тех или иных общественных групп — вот в чем значение газеты как источника по истории международных отношений. Приблизительно то же самое следует сказать и о публичных выступлениях политических деятелей.

Сборник разбит на главы применительно к действующей в Академии программе по курсу истории международных отношений.

Глава I охватывает международные отношения 70—90-х гг. Основное содержание международной борьбы этого времени — это создание в

Европе двух враждебных политических группировок: тройственного союза и франко-русского союза.

В это же самое время идет ожесточенная борьба за раздел оставшихся «свободных» колониальных территорий. По этой линии сборник сознательно довольствуется весьма немногочисленными документами, ибо документы по колониальной политике могли бы составить особый сборник.

Глава II сборника дает некоторые материалы по возникновению англо-германского антагонизма. Для облегчения понимания исторических документов составители предпослали им отрывок из статьи советского историка относительно англо-германских противоречий. В соответствии с программой в эту главу отнесены и документы по дальневосточному вопросу с 1900 по 1902 г., а также включены материалы по англо-японскому союзу.

Глава III посвящена русско-японской войне и возникновению Антанты. Сюда входят документы, касающиеся отрыва Италии от Тройственного союза и ее постепенного перехода в англо-французский лагерь. Далее в эту главу входят материалы по самой «Антанте», т. е. англо-французскому соглашению от 8 апреля 1904 г. Самый этот документ любопытен, между прочим, тем, что в той его части, которая предназначалась для немедленного опубликования, говорятся вещи, прямо противоположные тому, что было изложено в секретном приложении к этому соглашению. В публичной части говорится о намерении не нарушать status quo (т. е. существующее положение) в Марокко и Египте, а в секретной части как раз обсуждается, как это status quo нарушить: хороший пример лживости буржуазной дипломатии. В эту главу входят также документы по русско-японской войне. Дан текст Портсмутского мирного договора и документы по переговорам о русско-германском союзе, которые велись в годы русско-японской войны. Далее следуют документы по марокканскому кризису 1905—1906 гг. Весьма интересны записки Эйра Кроу; самый факт составления таких документов в английском министерстве иностранных дел свидетельствует о крайнем обострении, которого достигли англо-германские противоречия. Главу завершает англо-русское соглашение 1907 г.

Глава IV в соответствии с программой содержит материалы по истории международных отношений в 1908—1914 гг., когда нарастало обострение международного положения, приведшее в конце концов к мировой империалистической войне. В эту главу входят материалы по следующим вопросам:

1) боснийский кризис 1908—1909 гг.; 2) русско-итальянское соглашение 1909 г.; 3) так называемый Казабланкский инцидент; 4) потсдамские переговоры; 5) вопрос о проливах (в связи с обострением этого вопроса в 1908—1914 гг.); 6) марокканский кризис 1911 г.; 7) некоторые материалы по итало-турецкой войне; 8) балканский блок и 1-я и 2-я балканские войны; 9) документы, характеризующие положение на Дальнем Востоке с 1906 по 1914 г.

Глава V касается подготовки к войне 1914—1918 гг. Составители сочли целесообразным привести здесь ценный отрывок из книги Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг.».

Далее идут документы из дипломатической переписки того времени, рисующие рост вооружений и прочую подготовку к войне. Особого вни-

мания заслуживают письма, которыми в конце 1912 г. обменялись британский министр иностранных дел с французским послом в Англии. Заканчивается эта глава довольно большим разделом об июльском кризисе 1914 г.

Глава VI содержит материалы, характеризующие дипломатическую борьбу в годы первой мировой империалистической войны. Им предпослан краткий сводный обзор хода военных действий 1914—1918 гг. Этот обзор облегчает изучение помещенных в этой главе документов и иных источников.

Сборник специально и исключительно рассчитан на потребности слушателей Академии.

В. Хвостов

I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 70—90 гг. XIX в.

№ 1. ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ ПРЕЛИМИНАРИИ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ВЕРСАЛЕ 26 февраля 1871 года

(Уполномоченные: Франции—Тьер и Жюль Фавр, Германии—Бисмарк, Баварии—Брай-Штейбург, Вюртемберга—Вехтер, Бадена—Жолли).

Ст. 1. Франция отказывается в пользу Германской империи от всех прав и притязаний на территории, расположенные к востоку от описанной ниже границы (следует описание восточной границы Эльзаса и Лотарингии). Германская империя будет владеть этими территориями на полных правах суверенитета и собственности вечно...

Ст. 2. Франция уплатит его величеству императору германскому сумму в пять миллиардов франков. В течение 1871 года будет иметь место уплата, по крайней мере, одного миллиарда франков, уплата же остатка должна последовать в течение трех лет со дня ратификации настоящего договора.

Ст. 3. Эвакуация французских территорий, занятых германскими войсками, начнется после ратификации заседающим в Бордо Национальным Собранием настоящего договора. Немедленно после этой ратификации германские войска покинут город Париж, а также форты, находящиеся на левом берегу Сены, и в кратчайший срок... они эвакуируют (четырнадцать департаментов)... до левого берега Сены. Французские войска одновременно отступят за Луару, которую они не могут перейти обратно до подписания окончательного мирного договора... Эвакуация германскими войсками департаментов, расположенных между правым берегом Сены и восточной границей, будет происходить после ратификации окончательного мирного договора и по мере выплаты первого полумиллиарда контрибуции. После уплаты двух миллиардов германская оккупация останется лишь в (семи восточных департаментах)..., которые останутся залогом за три оставшиеся миллиарда и где число германских войск не будет превышать 50 000 человек. Его величество император будет расположен заменить территориальную гарантию... гарантией финансовой на условиях, отвечающих интересам Германии.

3 миллиарда, уплата коих отсрочена, будут оплачены из расчета 5% годовых со дня ратификации настоящей конвенции.

Ст. 4. Германские войска воздержатся в оккупированных департаментах от реквизиции... Продовольствие германских войск... будет происходить за счет французского правительства в размере, условленном по соглашению с германским военным интендантством.

Ст. 5. Интересы жителей уступленных Францией территорий в отношении их торговли и их гражданских прав будут урегулированы при установлении условий окончательного мира наиболее благоприятным, по мере возможности, образом. В этих целях будет установлен промежуток времени, в течение которого они будут пользоваться для обмена своими продуктами особыми льготами. Германское правительство не будет делать никаких препятствий свободному выезду жителей уступленных территорий и не может принимать против них никаких мер, затрагивающих их личность или их имущество.

Ст. 8. После заключения и ратификации окончательного мирного договора, управление теми департаментами, которые еще должны оставаться занятыми германскими войсками, будет передано французским властям; но последние будут обязаны руководствоваться теми приказаниями, которые командующие германскими войсками сочтут нужным дать в интересах безопасности, содержания и распределения войсковых частей (troupes). В оккупированных местностях налоги будут поступать французскому правительству и взиматься посредством его (фр. пр-ва) агентов.

Ст. 9. Условлено, что настоящий акт не может дать германской военной власти никаких прав на те части территории, которые ими ныне не оккупированы...

(«Международная политика новейшего времени в договорах», ч. I, док. 202; перевод сверен и исправлен по Documents diplomatiques français 1871 — 1914; 1-re série, t. I, p. 1—5).

№ 2. ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ВО ФРАНКФУРТЕ-на-МАЙНЕ 10 мая 1871 года

(Уполномоченные: Франции—Жюль-Фавр, Пуйэ-Кертье и Гуляр, Германии—Бисмарк и Арним).

Ст. 7. Уплата 500 миллионов будет иметь место в течение 30 дней после восстановления власти французского правительства в Париже. Миллиард будет уплачен в течение года и полмиллиарда — к 1 мая 1872 года. Три последних миллиарда предстоит уплатить 2 марта 1874 года. Считая с 2 марта текущего года, проценты с этих трех миллиардов франков будут уплачиваться каждый год 3 марта из расчета 5% годовых... Так как германское правительство определило стоимость прусского талера во Франции в 3 франка 75 сантимов, то французское правительство принимает валютную конверсию — взаимоотношение валют обеих сторон по вышеуказанному расчету.

Французское правительство будет уведомлять германское правительство за три месяца вперед обо всех платежах, которые оно намеревается сделать в кассы Германской империи...

Ст. 8. Германские войска будут попрежнему воздерживаться в оккупированных территориях от совершения реквизиций в натуре и в деньгах. Так как это обязательство их находится в связи с взятием на себя французским правительством обязательства содержать германские войска...,

то в случае, если несмотря на повторные требования германского правительства французское правительство замедлило бы выполнением сказанных обязательств, германские войска будут иметь право доставать себе необходимое путем обложения и реквизиций в оккупированных областях и даже вне их, если на местах средства окажутся недостаточными.

Ст. 11. ...Французское правительство и германское правительство примут за основу своих торговых сношений режим взаимного предоставления прав наиболее благоприятствуемой нации... (Право французского правительства устанавливать для германских судов потонные и корабельные сборы, не превышающие сбора с судов наиболее благоприятствуемой нации).

Ст. 12. Все изгнанные немцы сохраняют полное и безусловное распоряжение всем приобретенным ими во Франции имуществом...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 204—205. Док. 205).

№ 3. БИСМАРК О НЕИЗБЕЖНОСТИ НОВОЙ ВОЙНЫ С ФРАНЦИЕЙ

Из письма де Габриака, поверенного в делах Франции в Берлине, министру иностранных дел де Ремюза, 14 августа 1871 г.

...Когда я выразил уверенность в улучшении отношений между нашими двумя странами, ввиду потребности обеих стран в поддержании мира, имперский канцлер сказал мне, что он счастлив слышать от меня подобное заявление, но, к сожалению, не верит, чтобы Франция искренне желала мира. Состояние общественного мнения, позиция прессы, недостаточная твердость выступлений правительства в пользу поддержания хороших отношений между двумя странами,— все это, как ему кажется, указывает на то, что мы желали бы вскоре взять реванш...

«...Сказать по правде (продолжал Бисмарк. — Ред.), я не думаю, чтобы вы желали в настоящее время прервать существующее перемирие: вы уплатите нам два миллиарда, но в 1874 г., когда нужно будет платить остальные три, вы объявите нам войну. Итак, вы понимаете, что раз вы обязательно возобновите войну, то для нас лучше, чтобы это случилось раньше, чем позже. Подождите 10 лет и начинайте тогда снова, если у вас к этому лежит сердце. До тех пор это было бы для вас самоубийством, но это ваше дело. У меня нет сомнений в том, что с нашей стороны было абсурдом отнять у вас Метц, который является французским городом. Я не хотел оставлять его за Германией. Генеральный штаб запросил меня, могу ли я гарантировать, что Франция не будет стремиться к реваншу. Я ответил, что напротив, я уверен, что она это сделает и что эта война будет первой из тех, которые вспыхнут между Германией и Францией, и что за ней последует ряд других. При таком положении вещей, ответили мне, Метц является прикрытием, за которым Франция может поместить сто тысяч человек. Мы должны были его удержать. То же я могу сказать об Эльзасе и Лотарингии. То что мы отняли их у вас было бы ошибкой с нашей стороны, если бы миру суждено было быть длительным, так как для нас эти провинции являются обузой. «Своего рода — Польша,— прибавил я,— за которой стоит Франция». «Да,— ответил канцлер,— Польша, за которой стоит Франция». «Ваши слова,— ответил я князю Бисмарку,— убеждают меня, что мы логичнее вас. Вы подписали мир, но ваш язык — это язык войны. Что

же касается нас, то мы подписали мир и мы — вопреки вашим обвинениям — придерживаемся мира в нашей политике».

(Documents diplomatiques français (1871—1914), sér. 1, t. I. Paris, 1929, № 42, p. 62).

№ 4. ВОЕННАЯ КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ 6 мая 1873 г.

Его величество император всероссийский и его величество германский император, желая воплотить на практике ту идею, которая руководит их сердечным согласием, т. е. упрочить господствующий ныне в Европе мир и удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить, уполномочили своих фельдмаршалов, графов Берга и Мольтке, к заключению нижеследующей военной конвенции:

1. Если какая-либо европейская держава напала бы на одну из двух империй, то последняя в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из двух сот тысяч человек боеспособного войска.

2. Эта военная конвенция проникнута духом, не имеющим в себе ничего враждебного ни к какой нации и ни к какому правительству.

3. Если одна из двух договаривающихся сторон пожелала бы прекратить настоящую военную конвенцию, она обязуется изъявить таковое желание за два года (24 месяца) до того времени, с коего конвенция будет считаться уничтоженной, чтобы дать другой стороне время принять те меры, какие окажутся ей удобными.

Заключена в С.-Петербурге 24 апреля — 6 мая 1873 г.

Гр. Берг. *Гр. Мольтке.*

Мы подтверждаем
сего 24 апреля — 6 мая 1873.

Александр. *Вильгельм.*

ПРИБАВЛЕНИЕ К ВОЕННОЙ КОНВЕНЦИИ, ЗАКЛЮЧЕННОЙ в С.-ПЕТЕРБУРГЕ сего 24 апреля — 6 мая 1873 г.

Нижеподписавшиеся фельдмаршалы, подписывая военную конвенцию, заключенную ныне, согласились относительно того условия, что, начиная с того дня, когда вспомогательное войско перейдет границу своего отечества, расходы на прокорм людей и лошадей и на содержание госпиталей будут производиться за счет державы, получающей помощь.

С.-Петербург, сего 24 апреля — 6 мая 1873 г.

Гр. Берг. *Гр. Мольтке.*

Мы подтверждаем

Александр. *Вильгельм.*

(Русско-германские отношения, 1873—1914. М., Центрархив, 1922, стр. 29).

№ 5. РУССКО-АВСТРИЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 6 июня 1873 г.

Его величество император всероссийский и его величество император австрийский, король венгерский, желая осуществить на практике ту идею, которая руководит их сердечным согласием, имея целью упро-

чить мир, господствующий ныне в Европе, и душевно желая удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить, убежденные, что эта цель наилучше может быть достигнута лишь прямым и личным соглашением между государями, соглашением независимым от перемен, какие могли бы произойти в среде их правительств, единогласно установили следующие пункты:

1. Их величества обещают друг другу, даже когда в требованиях интересов их государств окажется некоторое разногласие по поводу частных вопросов, сговориться так, чтобы эти разногласия не могли одержать верх над соображениями высшего порядка, какими они озабочены. Между их величествами решено не допускать, чтобы кому-либо удалось разлучить их на почве принципов, считаемых ими за единственно способные обеспечить и, если нужно, силою поддержать европейский мир при всяких потрясениях, откуда бы таковые ни проистекали.

2. На тот случай если бы нападение со стороны третьей державы грозило нарушить европейский мир, их величества взаимно обязуются, не ища и не заключая новых союзов, сначала сговориться между собою, чтобы согласиться насчет образа действий, какого следует держаться сообща.

3. Если бы вследствие сего соглашения явилась необходимость в военных действиях, таковые должны сообразоваться с особою конвенцией, которую предстоит заключить их величествам.

4. Если бы одна из высоких договаривающихся сторон, стремясь вернуть себе полную независимость действий, пожелала расторгнуть сей договор, то она обязуется предупредить о том за 2 года, чтобы дать другой стороне время принять меры, какие та найдет удобными.

(Шенбрун, 25 мая — 6 июня, 1873).

Александр. *Франц-Иосиф.*

(Русско-германские отношения, 1873—1914, М., Центрархив, 1922, стр. 31).

№ 6. АКТ О ПРИСОЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ К РУССКО-АВСТРИЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ 25 мая — 6 июня 1873 г., 23 октября 1873 г.

Его величество император всероссийский и

его величество император австрийский, король венгерский, желая осуществить на практике ту идею, которая руководит их сердечным согласием,

имея целью упрочить мир, господствующий ныне в Европе, и душевно желая удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить,

убежденные, что эта цель наилучше может быть достигнута лишь прямым и личным соглашением между государями, соглашением независимым от перемен, какие могли бы произойти в среде их правительств, единогласно установили следующие пункты:

I

Их величества обещают друг другу, даже когда в требованиях интересов их государств окажется некоторое разногласие по поводу частных вопросов, сговориться так, чтобы эти разногласия не могли одержать верх над соображениями высшего порядка, какими они озабочены. Между их величествами решено не допускать, чтобы кому-либо удалось

разлучить их на почве принципов, считаемых ими за единственно способные обеспечить и, если нужно, силою поддержать европейский мир при всяких потрясениях, откуда бы таковые ни проистекали.

II

На тот случай, если бы нападение со стороны третьей державы грозило нарушить европейский мир, их величества взаимно обязуются, не ища и не заключая новых союзов, сначала сговориться между собою, чтобы согласиться насчет образа действий, какого следует держаться сообща.

III

Если бы вследствие сего соглашения явилась необходимость в военных действиях, таковые должны сообразоваться с особою конвенцией, которую предстоит заключить их величествам.

IV

Если бы одна из высоких договаривающихся сторон, стремясь вернуть себе полную независимость действий, пожелала расторгнуть сей договор, то она обязуется предупредить о том за два года, чтобы дать другой стороне время принять меры, какие та найдет удобными.

Шенбрун. 25 мая — 6 июня 1873 г.

Франц-Иосиф. *Александр.*

Его величество император Германии, принявши к сведению вышеизложенный договор, составленный и подписанный в Шенбруне императором австрийским, королем венгерским и императором всероссийским, и находя содержание его соответствующим той идее, которая положена в основу соглашения, подписанного в Петербурге между их величествами императором Вильгельмом и императором Александром, согласен во всем с теми условиями, которые в него внесены.

Их величества император и король Франц-Иосиф и император и король Вильгельм, одобряя и подписывая этот акт присоединения, доведут его до сведения императора Александра.

Шенбрун. 23 октября 1873 г.

Франц-Иосиф. *Вильгельм.*

(Русско-германские отношения, 1873—1914, М., Центрархив, 1922, стр. 33, 35).

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ КРИЗИС 1875 г.[1]

№ 7. ДЕПЕША ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 14 (2) апреля 1875 г.

Господин канцлер,

В германской прессе только что имели место выступления, произведшие сенсацию и вызвавшие сильное волнение, так как они внезапно

[1] Военная тревога весной 1875 г. возникла в связи с рядом мероприятий Бисмарка, направленных против Франции: тревожных статей в прессе, указа от 4 марта 1875 г. о запрещении вывоза лошадей и проч. По поводу этого указа сам Бисмарк заявил русскому послу следующее: «Вообще, указ, запрещающий вывоз лошадей — это мероприятие, которое пахнет порохом, но это не относится к настоящему случаю».

обнаружили неожиданные опасности, которые все считали очень отдаленными.

Кампанию начала «Кельнская газета», поместив корреспонденцию, исходившую из Вены, но очевидно инспирированную из Берлина. Эта корреспонденция, обсуждая положение гр. Андраши, подробно остановилась на более или менее успешно ведущейся австрийскими военными и ультрамонтанскими кругами работе, направленной к низвержению этого министра и к образованию антипрусской лиги в составе Австрии, Италии и Франции.

Эта корреспонденция, которую я имею честь при сем приложить, относилась к свиданию в Венеции и к его возможным последствиям.

Отвечая на это письмо, Берлинская газета „Post", связь которой с пресс-бюро ни для кого не секрет, ставит себе вопрос: «Имеется ли в виду война?!» („Ist der Krieg in Sicht?!").

Отвергая неизбежность опасности, газета все же сильно подчеркивает мрачную окраску политического горизонта, возлагая за это вину на Францию, которая закупкой лошадей дала Германии повод к запрещению вывоза лошадей, провела чрезмерное увеличение состава своей армии, и, наконец, в лице своей прессы с ликованием приветствовала свидание в Венеции. В заключение „Post" говорит, что война была совсем близка, но что тем не менее собравшиеся тучи начинают уже рассеиваться. Газета прибавляет, что в ее намерения не входило волновать умы в Германии, но она все же не считала возможным оставлять их в неизвестности относительно опасностей настоящего положения.

Эти статьи произвели огромный шум, длившийся в течение одного или двух дней и до сих пор не совсем улегшийся. Публика, вообще мало осведомленная, охотно верит, что нет дыма без огня. К тому же самый характер газет, выражавших такие настроения, способствовал волнению.

«Северная Немецкая Газета», признанный орган имперского канцлера, в свою очередь явилась показателем впечатления, произведенного этими статьями в правительственных кругах. Считаю долгом приложить к сему ее статью от 11 числа с. м.

Соображения „Post" оцениваются там, как преувеличенные. Они не вполне верно изображают политическое и дипломатическое положение Германии, но они, однако, дают точные подробности относительно всего, что касается Франции. Ее военные мероприятия способны скорее внушить опасения. Реорганизация ее армии не носит последовательного характера, но предпринята ad hoc с целью, которая не может ускользнуть от проницательного взора. Что касается проповедуемой ультрамонтанами возможности австро-итальянского союза, то взаимоотношения Германии с этими двумя державами не могут пострадать от тлетворной деятельности ультрамонтанской партии.

Таково содержание, г-н канцлер, этих уточнений. Успокаивая относительно позиции Германии, они подтверждают те опасности, к которым может привести применяемая в настоящее время система реорганизации вооруженных сил Франции.

Любопытно, что эти последние соображения официозной газеты вполне совпадают с изложенными в моем донесении от 2 марта (18 февраля) с. г. высказываниями кн. Бисмарка, когда он предупреждал меня о запретительных мерах, которые германское правительство собирается принять против вывоза лошадей.

Это совпадение не оставляет никакого сомнения насчет происхождения той кампании, которую ведет в настоящее время инспирируемая германским канцлером пресса. Гораздо труднее разгадать цель этих инсинуаций. Быть может они предназначены для того, чтобы уведомить французов о впечатлении, производимом здесь их военными мероприятиями, и в то же время предупредить Германию, что час новых испытаний может быть более близок, чем она думает и чем она это желает.

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 118—119).

№ 8. ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВА ПОСЛУ В БЕРЛИНЕ УБРИ, 18 (6) апреля 1875 г.

Только что узнал, что император отправляет фельдъегеря Соколова в Лондон. Пользуюсь его проездом через Берлин, чтобы отправить вам почту.

Я с особым удовлетворением повторяю то, что я вам сообщил в сегодняшней телеграмме, а именно, что император с живейшим интересом читал вашу последнюю почту и сделал на ней несколько собственноручных пометок. Я прикажу литографировать только небольшую часть ваших депеш,— ни одной из тех, которые имеют конфиденциальный и секретный характер.

Я питаю некоторую надежду, что предстоящее наше пребывание в Берлине окажет доброе влияние в отношении умиротворения настроений. Император решил с полной откровенностью объясниться с императором Вильгельмом и с кронпринцем. Я внесу свою лепту в моих беседах с кн. Бисмарком.

Демаркационная линия, которую мы стремимся установить, будет заключаться в том, что, оставаясь добрыми друзьями и верными союзниками, мы никогда не возьмем роль соучастника в случае, если пойдут по путям, которые не являются нашими. Мы постараемся не дать почувствовать г-ну Бисмарку, что его лихорадочное беспокойство не увеличило число его сторонников. Нашему августейшему монарху особенно не нравится, что идущие отовсюду провокации и подстрекательства находятся в резком противоречии с великой целью, с глубочайшим убеждением преследуемой императором, а именно — с делом сохранения всеобщего мира.

Я только намечаю мысль, которую мы углубим в личных беседах. Само собою разумеется, что то малое, что я вам сейчас сообщаю, должно строго сохраняться как лично вам сделанная информация.

Горчаков.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 119—120).

№ 9. ДЕПЕША ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 20 (8) апреля 1875 г.

Г-н канцлер,

Возвратившийся два дня тому назад из Парижа виконт Гонто Бирон посетил меня вчера. Он имел с г-ном Бюловым продолжительную беседу, сущность которой он мне передал.

Он дал статс-секретарю самые положительные разъяснения относительно закона о кадрах, неправильно истолкованного в Берлине.

Его здесь рисуют в преувеличенном виде. Потребовались бы годы для осуществления этого закона; до сих пор ничего не сделано.

К тому же во Франции все настроены миролюбиво. После перенесенных тяжких испытаний никто не хочет войны. Европа хочет мира. Франция это знает и разделяет это желание. Как она могла бы в ее настоящем состоянии думать о том, чтобы напасть на Германию и на ее армию? Это было бы безумием [1]; Франция об этом не помышляет. Все усилия во Франции направлены только к развитию возрождающихся там торговли и промышленности, а также к залечиванию ран прошлого.

На эти высказывания г-на Гонто статс-секретарь ответил, что положение ему представляется спокойным и удовлетворительным и что он ни с какой стороны не видит туч.

На вопрос моего французского коллеги,— в каком положении находится дело с бельгийским инцидентом, г-н Бюлов ответил, что берлинский кабинет только что ответил на февральскую ноту. Ответ носил академический характер и положил конец спорам обоих правительств.

Французский посол не виделся с кн. Бисмарком. Он глубоко сожалеет [2], что германский канцлер неосновательно возбуждает волнения, приписывая с не совсем понятной целью другим державам задние мысли, которых у них нет. А между тем эти волнения повторяются каждые три месяца с периодичностью, прискорбной для положения и благоденствия Европы. Хорошо осведомленные лица приписывают их охватывающей иногда князя Бисмарка озабоченности о своей личной безопасности.

Я оспариваю эту последнюю теорию, на мой взгляд не имеющую достаточных оснований, но я не скрыл от своего французского коллеги, что та изолированность, в которой пребывает германский канцлер и которая лишает его всякого дипломатического обмена мыслями, делает его, быть может, слишком восприимчивым к получаемым им донесениям, ценность которых он не всегда может таким образом проверить.

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 120—121).

№ 10. ДЕПЕША ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 20 (8) апреля 1875 г.

Господин канцлер,

Барон Нотомб имел случай повидаться с кн. Бисмарком в связи с все еще неразрешенными разногласиями между Германией и Бельгией. Он доверил мне результат их беседы.

Кн. Бисмарк изложил свою точку зрения в духе ответа, который берлинский кабинет дал в феврале т. г. бельгийскому. По его мнению, правительства должны оказывать друг другу взаимную помощь. Сношения между странами сделались теперь слишком частыми, чтобы могло быть иначе. Поэтому газеты и подданные одной страны не вправе осуждать действия соседней дружественной страны. Они должны ограничиваться обсуждением действий своей собственной страны.

---

[1] Пометка Александра II: «Да, конечно».

[2] Пометка Александра II: «И мы также».

В идее такой взаимопомощи и в том, как кн. Бисмарк расширяет вопрос, барон Нотомб видит заднюю мысль канцлера вызвать этим путем обсуждение итальянского закона о гарантиях.

Взаимопомощь требует изменений в действующем законодательстве. В уголовных кодексах в этом отношении имеются пробелы. Угроза совершить покушение не наказуема; действующие уголовные законодательства не предусматривают такого случая. Это надо исправить, чтобы заполнить существующий пробел.

«Англия,— заметил между прочим кн. Бисмарк,— имеет закон...[1] Россия вооружена своими учреждениями. Больше мне нечего от них желать. Но другие страны должны будут выполнить это опущение в своих уголовных законах».

Так как и в германском законодательстве не содержится подобных постановлений, то германское имперское правительство только что снеслось по этому поводу с союзными германскими правительствами. Эта законодательная работа потребует времени.

На вопрос барона Нотомба, должна ли все-таки Бельгия взять на себя почин, кн. Бисмарк ответил, что такое требование с его стороны было бы неразумно. Бельгия располагает еще временем и может выждать. Пример должна подать Германия.

«Но если наши законоведы не согласятся с этими принципами международного и уголовного права,— заметил барон Нотомб,— что вы тогда предпримите?».

«Ничего,— ответил канцлер,— мы никому не угрожаем, но в интересах наших взаимоотношений мы не перестанем этого требовать от вас».

Барон Нотомб поспешил написать своему правительству, что оно располагает достаточным временем, чтобы обдуманно принять свои решения. Но кн. Бисмарк так ставит вопрос и настолько расширяет его значение, что он приобретает неожиданные размеры, ибо речь идет не более и не менее, как об изменениях, которые все государства должны внести в свои законодательства.

Касаясь дела Дюшена, лежащего в основе всех его домогательств, кн. Бисмарк заметил, что ему представляется непостижимым, чтобы человек не подлежал наказанию за угрозу совершить преступление и чтобы надо было ждать, пока он выстрелит в вас для признания его наказуемости. Очевидно, в действующих законах есть пробел. В самой Пруссии эти мероприятия не смогут быть подвергнуты обсуждению раньше ближайшего января. Таким образом, на деле этот вопрос становится весьма затяжным.

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 120—122).

№ 11. ПИСЬМО ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 20 (8) апреля 1875 г.

В своем разговоре с бароном Нотомбом князь Бисмарк коснулся воинственных статей этих последних дней.

Он отметил, что Франция создает армию, размеры которой превышают средства страны. По мирному положению армия равна 700 тыс.

[1] Во французском подлиннике пропуск.

человек. Несмотря на материальное благосостояние, Франция не в состоянии будет выдержать подобного положения в течение даже двух лет. Очевидно, у нее есть задняя мысль, и она замышляет что-то предпринять в течение этого времени. В противном случае ее действия противоречат здравому смыслу.

Барон Нотомб возразил, что Франция не может иметь подобных замыслов, так как у нее нет ни достаточной армии, ни офицеров, ни достаточного оборудования, ни линий обороны, которые находятся в руках немцев.

Имперский канцлер отклонил эти возражения. Он подчеркнул при этом, что проход через Бельгию открыт для французской армии и что вероятно она туда и двинется.

Мне известно, господин канцлер, что князь Бисмарк недавно уже высказывал эту мысль в беседе с кронпринцем, чем очень взволновал его высочество.

«Во всяком случае,— заметил в заключение германский канцлер моему бельгийскому коллеге, — пресса оказала большую услугу, забив тревогу относительно военных вооружений Франции и вытекающей отсюда опасности.

Французское правительство знает теперь, что за его действиями следят. Оно вынуждено сократить свои мероприятия или дать им объяснения».

Барон Нотомб не решился сказать, что шум, поднятый прессой, уже привел к огромным потерям, и что это отражается на промышленности и торговле, особенно в момент обычных весенних заказов и сделок.

Действительно, напуганные промышленники заключают теперь сделки не свыше чем на шестинедельный срок.

Барон Нотомб слишком хорошо однако знал происхождение всех выступлений прессы для того, чтобы говорить об этих печальных результатах с германским канцлером.

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 123).

№ 12. ПИСЬМО ПОСЛА В ПАРИЖЕ ГРАФА ОРЛОВА К МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 29 (17) апреля 1875 г.

Князь,

Я своевременно получил дружеское письмо вашего сиятельства, переданное через г-на Штандтмана и датированное 23/11 апреля.

В настоящее время французское правительство возлагает все надежды на благожелательность нашего августейшего монарха. Его голос пользуется большим влиянием в Берлине, — это там единственный влиятельный голос. Вот почему маршал Мак-Магон и его министры верят только в великодушное и миролюбивое заступничество императора.

Ваше пребывание в Берлине рассматривается как счастливое предзнаменование и как признак мира.

Бисмарк успел провести не мало государственных людей, но вас обмануть ему до сих пор не удалось. Об этом в Париже знают и это успокаивает множество опасений.

Дело в том, что для беспокойства есть достаточно оснований и угрожающие тучи еще не рассеялись.

Вот как я рассматриваю теперешнее положение кн. Бисмарка. Он борется с неуловимым врагом. Он чувствует, что ожесточенными преследованиями он не только не ослабляет клерикализма, но способствует его укреплению, но его надменный характер не позволяет ему отступить.

Он бьет по папству, но был бы рад, если бы для его ударов представилось нечто более осязательное. Это нечто ему теперь представляется. Это — Франция. Бисмарк себе говорит, что Франция может возродиться из пепла, что в один прекрасный день она может найти себе союзников, и рассуждает при этом приблизительно так, как рассуждал Катон между второй и третьей пунической войной. «Карфаген надо разрушить»,— твердил римский цензор. «Францию надо задушить»,— говорит себе германский канцлер.

Он знает, что война была бы для него легкой. Мец и Страсбург теперь являются богато снабженными арсеналами. Достаточно пятнадцати дней, чтобы привести пятьсот тысяч германцев под стены Парижа. Опыт доказал, что Париж можно было бы бомбардировать, не прибегая к его осаде; достаточно двух недель, чтобы разрушить город. Шесть других недель превратили бы пруссаков в хозяев двух третей Франции.

Тогда наступил бы час расплаты для Франции. Германия забрала бы себе небольшую территорию, но наложила бы на Францию многомиллиардную контрибуцию, разложив ее выплату на двадцать или двадцать пять леть. В продолжение этого долгого срока на французской земле была бы расквартирована сильная армия и фактически Франция в течение четверти века оставалась бы абсолютным вассалом Германии.

Этот план, полагаю, существует у Бисмарка в голове [1]. На первый взгляд он представляется бессмысленным, но сколько бессмысленных планов созревало в головах людей, наиболее смелые комбинации которых увенчивались успехом.

История изобилует подобными примерами. Петр Великий по окончании борьбы с Карлом XII мечтал о завоевании Мадагаскара. Он вовремя остановился, но ведь это был гений. Гений ли Бисмарк? Одно только будущее сможет ответить на это.

Как бы то ни было, господь внушит нашему августейшему монарху слова примирения и мира [2].

Вам также, повторяю, придется играть прекрасную, но очень трудную роль. Да вдохновит и поддержит вас бог.

Орлов.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 123—124).

№ 13. ИЗ ДЕПЕШИ ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 2 мая (20 апреля) 1875 г.

Г-н канцлер,

Вчера граф Карольи беседовал со мною весьма непринужденно против своего обыкновения о теперешнем положении...

Мой австро-венгерский коллега передал мне, что по формальному распоряжению своего правительства он утром побывал у кн. Бисмарка.

[1] Пометка Александра II: «Я этого не думаю».
[2] Пометка Александра II: «Надеюсь».

Германский канцлер был вполне спокоен и отвергал какую бы то ни было причастность свою к статье в „Post“, „Ist der Krieg in Sicht“, которая явилась для него не меньшей неожиданностью чем для остальной публики. Кн. Бисмарк был менее категоричен по отношению к статьям в „Kölnische Zeitung“. Во время беседы германский канцлер возвратился к закону о кадрах и военным мероприятиям французского правительства, могущим внушить опасения Германии.

Мой австро-венгерский коллега имел со мной этот секретный разговор вскоре после обеда, состоявшегося у меня 30 апреля. Граф фон Мольтке был за столом его соседом. Во время обеда фельдмаршал говорил с ним относительно закона о кадрах и новой военной организации во Франции, которая увеличила ее вооруженные силы на 160 тыс. человек; Франция, таким образом, всегда будет иметь под ружьем на это количество больше солдат, нежели Германия. Граф Мольтке подчеркнул неудобства и опасности, вытекающие из такого положения.

Вечером граф Карольи отправил в Вену донесения с отчетом о своей беседе с кн. Бисмарком.

Его заключения сводятся к тому, что положение не является угрожающим, но те мнения, которые высказываются правительственной и компетентной верхушкой Берлина о положении во Франции, могут внушить опасения за будущее. При этих условиях сохранение мира возможно лишь на ограниченный срок и трудно сейчас предвидеть, что может случиться через шесть месяцев или через год...

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 124—125).

№ 14. ПИСЬМО ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 2 мая (20 апреля) 1875 г.

Князь,

В своей сегодняшней почте я имею честь представить вам обзор положения.

Г-н Бюлов находит положение мирным и удовлетворительным. Оно, в самом деле, значительно улучшилось. Газеты успокоились. Их язык сделался более осмотрительным, после того, как они вызвали моменты острой тревоги и причинили чувствительные материальные потери.

Но хотя положение явно улучшилось и не угрожает непосредственными опасностями, породившие тревогу причины продолжают однако существовать. Их надо искать в *стремлении к реваншу*, которое не перестают приписывать Франции, и в опасности, которые охотно связывают с *новой организацией военного дела* в этой стране. К этим двум пунктам беспрестанно возвращаются и в прессе и в интимных беседах.

Откровенный рассказ Карольи о своей беседе с Бисмарком подтвердил эти данные. Позвольте мне подкрепить их еще некоторыми интимными деталями.

Хрептович, проведший здесь несколько дней в интимном общении с императрицей-королевой, был поражен теми разговорами, которые ему приходилось слышать: реванш неминуем, говорили здесь, нападем на Францию, пока она не готова. Хрептович, на которого эти разговоры

произвели сильное впечатление, любезно рассказал мне об этом перед своим отъездом из Берлина.

С другой стороны, я узнал в Бадене от одного из моих друзей, приехавшего из Вероны, лица заслуживающего полного доверия, что кронпринц высказался в том же духе перед графом Пианелли, командующим Веронским военным округом. Принц будто бы отметил, что «война неизбежна, из-за стремления Франции к реваншу».

Эти сведения, полученные из различных интимных источников, свидетельствуют о наличии здесь тайного беспокойства.

Думаю, князь, что вы согласитесь с моей точкой зрения, если я, вопреки утверждениям Бисмарка и Бюлова, выскажу свое убеждение, что встреча кронпринца с Виктором Эммануилом в Неаполе была менее случайна, чем здесь хотели бы в этом уверить[1], и что потворство союзного канцлерства официозным газетам более реально, чем это признал Бисмарк в своей беседе с Карольи. Кейдель несомненно способствовал свиданию в Неаполе, доставив туда письмо императора короля. Очевидно также, что кронпринц имел поручение к итальянскому королю. Быть может он там высказался в том же духе как и в Вероне. Может быть мы об этом узнаем в будущем?

Что касается газет, то их поведение можно объяснить тем, что одним из акционеров состоит министр общественных работ, д-р Ашенбах. Поэтому весьма вероятно, что статья, появившаяся в этой газете и столь взволновавшая общество, не увидела бы света, если бы она не соответствовала видам правительства.

Таким образом, подрывная для мира работа проводилась, вопреки опровержениям, с ведома министерства. Теперь она, к счастью, потеряла свою остроту. Но недовольство, послужившее основанием для нее, продолжает тем не менее существовать, о чем свидетельствуют замечания, сделанные графом Мольтке графу Карольи и статьи в „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", которые я имею честь вам сегодня переслать.

Если к этому недовольству прибавить переписку с Бельгией и то тягостное впечатление, которое она вызвала, то приходится согласиться, что при видимом благополучии истинное положение дела менее чем удовлетворительно.

Оно, по моему скромному мнению, не угрожает непосредственной опасностью, но тем не менее таит в себе серьезные элементы значительных затруднений в будущем.

К тому же вооружения Германии, особенно Пруссии, закончены или находятся накануне своего завершения. Все войска получили ружья Маузера, а артиллерийские орудия нового образца будут введены с 1 июля.

Полное восстановление германской армии будет, таким образом, завершено к этой осени, и во всяком случае не позднее чем к будущей весне. Окончание же военной реорганизации Франции германские газеты приурочивают в 1877 г.

Разница во времени очевидно благоприятствует германской армии, и этим объясняется по крайней мере отчасти то спокойствие, с которым здесь относятся к войне, момент которой установит сама Германия, по своему усмотрению.

---

[1] Пометка Александра II: «Это возможно».

По сведениям из Лондона и Вены, которыми со мной поделились Руссель и Карольи, Франция не в состоянии вступить в борьбу уже сейчас и лишена какой бы то ни было возможности что-либо предпринять. Отсюда ее миролюбивые стремления, которые, по их мнению, опровергают обвинения, высказанные германской печатью. Должен однако признать, что поведение г-на де Гонто и обнаруживаемое им спокойствие несколько противоречат такому, так сказать, полному бессилию, которое приписывают Франции.

Я считал необходимым сообщить вам, князь, эти секретные данные, так как они помогают разобраться в теперешнем положении. Не будучи угрожающим, они содержат однако семена серьезных осложнений в более или менее отдаленном будущем.

При этих условиях намерения императора и его правительства, упомянутые в вашем весьма секретном письме от 18/6 апреля с. г., обусловливаются весьма правильными и великодушными соображениями. Они окажутся истинным благодеянием для Европы.

Но я также подписываюсь обеими руками под вашим, князь, желанием представить эти намерения здесь в таком свете, чтобы не вызвать какой-либо тревоги со стороны так легко чрезмерно возбуждающегося канцлера.

Убри.

P... Один из моих прусских друзей, проведший вечер 30/18 у Бисмарка, застал его утомленным и простуженным, но как нельзя более миролюбивым и мечтающим провести спокойно лето в Варцине. Положение становится, таким образом, все менее и менее напряженным. Думаю, что в этом сказывается уже перспектива предстоящего вашего приезда с императором.

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 125—127).

№ 15. ДЕПЕША ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 3 мая (21 апреля) 1875 г.

Г-н канцлер,

Барон Нотомб ознакомил меня сегодня с ответной нотой бельгийского правительства графу Перпонше. Она датирована 20 апреля и дает утвердительный ответ по всем пунктам, как по специальному делу относительно Дюшена, так и по вопросу, поднятому германским кабинетом, предполагаемого всеобщего пересмотра законодательства. В отношении последнего пункта бельгийское правительство будет однако выжидать, пока не узнает, что будет предпринято в Германии и в других государствах. Я подчеркиваю те слова в бельгийском ответе, которые только заключают в себе некоторую оговорку или истинный смысл которых завуалирован.

Но не в этих домогательствах Германии, а совсем в другом видит барон Нотомб опасность и, по его мнению, чрезвычайно серьезную.

Фельдмаршал Мольтке в беседе с ним о французских военных мероприятиях высказался в тех же выражениях, что и кн. Бисмарк. Германское правительство знает до малейших деталей о военных приготовлениях французского правительства, которые выходят за пределы

и потребностей Франции и средств, которыми она располагает. Закон о кадрах является угрозой, и Германия окажется вынужденной предупредить его осуществление. Война таким образом станет неизбежной, если Франция не ограничит своих вооружений. «Это ужасно (es ist gräßlish),— добавил граф Мольтке,— но из чувства собственного самосохранения мы не можем поступить иначе».

Фельдмаршал жаловался на Англию, которая ничего не предпринимает, и на другие державы, которые не делают никаких попыток, чтобы повлиять на Францию и обратить ее внимание на затруднения, которые могут возникнуть в связи с ее военными приготовлениями. Сам г-н Тьер, якобы, находил, что они чрезмерны. По его мнению, закон 1852 г., будто бы, достаточен.

По сведениям, которыми располагает г-н Нотомб, маршал Мак-Магон не внушает здесь никакого доверия. Ему ставят в вину, что он предоставляет полную свободу партиям. Так он держал себя по отношению к легитимистам и бонапартистам. Так он себя держит теперь по отношению к военной партии.

По сведениям, которые по мнению моего бельгийского коллеги исходят из верного источника, император-король и кронпринц в настоящее время вполне согласны с политикой кн. Бисмарка и целиком разделяют его политические виды.

По этим же сведениям, во время предстоящего пребывания императора в Берлине будут стараться убедить нашего августейшего государя и ваше сиятельство в правильности германской точки зрения и этим обеспечить наше одобрение политики кн. Бисмарка.

Кронпринц, который по случаю приезда императора приезжает из Италии в Берлин, вернется в Италию за своей принцессой-супругой только для того, чтобы одновременно сообщить через принца Гумберта римскому двору о достигнутых в Берлине результатах.

Независимо от происходящего обмена нотами берлинский кабинет обращает внимание Бельгии на опасности, угрожающие ей со стороны Франции. На моем официальном обеде, состоявшемся 30-го, г-н Бюлов сказал барону Нотомбу: «Вы не встретитесь с кн. Бисмарком; он поручил мне просить вас написать королю, чтобы он больше, чем когда-либо, следил за готовностью его армии защищать свой нейтралитет».

Мой бельгийский коллега, доверивший мне это по секрету, добавил, что он обратил внимание своего правительства на серьезную опасность положения. По его мнению, это может окончиться оккупацией Бельгии. В нужный момент кн. Бисмарк выступит против бельгийского католического министерства. Он обвинит его в соучастии с Францией и в предоставлении французской армии прохода через Бельгию. Это послужит для Германии поводом оккупировать Бельгию под видом предупредительного мероприятия.

По словам моего бельгийского коллеги, в военных кругах уже заранее учитывают последствия новой войны; это будто бы: Бельфор, Люксембург и контрибуция в 10 миллиардов.

В том, как барон Нотомб оценивает положение, есть несомненные преувеличения, но они всецело оправданы высказываниями г-на Бюлова [1].

---

[1] Пометка Александра II: «Да, конечно».

Со своей стороны, князь, считаю своим долгом сообщить императорскому кабинету все эти подробности, ни о чем не умалчивая.

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 127—128).

№ 16. ДЕПЕША ПОСЛА В ПАРИЖЕ ОРЛОВА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 8 мая (26 апреля) 1875 г.

Князь,

Г-н Тьер долго говорил со мною о внешнем положении Франции. Он поручил мне передать вашему сиятельству его наилучшие и дружественные чувства. Сохранение мира, по его убеждению, возможно только при условии, если попечение о нем возьмет на себя наш августейший монарх, к которому он питает глубокое восхищение и действительное преклонение.

Что касается вашего сиятельства, то г-н Тьер ставит вас выше всех европейских государственных людей, в том числе и того, по вине которого в настоящее время может произойти всеобщее потрясение.

Г-н Тьер опасается, как бы в Берлине не вздумали предложить разоружение Франции, что могло бы вызвать серьезные осложнения, так как чаша унижений, которым подвергли благородную и несчастную нацию, была бы переполнена.

Экс-президент республики был противником военной системы, навязанной правительству Национальным собранием. По мнению г-на Тьера, закон о кадрах является лишь бесцельным выставлением на показ своей мощи. Это — армия на бумаге, между тем как при прежней военной организации Франция через десять лет имела бы реальную армию.

Г-н Тьер сожалеет, что в Берлине не оценили умеренности, проявленной недавно маршалом Мак-Магоном. Его правительство нуждается в деньгах, и он хотел заключить заем, но узнав, что Пруссия усмотрела бы в этом воинственный симптом, герцог Маджента приказал отсрочить проектированный заем.

Таким образом, из-за желания щадить щепетильность Германии готовы причинить ущерб финансам Франции.

Г-н Тьер обратил, кроме того, мое внимание на то обстоятельство, что впервые за 90 лет все политические партии стремятся только к миру, и что в вопросах внешней политики правительство, находящееся у власти, пользуется всеобщими симпатиями.

Одним словом, г-н Тьер желает только мира и убежден, что если удастся предотвратить войну, этим будут обязаны только императору и вашему сиятельству.

Орлов.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 129—130).

№ 17. ДЕПЕША ПОСЛА В БЕРЛИНЕ УБРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОРЧАКОВУ, 9 мая (27 апреля) 1875 г.

Господин канцлер,

Лорд Одо Руссель любезно передал мне разговор, который он имел с посетившим его Мольтке. Беседа эта носила академический характер. Тем не менее я считаю долгом отдать в ней отчет вашему сиятельству.

Фельдмаршал распространялся относительно вооружений Франции. Они чрезмерны и не соответствуют ни финансовому положению Франции, ни численности ее населения. Он говорил о них не как политический деятель, а как военный и солдат, с этой точки зрения он считает себя компетентным судить о положении. Итак, для него становится очевидным, что все эти вооружения указывают на намерение предпринять какие-либо действия в более или менее близком будущем.

Германия настроена миролюбиво, и новая война была бы ужасна. Но она должна считаться с положением.

Во время разговора фельдмаршал высказал мнение, что желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действия заставляет других выступить.

На замечание лорда Одо, что могущество Германии ставит ее, повидимому, вне всякой опасности, граф Мольтке возразил, что он вел много войн и должен признать, что последнее слово все-таки остается за провидением. Но если бы Германии пришлось потерпеть первое поражение, то это повлекло бы за собой новую тридцатилетнюю войну.

Лорд Одо спросил, какие шаги могли бы, по мнению гр. Мольтке, предпринять державы-сторонницы мира для того, чтобы предотвратить подобную опасность. Он также ставил вопрос академически и в качестве дипломата, миссия которого прежде всего миролюбивая. Следовало бы, например, просить Францию ограничить ее вооружения?

Фельдмаршал ответил, что с подобным советом нельзя обращаться ни к какой великой нации, что это было бы впрочем неуместно, так как Германия, со своей стороны, сама вооружается.

Тем не менее, державы, по его мнению, могли бы сговориться и преподать в Париже советы осторожности и умеренности и воздействовать на возможные решения Франции. Он повторил, что говорит как солдат, а не как политический деятель.

Считаю небесполезным сообщить вашему сиятельству эти подробности.

Высказанное гр. Мольтке мнение совпадает с теми, которые доходят здесь до меня. Французскому правительству приписывают задние мысли и сеют недоверие к его действиям, требуя общего выступления держав в Париже в интересах мира, сохранения которого желает якобы только одна Германия.

Меня не удивило бы, г. канцлер, если бы во время вашего будущего пребывания в Берлине ваша светлость могла уловить те нити, которые, как мне кажется, направляют здесь работу в этом направлении.

Убри.

P. S. Во время этой же беседы фельдмаршал еще подчеркнул, что Германию везде ненавидят и относятся к ней подозрительно. Лорд Одо ответил, что она не ненавидима, и что если к ней относятся подозрительно, то этим она обязана своей прессе. Кроме того, граф Мольтке заметил, что у Германии нет хорошей границы со стороны Бельгии. Он подчеркнул также, что держава, выступающая своевременно, спасает много жизней, что подобным решением Германия сохранила бы приблизительно сто тысяч человек, и что так оно было бы и в 1870 г., если бы Германия проявила своевременно инициативу вместо того, чтобы ждать нападения французов.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ЗАПИСКА[1]

Приехав в Берлин мы нашли, что тревожные слухи, отголоски которых уже дошли до С.-Петербурга, циркулировали со всей силой среди членов дипломатического корпуса и в прусском обществе.

Император нашел императора Вильгельма мало осведомленным относительно этого положения вещей и не понимающим ни его причины, ни цели. С первых же слов, которыми они обменялись, наш августейший монарх получил от своего дяди определенные заверения в том, что никакие агрессивные действия не замышляются против Франции, и что при их взаимоотношениях в настоящий момент нет ни малейшего основания искать повода к ссоре. Это заявление было сделано категорически и недвусмысленно.

Кронпринц высказался в том же смысле и даже с негодованием говорил о всякой попытке вызвать войну.

Большие затруднения встретились при переговорах с кн. Бисмарком, который горячо протестовал против злостных измышлений, распространяемых по его адресу, и против недоверия к нему, которое старались внушить России, но он столь же энергично протестовал против всякой его прикосновенности, к ходившим в публике враждебным слухам. Он приписывал эти последние газетам, на которые он не имеет влияния, разговорам некоторых лейтенантов в клубах, играющим на понижение биржевикам, и, в частности, специально герцогу Деказу, непосредственно заинтересованному в биржевых махинациях. Что касается его, то он определенно заявил, что приписывать ему агрессивные намерения по отношению к Франции, это равносильно обвинению его в идиотизме и в полном отсутствии ума; что у Германии, по его мнению, нет никакой причины нападать на Францию и что организация ее армии не является для этого достаточным основанием; что фельдмаршал Мольтке мог как военный высказаться по поводу будущей борьбы с Францией, но что в политике он молокосос, не имеющий никакого влияния; что если бы Франция, как, повидимому, говорил граф Мольтке, возымела намерение *напасть* на Германию в 1877 г., с ней бы справились как и с Австрией, если бы последняя действовала заодно с Францией. Что касается Австрии, кн. Бисмарк прибавил, что граф Андраши внушает ему полное доверие, и что с этой стороны нечего опасаться, пока он находится у власти, но что Австрия представляет из себя зыбкую почву, что императорским рескриптом власть может быть передана в другие руки, возможно клерикальные, и что тогда об этом надо будет подумать.

В заключение он сказал, что не существует никакого намерения напасть на Францию, и что в этом отношении у него вполне определенные убеждения, которыми и диктуются его действия.

Из всех этих, сделанных в самых решительных выражениях, заявлений явствует, что наш августейший монарх вполне достиг цели своей поездкой в Берлин, и что его присутствие и его речи укрепили основы, поддерживающие мир.

---

[1] Черновик этой записки датирован: Берлин, 12 мая (30 апреля). Тем же числом датирована служебная записка Горчакова Александру II следующего содержания: «В течение ближайшего часа ваше величество получит записку, которую вы мне приказали изготовить. Ее уже переписывают. Если в. в. найдете ее недостаточной, я готов ее дополнить указаниями, которые мне будут сделаны».

На этой служебной записке Александром II сделана пометка: «Это как раз то, что нужно. Благодарю вас».

Среди кабинетов, озабоченных опасностями, якобы угрожающими Франции со стороны Германии, в первом ряду стал С. Джемский кабинет. В противоположность своим обычно сдержанным и даже несколько туманным речам, на этот раз лорд Дерби предложил лорду Одо Руселлю поддерживать до последних пределов императора в его усилиях сохранить мир и, в случае надобности, предоставить в распоряжение его величества всю мощь Англии, если бы мы обратились за этим к британскому послу. Предпринятая нашим августейшим монархом задача была уже выполнена, когда было сделано это предложение и воспользоваться им не пришлось.

Убри.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 133—135).

№ 18. ДЕПЕША ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ШУВАЛОВА АЛЕКСАНДРУ II, 13 (1) мая 1875 г.

Государь,

Циркулирующие с некоторого времени слухи о возможности вооруженного столкновения между Германией и Францией всецело повидимому овладели вниманием правительства и общества в Англии.

Уже во время нашей первой беседы г-н Дизраэли заговорил на эту тему, выражая сожаление по поводу того, что действия берлинских государственных деятелей держат Европу в постоянном волнении.

По сведениям, которые он получает из Франции, этой стране чужды какие бы то ни было провокационные и агрессивные намерения.

Премьер-министр возлагает величайшие надежды на проезд вашего величества через Берлин и питает глубочайшее доверие к вашим миролюбивым намерениям, направленным к тому, чтобы устранить возможность конфликта. Ведь если бы последний к несчастью вспыхнул бы, то его уже больше не удалось бы локализировать, как это имело место во время последней франко-германской войны.

Наконец г-н Дизраэли прибавил, что британский кабинет готов оказать энергичную поддержку всему, что ваше величество сочтет полезным предпринять для устранения кризиса, которого, повидимому, очень опасаются.

Я ответил г-ну Дизраэли, что он не ошибается относительно миролюбивых намерений, питаемых вашим величеством[1] и что этим миролюбием будут проникнуты те слова, которые вы, государь, будете произносить в Берлине.

Шувалов.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 135—136).

№ 19. ДЕПЕША ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ШУВАЛОВА АЛЕКСАНДРУ II, 4 июня (23 мая) 1875 г.

Государь,

Маркиз Гартингтон, лидер оппозиции в палате общин, сделал премьер-министру запрос по поводу занятой правительством королевы позиции в осложнениях, недавно угрожавших взаимоотношениям Германии с Францией. Лорд Гартингтон заявил, что у него нет ни малейшего желания создавать затруднения правительству и что он хотел только

[1] Пометка Александра II: «Нет, конечно».

доставить ему удобный случай для того, чтобы сделать палате сообщение по вопросу, имеющему столь серьезное значение и возбуждающему интерес у всей нации. Он закончил свой запрос предложением огласить, если можно, в палате относящуюся к этому вопросу переписку.

Г-н Дизраэли ответил:

«Верно, что правительство ее величества посоветовало королеве сделать представление правительству германского императора по поводу взаимоотношений между Германией и Францией. Это представление имело своим назначением исправить ошибочные представления и обеспечить сохранение мира. На это представление мы получили удовлетворительный ответ. Что касается оглашения в палате переписки, то я полагаю, что было бы неудобно это сделать».

Этот ответ премьер-министра не вызвал никаких реплик со стороны оппозиции.

При всей своей лаконичности, заявление, сделанное г-ном Дизраэли, не лишено однако определенного значения. Он констатировал факт вмешательства Англии в пользу сохранения мира и в скрытой форме признал, что угроза миру исходила от Германии, и не от Франции, так как представление было послано правительству германского императора.

Запрос лорда Гартингтона был вызван появившимися в английской прессе статьями, перепечатанными из французских и германских газет по поводу шагов, предпринятых лондонским кабинетом во время недавнего кризиса.

Здешняя пресса воспользовалась этими довольно туманными сообщениями, чтобы провести параллель между энергичной, якобы, политикой Дизраэли во внешнеполитических вопросах и инертностью, которой отличался кабинет Гладстона,— параллель, всецело в пользу нынешнего премьер-министра.

В Англии, где так недавно еще гордились полнейшим миром в то время как на континенте одна война следовала за другой, поворот в общественном мнении следует приписать, главным образом, поражениям, которые потерпела английская дипломатия в деле Алабамы и в вопросе об отмене статей Парижского трактата. Национальное чувство было задето сделанными в этих случаях уступками, как будто низведших Великобританию с положения великой державы до уровня второстепенного государства.

Эта обозначившаяся и все усиливающаяся тенденция в общественном мнении страны заслуживает величайшего внимания со стороны европейских кабинетов [1].

Можно предвидеть, что Англия не удовлетворится больше ролью незаинтересованного зрителя в кризисах, которые в дальнейшем будут возникать на континенте, и что отныне придется считаться с государственными деятелями, вершащими судьбы этой страны.

Шувалов.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 140—141).

---

[1] Пометка Александра II: «Да, конечно».

№ 20. ДЕПЕША ПОСЛА В ЛОНДОНЕ ШУВАЛОВА АЛЕКСАНДРУ II, 4 июня (23 мая) 1875 г.

Государь,

Вслед за запросом лорда Гартингтона в палате общин, бывшим предметом моего предыдущего донесения, был сделан аналогичный запрос в палате лордов.

С речью выступил граф Руссель. Он предложил представить ее величеству королеве почтительный адрес, испрашивающий разрешение огласить в парламенте переписку, которая велась с начала года между правительством королевы и правительством Франции, Германии, России, Италии, Бельгии, Голландии, Испании и Португалии по вопросу о сохранении мира. Он прибавил, что не настаивает на опубликовании переписки, оглашение которой могло бы оказаться несовместимым с общегосударственными интересами.

В своем ответе лорд Дерби отказался огласить и опубликовать дипломатическую переписку. Он сказал, что так как было бы нескромностью с его стороны огласить все, то он считает бесполезным опубликовать переписку в урезанном виде.

Министр иностранных дел затем заявил, что, признавая законным желание парламента и страны быть в курсе деятельности правительства, он с величайшей готовностью даст объяснения по этому вопросу.

Он долго затем говорил об осложнениях, которые едва не подвергли опасности мир в Европе; он объяснил, как вооружения Франции обеспокоили Германию и как угрожающий тон германской прессы, в свою очередь, взволновал Францию. Взаимное недоверие достигло такой степени, добавил он, что было бы трудно сохранить мир в случае, если бы Германия потребовала от Франции разоружения.

После этого длинного вступления, лорд Дерби перешел к действиям английского правительства.

Вот, государь, в каких выражениях он высказался.

«Мы узнали, что русское правительство решило сделать все от него зависящее в интересах сохранения мира, и недавний визит русского императора в Берлин дал нам удобный случай поддержать,— поскольку поддержка оказалась необходимой,— те представления в пользу мира, которые, как мы полагали, русский император имел намерение сделать во время своего пребывания в столице Германии».

Я не могу удержаться, государь, чтобы не отметить расхождение между выступлениями премьер-министра и министра иностранных дел. Между тем, как первый заявил категорически, что представления в Берлине были сделаны и что был получен удовлетворительный ответ, второй упомянул только о предложенной поддержке и осторожно воздержался от сообщения, была ли она принята.

Обе эти речи характеризуют государственных людей, которые их произнесли [1].

Дизраэли — решителен, быстр в репликах, не слишком щепетилен, не колеблется раздуть истину до неузнаваемости, когда дело касается расширения своей популярности и популярности своей партии.

Дерби — сдержан, заранее готовит свои речи, добросовестен до

[1] Пометка Александра II: «Да».

щепетильности, и предпочитает оказаться в противоречии с главой кабинета, чем сказать неточность.

Конец слишком длинной и несколько многословной речи лорда Дерби содержит только два утверждения, заслуживающих быть отмеченными: одно заключается в том, что Англия при этих обстоятельствах не взяла на себя никаких обязательств, которые могли бы в какой-нибудь мере стеснять свободу ее действий в будущем; другое же состоит в том, что политика невмешательства в дела континента,— политика, пользующаяся в этой стране наибольшей популярностью,— не означает политики изоляции, и что Англия не может оставаться индиферентной к сохранению мира в Европе.

Шувалов.

(«Красный архив», 1938, № 6 (91), стр. 141—142).

№ 21. ГЕРМАНСКИЙ ДИПЛОМАТ О ВОЕННОЙ ТРЕВОГЕ 1875 г.

Из письма Гонто-Бирона французского посла в Берлине, герцогу Деказу, министру иностранных дел, 21 апреля 1875 г.

...Я вынес из разговора [с Радовицем][1] тревожное чувство. Можно быть спокойным относительно настоящего[2], что касается будущего, то нельзя не быть озабоченным... «Что мы слышим беспрерывно со стороны парламентского большинства? Вы спокойны за настоящее, говорят нам. Может быть. Но можете ли вы ответить за будущее? Можете ли вы утверждать, что, восстанавливая свое былое благосостояние, реорганизовав свои военные силы, Франция не найдет себе союзников, которых ей недостает в настоящее время, и что чувство обиды, которое она не может не питать и которое совершенно естественно поддерживается в ней благодаря потере двух провинций не толкнет ее неизбежно на объявление войны Германии? ...и если мы дали Франции возможность восстановить свои силы, увеличить их, не следует ли нам опасаться решительно всего? ...Но если Франция питает затаенную мысль о реванше, — а это и не может быть иначе, — к чему выжидать, пока она соберется с силами и приобретет себе союзников? Согласитесь, в самом деле, что с политической, философской, даже с христианской точки зрения, эти выводы и подобные опасения достаточно основательны, для того, чтобы Германия ими руководствовалась...»

Я увидел совершенно ясно, что германских государственных мужей неотступно преследует мысль: напасть на Францию,— которая может только думать о мщении,— прежде, чем она восстановит свои силы. На этот раз, повидимому, для того, чтобы окончательно ее разгромить.

(Documents diplomatiques français (1871—1914), sèr. 1, t. I, Paris, 1929, № 395. p. 415, 417, 418.)

---

[1] Радовиц — германский дипломат, один из сотрудников Бисмарка. (Составит.).

[2] Радовиц отрицал официозный характер провокационной статьи газеты „Post" „Ist Krieg in Sicht?" от 9 апреля 1875 г.

№ 22. РЕЙХШТАДТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Рейхштадт, 26-го июля 1876 г.

Совершенно секретно.

Было признано, что не следует провозглашать принципа полного невмешательства для того, чтобы не связывать себе заранее рук в виду возможности некоторых случайностей.

Мы настаивали на закрытии порта Клек (Klek) [1], без чего невмешательство было бы неискренним и недействительным.

Со своей стороны мы не могли бы считать себя там связанными, а в таком случае, Англия его не соблюдала бы. Граф Андраши прибавил к нему закрытие Каттаро [2], которого требовали англичане, для того, чтобы придать этой мере характер беспристрастия. Венский кабинет, однако, предвидит невозможность воспрепятствовать оказанию помощи христианам частным образом в виду горячих симпатий далматских народностей.

Венский кабинет смотрит на эту компенсацию как на существенное условие, без которого он не мог бы допустить увеличения соседних славянских княжеств.

Если бы русское правительство нашло это возможным и полезным, ему было бы предоставлено аннексировать Батум.

Было решено:

1. Касательно настоящего момента:

Державы будут в настоящий момент придерживаться принципа невмешательства, сохраняя за собой право сговориться впоследствии, если того потребуют обстоятельства.

Порты Клек и Каттаро будут закрыты для обеих сторон.

Ни в коем случае не будет оказано помощи туркам против христиан.

2. Касательно будущего:

а. В случае успеха турок, если они будут предаваться чрезмерным насилиям над христианами, державы должны будут сговориться и остановить их.

Они потребуют восстановления status quo ante в Сербии, считая в том числе и уничтожение турецких крепостей включительно.

Что касается Боснии и Герцеговины, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в депеше от 30-го декабря [3] и берлинской записке или, по меньшей мере, согласно положению о Крите [4].

б. Если победят христиане:

Державы будут действовать согласно в вопросе об урегулировании последствий войны.

Они не окажут содействия образованию большого славянского го-

---

[1] Бухта и порт на далматинском берегу Адриатического моря.

[2] Бухта и укрепленный город того же имени на Далматском побережье Адриатического моря, до 1918 г. принадлежащий Австрии.

[3] Имеется в виду депеша австр. министра ин. дел гр. Андраши, уведомляющая державы о решении Австрии, Германии и России предпринять совместные шаги в Константинополе по вопросу о реформах в христианских провинциях Евр. Турции.

[4] Органический статут от 10 января 1868 г., представляющий частичные льготы христианскому населению острова.

сударства, но Черногория и Сербия будут иметь возможность аннексировать: первая—Герцеговину и порт на Адриатическом море, вторая — некоторые части старой Сербии и Боснии.

Но в таком случае Австрия будет иметь право аннексировать турецкую Кроацию и некоторые пограничные с ней части Боснии согласно плану, который будет установлен впоследствии.

Со своей стороны Россия имела бы в таком случае право вернуть себе часть Бессарабии, уступленную согласно трактату 1856 г.[1].

Если бы, наконец, последствием успеха христиан явилось полное крушение Оттоманской Империи в Европе, Болгария и Румелия могли бы образовать независимые княжества в их естественных границах. Эпир и Фессалия могли бы присоединиться к Греции.

Константинополь мог бы стать вольным городом.

(Русско-германские отношения, 1873—1914, М., Центрархив, 1922, стр. 37—39).

№ 23. БЕРЛИНСКАЯ ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА от 12 мая 1876 г.

Доходящие из Турции тревожные вести побуждают Кабинеты укрепить их соглашение.

Три императорские двора сочли необходимым сговориться между собой в целях предотвращения, при содействии других великих христианских держав, опасностей, которыми грозит современное положение вещей.

Они полагают, что настоящее положение вещей в Турции требует мер двоякого рода.

Им кажется, что прежде всего необходимо, чтобы Европа подумала об общих мерах для предотвращения повторения событий, подобно разразившимся недавно в Салониках, и которые угрожают повториться в Смирне и в Константинополе. С этой целью великие державы должны бы, по их мнению, сговориться по всем пунктам касательно мер, которые следует принять для ограждения безопасности как их сограждан, так и христиан, живущих в Оттоманской империи.

Цель эта могла бы, повидимому, быть достигнута общим соглашением о посылке военных судов в угрожаемые пункты и принятием согласованных предписаний командирам этих судов на случай, если бы

[1] По парижскому трактату Россия уступила Турции дельту Дуная и юго-западн. часть Бессарабии (Измаильский уезд).

обстоятельства потребовали с их стороны вооруженного сотрудничества в целях поддержания порядка и спокойствия.

Цель эта, однако, не могла бы быть вполне достигнута без устранения первоначальной причины этих волнений путем быстрого замирения Боснии и Герцеговины.

Согласно инициативе депеши 30 декабря великие державы уже сошлись на этой мысли в целях достижения действительного улучшения судьбы населения этих стран без нарушения политического status quo.

Они потребовали у Порты проекта реформ, направленных к достижению этой двойной цели. Порта, идя навстречу этой просьбе, заявила о своем твердом намерении провести эти реформы и сообщила об этом официально Кабинетам.

Последствием этого для Кабинетов явилось моральное право следить за исполнением этого обещания и обязанность — настоять на том, чтобы повстанцы и беженцы способствовали этому делу умиротворения, прекратив борьбу и возвратившись к своим очагам.

Эта программа умиротворения, хотя и принятая в принципе всеми сторонами, была однако встречена двояко.

Повстанцы заявили, что опыт прошлого не позволяет им довериться обещаниям Порты без определенной конкретной гарантии со стороны Европы.

Порта, со своей стороны, заявила, что ей физически невозможно проводить новое устройство в стране, пока там находятся вооруженные инсургенты и до тех пор пока беженцы не возвратятся к месту своего жительства.

Между тем военные действия возобновились. Поддерживаемые этой 8-месячной борьбой волнения распространились и на другие части Турции. Мусульманское население заключило из этого, что Порта только по внешности пошла навстречу дипломатическим шагам Европы, и что в сущности она не имеет намерения серьезно проводить обещанные реформы. Это вызвало пробуждение религиозных и политических страстей, способствовавшее наступлению печальных салоникских событий и крайне угрожающему возбуждению, проявляющемуся в других пунктах Оттоманской империи.

Не подлежит также сомнению, что этот взрыв фанатизма воздействует, в свою очередь, на состояние умов в соседних княжествах, Боснии и Герцеговине, так как христиане в этих местах должны быть под сильным впечатлением факта избиения европейских консулов среди белого дня в мирном городе, на глазах у бессильных представителей власти, в то время когда их приглашают довериться доброй воле раздраженных продолжительной и яростной борьбой турок.

Если это положение продлится, то грозит вспыхнуть всеобщий пожар, предотвратить который имело как раз в виду посредничество великих держав.

Поэтому совершенно необходимо установить известные гарантии, способные исключить всякие сомнения в честном и полном применении условленных между державами и Портой мер. Более чем когда-либо неотложно необходимо оказать давление на правительство Султана, чтобы принудить его серьезно приступить к выполнению принятых на себя по отношению к Европе обязательств.

В качестве первого шага на этом пути три императорские двора

предлагают настаивать со всей энергией, которая должна быть присуща великим державам, на том, чтобы Порта приостановила военные действия на двухмесячный срок.

Этот перерыв дал бы возможность одновременно воздействовать как на инсургентов и беженцев в целях внушения им доверия к деятельному содействию Европы, так и на соседние княжества, в смысле призыва их не создавать препятствий этой попытке примирения, и, наконец, на Оттоманское правительство, с целью побудить его выполнить его обещание. Таким образом, можно бы открыть путь для прямых переговоров между Портой и боснийскими и герцеговинскими делегатами на основе выраженных последними пожеланий, признанных способными служить исходным пунктом обсуждения.

Пункты эти следующие:

1. Возвращающимся беженцам будет доставлен материал для восстановления домов и церквей, и будет обеспечено существование до тех пор, пока они будут в состоянии жить своим трудом.

2. Поскольку распределение пособий будет зависеть от турецкого комиссара, последний должен будет действовать в согласии со смешанной комиссией, о которой упоминается в записке от 30 декабря, для того, чтобы гарантировать серьезное применение реформ и контролировать их выполнение. Эта комиссия должна быть под председательством герцеговина-христианина и должна состоять из местных уроженцев, точно представляющих обе религии страны: они должны быть избраны, как только перемирие приостановит военные действия.

3. В целях избежания всяких столкновений, в Константинополе будет дан совет сосредоточить турецкие войска, хотя бы до успокоения умов, в нескольких определенных пунктах.

4. Христиане останутся при оружии, так же, как и мусульмане.

5. Консулы и делегаты держав будут наблюдать за проведением реформ вообще и в частности за мероприятиями, касающимися возвращения беженцев.

Если бы, однако, срок перемирия истек прежде, чем усилия держав, при помощи перемирия, на этих основаниях могло бы быть достигнуто соглашение и немедленно проведено в жизнь путем возвращения беженцев и избрание смешанной комиссии, это явилось бы важным шагом по пути умиротворения.

Если бы, однако, срок перемирия истек прежде, чем усилия держав достигли намеченной цели, три императорские двора сочли бы необходимым подкрепить их дипломатическое выступление санкцией соглашения, в целях принятия действительных мер, которых в таком случае требовало бы положение вещей в интересах всеобщего мира и ради предотвращения дальнейшего развития зла.

(Русско-германские отношения, 1873—1914, М., Центрархив, 1922, стр. 45—49).

№ 24. КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ В БУДАПЕШТЕ 15 января 1877 г.

Статья 1

Высокие договаривающиеся Стороны, считая, что христианское и мусульманское население в Боснии и Герцеговине слишком перемешано для того, чтобы можно было ожидать действительного улучшения их

участи только от автономного их устройства, решили между собой просить на Константинопольской конференции для этих провинций только автономного управления, не выходящего далеко за пределы, установленные депешей от 30 декабря 1875 г., и гарантий Берлинского меморандума. Ввиду того, что Болгария находится в условиях, более благоприятствующих существованию автономных учреждений, они берут на себя обязательство требовать на конференции для этой провинции более широкой автономии, обставленной серьезными гарантиями.

Статья II

В случае если бы переговоры не привели к желаемому результату и последовало бы прекращение их, которое повело бы к войне между Россией и Турцией, императорское и королевское правительство формально обязуется соблюдать по отношению к действующей изолированно России доброжелательный нейтралитет и, насколько это будет от него зависеть, парализовать путем дипломатического воздействия попытки вмешательства или коллективного посредничества, с которыми могли пытаться выступить другие державы.

Статья III

Если бы императорскому и королевскому правительству было предложено содействовать проведению в жизнь трактата от 15 апреля 1856 г.[1], он отклонит его по отношению к предусматриваемому сей конвенцией случаю и, не оспаривая силы трактата, заявит о своем нейтралитете. Оно не окажет также деятельной поддержки реальным действиям, которые могли бы быть предложены на основании XVIII статьи трактата от 30 марта того же года[2].

Статья IV

Принимая во внимание, что связанные с переходом русских войск через Дунай операции и необходимость охранять этот переход от турецких канонерок вынудят императорское правительство внести временно некоторые стеснения в обеспечиваемое трактатами судоходство на этой реке, что может вызвать протесты, австро-венгерское правительство, как подписавшее эти договоры и наиболее заинтересованное в свободном плавании по реке, будет рассматривать этот вопрос как временное, неизбежное во время войны событие, не затрагивающее важных принципов в продолжении которых заинтересована Европа. Русское правительство формально обязуется со своей стороны уважать принципы свободы судоходства и нейтральности Дуная и договориться с правительством его величества императора и короля в целях их восстановления, как только это окажется возможным.

---

[1] Так называемая Апрельская конвенция, подписанная Францией, Англией и Австрией о неприкосновенности Оттоманской империи.

[2] Пост. VIII Парижского трактата, в случае возникновения конфликта между Турцией и одной из договаривающихся держав, стороны, прежде чем прибегнуть к насильственным действиям, должны обратиться к посредничеству правительств, подписавших договор.

Статья V

Австро-Венгерское правительство окажет в пределах Женевской конвенции[1] благожелательное содействие устройству русских временных госпиталей на железнодорожных линиях Краков — Леополь — Черновицы (между границей и Сучавой) с ветками на Волочиск и Броды, а также и перемещению по вышеупомянутым линиям необходимого для этих госпиталей подвижного состава. Оно допустит в свои гражданские и военные госпиталя на вышеупомянутых линиях русских больных и раненых за плату по ныне действующему австрийскому военному тарифу.

Статья VI

Австро-Венгерское правительство не будет ставить никаких препятствий тому, чтобы комиссионеры и агенты Русского правительства производили в пределах австро-венгерского государства заказы и закупку необходимых для русской армии предметов, за исключением признаваемых международным законодательством военной контрабандой. При этом правительство его императорского и королевского величества обязуется применять и трактовать эти законы в самом благожелательном для России смысле.

Статья VII

Его величество император австрийский и проч. и апостолический король венгерский оставляет за собой право выбора момента и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины. Не придавая этой мере характера солидарности с занятием Болгарии русскими войсками, правительство его императорского и королевского величества ни в истолковании, ни в проведении ее в жизнь не должно проявлять недружелюбного к России отношения.

Точно так же выступление в Турции русской армии не должно, ни в своем истолковании императорским русским правительством, ни в своем выполнении носить недружелюбного характера по отношению к Австро-Венгрии.

Статья VIII

Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются не расширять обоюдно сферы своих военных операций: его величество император австрийский и проч. и апостолический король венгерский — на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, его величество император всероссийский — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию.

Сербия, Черногория и разделяющая эти два княжества часть Герцеговины составят сплошную нейтральную зону, пройти через которую армии обеих империй не будут иметь права, и предназначенную для того, чтобы предотвратить всякое непосредственное соприкосновение последних. При сем однако разумеется, что императорское и королевское пра-

---

[1] Международное соглашение для облегчения участи больных и раненых воинов, заключенное 10 августа 1864 г.

вительство не будет противиться комбинированным действиям сербских и черногорских сил вне пределов их государств совместно с русскими войсками.

Статья IX

Последствия войны и территориальные изменения, которые могли бы явиться результатом возможного распадения Оттоманской империи, будут урегулированы специальной конвенцией.

Статья X

Высокие договаривающиеся стороны обязуются держать в тайне условия настоящей конвенции. Настоящая конвенция подлежит ратификации и ратификации ее будут обменены в течение четырех недель или ранее, если это будет возможно.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные настоящую конвенцию подписали и приложили к оной печати своих гербов.

Учинено в Будапеште в 15-й день января месяца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

(М. п.) (собств. подп.) *Андраши*

(М. п.) (собств. подп.) *Новиков*

(Русско-германские отношения, 1873—1914. М., Центрархив, 1922, стр. 53—57).

№ 25. ПРЕЛИМИНАРНЫЙ РУССКО-ТУРЕЦКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В САН-СТЕФАНО (3 марта) 19 февраля 1878 года

(Уполномоченные: России—Игнатьев и Нелидов, Турции—Савфет и Садуллах).

Ст. 1. Дабы положить конец непрестанным столкновениям между Турцией и Черногорией, граница, разделяющая оба государства, будет исправлена...

Ст. 2. Блистательная Порта признает окончательно независимость княжеств Черногории. По соглашению с российским императорским правительством, оттоманским правительством и княжеством Черногорией, будут определены впоследствии характер и форма взаимных отношений между Блистательной Портой и княжеством... Вопросы, по которым не последовало бы соглашения, должны быть решены третейским решением России и Австро-Венгрии. Впредь же, если произойдут разногласия или столкновения (за исключением случаев, возникающих из-за территориальных требований), Турция и Черногория предоставят разрешение своих разногласий России и Австро-Венгрии, которые совместно будут принимать третейское решение.

Черногорские войска должны будут очистить территорию, не вошедшую в обозначенные выше границы, в десятидневный срок со времени подписания прелиминарного мирного договора.

Ст. 3. Сербия признана независимой. (Следует описание пограничной черты).

Ст. 5. Блистательная Порта признает независимость Румынии, которая предъявит свои права на вознаграждение, имеющее быть определен-

ным обеими сторонами. До заключения непосредственного договора, между Турцией и Румынией румынские подданные будут пользоваться в Турции всеми правами, которые обеспечены за подданными других европейских держав.

Ст. 6. Болгария образует самоуправляющееся, платящее дань, княжество, с христианским правительством и земским войском (milice nationale). Окончательные границы Болгарии будут установлены особою русско-турецкой комиссией до очищения Румелии российско-императорской армией. При изменениях на месте общего очертания границ, комиссия, согласно основаниям мира, примет во внимание начала народности большинства пограничных жителей, а также топографические условия и практические нужды местного населения, касающиеся удобства сообщения...

Ст. 7. Князь Болгарии будет свободно избираем населением и утверждаем Блистательною Портою с согласия держав. Ни один из членов царствующей династии великих европейских держав не может быть избран князем Болгарии... В случае если звание князя болгарского останется не замещенным, избрание нового князя будет произведено при тех же условиях и в той же форме. Собрание именитых людей Болгарии, созванное в Филиппополе (Пловдив) или Тырнове, выработает до избрания князя, под наблюдением российского императорского комиссара в присутствии комиссара оттоманского, устав будущего управления по примеру того как было сделано в 1830 г., после адрианопольского мира, в придунайских княжествах.

Введение нового образа правления в Болгарии и наблюдение за его применением будут поручены в течение двух лет российскому императорскому комиссару. По прошествии первого года со времени введения нового порядка, европейские кабинеты,—в случае если это будет признано нужным и если по сему предмету последует соглашение между ними, Россией и Блистательною Портою,— могут присоединить особых уполномоченных к российскому императорскому комиссару.

Ст. 8. Оттоманские войска не будут более находиться в Болгарии, все прежние крепости будут срыты за счет местного правительства... Русские войска будут занимать страну и, в случае надобности, оказывать содействие комиссару. Военное занятие Болгарии будет, однако, ограничено приблизительным сроком в два года. Численность оккупационного русского корпуса, составленного из шести дивизий пехоты и двух кавалерии, который останется в Болгарии по очищении Турции императорской армией, не будет превосходить пятидесяти тысяч человек. Этот корпус будет содержаться за счет занимаемой им страны...

Ст. 9. Размер ежегодной дани, которую Болгария будет платить сюзеренному двору... определится соглашением между Россией, Оттоманским правительством и прочими кабинетами... по истечении первого года действия новых учреждениий. Дань эта будет установлена сообразно средней доходности всей территории, которая войдет в состав княжества...

Ст. 12. Все крепости на Дунае будут срыты. Впредь на берегах этой реки не будет более укреплений; не будет также в водах Румынского, Сербского и Болгарского княжеств военных судов, кроме обычных стационеров и мелких судов, предназначенных для надобностей речной по-

лиции и таможенного управления. Права, обязательства и льготы международной нижне-дунайской комиссии остаются неприкосновенными.

Ст. 14. В Боснии и Герцеговине будут немедленно введены сообщенные оттоманским уполномоченным в первом заседании Константинопольской конференции предложения европейских держав с теми изменениями, которые будут установлены по взаимному соглашению между Блистательною Портою, русским и австро-венгерским правительствами...

Ст. 15. Блистательная Порта обязуется ввести... на острове Крите органический устав 1868 г., сообразуясь с желаниями, уже выраженными местным населением. Подобный же устав, примененный к местным потребностям, будет также введен в Эпире, Фессалии и других частях европейской Турции, для коих особое административное устройство не предусмотрено настоящим актом.

Ст. 16. Ввиду того, что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции, могло бы подать там повод к столкновениям и осложнениям, могущим вредно отразиться на добрых отношениях обоих государств, Блистательная Порта обязуется осуществить без замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населенных армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов.

Ст. 18. Блистательная Порта обратит особенное внимание на мнение, выраженное комиссарами посредствующих держав, по вопросу о праве владения городом Котуром и обязуется привести в исполнение работы по окончательному проведению турецко-персидской границы.

Ст. 19. Вознаграждение за войну, а равно и убытки, причиненные России, которые е. в. имп. всероссийский требует и которые Блистательная Порта обязалась ему уплатить, заключаются: а) в девятистах миллионах рублей военных издержек на содержание армии, возмещение припасов, военные заказы; б) в четырехстах миллионах рублей убытков, причиненных южному побережью государства, экспортной торговле, промышленности и железным дорогам; в) во ста миллионах рублей убытков, причиненных Кавказу вторжением; г) в десяти миллионах рублей и убытков русским подданным и учреждениям в Турции. Итого 1 410 мил. рублей. Принимая во внимание финансовые затруднения Турции и сообразуясь с желанием е. в султана, имп. всероссийский соглашается заменить уплату большей части исчисленных в предыдущем параграфе сумм следующими территориальными уступками: а) Тульчинский санджак, т. е. уезды (казы) Килии, Сулины, Махмудие, Исакчи, Тульчи, Мачина, Бабадага, Гирсова, Кюстендже и Меджидие, а равно острова дельты и Змеиный остров. Не желая присоединить себе означенной территории и остров дельты, Россия предоставляет себе променять их на отчужденную от нее трактатом 1856 года часть Бессарабии, граничащую с юга руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула... б) Ардаган, Карс, Батум, Баязид и территория до Саганлуга. Окончательные границы присоединенной к России территории, обозначенные на прилагаемой при сем карте, будут установлены комиссией из русских и оттоманских делегатов... в) Территории, означенные в §§ а и б, уступаются России взамен суммы тысячи ста миллионов рублей. Что касается остальной части вознаграждения, за исключением десяти миллионов рублей, следующих русским учреж-

дениям и подданным в Турции, то есть трехсот миллионов рублей, то способ их уплаты и предназначаемые к тому обеспечения будут определены последующим соглашением между российским императорским правительством и правительством его величества султана. г) Десять миллионов рублей, выговоренных в виде вознаграждения русским подданным и учреждениям в Турции, имеют быть уплачиваемы по мере того, как требования заинтересованных лиц и учреждений будут рассмотрены российским посольством в Константинополе и переданы Блистательной Порте.

Ст. 22. Русские духовные лица, паломники и иноки, путешествующие или пребывающие в европейской и азиатской Турции, будут пользоваться теми же правами, преимуществами и льготами, как иностранные духовные лица других народностей...

Ст. 24. Босфор и Дарданеллы будут открыты как во время войны, так и во время мира для торговых судов нейтральных держав, приходящих из русских портов или отправляющихся в оные. Вследствие сего, Блистательная Порта обязуется впредь более не устанавливать недействительной блокады портов Черного и Азовского морей, как не соответствующей точному смыслу декларации, подписанной в Париже 4 (16) апреля 1856 года.

Ст. 26. До тех пор, пока российские императорские войска будут находиться в местностях, имеющих быть в силу настоящего акта возвращенными Блистательной Порте, управление и существующий порядок в них останутся в том виде, как во время занятия. Блистательная Порта не должна будет принимать никакого участия в управления в течение всего этого времени до окончательного выхода всех русских войск...

Ст. 29. Настоящий акт будет ратифицирован их имп. вел. имп. всероссийским и имп. Оттоманов, и ратификации будут обменены в пятнадцатидневный срок или ранее, буде возможно, в Петербурге, где также произойдет соглашение относительно места и времени, в каком месте и когда условия настоящего акта будут облечены в торжественную форму, обычную для мирных трактатов. Пребывает, однако, установленным, что высокие договаривающиеся Стороны считают себя формально связанными настоящим актом с момента ратификации его и приложили к нему печати и подписи.

(Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie. 1878, p. 245).

№ 26. КОНВЕНЦИЯ О СОЮЗЕ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ [1]

Подписан в Константинополе 4 июня 1878 г.

Ст. 1. В случае, если Батум, Ардаган, Карс или какое-либо из этих мест будут удержаны Россией, или если какая-либо попытка будет сделана Россией в любое время к захвату какой-либо другой части территорий его императорского величества султана в Азии, как они определены окончательным мирным трактатом, Англия обязуется присоединиться к его императорскому величеству султану для защиты упомянутых территорий силой оружия.

Взамен этого, его императорское величество султан обещает Англии ввести необходимые реформы, которые будут намечены позже обеими державами и относятся к хорошей администрации и защите христиан-

[1] Так наз. Кипрская конвенция.

ских и прочих подданных Высокой Порты, которые находятся на означенных территориях. Сверх того, чтобы предоставить Англии возможность обеспечить необходимые для исполнения ее обязательства возможности, его императорское величество султан соглашается предоставить ей оккупацию и управление островом Кипром[1].

(G. Noradounghian. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottomana. T III, p. 522—523).

№ 27 ЗАПИСКА гр. П. А. ШУВАЛОВА

Несмотря на блестящие военные успехи, которых мы добились во время войны, и на полученные нами благодаря им материальные и моральные преимущества, наши национальные стремления в известной части остались неудовлетворенными — для этого требовалось вступление наших войск в Константинополь. Я не берусь судить здесь ни о последствиях, которые могли бы произойти от занятия этого города нашей армией, ни о препятствиях, которые с военной точки зрения помешали этому. Я ограничусь описанием участия, которое я принимал в этом деле. Мне будет легко установить, что я не только не противился занятию Константинополя, запугивая императорский кабинет последствиями этой меры, но находил ее своевременной, необходимой и, можно сказать, почти безопасной для нас, поскольку она не влекла за собой объявления нам войны со стороны Англии.

Если мы не вступили в Константинополь, то только потому, что главнокомандующий не решился на это и даже не верил в возможность подобного шага. Впоследствии однако предпочли не возлагать ответственности за это на брата императора и косвенным образом на армию, а нашли более удобным свалить все на дипломатию, а именно на представителя России в Лондоне. Вначале тот не мог защищаться: находясь далеко от места действия, он не знал, что там происходило; впоследствии, очутившись перед сложившимся недоброжелательным и ошибочным мнением, он уже не захотел защищаться.

Кое-какие пояснения кажутся мне необходимыми для того, чтобы сделать мой рассказ более понятным.

Медлительность, с какой мы начинали военные действия, и трудности осады Плевны успокоили английское правительство и общественное мнение относительно судьбы Константинополя.

Опасность там считали если не устраненной, то, по крайней мере, отсроченной до следующей кампании, не допуская возможности зимнего перехода через Балканы. Правительство лорда Биконсфильда продолжало свои военные приготовления, но с ними не спешили. За это время я неоднократно продолжительно беседовал с премьер-министром и, даже помимо тех преувеличений, к которым он считал нужным прибегать в своих разговорах с представителем России, для меня было очевидно, что Англия была готова в случае надобности защищать Турцию

---

[1] Батум, Карс и Ардаган, согласно решениям Берлинского конгресса, перешли к России. Англия после некоторой борьбы, вопреки настоящей конвенции, дала на это согласие. Кипр тем не менее она сохранила в своих руках.

с оружием в руках. Лорд Биконсфильд любил напоминать о той роли, которую сыграла Англия во времена первой империи, когда она в единственном числе выступила против императора Наполеона I. По его словам, она должна была сыграть ту же самую роль в том случае, если бы Россия стала угрожать существованию Оттоманской империи, хотя бы все остальные континентальные державы и проявили в отношении России только уступчивость и робость.

Лорд Биконсфильд старался меня убедить в том, что Англия располагала огромными военными силами и что она могла довести свою экспедиционную армию до 300 000 человек, влив в нее индийские и канадские контингенты. Для этого нужны были только деньги и время: первое она имела, а зимний сезон представлял ей и второе.

После блестящего перехода через Балканы, похода на Адрианополь и полного поражения турецких армий взгляд на вещи в Англии переменился, и там забили тревогу.

Совет министров часто собирался, и в нем секретно обсуждались различные меры, которые надлежало принять против России, чтобы запугать ее и остановить движение ее армий. Лорд Биконсфильд настаивал на посылке английского флота в Константинополь, но этот проект разбивался о мирную позицию лорда Дерби, не хотевшего вовлекать свою страну в политику авантюр и ставившего в зависимость от этого вопроса свое участие в министерстве. Отдававшиеся флоту приказания и контрприказания, свидетелями чего мы были, объяснялись желанием сохранить лорда Дерби и избежать распадения кабинета в момент кризиса. И флот то двигался к Константинополю, то отступал. Взятие нами укрепленного пункта Чаталджи переполнило чашу, и тогда окончательно было решено послать к Константинополю английскую эскадру. Чтобы победить сопротивление лорда Дерби, его коллеги убеждали его (не знаю, верил ли он этому когда-нибудь), что морская демонстрация не была направлена против России, а только имела целью безопасность английских резидентов в Константинополе. Лорд Дерби уступил, и это известие, в тот же день официально объявленное в обеих палатах, произвело впечатление взорвавшейся бомбы.

Я должен отметить здесь одно важное обстоятельство. Решение нарушить договор и послать флот к Константинополю было принято с такой внезапностью, что русский посланник, естественно, не имел возможности снестись со своим правительством. По необходимости все сношения, начиная с 27 января (8 февраля) 1878 г. (дата декларации в парламенте) и в течение десяти последующих дней, происходили по телеграфу. В этот же промежуток времени была решена судьба Константинополя.

Узнав о том, что произошло 27 января (8 февраля), я отправился к лорду Дерби между концом заседания совета и началом заседания палаты лордов. Я старался отговорить его от декларации, которую он собирался сделать. Я нашел министра иностранных дел очень озабоченным и мрачным. Приказ о выступлении был уже отдан флоту. Лорд Дерби не считал возможным, из опасения скомпрометировать английскую политику, отменить вторично в течение двух недель инструкции, данные адмиралу. Видя, что я уже не могу изменить решения британского правительства, я объявил лорду Дерби на свой страх и риск, что выступление их флота, вместо того, чтобы спасти Константинополь,

достигнет совершенно обратной цели, что прохождение ими проливов, как явное нарушение договора, освободит нас от всех данных нами относительно Константинополя и Галлиполи заверений. Мое заявление произвело сильное впечатление на государственного секретаря. В тот же день я отправил следующие две телеграммы.

Телеграмма графа Шувалова канцлеру.

Лондон. 27 января (8 февраля) 1878 г.

Дерби объявил в парламенте, что флот получил приказ отправиться в Константинополь для охраны жизни и имущества подданных. Он просил содействия других держав. Норскот объявил в нижней палате, что условия перемирия содержат опасные пункты и что часть флота отправлена в Константинополь.

(Шифром). Истинные мотивы: удовлетворить сторонников войны, ответить на взятие Чаталджи и быть готовыми захватить раньше нас форты Босфора.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. Того же числа.

(Шифром). Узнав, что несмотря на вашу вчерашнюю телеграмму подготовляется отправка флота в Константинополь под предлогом охраны британских подданных, но очевидно для демонстрации против нас, я предупредил Дерби, что в этом случае мы будем считать себя свободными от всех заверений, данных нами относительно Галлиполи и Константинополя.

В тот же день лорд Дерби дал по телеграфу инструкции британскому посланнику в С.-Петербурге, которые должны были успокоить императорский кабинет. На следующий день, 28 января (9 февраля), я имел с лордом Дерби новый разговор, после которого послал своему правительству следующую телеграмму.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. 28 января (9 февраля) 1878 г.

Кредиты вотированы огромным большинством.

(Шифром). Дерби просил меня повторить вам мирные заверения Лофтюса. Я отказался, говоря, что не могу вводить вас в заблуждение после того, что говорилось другими министрами в парламенте и особенно вне его. Дерби сказал, что десять судов — еще это не флот; я отвечал, что шесть или двенадцать — дела не меняет. После заключения перемирия и накануне мирной конференции такая мера сама по себе является недопустимой. Я настаивал на прекращении всяких обязательств в отношении Галлиполи: мы, победители, не можем быть одни лишены права входа [в проливы]. Это их пугает. Надо надеяться, что другие державы не санкционируют этой меры, приняв в ней участие, и оставят Англию бессильной и одинокой на ее ложном пути.

На следующий день мои патриотические чувства были оскорблены торжествующим видом английских министров и некоторой части публики.

Отправка флота решительно пользовалась популярностью: видя

англичан и слыша их разговоры, можно было бы подумать, что эта мера остановила Россию и спасла Турцию.

Тем временем я не получал из С.-Петербурга никаких известий и даже не знал, одобрило ли мое правительство мое заявление лорду Дерби, сделанное за свой страх и риск. Под влиянием этих соображений я послал в тот же день следующие две телеграммы.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. 28 января (9 февраля) 1878 г.

(Шифром). Здесь гордятся направленной против нас морской демонстрацией. Я считаю, что было бы весьма политично выказать известную энергию, заявив, что вступление флота в проливы освобождает нас от прежних обещаний и что, если Англия высадит хотя бы одного человека, мы будем вынуждены вступить в Константинополь наравне с ними.

Я полагаю, что такая решительная позиция не поведет к разрыву, а наоборот предупредит его, остановив англичан на опасном пути вызывающих действий, которые, если на них ничем не отвечать, могут продолжаться и далее.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. Того же числа.

Ссылаясь на мою сегодняшнюю телеграмму (предыдущую), настаиваю на пользе (шифром) дружественного, но твердого заявления. Англичане считают, что они спасли Константинополь,— надо им доказать, что они повредили ему, и, в случае надобности, остановить частичные десанты, производимые под предлогом охраны [британских] подданных. Мы способствовали бы также возрождению оппозиции, в настоящее время более не существующей, доказав, что меры, принятые правительством, приводят к результатам, обратным ожидавшимся.

Из обмена этими первыми телеграммами видно, что я не только не противился вступлению наших войск в Константинополь, а даже пытался побудить императорское правительство к этой мере. Я считал ее необходимой с точки зрения внутренней политики Англии; надо было дать оружие оппозиции, дать ей возможность доказать, что безрассудство лорда Биконсфильда, пославшего флот в Константинополь, создало новые и серьезные осложнения. Оставляя же этот дерзкий акт без отпора, мы тем самым способствовали бы торжеству кабинета Биконсфильда. Телеграфируя в таком смысле императорскому кабинету, я принял на себя серьезную ответственность своим утверждением, что смелая политика не только не приведет к разрыву, но предупредит его. Под смелой политикой я подразумевал занятие Константинополя.

Я всегда боялся конфликта с Англией, предвидя, насколько он может быть гибелен для России, и поэтому необходимо объяснить те обстоятельства, которые заставили меня советовать занять Константинополь. Во мне родилась уверенность, что это не выльется в casus belli; я пришел к этому выводу не на основании слов лорда Дерби, а по выражению его лица, которое я изучил в течение целого ряда лет. Я замечал его испуг и мрачность каждый раз, когда я говорил ему, что вступление английского флота в проливы освобождает нас от всех обяза-

тельств касательно Константинополя и Галлиполи, и видел, что он становился спокойнее, когда речь шла только об одном Константинополе. Поэтому я убедился, что вопрос войны или мира зависит не от Константинополя, а от Галлиполи. События последующих дней показали, что я был прав. Я получил от канцлера 30 января (11 февраля) телеграмму следующего содержания, посланную накануне.

Телеграмма канцлера.

С.-Петербург. 29 января (10 февраля) 1878 г.

Британское правительство в связи с донесениями своего посланника в Константинополе решило воспользоваться фирманом, которого они недавно добились, и отправить часть своего флота в Константинополь для защиты жизни и безопасности британских подданных. Другие приняли те же меры в отношении своих подданных. Совокупность этих обстоятельств заставляет нас наметить с нашей стороны меры к защите христиан, жизнь и имущество которых оказались бы в опасности. Для достижения этой цели следует иметь в виду вступление части наших войск в Константинополь.

В тот же день я сообщил лорду Дерби содержание телеграмм канцлера и уведомил князя Горчакова, что наше решение произвело тут огромное впечатление, что не было преувеличением.

Министр иностранных дел ответил на мое заявление приблизительно в следующих выражениях:

«Принятое нами решение очень серьезно. Оно является величайшей угрозой отношениям обеих стран. Между безобидным присутствием нескольких английских судов в водах Босфора с единственной целью охранять жизнь и имущество англичан и военной оккупацией столицы Турции — большая разница. Этот факт настолько важен, что я не могу высказать вам никакого решительного мнения, не посоветовавшись предварительно с моими коллегами».

Действительно, на следующий день лорд Дерби заявил мне, что если русская армия, войдя в Константинополь, двинется в то же время и на Галлиполи, то это будет равносильно разрыву, а со стороны Англии вызовет объявление войны.

Флот прошел Дарданеллы. Присутствие русских в Галлиполи будет для него угрозой: русские могут расставить в проливе мины, и английские суда окажутся в ловушке. Так как возбуждение в Англии достигло сильной степени, взрыв был бы неминуем. Эти слова меня обрадовали, они оправдали мои предположения. Мы могли, следовательно, войти в Константинополь, не навязывая себе войны с Англией. Таким образом Константинополь мог безнаказанно стать объектом наших операций, а его временная оккупация была бы лишним триумфом нашей армии. Занятие же Галлиполи не принесло бы нам никаких лавров,— делать там нам было совершенно нечего, и этим шагом мы могли бы лишь вызвать войну с Англией. Одно или два английских судна, крейсирующие в проливах, помешали бы всякой попытке расстановки мин. Впоследствии я узнал, что для нас было бы невозможно запереть английский флот, даже если бы Галлиполи и его окрестности были в наших руках.

Я отправил канцлеру 1 (13) февраля следующую телеграмму.

Телеграмма гр. Шувалова.

Лондон. 1 (13) февраля 1878 г.

(Шифром). Дерби выразил мне серьезную надежду, что мы не движемся на Галлиполи и не предпримем ничего угрожающего флоту.

Подобное движение рассматривалось бы в Англии как угроза безопасности флота и при настоящем состоянии общественного мнения повело бы к серьезным последствиям. Это новый клапан для предотвращения взрыва. Находясь перед Константинополем, они не могут сохранять свою прежнюю позицию запрета нашим войскам вступить в Константинополь, и поэтому английские министры запрещают нам войти в Галлиполи.

Если хотите не допустить падения Дерби, дайте ответ, способный их удовлетворить.

Князь Горчаков ответил на это следующей телеграммой от 3 (15) февраля.

Телеграмма канцлера.

С.-Петербург. 3 (15) февраля 1878 г.

(Нешифрованная). Получил ваши телеграммы до 2 февраля включительно. Лофтюс ознакомил меня с телеграммой Дерби, подчеркивающей мирные цели входа английской эскадры в Дарданеллы, но утверждающей, что вступление наших войск не будет иметь того же мирного характера.

Я заметил ему, что наша цель была совершенно тождественна: охрана христиан в случае опасности, и сослался на свою телеграмму от 31 января.

(Шифром). Ввиду того, что английская эскадра прошла Дарданеллы, несмотря на протесты Порты, временное вступление наших войск в Константинополь неизбежно. В виде крайней уступки вы можете заявить, что мы подтверждаем наше обещание не занимать Галлиполи при условии, что ни один английский солдат не высадится ни на азиатском, ни на европейском берегу.

После этой телеграммы в течение десяти дней я ждал известия о вступлении наших войск в Константинополь.

Карлсбад. Август 1880 г.

Меня неоднократно просили написать если не мемуары, то хотя бы записки о тех важных событиях, в которых я принимал участие, но я постоянно от этого отказывался.

Мне всегда казалось, что, описывая то, что происходило на наших глазах, или то, к чему мы сами были причастны, мы отводим слишком большую роль выдающимся личностям или своей собственной деятельности. По мере же того, как я старею и наблюдаю жизнь, я с каждым днем все больше убеждаюсь, что все события направляются более могущественной волей, чем воля человеческая, и что роль личностей ничтожна — самые великие из них подобны мухам из басни Лафонтена [1].

Если я теперь решаюсь нарушить молчание, то только для того,

[1] В подлиннике: „Les mouches du coche"

чтобы восстановить истинную картину двух событий, в которых я был призван стать действующим лицом и в которых роль моя была в высшей степени извращена, особенно в моем отечестве. Я хочу, чтобы мой сын и мои друзья когда-нибудь узнали, как все происходило на самом деле.

Меня часто обвиняли в России лица, хорошо знавшие правду, которым было более непростительно, чем кому-либо, возводить на меня обвинения,

во-первых, в том, что я помешал занятию Константинополя русской армией;

во-вторых, в том, что я не добился на Берлинском конгрессе результатов, благоприятных для своего отечества.

На эти две темы я буду говорить в своих записках. Начну с Берлинского конгресса. Для другой, более легкой для меня темы у меня имеются многочисленные документы, и к ней я вернусь позднее.

Берлинский конгресс.

Я никогда не был сторонником конгресса. Идея о нем, можно сказать, витала в воздухе с самого начала войны, особенно вследствие многократных деклараций, с которыми С.-Петербургский кабинет обращался к Европе и на которые он не скупился. Кроме принятых нами на себя обязательств по отношению к Германии и Австро-Венгрии, которые вынуждали нас к соглашению с державами относительно результатов войны, мы еще неустанно повторяли, что защищаем с оружием в руках европейские интересы и что впоследствии они будут разрешены с общего согласия. Но позднее, при перемирии в Сан-Стефано, мы старались уклониться от этого принципа.

Я относился к конгрессу с опасением по следующим причинам (мои доклады, сделанные в различное время, служат исчерпывающим доказательством моих слов).

В течение всего кризиса у нас в руках был прекрасный козырь: скрытое разногласие между Австро-Венгрией и Англией. Причин этого разногласия было много. Возникновение его надо приписать искреннему желанию графа Андраши сохранить тройственное согласие, иначе говоря — соглашение трех императоров, а также тщеславному намерению графа ознаменовать свой приход к власти приобретением для монархии двух провинций, которые мы готовы были ему предоставить в вознаграждение за нейтралитет Австро-Венгрии.

Андраши всегда сознавал, насколько непопулярно было это расширение территории среди венгров и даже среди здравомыслящих людей других частей империи. Но его соблазнило то, что округление владений доставит удовольствие императору Францу-Иосифу, и, кроме того, он считал, что в конечном счете всякому народу приятно расширение его территории. Потомство, может быть, простит его за добрые намерения, но современники в Австрии до сих пор не чувствуют к нему благодарности.

Позднее, когда Венский кабинет, недовольный нами, выразил желание сблизиться с Лондонским кабинетом, он нашел там почву, мало благоприятную для своих попыток.

Лорд Дерби, бывший в это время министром иностранных дел, никогда не был другом Австрии. Он в высшей степени не доверял ей; он неоднократно говорил мне, что Англия не может вступить в дого-

ворные отношения со страной, способной покинуть ее в последнюю минуту, даже после совместного объявления войны. С другой стороны, посланник Австро-Венгрии в Лондоне граф Бейст, предлагая соглашение от имени своего правительства, сам скрыто вредил ему, дабы провалить политику своего начальника, которого он считал своим врагом, как мне кажется, только потому, что тот стал его преемником.

Вместо того, чтобы рассеять недоверие лорда Дерби, он его поддерживал, очень тонко давая ему понять, что на слова графа Андраши полагаться нельзя.

Я помню,— это было во время самых оживленных переговоров между Венским и Лондонским кабинетами,— как лорд Дерби говорил со мной с запальчивостью о графе Андраши и его недостаточной добросовестности. Заметив, что его слова меня удивляют, он прибавил: «Бейст представил мне сегодня документальные доказательства того, до какой степени Андраши лжет и как невозможно ему доверять».

Я упоминаю об этом потому, что разногласия между Австро-Венгрией и Англией имели большое влияние на развитие восточного кризиса. Если бы Лондон и Вена могли с самого начала достигнуть соглашения, если бы они заявили, что не допустят войны, возможность ее была бы исключена. Присутствие английского флота в Балтийском и Черном морях раздробляло бы наши силы, а движение австрийской армии угрожало бы нашим путям сообщения и препятствовало переходу через Дунай.

По моему мнению, именно в этом была огромная ошибка графа Андраши с точки зрения австро-венгерских интересов. Он старался достичь соглашения с нами, хотя его интересы и наши были противоположны, и пренебрег теми, с кем у него интересы совпадали.

Возвращаюсь к своей теме. Я боялся конгресса. Я предвидел, что соглашение, которого трудно было достичь издалека, легко осуществится между английскими министрами и графом Андраши в Берлине, и что это соглашение будет направлено против нас. Я помню, что в одном из писем моих к князю Горчакову я высказал примерно следующее: «Если, с одной стороны, созыв конгресса является единственной возможностью избежать европейской войны, с другой стороны, он представляет большую опасность, ибо собрать министров великих держав вокруг зеленого стола,— это значит облегчить им возможность договориться против нас, чего до сих пор они не могли сделать».

Тем временем все получаемые мною из С.-Петербурга официальные сообщения указывали на то, что там жаждут конгресса, льстя себя надеждой, что Европа не будет препятствовать и санкционирует Сан-Стефанский договор. Вследствие этого мне было поручено способствовать созыву конгресса.

В принципе эта идея была принята всеми державами. Но здесь произошел инцидент, который мог все изменить, сделать невозможным созыв конгресса и обречь нас на продолжение войны на этот раз с новыми противниками — с англичанами, а возможно и с австрийцами.

С.-Петербургский кабинет неоднократно упрекали в непостоянстве его политики или в политическом сантиментальничанье. Мне кажется, его можно было справедливо упрекнуть лишь в том, что вместо дела он занимался фразами.

С достопамятного: «Россия не сердита — она сосредоточена»,— кра-

сивые, но ничего не значащие слова,— мы ограничивались фразами и только фразами. Ими полны депеши князя Горчакова. Мои коллеги и я, мы часто оказывались в самом тяжелом положении: ожидая точных инструкций, мы получали образцы дипломатической литературы с громкими словами. Даже телеграммы не лишены были этого недостатка. Историку достаточно будет прочитать документы, относящиеся к этому времени, чтобы в этом убедиться.

Итак мы хотели созыва конгресса, но не хотели обсуждать его принципов и пределов его компетенции, чего вполне справедливо требовали другие кабинеты, так как ничто не может быть печальнее конгресса без определенной программы. Мы точно также не хотели представлять на обсуждение Европы все статьи Сан-стефанского договора, кроме статей общего характера. Ни англичане, ни австрийцы не могли на это согласиться. Вместе с тем мы не хотели, чтобы Европа поняла наше намерение. Желая замаскировать нашу мысль, мы прибегали к громким фразам. На многократные запросы лорда Дерби, мы отвечали, что в основу конгресса должна быть положена «всеобщая свобода действий и оценки». Когда от нас потребовали более точной формулировки, мы не смогли ее дать. На мои запросы, с которыми я обращался к князю Горчакову, он отвечал в таком смысле: «Ограничьтесь требованием свободы действий и оценки». Не имея возможности добиться от нас более полных сообщений и в силу своей осторожности отказываясь принять такую туманную формулировку, лорд Дерби выступил против нас с другой декларацией, которую он имел неосторожность в тот день сообщить в парламенте.

Англия требовала, чтобы Сан-стефанский договор был целиком представлен на конгресс и каждая статья его подверглась бы обсуждению.

Мы оказались таким образом в тупике. Ни та, ни другая страна не могла отречься от своей декларации, не уронив своего достоинства. Созыв конгресса становился невозможным; военные приготовления в Англии усиливались: граф Дерби пал, и маркиз Сольсбюри, захватив портфель министра иностранных дел, к которому, казалось, он давно стремился, издал свой далеко не успокоительный циркуляр от 1 апреля 1878 г.

В этот промежуток времени граф Андраши поспешил использовать перемену в личном составе для сближения с Англией; его попытки были с готовностью приняты лордом Сольсбюри. О конгрессе перестали говорить, и князь Бисмарк ограничивался переговорами о том, что называлось «одновременным отступлением».

Требовалось избавить Константинополь от близости нашей армии, с одной стороны, и английского флота, с другой; для этого надо было удалить их на расстояние двух-трех переходов. Эти переговоры были с самого начала мертворожденными. Они не имели практической основы, так как ежеминутно могли превратиться в скачку с препятствиями между флотом и армией, имевшими одинаковую цель — Константинополь. Самой слабой стороной этой комбинации было то, что, даже при успешном исходе, она не давала никакого практического решения. Бесполезно было отступать на два-три перехода, раз невозможно было достигнуть соглашения с Европой, и конгресс стал неосуществим.

Я всегда любил трудные положения, в которых приходилось брать

на себя большую ответственность. И в этот момент я взял на себя инициативу обращения к маркизу Сольсбюри, обращения, изменившего положение дел и решившего судьбу Берлинского конгресса.

Однажды, когда я был у него в министерстве иностранных дел, он спросил меня, считать ли прерванными переговоры об одновременном отступлении. Я отвечал маркизу, что мало интересуюсь этим вопросом, так как он не может привести к удовлетворительному решению. Мы стоим между войной и конгрессом; вместо того, чтобы предупредить войну и постараться созвать конгресс, мы занимаемся,— сказал я ему,— бесполезной стратегией.

Лорд Сольсбюри ответил мне, что он разделяет мнение своего предшественника относительно опасности созыва конгресса без определения предварительных основ. На его взгляд, это привело бы к европейской войне, к войне неизбежной; конгресс невозможен, если мы не примем основ английской декларации.

Я отвечал, что то, что он говорил, являлось не базой, а формулой. Чем больше формул, тем дальше мы будем от цели. Нам нужно сговориться с Англией и уточнить, какие части Сан-стефанского договора можно поддерживать, а какие надо изменить. Договорившись по этому вопросу, мы нашли бы выход из тупика, в который мы попали.

Лорд Сольсбюри подумал несколько секунд и отвечал приблизительно в следующих выражениях: «Если бы мы стали обсуждать с вами эти пункты, как вы предлагаете, это стало бы общеизвестно, а мы хотели бы договариваться не отдельно с вами, но со всеми другими державами».

Я уверял маркиза, что, если бы он согласился обсуждать со мной принципы конгресса, я гарантировал бы ему тайну и обещал бы ему не сообщать об этом своему правительству даже телеграфно. Но если бы я увидел, что наши переговоры могут быть успешны, я попросил бы отпуска по личным делам и отправился бы в С.-Петербург.

Это предложение, казалось, понравилось маркизу, и он попросил меня дать ему время для переговоров с его коллегой лордом Биконсфильдом.

Премьер-министр отнесся очень благосклонно к моему предложению и передал мне это на следующий же день в выражениях, лично для меня очень лестных. Тогда я начал переговоры с лордом Сольсбюри. Они продолжались целую неделю и были очень трудны и утомительны. Приводить их здесь бесполезно, так как изложение их имеется в министерстве иностранных дел. Они послужили подготовлением к тайному соглашению от 30 мая, подписанному мною и английским министром. С самого начала переговоров я заметил, что главной целью Англии было разделение Болгарии на две части, так, чтобы Балканский хребет отошел к султану, дабы дать ему возможность защищаться от наших будущих нападений. Как ни важно было изменение границ в Малой Азии, предоставление России Карса, а главным образом Батума, балканский вопрос имел наибольшее значение для британского кабинета.

В этом и состояла ошибка лорда Сольсбюри и лорда Биконсфильда. Было очевидно, что отделение северной Болгарии от южной могло быть только искусственным, даже имея в виду, что защита Балкан будет в руках турок, и я, помню, предложил лорду Сольсбюри, когда он поды-

скивал названия для этих двух Болгарий, назвать одну Болгарией довольной, другую — недовольной.

Через два года после конгресса стало очевидно, 1) что султан не может защищаться на линии Балкан и 2) что через несколько лет или даже месяцев произойдет объединение этих двух провинций. В конечном счете, втечение недели я добился обещаний созыва конгресса, который должен был предоставить России Карс и Батум.

Оставалось только выбраться из тупика, в котором мы очутились благодаря русской и английской декларациям. Для достижения этой цели я предложил лорду Сольсбюри следующее: я отправляюсь к князю Бисмарку, посвящу его в наши переговоры и предложу ему инициативу созыва конгресса, выпутавшись из нашего затруднительного положения при помощи следующей формулы — каждая держава, соглашаясь принять участие в конгрессе, тем самым заявляет о своей готовности обсуждать все пункты Сан-стефанского договора.

На другой же день я выехал из Лондона и отправился прямо в Фридрихсруэ, где в это время пребывал князь Бисмарк. Немецкий канцлер был очень удивлен, когда я посвятил его в свои переговоры с английскими министрами. Сначала он казался очень озабоченным тем, что мы будем вести переговоры с Англией, вместо того, чтобы договориться с Австрией,— это, повидимому, особенно ему не нравилось. Я ответил князю, что в наших интересах было вести переговоры с державой, намеревавшейся объявить нам войну и флот которой был вполне наготове. Кроме того, Англия, а не Австрия, оспаривала наше право на Карс и Батум. Общественное же мнение в России высказывалось так же энергично за присоединение этих обоих пунктов, как в Германии в 1870 г. оно требовало присоединения Эльзаса. Князь Бисмарк выразил также крайнее изумление, узнав, что Англия согласилась уступить нам Карс и Батум. Он справедливо находил, что эта уступка не соответствовала тону деклараций, сделанных лордом Сольсбюри с тех пор, как он получил портфель министра иностранных дел. Князь считал, это недоразумением. Чтобы убедить его, я должен был дважды прочесть ему заметки, сделанные мною во время моих бесед с министром иностранных дел.

Князь, который был в это время болен, встал в волнении, сделал несколько шагов и сказал мне:

«Ну, в таком случае вы были правы, ведя переговоры с Англией. Она стала бы воевать с вами даже одна, тогда как Австрия объявила бы вам войну только совместно с союзниками». «Когда Андраши приходил в воинственное настроение,— сказал он,— я всегда успокаивал его, доказывая ему, что он не мог воевать с вами один.

В случае австрийских успехов вы отступили бы к Москве, как во время кампании 1812 года, но вы не погибли бы, тогда как, при одной крупной неудаче австрийской армии, и Австрии и династии Габсбургов пришел бы конец».

Князь хотел внести кое-какие изменения в редакцию формулы, которая должна была объединить конгресс. Я просил его не делать этого, зная, как трудно склонить английских министров к изменению уже принятой редакции; они сейчас же начинают подозревать какие-то скрытые цели и недобросовестность. Князь уступил моей просьбе и обещал мне самую искреннюю и лойяльную поддержку.

Проезжая через Берлин, я представился германскому императору, который сообщил мне те же опасения, что и канцлер, по поводу непосредственного соглашения с Англией и одинаково выразил удивление, узнав, что Англия согласна на то, чтобы мы взяли себе Карс и Батум.

Вильдбад. 14 августа.

Не раз, втечение последних переговоров, мне приходило в голову, что если удастся созвать конгресс, меня заставят принять в нем участие. Мне очень хотелось отклонить эту обязанность,— во всяком случае, я не хотел участвовать в конгрессе вместе с князем Горчаковым или генералом Игнатьевым. Оба эти лица по своему положению, так сказать, предназначались к участию в разрешении восточного вопроса. Впоследствии положение дел, которое я застал в С.-Петербурге, и те мнения, какие мне пришлось слышать от влиятельных лиц, заставили меня изменить мое намерение. Одним словом, то, что представлялось моим глазам в С.-Петербурге, было настолько необычайно по сравнению с тем поворотом в общественном мнении, какой произошел после конгресса, что об этом необходимо рассказать.

С самого моего приезда я услышал, как со всех сторон осуждали политику императора и, несмотря на крупные успехи наших армий, сожалели о том, что мы начали войну. Это мнение было всеобщим, без единого исключения. Казалось, все думали одинаково. Одни (я говорю о министрах и других влиятельных лицах) сожалели о начавшейся войне с точки зрения общественного благосостояния России: война расстроила наши финансы на многие годы: она потребует новых налогов; она вызовет значительное повышение цен на предметы первой необходимости. Другие сожалели о ней в связи с политическим положением внутри страны; война и особенно предшествовавший ей период способствовали развитию революционных элементов в России. Славянские комитеты вошли в силу, и правительству трудно будет вновь натянуть вожжи, после того как оно их совершенно распустило. Даже военные, участвовавшие в последней кампании и находившиеся в большом количестве в С.-Петербурге из-за конгресса, критиковали войну, ее необходимость, говорили о высоком благосостоянии, наблюдавшемся среди христианского населения Турции. Они открыто говорили, что у нас нет больше достаточных военных средств, чтобы продолжать борьбу, что война, к тому же, надоела как офицерам, так и солдатам. Я застал в С.-Петербурге двух главнокомандующих. Они говорили со мной приблизительно в одном и том же духе и заклинали меня сделать все возможное, чтобы предупредить продолжение войны, которое, по их мнению, могло испортить уже достигнутые результаты. Великий князь Михаил, говоря со мной об экспедиционном корпусе, подготовленном в Англии, который, по слухам, должен был произвести десант в Поти, спросил меня о приблизительной численности этих войск. Я ему сказал, что 35 000 человек были уже совершенно готовы к посадке и что такое же количество могло быть подготовлено через несколько недель. Великий князь отвечал, что он был настолько ослаблен потерями, что тех сил, какие были в его распоряжении, едва хватало против турок. Было бы достаточно нескольких английских полков, чтобы поставить его в критическое положение.

Великий князь Николай рассказал мне подробно о своем положении: его тяжелая артиллерия осталась по ту сторону Балкан, болезни

опустошали его войска. Достаточно привести один пример: в гвардейском корпусе, насчитывавшем приблизительно 35 000 человек, было 17 000 больных тифом и другими болезнями. Одно это скопление больных тормозило всякое движение. Не было недостатка и в других препятствиях, делавших невозможным продолжение борьбы.

Привезенные мной известия должны были быть сохранены в глубокой тайне, что было исполнено. Император был также очень удивлен предварительными условиями, привезенными мной из Лондона. Приход к власти маркиза Сольсбюри, его циркуляр, его речь в парламенте, все вместе давало повод думать, что у нас произойдет конфликт с Англией. Поэтому император не хотел верить, что взамен разделения Болгарии на две части Балканами англичане склонялись уступить нам Карс— одним словом, все существенные преимущества Сан-стефанского договора, от которых, как все мне доказывало во время моего пребывания в С.-Петербурге, мы отказались бы, лишь бы не возобновлять борьбы, на этот раз при вмешательстве в нее других великих держав. На мой доклад о переговорах император ответил приблизительно в следующих выражениях:

«Мне безразлично, будут ли две или даже три Болгарии, лишь бы все они были обеспечены учреждениями, которые гарантировали бы их от возобновления тех ужасов, какие мы видели. Что касается остального — Карса, Батума и так далее, я ничему не верю. Когда дело дойдет до подписания соглашения, англичане откажутся от этого. Одним словом, они вас обманывают».

Эту последнюю фразу император повторял мне при каждом свидании, и я отвечал неизменно, что я далек от того, чтобы ручаться за добросовестность англичан, что я сделал эту попытку, так как она соответствовала его воле, что в тот день, когда англичане отрекутся от своих намерений, мы окажемся в прежнем положении, и тогда мы решим, что мы должны предпринять.

Я не буду больше распространяться о моем кратковременном пребывании в С.-Петербурге. После нескольких собраний под председательством императора все предложения, передатчиком которых я являлся, были утверждены. Одно из них было тяжело для императора — именно условие о занятии Балкан войсками султана. Я доказывал его величеству, что англичане не уступят в этом вопросе и что надо примириться с этой оккупацией,— к тому же она потребует таких материальных жертв, что, по всей вероятности, окажется призрачной.

Двухлетний опыт доказывает нам теперь, что я не ошибался.

Прощаясь со мной, император сообщил мне о своем намерении послать меня на конгресс в качестве главного уполномоченного, дав мне помощником Убри.

У меня было горячее желание отойти в сторону после подписания соглашения с Англией, если бы мне удалось этого добиться. Уже тогда я предвидел, что лицо, посланное в Берлин как представитель России, обязанное избавить прежде всего свою родину от продолжения войны и выполнить задания правительства, не считаясь со стремлениями вошедшей в такую силу славянской партии, что это лицо в данной ситуации будет козлом отпущения,— признаюсь, эта роль не особенно мне улыбалась. Но, как я уже сказал, все те пессимистические мнения, каких я наслушался в С.-Петербурге из уст лиц, компетентных в поли-

тической, финансовой и военной областях, в высшей степени возбудили мои патриотические чувства и заставили меня принять на себя неблагодарную роль уполномоченного на конгрессе.

При всей скромности я могу сказать, что в это время я был единственным государственным человеком в России, могущим привести это дело к благополучному исходу как благодаря существовавшим между князем Бисмарком и мной дружеским отношениям, так и благодаря тому доверию, какое мне оказывали в Лондоне и Вене.

Я коснусь слегка моего кратковременного пребывания в Лондоне до подписания соглашения и отъезда на Берлинский конгресс. Английские министры были немного напуганы сделанными уступками и старались отречься от них при помощи редакционных изменений. Я старался удержать их на правильном пути, постоянно выдвигая вперед князя Бисмарка. Мои заметки были ему прочитаны, он принял их содержание и на этих основах соглашался созвать конгресс. Всякое изменение могло повредить созыву конгресса. Попытки к этому со стороны англичан заставляли меня желать возможно быстрого решения, но императорский кабинет увеличил трудность моей миссии, требуя сообщений in extenso о ходе соглашения. Я терял много времени на их зашифровывание и перешифровывание всякий раз, как лорд Сольсбюри вносил малейшее изменение.

Такой недостаток доверия к личностям является отличительной чертой нашего министерства иностранных дел. Определенному лицу дают как будто бы самые широкие полномочия, зная, что ему известны взгляды императора, и в то же время ему не дают свободы в выборе того или иного выражения без надлежащего разрешения.

Я потерял больше недели на телеграфные сообщения, а маркиз Сольсбюри пользовался этим промедлением, чтобы ежедневно изменять в свою пользу текст соглашения.

Мы подписали меморандум 18 (30) мая, но он оставался строго конфиденциальным. Когда в Лондоне узнали, что Германия предложила конгресс и все великие державы тотчас же на него согласились, мне приписали успех этого дела и делали мне овации до самого момента моего отъезда. Тем временем я получил высочайший приказ ехать в Берлин на открытие конгресса в качестве главного уполномоченного от России, причем добавлялось, что там я найду для себя инструкции.

Такой способ действий мне показался слишком упрощенным. Обязанный раньше сноситься с С.-Петербургом по поводу каждой запятой в соглашении, я должен был теперь ехать в Берлин, являться на конгресс, вступать в борьбу с представителями всех великих держав без предварительного обмена мнений со своим правительством, без устного обсуждения той позиции, которой я должен буду придерживаться. Время не терпело; до июня (13) 1 оставалось несколько дней, тем не менее я заявил, что не смогу выполнить возложенной на меня задачи, не получив устных инструкций от императора.

Я немедленно уехал в С.-Петербург, где пробыл всего двое суток.

Я хочу отметить здесь инцидент, о котором мне тогда пришлось умолчать из боязни прослыть самонадеянным, но который оказал известное влияние на результаты конгресса. При моем проезде через Берлин я прежде всего отправился к князю Бисмарку; он был настроен чрезвычайно доброжелательно по отношению к делу, которое я должен

был защищать. Расставаясь с ним, я просил его поддержки. Не могу точно припомнить, в каких выражениях он мне ее обещал, но сказанное им заключалось приблизительно в следующих словах:

«Он чрезвычайно доволен выбором, павшим на меня лично; я являюсь единственным лицом в России, которому он вполне и всецело доверяет и с которым ему было приятно вести деловые переговоры. Я могу рассчитывать на него, и он сумеет во время конгресса доказать мне искренность чувства, с которым он уже давно ко мне относился».

Он еще не кончил говорить, когда ему принесли расшифрованную телеграмму генерала Швейница. В ней говорилось, что император сделал визит князю Горчакову с целью дать ему понять невозможность его поездки на конгресс ввиду состояния его здоровья; но что, уступая настояниям канцлера, его величество, в конце концов, согласился назначить его главным уполномоченным вместо меня. При этой новости, прочитанной вслух князем Бисмарком, выражение его лица быстро и многозначительно изменилось.

«Обстоятельства совершенно изменились,— сказал он мне,— мы лично останемся с вами друзьями во время конгресса, но я не позволю князю Горчакову вторично взобраться ко мне на плечи, пользуясь ими как пьедесталом».

Этот факт еще лишний раз доказывает, до какой степени у нас все приносится в жертву личным интересам. Наиболее насущные интересы как в области внешней политики, так и внутренней зависят от соображений подобного порядка. Император знал, что князь Горчаков является абсолютным ничтожеством, ему были известны враждебные чувства, которые князь Бисмарк питал к российскому канцлеру; его присутствие в Берлине могло только повредить нашему делу. Все это было очевидно, и все-таки князю Горчакову было разрешено ехать в Берлин.

Что касается меня, то я должен был принять участие в конгрессе, так как пользовался доверием Европы, но меня нельзя было посылать в качестве главного уполномоченного, и вот почему. Моя предыдущая политика в России не пользовалась популярностью. Мне не могли простить защиты мною интересов прибалтийских провинций против ультраобъединительных тенденций, царивших в С.-Петербурге. Меня упрекали в том, что я противился проведению в польских провинциях репрессивных мер, несправедливых и зараженных радикализмом. Наконец, было известно, что я являлся противником панславистских тенденций, а также и последней войны. Таким образом в глазах известных кругов я являлся личностью подозрительной.

Император должен был бы выбрать лицо, вполне знакомое с положением дел, но известное своими националистскими тенденциями. Человеком, так сказать, предназначенным для этого, был генерал Милютин. Его присутствие на конгрессе, конечно, ничего не изменило бы в положении вещей, но тот же самый Берлинский трактат не оказался бы столь непопулярным в России, а был бы принят благосклонно, если бы на нем стояла подпись Милютина.

Император собрал нас только один раз. На этом заседании, продолжавшемся менее двух часов, были утверждены инструкции для полномочных представителей — инструкции, составленные в этот же день с величайшей поспешностью. Князь Горчаков, только что поправившийся

после болезни, умственно ослабел настолько, что не понимал того, что говорилось. Заседание было объявлено закрытым, тогда как еще множество существенных пунктов не было затронуто. Тем не менее нужно было ехать, иначе мы рисковали опоздать к открытию конгресса.

Здесь произошел инцидент, который необходимо отметить. Возвращаясь из Царского Села, я ехал по железной дороге вместе с военным министром. Я горько жаловался на незначительность помощи, которую я могу ожидать со стороны главного уполномоченного, а в особенности на недостаточность инструкций.

Генерал мне ответил: «Для чего вам инструкции, дорогой граф, и как вы хотите, чтобы вам их давали? Вы знаете положение. Мы не можем больше сражаться. Мы не можем этого ни по финансовым, ни по военным соображениям. Вы взяли на себя выполнение патриотической задачи, поэтому защищайте нас как можно лучше. Отстаивайте пункты, какие вы сочтете возможным отстоять, и уступайте, лучше уступайте все, чтобы только не сорвать конгресса».

Можно ли подумать после таких слов, что как раз генерал Милютин наиболее громко высказывал свое недовольство результатами конгресса и что именно он при получении первых известий из Берлина наиболее энергично обрушился на полномочных представителей России? Это тем более удивительно, что на конгрессе я не только не делал уступок, но добился всего, что было обусловлено в соглашении от 30 мая, т. е. всего того, что несколько недель тому назад вполне удовлетворяло императора и его советников. Единственная уступка, которую мне пришлось сделать, с согласия С.-Петербурга, это уступка Австро-Венгрии полосы земли (l'enclave) до Митровицы. Она не оккупировала ее и до сих пор, два года спустя после конгресса! В виде реванша я добился присоединения к Болгарии Софийского санджака, что казалось императорскому правительству настолько маловероятным, что я даже не получил инструкции поддерживать это требование.

Для меня было достаточно первых суток, проведенных в Берлине, чтобы составить себе ясное представление о том, что меня там ожидало: положение вещей было мало утешительным. Князь Горчаков и его приближенные были настроены крайне недоброжелательно по отношению ко мне. Поэтому необходимо было принять меры предосторожности против своих же, о чем я и переговорил с бароном Жомини. Я поставил условием, чтобы канцлер, превратившийся в Берлине в простого полномочного представителя, не отправлял никаких деловых донесений в С.-Петербург за моей спиной. Я обещал поступать таким же образом. Состояние умственных способностей князя Горчакова в момент отъезда из С.-Петербурга внушало такие опасения, что я получил разрешение употреблять шифр военного министерства для передачи в случае надобности тех сведений, которые я сочту необходимым скрыть от него. Я не пользовался этим средством, но я требовал от него того же. Это условие было выполнено в буквальном смысле, но не по существу. Впоследствии я узнал, что ряд писем, якобы частных, имевших целью мне повредить, неоднократно передавался императору.

С первого же дня определилось то, из-за чего я всегда опасался созыва конгресса; я подразумеваю сговоренность между английскими и австрийскими уполномоченными. Я припоминаю, что я заметил это лорду

Сольсбюри, поздравив его иронически с той быстротой, с какой установилось соглашение между ним и графом Андраши.

«Вас это удивляет,— ответил маркиз,— а мне кажется, что в течение ряда лет и во время деятельности моего предшественника вы удивлялись обратному».

Я уже говорил, насколько наша задача затруднялась как раз теми, кто должен был облегчать ее. Вот доказательство этого.

При первой же нашей встрече с графом Андраши, он попросил у меня делового свидания, не терпящего отлагательства; он начал с того, что заявил свои притязания на территорию, отделяющую Сербию от Черногории, впоследствии получившую название „l'enclave". Он требовал этого на тех же основаниях, как и оккупации Боснии и Герцеговины, и в качестве компенсации за все ограничения, которые мы внесли в Рейхштадтский договор. В С.-Петербурге ожидали подобного требования; мы получили определенную инструкцию отказаться от каких бы то ни было уступок в этом направлении. Наши переговоры с графом Андраши затянулись до поздней ночи; я непрестанно заявлял австрийскому уполномоченному категорический отказ (non possumus), основываясь на имеющихся у меня на этот счет чрезвычайно точных инструкциях. Утомившись, граф умерил свои претензии и согласился не требовать этой части территории (l'enclave), в целях ее аннексии, но ограничиться обещанием России, что она не будет впоследствии возражать против расквартирования здесь нескольких австрийских воинских частей, если это потребуется ради безопасности Боснии и Герцеговины. Граф взял с меня обещание тотчас же написать об этом в С.-Петербург, откровенно предупредив меня, что его позиция во всех остальных вопросах будет зависеть от ответа, который императорское правительство даст ему по поводу этой территории. На деле мы получили согласие императора лишь спустя две недели, когда граф Андраши уже пошел по следам англичан и когда он во всех вопросах высказался против нас, даже в тех случаях, где не были затронуты интересы Австро-Венгрии.

Возвращаюсь к инциденту, о котором я хотел рассказать и который проливает такой яркий свет на трудности моей задачи. На следующий день я встретился с князем Бисмарком, и он рекомендовал мне, в форме дружеского совета, не заниматься дипломатией с графом Андраши, а придерживаться лойяльного и откровенного тона. Удивленный этими словами, я спросил князя о его мотивах.

«Дело вот в чем,— ответил он мне,— Андраши был у меня сегодня утром. Он жаловался на вашу неискренность. Он думал, что сможет договориться с вами как джентльмен, но увидел, что вы поступаете с ним только как дипломат. Вы заявили ему, что не можете сделать ни малейшей уступки в вопросе о территории (l'enclave), так как это противоречит вашим инструкциям. Так вот, сегодня утром он отправился к князю Горчакову, который с первых же слов заявил ему: «Вы получите ее, эту территорию (l'enclave), мой высокочтимый коллега, я предпочитаю видеть ее в ваших руках, а не в руках турок».

Такой ответ однако был диаметрально противоположен воле императора, желавшего оставить эту территорию Турции, но ни в коем случае не Австрии. Впоследствии я объяснялся по этому поводу с графом Андраши, но мне стоило больших усилий разубедить его в том, что я хотел его обмануть.

Мой коллега Убри, присутствовавший при разговоре графа Андраши с князем Горчаковым, подтвердил мне достоверность всего этого и сказал мне, как он испугался, услышав подобный ляпсус в речи или ходе мыслей князя.

Князь Бисмарк председательствовал на конгрессе с известной военной резкостью, которая ни в ком не вызывала неодобрения и перед которой склонялись представители всех держав, не исключая и двух английских министров, со стороны которых я ожидал больше гордости. Но что значительно ухудшало мои дела, это был метод, введенный председателем конгресса с целью сберечь свои силы и избегнуть скуки при выслушивании детального обсуждения болгарских, черногорских и прочих вопросов — «дел этих людей», как он их называл. С этой целью он заставлял нас троих, представителей России, Англии и Австрии, предварительно договариваться между собой и только в случае достигнутого соглашения, если оно являлось возможным, вносить эти вопросы на рассмотрение конгресса. Эти заседания втроем, обычно происходившие в английском посольстве, я отношу к наиболее мучительным часам моей жизни; они были невыносимы для полномочного представителя России. Я отправлялся туда совсем один, и один был вынужден отгрызаться mich herumbeissen целыми часами от лорда Биконсфильда и лорда Сольсбюри, с одной стороны, и от графа Андраши и барона Гаймерлем — с другой. Такое положение было невыносимо; мне пришлось неоднократно предупреждать князя Бисмарка, что я откажусь от этого, и что я прошу перенести обсуждение этих вопросов на общие заседания.

Тем не менее во время одного из этих заседаний втроем я, воспользовавшись ошибками, допущенными лордом Сольсбюри и графом Андраши, добился уступки Софийского санджака Болгарии. Это произошло следующим образом. Маркиз Сольсбюри начал с нелойяльного поступка. Не оспаривая соглашения, достигнутого с Россией в отношении раздела Болгарии Балканским хребтом, он внес оговорку, требующую, чтобы Варна с прилегающей к ней территорией была оставлена султану. Подобная же оговорка до известной степени уничтожала Болгарию. Граф Андраши, которого Варна ни в какой мере не интересовала, но который стремился удалить южную границу Румелии от морского побережья, со своей стороны требовал, чтобы мы провели эту границу севернее. Тогда я задал этим господам вопрос, согласятся ли они, в виде компенсации за каждое из этих требований, присоединить Софийский санджак к княжеству. Как тот, так и другой преследовали свою собственную цель и свой частный интерес и поэтому согласились на это. Я оставил за собой право дать окончательный ответ на следующий день на заседании конгресса. Я заранее знал, каков будет этот ответ, принимая во внимание, что для нас было безразлично, раз Румелия оставалась во владении султана, пройдет ли южная граница дальше или ближе к Эгейскому морю. Поэтому я заявил на следующий день на общем заседании конгресса, что, получив обещание уступить Софию Болгарии в обмен на Варну или же взамен уступок при проведении южной границы, я соглашаюсь на последнюю из этих двух комбинаций. Маркиз Сольсбюри поморщился, но было уже слишком поздно отступать. Таким образом я отвоевал на конгрессе важнейший пункт, который,

казалось, было так трудно отстоять, что о нем даже не упоминалось в данных инструкциях.

Как я уже говорил выше, я сыграл в Берлине роль козла отпущения, и можно только удивляться, что никогда и никому не пришло в голову распространить ответственность и на двух моих коллег. После подписания трактата я оказался виноват в том, что целый ряд национальных стремлений не был удовлетворен, а также и во всех изменениях, внесенных в Сан-стефанский договор; при этом забывали, что этот последний договор был заключен с врагом побежденным, истощившим свои ресурсы, врагом, с которым переговоры велись только для проформы. Можно ли было ожидать, что Сан-стефанский договор будет принят полностью Европой, враждебной нашей политике. Европой, которая не могла простить нам начатой нами войны и которая хотела свести последствия и выгоды этой войны на-нет, как выразился на конгрессе маркиз Сольсбюри? Кроме того, европейские правительства знали, что мы истощены понесенными нами жертвами. Со своей стороны лорд Биконсфильд, склонный к неожиданным выходкам и рассчитывающий на поддержку нации, не остановился бы перед войной. В случае же ее объявления англичане вовлекли бы в нее Австрию, которая, как мне это заявлял во время и после конгресса граф Андраши, действовала бы в союзе с Англией, что впрочем было вполне очевидно. Австрии недоставало денег; этот вопрос однако уже был согласован между Веной и Лондоном. Правда, лорд Биконсфильд не решился внести в палату депутатов запрос о предоставлении Австрии займа, гарантированного Англией; однако он отлично знал, что то, что парламент отклонил бы до объявления войны, прошло бы без затруднений в том случае, если бы британская нация вступила в борьбу с Россией. Если учесть положение дел, которое я только что изложил, и если добавить сюда те враждебные чувства, которые к нам питала вся Европа, приходится не только не критиковать результатов конгресса, но, наоборот, удивляться всем тем уступкам, которые были сделаны России. Предыдущие войны с Турцией, когда нам приходилось заключать договоры только с ней непосредственно, ни разу не предоставили России выгод, выдерживающих сравнение с выгодами последней войны.

Хороши или худы были эти результаты, они не были достигнуты русскими полномочными представителями под свою ответственность. Отчет о каждом заседании конгресса тотчас же передавался по телеграфу в С.-Петербург, и каждый пункт, подвергавшийся обсуждению, до своего утверждения получал санкцию императора.

Как я уже говорил, нерешительность, проявленная в вопросе об уступке части территории (l'enclave), требуемой Австрией, толкнула графа Андраши в объятия Англии. Представители этих двух держав выступали согласованно[1] на конгрессе и старались по возможности превзойти друг друга в своей враждебности по отношению к нам. Такое положение вещей продолжалось всю первую половину конгресса. Я постоянно описывал это положение императорскому правительству то в телеграммах, то в письмах. Я докладывал императору, что мы буквально находимся перед известного рода внутренней коалицией и что голоса Германии и Италии, порой оказывавших нам поддержку, не приносили нам никакой пользы, так как большинство регулярно высказывалось про-

[1] В подлиннике: „faisaient chorus“.

тив нас; что предвзятое мнение против нас было настолько очевидно, что всякая дискуссия становилась бесполезной и что, впрочем, достаточно было бы одного разногласия,— даже если бы большинство стояло за нас — чтобы конгресс распался. Я неоднократно умолял тщательно взвесить в С.-Петербурге это положение дел и решить, имеет ли смысл продолжать и не лучше ли, ради сохранения престижа России, отступить перед коалицией, чем уступать ей. Для этого мне было бы достаточно приказа по телеграфу; на каждом заседании конгресса было достаточно поводов к разрыву.

Я ни разу не получил ответа на подобные сообщения, одновременно же мне приказывали уступать в спорных вопросах, и это достаточно ясно указывало мне на то, что хотели мира,— могу даже сказать, что его желали получить какой бы то ни было ценой.

В России много злословили по поводу роли, которую на конгрессе играл князь Бисмарк; его обвиняли в неблагодарности после поддержки, оказанной Россией Пруссии в 1870 г. Правда, князь Бисмарк не хотел ни с кем ссориться из-за нас, и он уже вступил в тот период своей политики, когда ставил дружбу Австрии выше нашей. Однако, если, с одной стороны, принять во внимание посылку в Берлин главного полномочного представителя, якобы, виноватого перед князем (а это имело громадное значение при характере германского канцлера), и если, с другой стороны, перечислить все случаи, в которых мы к нему обращались и когда он считал, что оказывал нам услугу, будет несправедливым приписывать ему, как это делалось в С.-Петербурге, враждебное отношение к России. И действительно, с самого начала восточного кризиса мы старались сделать его защитником наших интересов, слишком часто напоминая об оказанных ему услугах. С точки зрения психологии это была ошибка. Именно к нему мы обращались с просьбой удержать Австрию всякий раз, когда она пыталась выйти из Согласия и старалась совместно с Англией создавать нам затруднения. Именно он, когда начались враждебные выступления, сделался, так сказать, защитником войны, осуждаемой всеми остальными державами; эта его позиция в то время заставила у нас предполагать, что он преднамеренно толкал нас на эту войну.

Под его покровительством была сделана попытка с берлинским меморандумом; его инициативе, наконец, мы обязаны созывом конгресса и т. д.

Одним словом, мы слишком часто обращались к нему. Я также думаю, что мы могли бы извлечь большую выгоду из наших добрых отношений с Германией, если бы князю Горчакову не приписывали, справедливо или нет, заигрывание с Францией с целью не давать ходу князю Бисмарку.

Германский канцлер мне дважды рассказывал,— один раз в Фридрихсруэ, другой в Берлине,— о своем предложении, сделанном им императорскому правительству в начале восточного кризиса (я не могу точно вспомнить, в какое время),— предложении, оставшемся без ответа.

По его словам, он предлагал нам моральную и материальную поддержку против Турции, предоставляя в наше распоряжение до ста тысяч человек взамен гарантируемой Россией ненарушимости германской территории. «Эти сто тысяч человек оказались бы вам очень полезными в эпоху Плевны»,— говорил князь, добавляя каждый раз к этому рас-

сказу, что в настоящий момент он очень доволен, что его предложение было отклонено, так как он слишком много взял на себя, и ему было бы очень трудно добиться в германском рейхстаге согласия на посылку этих ста тысяч человек. Я позволил себе запросить по этому поводу императора, но он абсолютно ничего не знал об этом предложении. Приходится предположить, что князь Горчаков намеренно прикинулся глухим или же что генерал Швейниц говорил с ним в один из тех дней, когда он вследствие болезненного состояния ничего не помнил.

Конгресс заседал уже третью неделю, когда, подобно взрыву бомбы, произошло разглашение английской печатью англо-русского договора.

Это событие вызвало в Англии такое сильное волнение и такое неблагоприятное впечатление, что оба английских министра в одно прекрасное утро заявили мне, что они отказываются от выполнения того пункта соглашения, по которому они обязывались, в конечном счете, не противиться уступке Батума России. Взволнованный этой новостью, я напомнил маркизу Сольсбюри, что он дал свою подпись и что я предлагаю ему не отказываться от нее.

Министр иностранных дел признавал обязательственный характер этого соглашения, но он заявил, что для того, чтобы обойти этот пункт, он подаст в отставку, и что в тот же день он будет замещен другим министром иностранных дел, для которого подпись эта не будет обязательной.

Вот каким образом правительство лорда Биконсфильда понимало солидарность своих министров.

Положение России становилось критическим: ей приходилось или отказаться от Батума (и я думаю, что она бы это сделала, что вызвало бы взрыв негодования в России) или же конгресс оказался бы сорванным, и у нас, вероятно, была бы война. Я тотчас же отправился к князю Бисмарку: это было время его обеда. Я сообщил ему о признаниях, сделанных мне маркизом Сольсбюри, и просил его дать мне доказательство обещанной им поддержки, сделав последнюю попытку перед лордом Биконсфильдом. Он сделал это немедленно, отправился в Кайзергоф к английскому премьер-министру, и два часа спустя этот тяжелый инцидент был ликвидирован.

Князь сообщил мне, каким средством он воспользовался. Он сказал лорду Биконсфильду, что наилучшей политикой является политика честная и что нужно держать свои обещания, даже если ты ошибся, давая их. Он привел ему пример из эпохи своих переговоров с г. Тьером в 1871 г.: поздней ночью, пользуясь усталостью князя, Тьер заставил его принять линию границы, умышленно заменив название речки, которая ее обозначала, другим. На следующее утро князь обнаружил свою ошибку; он потерял на этом значительную полосу территории в Лотарингии; тем не менее он не протестовал, а ограничился тем, что сказал Тьеру: «Вы меня обманули, но так как я сказал «да», то я не изменю своему слову».

Князь Бисмарк даже пустил в ход запугивание, обратив внимание Биконсфильда на то, что соглашение от 30 мая, хотя оно и двухстороннее, было сообщено ему с согласия лиц, его подписавших, и что именно на основании этого соглашения канцлер счел возможным посоветовать германскому императору созвать конгресс в своей столице.

Поэтому отказ от выполнения этого договора уже будет делом не только России и Англии, но явится нелойяльным поступком по отношению к Германии.

Лорд Биконсфильд уступил, и здесь я должен рассказать еще о комическом эпизоде, т. е. который был бы комическим, если бы над этим можно было смеяться. Я привожу этот эпизод, чтобы лишний раз показать, с какими препятствиями мне приходилось бороться в Берлине.

Хотя князь Горчаков и блистал в известный период своей жизни, однако, по-моему, он никогда не был человеком деловым. Он обладал даром слова, но всегда придерживался общих мест. Я был его сослуживцем в течение десяти лет, и ни разу я не видел, чтобы он серьезно изучал какой-либо вопрос, будь то в области внутренних дел или даже иностранной политики. Когда он участвовал в каких-нибудь прениях в Государственном совете или же в Совете министров, он с первых слов обнаруживал свое полное незнание вопроса, который он обсуждал. Будучи советником и сотрудником императора в эпоху наиболее важных реформ, едва ли он знал их хотя бы только по названию, а с правительственным механизмом России он был абсолютно не знаком. Его особенностью было то, что он, так сказать, был не в ладах с географическими картами. Я не преувеличу, сказав, что еще до ослабления своих физических сил он был неспособен указать хотя бы приблизительно на карте различные государства Балканского полуострова, или же, например, местоположение Карса и Батума. Когда князь говорил о делах, он любил, по его словам, намечать «главные линии» — одним словом, по его же выражению, „il planait“[1].

Если он был таким во время расцвета своих сил, то что же это было в Берлине? Поэтому я очень испугался, когда князь в один прекрасный день заявил мне, что он уступает мне на конгрессе все остальные вопросы, но что он нарочно оставил себе вопрос о Батуме.

Он хотел договориться по нему непосредственно с лордом Биконсфильдом и просил меня поэтому не вмешиваться и не обсуждать его с маркизом Сольсбюри.

Он так настойчиво просил меня об этом, что я согласился.

Батум, как я уже говорил выше, был уступлен России, но дело шло о чрезвычайно важном обстоятельстве, а именно о проведении границы более или менее далеко от Батума и Карса: англичане намеревались оттеснить нас к самым стенам этих двух городов.

И действительно, я узнал, что состоялись две беседы между главными представителями Англии и России, однако князь Горчаков держал свои переговоры в абсолютной тайне.

Конгресс близился к концу. Князь Бисмарк, который торопился уехать в Киссинген, стремился ускорить его окончание и ежедневно запрашивал меня, достигнуто ли соглашение между Англией и Россией по вопросу азиатской границы. Я известил его, что князь Горчаков взял эти переговоры на себя; то же самое я сообщил маркизу Сольсбюри, который также торопил меня. Этот последний ответил мне с каким-то ужасом: «Но, дорогой мой граф, лорд Биконсфильд не может вести этих переговоров; он никогда не видел карты Малой Азии». Про себя я подумал, что наш уполномоченный находится в таком же положении.

[1] «Он парил».

Наконец, князь Бисмарк заявил нам, что, если через 24 часа мы не будем готовы, ему придется передать председательствование конгрессом другому и что он уедет в Киссинген. Несколько часов спустя мы с радостью узнали, что лорд Биконсфильд и князь Горчаков пришли к полному соглашению; однако мы все еще не знали его сущности.

Князь обещал объявить его на следующем заседании конгресса.

Для лучшего уяснения всего последующего надо заметить, что у нас была с собой карта Азии, на которой наш главный штаб наметил одной краской границу, установленную Сан-стефанским договором, и другой — линию, составляющую nec plus ultra того, что уполномоченные могли уступить под давлением Англии. Излишне добавлять, что вторая линия составляла, так сказать, государственную тайну.

Это последнее заседание, посвященное азиатскому вопросу, имело торжественный характер. От его исхода зависели мир или война в Европе.

Председатель предложил обоим уполномоченным занять места рядом и изложить содержание их соглашения. Оба сели, и каждый развернул перед собой карту, начерченную специально для этого случая. Мы стали группой сзади них. Князь приступил, и я тотчас понял, какое недоразумение должно было произойти. На карте князя Горчакова был только один чертеж, именно Сан-стефанский, и князь важно заявил, что «милорд его уже принял». Этот же последний на каждое слово князя отвечал лаконическим: «Нет... нет...» и показывал на своей карте ту линию, на которую он соглашался. И, к моему великому удивлению, эта линия со всеми своими изгибами была как раз та, на которую мы имели право согласиться как на крайний предел наших уступок.

Каждый из обоих уполномоченных опровергал утверждение другого. Спор начинал обостряться. Не слушая один другого, каждый из них настаивал на своем чертеже. Вдруг князь Горчаков встал и, с силой пожимая мою руку, сказал мне: «Тут измена: у них оказалась карта нашего главного штаба».

После заседания я узнал, что накануне князь Горчаков потребовал карту Малой Азии. Ему послали секретную карту с двумя чертежами. Он показал ее лорду Биконсфильду и одолжил ее ему на несколько часов, чтобы показать маркизу Сольсбюри. Англичане, увидав линию, отодвигающую сан-стефанскую границу, остановились на ней и перенесли ее на свою карту. Так объяснялась эта предполагаемая измена.

Председатель конгресса, видя, что оба договаривающиеся все дальше и дальше забираются в тупик, иронически предложил следующее: конгресс прервет на полчаса свое заседание; договаривающиеся будут устранены от прений, и конгресс поручит второстепенным уполномоченным Англии и России разрешить затруднение большинством голосов совместно с второстепенным уполномоченным Германии князем Гогенлоэ. Конгресс обязуется согласиться с решением при количестве двух против одного.

Это предложение было принято с улыбкой представителями всех держав, и странно было, что Турция оказывалась таким образом устраненной от обсуждения вопроса, в котором она была больше всех заинтересована.

И вот это недоразумение послужило нам на пользу. Я стоял за линию Сан-Стефано, маркиз Сольсбюри nec plus ultra чертежа нашего

генерального штаба. Князь Гогенлоэ предложил промежуточный чертеж, разделявший спорную территорию на две равные части.

Я согласился, и вопрос был решен.

На следующий день мы подписали договор.

Месяц, проведенный мной в Берлине, останется для меня самым тяжелым воспоминанием в жизни. Мое здоровье было расшатано, и у меня нехватало сил для той огромной работы, которая выпала на мою долю.

Я работал не менее 18 часов в сутки, и надо еще было найти время и энергию, чтобы принимать участие в обедах и официальных собраниях.

Я спал только урывками и находился в таком нервном состоянии, что каждую ночь спрашивал себя, хватит ли у меня сил выдержать работу следующего дня. Даже мои противники делали мне кое в чем маленькие уступки, принимая во внимание мое физическое истощение.

Как только договор был подписан, большинство моих коллег обратилось ко мне с дружескими словами, говоря, что услуги, оказанные мной, несмотря на окружающие меня препятствия, моей родине и европейскому миру, вызвали в них чувства уважения и симпатии ко мне.

Резюмирую содержание моей памятной записки.

1) Я не только не препятствовал вступлению наших войск в Константинополь и не запугивал последствиями этой меры, но на свою ответственность заявил лорду Дерби, в тот самый момент, когда английский флот форсировал проливы, что эта мера освобождает нас от всех прежних обязательств в отношении Константинополя. И следует заметить, что эти прежние обязательства были приняты не по моему совету,— они исходили непосредственно от императорского кабинета.

2) Я указывал, и мои телеграммы свидетельствуют об этом, что вступление наших войск в Константинополь в ответ на движение британского флота не составит casus belli если мы не предпримем одновременно движения на Галлиполи,— движения, являвшегося в глазах англичан угрозой для их эскадры.

3) Я телеграфировал даже, что на форсирование проливов следовало ответить угрозой Константинополю.

4) Я взял на себя инициативу созыва конгресса, бывшего единственным мирным исходом, после того как Европа отказалась признать Сан-стефанский договор.

5) Я вел переговоры о соглашении 30 мая, условия которого более чем удовлетворили императорский кабинет, так как сам император не верил, что это соглашение будет когда-либо подписано.

6) На конгрессе я добился санкционирования всех существенных пунктов, содержащихся в моих инструкциях, за исключением вопроса о земельном клине (l'enclave), возникшего во время конгресса, которого я не мог выиграть. Эта неудача, если она является таковой, компенсируется тем, что Австрия до сих пор не занимает этого клина, и эта территория осталась, согласно нашим желаниям, в руках турок.

7) Мне удалось выиграть Софийский санджак для Болгарского княжества.

Я покинул Берлин на следующий день после подписания договора и привез его императору. Он встретил меня следующими словами:

«Я знаю, что вся тяжесть конгресса пала на вас, и вы сделали все,

что могли. Признайтесь, однако, что результаты конгресса очень печальны для нас».

Я всегда предвидел враждебность, какую должны были вызвать в невежественной или фанатической в своих славянских тенденциях публике некоторые пункты договора, но я был удивлен, что правительство, вместо того, чтобы муссировать полученные результаты,— а они были весьма значительны, — пошло вслед за недовольными и чуть ли не стало во главе их. Это была ошибка: на этот раз Россия сердилась, и ее недовольство, направленное главным образом против Германии, создало нам серьезные затруднения во многих последующих стадиях выполнения договора.

Беспристрастная история выскажет свое суждение по этому вопросу,— она решит, чье положение было лучше на конгрессе — русских уполномоченных, вернувшихся на родину «с поджатым хвостом», или английских министров, встреченных дома с почестями и триумфом.

(«Красный архив», 1933, т. 4 (59), стр. 86—109).

№ 28. АКТ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА 13 (1) июля 1878 года

Во имя бога всемогущего

Их велич. (следуют титулы), желая разрешить в смысле европейского строя, согласно постановлениям парижского трактата 30 марта 1856 года, вопросы, возбужденные на востоке событиями последних лет и войною, окончившеюся сан-стефанским прелиминарным договором, единодушно были того мнения, что созвание конгресса представляло бы наилучший способ для облегчения их соглашения. Вследствие сего вышепоименованные вел-ва и президент Французской республики назначили своими уполномоченными, а именно: (Россия — Горчакова, Шувалова и Убри, Германия — Бисмарка, Бюлова и Гогенлоэ, Австро-Венгрия — Андраши, Карольи и Хаймерле, Франция — Ваддингтона, Сен-Валье и Депре, Великобритания — Биконсфильда, Сольсбери и Росселя, Италия — Корти и Лонея и Турция — Каратеодорипашу, Магомет-Али-пашу и Садулла-бея)... Вследствие счастливо установившегося между ними согласия, они постановили нижеследующие условия:

Ст. 1. Болгария образует из себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, под главенством его и. в. султана; она будет иметь христианское правительство и народную милицию.

Ст. 2. Болгарское княжество будет заключать в себе нижеследующие территории. Это разграничение (следует описание границ) будет установлено на месте европейскою комиссиею, в которой державы, подписавшие трактат, будут иметь своих представителей... Само собой разумеется: 1) что эта комиссия примет во внимание необходимость для е. в. султана быть в состоянии защитить границы Балкан в Восточной Румелии; 2) что в районе 10 километров вокруг Сомакова не могут быть воздвигаемы укрепления.

Ст. 3. Князь Болгарии будет свободно избираем населением и утверждаем Блистательной Портой с согласия держав. Ни один из членов династий, царствующих в великих европейских державах, не может быть избираем князем Болгарии.

В случае, если звание князя болгарского останется незамещенным,

избрание нового князя будет произведено при тех же условиях и в той же форме.

Ст. 4. Собрание именитых людей Болгарии, созванное в Тырнове, выработает, до избрания князя, органический устав княжества... В местностях, где болгары перемешаны с населением турецким, румынским, греческим и другими, будут приняты во внимание права и интересы этих населений по отношению к выборам и выработке органического устава.

Ст. 5. В основу государственного права Болгарии будут приняты следующие начала:

Различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесл в какой бы то местности ни было.

Всем болгарским уроженцам, а равно и иностранцам обеспечиваются свобода и внешнее отправление всякого богослужения...

Ст. 6. Временное управление Болгарии до окончательного составления органического устава Болгарии будет находиться под руководством российского императорского комиссара. Для содействия ему, с целью наблюдения за ходом временного управления, будут призваны императорский оттоманский комиссар и консулы, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящий трактат. В случае разногласия между консулами оно будет разрешаться большинством голосов, а при несогласии этого большинства с императорским российским комиссаром или с императорским оттоманским комиссаром представители в Константинополе держав, подписавших трактат, собравшись на конференции, постановляют решение.

Ст. 9. Размер ежегодной дани, которую болгарское княжество будет платить Верховному правительству, внося ее в банк, имеющий быть указанным впоследствии времени Блистательной Портой, будет определен по соглашению между державами, подписавшими настоящий трактат, к концу первого года действия нового правления. Эта дань будет исчислена по расчету средней доходности княжества.

Болгария будет обязана нести на себе часть государственного долга (Оттоманской) империи; державы при определении дани примут в расчет ту часть долга, которая должна будет пасть на долю княжества по справедливому распределению.

Ст. 13. На юг от Балкан образуется провинция, которая получит наименование «Восточная Румелия» и которая останется под непосредственною политическою и военною властью е. и. в. султана на условиях административной автономии. Она будет иметь генерал-губернатором христианина.

Ст. 15. Е. в. султану предоставляется право заботиться о защите морских и сухопутных границ области, воздвигая укрепления на этих границах и содержа в них войска. Внутренний порядок охраняется в Восточной Румелии туземной стражей при содействии местной милиции.

При формировании как стражи, так и милиции, коих офицеры назначаются султаном, будет принято во внимание, смотря по местностям, вероисповедание жителей.

Е. и. в. султан обязуется не употреблять в пограничных гарнизонах иррегулярных войск, как-то: башибузуков и черкесов. Регулярные же войска, назначаемые для этой службы, ни в каком случае не будут размещаться по обывательским домам. При переходе через область войска эти не будут делать в ней остановок.

Ст. 16. Генерал-губернатору предоставляется право призывать оттоманские войска в случае, если бы внутреннему или внешнему спокойствию области угрожала какая-либо опасность. В данном случае Блистательная Порта обязана поставить в известность представителей держав в Константинополе о принятом ею решении и о причинах, его вызвавших.

Ст. 17. Ген.-губ. Вост. Румелии будет назначаем Блистательною Портою, с согласия держав, на пятигодичный срок.

Ст. 18. Немедленно после обмена ратификаций настоящего трактата, будет назначена европейская комиссия для разработки, совместно с Портою Оттоманскою, устройства Восточной Румелии...

Ст. 22. Русский оккупационный корпус в Болгарии и Восточной Румелии будет состоять из шести пехотных и двух кавалерийских дивизий и не превзойдет 50 000 человек. Он будет содержаться на счет занимаемой им страны...

Срок занятия Вост. Румелии и Болгарии императорскими российскими войсками определяется в девять месяцев со дня обмена ратификаций настоящего трактата.

Имп. российское правительство обязуется окончить в последующий трехмесячный срок проведения своих войск через Румынию и совершенное очищение этого княжества.

Ст. 23. Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г. с изменениями, которые будут признаны справедливыми...

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом...

Ст. 24. В тех случаях, когда между Блистательною Портою и Грецией не последует соглашения относительно исправления границ, указанного в тринадцатом протоколе берлинского конгресса, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия и Россия предоставляют себе предложить обеим сторонам свое посредничество для облегчения переговоров.

Ст. 25. Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгриею. Австро-венгерское правительство, не желая принять на себя управление Ново-базарским санджаком, простирающимся между Сербиею и Черногориею по направлению на юго-восток за Митровицу, оттоманское управление останется в нем в действии попрежнему. Но для того, чтобы обеспечить существование нового политического строя, а также свободу и безопасность путей сообщения Австро-Венгрия предоставляет себе право содержать гарнизоны, а также иметь дороги военные и торговые на всем протяжении этой части прежнего боснийского вилайета.

С этой целью правительства Австро-Венгрии и Турции предоставляют себе условиться о подробностях.

Ст. 26. Независимость Черногории признается Блистательною Портою и всеми теми высокими договаривающимися сторонами, которые еще ее не признавали.

Ст. 27. (В точности повторяется в отношении Черногории текст 5-й статьи).

Ст. 28. Определяет новые границы Черногории.

Ст. 29. Антивари и его территория присоединяются к Черногории на следующих условиях: Черногория не может иметь ни военных судов, ни военного флага.

Порт Антивари и все вообще воды Черногории останутся закрытыми для военных судов всех наций.

Укрепления, находящиеся между озерами и прибережьем на черногорской территории, будут срыты и никакие новые не могут быть возводимы в этой черте.

Полицейский надзор, морской и санитарный как в Антивари, так и вдоль всего черногорского побережья будет производить Австро-Венгрия, посредством легких сторожевых судов.

Черногория введет у себя действующие ныне в Далмации морские узаконения. Австро-Венгрия, с своей стороны, обязуется оказывать чрез своих консулов покровительство черногорскому торговому флагу.

Черногория должна войти в соглашение с Австро-Венгрией касательно права постройки и содержания дороги и рельсового пути через новую черногорскую территорию. Полная свобода сообщения будет обеспечена на этих путях.

Ст. 34. Высокие договаривающиеся стороны признают независимость Сербского княжества при условиях, изложенных в нижеследующей статье.

Ст. 35. (В точности повторяется в отношении Сербии текст 5-й статьи).

Ст. 43. Высокие договаривающиеся стороны признают независимость Румынии.

Ст. 44. (В точности повторяется в отношении Румынии текст 5-й статьи). Подданные всех держав, торгующие и другие будут пользоваться в Румынии, без различия вероисповеданий, полным равенством.

Ст. 45. Княжество Румыния уступает обратно е. в. имп. всероссийскому часть Бессарабской территории, отошедшей от России по Парижскому трактату 1856 года, ограниченную с запада руслом Прута, с юга руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула.

Ст. 46. Острова, составляющие дельту Дуная, а также остров Змеиный, Тульчинский санджак, вмещающий округи (казы): Килию, Сулину, Махмудие, Исакчу, Тульчу, Мачин, Баба-даг, Гирсово, Кюстендже, Меджидие, присоединяются к Румынии. Княжество, кроме того, получает территорию, лежащую на юг от Добруджи до черты, начинающейся к востоку от Силистрии и оканчивающейся у Черного моря к югу от Мангалии.

Очертание границы будет определено на месте европейскою комиссиею, установленною для разграничения Болгарии.

Ст. 48. Никакая транзитная пошлина не будет взимаема в Румынии с товаров, провозимых через княжество.

Ст. 52. Для увеличения гарантий, обеспечивающих свободу судоходства по Дунаю, за которой признается общеевропейский интерес, Высокие договаривающиеся стороны постановляют, что все крепости и укрепления по течению реки от Железных Ворот до ее устьев будут срыты и что новых возводимо не будет. Никакое военное судно не может впредь плавать по Дунаю вниз от Железных Ворот, за исключением легких судов, предназначаемых для речной полиции и таможенной службы. Стасьонеры держав в устьях Дуная могут, однако, подниматься до Галаца.

Ст. 53. Европейская Дунайская комиссия, в коей Румыния будет иметь представителя, сохраняет свой круг действий, который отныне распространяется до Галаца, при полной независимости от территориальных властей. Все договоры, соглашения, акты и постановления касательно ее прав, привилегий, преимуществ и обязательств подтверждаются.

Ст. 58. Блистательная Порта уступает Российской империи, в Азии, территории Ардагана, Карса и Батума с портом последнего, равно как и все территории, заключающиеся между прежнею русско-турецкой границей и следующею пограничною чертою... (линия Чорох — Бардуз — Аракс).

Ст. 59. Е. в. имп. всерос. объявляет, что его намерение — сделать Батум порто-франко, по преимуществу коммерческим.

Ст. 60. Долина Алашкерта и город Баязет, уступленные России статьей 19 Сан-Стефанского договора, возвращаются Турции. Блистательная Порта уступает Персии город и территорию Котур соответственно тому, как она была определена смешанной англо-русской комиссией по турецко-персидскому разграничению.

Ст. 61. Блистательная Порта обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели державам, которые будут наблюдать за их применением.

Ст. 62. Так как Блистательная Порта выразила твердое намерение соблюдать принцип религиозной свободы в самом широком смысле, то договаривающиеся Стороны принимают к сведению это добровольное заявление.

Ни в какой части Оттоманской Империи различие вероисповедания не может подавать повода к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования гражданскими и политическими правами, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям, или до отправления различных свободных занятий и ремесел.

Все будут допускаемы, без различия вероисповеданий, свидетельствовать в судах... Духовные лица... всех наций, путешествующие в... Турции, будут пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегиями. Право официального покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами держав в Турции как по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и других на Св. Местах и в других местностях.

Права, предоставленные Франции, строго сохраняются за нею и, само

собою разумеется, что status quo на св. местах не может подвергнуться никакому нарушению.

Иноки Афонской горы, из какой бы они ни были страны, сохраняют свои имущества и будут пользоваться без всяких исключений полным равенством прав и преимуществ.

Ст. 63. Парижский трактат 30 марта 1856 года, а также и лондонский договор 13 марта 1871 года сохраняют свою силу во всех тех постановлениях, которые не отменены или не изменены вышеприведенными статьями. Ратификован в Царском Селе 15 июля 1878 г.

(Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VIII (трактаты с Германией, СПБ. 1888, стр. 639).

№ 29. ЗНАЧЕНИЕ ПРОЛИВОВ ДЛЯ РУССКОГО ЦАРИЗМА

(Из записки Нелидова, русского посла в Турции, «О занятии проливов», 18 декабря 1882 г.) [1]

...Роль завоевательницы столицы, как кажется, предназначена судьбой и историей России, все интересы которой политические, торговые и военные настоятельно требуют занятия проливов. Неизбежность этого события так ясно сознается всеми, что кажется излишним выставлять всю выгоду, всю необходимость для России иметь под своей властью Дарданеллы и Босфор. Вопрос тут не в увеличении нашего неизмеримого отечества, не в присоединении к нему новых владений, но в утверждении русской власти на пути наших южных морских сообщений с открытыми морями и океаном. Кроме того, утверждение на Босфоре окончательно закрепляет за нами все наши закавказские владения, соединяет в одном пункте всю нашу оборонительную линию берегов Черного моря и дает нам решительное влияние на судьбы как Балканского, так и Малоазиатского полуострова. Наконец, оно усиливает оборонительную силу нашу на западной границе, давая нам возможность располагать для ее защиты всеми боевыми средствами, которые были доселе иммобилизированы на черноморских берегах. В этом, собственно, и состоит для нас удовлетворительное и выгодное решение восточного вопроса.

Но в этой же степени, в какой мы, естественно, стремимся к достижению этой исторической цели, западные державы, несомненно, стараются нам препятствовать, а некоторые ищут и сами утвердиться на проливах. ...Англичане не перестают следить внимательно за Дарданеллами и, вероятно, будут искать при случае, укрепиться там, чтобы иметь в своих руках ключ от Черного моря и располагать по своему усмотрению нашей южной торговлей.

Из этого для нас является настоятельная необходимость предупредить наших соперников и принять все меры к тому, чтобы в данную минуту, когда обстоятельства представятся к тому особенно благоприятными или опасность чужого занятия станет слишком близка, мы могли бы наверное, с полным залогом успеха, сами утвердиться на проливах [2].

---

[1] На записке имеется резолюция царя Александра III: «Все это весьма дельно и толково... Дай бог дожить до этой отрадной и задушевной для нас минуты... Главное не терять времени и удобного момента. А.».

[2] На полях этой фразы пометка Александра III: «Это главное».

На обязанности военного начальства и морского ведомства будет лежать приготовление всех нужных к тому материальных средств... Дипломатии подлежать будет облегчить и подготовить путь и особенно указать минуту, когда это громадное предприятие должно и возможно будет исполнить наиболее удобно.

Разработка этого вопроса и составляет собственно, по моему мнению, обязанность русского представительства в Константинополе... Не только материальные и коммерческие интересы наши и наша военная безопасность на юге были бы ограждены этим, но мы получили бы сразу на Востоке политическое положение, которого не могли бы достигнуть иным путем. Держа в руках узел путей из балканских стран в Азию и обратно, мы приобрели бы решающее влияние на судьбы Балканского и Малоазиатского полуостровов. Вопрос об освобождении христиан и о самобытном развитии славянских народностей Турции разрешился бы сам собою. Никакое движение Австрии на восток не было бы нам опасным. ...Для нас весьма скоро представилась бы возможность совершенно вытеснить Австро-Венгрию с Балканского полуострова и возвратить его всецело в полное владение населяющих его народностей...

Дальнейшее отношение наше к Европе и направление нашей западной политики неизбежно примет новый характер, основанный на поддержании и восстановлении на наших границах, в виде оплота против Запада, всех славянских народностей, имеющих стремление и возможность жить своей, особой, славянской жизнью в тесном, но свободном единении с Россией, опираясь на нее и, в свою очередь, ограждая ее.

(«Красный архив», т. III (46), 1931 г., стр. 182—187).

№ 30. ГЕРМАНО-АВСТРИЙСКИЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ВЕНЕ 7 октября 1879 года

(Уполномоченные: Австро-Венгрии—Андраши, Германии—Рейс)

Принимая во внимание, что их вел. имп. Австрии и король Венгрии и германский император и король Пруссии должны считать своим непререкаемым монаршим долгом иметь при всяких обстоятельствах попечение о безопасности своих империй и спокойствии своих народов,— принимая во внимание, что оба монарха, подобно тому, как это имело место в отношении прежде существовавшей союзной связи, будут в состоянии путем твердых совместных действий обеих империй легче и успешнее выполнить этот долг, — принимая, наконец, во внимание, что искренняя связь между Германией и Австро-Венгрией не может никому угрожать, но способна, напротив, укрепить европейский мир, созданный постановлениями берлинского конгресса,—

Их вел... решили заключить союз мира и взаимной защиты, торжественно в то же время обещая друг другу, что они никогда и ни в каком направлении не пожелают придать агрессивной тенденции своему чисто оборонительному соглашению.

Ст. 1. В случае, если бы одна из обеих империй, вопреки ожиданию и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, то обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью военных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию.

Ст. 2. Если бы одна из высоких договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны какой-либо другой державы, то другая высокая договаривающаяся сторона настоящим здесь обязуется не только не оказывать помощи нападающему против своего высокого союзника, но соблюдать, по меньшей мере, благожелательный нейтралитет по отношению к своему высокому договаривающемуся соучастнику. Но если бы, однако, в таком случае нападающая держава получила поддержку со стороны России, будь то в форме активного содействия или будь то путем военных мероприятий, то обусловленное в ст. 1 обязательство полной военной взаимопомощи вступит немедленно в силу, и тогда ведение войны высокими договаривающимися сторонами также будет совместным вплоть до совместного заключения мира.

Ст. 3. Срок этого договора определяется пока пятилетний, считая со дня ратификации. За год до истечения этого срока обе высокие договаривающиеся стороны вступят в переговоры о том, продолжают ли еще в действительности существовать обстоятельства, легшие в основу этого договора и условятся насчет дальнейшего срока и возможных изменений отдельных деталей. Если в течение первого месяца последнего договорного года ни с чьей стороны не последует приглашения к открытию таких переговоров, то договор этот будет считаться возобновленным на срок следующих трех лет.

Ст. 4. Договор этот, в соответствии с его мирным направлением и с целью устранения всякого ложного истолкования, будет сохраняться в тайне обеими высокими договаривающимися сторонами и может быть сообщен какой-либо третьей державе только с согласия обеих сторон и по особому о том соглашению между ними.

Считаясь с высказанными имп. Александром на свидании в Александрово чувствами, высокие участники этого договора питают надежду на то, что для них военные приготовления России не будут в действительности угрожающими и поэтому они не видят сейчас никакого повода для какого-либо сообщения. Но если бы эта надежда, вопреки ожиданию, оказалась ошибочной, то высокие участники договора сочтут долгом лойяльности осведомить имп. Александра, по крайней мере, конфиденциально о том, что они вынуждены будут рассматривать всякое нападение на одного из них, как направленное против них обоих.

Ст. 5. Договор этот вступит в действие по одобрении его обоими высокими суверенами; он должен быть после этого ратификован в течение четырнадцати дней...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 232—233. Док. 221).

№ 31. СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ И ИТАЛИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ВЕНЕ 20 мая 1882 года[1]

(Уполномоченные: Австро-Венгрии—Кальноки, Германии—Рейс, Италии—Робилант).

Их вел. имп. австрийский..., имп. германский..., король Италии, воодушевленные желанием увеличить гарантии всеобщего мира, укрепить мо-

[1] В последующем этот договор с некоторыми дополнениями возобновлялся каждые 5 лет. (Сост.).

нархический принцип и обеспечить тем самым сохранение в неприкосновенности общественного и политического строя в их государствах, условились заключить договор, который, благодаря своей существенно охранительной и оборонительной природе, имеет только целью обеспечить их от угроз, которые могли бы создаться для безопасности их государств и спокойствия Европы.

Ст. 1. Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу мир и дружбу и они не вступят ни в какой союз или обязательство, направленные против одного из их государств.

Они обязуются приступить к обмену мнениями по политическим и экономическим вопросам общего характера, которые могли бы возникнуть, и, кроме того, обещают взаимную поддержку друг другу в границах своих собственных интересов.

Ст. 2. В случае, если Италия, без прямого вызова с ее стороны, подверглась бы нападению Франции по какому бы то ни было поводу, обе другие договаривающиеся стороны обязаны подать атакованной стороне помощь и содействие всеми своими силами.

Такая же обязанность ляжет на Италию в случае не вызванного прямого нападения Франции на Германию.

Ст. 3. Если бы одна или две из высоких договаривающихся сторон, без прямого с их стороны вызова, подверглись нападению и были бы вовлечены в войну с двумя или несколькими великими державами, не участвующими в настоящем договоре, то casus foederis одновременно представится для всех высоких договаривающихся сторон.

Ст. 4. В случае, если какая-либо великая держава, не участвующая в настоящем договоре, стала бы угрожать безопасности территории одной из высоких договаривающихся сторон, и сторона угрожаемая оказалась бы тем самым вынужденной объявить ей войну, обе другие обязуются соблюдать в отношении их союзницы благожелательный нейтралитет. Каждая в таком случае оставляет за собой возможность вступить в войну в подходящий для себя момент для участия в общем деле со своей союзницей.

Ст. 5. Если для мира одной из высоких договаривающихся сторон создается угроза при обстоятельствах, предусмотренных в предшествующих статьях, то высокие договаривающиеся стороны условятся в нужный момент относительно военных мероприятий на случай совместного выступления.

Они теперь же обязуются во всех случаях общего участия в войне не заключать перемирия, мира или договора иначе, как с общего между собою согласия.

Ст. 6. Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу держать в тайне содержание и существование настоящего договора.

Ст. 7. Настоящий договор будет в силе в течение пяти лет со дня обмена ратификациями.

Ст. 8. Ратификации настоящего договора будут обменены в Вене в течение трех недель или скорее, если то можно будет сделать...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 241—242. Док. 230).

№ 32. АВСТРО-РУССКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР 1881 г.

Статья I

В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с четвертой великой державой, две другие сохраняют по отношению к ней благожелательный нейтралитет и приложат старания к локализации конфликта.

Это условие выполняется и в случае войны между одной из трех держав с Турцией, но только если предварительно между тремя дворами будет заключено соглашение касательно результатов этой войны.

В тех отдельных случаях, когда одной из держав было бы оказано одной из ее двух союзниц более существенное содействие, настоящий договор сохранит всю свою силу для третьей.

Статья II

Россия в согласии с Германией заявляет о своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским трактатом.

Все три двора, желая избежать всяких разногласий между собой, обязуются взаимно считаться с интересами договаривающихся сторон на Балканском полуострове. Сверх того они дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном status quo Европейской Турции могут произойти не иначе, как по взаимному их соглашению.

Для того чтобы облегчить соглашение, предусматриваемое этой статьей, все частности которого предвидеть невозможно, дворы теперь же установили в приложенном к этому договору протоколе пункты, по которым в принципе уже достигнуто соглашение.

Статья III

Все три двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в заявлении второго полномочного министра России в заседании Берлинского конгресса от 12 июля (протокол 19).

Они будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в интересах какого бы то ни было правительства, предоставляя для военных операций воюющей державы часть своей империи, в которую входят проливы.

В случае нарушения этого условия или чтобы предотвратить таковое, если бы предвиделась возможность этого, все три двора предупредят Турцию, что они в подобном случае будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимущества территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским трактатом.

Статья IV

Настоящий договор имеет силу в продолжение трех лет со дня его ратификации.

Статья V

Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются хранить в тайне содержание и существование настоящего договора, а также и прилагаемого протокола.

Статья VI

Тайные договоры, заключенные между Германией и Россией и между Россией и Австро-Венгрией в 1873 году, заменяются настоящим.

Статья VII

Настоящий договор и прилагаемый к нему протокол будут ратифицированы в Берлине в течение двух недель или ранее, если это окажется возможным.

В удостоверение чего каждый из полномочных министров подписал настоящий договор и скрепил его своей гербовой печатью.

Заключен в Берлине, июня 18-го дня 1881 года.

(М. П.) подписано: *ф. Бисмарк.*
(М. П.) » *Сечени.*
(М. П.) » *Сабуров.*

Нижеподписавшиеся полномочные его величества императора германского, короля прусского, его величества императора австрийского, короля богемского и проч. и апостолического короля венгерского и его величества императора всероссийского, утвердив согласно II статье заключенного ныне тайного договора пункты, касающиеся интересов трех дворов Германии, Австро-Венгрии и России на Балканском полуострове, относительно которых было уже достигнуто между ними соглашение, постановили следующее:

1. Босния и Герцеговина

Австро-Венгрия сохраняет за собой право аннексировать эти две провинции в момент, который найдет для этого подходящим.

2. Ново-Базарский санджак

Заявления, которыми обменялись Австро-Венгерский и Русский Полномочные на Берлинском конгрессе 13/1 июля 1878 года, остаются в силе.

3. Восточная Румелия

Все три державы согласно признают, что возможность оккупации Восточной Румелии или Балкан представляла бы большую опасность для всеобщего мира. В случае надобности они приложат свои усилия к тому, чтобы отклонить Порту от подобного шага, причем, само собой разумеется, Болгария и Восточная Румелия должны будут со своей стороны воздерживаться от того, чтобы вызывать на это Порту нападениями на другие провинции Оттоманской империи.

4. Болгария

Все три державы не будут противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией в пределах территориальных границ, указанных им Берлинским трактатом, в случае если бы этот вопрос был выдвинут силою вещей. Они взаимно согласились отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям, именно Македонии, и объявив им, что в подобном случае они действовали бы на свой риск.

5. Положение агентов на Востоке

Во избежание трений, могущих возникнуть на почве столкновения интересов касательно местных вопросов, все три двора снабдят своих представителей и агентов на Востоке общей инструкцией, предписывающей им стремление сглаживать их разногласия в каждом отдельном случае дружескими переговорами, а в случае, когда бы это не было достигнуто, сноситься по этому поводу со своими правительствами.

6. Настоящий протокол является неотъемлемою частью тайного договора, подписанного сегодня в Берлине, и имеет такую же силу и такое же значение.

В удостоверение чего каждый из полномочных министров его подписал и скрепил гербовой печатью.

Заключен в Берлине 18 июня 1881 года.

(М. П.) подписано: *ф. Бисмарк.*
(М. П.) » *Сечени.*
(М. П.) » *Сабуров.*

Сим заявляем, что нам представленный и нами рассмотренный договор этот и относящийся к нему протокол, как соответствующие во всех их статьях нашим предначертаниям, принимаем и ратифицируем, а также обещаем их точно исполнять и соблюдать.

В удостоверение чего мы настоящую ратификацию совершили и нашею императорской печатью скрепить повелели.

Дано в Эмсе 23 июня 1881 года.

Вильгельм.
ф. Бисмарк.

(Русско-германские отношения 1873—1914. М., Центрархив, 1922, стр. 131—135).

№ 33. БИСМАРК ОБ ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ И ОБ АНГЛО-РУССКОМ АНТАГОНИЗМЕ

Письмо Бисмарка императору Вильгельму I. 27 мая 1885г.

Ваше императорское и королевское величество должны были в самое последнее время неоднократно встречать в наших газетах упоминания в статьях в газ. „Times", в которых с определенной настойчивостью выражалось обращенное к Германии требование — выступить в качестве примирителя в афганистанском конфликте[1]. При этом газетой „Times"

[1] В апреле 1885 г. возникла опасность войны между Россией и Англией из-за столкновения между русскими и афганскими войсками.

и французской прессой высказывалось утверждение, будто Германия желает, чтобы дело дошло до войны между Англией и Россией и будто у нас ослабло стремление к миру.

Это утверждение, к которому не давали повода ни поведение правительства вашего величества, ни немецкая пресса, надо отнести за счет стремления „Times" возбудить недоверие к Германии и подготовить почву для союза Англии, России и Франции, направленного против Германии. Та же политика проводится французской, именно орлеанской прессой. Во всяком случае Германия не заинтересована в том, чтобы мешать России, если последняя предпочтет искать занятий для своей армии в Азии, нежели в Европе. Если бы русские войска, бездействовавшие со времени мира 1856 года, скучавшие в условиях мирного времени и впадавшие в нигилизм, не были использованы в 1877 году в войне против Турции, они искали бы и нашли бы себе занятие в войне против Австрии. Когда русская армия находится в бездействии, она представляет опасность для внутреннего спокойствия государства и для династии. Если нечем заняться в Азии, неизбежно ищут занятий на западной границе. Как только в самые последние дни в Азии появились виды на мир, тотчас же было произведено усиление артиллерии и возведение укрепления на западной границе. Но еще многозначительнее следующее явление: как только мистер Гладстон 12 числа сего месяца — слишком поспешно, как ваше величество изволили видеть из последних донесений посла Швейница — сделал сообщение в парламенте о том, что лорд Гранвиль и министр по делам Индии пришли к соглашению с послом фон Стаалем относительно границы[1], соглашению, которое удовлетворяет и лорда Дюфферина[2] и утверждение которого русским правительством ожидается будто бы со дня на день, в прессе различных стран стали раздаваться голоса, выражающие желание и надежду, что разрешение афганистанского конфликта поведет к соглашению и к союзу между Россией и Англией.

Эти заявления заслуживают большего внимания, чем обычные газетные статьи, так как высказанная в них мысль об англо-русском союзе поддерживается панславистской партией, которая собственно и является носительницей идеи войны против Австрии и возможно, против Германии и с самого начала входила в программу Гладстона.

Если состоится это англо-русское соглашение с его якобы христианским и антитурецким, а на самом деле панславистским и радикальным направлением, то тем самым явится возможность во всякое время, смотря по надобности, — усилить это соглашение за счет Франции, в случае если русско-английская политика встретит сопротивление со стороны Германии: этим создается базис для такой коалиции против нас, опаснее которой для Германии ничего и быть не может.

Поэтому большое искушение для немецкой политики — создать скорее враждебные, чем слишком интимные отношения между Россией и Англией. Мы добросовестно этому противились и не сделали ничего, что усилило бы военную опасность, но если мы воздерживаемся от этого из-за общехристианских соображений, то мы обязаны перед германским народом избегать всего, что может избавить англичан от враждебности русских, обратив ее против нас самих.

[1] Афганистанской.
[2] Вице-король Индии.

Чтобы это вызвать,— достаточно малейшего прямого или косвенного нажима на Россию, даже дружеского совета сохранять мир. Несомненно, что Россия не пойдет на войну с Англией, если она во время войны должна будет опасаться угроз со стороны Германии или Австрии. Малейшего намека на такую возможность было бы достаточно для того, чтобы настроить Россию миролюбиво по отношению к Англии, но этого было бы также достаточно и для того, чтобы вновь возбудить и усилить с таким трудом устраненное недоверие против нас и заставить русскую политику направить свое острие исключительно против Запада. На этом основании мы тщательно воздерживались доводить до сведения Петербурга хотя бы самое незначительное высказывание, которое могло бы быть рассматриваемо как давление или хотя бы как намек на то, что ваше величество желает, чтобы Россия не нарушала мира.

Ибо в отношениях между двумя великими державами невозможно прямо или косвенно высказать подобное пожелание без того, чтобы это не носило оттенка угрозы в случае его невыполнения; даже самая дружественная форма выражения не сможет помочь в этом отношении. Поэтому если правительство вашего величества проявляет безусловную сдержанность в отношении всяких советов к сохранению мира, то в основе этого лежит лишь усиленная забота о собственном мире и собственных добрососедских отношениях с Россией, на которые немецкий народ имеет право рассчитывать, и ни в каком случае это не имеет целью вызвать ссоры и войны между двумя дружественными нам государствами, или сделать какой-либо честолюбивый расчет, который мог бы быть осуществлен, благодаря подобной ссоре. Целью подобных мероприятий является просто согласная с чувством долга защита удачно восстановленных дружественных отношений германской империи к своему восточному соседу.

Бисмарк.

(Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Bd. IV, № 778, стр. 124—126).

№ 34. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И АНГЛО-АВСТРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в 80-х гг.

Из продиктованной Бисмарком записки советника ведомства иностранных дел графа Рантцау 27 ноября 1886 г.

Если бы было точно известно, что Австрия в случае нападения на нее России — из-за восточного вопроса, из-за Болгарии, или из-за Дарданелл,— может рассчитывать на поддержку Англии, и если бы имели в этом полную уверенность, то в нашу задачу не входило бы останавливать Австрию в ее сопротивлении России. Но до тех пор, пока мы должны думать, что не Австрия изменит Англии, как утверждает лорд Рандольф [1], а Англия Австрии — чему всегда легко найти предлог в парламентских выступлениях,— до тех пор мы вынуждены не только отговаривать Австрию от прямого выступления против России, но и удерживать ее всеми возможными средствами. Констелляция: Германия — Австрия одновременно в войне против России — Франции, в настоящее время не представляло бы для нас ничего тревожного, если бы австрийская армия была так же сильна, так же обучена и так же снаб-

[1] Лорд Р. Черчиль, член кабинета лорда Сольсбери.

жена припасами, как наша. К сожалению, этого нет и тяжесть возможной войны на два фронта ляжет поэтому, главным образом, на наши плечи. Дело идет, таким образом, о такой войне, которую мы готовы принять лишь в случае, если мы подвергаемся прямому нападению и под угрозой окажется наша независимость: короче, при таких обстоятельствах, когда приходится принимать и самый неравный бой.

Лорд Рандольф дает понять, что если Австрия поднимет перчатку, то ей обеспечена поддержка Англии, а я, на основании всего, что мы знаем из Вены и от вашей светлости через графа Карольи, могу считать это неверным, рассчитанным на то, чтобы спровоцировать Австрию, а затем ее покинуть, указав ей на помощь с нашей стороны, в то время, как Англия останется нейтральной. Сам лорд Рандольф не может дать или обещать гарантий на этот счет, ибо едва только он по своей или не по своей воле выйдет из состава министерства, как ситуация тотчас же изменится и всякое данное им поручительство не будет иметь значения.

Мне неизвестно, намерена ли Россия произвести оккупацию Болгарии. Но я убежден в том, что решительное выступление Австрии против России не предотвратит войны, а наоборот, тотчас поведет к ее возникновению, так как Россия в сознании своего превосходства будет прямо-таки стремиться к войне с Австрией, поскольку она сможет думать, что Австрия в этой войне останется без союзников. Если бы Россия была уверена, что подвергнувшаяся ее нападению Австрия найдет поддержку у Англии, то она не напала бы на Австрию, и Англии следует только намекнуть в Петербурге, что она в этом случае окажет помощь Австрии, что с честью сохранит мир. Но пока Англия по отношению к России ведет попрежнему двусмысленную политику, до тех пор в интересах Австрии—уклоняться от войны с Россией, даже ценою жертв. Вероятность, что она найдет за Австрией Германию не наверняка удержит Россию от нападения на Австрию, так как Россия имеет полное основание не сомневаться в том, что в таком случае силы Германии будут тотчас же парализованы нападением Франции. Отпор этому нападению поглотит все наши силы, и мы не сможем оказать австрийцам никакой существенной помощи в войне против России. Напротив, если Англия окажет помощь австрийцам,— Франция будет нейтрализована Германией и обуздана. Серьезного нападения Франции на Англию мы не сможем допустить, и лорд Р. Черчиль совершенно прав, когда он не сомневается, что наша позиция в англо-французском конфликте ни в коем случае не может быть враждебна или хотя бы только равнодушна по отношению к Англии. Всякая серьезная опасность, которая будет угрожать Англии со стороны Франции, в настоящее время втянет нас в войну так же легко, как при Ватерлоо.

До сих пор нет никаких данных, из которых мы могли бы почерпнуть уверенность в том, что Англия готовится к выступлению ради защиты своих общих с Австрией интересов. Предпосылкой такого выступления была бы иная ее деятельность в области усовершенствования морских вооружений и боевой подготовки, чем та, которая велась до сих пор, а также более серьезные усилия добиться союза с Портой. При всем бессилии Порты в других отношениях, ее позиция, благодаря обладанию проливами, все же явится в русско-английской войне решающим моментом, перевешивающим чашку весов.

Поэтому, пока единственно правильный путь для нашей политики я усматриваю в сохранении мира и в оказании в этом смысле влияния в Вене всеми доступными нам путями.

(Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Bd. IV, № 873, S 283—285.)

№ 35. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ АВСТРИЕЙ, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ИТАЛИЕЙ ОБ ОХРАНЕ status quo В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ 12 февраля — 24 марта 1887 года

I. Нота итальянского посла в Лондоне Корти на имя Сольсбери от 12 февраля 1887 года

Нижеподписавшиеся, посол е. в. короля Италии, получил предписание от своего правительства довести до сведения... маркиза Сольсбери следующее:

Правительство е. в. короля, воодушевленное желанием установить с правительством ее в. королевы соглашение по различным вопросам, касающимся их интересов, придерживается того мнения, что цель эта могла быть достигнута принятием следующих оснований:

1. По мере возможности будет поддерживаться status quo в Средиземном море, а также в Адриатике, Эгейском море и Черном море.

В соответствии с этим будут следить и при надобности препятствовать всяким переменам, которые в форме аннексий, оккупаций, протектората или каким-либо иным образом посягнули бы на существующее положение к ущербу обеих держав.

2. Если сохранение status quo окажется невозможным, то будет сделано так, чтобы никакая перемена не произошла иначе, как в результате предварительного соглашения между обеими державами.

3. Италия вполне готова поддержать дело Великобритании в Египте. Великобритания, в свою очередь, склонна поддержать действия Италии в любом ином пункте северного побережья Африки, а в частности в Триполитании и Киренайке, в случае вторжения третьей державы.

4. Вообще и поскольку это дозволят обстоятельства, Италия и Англия обещают друг другу взаимную поддержку в Средиземном море во всех разногласиях, которые могли бы возникнуть между одной из них и третьей державой...

II. Ответная нота Сольсбери на имя Корти от 12 февраля 1887 года

Правительство ее величества с большим удовлетворением ознакомилось с программой итальянской политики в том виде, как она изложена в ноте вашего превосходительства от 12 февраля, так как благодаря этому оно получает возможность откровенно пойти навстречу дружеским чувствам графа Робиланта[1] и высказать свое собственное желание вообще действовать совместно с итальянским правительством в обстоятельствах, затрагивающих обоюдные интересы обеих сторон. Относительно характера этого совместного действия они должны будут, смотря по обстоятельствам каждого случая, решать о том, представляется ли повод для совместного выступления. В интересах мира и независимости стран,

[1] Министр иностранных дел Италии.

расположенных по Средиземному морю, правительство ее величества желает действовать в полнейшей гармонии и согласии с итальянским правительством.

Обе державы желают, чтобы в отношении побережья Эвксина[1], Эгейского моря и Адриатического моря, а также и северного побережья Африки было сохранено status quo...

В случае, если, по причине каких-либо роковых событий, сохранение status quo во всей полноте окажется невозможным, то обе державы желают, чтобы никакая иная великая держава не распространяла бы своего владычества в какой-либо части этих побережий.

Самым горячим желанием правительства ее величества будет, как сказано выше, оказание лучшего содействия итальянскому правительству в поддержании основных принципов такой политики[1].

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 251—252. Док. 241).

№ 36. СЕКРЕТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ 1887 г.

Статья I

В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции, в случае если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из последних держав одной из высоких договаривающихся сторон.

Статья II

Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и в Восточной Румелии. Оба двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном status quo названного полуострова, не сговорившись предварительно между собой, и противодействовать всякой могущей быть попытке к нарушению этого status quo или изменению его без их согласия.

Статья III

Оба двора признают всероссийское значение и обязательность принципа закрытия Босфорского и Дарданельского проливов, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в заявлении второго Русского полномочного в заседании Берлинского конгресса 12 июля (протокол 19).

Обе стороны будут совместно наблюдать за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в пользу какого бы то ни было правительства, допуская военные операции воюющей державы в той части своей империи, в которую входят проливы. В случае нарушения

[1] Эвксин — Черное море.
[2] 24 февраля по этому соглашению присоединилась Австро-Венгрия.

этого условия, или для предупреждения такового, если бы предвиделась возможность этого, оба двора предупредят Турцию, что они в таком случае будут рассматривать ее как находящуюся в состоянии войны со стороною, в ущерб которой это будет сделано и лишившуюся с этого момента преимущества территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским трактатом.

Статья IV

Настоящий договор будет иметь силу в течение трех лет со дня обмена ратификацией.

Статья V

Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу хранить в тайне содержание и существование настоящего договора и прилагаемого протокола.

Статья VI

Настоящий договор будет ратифицирован, и обмен ратификаций состоится в Берлине в течение пятнадцати дней или ранее, если это окажется возможным.

В удостоверение чего каждый из уполномоченных подписал настоящий договор и скрепил его приложением своей гербовой печати.

Заключен в Берлине июня 18-го числа тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.

(М.П.) подпись: Граф Бисмарк.
(М.П.) « Граф Павел Шувалов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ И ВЕСЬМА СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

В видах дополнения условий, изложенных в статьях II-ой и III-ей тайного договора, заключенного сего же числа, оба двора договорились в нижеследующих статьях:

1.

Германия, как и доселе, окажет России содействие в целях установления в Болгарии правильного и законного правительства.

Она обещает ни в каком случае не давать своего согласия на реставрацию принца Баттенбергского.

2.

В случае, если бы его величество император российский оказался вынужденным принять на себя защиту входа в Черное море в целях ограждения интересов России, Германия обязуется соблюдать благожелательный нейтралитет и оказывать моральную и дипломатическую поддержку тем мерам, к каким его величество найдет необходимым прибегнуть для сохранения ключа к своей империи.

3.

Настоящий протокол составляет неотъемлемую часть тайного договора, подписанного сего же числа в Берлине, и имеет равную с ним силу и значение.

В удостоверение каждый из полномочных оный подписал и скрепил приложением своей гербовой печати.

Заключен в Берлине июня 18-го дня тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.

(М.П.) подпись: Граф Бисмарк.

(М.П.) » Граф Павел Шувалов.

Сим заявляем, что нам представленный и нами рассмотренный договор этот и относящийся к нему протокол, как соответствующие во всех их статьях нашим предначертаниям, принимаем и ратифицируем, а также обещаем их точно исполнять и соблюдать.

В удостоверение чего мы настоящую ратификацию совершили и нашей императорской печатью скрепить повелели.

Дано в Берлине 20 июня 1887 г.

Вильгельм.

Ратификация заключенного 18 июня 1887 г. между Германией и Россией тайного договора и относящегося к нему протокола от того же числа.

гр. Бисмарк.

(Русско-германские отношения, 1873—1914. М., Центрархив, 1922, стр. 147—151).

№ 37. ВТОРОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ МЕЖДУ АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ИТАЛИЕЙ

12 декабря 1887 года

(Уполномоченные: Австро-Венгрии—Карольи, Великобритании—Сольсбери).

Нота Карольи на имя Сольсбери

Вследствие соглашения, состоявшегося между Правительствами е. в. имп. австрийского... и их вел-в королевы Великобритании и Ирландии и короля Италии посредством обмена нот, произошедшего в Лондоне в марте 1887 года. Правительство его имп. и корол. велич. согласилось с правительством Италии, чтобы пр-ву Великобритании предложить принятие следующих пунктов, имеющих целью... более точно определить общую позицию трех держав в предвидении случайностей, которые могли бы произойти на Востоке.

1. Поддержание мира и исключение всякой агрессивной политики.

2. Поддержание status quo на Востоке, основанного на договорах, с исключением всякой политики компенсаций.

3. Поддержание местных автономий, установленных теми же договорами.

4. Независимость Турции, охранительницы важных европейских интересов (независимость халифата, свобода проливов и т. д.) от всякого преобладающего иностранного влияния.

5. Следовательно, Турция не может ни уступать, ни передавать другой державе своих суверенных прав на Болгарию, ни вмешиваться с целью установления там иностранного управления, ни допускать принудительных поступков, предпринятых с этой последней целью, будь то в форме военной оккупации или в форме присылки добровольцев. Точно

так же Турция, поставленная трактатами в качестве охранительницы проливов, не будет иметь возможности уступать какую-либо часть своих суверенных прав, а также передавать в Малой Азии свои полномочия какой-либо другой державе.

6. Желание трех держав привлечь к себе Турцию для совместной защиты этих принципов.

7. В случае сопротивления Турции незаконным начинаниям в том виде, как они определены в параграфе 5, три державы тотчас же придут к соглашению относительно мер, которые нужно будет предпринять для того, чтобы заставить уважать независимость Оттоманской империи и неприкосновенность ее территории, в том виде, как это поставлено предыдущими договорами.

8. Однако, если образ действий Порты, по мнению трех держав, примет характер сочувствия и сообщничества с подобным незаконным начинанием, то три державы будут считать себя вправе, вследствие существующих договоров, совместно или в отдельности приступить к временной оккупации своими сухопутными или морскими силами тех пунктов оттоманской территории, которые они сообща признают необходимым оккупировать для того, чтобы обеспечить цели, определенные в предыдущих договорах.

9. Существование и содержание настоящего соглашения между тремя державами не должно быть открываемо Турции или другим державам, пока еще о нем не знающим, без предварительного согласия всех трех вышеназванных держав и каждой из них в отдельности...

Примечание: Сольсбери того же 12 декабря ответил Карольи согласием на все пункты его ноты. Италия присоединилась к соглашению нотой итальянского посла в Вене Нигера на имя австро-германского министра иностранных дел. 16 декабря 1887 г.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, М., 1925, стр. 259—260. Док. 246).

ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ 1887 г.

№ 38. ИЗ ПИСЬМА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ ГРАФА МЮНСТЕРА ИМПЕРАТОРУ ВИЛЬГЕЛЬМУ I, 30 декабря 1886 г.

...Ваше величество желает прежде всего сохранения мира, и я рад сообщить вашему величеству, что здесь вся страна безусловно проникнута мирным настроением [1].

В настоящее время, когда благодаря вооружениям во всех странах [2] и восточным осложнениям, возникновение войны кажется возможным и более близким [3], в этот момент должно было обнаружиться, действительно ли найдут отклик в народе призыв к мести, воинственный вой шовинистов, подстрекательства Деруледа и К° [4].

Выяснилось совершенно отчетливо, что народ таких чувств не раз-

---

Пометки Бисмарка:

[1] «?».

[2] За или против Франции?

[3] Отнюдь нет.

[4] Это совсем не требуется; во Франции движения всегда делались энергичным меньшинством.

деляет[1] и раздосадованный г-н Дерулед, горько жалуясь на недостаток патриотизма у его соотечественников, в гневе отбыл обратно в свою летнюю резиденцию. В своей прощальной речи он сказал, что поручает генералу Буланже держать высоко знамя своей родины. А генерал Буланже заговорил теперь совсем другим языком и использует всякий случай, чтобы показать свое миролюбие.

Нынешнее миролюбие французов вовсе не означает, что ими забыто поражение, и искусно поддерживаемая со времени войны ненависть против немцев, конечно, не исчезла[2].

Утверждение, что мир необходим для Франции, я думаю, можно обосновать следующими доводами.

Финансы страны в результате слабого финансового управления республики настолько истощены[3], что война может вызвать финансовую катастрофу.

Республиканцы[4] знают, что начало войны будет началом конца республики. Они знают, что поражение в войне, а на это они сами больше рассчитывают, чем на победы, может повести к ужаснейшей анархии; они знают далее, что победоносная война[5] подготовила бы пути для диктатуры или для монархии. Естественно, что эти возможности пугают республиканцев.

Что же касается армии, то у народа нет к ней большого доверия, да и в ней самой, судя по тому, что я видел и слышал, воинственный дух не слишком силен.

Всеобщая воинская повинность здесь произвела совсем иное действие, чем в Германии. У современного француза нет ни чувства любви к родине[6] в высоком смысле этого слова, ни чувства долга, как у немца. С солдатом плохо обращаются, не радует его не идущая ему[7] военная форма, а т. к. все делается посредством подрядов, он плохо содержится, плохо питается. Каждый рекрут встает неохотно под знамена[8] и, как мне рассказывали сами французские офицеры, большинство солдат с нетерпением ждут момента, когда они смогут снова снять военную форму[9].

Каждый стремится избежать службы[10], и мне известно, что здесь существует опасение, что при мобилизации не явится большая часть запаса. Один генерал действительной французской службы говорил моему коллеге, что при начале военных действий по крайней мере 50 000 чел. уклонится от мобилизации. Nous aurons en cas de querre au moins cinquante milles refractaires[11].

---

[1] Как это возможно, чтобы ни одна французская газета не осмеливалась поучать своих читателей?

[2] Этого достаточно.

[3] И тем не менее каждый любой заем легко реализуется, вероятно в надежде на германские миллиарды.

[4] Кто это? Буланже?

[5] Или перспективы ее.

[6] Дай бог, чтобы у каждого немца ее было столько, сколько у среднего француза.

[7] !

[8] Вероятно, везде в мирное время.

[9] А другие этого не хотят?

[10] Всюду!!

[11] Это было уже при Наполеоне I и все же...

Насколько это верно я не могу судить, но то, что французский генерал говорит иностранцу о такой возможности, весьма многозначительно [1].

Мысль о реванше с течением времени теряет свою остроту [2], а известия, особенно из Эльзаса, говорят все более о том, что материально эльзасцы живут очень хорошо и что их симпатии к Франции уменьшились. Даже известный анжерский епископ Фреппель, урожденный эльзасец, который до сих пор играл роль французского патриота, заявляет сейчас своим личным знакомым, что, к своему огорчению, он должен признать, что настроение в Эльзасе делается все более благожелательным к немцам, и что сами эльзасцы сравнивают нынешнее положение своей страны с тем, которое было во время принадлежности Эльзаса Франции. Материально они стали жить лучше, фабрики работают хорошо, у них свое автономное правление, чего они никогда не имели, будучи на территории Франции, духовенство видит к себе хорошее отношение и оно довольно, князь Гогенлоэ всеми любим. И к сожалению, так закончил епископ Фреппель свою речь, в случае войны не придется рассчитывать на помощь эльзасцев.

Общее впечатление от нынешнего настроения таково: опасения, даже страх перед войной [3]. Мирный тон прессы всех партий подтверждает это.

Неоднократно высказывались предположения, что эти мирные речи рассчитаны на то, чтобы затруднить принятие германским рейхстагом военных кредитов. Может быть это и так, но лишь в незначительной мере, так как здесь в общем не сомневаются в принятии кредитов.

Судя по здешнему положению и настроению я не думаю, чтобы с этой стороны можно было ожидать войны.

Но я вполне сознаю, что у такого легко возбудимого народа как французы, это настроение может измениться и что мы здесь должны зорко смотреть и вы, ваше величество, можете твердо быть уверены, что это будет сделано.

Мюнстер.

(Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871 — 1914, Bd. VI, Berlin, 1922 S. 160—162).

№ 39. ИЗ ПИСЬМА РЕЙХСКАНЦЛЕРА БИСМАРКА ПОСЛУ В ПАРИЖЕ МЮНСТЕРУ, 4 января 1887 г.

Ваше донесение императору за № 339 от 30 прошлого месяца мне доставили сюда и прежде чем представить его величеству я позволю себе сделать следующие замечания относительно его содержания.

Если бы его величество и союзные правительства (имеются в виду правительства государств, входящих в состав Германской империи. В рейхстаг законопроекты вносились всегда от имени «союзных правительств») разделяли изложенные в вашем донесении взгляды, то имперское правительство вряд ли смогло бы с убеждением защищать в рейхстаге внесенный им военный законопроект.

Вы, ваше превосходительство, в вашем подробном и убедительном

---

[1] Вовсе нет, скорее переоценка этого.

[2] Нет еще.

[3] Не только во Франции; каждая нация предпочитает мир, вожди же ее — не всегда.

изложении вашей точки зрения относительно миролюбивых намерений Франции и ее правительства, обращенном непосредственно к императору, идете вразрез с политикой союзных государств, которая, благодаря новейшему военному законопроекту, является официально и общественно признанной. Вам, ваше превосходительство, и самому это станет ясно, если вы на один момент допустите мысль о возможности опубликования вашего донесения от 30 прошлого месяца. Оно было бы в этом случае не без успеха использовано всей демократической и ультрамонтанской оппозицией в целях борьбы с законопроектом союзных правительств, и представители последних оказались бы вынужденными, по возможности яснее объяснить рейхстагу, что имперский посол в Париже находится в заблуждении.

...Я не сомневаюсь, что настоящее французское правительство настроено миролюбиво и преднамеренно не будет искать повода к ссоре с нами. Но из этого я не могу еще заключить, как делаете вы, ваше превосходительство, что вся страна проникнута мирным настроением. Я охотно признаю, что французский н а р о д, как и всякий другой, рассматривает войну саму по себе, как зло, а также и воинскую службу в мирное время, как неприятность. Но так же было и при империи, которая, несмотря на лозунг: „L'empire c'est la paix", непрерывно вела одну за другой крымскую, итальянскую, китайскую, мексиканскую и немецкую войны, считая, что тем самым укрепляется внутреннее положение империи. Политика Франции всегда направлялась меньшинством, часто весьма незначительным, но энергичным меньшинством. То, что в настоящий момент имеются условия для подобного воздействия, вы, ваше превосходительство, в своем донесении признаете сами, говоря, что «поражение еще не забыто и ненависть к Германии не исчезла». То, что генерал Буланже говорит иным языком, еще не означает, что его умонастроение и его планы не те, что прежде. Нельзя думать, чтобы этот честолюбивый военный министр в течение последних недель внутренне сделался совершенно иным. Самое большое, что можно предположить — то, что начиная с некоторого времени возникли или стали известны генералу Буланже и другим причины, не позволяющие еще признать настоящий момент удобным для выступления. Какое значение может иметь миролюбивое настроение членов настоящего правительства, в котором я не сомневаюсь, если они не будут более находиться у руля? Лучшим доказательством того, как скоро это может случиться, является недавняя перемена с г-ном Фрейсине и удержание генерала Буланже, изменившиеся речи которого я считаю столь же мало искренними, как и дурное настроение Деруледа и компании.

Финансовые силы страны могут притти к истощению, но они еще н е и с т о щ е н ы, доказательством тому является готовность, с которой французы подписываются на любой заем, и, кроме того, это истощение, если оно и наступит, вряд ли поведет к тому, чтобы искать выход из затруднения в миролюбивой бережливости, а скорее вызовет рассуждение, с которым граф Лариош в 1866 г. отклонил мои последние мирные попытки, а именно: что Австрия по истечении шести недель должна иметь или прусскую контрибуцию в размере нескольких сот миллионов или приличный предлог к банкротству. То, что начало войны будет концом республики, возможно, но страсти сильней расчетов,— и точно так же возможно, что еще до начала войны наступит военная

диктатура, которая ищет своего оправдания и укрепления в возможностях войны. Правительство, которому нужна война, чтобы самому удержаться, не ошибается в том, насколько велико или мало доверие народа к армии. Я нахожу даже понятным, если благоразумные французы как раз потому и желают войны с нами, что видят в этой войне спасительное средство против непрочности, неналаженности их внутреннего положения.

Патриотические же чувства французов, в которых вы, ваше превосходительство, сомневаетесь, возрастут как только Франция окажется в состоянии войны, как это имело место во всех аналогичных случаях французской истории. Я хотел бы, чтобы превосходство немцев в патриотизме, которое вы, ваше превосходительство, предполагаете у ваших соотечественников, имело место в действительности, но тогда было бы немыслимо существование такого парламентского большинства, как наше нынешнее...

Отвращение к военной службе в мирное время я не могу рассматривать как симптом недостаточного патриотизма французов: тот факт, что рекрут неохотно покидает свою родину, солдат радуется, когда кончается срок его службы повторяется в мирное время во всех странах. Количество уклонявшихся от военной службы никогда не было столь значительным, как в конце первой империи, и все же ни одна страна никогда так настойчиво не сражалась, и не оборонялась, как Франция в 1813 и 14 годах.

Утверждение, что идея реванша уже заглохла, я считаю заблуждением, в которое вы, ваше превосходительство, были введены миролюбивыми людьми, которым хорошо живется, вежливыми чиновниками, и расчетливыми лжецами, но из всей французской прессы явствует, что газеты не могли бы сохранить своих подписчиков, если бы они стали откровенно посвящать столбцы своих газет рекомендациям дружбы с нами или борьбе с шовинизмом...

Бисмарк.

(Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Bd. VI, Berlin, 1922, № 1241 S. 163—165).

№ 40. ПОЛИТИКА «БЛЕСТЯЩЕЙ ИЗОЛЯЦИИ»

Письмо Сольсбери королеве Виктории, 25 августа 1888 г.

После получения телеграммы вашего величества относительно встречи с г. Криспи [1], лорд Сольсбери ознакомился с телеграммой г. Кеннеди [2], согласно которой г. Криспи вернется в Рим в следующую среду. Это сообщение, конечно, делает невозможной встречу с ним, князь Бисмарк и граф Кальноки не на курорте, а в своих имениях; поэтому со стороны лорда Сольсбери было бы неуместно напроситься в гости к ним, раз он не имеет в виду сделать им какого-либо вполне определенного предложения. Однако Герберт Бисмарк довел до сведения лорда Сольсбери, что он едет в Англию осенью этого года и может сделать

---

[1] Королева обратилась к Сольсбери с письмом, в котором рекомендовала ему встретиться с итальянским премьером Криспи и с Бисмарком для установления более тесных отношений с Италией и Германией. Сольсбери счел это излишним.

[2] Английский представитель в Италии.

это в такое время, когда лорд Сольсбери будет в Англии. Сообразуясь с желаниями вашего величества, лорд Сольсбери дал весьма одобрительный ответ.

У лорда Сольсбери нет оснований полагать, что в настоящее время Англии угрожает особая опасность быть изолированной. Тон графа Кальноки как в сношениях с английским послом, так и в сообщениях, передаваемых через (австро-венгерского) посла в Лондоне, был в высшей степени сердечен По мнению лорда Сольсбери, союз с Австрией защищает единственный слабый пункт в позиции Англии. Ни одна иностранная держава (оставляя в данное время в стороне Францию) не в состоянии угрожать интересам Англии за исключением России, которая может угрожать нанесением удара в Константинополе. Если бы оказалось возможным побудить Австрию, т. е. собственно Венгрию — отнестись равнодушно к захвату Босфора Россией, Англия очутилась бы в весьма затруднительном положении, так как ей пришлось бы защищать Босфор своими силами; ведь Россия всегда может купить соучастие Италии и Германии, согласившись дать им возможность сделать все, что им угодно, с Францией. Но пока Австрия в этом вопросе непоколебима, Германия, а следовательно и Италия вынуждена поддерживать ее. Таким образом, в данный момент для Англии важнее всего знать намерения Австрии. Насколько мы можем судить об этом, ее намерения никогда не были более благоприятными. Если эта точка зрения правильна, в свиданиях императоров и министров, нет ничего такого, что могло бы тревожить Англию. На самом деле лорд Сольсбери полагает, и телеграмма г. Скотта это подтверждает, что князь Бисмарк устроил это свидание с г. Криспи для того, чтобы удержать последнего от его задорного образа действий по отношению к Франции, что могло бы преждевременно вызвать войну.

Высказывая эти соображения, лорд Сольсбери ничего не сказал о Франции. Франция представляет и всегда будет представлять собой наибольшую опасность для Англии. Но эта опасность является не столь явной пока между Францией и двумя соседними с нею государствами существуют нынешние натянутые отношения. Если когда-либо между Францией и этими государствами установились бы дружеские отношения, расходы на армию и на флот очень быстро начали бы возрастать.

(The Letters of Queen Victoria, 1886—1901, Ser. 3, Vol I, London, 1930, p. 436—438.)

№ 41. АНГЛО-ГЕРМАНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ И ОСТРОВЕ ГЕЛЬГОЛАНДЕ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ 1 июля 1890 г.

(Уполномоченные: Великобритании—Малет и Андерсон, Германии—Каприви и Крауель).

Статьи 1—4 (Разграничение сфер британских и германских интересов в восточной и юго-восточной Африке).

Ст. 7. Каждая из обеих держав обязуется воздерживаться от всякого вмешательства в те сферы интересов, которые статьями 1—4 настоящего соглашения признаны за другой стороной. Ни одна держава не будет в сфере интересов другой делать приобретений, заключать договоров, воспринимать права суверенитета или протектората или препятствовать распространению влияния другой стороны...

Ст. 8. (В этих своих областях и в пределах свободных для торговли зон, предусмотренных статьями 1—5 актов берлинской конференции 1885 года, стороны обязуются ввести в действие эти статьи берлинского акта). В силу этого торговля пользуется полной свободой; судоходство по озерам, рекам и каналам и расположенным на них гаваням свободно для обоих флагов; неравный режим в отношении транспорта или прибрежной торговли запрещается... Гражданам обеих держав разрешается свободное поселение в областях другой стороны, поскольку они расположены в свободных для торговли зонах...

Ст. 9. (Взаимное признание сторонами прав частных обществ и лиц другой стороны на торговые и горные концессии, а равно прав на земли и на недра).

Ст. 10. (Защита миссионеров).

Ст. 11. Великобритания употребит все свое влияние ради облегчения дружественного соглашения, по которому султан Занзибара безоговорочно уступит Германии свои владения, расположенные на материке и взятые в концессию германским Восточно-африканским обществом, а также на остров Мафию. Условлено, что одновременно его величество получит за возникающую вследствие этой уступки утрату доходов справедливое возмещение.

Германия обязуется признать протекторат Великобритании над остающимися за султаном Занзибара владениями, включая острова Занзибар и Пембу, а также на владения султана Виту и соседнюю область Кизмаджу, где немецкий протекторат снимается. Условлено, что если уступка немецкого берега не произойдет раньше установления протектората Великобритании над Занзибаром, то правительство ее величества при установлении этого протектората возьмет на себя обязательство употребить все свое влияние, чтобы побудить султана как можно скорее произвести эту уступку за справедливое возмещение.

Ст. 12. 1. При условии согласия британского парламента, суверенитет над островом Гельголандом со всем, что принадлежит к последнему, уступается ее брит. величеством е. в. германскому императору.

2. (Право жителей Гельголанда оптировать за себя и за своих детей до 1 января 1892 года в пользу британского гражданства).

3. (Освобождение жителей Гельголанда и их детей, родившихся до подписания настоящего соглашения, от воинской службы в сухопутной германской армии и в германском флоте)...

7. (Сохранение за британскими рыбаками права причаливать к острову, продавать рыбу, запасаться на нем провиантом и водой и пр.).

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 264—265. Док. 251).

№ 42. ФРАНКО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ от 21 (9)—27 (15) августа 1891 года

I. Письмо министра иностранных дел Гирса на имя посла в Париже Моренгейма. С.-Петербург, 9/21 августа 1891 года

Положение, создавшееся в Европе в силу открытого возобновления Тройственного союза и более или менее вероятного присоединения Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом, вызвало, во время недавнего пребывания здесь г-на де Лабулэ, обмен мнений

между французским послом и мной, с тем, чтобы установить позицию, которая при нынешних условиях в случае возникновения известных обстоятельств была бы наиболее целесообразной для обоих наших правительств, которые, оставшись вне какого-либо союза (en dehors de toutes ligues), тем не менее искренно желают создать самую действительную гарантию для сохранения мира.

Таким образом, мы пришли к формулированию нижеследующих двух пунктов:

1. В целях определения и утверждения сердечного согласия[1], объединяющего их и желая сообща способствовать поддержанию мира — который является предметом их самых искренних желаний, — оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать сохранению всеобщего мира.

2. В случае, если мир оказался бы действительно в опасности и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются (conviennent) договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоятельным для обоих правительств.

Доложив государю об этих переговорах, а равно и текст принятых заключений, я имею честь Вам сегодня сообщить, что е. в. угодно было полностью одобрить означенные принципы соглашения и благосклонно согласиться на принятие их обоими правительствами.

Сообщая Вам об этой высочайшей воле, я прошу Вас довести ее до сведения французского правительства и уведомить меня о тех решениях, на которых со своей стороны оно остановиться. Примите и пр....

II. Письмо французского министра иностранных дел Рибо на имя Моренгейма. Париж, 27 августа 1891 года

...Я счастлив... сообщить в. пр-ву, что правительство республики вполне присоединяется к двум пунктам, которые являются предметом сообщения г-на Гирса, и которые формулированы следующим образом:

(Приводятся оба пункта из письма Гирса).

...С другой стороны имп. правительство, подобно нам, несомненно, отдает себе отчет в том, насколько важно было бы поручить специальным делегатам, которых следовало бы выделить в ближайший срок, практически изучить те меры, которые надлежит противопоставить событиям, предусмотренным во втором пункте соглашения...

(Ламздорф, В. Н. — Дневник 1871—1892, М.—Л., Academia, 1934, стр. 171, 177—179).

№ 43. ПРОЕКТ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ КОНВЕНЦИИ 1892 года

«Одушевленные одинаковым стремлением к сохранению мира, Франция и Россия, имея единственной целью приготовиться к требованиям оборонительной войны, вызванной нападением сил тройственного союза против одной из них, условились относительно следующих положений:

1. Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии,

[1] „Entente cordiale".

поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит свои наличные силы для нападения на Германию. (Первоначальный французский проект: «Если Франция или Россия подвергнутся нападению со стороны тройственного союза или одной Германии...»)

2. В случае мобилизации сил тройственного союза или одной из входящих в него держав, Франция и Россия немедленно по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам.

(Первоначальный французский проект: «В случае мобилизации сил тройственного союза или одной Германии...»)

3. Силы, которые должны быть направлены против Германии, будут со стороны Франции равняться 1 300 000 человек, со стороны России — от 700 000 до 800 000 человек.

Эти силы будут целиком и со всей быстротой введены в дело, так чтобы Германии пришлось сражаться сразу и на востоке и на западе.

4. Главные штабы обеих стран будут все время сноситься, чтобы подготовить и облегчить проведение предусмотренных выше мер.

Они будут сообщать друг другу в мирное время все данные относительно армий тройственного союза, которые дойдут до их сведения.

Пути и способы сношения во время войны будут изучены и предусмотрены заранее.

5. Ни Франция, ни Россия не заключат сепаратного мира.

6. Настоящая конвенция будет иметь силу в течение того же срока, что и тройственный союз.

7. Все перечисленные выше пункты держатся в строжайшем секрете.

Уже после того, как конвенция была подписана представителями генштабов, Рибо предложил следующие изменения: в § 2 к словам: «в случае мобилизации сил тройственного союза» добавить слово «всеобщей мобилизации», что избавляло Францию от необходимости мобилизоваться в случае частичной мобилизации Австрии из-за каких-либо балканских вопросов; далее, чтобы обойти французскую конституцию, запрещавшую президенту заключение секретных соглашений, он желал заменить § 7 следующей формулой: «перечисленные постановления могут быть опубликованы лишь с согласия обеих сторон». Обручев согласился на первую поправку, но заявил, что Александр III требует, чтобы о секретности было заявлено, так сказать, всеми словами. Вопрос об этих поправках так и остался открытым, ввиду того, что и вся конвенция в целом осталась «в форме проекта».

(Подписан Обручевым и Буадефром).

(Ламздорф, В. Н., Дневник 1891—1892 г., М.—Л., Academia, 1934, стр. 388—389).

№ 44. ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ. ПИСЬМО ГИРСА НА ИМЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПОСЛА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ МОНТЕБЕЛЛО. С.-ПЕТЕРБУРГ, 15/27 декабря 1893 года

Весьма секретно.

Рассмотрев по выс. повелению проект военной конвенции, выработанный русским и французским главными штабами в августе 1892 года, и

доложив свое о нем мнение императору, считаю долгом довести до сведения в. пр-ва, что текст этого соглашения в том виде, как он был одобрен в принципе е. в-вом и подписан гг. генерал-адъютантом Обручевым и дивизионным генералом Буадефром, может отныне считаться окончательно принятым в его настоящей форме. Таким образом, оба штаба будут иметь возможность совещаться во всякое время и взаимно сообщать друг другу все сведения, которые могли бы быть для них полезны [1].

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 271. Док. 258).

№ 45. ЯПОНО-КИТАЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В СИМОНОСЕКИ 17 апреля 1895 г.

Ратификации обменены в Чифу 8 мая (26 апреля) 1895 года.

Ст. 1. Китай признает окончательно полную и безусловную независимость и автономию Кореи и, вследствие сего, уплата дани Китаю Кореей и исполнение ею церемоний и обрядов, нарушающих таковую независимость и автономию, совершенно прекращаются на будущее время.

Ст. 2. Китай уступает Японии навсегда и в полное верховенство нижеследующие территории вместе с находящимися в оных укреплениями, арсеналами и всем государственным имуществом.

а) Южную часть провинции Фын-тянь (Мукден) в следующих границах (указывается разграничительная черта).

В эту уступленную территорию включаются также все острова, относящиеся или принадлежащие провинции Фын-тянь (Мукден), лежащие в восточной части Ляодунского залива и в северной части Желтого моря.

б) Остров Формоза со всеми относящимися или принадлежащими ему островами.

в) Пескадорский архипелаг, т. е. все острова, лежащие между 119° и 120° восточной долготы от Гринвича и между 23° и 24 северной широты.

Ст. 3. Проведение пограничной черты, описанной в предыдущей статье и показанной в приложенной к сему договору карте, должно подлежать проверке и разграничению на месте соединенною разграничительною комиссиею, состоящею из двух или более японских и двух или более китайских делегатов, которые будут назначены безотлагательно по обмене ратификаций этого акта. В случае, если границы, установленные в этом акте, окажутся в каком бы то ни было смысле неудовлетворительными,— в отношении ли топографическом или удобства управления,— разграничительная комиссия будет также обязана сделать надлежащие исправления.

Разграничительная комиссия начнет свою деятельность в возможно непродолжительном времени и закончит работу в течение годового срока со дня назначения.

Разграничение, установленное настоящим актом, будет считаться, однако, действительным, пока исправления разграничительной комиссии,

[1] Монтебелло подтвердил Гирсу в ответном письме от 23 декабря 1893 года (4 января 1894 года), что Франция также отныне признает обязательность упомянутой военной конвенции.

если таковые последуют, не будут утверждены правительствами Японии и Китая.

Ст. 4. Китай обязуется уплатить Японии 200 000 000 купинских лан (таэлей) в качестве военного вознаграждения. Уплата означенной суммы должна быть произведена восемью взносами.

Китаю предоставляется, однако, право уплатить досрочно во всякое время часть или всю сумму означенных взносов. В случае, если вся сумма означенной контрибуции будет уплачена в течение трех лет, считая со дня обмена ратификаций настоящего акта, то проценты не будут насчитаны, а проценты, уже уплаченные за два с половиною года или за меньший промежуток времени, будут включены в капитальную сумму контрибуции.

Ст. 5. Жителям территорий, уступленных Японией, желающим поселиться вне уступленных областей, предоставляется продать свое наличное имущество и удалиться. Для сего будет дан срок в два года со дня обмена ратификаций настоящего акта. По истечении такового срока, те из жителей, которые не покинули упомянутых территорий, будут, если того пожелает Япония, считаться японскими подданными.

Каждое из двух правительств, немедленно по обмене ратификаций настоящего акта, пошлет одного или более комиссаров на Формозу для производства окончательной передачи этой провинции, и в течение двух месяцев после обмена ратификаций настоящего акта таковая передача будет закончена.

Ст. 6. Так как все договоры между Японией и Китаем утратили силу вследствие войны, то Китай обязуется, немедленно по обмене ратификаций настоящего акта, назначить уполномоченных для заключения с японскими уполномоченными договора о торговле и мореплавании и конвенции для урегулирования пограничных сношений и торговли. Договоры, конвенции и постановления, ныне существующие между Китаем и европейскими державами, послужат основанием для означенных договора и конвенции между Японией и Китаем. Со дня обмена ратификаций настоящего акта до введения в действие означенных договора и конвенции, японское правительство, его должностные лица, торговля, мореплавание, пограничные сношения, промышленность, суда и подданные будут во всех отношениях пользоваться, со стороны Китая, правами наиболее благоприятствуемой нации.

В дополнение Китай делает следующие уступки, действие которых начнется через шесть месяцев со дня настоящего акта:

1. Следующие населенные места, города и порты, в дополнение к уже открытым, будут открыты для торговли, пребывания, промышленности и производств японских подданных на тех же условиях и с теми же привилегиями и льготами, какие существуют в ныне открытых населенных местах, городах и портах Китая:

(1) Ша-ши, в провинции Ху-бей.

(2) Чун-цин, в провинции Сы-чуань.

(3) Су-чжоу, в провинции Цзян-су.

(4) Хан-чжоу, в провинции Чже-цзян.

Японское правительство будет иметь право назначать консулов в любом из вышеназванных мест или во всех них.

2. Паровое судоходство для судов под японским флагом для пере-

возки пассажиров и груза будет распространено на нижеследующие места:

1) на верхнее течение реки Ян-цзы от И-чана (провинция Ху-бэй) до Чун-цина (провинция Сы-чуань);

2) на реку Усун и канал от Шанхая до Су-чжоу и Хан-чжоу.

Правила и постановления, коими регулируется ныне плавание иностранных судов по внутренним водам Китая, будут, насколько это возможно, применяться по отношению к вышеназванным путям, пока совместно не будут установлены новые правила и постановления.

3. Японским подданным, покупающим товары или продукты внутри Китая или перевозящим ввозные товары во внутрь Китая, предоставляется право временно арендовать или нанимать пакгаузы для склада таким образом купленных или перевезенных предметов без уплаты каких бы то ни было налогов или взысканий.

4. Японским подданным предоставляется свобода заниматься всякого рода обрабатывающей промышленностью во всех открытых населенных местах, городах и портах Китая и ввозить в Китай всякого рода машины, уплачивая по ним лишь установленные ввозные пошлины.

Все предметы, выделываемые японскими подданными в Китае, будут, по отношению к внутреннему транзиту и внутренним налогам, пошлинам, сборам и взысканиям всякого рода, а также по отношению к приспособлениям для склада и хранения внутри Китая, приравниваемы к товарам, ввозимым японскими подданными в Китай и будут пользоваться теми же привилегиями и льготами.

В случае, если в связи с этими уступками понадобятся дополнительные правила и постановления, таковые будут включены в договор о торговле и мореплавании, упомянутый в настоящей статье.

Ст. 7. При соблюдении условий следующей статьи, эвакуация японскими войсками Китая будет вполне закончена в течение трех месяцев после обмена ратификаций настоящего акта.

Ст. 8. В обеспечение добросовестного исполнения условий настоящего акта, Китай соглашается на временное занятие военными силами Японии Вэй-хай-вэя в провинции Шань-дунь.

По уплате первых двух взносов военной контрибуции, сим договором установленной, и по обмене ратификаций договора о торговле и мореплавании, названный пункт будет эвакуирован японскими войсками, с тем условием, что китайское правительство соглашается предоставить, на подходящих и достаточных основаниях, таможенные доходы Китая в обеспечение уплаты капитала и процентов по остальным взносам сказанной контрибуции. В случае, если это соглашение не состоится, таковая эвакуация будет произведена только по уплате окончательного взноса сказанной контрибуции.

Нарочито, однако, постановляется, что таковая эвакуация не состоится ранее, как после обмена ратификаций договора о торговле и мореплавании.

Ст. 9. Немедленно по обмене ратификаций настоящего акта, все находящиеся в плену военные будут возвращены, и Китай обязуется не подвергать дурному обращению или наказанию военнопленных, таким образом возвращенных ему Япониею. Китай также обязуется немедленно освободить всех японских подданных, обвиненных в военном шпионстве или в каком-либо ином военном проступке. Китай далее обязуется ника-

ким образом не наказывать и не допускать наказания тех китайских подданных, которые каким бы то ни было образом скомпрометировали себя сношениями с японскими войсками в течение войны.

Ст. 10. Все наступательные военные операции прекратятся по обмене ратификаций настоящего акта.

Отдельные статьи

Ст. 1. Японские военные силы, которые, согласно статье VIII мирного договора, сего числа подписанного, должны временно занимать Вэй-хай-вэй, не будут превышать одной бригады, и, со дня обмена ратификаций сказанного мирного договора, Китай будет ежегодно уплачивать одну четвертую часть расходов таковой временной оккупации, а именно: по 500.000 купинских лан (таэлей) в год.

Ст. 2. В территорию, временно занимаемую в Вэй-хай-вэй будут включены острова Лю-гун и полоса земли в пять японских ри шириною, вдоль всего побережья залива Вэй-хай-вэй.

Никаким китайским войскам не будет позволено приближаться к каким-либо местам или занимать их, в пределах зоны шириною в пять японских ри за границами занимаемой территории.

Ст. 3. Гражданская администрация занимаемой территории останется в руках китайских властей. Но таковые власти будут обязаны в случае нужды сообразоваться с приказаниями, которые командующий японскою оккупационною армиею может счесть необходимым отдавать в интересах здоровья, содержания, безопасности, распределения или дисциплины войск.

Все военные проступки, совершенные в занятой территории, будут подчинены юрисдикции японских военных властей.

Вышеизложенные отдельные статьи будут иметь ту же силу, значение и действие, как если бы они были слово в слово внесены в подписанный сего числа мирный договор.

(Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 94—98. Док. 23).

№ 46. ПИСЬМО ВИЛЬГЕЛЬМА II НИКОЛАЮ II ПО ПОВОДУ ВМЕШАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ В ЯПОНО-КИТАЙСКУЮ ВОЙНУ

Кальтенбронн-Шварцвальд, 26/IV—1895 г.

...От всей души благодарю тебя за то, что ты так прекрасно положил начало совместным действиям всей Европы на защиту ее интересов против Японии. Давно пора приступить к энергичным действиям, они должны произвести прекрасное впечатление как в самой Японии, так и повсюду. С полной очевидностью обнаруживается, как важно нам быть заодно, и то обстоятельство, что Франция примкнула к нам обоим, показывает, что существуют общие основные интересы, на основе которых все европейские нации могут объединиться для совместных действий на пользу всех. Пусть только прочнее укрепится убеждение, что такое совместное действие возможно без того, чтобы была затронута чья-либо национальная честь,— тогда, без сомнения, страх перед европейской войной постепенно рассеется.

Твои добрые пожелания и ценные сообщения, доставленные мне через Остен-Сакена, при посредстве графа Эйленбурга в Вене, являются превосходным доказательством твоей верности и откровенности по отно-

шению ко мне. Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке. Ибо несомненно, что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником. Ты прекрасно понял это указание свыше и быстро уловил момент; это будет иметь огромное политическое и историческое значение и наилучшие последствия. Я с интересом буду ожидать дальнейшего развития нашего дела и надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не «стеснит» тебя...

Вилли

(Переписка Вильгельма II с Николаем II, М., Гос. изд., стр. 7—8).

№ 47. ПИСЬМО ВИЛЬГЕЛЬМА II

Стора-Сундби, 10/VII—1895 г.

...Я был рад, что мог показать, как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности, если бы положение стало сомнительным. Что Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма; что если Россия занялась этим гигантским делом,— то естественно, что ты хотел бы, чтобы в Европе все было спокойно и тебе не грозила бы опасность в тылу; и что, разумеется, именно я должен позаботиться об этом и воспрепятствовать всякому, кто бы вздумал мешать тебе и нападать с тыла в Европе, в то время, как ты исполняешь великую задачу, возложенную на тебя небом.— Все это так же бесспорно, как «аминь» в церкви...

(Переписка Вильгельма II с Николаем II, М., Гос. изд., стр. 9).

№ 48. ОБМЕН НОТ МЕЖДУ РОССИЙСКИМ И ЯПОНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ КАСАТЕЛЬНО ВОЗВРАЩЕНИЯ КИТАЮ ПОЛУОСТРОВА ФЫН-ТЯНЬ (ЛЯОДУН) И МОРЕПЛАВАНИЯ В ФОРМОЗСКОМ ПРОЛИВЕ. Сентябрь-октябрь 1895 г.

1.

Памятная записка, переданная 25 сентября (7 октября) 1895 г. и. об. японского министра иностранных дел посланникам России, Франции и Германии.

Маркиз Сайондзи, исправляющий обязанности министра иностранных дел, в ответ на памятную записку, переданную ему их превосходительствами посланниками Германии, Франции и России, имеет честь сообщить от имени своего правительства нижеследующее:

Императорское правительство, приняв во внимание мнения, выраженные тремя державами, и желая быстрым и окончательным образом разрешить вопрос касательно возвращения полуострова Фын-тянь (Ляодун), постановило:

1) сократить сумму вознаграждения[1] до тридцати миллионов лан;

2) не делать из заключения с Китаем договора о торговле и мореплавании условия эвакуации означенного полуострова, и совершить таковую эвакуацию в течение трехмесячного срока со дня полной уплаты Китаем упомянутого вознаграждения в тридцать миллионов лан.

2.

Нота российского посланника в Токио японскому министру иностранных дел от 6 (18) октября 1895 года

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора российского не преминул сообщить своему правительству две декларации, которые его превосходительство г. маркиз Сайондзи, исп. обяз. министра иностранных дел, сделал ему от имени своего правительства, а именно:

А — от 19 июля: «что правительство его величества императора Японии признает за Формозским проливом значение большого международного морского пути, и что посему этот пролив находится вне сферы исключительного контроля или пользования. Правительство его величества императора Японии обязуется не уступать никакой державе островов Формозы и Пескадорских»

и Б — от 7 октября: «что правительство его величества императора Японии приняло решение:

1) уменьшить сумму вознаграждения за возвращение Ляодунского полуострова (Фын-тянь) до тридцати миллионов лан и

2) не ставить заключение с Китаем договора о торговле и мореплавании условием эвакуации названного полуострова и выполнить таковую эвакуацию в трехмесячный срок со дня полной выплаты Китаем помянутого вознаграждения в тридцать миллионов лан».

Нижеподписавшийся получил уведомление, что правительство его величества его августейшего государя, принимая к сведению приведенные выше декларации, может лишь выразить удовольствие правительству его величества императора Японии по поводу этого нового доказательства мудрости и умеренности.

Доводя о вышеизложенном по поручению своего правительства, до сведения его превосходительства г. исправляющего обязанности министра иностранных дел, нижеподписавшийся покорнейше просит благоволить уведомить его о получении настоящей ноты и пользуется сим случаем для того, чтобы возобновить ему уверения в своем отличном почтении.

(Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 102—103. Док. 25).

№ 49. ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ВОЗВРАЩЕНИИ ЛЯОДУНСКОГО ПОЛУОСТРОВА 8 ноября 1895 г. (ПЕКИН)

Ст. 1. Япония возвращает Китаю на вечные времена и в полный суверенитет южную часть провинции Ляодун (Фын-тянь), которая была уступлена Японии согласно ст. 2 Симоносекского договора... вместе со

[1] Т. е. увеличения контрибуции, выговоренного за возвращение Ляодуна.

всеми укреплениями, арсеналами и государственным имуществом, в ней находящимся, и в то же время уступаемая территория окончательно эвакуируется японскими войсками, согласно постановления ст. 3 настоящей конвенции (следует описание границ территории). Ст. 3 упомянутого Симоносекского договора вследствие сего отменяется, равно как и постановления того же договора, касающиеся заключения конвенции для урегулирования пограничных сношений и торговли.

Ст. 2. В возмещении за обратную уступку южной части Ляодунской провинции, китайское правительство обязуется уплатить японскому правительству 30 млн. купинских лан в шестнадцатый день, или ранее, 11 месяца 28 г. Мейдзи...

Ст. 3. Через три месяца со дня уплаты Китаем Японии возместительной контрибуции в 30 млн. таэлей, оговоренных в ст. 2 настоящей конвенции, обратно уступленная территория будет окончательно эвакуирована японскими войсками.

Ст. 4. Китай обязуется не наказывать каким бы то ни было образом и не допускать наказания тех китайских подданных, которые были какимлибо образом скомпрометированы в связи с занятием японскими войсками обратно уступаемой территории.

Ст. 5 и 6. (Формальные).

(Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 103—104. Док. 26).

№ 50. КОНТРАКТ НА ПОСТРОЙКУ И ЭКСПЛОАТАЦИЮ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ от 8 сентября — 27 августа 1896 г.

Между нижеподписавшимися, его прев-м Сюй-Цзин-Ченом, полномочным министром его вел. имп. кит. в С.-Петербурге, действующим на основании имп. указа от 22 года, 2 мес. 20 дня царствования Гуан-Сюй (16/28 авг. 1896 г.) с одной стороны, и Русско-Китайским банком, с другой стороны, было установлено нижеследующее:

Китайское правительство внесет сумму в 5 м. купин-таэлей в Русско-Китайский банк и будет участвовать, пропорционально этому вкладу в прибылях и убытках банка, на условиях, предусмотренных особым договором.

Китайское правительство, решив построить железнодорожную линию, устанавливающую прямое сообщение между городом Читой и русской южно-уссурийской железной дорогой, вверяет постройку и эксплоатацию этой линии Русско-Китайскому банку на следующих условиях:

1. Русско-Китайский банк учреждает для постройки и эксплоатации означенной железнодорожной линии компанию под названием «Общество Китайско-Восточной железной дороги». — Печать, которой это общество будет пользоваться, будет дана ему китайским правительством. Устав общества будет согласован с русскими уставами железнодорожных обществ. Акции общества могут быть приобретаемы только китайскими или русскими подданными. Председатель этого общества будет назначаться китайским правительством, но получать содержание от общества. Он может иметь местопребывание в Пекине. — Председателю вменяется в особую обязанность наблюдать за строгим исполнением обязательств банка и Общества железных дорог по отношению к китайскому прави-

тельству; независимо от сего на него возлагаются сношения банка и Общества железных дорог с китайским правительством и центральными и местными властями.— На председателе О. К.-В. ж. д. будет, равным образом, лежать обязанность по проверке всех расчетов китайского правительства с Русско-Китайским банком. — Для облегчения всех переговоров на месте Русско-Китайский банк будет содержать агента в Пекине.

2. Направление линии будет установлено представителями председателя Общества, назначенного китайским правительством, по взаимному соглашению с инженерами Общества и местными властями. При трассировке этой линии, кладбища, могилы, равно как города и деревни должны быть, по возможности, обходимы и оставляемы в стороне.

3. Общество обязано начать работы в течение 12-месячного срока, считая со дня санкционирования настоящего контракта императорским указом, и вести их таким образом, чтобы вся линия была окончена в течение 6 лет с того дня, когда направление линии будет окончательно установлено и необходимые земли будут отведены обществу. Ширина колеи должна быть та же, как и на русских железных дорогах.

4. Китайское правительство дает приказания местным властям о содействии Обществу всеми мерами в получении, по существующим ценам, потребных для постройки железной дороги материалов, равно как рабочих, средств для водной и сухопутной перевозки, необходимого продовольствия для людей и лошадей и пр. Китайское правительство обязуется, по мере надобности, принимать меры к облегчению этих перевозок.

5. Китайское правительство принимает меры к обеспечению безопасности железной дороги и состоящих на ее службе лиц от всякого нападения. — Общество будет иметь право нанимать, по своему выбору, иностранцев и туземцев, как оно признает необходимым в интересах управления, и т. п. — Преступления, процессы и пр. на территории железной дороги должны быть урегулируемы местными властями на основании постановлений трактатов.

6. Земли, действительно необходимые для постройки, эксплоатации и охраны линии, равно, как и земли в окрестностях линии, потребные для добычи песка, камня, извести и пр. будут переданы Обществу бесплатно, если эти земли составляют собственность государства; если же они принадлежат частным лицам, то они будут отведены Обществу за единовременное вознаграждение или ежегодную наемную плату владельцам по существующим ценам. — Земли, принадлежащие Обществу, будут свободны от всяких поземельных налогов. — Обществу предоставляется право безусловного и исключительного управления своими землями.— Общество будет иметь право воздвигать на этих землях всевозможные постройки, а также сооружать и эксплоатировать телеграф для нужд линии. — Точно так же доходы Общества, все его поступления и тарифы для перевозки пассажиров и товаров, телеграфы и т. д. освобождаются от всяких пошлин и налогов. Исключением являются копи, о которых последует особое соглашение.

7. Все предметы и материалы, необходимые для сооружения, эксплоатации и ремонта линии, освобождаются от оплаты всякими таможенными пошлинами и сборами, а равно и всякими внутренними пошлинами и налогами.

8. Общество ответственно за то, чтобы войска и русские военные

материалы, отправляемые транзитом по этой линии, направлялись прямо с одной русской станции на другую без остановки в пути, под каким бы то ни было предлогом, дольше, чем это вызывается крайней необходимостью.

9. Пассажиры, не состоящие в китайском подданстве, в случае желания проехать за пределы территории дороги, должны быть снабжены китайскими паспортами. Общество ответственно за то, чтобы пассажиры, не китайские подданные, не оставляли территории железной дороги, если у них нет китайских паспортов.

10. Багаж пассажиров, равно товары, перевозимые транзитом с одной русской станции до другой, не будут подлежать таможенным пошлинам; равным образом они будут освобождены от всяких внутренних налогов и сборов. Общество обязуется отправлять эти товары, за исключением пассажирского багажа, в специальных вагонах, которые, по прибытии на китайскую границу, опечатываются китайской таможней и могут оставить китайскую территорию лишь после того, как таможня установит целость печатей; если будет доказано, что эти вагоны открывались без разрешения в пути, то товары конфискуются. — Товары, ввозимые из России в Китай по означенной железной дороге, а также вывозимые из Китая в Россию тем же путем, будут уплачивать соответственно ввозную или вывозную пошлину в размере на одну треть меньше пошлины, взимаемой в китайских морских таможнях.— Если товары отправляются внутрь страны, то они подлежат, кроме того, оплате транзитною пошлиной, равной половине взысканий с них ввозной пошлины, что освобождает их от всякого дополнительного обложения.— Товары, за которые не будет уплачено транзитной пошлины, будут подлежать оплате всеми установленными внутри страны заставными и лицензионными пошлинами.— Китайское правительство обязано учредить в двух пограничных пунктах линии свои таможни.

11. Тарифы на перевозку пассажиров, товаров, а также на нагрузку и выгрузку товаров, устанавливаются обществом. Но оно обязано перевозить бесплатно китайскую официальную почтовую корреспонденцию и за половину платы китайские сухопутные и морские войска, а также китайские военные материалы.

12. Китайское правительство передает обществу полное и исключительное право эксплоатации линии за его собственный счет и риск с тем, что китайское правительство ни в коем случае не является ответственным за какой-либо дефицит общества, на время постройки и затем еще в течение 80 лет с того времени, когда линия будет окончена и по ней будет открыто движение. По прошествии этого срока линия со всем относящимся к ней перейдет бесплатно к китайскому правительству.— По прошествии 36 лет со времени окончания сооружения всей линии и открытия по ней движения, китайское правительство имеет право выкупить эту линию, возместив полностью все затраченные капиталы и все сделанные для означенной линии долги с наросшими процентами.— Если чистая прибыль превысит дивиденд, назначенный акционерам, и часть означенных капиталов и т. д. будет погашена, то на эту часть будет уменьшена выкупная стоимость. Ни в коем случае китайское правительство не может вступить во владение этой линией ранее, чем соответствующая сумма будет внесена в Русский Государственный Банк. По окон-

чании сооружения дороги и по открытии по ней движения общество внесет китайскому правительству сумму в размере 5 м. купин-таэлей.

Царствования Гуан-Сюя 22 год, 2 день 8 м-ца (подписал Сюй).

Берлин, 27 августа (8 сентября) 1896 г. Русско-Китайский банк.

(Подписали) Ротштейн. Князь Ухтомский.

(Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 110—113. Док. 32).

№ 51. ТЕЛЕГРАММА ВИЛЬГЕЛЬМА II НИКОЛАЮ II ПО ПОВОДУ УБИЙСТВА ГЕРМАНСКИХ МИССИОНЕРОВ В ШАНЬДУНЕ

На германскую католическую миссию в Шаньдуне было произведено китайцами неожиданное нападение, повлекшее за собой потерю жизней и имущества. Так как католическая миссия находится под моим личным покровительством, я должен наказать этих китайцев. Надеюсь, что согласно нашим личным переговорам в Петергофе, ты одобришь переход моей эскадры в Киао-Чау для того, чтобы оттуда действовать против мародеров, это единственно удобная гавань, а я обязан показать католической партии в Германии, что я в состоянии защитить их. Наказание необходимо и принесет пользу всем христианам.

№ 52. ОТВЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА НИКОЛАЯ II

26 октября 1897 г.

Очень благодарен тебе за личное предупреждение. Сожалею о нападении, произведенном китайцами на католическую миссию, находящуюся под твоим покровительством. Не могу одобрить или неодобрить твоего распоряжения направить германскую эскадру в Киао-Чау, так как недавно узнал, что эта гавань была в наших руках только временно в 1895—96 гг. Боюсь, что строгие меры наказания могут вызвать тревогу и неспокойное настроение на Дальнем Востоке и, возможно, еще более увеличат пропасть между христианами и китайцами.

(Подписано) Ники.

(Переписка Вильгельма II с Николаем II, М., Гос. изд., стр. 21).

№ 53. ДОГОВОР МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И КИТАЕМ ОБ УСТУПКЕ КИАО-ЧАУ. ПЕКИН, 6 марта (22 февраля) 1898 г.

По состоявшемся ныне улажении инцидента с миссией в Цзяо-Чжоу-фу в провинции Шаньдун, императорское китайское правительство считает своим долгом доказать на деле свою искреннюю признательность за дружбу, оказанную ему до сих пор Германией. По сему императорское германское и китайское правительство, проникнутые одинаковым желанием укрепить дружественные узы между обеими странами и развить шире хозяйственные и торговые сношения подданных обоих государств, заключили следующую особую конвенцию:

Раздел I

Ст. 1. Руководствуясь желанием упрочить дружественные отношения между Китаем и Германией и усилить боевую готовность Китайской империи и оставляя за собою все права суверенитета на пространстве 50 километров от бухты Киао-Чау, его величество китайский император обещает разрешать во всякое время в этой полосе свободный про-

ход германским войскам, равно как не предпринимать там никаких мероприятий или решений без предварительного соглашения с германским правительством и в особенности не препятствовать регулированию водных путей, которое, может быть, потребуется произвести. Его величество император китайский оставляет за собой право, с согласия германского правительства, держать в этой полосе войска, равно предпринимать другие военные меры.

Ст. 2. Желая исполнить справедливое желание его величества императора германского, чтобы Германия, подобно другим державам, имела на китайском побережьи место для починки и снаряжения судов, для складов под материалы и припасы последних, равно для прочих необходимых для этой цели приспособлений, его величество император китайский уступает Германии обе стороны входа в бухту Киао-Чау в арендное пользование на 99 лет. Германия берет на себя сооружение, в удобное для себя время, на уступленной ей территории укреплений для защиты проектированных построек и входа в гавань.

Ст. 3. Во избежание недоразумений, императорское китайское правительство в продолжение срока аренды не будет пользоваться верховными правами в арендуемой Германией территории, представляя пользование сими правами Германии, а именно в следующем районе:

1. На северной стороне входа в бухту: полуостров, ограниченный с северо-востока линией, протянутой от северо-восточного угла острова к заливу Лао-шань;

2. На южной стороне входа в бухту: полуостров, ограниченный с юго-запада линией, протянутой от самого юго-западного пункта залива, расположенного к юго-западу от острова Чипошань к острову Толошань;

3. Острова Чипошань и

4. Вся водная поверхность бухты до береговой линии при наиболее высоком наблюдаемом ныне уровне воды;

5. Все острова, лежащие перед бухтой Киао-Чау и необходимые для защиты ее со стороны моря, как, например, Толошань и Чжаляньдао.

Высокие договаривающиеся стороны оставляют за собой право произвести более точное установление границ территории, уступаемой в аренду Германии, равно полосы в 50 километров вдоль залива, через комиссаров, назначенных с обеих сторон, сообразуясь с местными условиями.

Китайским военным и торговым судам должны быть предоставлены в Киао-Чау бухте те же льготы, что и судам других дружественных с Германией наций, причем, как относительно входа и выхода из гавани, так и относительно пребывания в последних китайских судов не должно быть устанавливаемо никаких других ограничений, кроме тех, которые императорское германское правительство, в силу получаемых Германией верховных прав на всю водную поверхность бухты, сочтет нужным когда бы то ни было установить по отношению к судам других наций.

Ст. 4. Германия обязуется установить на островах и мелких местах перед входом в бухту необходимые морские сигналы.

С китайских военных и торговых судов не должны взиматься в бухте Киао-Чау никакие пошлины, за исключением тех, которые будут взиматься и с других судов на содержание гавани и набережной.

Ст. 5. В случае, если Германия выразит когда-либо желание вернуть бухту Киао-Чау Китаю до истечения арендного срока, то Китай обя-

зуется возместить затраты, которые Германия сделала в Киао-Чау, и предоставить последней более подходящее место.

Германия обязуется не передавать в аренду какой-либо державе, полученной ею в аренду от Китая территории.

Китайское население, живущее на арендованной территории, всегда будет пользоваться защитой германского правительства, при условии, если оно будет подчиняться всем законам и порядкам; оно может там оставаться на прежних местах, за исключением тех участков, которые понадобятся для других целей.

Если участки земли китайских собственников будут отобраны от них для каких-либо целей, то владельцы должны быть вознаграждены.

Что касается восстановления китайских таможен, которые существовали раньше вне уступленной в аренду территории, но в пределах области, тянущейся на 50 километров вдоль бухты Киао-Чау, то императорское германское правительство имеет в виду войти в соглашение с китайским правительством относительно окончательного установления таможенной границы и урегулирования взимания таможенных пошлин, с соблюдением всех интересов Китая, и оставляет за собой право вступить по сему поводу в дополнительные переговоры.

Раздел II

Железнодорожные и промышленные дела

Ст. 1. Китайское правительство санкционирует постройку Германией двух ж.-д. линий в Шаньдуни. Первая — пройдет от Киао-Чау через Уэйсян, Цзиньчжоуфу, Пошань, Цзегуан и Цоупинь до Цзинаня и границы Шаньдуня. Вторая — пройдет от Киао-Чау от Ичжофу, а оттуда до Цзинаня и через Ляу-сянь. Однако сооружение линии от Цзинаня до границы Шаньдуня будет начато не раньше, чем будет закончена постройка ее до Цзинаня, дабы китайцами могло быть дополнительно обдумано, как они предполагают соединить эту линию со своей собственной главной линией. Направление, которое будет принято этой последней ветвью, будет окончательно установлено решениями, которые будут приняты впоследствии.

Ст. 2. В целях осуществления вышеназванного железнодорожного дела будет образована китайско-германская компания. Эта компания может основать свои учреждения в одном или нескольких местах; как германские, так и китайские коммерсанты будут иметь право помещать в нее свои деньги и участвовать в назначении директоров для эксплоатации предприятия.

Ст. 3. Германия и Китай в ближайшем будущем заключат дальнейшее соглашение в отношении эксплоатации железной дороги компанией, и все вопросы, сюда относящиеся, будут обсуждаться и решаться исключительно этими двумя странами. Однако, китайское правительство окажет китайско-германской компании все возможные облегчения в постройке дороги, и последняя будет пользоваться всеми выгодами и преимуществами, предоставляемыми другим (смешанным) китайско-иностранным компаниям, действующим в Китае. При сем разумеется, что целью этого соглашения является исключительно развитие торговли и что при постройке этой железной дороги не имеется в виду незаконный захват какой-либо земли в Шаньдунской провинции.

Ст. 4. Китайское правительство предоставляет германским подданным владеть и развивать горнопромышленную собственность на расстоянии до 30 ли по обеим сторонам этих железнодорожных линий по всему их протяжению. В частности оговариваются следующие места, где могут быть производимы горнопромышленные работы: Уэсян и Пошань вдоль северной линии по Киао-Чао от Цзинаня, Ичжоу, Луя-сян и т. д. (вдоль южной или Киао-Чао-Ичжоу-Цинянской линии). Как германский, так и китайский капитал может быть помещен в этих горнопромышленных и иных предприятиях, что же касается правил и регламентов к ним относящихся, то (установление их) откладывается до позднейшего обсуждения. Китайское правительство предоставит германским подданным, занятым этим делом, всякие облегчения и покровительство, так же точно, как это предусмотрено выше в статье, касающейся железнодорожных сооружений, и на них должны быть распространены выгоды и преимущества, которыми пользуются члены других (смешанных) китайско-иностранных компаний. Целью и здесь является исключительно развитие торговли.

Раздел III

Коммерческие операции в Шаньдуни

Китайское правительство строго обязывается во всех случаях, когда может понадобиться иностранная помощь людьми, капиталом или материалом, для какой-либо цели в Шаньдунской провинции, предложить соответствующее дело или доставку материалов в первую очередь германским промышленникам и торговцам, участвующим в предприятиях соответствующего типа. В том случае, когда германские промышленники или торговцы не будут склонны принять на себя осуществление подобных дел или доставку материалов, Китай будет иметь право поступить дальше по своему усмотрению...

(Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 116—119).

№ 54. ЦЗУН-ЛИ-ЯМЫНЬ, г-ну ЖЕРАРУ, МИНИСТРУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕКИНЕ. (13 дня, 2 месяца, 23 года Гуанси). (15 марта 1897 г.).

В первый день 2 месяца 23 года Гуанси (3 марта 1897 г.) мы получили ноту от вас, в которой вы нам сообщаете, что Франция, принимая во внимание близкие дружеские и соседственные отношения ее с Китаем, придает большую важность тому, чтобы остров Хайнань никогда не был отчужден или уступлен Китаем какой-либо иной державе, в качестве ли окончательной или временной уступки или в качестве морской станции или угольного склада.

Наш Ямынь признает Цзиньчжоу (остров Хайнань), принадлежащим к территории Китая, который, стало быть, осуществляет над ним права суверенитета. Как же он мог бы уступить его чужим нациям? Сверх того фактически ни в каком смысле не соответствует действительности, чтобы он предоставил его временно чужим нациям. Согласно долгу службы мы делаем вашему превосходительству это официальное сообщение.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 113—114. Док. 34).

№ 55. КОНВЕНЦИЯ ОБ УСТУПКЕ ПОРТ-АРТУРА, ЗАКЛЮЧЕННАЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ 15 марта ст.ст. 1898 г. в Пекине

Ст. 1. В видах обеспечения для русских военно-морских сил вполне надежной опоры на побережье Северного Китая, император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур (Лю-шунькой) и Далянвань вместе с прилегающим к этим портам водным пространством. Арендой этой, однако, ни коим образом не нарушаются верховные права императора китайского на вышесказанную территорию.

Ст. 2. Граница предоставляемого на означенном основании в арендное пользование участка пройдет к северу от Далянваньской бухты на расстоянии, необходимом для должной обороны сказанного участка со стороны суши.

Точная демаркационная линия и другие подробности, касающиеся постановлений настоящей конвенции, будут установлены отдельным протоколом, который имеет быть заключен в Петербурге с сановником Сюй-цзин-ченом безотлагательно по подписании настоящей конвенции. По установлении этой демаркационной линии, вся ограниченная ею площадь арендуемой территории, вместе с прилегающим к этой площади водным пространством, поступает в полное и исключительное пользование российского правительства.

Ст. 3. Срок аренды устанавливается в 25 лет со дня подписания настоящего соглашения и может быть затем продолжен по обоюдному соглашению.

Ст. 4. В течение означенного срока на арендуемой русским правительством территории и на прилегающей к оной водном пространстве все военное командование сухопутными и морскими силами, а равно и высшее гражданское управление будет всецело предоставлено русским властям и будет сосредоточено в руках одного лица, но без присвоения ему звания губернатора или генерал-губернатора.

Никакие китайские военно-сухопутные силы на означенной территории не будут допущены. Китайским жителям предоставляется, по их желанию, выселиться из пределов арендуемой Россией территории, или же остаться в оной без препятствия со стороны русских властей. В случае совершения китайским подданным преступления в пределах арендуемой территории, виновный будет препровожден ближайшим китайским властям для суда и наказания по китайским законам.

Ст. 5. К северу от обозначенной выше границы арендуемого участка устанавливается нейтральная зона. Границы этой зоны буду установлены сановником Сюй-цзин-ченом с министерством иностранных дел в С.-Петербурге. На пространстве означенной нейтральной зоны гражданское управление будет всецело в руках китайских властей; китайские же войска будут допускаться только по согласию с русскими властями.

Ст. 6. Оба правительства соглашаются, что Порт-Артур, как исключительно военный порт, будет предоставлен в пользование только русским и китайским судам. Для военных и коммерческих судов других государств он будет считаться закрытым портом.

Что касается до Далянваня, то, кроме одной из внутренних бухт, которая, наравне с Порт-Артуром, будет назначена исключительно для

нужд русского и китайского военных флотов, остальное пространство этого порта будет считаться открытым для иностранной торговли и свободный доступ в него будет предоставлен коммерческим судам для всех наций.

Ст. 7. Русское правительство принимает на себя на свой собственный счет и своими средствами возвести на уступленной ему в арендное пользование площади и, в частности в портах Артуре и Далянване все необходимые для флота и сухопутных сил сооружения, возвести укрепления, содержать в них гарнизон и вообще принять все необходимые меры для действительной обороны означенной местности от неприятельского нападения.

Ст. 8. Китайское правительство соглашается дарованную им в 1896 году Обществу Китайско-Восточной железной дороги концессию ныне же, со дня подписания настоящего соглашения, распространить на соединительную ветвь, имеющую быть построенной, от одной из станций магистральной линии до Далянваня, а также, если в том окажется необходимость от той же магистральной линии до другого более удобного пункта на побережье Ляодунского полуострова между городом Инцзы и устьем реки Ялу. К этим дополнительным ветвям должны быть точно применены все постановления контракта, заключенного Китайским правительством и Русско-Китайским банком 27 августа 1896 года. Направление и пункты, через которые пройдут упомянутые линии, будут установлены сановником Сюй-цзин-ченом с управлением Китайско-Восточной железной дороги. Согласие на постройку железной дороги на изложенных выше основаниях никогда и ни под каким видом не должно служить предлогом для захвата китайской территории или для посягательства на верховные права Китая.

Ст. 9. Настоящая конвенция войдет в законную силу со дня размена экземпляров ее уполномоченными того и другого государства. Размен ратификаций последует в С.-Петербурге в возможно непродолжительном времени.

В удостоверение чего уполномоченные обеих сторон подписали и скрепили своими печатями два экземпляра настоящего договора на русском и китайском языках. Из двух текстов, по сличении оказавшихся согласными, руководящим при толковании будет служить русский текст.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ В ПЕКИНСКОЙ КОНВЕНЦИИ ОБ УСТУПКЕ ПОРТ-АРТУРА от 15/III 1898 г.

Ст. 1. Северная граница предоставленного, на основании 2 статьи соглашения 15 марта 1898 г., в пользование русскому правительству земельного участка на Ляодунском полуострове с портами Артуром и Далянванем простирается: начиная от северной части бухты Адамс, на западном берегу Ляодуна, через Адамс Пик, со включением этого пика в русские владения, до северной оконечности бухты у местечка Бицзыво на восточном берегу Ляодуна, причем в пользование России поступает и все прилегающее к арендуемому участку водное пространство со всеми окружающими материк островами. Оба правительства назначат особых комиссаров для более точного определения граничной черты арендуемой

территории на месте. От описанной в 1 ст. северной границы арендуемого Россией участка к северу простирается условленная в 5 статье Пекинского соглашения 15 марта 1898 года нейтральная зона, крайне северные пределы коей простираются до линии, идущей от устья реки Гайчжоу-хэ на западном берегу Ляодунского полуострова, оставляя на юге Сю-янь, до реки Да-ян-хэ и следуя по левому берегу этой реки до ее устья, которое войдет в состав нейтральной зоны.

Ст. 3. Императорское российское правительство соглашается, чтобы конечными пунктами железнодорожной линии, долженствующей соединить сибирскую магистраль с Ляодунским полуостровом, служили порты Артур и Далянвань, а не какой-либо пункт на побережье означенного полуострова. При этом, по взаимному уговору, во всем районе, имеющем быть обслуживаемым проектированной железной дорогой, не будет предоставлено иностранцам никаких железнодорожных концессий. Российское императорское правительство соглашается лишь не препятствовать сооружению продолжения Шанхай-Гуаньской железной дороги до ближайшего пункта новой ветви, упомянутой выше, если бы китайское правительство пожелало построить эту линию на свои средства.

Ст. 4. Российское императорское правительство, во внимание к просьбе его величества богдыхана, соглашается предоставить находящемуся на арендуемой Россией территории городу Пзинь-чжоу-тин автономное муниципальное управление с необходимым количеством чинов городской полиции. Само собой разумеется, что китайские войска очистят Пзинь-чжоу-тин и будут заменены русскими войсками. Жители означенного города будут иметь право пользоваться путями сообщениям между Пзинь-чжоу-тином и северной границей уступленной территории. Они могут пользоваться прилежащим к городу и отошедшим к России водным пространством для обыденных надобностей, но отнюдь не будут иметь каких-либо прав на береговую полосу.

Ст. 5. Правительство богдыхана обязуется:

1. Не уступать ни одного участка земли нейтральной зоны в пользование иностранцев без согласия России.

2. Не открывать для иностранной торговли ни одного из портов, находящихся на восточном и западном берегах нейтральной зоны.

3. Не предоставлять на всем пространстве нейтральной зоны без согласия русских властей каких бы то ни было концессий на постройку железных дорог, разработку минеральных богатств и всяких промышленных предприятий.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 119—121. Док. 39).

№ 56. ФРАНЦУЗСКО-КИТАЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ от 9—10 апреля 1898 г. О ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В Ю. КИТАЕ, О ГУАНЧЖОУВАНЕ И ОБ УПРАВЛЕНИИ КИТАЙСКИМ ПОЧТОВЫМ ВЕДОМСТВОМ

Нота французского поверенного в делах Дюбайля Цзун-ли-Ямыню 9 апреля 1898 года

Вследствие наших бесед и во исполнение формальных инструкций пр-ва республики, снабдившего меня особыми полномочиями, имею честь просить ваши выс-ва и ваши прев-а изъявить согласие на нижеследую-

Арендуемая территория будет заключать остров Лю-гун и все острова в бухте Вэй-хай-вэй, а также окружающую ее землю шириной в 10 английских миль вдоль по всей береговой линии Вэй-хай-вэйской бухты. В пределах вышеуказанной арендованной территории Великобритания будет иметь исключительное право юрисдикции.

Великобритания будет иметь, кроме того, право возводить укрепления, содержать войска или принимать всякие другие меры, необходимые для оборонительных целей на всех пунктах на берегу области или к востоку от меридиана 121°40' восточной долготы от Гринвича, и приобретать за соответствующее вознаграждение в пределах этой территории те местности, которые могут быть необходимы для водоснабжения, сообщений и госпиталей. В пределах этой зоны нельзя будет вмешиваться в деятельность китайской администрации, но никакие другие войска, кроме китайских или британских, не будут туда допускаться.

Постановляется также, что внутри окружающих город Вэй-хай-вэй стен китайские власти будут продолжать осуществлять свою юрисдикцию, за исключением того, поскольку это окажется несовместимым с морскими и военными требованиями обороны арендуемой территории.

Далее постановляется, что китайские военные суда, будут ли они нейтральными или иными, сохранят право пользоваться водами, предоставленными в аренду Великобритании.

Далее постановляется, что жители указанной территории не будут подвергнуты экспроприации или выселению и что, если понадобиться земля для укреплений, казенных зданий или какой-либо другой правительственной или общественной цели, то она будет приобретена по соответствующей цене.

Настоящая конвенция войдет в силу после ее подписания. Она будет ратификована государями обеих стран, и ратификации будут разменены в Лондоне в возможно краткий срок.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 129. Док. 38).

№ 58. ОБРАЩЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ CHINA ASSOCIATION К ЛОРДУ СОЛСБЕРИ 14 апреля 1898 (получ. 15 апр. 1898 г.)

Милорд,

Лондон. 14 апреля 1898 г.

Представляя на рассмотрение Вашего лордства некоторые соображения. вызванные нынешним серьезным кризисом на Д. Востоке, комитет желает констатировать, что он вполне оценивает некоторые уступки, добытые за последнее время представителем ее вел. от Пекинского правительства. Открытие порта в важной Хунанской провинции; открытие внутренних водных путей Китая пароходству; подтверждение британских интересов в долине Янцзы и признание преобладающего интереса Англии в иностранной торговле Китая, заключающееся в постановлении, что должность ген. инспектора таможен должна быть занимаема англичанином, покуда это преобладание останется в силе, предоставляют уступки, которые при обычных условиях были бы приветствованы в качестве ярких и полновесных благ как для будущности Китая, так и для британской торговли.

щие условия, предназначенные укрепить узы дружбы и доброго соседства, соединяющие китайскую империю с французской республикой.

1. Китайское правительство дает французскому правительству или указанной им французской компании право построить железную дорогу от границы Тонкина до Юньнаньфу, причем Китайское правительство обязано лишь уступить землю для этого пути и для сооружений. Направление этой линии обсуждается в настоящее время и будет впоследствии определено по взаимному соглашению обоих правительств. В соответствии с сим будут выработаны правила.

2. Китайское правительство в знак своей дружбы к Франции отдает в аренду на 99 лет залив Гуанчжоу-вань французскому правительству, которое имеет право устроить там морскую станцию со складом угля. По окончании изысканий на месте границы концессии будут определены по соглашению между обоими правительствами. Об условиях арендной платы соглашение состоится впоследствии.

3. Когда Китайское правительство учредит почтовую службу, поставив во главе ее чиновника высокого ранга, оно предполагает обратиться к содействию иностранных чиновников и заявляет о своей готовности следовать советам французского правительства в выборе личного состава.

Прошу ваши выс-ва и ваши прев-ва уведомить меня о получении настоящего сообщения тождественным сообщением, которое будет служить соглашением наших двух правительств. Оба документа будут иметь силу конвенции.

Нота Цзун-ли-Ямыня французскому поверенному в делах Дюбайлю от 10 апреля 1898 г.

В 19 день 3 луны 24 года Гуансюй (9 апреля 1898 г.) мы получили от в. прев-а следующее сообщение (следует текст вышеприведенной ноты). Так как в вашем сообщении, адресованном нашему Ямыню, говорится, что эти три просьбы имеют целью скрепить соединяющие нас узы дружбы, мы можем дать на них свое согласие. Китай и Франция должны упрочить существующие между ними дружественные отношения и устранить навсегда всякий повод к столкновению. Мы считаем своим долгом препроводить в. прев-у настоящий ответ для препровождения его вашему правительству.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 122—123. Док. 41).

№ 57. СОГЛАШЕНИЕ ОБ АРЕНДЕ ВЭЙ-ХАЙ-ВЭЯ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И КИТАЕМ В ПЕКИНЕ 7 июля 1898 года

В видах предоставления Великобритании удобной морской стоянки в Северном Китае и для лучшего покровительствования британской торговле в соседних водах, правительство его величества императора Китая согласно предоставить в арендное пользование правительства ее величества королевы Великобритании и Ирландии Вэй-хай-вэй, в провинции Шаньдунь, и прилегающие воды на тот срок, пока Порт-Артур будет оставаться во владении России.

Политические осложнения, омрачавшие блестящие виды на будущее, послужили естественно источником глубокой тревоги каждого члена Ассоциации, столь глубоко заинтересованной в разных отношениях в будущности Д. Востока. Эти осложнения не были не предвидены. Ассоциация в самом деле не раз отмечала их неизбежность с тех пор, как разгром Китая вследствие японского нападения сделал очевидным, что притязания, отчасти сдерживавшиеся до того, найдут больше свободы для своего проявления.

Распространение русского влияния на Манчжурию указывалось как нечто неизбежное и законность ее желания располагать незамерзающим портом признана; однако при этом имелась надежда, что окажется возможным достигнуть предварительного соглашения, которым английские и русские интересы могли бы быть согласованы, возникший ныне антагонизм мог бы быть избегнуть и постоянная угроза, вытекающая из оккупации ею Порт-Артура могла бы быть отвращена. Ассоциация решается напомнить опасения, изложенные вашему лордству относительно Порт-Артура в ноябре 1895 г., так как в некоторых кругах наблюдается склонность умалять размеры британских интересов в Северном Китае, и представляется нежелательным допустить, чтобы подобное недоразумение могло затемнить необходимость воспротивиться, насколько возможно, преобладающему влиянию (России), которое вытекает из приобретения этой важной крепости.

Заявления министров в пользу сохранения целости Китая и поддержания Тяньцзинского договора были отмечены Ассоциацией с удовлетворением. Постановление ст. 54 этого договора, «что британскому правительству и его подданным будет предоставлено свободное и равное участие во всех привилегиях, иммунитетах и выгодах, которые могли быть или могут быть предоставлены императором Китая правительствам или подданным какой-либо другой нации» представляют широкое основание утверждать, что права на передвижение, торговлю и участие в промышленном развитии не будут нарушены притязанием иностранных держав на специальные интересы в какой-либо части Китая. Эта точка зрения действительно столь неоспорима, что правительство ее вел. получило повидимому со всех сторон заявления о согласии (с его точкой зрения).

Ассоциация имела честь обратиться недавно к в. л.[1] по поводу германского предприятия в Шаньдуни и считает ненужным вернуться к этому делу иначе чем выразив свою уверенность, что правительство ее вел. озаботится обеспечить британскому капиталу и промышленности равенство возможностей во всех деловых переговорах, которые из него могут возникнуть. Повидимому есть основание верить, что Германия по крайней мере не установит в Цзяочжоу покровительственных или запретительных пошлин. Однако, это чувство сменяется чувством недоверия в отношении двух держав, повидимому объединившихся, чтобы зажать Китай в тиски, и принципы действий которых противоречат свободе торговли, каковую великобританская политика открыто требует и проводит.

Ассоциация не верит, что дверь в Манчжурию будет оставлена открытой великой державой, приобревшей замок, задвижку и засов к ней. Незамерзающий порт был необходим для ее коммерческих нужд. Тот факт, что этот порт принял форму крепости, которая фактически может

[1] Вашему лордству (Your lorship).

быть сделана неприступной, решительно изменяет положение. Равенство возможностей уже ныне отвергнуто путем исключения английских инженеров и капитала от участия в железнодорожных предприятиях к северу от Великой Стены. В интересах России может входить держать открытую дверь незапертой, пока заканчивается сибирская железная дорога, но нет уверенности в том, что принцип будет признан в будущем, когда ее положение укрепится и она признает, что настало время наложить покровительственные пошлины в интересах русской торговли. Приблизительная ценность Нючжуанской торговли доходила в 1896 г. до 22 829 т. х. таэлей, соответствующих по нынешнему курсу 3 424 тыс. L.[1]. Торговля производится преимущественно каботажными пароходами и парусниками, вмещающими в общем 664 рег. тонн. Британский флаг покрывал 364 600 тонн; русский — 3 628 тонн. Торговля развивается. В состав оборота входит крупный ввоз манчестерских товаров и он способен к большому развитию при улучшенных путях сообщения и более упорядоченном управлении, которые постепенно будут установлены Россией. Считается однако несомненным, что она постарается направить эту торговлю насколько возможно по ее сухопутным линиям и использует свое морское положение дабы создать фискальные затруднения на пути участия морских держав. Эти соображения имеют более широкое значение. Если Нючжаун является гаванью Манчжурии, то Тяньцзинь — гавань не только Печжили, но всей области к северу от Великой стены. Приблизительная ценность его торговли доходила в 1896 г. до 9 млн. L; нуждалась в судах с тоннажем в 1 241 645 т., из коих 583 т. тонн под британским и 508 т. тонн под китайским флагом. Россия вовсе не была представлена; однако она приобрела морскую стоянку, господствующую над подступами к Тяньцзиню и военную позицию, господствующую над областью, обслуживаемой Тяньцзинем. Россия наступает скачками и пользуясь обстоятельствами. Оккупация Манчжурии чудовищно усилила ее военную мощь. Она получает контроль над иррегулярной конницей, которая по качеству и силе, быть может, приближается к казачеству, а сверх того выносливое население, которое даст большую пехотную силу; ныне, когда эти ресурсы дополнены и завершены приобретением первоклассной морской твердыни, она достигла положения, которое Англия, быть может, найдет затруднительным оспаривать, когда для России наступит время закрыть дверь. Переваривание Манчжурии может ее занять более или менее долгое время. После этого она будет иметь возможность спуститься в Печжили, а между Печжили и Янцзы нет естественных преград.

Ассоциация решилась при более ранних поводах указать на долину Янцзы как на область, в которой британские интересы должны преобладать. Она приветствовала поэтому с сердечным удовлетворением сообщение, что Китай был побужден обещать, что никакая часть этой области не будет сдана в аренду или уступлена иностранной державе. С одинаковым удовлетворением она приветствовала сообщение, что правительство е. в. понимает этот термин так, что он объемлет собой по обеим сторонам Янцзы прилегающие к нему провинции и питает уверенность, что подразумевается, что он объемлет в продольном направлении все пространство от Чусанского архипелага до границ Бирмы и Ассама. Долина Янцзы охватывает Шанхай, который является торговым центром

[1] L — сокращенное обозначение фунта стерлингов.

Северного и Среднего Китая, как Гонконг — центром юга. Приблизительная ценность шанхайской торговли доходила до 32,4 м. L, из коих на долю британской империи приходится 16,5 м. L. Общий тоннаж судов доходил почти до 8 м. тонн; британский флаг покрывал 4,5 м., французский — 231 т., русский — 42,5 т. Доля британской империи в ввозной торговле доходила до 15.933 т. L из 18.585 т. L. Даже эти крупные цифры способны безгранично увеличиться при улучшенных путях сообщения и улучшенной фискальной системе. Ассоциация питает уверенность, что важность этих интересов дает ей право просить об информации на счет характера тех мер, коими неприкосновенность (integrity) этой области будет обеспечена. Об этом, нет сомнения, доведено до сведения иностранных держав в выражениях, достаточно ясных, чтобы указать, что (принцип) будет сохранен в силе; однако существует убеждение, что из такого заявления должна следовать обязанность поддержать дух китайского правительства, если придется противостоять русскому давлению.

Развращенность мандаринов, недисциплинированность войск и общая рыхлость организации не допускают надежды, что могут быть проведены реформы без иностранной помощи. Постановление, что некоторые налоги, предназначенные обеспечивать службу займа, должны быть вверены контролю ген. инсп. таможен, позволяет надеяться на реформу, которая сможет иметь далеко идущие последствия. Но фискальная реформа одна не предотвратит военного натиска. Необходимо поднять способность к военному сопротивлению. Направление всех таких новых сил достанется нации, которая будет контролировать их организацию; посему высказывается мысль, что доля контрольных прав, соответствующая преобладанию британских интересов, должна быть во всяком случае удержана в британских руках. Ассоциация приветствует сообщение, что китайскому флоту в Вэйхайвэе будет предоставлено гостеприимство и помощь. Он питает уверенность, что помощь и инструктирование будут предоставлены и при организации сухопутных военных сил. Едва ли представимо, чтобы Китай мог при каких бы то ни было обстоятельствах противостоять один лавине, которая отныне всегда будет тяготеть над ним с севера; было бы, однако, ошибкой расценивать военные способности китайцев по уровню их войны с Японией. В Китае имеются расы, способные дать материал, несомненно более ценный чем феллахи; и можно думать, что под иностранным руководством может быть создана сила, которая под иностранным главенством и с иностранной помощью противопоставит даже России весьма серьезное сопротивление. Ассоциация рада заключить из оккупации Вэйхайвэя о вероятности, что такая помощь будет оказана; и что хотя далекие части империи ею оставлены, будет видимо сделано усилие поддержать связность 18 провинций в пределах старой границы, намеченной Великой стеной. Территория этой области равна территории британской Индии, население ее несомненно не менее многочисленно, ее естественные богатства, вероятно, более значительны. При более сильном правительстве, улучшенных путях сообщения и лучших фискальных условиях, здесь имеются благоприятные для торговли условия, которые не могут быть превзойдены ни в какой аналогичной части мира. Однако предшествующий опыт заставляет нас признать, что только при условии сохранения автономности британских предприятий последним могут быть обеспечены равные возможности

в отношении указанных перспектив. Мы уже наблюдали начало исключений на севере. Испытывается опасение, что Германия имеет в виду монополию горных и железнодорожных предприятий в Шаньдуни. Россия несомненно имеет намерение монополизировать сооружение манчжурских железных дорог и развитие манчжурских горнопромышленных предприятий. Существует опасение, доходящее до уверенности, что русской торговле будут предоставлены преимущества в течение периода, вероятно не более продолжительного чем тот, который потребовался для того, чтобы изменить условия, относившиеся к Батуму.

Примеров Мадагаскара и Тонкина пожалуй достаточно, чтобы отметить аналогичную опасность, грозящую от допущения французских интересов или влияния на юге. С известной долей вероятия можно утверждать, что обещание не отчуждать какую-либо часть Юньнаня, Гуанси или Гуандуна согласуется с политикой (оберегания) неприкосновенности Китая, которую провозгласила Великобритания. Однако в данном случае это обязательство не нужно. Несомненность того факта, что Англия окажет такому отчуждению сопротивление, заключает в себе достаточную гарантию. Требование Франции представляет (поэтому) заявление о специальных интересах, а она не может выставить притязания на такие интересы, против которых Англия не может выставить равных. Юньнань граничит так же точно с Бирмой, как и с Тонкином. Если французы помышляют о железной дороге в Юньнаньфу, с юга, то мы уже приступили к постройке таковой с запада. Если Красная река обеспечивает Франции специальные интересы на юге, то Янцзы обеспечивает Англии одинаковые интересы на севере. Если торговля Тонкина с Юньнанем дошла в 1896 г. до 353 715 L, то пограничная торговля Бирмы дошла до 260 000 L и увеличивается в более быстрой пропорции. Вопрос о Юньнани может послужить предметом соглашения и если иностранное влияние не может быть дальше исключено, правительство ее вел., несомненно, обсудит, каким образом интересы Бирмы и Тонкина могут быть согласованы с сохранением свободы проникновения и добросовестной конкуренции (fair plau). — Развитие Юньнаньских железных дорог не было особенно быстрым и осуществление их сооружения до Юньнаньфу может заставить себя долго ждать. Однако, выдвинутый (в этом отношении) принцип требует внимания, и Ассоциация питает уверенность, что, в виду примера Манчжурии, не будет допущено никакое соглашение, которое содержало бы в себе (признаки) исключительных прав в области промышленности или торговли или чего бы то ни было, ограничивающего равенство возможностей во всякого рода коммерческих и промышленных предприятиях.

Гуанси вдобавок граничит с Тонкином, тогда как мы имеем доступ туда лишь через китайский морской порт Пакхой и китайский речной порт Учжоу. Однако, торговля Тонкина с Гуанси через пограничную станцию в Лунчжоу доходила в 1896 г. лишь до 11328 L, тогда как торговля Пакхоя достигала 669 000 L. Главным объектом торговли Пакхоя является Наньнин, который может быть достигнут также по Красной реке от Гонконга. Однако, цель французской политики заключается в том, чтобы привлечь торговлю южного Китая к Тонкину. Нет надобности испытывать ревность к стремлениям, направленным к этой цели, которые не исключают одинаковых стараний со стороны Гонконга, однако, признается, что наступило время, когда на открытии Наньнина следует

настаивать как на conditio sine qua non.—Одинаково, как и конкуренции по Красной реке. Тонкин боится конкуренции при помощи железной дороги, исходящей от Пакхоя. Рекомендуется испросить от китайского правительства разрешение на сооружение этой железной дороги на тех же началах, на которых Франция испросила сооружение железных дорог в Юньнани. Опыт побуждает к опасению, что создание французской морской станции на Линьчжоуском полуострове приведет постепенно к притязанию на влияние в Гуанси. Аналогию нетрудно найти. Обсуждая несколько лет назад коммерческое будущее Индо-Китая, г. де-Ланессан заметил, что если бы Сиам предположил построить железную дорогу от Кората до Бангкока, Франция должна была бы воспрепятствовать этому всеми средствами. Постройка была начата, средства были пущены в ход, и Сиам, повидимому, оставил этот проект, дабы его осуществление не привело к дальнейшим осложнениям. Линьчжоу затмевает Пакхой, и не придется особенно удивляться, если методы, примененные в Сиаме, будут при случае применимы в Гуанси.

Рекомендуется также, чтобы были приняты срочные меры, дабы обеспечить сооружение британским капиталом, если нужно, то даже с британской гарантией, сооружение линии от Гулана и Кантона, о которой так давно говорится.

Гуандунский вопрос стоит особо. Пограничное положение к Тонкину, быть может, предоставляет Франции правдоподобные извинения, когда она притязает на права в Юньнани и Гуанси, однако, Гуандунская провинция с ее большим речным портом Кантоном лежит позади (представляет хинтерланд) британской колонии. Установить, что британские права в Гулуне будут соблюдаться, при таких условиях может показаться излишним, так как непредставимо, чтобы Великобритания допустила их нарушение. Однако, позволительно выразить сожаление, что представления, сделанные правительству ее вел. в течение недавних лет не встретили более быстрого сочувствия, ибо соглашение, которое могло быть достигнуто в другое время сравнительно легко, ныне выдвигается при аспекте необходимости международных уступок.— Приблизительная ценность кантонской торговли доходила в 1896 году до 6.669.000 L, а ценность товаров, ввезенных в гулунскую таможню — до 7.197.000 L. Можно без колебаний утверждать, что почти вся совокупность их проходит через Гонконг. Торговля в Сватоу, доходящая до 4 млн. L, также производится в значительной мере через Гонконг. Если существует такая провинция Китая, на которую какая-либо другая нация имеет преобладающее право, такое право должно было бы быть предъявлено в пользу Великобритании на Гуандун, и Ассоциация желает торжественно подчеркнуть мнение, выраженное в резолюции, представленной неделю тому назад вашему лордству, что признанию какого-либо постороннего интереса или влияния в этой большой и важной провинции надлежит, не взирая на последствия, противопоставить ясное и решительное сопротивление.

Признавая невозможным предполагать, что декларации Франции о специальных ее интересах в этих провинциях суждено сохранить платонический характер, Ассоциация рекомендует считать мятеж с его спутником — анархией — обстоятельством, которое могло бы служить извинением интервенции, пределы которой было бы трудно определить. Узды управления нигде в Китае не находятся в твердых руках. Не-

давние события подорвали его престиж. Население Гуанского вице-королевства — самое беспокойное в империи, и вспышка беспорядков, которая может разростись в мятеж, представляет опасность, от которой никто из лиц, знающих Китай, не может отговариваться, как от отдаленной возможности.

В заключение Ассоциация хочет выразить серьезную надежду, что не будет допущено никаких дальнейших нарушений целости империи. В частности, она желает торжественно подчеркнуть, что не должно быть признано специальных или исключительных привилегий в какой-либо части иных морских провинций, где британские интересы и британская торговля превышают таковые прочего мира.

Имею честь и т. д.

Р. С. Генри, почетн. секретарь.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), изд. института Востоковедения, М., 1927, стр. 123—128. Док. 42).

№ 59. ИСПАНО-АМЕРИКАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, ПОДПИСАННЫЙ В ПАРИЖЕ 10 декабря 1898 года

(Уполномоченные: Испании—Риос, Абарзуга Гверника, Вилла-Уррутия и Сереро, Америки—Дей, Девис Фрей, Грей и Ред).

Ст. 1. Испания отказывается от всех своих прав и притязаний на суверенитет над Кубой.

Так как остров после эвакуации Испанией должен быть оккупирован Соединенными Штатами, на Соединенных Штатах во все продолжение этой оккупации будут лежать обязательства, которые могут возникнуть в силу международного права из факта их оккупации, для защиты жизни и имущества.

Ст. 2. Испания уступает Соединенным Штатам остров Порто-Рико и другие острова, ныне находящиеся под суверенитетом Испании в Вест-Индии, равно как остров Гуам в Марианских островах или ландронах.

Ст. 3. Испания уступает Соединенным Штатам архипелаг, известный под названием Филиппинских островов...

Соединенные Штаты уплатят Испании сумму в 20 миллионов долларов...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 289—290. Док. 279).

№ 60. ОБМЕН НОТ МЕЖДУ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ И ДРУГИМИ ДЕРЖАВАМИ ПО ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» В КИТАЕ (сентябрь 1899—март 1900 гг.).

1. Нота американского посланника в Лондоне Чота (Choate) лорду Солсбери 22 сентября 1899 г.

Милорд, я получил инструкцию от госуд. секретаря представить вашему лордству дело, которое президент считает имеющим большую и равную для Великобритании и для Соединенных Штатов важность — в отношении поддержания торговцев и торговли на Востоке, в каковом отношении интересы двух наций отличаются друг от друга не по существу, а по степени (их заинтересованности) — и просить о соответствующей акции правительства ее величества, каковая по мнению президента

будет находиться в полном согласии с неизменными декларациями его о его политике и с его традициями и будет сильно содействовать процветанию торговли.

Он полагает, что установившаяся политика и намерения Великобритании заключаются в том, чтобы не пользоваться никакими привилегиями, которые могут быть ей представлены в Китае, в качестве средства для устранения каких-либо торговых конкурентов, и что свобода для ее торговли в этой империи означает равную свободу для торговли всех вообще. Допуская в порядке специальных соглашений с Германией и Россией обладание (этими странами) «сфер влияния и интересов» в Китае, в которых они имеют пользоваться специальными правами и привилегиями, в частности в отношении железных дорог и горнопромышленных предприятий, правительство ее величества в то же время имело в виду поддержать то, что обычно называется политикой «открытых дверей», и обеспечить торговле и мореходству всех наций равенство обращения (с ними) в таких «сферах». Поддержание этой политики составляет настойчивое требование коммерческих организаций наших двух народов и справедливо рассматривается ими, как единственное средство, способное улучшить существующее положение, позволит им сохранить их положение на китайских рынках и расширить в будущем их операции.

Не желая никоим образом принять на себя обязательство признать как-либо исключительное право какой-либо державы на какую-либо часть Китайской империи или на контроль над таковой применительно к таким соглашениям, какие недавно состоялись, правительство Соединенных Штатов не может скрыть своих опасений, что существует опасность осложнений, могущих возникнуть между имеющими договоры с Китаем державами, которые могут подвергнуть опасности права, обеспеченные Соединенным Штатам их договорами с Китаем.

Искреннее желание моего правительства заключается в том, чтобы интересы его граждан не были задеты исключительными мерами какой-либо из контрольных держав в соответствующих «сферах интересов» в Китае; оно надеется сохранить в них открытый рынок для всей мировой торговли, устранить опасные источники международного раздражения и тем самым ускорить объединенное воздействие держав в Пекине, дабы провести административные реформы, столь остро необходимые в целях усиления императорского правительства и обеспечения целости Китая, в чем, по его мнению, одинаково заинтересован весь западный мир. Оно полагает, что достижение этого результата может быть значительно подкреплено и ускорено декларациями разных держав, притязающих на «сферы интересов» в Китае, в отношении их взглядов на обращение с иностранными торговцами и торговлей в их пределах, и что настоящий момент весьма благоприятен для того, чтобы сообщить правительству ее величества о желании Соединенных Штатов, чтобы оно дало за себя и оказало бы свое могущественное содействие в старании получить от каждой из разнообразных держав, притязающих на «сферы интересов» в Китае, декларации следующего по существу своему смысла:

1. Что оно не будет вмешиваться в права какого-либо договорного порта или каких-либо фундированных интересов в пределах какой-либо так называемой «сферы интересов» или арендованной территории, каковые оно может иметь в Китае.

2. Что ныне существующий китайский договорный таможенный тариф будет применяться ко всем товарам, выгруженным или доставленным во всякие подобные порты, находящиеся в пределах таких «сфер интересов» (за исключением «вольных портов») безотносительно к тому, к какой бы национальности они ни принадлежали, и что подлежащие на этом основании пошлины будут взиматься китайским правительством.

3. Что оно не будет взимать более высоких судовых сборов с судов иной национальности, заходящих в какой-либо порт в подобной «сфере», чем какие будут взиматься с судов его собственной национальности, а равно и более высоких железнодорожных платежей на линиях, сооруженных, контролируемых или действующих в его сфере, с товаров, принадлежащих гражданам или подданным других национальностей и транспортируемых через подобные сферы, чем какие будут взиматься с аналогичных товаров, принадлежащих лицам его собственной национальности, транспортируемых на одинаковом расстоянии.

Президент имеет серьезные основания думать, что правительства как Россия, так и Германия примут участие в таком соглашении, которое здесь предлагается. Недавний указ его величества императора России, объявляющий порт Далянвань открытым для торговых судов всех наций в течение всего срока аренды, на началах коей он будет находиться в руках России [1], устраняет всякую неуверенность относительно либеральной и примирительной политики этой державы и оправдывает ожидание, что его величество присоединится к аналогичному предложению Соединенных Штатов, ныне ему представленному, и сделает соответственное заявление.

Недавнее действие Германии, объявившей порт Цзяочжоу «вольным портом», и содействие, оказанное ее правительством Китаю в установлении там китайской таможни, в соединении с устными заверениями, данными Соединенным Штатам Германией в том, что интересы Соединенных Штатов и их граждан в пределах «сферы» никоим образом не будут задеты оккупацией ею этой части Шаньдуньской провинции поощряют думать, что следует предполагать лишь слабую оппозицию со стороны этой державы в отношении пожелания президента касательно аналогичной декларации этой державы.

Нет также надобности добавлять, что Япония, держава вслед за тем наиболее широко заинтересованная в китайской торговле, — должна полностью симпатизировать изложенным здесь взглядам и что ее интересы найдут широкую поддержку в предложенном соглашении; заявления ее государственных деятелей, сделанные в течение истекшего года, находятся в таком соответствии с ним, что можно с полной уверенностью полагаться на ее содействие.

Именно посему я представляю это дело с величайшим удовольствием вниманию вашего лордства и настаиваю на скорейшем рассмотрении его правительством ее величества, так как это выступление находится в полном соответствии с его постоянными теориями и намерениями и что оно будет сильно способствовать успехам и выгодам всех вообще торговых наций. Быстрое и сочувственное сотрудничество правительства ее величества с Соединенными Штатами в этом важном деле будет иметь очень

[1] Указ от 11 авг. (30 июля) 1899 г.

большое значение в деле восприятия его всеми подлежащими державами.

Имею честь и т. д.

II Нота лорда Солсбери американскому посланнику Чоту от 29 сент. 1899 г.

Ваше превосходительство, я прочел с большим интересом сообщение, врученное мне вами сентября 23, которым вы меня осведомляете о желании правительства Соединенных Штатов получить от разных держав, притязающих на сферы интересов в Китае, декларации по части их намерений касательно обращения с иностранными торговцами и торговлей в их пределах.

Имею честь осведомить ваше превосходительство, что я поспешу запросить мнение моих коллег в отношении декларации правительства ее величества и в отношении предложения о совместных с правительством Соединенных Штатов действиях для достижения аналогичных деклараций от прочих подлежащих держав.

Пока же я могу уверить ваше превосходительство, что политика, последовательно защищаемая сей страной, заключается в обеспечении равных возможностей для подданных и граждан всех наций в отношении коммерческих предприятий в Китае, и что отступать от этой политики правительство ее величества не имеет ни намерения, ни желания.

Имею честь и т. д.

(Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., 1927, стр. 141—143. Док. № 54).

№ 61. АНГЛО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ПРИНЦИПАХ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ЛОНДОНЕ 16 октября 1900 года

(Уполномоченные: Великобритании—Солсбери, Германии—Гатцфельдт).

Правительство ее брит. величества и имп. германское правительство, желая охранять свои интересы в Китае и свои права согласно существующим договорам, согласились соблюдать нижеследующие начала касательно своей взаимной политики в Китае:

1. Всеобщий и постоянный международный интерес требует, чтобы порты на реках и побережье Китая оставались свободными и открытыми для торговли и для всякой другой законной формы экономической деятельности для подданных всех государств без различия; и оба правительства соглашаются, со своей стороны, поддерживать таковое для всей китайской территории, насколько распространяется их влияние.

2. Правительство ее брит. величества и имп. германское правительство не воспользуются, со своей стороны, настоящим осложнением, дабы приобрести для себя какие-либо территориальные выгоды в китайских владениях, и направят свою политику к сохранению целости территории Китайской империи.

3. В случае, если бы другая держава воспользовалась осложнениями в Китае, чтобы приобрести для себя, в каком бы то ни было виде, такие территориальные выгоды, обе договаривающиеся стороны сохраняют за

собой право прийти к предварительному соглашению относительно мер, которые следует принять для охраны своих собственных интересов в Китае.

4. Оба правительства сообщат настоящее соглашение другим заинтересованным державам, а в особенности Австро-Венгрии, Франции, Италии, Японии, России и Соединенным Штатам Америки и пригласят их принять изложенные в нем начала.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 295. Док. 289).

№ 62. ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА ИТАЛО-АБИССИНСКИЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ 26 октября 1896 года

(Уполномоченный Италии Нераццини; со стороны Эфиопии (Абиссинии) подписано негусом Менеликом II).

Во имя пресвятой троицы.

Ст. 1. (Прекращение состояния войны и «следовательно, вечные мир и дружба» между сторонами).

Ст. 3. Италия признает абсолютную и безоговорочную независимость Эфиопской империи, как государства суверенного и независимого.

Ст. 4. ...В годичный срок с сего числа доверенные делегаты... (сторон) установят посредством дружеского соглашения окончательные границы. До того, как эти границы будут таким образом установлены, обе договаривающиеся стороны соглашаются соблюдать status quo ante.

Ст. 5. До того, как итальянское правительство и эфиопское правительство установят по взаимному соглашению свои окончательные границы, итальянское правительство обязуется не делать каких-либо территориальных уступок никакой третьей державе. В случае, если бы оно захотело по своей собственной воле отказаться от части, принадлежащей ему территории, оно передаст ее Эфиопии.

Ст. 6. В целях поощрения торговых и промышленных отношений между Италией и Эфиопией, между обеими правительствами могут быть заключены последующие соглашения.

Ст. 7. Настоящий договор будет доведен до сведения других держав заботами обоих правительств.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 280. Док 270).

№ 63. ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1899 г. КОНВЕНЦИИ И ДЕКЛАРАЦИИ, ПОДПИСАННЫЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ МИРА В ГААГЕ 17 (29) июля 1899 г.

Конвенция о мирном решении международных столкновений

...Преисполненные твердою волею содействовать сохранению всеобщего мира;

Положив способствовать всеми силами мирному решению международных столкновений;

Признавая солидарность, связующую между собою цивилизованные народы в их совокупности;

Желая расширить область действия права и укрепить чувство международной справедливости;

Будучи убеждены, что учреждение среди независимых государств постоянного, всем доступного третейского суда может служить действительным средством для достижения этой цели;

Сознавая преимущества единообразной и правильной организации третейского судопроизводства;

Присоединяясь к мысли августейшего монарха, по почину которого созвана была международная конференция мира, о том, что необходимо закрепить международным соглашением, «начала права и справедливости, на коих зиждется безопасность государств и преуспеяние народов»;

Желая заключить для сего конвенцию, назначили своими уполномоченными...

Каковые, по взаимном сообщении своих полномочий, признанных составленными в надлежащей и законной форме, согласились о нижеследующем:

Раздел I.

О сохранении всеобщего мира

Ст. 1. С целью предупредить, по возможности, обращение к силе во взаимных отношениях между государствами, подписавшиеся державы соглашаются прилагать все свои усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных несогласий.

Раздел II.

О добрых услугах и посредничестве

Ст. 2. Подписавшиеся державы соглашаются, в случае важного разногласия или столкновения, прежде чем прибегнуть к оружию, обращаться, насколько позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной из нескольких дружественных держав.

Ст. 3. Независимо от этого обращения, подписавшиеся державы признают полезным, чтобы одна или несколько держав, непричастных столкновению, по собственному почину предлагали находящимся в споре государствам, насколько позволят обстоятельства, свои добрые услуги или посредничество.

Право предлагать добрые услуги или посредничество принадлежит непричастным столкновению державам даже во время военных действий.

Применение этого права отнюдь не должно быть почитаемо тою или другою из спорящих сторон за действие недружелюбное.

Ст. 4. Задача посредника заключается в согласовании противоположных притязаний и в успокоении чувства неприязни, если оно возникло между государствами, находящимися в споре.

Ст. 5. Обязанности посредника прекращаются с того времени, когда одна из спорящих сторон или сам посредник удостоверятся, что предложенные средства примирения не были приняты.

Ст. 6. Добрые услуги и посредничество, будут ли они применяться по просьбе спорящих сторон, или по почину непричастных столкновению держав, имеют исключительно значение совета и отнюдь не могут почитаться обязательными.

Ст. 7. Принятие посредничества, при отсутствии иного соглашения, не может иметь последствием приостановку, замедление или задержание мобилизации и прочих приготовительных к войне мер.

Если посредничество последует по открытии военных действий, то оно, при отсутствии иного соглашения, не приостанавливает текущих военных операций.

Ст. 8. Подписавшиеся державы, по взаимному согласию, предлагают применение в тех случаях, когда позволят обстоятельства, следующего особого посредничества.

В случае важного несогласия, представляющего опасность для мира, находящиеся в споре государства избирают, каждое со своей стороны, державу, которой они поручают войти в непосредственные сношения с державою, избранною другой стороной, с целью предупредить нарушение мирных отношений.

Пока длится это поручение, срок коего, если не будет постановлено иначе, не может превышать тридцати дней, находящиеся в споре государства прекращают всякие непосредственные между собою сношения по предмету спора, каковой считается переданным исключительно на обсуждение держав-посредниц. Последние должны приложить все свои старания к решению несогласия.

В случае действительного нарушения мирных сношений, на этих державах продолжает лежать общая для них обязанность пользоваться всяким случаем для восстановления мира.

Раздел III.

О международных следственных комиссиях

Ст. 9. В международных несогласиях, не затрагивающих ни чести, ни существенных интересов, и проистекающих из разногласия в оценке фактических данных дела, подписавшиеся державы признают полезным, чтобы стороны, не достигшие соглашения дипломатическим путем, учреждали, насколько позволят обстоятельства, международную следственную комиссию, на коей будет лежать обязанность облегчать разрешение этих несогласий, выяснением вопросов факта, посредством беспристрастного и добросовестного их расследования.

Ст. 10. Международные следственные комиссии учреждаются на основании особого соглашения между спорящими сторонами.

Соглашение о следствии точно определяет подлежащие расследованию факты и объем полномочий членов комиссии. Им же устанавливается порядок производства. Следствие производится состязательным порядком. Подлежащие соблюдению формы и сроки производства, поскольку они не установлены соглашением о следствии, определяются самою комиссиею.

Ст. 11. Международные следственные комиссии образуются, при отсутствии иного о сем условия, порядком, определенным в ст. 32 настоящей конвенции.

Ст. 12. Находящиеся в споре державы обязываются предоставить международной следственной комиссии, в самой широкой мере, какую они только сочтут возможной, все средства и облегчения, необходимые для полного ознакомления с соответствующими фактами и для точной их оценки.

Ст. 13. Международная следственная комиссия представляет находящимся в споре державам свой доклад, за подписью всех членов комиссии.

Ст. 14. Доклад международной следственной комиссии, ограничиваясь лишь установлением фактов, отнюдь не имеет значения третейского решения. За находящимися в споре державами сохраняется полная свобода воспользоваться по своему усмотрению данными, добытыми следствием.

Раздел IV

О международном третейском суде.

Глава I

О третейском разбирательстве

Ст. 15. Международный третейский суд имеет предметом решение споров между государствами судьями по их выбору и на основании уважения к праву.

Ст. 16. В вопросах юридическаго свойства и преимущественно в вопросах толкования или применения международных договоров, третейский суд признается подписавшимися державами самым действительным и вместе с тем самым справедливым средством решения споров, не улаженных дипломатическим путем.

Ст. 17. Соглашение о третейском суде заключается для решения споров уже возникших, или могущих представиться в будущем. Оно может относиться ко всякому спору или только к спорам определенного рода.

Ст. 18. Соглашение о третейском суде налагает обязательство добросовестно подчиниться третейскому решению.

Ст. 19. Независимо от общих или частных договоров, установляющих ныне обязанность для подписавшихся держав обращаться к третейскому суду, эти державы сохраняют за собою право как до ратификации настоящаго акта, так и впоследствии, заключать новые соглашения, общие или частные, с целью распространения юрисдикции обязательного третейского суда на все те дела, которые они признают возможным ей подчинить.

(Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774—1906), Варшава, 1906, стр. 521—526. Док. 93).

II. НАЧАЛО АНГЛО-ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА. АНГЛО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗ

№ 64. АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Из статьи А. Ерусалимского

...Развитие англо-германских противоречий сыграло значительную роль в том кризисе, под знаком которого проходила внешняя политика британского империализма в конце XIX и в самом начале XX столетия. Это был период, когда мировое могущество Великобритании достигло наивысшей точки. В итоге ожесточенной борьбы за раздел мира Англия сумела создать богатейшую и самую большую колониальную империю, являющуюся одной из главнейших основ ее мирового могущества. Для утверждения и расширения своего господства над этой огромной колониальной империей, разбросанной по всему миру, Великобритания создала сложную, разветвленную систему коммуникаций, охраняемую многочисленными опорными стратегическими пунктами, морскими базами и т. д. Пользуясь испытанным методом—бить морских и колониальных противников силами своих континентальных временных союзников, Англия сочла возможным не создавать большую армию.

Благодаря своему могуществу, британский империализм довольно долго мог не связывать себя союзными обязательствами с другими державами. Проводя старый принцип «Разделяй и властвуй» английское правительство использовало в своих интересах противоречия держав на европейском континенте и на колониальной арене. В течение определенного периода в конце XIX столетия Англия пребывала в состоянии гордой и блестящей изоляции, проистекавшей из ее превосходства. Дипломатические столкновения, иногда довольно серьезные, в отношениях с царской Россией и Францией все еще не могли повлиять на изменение внешнеполитического курса Англии. Домогательства Германии, ставшей в середине 80-х годов XIX века на путь захватнической колониальной политики, воспринимались в руководящих английских кругах как крайне назойливые, но еще отнюдь не угрожающие.

Однако через какой-нибудь десяток лет в международном положении Англии произошли настолько значительные сдвиги, что пришлось задуматься о поисках новых внешнеполитических путей. Все еще могущественная Англия оказалась лицом к лицу с новыми факторами мировой политики, которые стали угрожать основам британского могущества. В Европе — Германия, за океаном—Соединенные Штаты Америки начали

оспаривать у Англии место первой промышленной державы. Роль Германии выросла и в мировой торговле. В лице германского империализма Англия увидела перед собой соперника и в отношении экспорта капитала в Турцию, в Китай и другие страны. Несколько позднее Германия стала протягивать свои железные щупальцы дальше (железная дорога Берлин — Багдад и т. д.). Германский империализм вырастал в крупную силу.

12 декабря 1899 года устами канцлера Бюлова империалистическая Германия открыто потребовала передела уже поделенного мира. Почти одновременно она приступила к осуществлению грандиозной программы военно-морского строительства, разработанной адмиралом Тирпицем. Но еще до того, как в полной мере сказались результаты этих новых бурных тенденций роста германского империализма, затруднения Англии увеличились в связи с ростом империалистической экспансии старых и новых соперников. Тенденция развития была такова, что к лагерю старых врагов и соперников Англии могли присоединиться новые.

В таких условиях политическая изоляция Англии становилась реальной и угрожающей. Английский кабинет начал нащупывать почву для сближения с Германией, противоречия с которой в тот момент еще не были столь сильны, как с царской Россией или с Францией.

* * *

Бюлов в следующих словах характеризовал англо-германские отношения того периода: «Не подлежит сомнению, что в общем английское общественное мнение значительно менее враждебно настроено по отношению к Германии, чем германское общественное мнение по отношению к Англии» [1].

Рост противоречий между Англией и царской Россией в связи с захватом последней Порт-Артура, а также рост противоречий между Англией и Францией на почве раздела Африки,—все это привело к тому, что некоторые круги британского империализма все же считали необходимым продолжать поиски сближения с Германией. В английском правительстве нашелся человек, который сделал попытку итти еще дальше, а именно: вступить с Германией в переговоры о союзе. Это был отец нынешнего премьера — Джозеф Чемберлен. Бывший фабрикант обуви и пуговиц, начавший свою политическую карьеру радикальными нападками на английскую аристократию и плутократию, Джозеф Чемберлен впоследствии связал свое имя с идеей империализма, необузданным глашатаем которой он стал. Добившись портфеля министра колоний в кабинете лорда Сольсбери, Джозеф Чемберлен, пользуясь поддержкой той самой плутократии, против которой он некогда восставал, пытался проводить свою политическую линию. «В Англии и на континенте,— пишет историк английского империализма,— все хорошо знали эту бледную маску, эти сжатые губы, безупречный редингот, цветок в петлице, это холодное и в то же время неистовое красноречие, приводившее в отчаяние противника. Ему нравилось, когда его слова, его действия вызывали бурю» [2]. Именно бурю вызывали его публичные выступления, требующие, чтобы Англия порвала со всей традиционной политикой изоляции и пошла на

[1] „Die grosse Politik der Europäischen Kabinette“, 1871—1914, B. XV, S. 419.
[2] Э. Галеви, «История Англии в эпоху империализма», т. I, стр. 21, Соцэкгиз, 1937.

заключение союза с Германией. Со всей присущей ему резкостью он заявил, что рано или поздно Англия должна будет вести войну с Россией, захватившей Порт-Артур, и что для войны нужны союзники. Джозеф Чемберлен мечтал о союзе Англии одновременно с Германией и Японией. Этим публичным выступлениям тогдашнего министра колоний предшествовали закулисные предложения о союзе, сделанные им германскому дипломату Эккардштейну в марте 1898 года при конфиденциальной встрече в доме Ротшильда и во время англо-бурской войны в 1899 и 1901 годах.

Германское правительство неизменно отклоняло эти предложения Чемберлена. Германская дипломатия ссылалась на «прирожденные пацифистские свойства», заставляющие Германию не ввязываться в союзы, чреватые войной, и соблюдать нейтралитет. Политика «нейтралитета» являлась, однако, лишь прикрытием для того, чтобы выиграть время в целях подготовки войны против Англии. «...Английский флот, — писал Вильгельм Бюлову в октябре 1899 года,— может не бояться любой коалиции, у Германии практически нет флота. Таким образом, я не имею возможности отказаться от политики строжайшего нейтралитета. Прежде всего я должен обеспечить себе флот. Через 20 лет, когда сооружение флота будет закончено, я заговорю другим языком» [1]. «Другим языком» Германия, как известно, заговорила раньше. Пока же германская дипломатия занималась мелким шантажом и вымогательствами, стремясь использовать обостряющиеся противоречия между Англией и другими ее империалистическими соперниками — Францией и Россией. Новое публичное выступление Джозефа Чемберлена на старую тему — о заключении союза между Англией и Германией — вызвало в германской прессе, как по команде, бурное возмущение: ведь Германия хочет только мира! И, чтобы не оставить в этом никаких сомнений, германское правительство в ответ на выступление Джозефа Чемберлена провело через рейхстаг законопроект о строительстве самого крупного для континентальной державы военно-морского флота.

«Большевик», 1938, № 15.

№ 65. ИЗ РЕЧИ БЮЛОВА В ГЕРМАНСКОМ РЕЙХСТАГЕ, 6 декабря 1897 г.

...Но мы, во всяком случае, держимся того мнения, что Германию с самого начала не следует выключать из соревнования других народов за господство над странами, обладающими богатыми перспективами. Те времена, когда немец одному из своих соседей уступал землю, другому море, а себе оставлял небо, где царствует чистая теория — эти времена прошли. Мы считаем одной из наших главнейших задач поощрение и развитие интересов нашего судоходства, нашей торговли и нашей промышленности как раз в Восточной Азии...

Но мы не могли бы согласиться с тем, чтобы в Китае укрепилось мнение, что в отношении нас позволено то, что недопускается в отношении других. Мы должны требовать, чтобы немецкий миссионер, немецкий предприниматель, немецкие товары, немецкий флаг и немецкий корабль были в Китае так же уважаемы, как и принадлежащие другим державам. Наконец мы готовы считаться с интересами других великих держав в Восточной Азии в твердой уверенности, что и наши собствен-

[1] „Die grosse Politik der Europäischen Kabinette", 1871—1914, B. XV, S. 408.

ные интересы точно так же найдут к себе должное внимание. Одним словом: мы не хотим никому мешать, но и мы претендуем на наше место под солнцем. В Восточной Азии точно так же как и в Западной Индии мы будем стремиться, согласно традиций немецкой политики, без ненужной жесткости, но и не проявляя слабости стоять на страже наших интересов.

(Schulthess, Europäischer Geschichtskalender, 1897. München, 1898, S. 156.)

№ 66. ИЗ РЕЧИ ТИРПИЦА В РЕЙХСТАГЕ

Если будет создан такой флот, как это намечено, то вы тем самым создадите флот для защиты страны, против которого не в состоянии будет предпринять наступательные действия даже морская держава первого ранга; тем самым вы к 1904 г. создадите флот, который перестанет быть quantité négligeable.

...Морские интересы Германии выросли с основанием империи совершенно неожиданным образом. Их сохранение сделалось для Германии вопросом жизни. И если препятствовать или серьезно вредить этим морским интересам Германии, то страна пойдет навстречу сначала экономическому, а затем и политическому упадку. Что вы ни возьмете: политические, экономические вопросы или защиту немецких подданных и торговых интересов за границей — все это находит поддержку только в немецком флоте...

(Schulthess, Europäischer Geschichtskalender, 1897. München, 1898, S. 159).

№ 67. АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА ОБ АНГЛО-ГЕРМАНСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ

«Бисмарк уже давно признал то, что теперь, наконец, начинает признавать также и английский народ — в Европе существуют две великие непримиримые, направленные друг против друга силы, две великие нации, которым хотелось бы весь мир превратить в свой домен и требовать с него торговой дани. Англия... и Германия... немецкий коммивояжер и английский странствующий торговец... наперерыв соперничают в каждом уголке земного шара. Миллион мелких столкновений создает предлог к величайшей войне, которую когда-либо видел мир. Если бы Германия была завтра стерта с лица земли, то послезавтра не нашлось бы на свете ни одного англичанина, который не стал бы от этого богаче. Прежде народы годами сражались за какой-нибудь город или наследство, неужели же они теперь не должны начать войну из-за ежегодного торгового дохода в пять миллиардов?»

(Из журнала Suturday Review; печатается по Tirpitz, A. Erinnerungen, Leipzig, 1919, S. 169).

№ 68. НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В КИТАЕ (так называемое восстание боксеров) И ОБЪЕДИНЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ

Заключительный протокол, подписанный Китаем и иностранными державами 7 сентября (25 августа) 1901 года

Протокол подписали: Россия, Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Испания, США, Франция, Великобритания, Италия, Япония, Голландия, Нидерланды и Китай.

Ст. 1-а. Императорским указом прошлого 9 минувшего июня (приложение № 2) Цзай-фын, князь первой степени Чунь, был назначен послом

его величества императора Китая и в качестве такового был уполномочен передать его величеству императору Германии выражение сожаления его величества императора Китая и китайского правительства по поводу убийства его превосходительства барона фон-Кеттлер, министра Германии.

Князь Чунь выбыл из Пекина минувшего 12 июля, чтобы привести в исполнение возложенные на него приказания.

Ст. 1-б. Китайское правительство объявило, что оно воздвигнет на месте убийства его превосходительства барона фон-Кеттлер памятник, достойный звания умершего с надписью на языках латинском, немецком и китайском в знак сожаления его величества императора Китая по поводу совершенного убийства.

Их превосходительства уполномоченные Китая дали знать его превосходительству уполномоченному Германии от 22 прошлого июля (приложение № 3), что на вышеуказанном месте возведены ворота во всю ширину улицы и что работы начаты 25 прошлого июня.

Ст. 2-а. Императорским указом от 13 и 21 февраля 1901 года (приложение №№ 4, 5 и 6) главные виновники покушений и преступлений против иностранных правительств и их подданных подвергнуты следующим наказаниям:

Цзай-и, князь Дуань, и Цзай-лань, герцог Фу-го, были переданы уголовному суду, чтобы быть казненными в осеннюю сессию и было постановлено, что если император сочтет возможным даровать им жизнь, они будут сосланы в Туркестан и будут осуждены на бессрочное заключение без какого-либо смягчения.

Цзай-сюнь, князь Чжуан, Ин-нянь, председатель палаты цензоров, и Чжао-шу-цяо, председатель министерства юстиции, приговорены к лишению себя жизни.

Юй-сянь, губернатор Шань-си, Цзи-сю, председатель Палаты Церемоний, и Сю-чжэн, бывший перед тем товарищем министра уголовных дел были осуждены на смертную казнь.

Посмертное разжалование последовало относительно Ган-и, помощника статс-секретаря, председателя министерства внутренних дел, Сюй-дуна, главного статс-секретаря, и Ли-бин-хэна, бывшего генерал-губернатора Сычуани.

Императорский указ от 13 февраля 1901 года (приложение № 7) восстановил честное имя Сюй-юн-и, председателя военного министерства, Лишаня, председателя министерства финансов, Сюй-цзин-чэна, старшего товарища министра внутренних дел, Лян-юаня, советника Сената, и Юань-чана, директора Жертвенного Приказа, которые были приговорены к смертной казни за протест против гнусных нарушений международного права, учиненных в течение прошлого года.

Князь Чжуан лишил себя жизни 21 февраля 1901 года, Ин-нянь и Чжао-шу-цяо — 24 числа; Ю-сянь был казнен 22 числа, наконец, Цзи-сю и Сюй-чэн-юй 26 числа.

Дун-фу-сян, генерал в Ганьсу, был отрешен от должности императорским указом от 13 февраля в ожидании решения относительно окончательного наказания, которому он будет подвергнут.

Императорским указом от 29 апреля и 19 августа 1901 г. определены постепенные наказания, коим подлежат провинциальные чиновники, при-

знанные виновными в преступлениях и покушениях, совершенных в течение прошлого лета.

Ст. 2б. Императорский указ, обнародованный 19 августа 1901 г. (приложение № 8), постановил прекратить государственные экзамены в течение пяти лет во всех городах, где иностранцы были умерщвлены или подвергались жестокому обращению.

Ст. 3. Дабы даровать достойное удовлетворение за убийство покойного Сугияма, чиновника японской миссии, его величество император Китая, императорским указом от 18 июня 1901 года (приложение № 9) назначил вице-председателя Министерства Финансов На-туна в качестве чрезвычайного посланника со специальным поручением выразить его величеству императору Японии сожаление его величества императора Китая и его правительства по поводу убийства г. Сугияма.

Ст. 4. Китайское правительство обязалось соорудить искупительный памятник на каждом иностранном или международном кладбище, которое было осквернено и могилы которого были разрушены.

С согласия представителей держав было решено, что заинтересованные миссии дадут указания для сооружения этих памятников под условием, чтобы Китаем были покрыты все издержки, достигающие десяти тысяч лан (таэлей) для кладбищ Пекина и окрестностей, пяти тысяч лан (таэлей) для провинциальных кладбищ. Эти деньги были внесены, и список кладбищ при сем прилагается (приложение № 10).

Ст. 5. Китай согласился запретить ввоз в свои владения оружия и боевых припасов, а равно и материала, предназначенного исключительно для производства оружия и боевых припасов. Императорским указом от 25 августа 1901 года (приложение № 11) было постановлено запретить таковой ввоз в течение двух лет. Новые указы могут быть изданы впоследствии, чтобы продолжить этот срок через каждые два года, в случае, если державы найдут это необходимым.

Ст. 6. Императорским указом от 22 мая 1901 года (приложение № 12) его величество император Китая обязался уплатить державам вознаграждение в четыреста пятьдесят миллионов хангуаньских лан (таэлей). Эта сумма составляет общую цифру вознаграждения государствам, обществам, частным лицам и китайцам, упомянутым в статье VI ноты от 22 декабря 1900 г.

а) Эти четыреста пятьдесят миллионов составляют долг золотом по курсу стоимости хангуаньского лана (таэля) в соответствии с золотой монетой каждой страны, как значится ниже:

Один хангуаньский лан (таэль) =

Маркам	3,055
Кронам австро-венгерским.	3,595
Золотым долларам . . .	3,750
Фунтам стерлингов . . .	0,3
Иенам	1,407
Флоринам голландским . .	1,796
Золотым рублям	1,412
а в долях . . .	17,424

Эта сумма будет приносить 4% годовых, и капитал будет уплачен Китаем в 39 лет согласно условиям, обозначенным в прилагаемой таблице погашения (приложение № 13).

б) Капитал и проценты будут уплачены золотом или по курсу соответственно срокам платежей. Погашение начинается с 1 января 1902 года и закончится в конце 1940 года. Погашения могут производиться ежегодно, причем первый взнос назначен на 1 января 1903 года. Проценты будут считаться с 1 июля 1901 года, но китайское правительство будет иметь право в течение трех лет, начиная с 1 января 1902 года, внести недоимки первого полугодия истекающего 31 декабря 1901 года, при условии уплатить сложные проценты из 4% годовых с сумм, взнос, которых был таким образом отсрочен.

Проценты должны уплачиваться по полугодиям, причем срок первого платежа назначен на 1 июля 1902 года.

в) Погашение долга будет производиться в Шанхае следующим образом:

Каждая держава будет иметь представителя в комиссии банкиров, которая имеет получать проценты и погашение, вносимые китайскими властями, для сего назначенными, распределять полученное между заинтересованными и выдать расписки в получении.

г) Китайское правительство передает старейшине дипломатического корпуса в Пекине общий бон (ассигновка), который будет впоследствии обращен в купюры, снабженные подписью делегатов китайского правительства, для сего назначенных. Эта операция, равно как и все, относящиеся к установлению обязательств, будут совершены вышеупомянутой комиссией сообразно с указаниями, которые державы дадут своим уполномоченным.

д) Получаемые из источников, предназначенных для уплаты бонов, суммы будут ежемесячно вноситься в комиссию.

е) Предназначенные для обеспечения бонов источники следующие:

1) Остаток от дохода Морской имперской таможни, по уплате процентов и погашения предшествующих займов, сделанных под залог этих доходов, увеличенных от повышения на 5% эффективных нынешнего тарифа на морской ввоз, включая предметы, которые до сих пор ввозились беспошлинно, кроме риса, зернового хлеба и заграничной муки, а равно золота и серебра деньгами или в слитках.

2) Доходы туземных таможен, находящихся в открытых портах в ведении Морской имперской таможни.

3) Общая сумма соляного налога, исключая части, предназначенной для уплаты по другим внешним займам.

Повышение действующего тарифа на ввоз до 5% эффективных устанавливается на следующих условиях.

Повышение это войдет в силу через два месяца со дня подписания настоящего протокола, причем исключение будет сделано лишь для товаров, находящихся еще в пути, но не более как на 10 дней после упомянутого срока.

1) Все пошлины на предметы ввоза, взимаемые ad valorem, будут обращены в специфические, насколько это будет возможно, и в самый короткий срок.

Эта конверсия будет установлена следующим образом:

Базой для оценки будет взята средняя стоимость товаров в момент их выгрузки в течение трех лет—1897, 1898, 1899, т. е. рыночная стоимость за вычетом суммы ввозных пошлин и добавочных расходов.

До совершения этой конверсии пошлины будут взиматься ad valorem.

2) В течении рек Бэй-хэ и Ван-пу будут сделаны улучшения при финансовом содействии Китая.

Ст. 7. Китайское правительство согласилось считать квартал, занимаемый миссиями, специально предназначенным для их пользования и поставленным под охрану их собственной полиции; в этом квартале китайцы не будут иметь права селиться, и он может принимать меры к обороне.

Границы этого квартала обозначены на прилагаемом плане следующим образом...

Согласно протоколу, приложенному к письму от 16 января 1901 г., Китай признал за каждой державой право содержать постоянную стражу в упомянутом квартале для охраны своей миссии.

Ст. 8. Китайское правительство согласилось срыть форты в Та-ку, а равно те, кои могут помешать свободному сообщению между Пекином и морем. Во исполнение сего были приняты меры.

Ст. 9. Китайское правительство признало за державами, на основании протокола, приложенного к письму от 16 января 1901 года, право занять некоторые пункты, которые будут определены по взаимному соглашению держав для поддержания свободного сообщения между столицею и морем. Пункты, занятые державами, следующие: Хаунь-цунь, Лан-фан, Ян-цунь, Тянь-цзинь, Цзюн-лян-чжан, Тан-гу, Лу-тай, Тан-шань, Лаунь-Чжоу, Чжанли, Цинь-ван-дао, Шань-хай-гуань.

Ст. 10. Китайское правительство взяло на себя напечатание и обнародование в течение двух лет во всех городах провинций следующих императорских указов:

а) Указ от 2 февраля 1901 года (приложение № 15), запрещающий под страхом смертной казни принадлежность к антиевропейской партии;

б) Указы от 13 и 21 февраля, 29 апреля и 19 августа 1901 года, содержащие перечень наказаний, к которым присуждены виновные;

г) Указ от 19 августа 1901 года, отменяющий экзамены во всех городах, где иностранцы были умерщвлены или подвергались жестокому обращению;

д) Указ от 1 февраля 1901 года (приложение № 16), коим объявляется, что все генерал-губернаторы и провинциальные или местные должностные лица отвечают за порядок в их округах и что в случае новых анти-европейских беспорядков или других нарушений трактатов, которые не были немедленно подавлены и за которые виновные не понесли наказания, эти должностные лица будут немедленно отставлены без права занять новые должности и получать новые почести. Обнародование этих указов производится постепенно по всей империи.

Ст. 11. Китайское правительство обязалось войти в соглашение относительно признанных иностранными правительствами изменений трактатов о торговле и мореплавании, а также и по другим предметам, касающимся торговых сношений с целью их облегчения.

Отныне и на основании постановлений, заключающихся в статье 6 по вопросу о вознаграждении, китайское правительство обязуется способствовать улучшению течения рек Бэй-хэ и Ван-пу, как сказано ниже:

а) Работы по улучшению судоходства на реке Бэй-хэ, начатые в 1898 году при содействии китайского правительства, были возобновлены под управлением международной комиссии.

Тотчас после того, как управление Тянь-цзином будет передано ки-

тайскому правительству, это последнее получит право на представительство в этой комиссии и будет ежегодно вносить 60 тыс. хангуаньских лан (таэлей) на работы.

б) Учреждается Речная Комиссия, уполномоченная заведывать и контролировать работы по исправлению русла Ван-пу и улучшению ее течения.

Этот совет будет состоять из членов, представителей интересов китайского правительства, а также интересов иностранцев в морской торговле Шанхая.

Расходы, вызванные работами и общим управлением этого предприятия, составят ежегодную сумму в четыреста шестьдесят хангуаньских лан (таэлей) в течение первых двадцати лет.

Эта сумма будет внесена наполовину китайским правительством и наполовину заинтересованными в деле иностранцами.

Подробности условий, касающихся состава, прав и доходов Речного Совета, заключаются в приложении за № 17.

Ст. 12. Императорский указ от 24 июля 1901 года (приложение № 18) преобразовал Управление Иностранными Делами (Цзун-ли-ямынь) в смысле, указанном державами, т. е. обратил его в министерство иностранных дел (Вай-ву-бу), которое займет высшее сравнительно с другими шестью министерствами положение.

Тем же указом назначены главные члены этого министерства.

Состоялось также соглашение по поводу изменения придворного церемониала во время приема иностранных представителей, которое послужило предметом нескольких нот китайских уполномоченных, выраженных в прилагаемом меморандуме (приложение № 19).

Наконец, категорически решено, что для вышезаявленных деклараций и прилагаемых к ним документов, исходящих от иностранных уполномоченных, французский текст будет руководящим.

Так как китайское правительство приняло таким образом к удовольствию держав условия, перечисленные в вышеупомянутой ноте от 22 дек. 1900 года, державы согласились с желанием Китая прекратить положение, созданное беспорядками 1900 года.

Вследствие сего иностранным уполномоченным предоставлено право объявить от имени их правительства, что за исключением охраны миссий, упомянутой в статье 7, международные войска совершенно очистят город Пекин 17 сентября 1901 года, и исключая местностей, упомянутых в ст. 9, удалятся из провинции Чжи-ли 22 сентября 1901 года.

Настоящий заключительный протокол был составлен в двенадцати одинаковых экземплярах и подписан всеми уполномоченными договаривающихся стран. Один экземпляр будет вручен каждому из иностранных уполномоченных и один экземпляр китайским уполномоченным.

Пекин, 7 сентября 1901 года.

Приложение № 12

Депеша князя Цина и Ли-хун-чжана к г. Кологан, испанскому посланнику, старейшине дипломатического корпуса (29 мая 1901 года).

12 день четвертой луны 27 года правления Гуан-сюй (29 мая 1901 г.).

Официальный ответ:

В 7 день четвертой луны текущего года (24 мая 1901 года), мы по-

лучили от вашего превосходительства нижеследующее официальное сообщение:

«Имею честь уведомить ваше высочество и ваше превосходительство о получении вашего письма, посланного в ответ на мое сообщение от 7 мая по вопросу о вознаграждениях. В письме, на которое ваше высочество и ваше превосходительство только что изволили ответить, мы сообщили, что сумма расходов, произведенных державами и понесенных ими убытков, равнялась по 1 июля приблизительно четырем стам пятидесяти миллионам лан (таэлей).

В ответ на это сообщение ваше высочество и ваше превосходительство уведомили меня о том, что китайское правительство предлагает выплатить эту сумму державам посредством ежемесячных взносов в размере 1 250 000 лан в продолжение 30 лет.

Представители держав не преминули передать это предложение своим правительствам. Но они должны привлечь внимание вашего высочества и вашего превосходительства на тот факт, что общая сумма взносов, предложенных китайским правительством, представляет лишь капитал означенной суммы без причисляющихся на него процентов.

Ввиду этого прошу ваше высочество и ваше превосходительство не отказать сообщить нам в возможно скором времени о намерениях китайского правительства по этому вопросу».

Обсуждая в одной из предыдущих депеш вопрос о вознаграждении, мы представили вашему превосходительству о затруднительном положении китайской казны. В своем последнем сообщении ваше превосходительство изволите указывать на то, что ежегодные взносы по 15 млн. лан, предложенные нами, представляют лишь капиталы и теперь вы привлекаете наше внимание к вопросу о процентах.

Признавая, что, кроме капитала, следует принять во внимание и проценты в размере четырех годовых, мы уже представили по телеграфу на усмотрение престола наши предложения по этому поводу, и в ответ на это мы получили императорский указ, гласящий, что «цифра вознаграждений, которую следует уплатить державам в размере четырехсотпятидесяти миллионов из четырех процентов утверждена и что нам повелевают принять необходимые меры для исполнения этого решения».

Нам остается, следовательно, только сообразоваться с повелениями престола.

Во всяком случае это нас заставляет напомнить вашему превосходительству, что финансовые ресурсы Китая настолько ограничены, что какие-либо взыскания сверх 15 миллионов лан, уже предложенных нами вашему превосходительству специально для уплаты процентов, мы не можем предложить другого исхода, как только продление срока взносов, который мы сначала назначали в 30 лет, так, чтобы взносы, произведенные в первый период, продолженного таким образом, срока, считались как бы предназначенными для погашения капитала, между тем, как взносы, произведенные в течение второго периода, служили бы для погашения процентов на капитал; затем всякая уплата прекратилась бы вследствие долга. На императорскую морскую таможню, на которую, согласно нашему предложению, уже возложено производство взносов капитала, была бы также возложена обязанность вносить проценты. Что же касается цифры годовых процентов, предполагается, что она будет

уменьшаться с каждым годом в соответственной пропорции по мере прогрессивного погашения капитального долга.

Имеем честь просить ваше превосходительство не отказать сообщить нам свой взгляд на предложенный нами вышеизложенный способ уплаты капитального долга и процентов, а также свое мнение о том, не лучше ли часть 15 млн., вносимых ежегодно, считать внесенными вперед в зачет процентов. Эти подробности требуют внимательного рассмотрения и полного предварительного соглашения.

Так как Китай выказал готовность пойти навстречу просьбам держав в вопросе о вознаграждении и принял все необходимые меры для обеспечения уплаты долга, мы надеемся вскоре иметь удовольствие узнать, что державы находят возможность назначить близкий срок для эвакуации.

Мы имеем честь просить ваше превосходительство довести это сообщение до сведения представителей держав.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 147—153. Док. 56).

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И БОРЬБА ЗА КОРЕЮ

№ 69. ПИСЬМО МАРКИЗА ЛЭНСДАУНА БРИТАНСКОМУ ПОСЛУ В ТОКИО УАЙТХЭДУ, 31-го июля 1901 г.

Сэр, сегодня я имел беседу с японским послом по поводу положения на Дальнем Востоке...

...Мы обсуждали положение в отношении Манчжурии.

Барон Хаяши сказал мне, что японцы очень недовольны тем, что Россия удерживает эту провинцию, из которой они сами были некогда изгнаны.

Но подлинный интерес Японии сосредоточен на Корее. Корея, вероятно, не сможет сохранить свою самостоятельность, т. к. ее народ слишком неспособен, и раньше или позже должен будет решиться вопрос, перейдет ли эта страна к России или нет. Японское правительство не может, конечно, согласиться с последней альтернативой. Япония, несомненно, будет воевать для того, чтобы предотвратить эту возможность, и целью ее дипломатии должна быть изоляция России, с которой она готова была бы помериться силами, если бы последняя оказалась одинокой.

Я заметил, что с нашей точки зрения также было бы нежелательно, чтобы Корея перешла в руки другой державы. Корея дальше от нас, чем от Японии, но, принимая во внимание значение ее географического положения, мы так же, как и Япония, не можем оставаться безразличными к ее судьбе.

Я говорил, не будучи уполномоченным на то правительством его величества, но между политикой наших обоих государств, из которых ни одно не питает агрессивных намерений на Дальнем Востоке, хотя и то и др. желало бы поддержать status quo, существует такое сходство, что я считал уместным рассмотреть ту линию поведения, которую нам следовало бы избрать в случае, если равновесие в дальневосточных водах окажется под угрозой серьезных нарушений. Если японское правительство желает, то барон Хаяши найдет меня готовым к обсужде-

нию этого вопроса с целью возможного установления соглашения между нашими двумя странами.

Барон Хаяши внимательно выслушал мои предложения; такое соглашение, по его словам, должно быть конечно основано на обоюдных обязательствах, и эта сторона дела требует внимательного изучения; он просил моего разрешения снова возвратиться к этому вопросу. С этим соглашением, как он сказал, может быть связано много «непредвиденных вещей».

Лэнсдаун.

(British Documents on the Origins of the War 1898—1914, vol. II, London, 1927, № 102, p. 90—91).

№ 70. ПИСЬМО МАРКИЗА ЛЭНСДАУНА УАЙТХЭДУ, 16 октября 1901 г.

Сэр, сегодня барон Хаяши уведомил меня, ...что он получил полномочия от японского правительства обсудить со мной вопрос о соглашении между британским и японским правительствами.

Он добавил, что согласно инструкциям он не может обсуждать деталей, по поводу которых он может высказывать только свое личное мнение.

В начале нашей беседы он спросил меня, считаю ли я желательным, чтобы Германия явилась одной из договаривающихся сторон, т. к. он думал, что соглашение будет «выглядеть гораздо внушительнее», если Германия примет в нем участие. Я ответил, что наши отношения с Германией очень дружественны и близки, но мне кажется, что вообще говоря будет желательным, чтобы в первую очередь Великобритания и Япония попытались полностью выяснить свои пожелания без участия какой-либо другой державы. Германские интересы на Дальнем Востоке не столь значительны как английские или японские, но если Великобритания и Япония придут к соглашению, тогда они смогут обсудить, учитывая сферу и характер этого соглашения, является ли оно договором такого рода, к которому можно привлечь Германию в качестве договаривающейся стороны.

Затем барон Хаяши в общих чертах набросал мне, как это соглашение мыслилось японскому правительству. Оно больше всего было заинтересовано в Корее, и вытеснить оттуда Россию для японцев— вопрос жизни или смерти. Их интересы в Манчжурии были только второстепенными и вызваны тем, что вторжение в Манчжурию могло бы привести к вторжению в Корею. Японское правительство должно было не только охранять Корею против поглощения ее Россией, но и поддерживать привилегии, признанные за ее гражданами по русско-японскому соглашению 1898 г.

Его превосходительство, очевидно, ссылается на статью III протокола от 13 апреля 1898 г., гласящего следующее:

«Ввиду широкого развития японских коммерческих и промышленных предприятий в Корее, а также значительного числа японских подданных, проживающих в этой стране, русское правительство ничем не будет препятствовать развитию коммерческих и промышленных отношений между Японией и Кореей».

Это соглашение, сказал барон Хаяши, предоставляет Японии право «промышленной и торговой экспансии» в Корее, право, которое, как он откровенно сказал, может привести к внедрению японского

политического влияния. Поэтому Японии необходимо пресекать в самом начале всякое движение, которое могло бы привести к доминирующему положению России в этой стране.

Что касается Китая, то посол сказал, что политика Японии идентична с политикой Великобритании. Обе державы желают поддержать неприкосновенность Китая, а в коммерческом отношении—политику «открытых дверей».

Японское правительство стремится обеспечить себе поддержку Великобритании путем проведения вышеуказанной политики, поэтому оно предлагает, чтобы Великобритания взяла на себя поддержку Японии, если Япония будет вынуждена начать войну в защиту этой политики больше чем с одной иностранной державой. С другой стороны, если бы Великобритания очутилась в состоянии войны более чем с одной иностранной державой, защищая свои интересы в какой-либо части Китая, Япония поддержала бы ее всем своим могуществом.

Барон Хаяши подчеркнул, что японское правительство не предлагает, чтобы союз имел силу, если Англия или Япония будут вести войну с одной державой... Если Япония будет воевать только с одной Россией, то будет достаточно, чтобы Великобритания осталась нейтральной; соблюдение ею строгого нейтралитета само по себе будет величайшей помощью Японии, т. к. это лишит русский флот возможности пользоваться британскими угольными станциями.

Он добавил, что, по его мнению, вполне возможно, чтобы это соглашение было распространено даже на действия обеих стран в отношении Сиама.

Я поблагодарил барона Хаяши за его заявление, которое я обещал передать моим коллегам и которое, как я сказал, казалось мне возможным использовать в качестве основы для переговоров. Я добавил, что, по моему предположению, в случае, если подобное соглашение состоится, обе державы примут решение, чтобы ни одна из них без согласования с другой не заключала сепаратных соглашений с третьей страной в отношении китайских или корейских дел, и в каждом случае, когда явится вероятность, что соглашение может войти в силу, обе страны будут стремиться своевременно и с полной искренностью поддерживать связь друг с другом. Я сказал также, что, по моему мнению, оба флота могут с большой пользой работать совместно даже в мирное время, каждая из держав предоставит другой возможность пользоваться доками, портами и угольными станциями. Барон Хаяши любезно согласился с этим предложением. Ваш Лэнсдаун.

(British Documents on the Origins of the War 1898—1914, vol. II, London, 1927, № 105, p. 96—98).

ЯПОНИЯ СТРЕМИТСЯ СПРОВОЦИРОВАТЬ ВОЙНУ С РОССИЕЙ РАДИ ЗАХВАТА КОРЕИ

№ 71. ПИСЬМО МАРКИЗА ЛЭНСДАУНА БРИТАНСКОМУ ПОСЛУ В ЯПОНИИ МАКДОНАЛЬДУ, 19 декабря 1901 г.

...По просьбе японского посла я принял его сегодня вечером и подробно обсудил с ним поправки, предложенные японским правительством [1].

[1] К проекту англо-японского союза.

Однако, прежде чем обратиться к обсуждению деталей, я снова повторил ему, что среди моих коллег было определенное настроение в пользу расширения рамок соглашения. Казалось, например, совершенно не оправданным, что в то время, как мы могли быть поставлены перед возможностью быть втянутыми в войну с двумя великими европейскими державами вследствие спора между Японией и Россией по поводу Кореи, мы не сможем получить никакой помощи со стороны Японии, если бы мы сами оказались вовлеченными в войну с этими же двумя державами по поводу конфликта из-за Индии. Я думаю, что при изучении японских поправок мы отнеслись бы менее критически к ним, если бы имели основания надеяться на получение помощи со стороны Японии в войне, начатой по иным причинам, чем китайские или корейские интересы.

Барон Хаяши с особым ударением ответил, что инструкции, полученные им от его пр-ва, не оставляют никакого сомнения в бесполезности предлагать подобное расширение рамок соглашения. Он не соглашался с нашей оценкой соглашения как одностороннего. Япония имеет очень незначительные интересы в долине Янгцзы (Jangtse), и все же она вынуждена будет помочь нам, если Франция или Россия оказали бы нам сопротивление в этих районах.

Переходя к «особым статьям» я сказал, что мы желали бы по возможности избежать всего, что может носить характер секретного или особого соглашения. Нас, конечно, спросят о существовании подобного соглашения, и мы будем не в состоянии отрицать наличие его, если оно в действительности будет заключено, и если мы признаем его существование и откажемся раскрыть его содержание, мы очутимся в невозможном положении.

Поэтому я предложил, чтобы по поводу статьи 1 был произведен обмен нотами, предусматривающими согласованные действия морских сил этих двух держав. По-моему, для этой цели этого вполне достаточно.

Я уже сообщил барону Хаяши, что особая статья № 2, обязывающая обе высокие договаривающиеся стороны стремиться всегда держать на Дальнем Востоке морские силы, превосходящие силы держав, имеющих наибольший флот в этих водах, по моему мнению, не будет принята пр-вом его величества. Возражения британского пр-ва против всякого условия, могущего связывать нашу свободу действий в распределении его морских сил, непреодолимы, и я не могу питать никакой надежды, что какое-либо предложение подобного рода будет принято.

Переходя к особой статье 3-ей, я указал барону Хаяши на двусмысленный и допускающий расширительное толкование характер ее редакции. В том виде как эта статья средактирована в настоящее время, она позволит Японии прибегать ко всяким мероприятиям, даже провокационного и опрометчивого характера, для того чтобы поддержать ее интересы в Корее. Мы совершенно готовы принять к сведению русско-японское соглашение 1898 г. и записать, что мы признаем специальные права, обеспеченные Японии этим договором, и в случае необходимости мы можем подчеркнуть в вводной части, чтобы сделать это совершенно ясным, что мы желаем поддержать независимость Кореи, так же как и Китая. Я предложил, чтобы японское правительство отказалось от особой статьи 3-ей... Барон Хаяши ответил, что договор 1898 г. касался только японских резидентов в Корее и интересов Японии в этой стране.

В этом соглашении не было ничего, что касалось бы «политических и военных» вопросов. Я спросил барона Хаяши, не может ли он пояснить мне смысл этих слов. Он ответил, что назначение Россией своих военных советников в корейскую армию и особенно приобретение Россией арендных прав, благодаря чему она может добиться контроля над важными пунктами, в частности, над побережьем Кореи, противоположном Японии, явятся теми случаями, против которых Япония хочет быть настороже. В действительности русские недавно сделали попытку получить в аренду Мезампо (Mesampho), пункт, имеющий жизненный интерес для Японии; эта попытка была ликвидирована с величайшей трудностью. В случае повторения подобной попытки для Японии может встать необходимость действовать и действовать быстро. В настоящее время она имеет возможность действовать подобным образом и не желает терять этой свободы или чувствовать, что она будет покинута Великобританией в беде, если ее действия вовлекут ее в войну с Россией или с Францией.

Я ответил, что полностью понимаю чувства японского пр-ва, но совершенно ясно, что мы должны будем с очень большой тщательностью изучать всякий договор, заключаемый с целью, подобной той, какую он указал. Я предложил ему указать своему пр-ву на мои критические замечания и в особенности объяснить наши желания вообще освободиться от особых статей.

Барон Хаяши сказал, что сделает это, и я пообещал в это время тщательно изучить все, что он сообщил мне.

Что касается интерпретации договора, то я спросил барона Хаяши, будет ли японское пр-во рассматривать русское вмешательство в Манчжурию как оправдание для начала войны и возможного требования нашей помощи.

Барон Хаяши ответил, что если безопасность Кореи будет обеспечена, японское пр-во, вероятно, не начнет войны из-за Манчжурии и Собственно Монголии и др. отдаленных частей Китая. Конечно, они являются частью китайской империи, и мы могли бы при желании начать из-за них войну. Япония была бы вынуждена прийти нам на помощь, если бы, в этом случае, Франция присоединилась к России, но было бы неправдоподобно, чтобы Япония спровоцировала войну из-за подобной причины...

Лэнсдаун.

(Britisch Documents on the Origins of the War, 1898—1914, vol II, London, 1927, № 117, p. 104—105).

№ 72. ПИСЬМО МАРКИЗА ЛЭНСДАУНА БРИТАНСКОМУ ПОСЛУ В ЯПОНИИ сэру МАКДОНАЛЬДУ, 7 января 1902 г.

Сэр,

Во время визита маркиза Ито ко мне в Бовуд (Bowood) 3-го т. м. я имел довольно продолжительную беседу с его превосходительством по поводу предлагаемого англо-японского соглашения. Он сказал мне, что полностью информирован о ходе переговоров, полностью одобряет это предложение и уверен в том, что соглашение будет заключено...

...Маркиз упомянул о Манчжурии. Россия, сказал он, добилась большой власти над этой провинцией. Думаю ли я, что она когда-нибудь ослабит свой зажим и вероятно ли, что мы начнем войну по этому поводу?

Я сказал, что мы никогда не скрывали от себя, что Россия имеет специальные интересы в Манчжурии и, вероятно, что бы ни произошло, сохранит преобладающий интерес к этой провинции благодаря своему географическому положению. Договором 1899 г., по которому Россия, в обмен на соответствующие уступки относительно наших прав в других частях Китая, добилась преимущественных прав на постройку ж. д. в Манчжурии, мы некоторым образом санкционировали это.

Маркиз спросил меня, сделался ли этот договор общеизвестным, и я ответил утвердительно. В парламенте часто делали запросы по этому поводу.

Что касается указанного манчжурского договора, на который он ссылался[1], я сказал, что если его содержание соответствует дошедшей до нас версии, то договор содержит уступки, противоречащие суверенным правам Китая и другие пункты, явно противоречащие договорным обязательствам Китая. Мы всегда рекомендовали китайскому правительству не давать своего согласия на соглашения подобного рода. Я имею удовольствие знать, что в этом отношении наша политика находится в полном соответствии с политикой японского правительства, с представителями которого зачастую сотрудничали наши представители. По моему мнению, Россия желает выпутаться из военной оккупации Манчжурии, которая оказывается дорогостоющей и неудобной для нее, но она намерена притти с китайским правительством к соглашению, некоторые пункты которого будут скрыты от нас, и по этому соглашению она, вероятно, удержит некоторую связь с этой провинцией. Я не думаю, однако, что эти пункты будут настолько вредными, чтобы втянуть нас в войну с Россией. Во всяком случае я могу сказать, что если англо-японское соглашение будет заключено, то, по моему мнению, бесконечно больше шансов на то, что мы сможем быть втянутыми в войну с Францией и Россией из-за Кореи, чем на то, что мы втянем Японию в войну из-за отношения России к Манчжурии...

Затем маркиз Ито спросил, каково будет мнение США и Германии по поводу предлагаемого между ними соглашения. Он заметил, что в отношении Германии у него создалось впечатление, что одно время она намеревалась сблизить Японию с Великобританией. Возможно, что она одобрит это соглашение, но возможно, что она будет возражать против него.

Я ответил, что совершенно уверен в том, что США одобрят соглашение. У нас есть все причины верить, что США желают сохранения status quo на Дальнем Востоке. Что касается Германии, маркиз несомненно имеет в виду тот случай, когда Германия обещала Японии «благожелательный нейтралитет» в случае ее войны с Россией из-за Манчжурии, и я напомнил маркизу об обстоятельствах, при которых нам удалось выяснить, что этот «благожелательный нейтралитет» должен был быть просто строгим нейтралитетом, а не тем, на который Япония вначале могла рассчитывать, т. е. нейтралитетом, который помешал бы вмешательству [в русско-японскую войну] всякой другой страны. По-моему, заметил я, после того, что произошло, невозможно, чтобы Германия отнеслась к соглашению между Великобританией и Японией

[1] Речь идет о русско-китайском договоре об условиях эвакуации Манчжурии русскими войсками, о котором как раз в это время велись переговоры между Китаем и Россией. Манчжурия была оккупирована русскими войсками во время восстания.

иначе, как благосклонно. Однако, я ни на минуту не верил в возможность того, чтобы она явилась одной из договаривающихся сторон.

Затем мы беседовали по поводу японского предложения, которое в первичной редакции находилось в особой статье № 2, по которой каждая из договаривающихся сторон обязывалась всегда держать на Дальнем Востоке морские силы, по крайней мере равные морским силам всякой другой державы в этих водах.

По этому поводу маркиз ответил, что т. к. этот вопрос еще обсуждается нашими двумя правительствами, он предпочитает не говорить много об этом. Однако он прочел мне целую лекцию по поводу необходимости смелой морской политики в китайских водах, напирая на то, что когда-то мы совершенно не терпели никакого русского вторжения в эти районы (он привел в пример инцидент по поводу порта Гамильтон в 1885 г.), тогда как в последнее время мы сделались гораздо более терпимыми в отношении подобных вторжений.

В конце нашей беседы я выразил надежду, что японское правительство будет действовать совместно с нами, продолжая поддерживать вице-королей Янг-цзы всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Я сказал, что мы предлагаем заставить китайское правительство оставить их на своих постах и предоставить им все возможности для проведения в жизнь реформ, к которым, как нам было известно, они стремились. Я полагал, что Япония также предоставит этим достойным людям помощь, которую они, несомненно, заслуживают.

Маркиз ответил, что высказанные мною взгляды, само собою разумеется, разделяются им. Вчера маркиз посетил меня в министерстве иностранных дел перед своим отъездом, и мы несколько продолжили нашу беседу по поводу вышеприведенных вопросов. Я попытался выяснить у него, получил ли он, во время своего пребывания в Петербурге, какое-нибудь поощрение идеи соглашения с Россией относительно корейских дел, на что он намекнул во время нашей первой беседы.

Он ответил, что во время его пребывания в России он обсуждал вопрос о Корее только в самых общих чертах, но у него создалось впечатление, что подобное соглашение не было невозможным, такое же впечатление он составил себе по сведениям, которые дошли до него до его отъезда из Японии.

Что касается Манчжурии, его превосходительство сказал мне, что, по его мнению, раньше или позже будет необходимо ограничить русскую экспансию в этом направлении, если не винтовками, то какими-нибудь другими способами...

Ваш Лэнсдаун

(British Documents on the Origins of the War, 1898—1914, vol. II, London, № 120 p. 108—111).

№ 73. АНГЛО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР. ЛОНДОН, 30 января 1902 года

Правительства Великобритании и Японии, движимые исключительно желанием поддержать status quo и общий мир на Дальнем Востоке и, будучи, кроме того, особенно заинтересованы в поддержании независимости и территориальной неприкосновенности Китайской империи и Корейской империи, и в обеспечении равных условий в этих странах для

торговли и промышленности всех народов, сим соглашаются о нижеследующем:

Ст. 1. Высокие договаривающиеся стороны, взаимно признав независимость Китая и Кореи, заявляют, что ими не руководят какие бы то ни было агрессивные стремления в той или в другой стране. Имея в виду, однако, свои особые интересы, из которых интересы Великобритании касаются главным образом Китая, между тем как Япония, кроме своих интересов в Китае, особенным образом заинтересована в политическом, равно как и торговом отношениях в Корее. Высокие договаривающиеся стороны признают, что будет допустимо для каждой из них принимать такие меры, какие могут явиться необходимыми для охраны таковых интересов, если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникающие в Китае или Корее и вызывающие вмешательство той или другой из высоких договаривающихся сторон для защиты жизни и имущества ее подданных.

Ст. 2. В случае, если Великобритания или Япония, в защиту своих обоюдных интересов, как то выше указано, будет вовлечена в войну с другой державой, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы.

Ст. 3. Если, при вышесказанных обстоятельствах, какая-либо другая держава или державы присоединятся к враждебным действиям против таковой союзницы, то другая договаривающаяся сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир во взаимном с ней согласии.

Ст. 4. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются в том, что ни одна из них не вступит, не посоветовавшись с другой, в отдельное соглашение с другой державой в ущерб вышеописанным интересам.

Ст. 5. Когда, по мнению Великобритании или Японии вышеназванным интересам будет угрожать опасность, оба правительства сообщат о том друг другу с полнотою и откровенностью.

Ст. 6. Настоящее соглашение войдет в силу немедленно со дня его подписания и останется в силе в течение пяти лет с этого дня. В случае, если бы ни та ни другая из высоких договаривающихся сторон не заявила за двенадцать месяцев до истечения указанных пяти лет о намерении прекратить его, оно останется в силе до истечения одного года со дня отказа от него той или другой из высоких договаривающихся сторон. Но, если, когда наступит срок, назначенный для прекращения его действия, одна из союзниц будет уже находиться в войне, то союз ipso facto останется в силе до заключения мира.

Подписали: Ленсдаун. Хаяси.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 153. Док. № 57).

№ 74. ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ ПО ПОВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ АНГЛО-ЯПОНСКОГО СОЮЗА. С.-ПЕТЕРБУРГ, 8/16 марта 1902 года

Союзные правительства России и Франции, получив сообщение об англо-японском договоре 17 (30) января 1902 года, заключенном как в видах обеспечения status quo и общего мира на Крайнем Востоке, так

равно и с целью охранения независимости Китая и Кореи, долженствующих оставаться открытыми для торговли и промышленности всех наций, — с полным удовольствием усматривают в нем подтверждение существенных начал, кои, согласно неоднократным заявлениям обеих держав, составляли и составляют основу их политики.

Оба правительства полагают, что поддержание этих начал является вместе с тем обеспечением их собственных интересов на Дальнем Востоке.

Вынужденные, однако, со своей стороны, не терять из виду возможности либо враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае, могущих нарушить целость и свободное развитие Поднебесной империи в ущерб их взаимным интересам — оба союзные правительства предоставляют себе в таком случае озаботиться принятием соответствующих мер к охранению этих интересов.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 154. Док. № 58).

№ 75. МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И СВОБОДНЫМ ОРАНЖЕВЫМ ГОСУДАРСТВОМ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ПРЕТОРИИ 31 мая 1902 года

(Уполномоченные: Великобритании — Китченер, Мильнер, Южно-Африканской республики—Бургер, Рейц, Бота, Рей, Мейер и Крог; Оранжевого Свободного государства—Бребнер, Герцог и Оливер).

Ст. 1. Бурские полевые силы немедленно сложат оружие, выдав все пушки, ружья и все военное снаряжение, имеющиеся в их владении или находящиеся под их контролем, и откажутся от всякого дальнейшего сопротивления власти е. в. короля Эдуарда VII, которого они признают своим законным сувереном.

Ст. 2. Буры в прериях, вне пределов Трансвааля и колонии Оранжевой реки, и все буры военнопленные настоящей войны, после должностного заявления о принятии ими положения подданных е. в. короля Эдуарда VII, будут постепенно возвращены обратно к своим очагам, как скоро будет установлен транспорт, и будут обеспечены средства для их существования.

Ст. 3. Буры, сдающиеся или возвращающиеся таким образом, не будут лишены личной свободы или имущества.

Ст. 7. Военное управление в Трансваале и в колонии Оранжевой реки будет заменено, насколько можно скоро, гражданским управлением, а как только позволят обстоятельства, будут введены представительные учреждения, ведущие к самоуправлению...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 303. Док. 298).

III. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНТАНТЫ

№ 76. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ИТАЛИЕЙ О РАЗДЕЛЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АФРИКИ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В РИМЕ 14/16 декабря 1900 года

А. Нота французского посла в Риме Баррера на имя итальянского министра иностранных дел Висконти-Веноста от 14 декабря 1900 года.

...Я уполномочен... министром ин. дел довести до сведения вашего прев-ва — в соответствии с установившимися между Францией и Италией дружественными отношениями и в предположении, что это осведомление улучшит их еще более — о том, что конвенция 21 марта 1899 года, оставляя вне санкционируемого ею раздела сфер влияния триполитанский вилайет, проводит для сферы французского влияния, в отношении триполитанской Киренаики, такую границу, переходить которую правительство республики не имеет намерения, и что в его планы не входит перерыв караванных сообщений между Триполи и областями, упомянутыми в вышеназванной конвенции.

Эти объяснения, которые мы условились держать в тайне, будут несомненно содействовать как в этом случае, так и в других укреплению дружеских отношений между нашими странами.

Б. Ответная нота Висконти-Веноста на имя Баррера от 16 декабря 1900 года

Настоящее положение в Средиземном море и вопросы, которые могли бы там возникнуть, были предметом дружеского обмена мнений между нами, так как наши правительства одинаково одушевлены желанием устранить, также и в этом отношении, все, что способно было бы как в настоящем, так и в будущем затруднить доброе взаимное согласие.

В частности, что касается Марокко, из наших разговоров выяснилось, что действие Франции имеет целью использование и охранение прав, вытекающих для нее из соседства ее территории с этой империей... такие действия не причиняют ущерба интересам Италии как средиземноморской державы.

Было также установлено, что если из указанного выше проистекло бы изменение политического или территориального положения Марокко,

то Италия оставит за собой право, в качестве мероприятия, основанного на взаимности, развивать в таком случае свое влияние в триполитанской Киренаике.

Эти объяснения, которые мы условились держать в тайне, будут несомненно содействовать укреплению дружеских отношений между нашими странами.

(Documents diplomatiques français Ministère des affaires etrangères. Les accords Franco—Jtaliens de 1900—1902, P. 3).

№ 77. СЕКРЕТНАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ, ПЕРЕДАННАЯ ИТАЛЬЯНСКИМ ПОСЛОМ В ПАРИЖЕ ТОРНИЕЛЛИ ФРАНЦУЗСКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ДЕЛЬКАССЕ, В СВЯЗИ С ВОЗОБНОВЛЕНИЕМ ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА. ПАРИЖ, 4 июня 1902 года

Я уполномочен его пр-вом г-м Принетти сообщить в. пр-ву телеграмму, в которой министр ин. дел Италии подтверждает мне, что в возобновлении Тройственного союза нет ничего прямо или косвенно враждебного Франции, никакого обязательства, которое могло бы нас заставить в каком-либо случае принять участие в нападении на нее, словом, никакого постановления, угрожающего безопасности и спокойствию Франции...

...Министр ин. дел Италии в то же время высказывает свое твердое убеждение, что это сообщение послужит к еще большему укреплению добрых отношений, существующих между обеими странами, к их плодотворному развитию.

Сообщение это должно остаться в тайне.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр 303—304. Док. 299).

№ 78. СОГЛАШЕНИЕ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ В РИМЕ 1 ноября 1902 года

Нота итальянского министра иностранных дел Принетти на имя французского посла в Риме Баррера

В результате переговоров, происходивших между нами по вопросу о взаимоотношениях Италии и Франции в бассейне Средиземного моря и особо касавшихся обоюдных интересов обеих наций в Триполитанской Киренаике и в Марокко, нам показалось уместным точно определить обязательства, вытекающие из писем, которыми по этому поводу в. пр-во и маркиз Висконти-Веноста обменялись 14 и 16 декабря 1900 года, в том смысле, что каждая из обеих держав будет иметь возможность свободно расширять свою сферу влияния в вышеназванных областях в тот момент, который она сочтет для себя удобным...

В связи с этими переговорами и для окончательного устранения возможности всяких недоразумений между нашими странами я, чтобы точнее определить их общие взаимоотношения, не колеблясь, делаю вашему пр-ву от имени правительства е. в. короля следующие заявления:

В случае, если Франция прямо или косвенно сделается объектом нападения со стороны одной или нескольких держав, Италия сохранит строгий нейтралитет.

То же самое будет в случае, если Франция, вследствие прямого вызова, окажется вынужденной для защиты своей чести и безопасности принять на себя инициативу объявления войны.

В таком случае, правительство республики должно будет предварительно сообщить свое намерение королевскому правительству, которое таким образом само будет в состоянии констатировать, что действительно имеется налицо прямой вызов.

Чтобы остаться верным духу дружбы, вдохновившему эти заявления, я, кроме того, уполномочен подтвердить вам, что у Италии нет в настоящее время, и впредь ею не будет заключено, никаких военных протоколов или соглашений международного договорного характера, которые шли бы вразрез с настоящими заявлениями.

...Так как предыдущие заявления находятся в соответствии с действующими ныне международными обязательствами Италии, то королевское правительство понимает эти заявления в том смысле, что они будут в полной силе до того момента, пока оно не заявит правительству республики о том, что в тех обязательствах последовало видоизменение [1]...

Дополнительная нота Принетти на имя Баррера, Рим, 2 ноября 1902 года

Вам угодно было высказать мне сегодня в вашем письме желание, чтобы, во избежание всяких возможных недоразумений, я определил смысл и значение, которые должны быть приданы слову «прямой» в выражении «прямой вызов», имеющемся в заявлениях, мною сделанных вам в письме от вчерашнего числа.

Спешу подтвердить вам то, что я уже по сему предмету имел случай сказать Вам устно. Слово «прямой» имеет тот смысл и значение, что факты, на которые при случае будет указано, что они заключают в себе вызов, должны касаться непосредственных отношений между державой вызывающей и державой вызванной.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 305—306. Док. 301).

№ 79. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ (ТАК НАЗЫВАЕМОЕ «СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ» (ENTENTE CORDIALE), ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ЛОНДОНЕ 8 апреля 1904 года).

(Уполномоченные: Франции—П. Камбон, Великобритании—Лэнсдаун)

I. Конвенция о Нью-Фаундленде и Сенегамбии

Ст. 1. Франция отказывается от привилегий, установленных в ее пользу ст. XIII Утрехтского трактата [2]...

Ст. 2. Франция сохраняет на равных основаниях с британскими подданными право рыбной ловли в территориальных водах той части побережья Нью-Фаундленда, которая заключена между мысом св. Иоанна и мысом Рей...

---

[1] Это соглашение состоялось в форме обмена идентичных по содержанию деклараций. Ответ Франции на декларацию Принетти был в тот же день передан итальянскому правительству Баррером.

[2] Утрехтский мир 11 апреля 1713 года закончил войну за испанское наследство. По статье XIII Франция уступила Англии Нью-Фаундленд, но сохранила там право на ловлю рыбы.

Ст. 3. (Установление денежного возмещения, подлежащего выплате со стороны Англии французским рыболовам).

Ст. 4. Правительство е. британского величества, признавая, что, кроме возмещения, упомянутого в предыдущей статье, Франции причитается территориальная компенсация..., настоящим условилось с правительством Французской республики о мерах, изложенных в следующих статьях:

Ст. 5. (Перечисление уступок, делаемых Англиею Франции в колонии Гамбии, в смысле приращения французской территории и предоставление Франции права пользования устьем и берегами реки Гамбии).

Ст. 6. Группа островов, обозначаемая именем «острова Лос» и расположенная против Конакри, уступается е. британским величеством Франции [1].

Ст. 8. (Исправление границ в пользу Франции в восточной Нигерии, в районе города Кука и западного берега озера Чад)...

II. Декларация касательно Египта и Марокко

Ст. 1. Правительство е. британского величества объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Египта.

Со своей стороны правительство Французской республики объявляет, что оно не будет препятствовать действиям Англии в этой стране, настаивая на том, чтобы положен был срок британской оккупации, или каким-либо иным образом и что она дает свое согласие на проект декрета хедива..., который содержит гарантии, признанные нужными для охраны интересов держателей египетского займа...

Условлено, что общий надзор над египетскими древностями будет и впредь, как и раньше, вверен французскому ученому.

Французские школы в Египте будут продолжать пользоваться той же свободой, как и в прошлом.

Ст. 2. Правительство Французской республики объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Марокко.

Со своей стороны, правительство е. британского величества признает, что Франции принадлежит следить... за спокойствием в этой стране и оказывать ей помощь во всех потребных ей административных, экономических, финансовых и военных реформах... Оно объявляет, что не будет препятствовать действиям Франции в этом смысле...

Ст. 4. Оба правительства, равно, дорожащие принципом свободы торговли как в Египте, так и в Марокко, объявляют, что они не допустят там никакого неравенства ни в установлении таможенных пошлин или иных налогов, ни в установлении тарифов на железнодорожные перевозки.

Торговля той и другой нации с Марокко и Египтом будет пользоваться одинаковыми правами в смысле транзита через французские и британские владения в Африке.

Это взаимное обязательство действительно на тридцатилетний период.

Во всяком случае правительство Французской республики в Марокко и правительство е. британского величества в Египте оставляют за собой право следить за тем, чтобы концессии на пути, железные дороги, порты

[1] На побережье французской Гвинеи в Зап. Африке.

и т. д. давались с такими условиями, чтобы государство сохраняло полную власть в этих крупных предприятиях общественного интереса.

Ст. 6. В целях обеспечения свободного прохода по Суэцкому каналу, правительство е. британского величества объявляет, что оно присоединяется к постановлениям трактата, заключенного 29 октября 1888 года, и к их проведению в жизнь...

Ст. 7. В целях обеспечения свободного прохода через Гибралтарский пролив, оба правительства соглашаются не допускать возведения укреплений или каких-либо стратегических сооружений в части марокканского побережья, заключенных между Мелильей и высотами, господствующими над правым берегом Зебу... Однако это решение не относится к пунктам, занятым в настоящее время Испанией на марокканском побережье Средиземного моря.

Ст. 8. Оба правительства, руководствуясь своими искренними дружескими чувствами к Испании, особо принимают во внимание интересы, вытекающие для Испании из ее географического положения и ее территориальных владений на марокканском побережье Средиземного моря, и по поводу которых французское правительство имеет совещаться с испанским правительством.

Правительству е. британского величества будет сообщено о соглашении, которое по этому поводу может возникнуть между Францией и Испанией.

Ст. 9. Оба правительства уславливаются оказывать друг другу дипломатическую поддержку для осуществления условий декларации относительно Египта и Марокко...

III. Декларация о Сиаме, Мадагаскаре и Ново-Гебридских островах

I. Сиам

Правительство е. британского величества и правительство Французской республики... с обоюдного согласия объявляют, что влияние Великобритании будет признано Францией в землях, расположенных к западу от бассейна Мэнам, а влияние Франции будет признано Великобританией в землях, расположенных к востоку от той же области...

Обе договаривающиеся стороны, отстраняя от себя всякую мысль об аннексии какой-либо сиамской территории и решив воздерживаться от всяких поступков, противоречащих постановлениям существующих трактатов, соглашаются в том, что, при этом условии и в отношении друг друга, обоюдная деятельность обоих правительств будет свободно проявляться в каждой из двух сфер влияний, разграниченных таким образом.

II. Мадагаскар

...Правительство е. британского величества отказывается от протеста, заявленного им против введения таможенного тарифа, установленного в Мадагаскаре после аннексии этого острова Францией. Правительство Французской республики принимает это заявление к сведению.

III. Ново-Гебридские острова

Оба правительства уславливаются подготовить сообща соглашение, которое... положило бы конец затруднениям, происходящим от отсутствия юрисдикции над туземцами Ново-Гебридских островов.

Они согласились назначить комиссию для разбора земельных споров, имеющихся у лиц на подчиняющихся их взаимной... юрисдикции упомянутых островах.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 313—315. Док. 306).

№ 80. ФРАНКО-АНГЛИЙСКОЕ СЕКРЕТНОЕ[1] СОГЛАШЕНИЕ ПО МАРОККАНСКОМУ ВОПРОСУ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ЛОНДОНЕ 8 апреля 1904 года

(Уполномоченные: Франции—П. Камбон, Великобритании—Лэнсдаун)

Ст. 1. В случае, если одно из обоих правительств увидело бы себя вынужденным в силу обстоятельств изменить свою политику в отношении Египта или Марокко, обязательства, которые они взаимно взяли на себя статьей 4, 6 и 7 декларации от сего числа, останутся в силе.

Ст. 2. Правительство его брит. вел. не имеет намерения, по крайней мере в настоящее время, предлагать державам изменения в режиме капитуляций и в организации Египта. В случае, если оно было бы вынуждено войти в рассмотрение вопроса и целесообразности введения в этом отношении в Египте реформ, направленных к приравниванию египетского законодательства к законодательству других цивилизованных стран, правительство Французской республики не откажется рассмотреть эти предложения, но при том условии, что правительство его брит. вел. согласиться рассмотреть предложения, которые правительство Французской республики могло бы сообщить ему по вопросу о введении в Марокко реформ такого же характера.

Ст. 3. Оба правительства соглашаются, что некоторое количество марокканской территории, прилегающей к Мелилье, Цеуте и др. президам, должно будет в тот день, когда султан прекратит осуществлять над ними свою власть, войти в сферу испанского влияния. Однако Испания... должна будет обязаться... не отчуждать целиком или частью территорий, находящихся под ее властью или в сфере ее интересов...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 315—316. Док. 307).

№ 81. ПИСЬМО ВИЛЬГЕЛЬМА II НИКОЛАЮ II ОБ ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ К РУССКОЙ ПОЛИТИКЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Берлин, 3/I 1904 г.

...Здесь всякий прекрасно понимает, что Россия, подчиняясь законам экспансии, должна стремиться выйти к морю и иметь незамерзающую гавань для своей торговли. В силу этого закона она в праве претендовать на полосу берега, где находятся такие гавани (Владивосток, Порт-Артур), Hinterland (лежащие за ними земли) должен быть в твоих руках для того, чтобы можно было построить железные дороги, необходимые для подвоза товаров к портам (Манчжурии). Между двумя портами есть полоса земли, которая, попади она в руки противника,—может сделаться чем-то вроде новых Дарданелл. Этого ты не можешь допустить. Эти «Дарданеллы» (Корея) не должны быть угрозой для твоих путей сообщения и помехой твоей торговле. Так обстоит дело на «Черном море», но

[1] Это соглашение было, при его подписании, секретным.

на Дальнем Востоке ты не можешь примириться с подобным положением. Поэтому для всякого непредубежденного человека ясно, что Корея должна быть и будет русской. Когда и как — до этого никому нет дела и касается только тебя и твоей страны. Таково мнение нашего народа здесь, и потому здесь нет ни возбуждения, ни «emballement», ни бряцания оружием или чего-либо подобного. Что Корея когда-нибудь будет твоей, здесь считается вещью само собой разумеющейся, так же, как оккупация Манчжурии, поэтому здесь никто об этом не беспокоится.

(Переписка Вильгельма II с Николаем II, М.-П., Гос. изд., стр. 51—52).

№ 82. МИРНЫЙ ДОГОВОР, ПОДПИСАННЫЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ В ПОРТСМУТЕ

23 августа — 5 сентября 1905 года.

Ст. 1. Мир и дружба пребудут отныне между их величествами императором всероссийским и императором Японии, равно как между их государствами и обоюдными подданными.

Ст. 2. Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почесть необходимыми принять в Корее.

Условлено, что русско-подданные в Корее будут пользоваться совершенно таким же положением, как подданные других иностранных государств, а именно, что они будут поставлены в те же условия, как и подданные наиболее благоприятствуемой страны.

Равным образом установлено, что во избежание всякого повода к недоразумениям, обе высокие договаривающиеся стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории.

Ст. 3. Россия и Япония взаимно обязуются:

1) Эвакуировать совершенно и одновременно Манчжурию, за исключением территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова, согласно постановлениям дополнительной 1 ст., приложенной к сему договору, и

2) Возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Манчжурии, которые ныне заняты русскими или японскими войсками, или которые находятся под их надзором, за исключением вышеупомянутой территории.

Российское императорское правительство объявляет, что оно не обладает в Манчжурии земельными преимуществами, либо преференциальными или исключительными концессиями, могущими затронуть верховные права Китая, или несовместимые с принципом равноправности.

Ст. 4. Россия и Япония взаимно обязуются не ставить никаких препятствий общим мерам, которые применяются равно ко всем народам и которые Китай мог бы принять в видах развития торговли и промышленности в Манчжурии.

Ст. 5. Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству, с согласия китайского правительства, аренду Порт-Артура, Талиена и прилегающих терри-

торий и территориальных вод, а также все права, преимущества и концессии, связанные с этой арендою или составляющие ее часть, и уступает равным образом императорскому японскому правительству все общественные сооружения и имущества на территории, на которую распространяется вышеупомянутая аренда.

Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в вышеуказанном постановлении согласия китайского правительства.

Императорское японское правительство заверяет со своей стороны, что права собственности русско-подданных на вышеупомянутой территории будут вполне уважены.

Ст. 6. Российское императорское правительство обязуется уступить императорскому японскому правительству без вознаграждения, с согласия китайского правительства, железную дорогу между Чан-чун (Куань-чэн-цзы) и Порт-Артуром и все ее разветвление со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом в этой местности, а также все каменноугольные копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу.

Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в вышеуказанном постановлении согласия китайского правительства.

Ст. 7. Россия и Япония обязуются эксплоатировать принадлежащие им в Манчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но ни коим образом не в целях стратегических.

Установлено, что это ограничение не касается железных дорог на территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова.

Ст. 8. Императорские правительства российское и японское, в видах поощрения и облегчения сношений и торговли, заключат в скорейшем по возможности времени отдельную конвенцию, для определения условий обслуживания соединенных линий в Манчжурии.

Ст. 9. Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущества, там находящиеся. Пятнадцатая параллель северной широты принимается за предел уступленной территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлений дополнительной 2 статьи, приложенной к сему договору.

Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений. Равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском.

Ст. 10. Русским подданным, жителям уступленной Японии территории, предоставляется право продавать свое недвижимое имущество и удаляться в свою страну, но если они предпочтут остаться в пределах уступленной территории, за ними будут сохранены и обеспечены покровитель-

ством, в полной мере, их промышленная деятельность и права собственности, при условии подчинения японским законам и юрисдикции.

Япония будет вполне свободна лишить права пребывания в этой территории всех жителей, не обладающих политической или административной правоспособностью, или выселить их из территории. Она обязуется, однако, вполне обеспечить за этими жителями их имущественные права.

Ст. 11. Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом.

Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях.

Ст. 12. Так как действие договора о торговле и мореплавании между Россией и Японией упразднено было войной, императорские правительства российское и японское обязуются принять в основание своих коммерческих сношений, впредь до заключения нового договора о торговле и мореплавании на началах договора, действовавшего перед настоящей войной, систему взаимности на началах наибольшего благоприятствования, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенные обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также условия допущения и пребывания агентов, подданных и судов одного государства в пределах другого.

Ст. 13. В возможно скорейший срок по введении в действие настоящего договора, все военно-пленные будут взаимно возвращены. Императорские правительства российское и японское назначат каждое со своей стороны особого комиссара, который примет на свое попечение пленных. Все пленные, находящиеся во власти одного из правительств, будут переданы комиссару другого правительства или его представителю, надлежащим образом на то уполномоченному, который примет их в том числе и в тех удобных портах передающего государства, кои будут заблаговременно указаны последним комиссару принимающего государства.

Российское и японское правительства представят друг другу, в скорейшем по возможности времени, после окончания передачи пленных, документами оправданный счет прямых расходов, произведенных каждым из них по уходу за пленными и их содержанию со дня пленения или сдачи до дня смерти или возвращения. Россия обязуется возместить Японии в возможно скорейший срок по обмене этих счетов, как выше установлено, разницу между действительным размером произведенных таким образом Японией расходов и действительным размером равным образом произведенных Россией издержек.

Ст. 14. Настоящий договор будет ратификован их величествами императором всероссийским и императором Японии. О таковой ратификации, в возможно короткий срок и, во всяком случае, не позднее как через пятьдесят дней со дня подписания договора, будет взаимно сообщено императорским правительством российскому и японскому через посредство посла Американских Соединенных Штатов в С.-Петербурге и французского посланника в Токио, и со дня последнего из таковых оповещений этот договор вступит во всех своих частях в полную силу.

Формальный размен ратификаций последует в Вашингтоне в возможно скорейшем времени.

Ст. 15. Настоящий договор будет подписан в двух экземплярах на французском и английском языках. Оба текста совершенно сходны, но, в случае разногласия в толковании, французский текст будет обязательным.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 166—168. Док. 65).

ПЕРЕГОВОРЫ О РУССКО-ГЕРМАНСКОМ СОЮЗЕ

№ 83. ПИСЬМО ВИЛЬГЕЛЬМА II НИКОЛАЮ II О ПРОЕКТЕ РУССКО-ГЕРМАНСКОГО СОЮЗА

Новый Дворец, 30/X 1904 г.

Дорогой Ники!

Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба тайно, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Путь будет так, как ты говоришь. Будем вместе. Конечно, союз должен быть чисто оборонительным, направленным исключительно против нападающего или нападающих в Европе, нечто вроде компании взаимного страхования от огня против поджогов. Очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении. Рузвельт, как мне известно, в силу врожденной антипатии американцев ко всякой цветной расе, не питает особой склонности к Японии, хотя Англия изо всех сил старается повлиять на американцев и настроить их в пользу Японии. Кроме того, американцы прекрасно сознают тот неоспоримый факт, что могущественная японская империя является постоянной опасностью для американских Филиппин. Что касается Франции, то мы оба знаем, что радикалы и антихристианские партии, в данную минуту наиболее сильные, склоняются к Англии — старые Крымские традиции, — но они против войны, потому что победоносный генерал внес бы некоторое расстройство в эту республику жалких штатских. Националистическая или клерикальная партия не любит Англии и симпатизирует России, но и не помышляет о том, чтобы связать свою судьбу с Россией в теперешней войне. Между этими двумя партиями республиканское правительство сохранит нейтралитет и ничего не предпримет. На этот нейтралитет и, следовательно, на изоляцию России рассчитывает Англия.

Мне достоверно известно, что не дальше как в декабре прошлого года французский министр финансов Рувье, по собственному почину, заявил финансовому агенту одной державы, что Франция ни в коем случае не присоединится к вам в русско-японской войне, даже если Англия встанет на сторону Японии. Чтобы сделать этих республиканцев вполне надежными, Англия передала Франции Марокко. Полная уверенность, что Франция намерена оставаться нейтральной и даже оказывать дипломатическую поддержку Англии,—вот причина необыкновенно грубой уверенности английской политики настоящего момента. Это неслыханное положение вещей изменится к лчушему, как только Франция очутится перед необходимостью выбрать, к кому ей примкнуть, и когда ей придется от-

крыто высказаться за Петербург или за Лондон. Но как я сказал выше, радикалы, тяготеющие к Англии, относятся вообще с отвращением к войне и к милитаризму, националисты же, не имеющие ничего против войны, как таковой, не желают сражаться ни за Англию, ни против России. Отсюда ясно, что обе партии заинтересованы в том, чтобы оказать давление на Англию и заставить ее сохранять мир. Если ты и я будем стоять плечо к плечу, то важнейшим последствием этого будет то, что Франция должна будет открыто и формально присоединиться к нам обоим, и таким образом выполнить, наконец, по отношению к России возложенные на нее договором обязательства, что для нас чрезвычайно ценно, особенно если принять во внимание ее прекрасные гавани и хороший флот, которые окажутся тогда и к нашим услугам. Ты можешь быть уверен, что это положит конец жалобам на так называемого нарушения нейтралитета. Раз это будет достигнуто, я надеюсь, что буду в состоянии поддержать мир, а у тебя будут развязаны руки в твоих действиях по отношению к Японии. Позволь мне прибавить к этому, что я искренно восторгаюсь твоим тонким, политическим инстинктом, подсказавшим тебе мысль обратиться по поводу происшествия в Северном море в Гаагский третейский суд. Ведь именно этот упорно выставляющийся в извращенном виде случай и использовали французские радикалы, Клемансо и остальная сволочь (tagrag and bobtail), как довод против того, чтобы Франция выполняла в отношении России возлагаемые на нее договором обязательства. Конечно, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в этом вопросе и заговаривать с Францией, — необходимо покончить с этим досадным происшествием в Северном море. Дело в том, что, как мне сообщили, Делькассе и Камбон примкнули в этом вопросе к британской точке зрения и сообразно с этим отношение французского правительства определилось, как сочувствующее Англии. Если мы поэтому в этом вопросе окажем давление на Францию, то она, несомненно, примет сторону Англии, — а это-то нам как раз и нежелательно. Il faut que l'incident de la Mer Noire soit clos (необходимо, чтобы происшествие на Черном море было исчерпано), и тогда только можем мы начать действовать совместно.

Согласно твоему желанию я прилагаю при этом проект статей договора, надеюсь, что ты их одобришь. Никто ничего не знает об этом, даже мое министерство иностранных дел: это сделали Бюлов и я лично. „Möge Gottes Segen ruhen auf dem Vorhaben der beiden Hohen Herrscher, und die mächtige 3—fache Gruppe Russland, Deutscshland, Frankreich für immer Europa den Frieden bewahren helfen, das walte Gott" (да благословит бог намерение обоих высоких властителей и да поможет он могучему тройственному объединению России, Германии и Франции навсегда обеспечить Европе мир, да поможет этому бог). Таковы были его слова, когда мы кончили.

Я послал в Сувалки, чтобы приветствовать тебя вблизи нашей границы, генерала от инфантерии фон-дер-Гольца и губернатора Восточной Пруссии фон-Мольтке. Гольц командует первым армейским корпусом, а раньше был начальником нашего инженерного корпуса; этот пост он занимал, вернувшись из Турции, где он провел много лет в бесплодных попытках реорганизации. Фон-Мольтке — губернатор Восточной Пруссии, племянник старого фельдмаршала и брат моего ген.-адъютанта, который

командовал твоими гренадерами, и которого ты так часто радушно принимал, когда он приезжал по специальным поручениям. Привет Алисе.

Остаюсь всегда твой любящий кузен и друг.

Вилли.

ПРОЕКТ ДОГОВОРА

Их величества, император всероссийский и император германский, чтобы локализировать насколько возможно русско-японскую войну, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза.

Статья I

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза.

Статья II

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III

Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны, со стороны третьей державы, протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

(Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894—1914 гг., М.—П., Гос. изд. стр. 72—75).

№ 84. ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА ВИЛЬГЕЛЬМА II — ИМПЕРСКОМУ КАНЦЛЕРУ БЮЛОВУ. 23/XI — 1904 г.

Дорогой Бюлов, при сем посылаю Вам только что полученную от царя шифрованную телеграмму, которую я расшифровал при помощи Куно и Гогенау. Его величество начинает прошибать холодный пот изза галлов и он такая тряпка, что даже этот договор с нами не желает заключать без их разрешения, а значит не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал прежде чем мы получим подпись «царя-батюшки». Ибо если о подписании договора сообщить Делькассе, то это равносильно тому, чтобы дать телеграмму Камбону и в тот же вечер напечатать ее в «Таймс» и «Фигаро», а тогда делу конец. Скандал, который поднимется в Лондоне, пожалуй, заставит тогда «царя-батюшку» внести такие изменения, которые обесценят договор, или же он от страха совсем откажется заключать его. Такой оборот дела очень огорчает, но не удивляет меня: он по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен. И я не удивлюсь, если ваш друг Витте вместе с этой тряп-

кой Ламздорфом испортит нам суп. Ведь он, или сам царь — пожалуй, запросил в секретном порядке относительно Парижа, и Витте, боясь, что там сорвется заем, посоветовал выступить с этим печальным предложением. Если это будет долго продолжаться в таком же духе, то вся история всплывет наружу и тогда прощай все удовольствие.

От Керпера я сегодня получил новое сообщение о все более ухудшающемся настроении, о статьях, которые прямо призывают к нападению, а также о разговорах с дамами из морских кругов, которые открыто заявляли ему, что нам вскоре должны объявить войну, так как наш флот пока еще достаточно мал, чтобы его можно было уничтожить без опасности для Англии, а через два года будет уже поздно и, тогда им придется рисковать слишком большим количеством кораблей. Затем он сообщает о дальнейших приготовлениях в виду приведения в состояние боевой готовности еще нескольких крейсеров запаса в Северном море в мирное время. Они должны будут присоединиться «к отечественной флотилии». Приготовления к мобилизации идут полным ходом и нападение с подавляющим превосходством становится возможным в ближайшем будущем.

Для нас при таком положении поводом к войне был бы увод средиземноморского флота из Средиземного моря в английские воды. Это следовало бы рассматривать, как прямую военную угрозу нам, такого же мнения держится начальник штаба адмиралтейства.

У нас здесь была отвратительная дождливая погода, и мы сидели дома, играя в карты. Надеюсь в скором времени получить от вас проект ответа для тряпки-царя и прошу его прислать с генерал-адъютантом фон Шюллем для того, чтобы он мог тут же его зашифровать. С наилучшим приветом преданный вам Вильгельм, император-король.

Постскриптум: положение все более начинает напоминать то, что было перед семилетней войной.

(Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Bd, XIX, TL. 1, Berlin, 1925, № 6126, S. 316—317).

№ 85. ТЕКСТ БЬОРКСКОГО ДОГОВОРА

24/VII
Бьорке———1905.
11/VII

Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения мира в Европе, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза:

Статья I.

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

Статья II.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать от-отдельного мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено об его расторжении за год вперед.

Статья IV.

Император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы посвятить Францию в этот договор и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Вильгельм I R[1]. Николай.
фон Чиршки и Бегендорф. А. Бирилев.

(Приложение к книге Фейгина, А., Бьоркское соглашение, М., 1928).

№ 86. ИЗ РЕЧИ ВИЛЬГЕЛЬМА II В ТАНЖЕРЕ 31 марта 1905 г.

Мой сегодняшний визит я делаю султану, как независимому государю. Я надеюсь, что под суверенной властью султана свободное Марокко останется открытым для мирного соперничества всех наций, без каких-либо монополий и аннексий, на началах полного равенства. Моя поездка в Танжер имеет целью показать, что я исполнен решимости использовать все имеющиеся в моем распоряжении силы, для того чтобы с успехом защищать интересы Германии в Марокко. Рассматривая султана, как абсолютно свободного государя, я желаю договориться именно с ним о способах обеспечения этих интересов. Что касается реформ, которые султан намерен провести, то мне кажется, что здесь нужно действовать с большой осторожностью, считаясь с религиозными чувствами населения для того, чтобы избежать нарушения общественного порядка.

(Morel, E. D. Ten Jears of secret diplomacy. London, 1915, стр. 75).

№ 87. ПАЛЕОЛОГ О МАРОККСКОМ КРИЗИСЕ 1905/06 гг.[2]

Среда, 23 марта 1904 г. Сегодня после обеда на дипломатической аудиенции германский посол чрезвычайно любезно спросил министра о важных переговорах, которые ведутся между Парижем и Лондоном.

— Я хотел бы,— сказал он,— поставить вам нескромный вопрос.— Правда ли, что между Францией и Англией подписано или находится накануне подписания соглашение обще-политического характера?

Делькассе ответил:

– Ничего не подписано. Но я уже несколько месяцев беседую с британским правительством о дружеском разрешении проблем, интересующих обе стороны. Соглашение было признано возможным... я полагаю, что оно вскоре будет подписано.

— Я слышал, что в этом соглашении говорится о Марокко.

— Действительно, мы говорили о Марокко. Вы знаете мою точку зрения в марокканском вопросе: я уже имел случай изложить ее вам, когда выступал в парламенте. Мы желаем сохранить в неприкосновенности политический и территориальный статус шерифской империи. Но

---

[1] (Imperator.—Rex)
[2] Из дневника Палеолога.

для того, чтобы ее существование могло быть длительным, эта империя, очевидно, нуждается в поддержке и реформах. Постоянные нападения, которые производились за последний год на границе Орана, дали нам самые законные основания для вооруженного вмешательства. Я воспротивился настояниям нашей алжирской администрации, которая намеревалась двинуться в Марокко для того, чтобы получить гарантии в том, что наша граница в будущем не будет нарушаться. Нам нужно помочь султану управлять его воинственными племенами. Но наша помощь будет предоставлена ему в таком виде, что от этого выиграют все страны, ибо мы тщательнейшим образом соблюдаем принципы свободной торговли...

26 апреля 1905 г. в беседе с Палеологом Делькассе воскликнул:

— Чтобы я взял на себя инициативу переговоров, хотя бы даже косвенным образом? Ни в коем случае. Я уже однажды пошел навстречу Германии 13 апреля, когда пытался завязать переговоры с Радолиным. Второй раз я начинать не буду... к тому же у меня самые лучшие карты в руках. Германское правительство нигде не встретило отклика со своим предложением о созыве конференции. В Риме, Мадриде, Вене и Вашингтоне, оно всюду потерпело неудачу. Европа на моей стороне. Англия поддерживает меня полностью. Она тоже не остановится перед войной... Нет, конечно, не мне надо домогаться посредничества, мое положение превосходно...

Германия не может хотеть войны и ее нынешнее выступление не более как блеф; она знает, что против нее выступит Англия. Я повторяю вам, Англия поддержит нас до конца и не подпишет мира без нас...

(Palèologue M. Un grand tournant de la politique mondiale 1904—1906. Paris, 1934, p. 38 –39; 307—308).

№ 88. ТЕЛЕГРАММА ГЕРМ. ПОСЛА ВО ФРАНЦИИ РАДОЛИНА БЮЛОВУ, 27 апреля 1905 г.

Председатель совета министров заявил мне, что он восхищается нашим императором. Два раза подряд он мне сказал, что Франция желает мира во что бы то ни стало, и не лелеет больше мысли о реванше. Он спросил меня, не будет ли возможно соглашение между нами относительно Марокко путем переговоров между кабинетами...

За несколько минут до обеда меня посетил человек, пользующийся доверием Рувье и уверил меня, что председатель совета министров весьма охотно согласится на отставку Делькассе.

Телеграмма Гольштейна Радолину, 29 апреля 1905 г.

Мы не отступим, мы можем согласиться только на конференцию, т. е. на переговоры с концертом держав, а не с одной только Францией. Я полагаю, что Англия толкает Францию на конфликт с Германией, от которого она может только выиграть в смысле развития своих интересов на Дальнем Востоке и в других местах. Я знаю из хорошего источника, хотя и из вторых рук, что Англия окажет Франции только дипломатическую поддержку... Франция позволила себе наступить нам на ногу. Если мы это стерпим, она тотчас же повторит это. Поэтому мы не будем отступать.

(Palèologue, M. Un grand tournant de la politique mondiale 1904 – 1906. Paris, 1934, p. 310—311, 313).

№ 89. ТЕЛЕГРАММА ИМПЕРСКОГО КАНЦЛЕРА БЮЛОВА ВРЕМЕННО УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИССИЕЙ В ТАНЖЕРЕ ТАТТЕНБАХУ, 22 мая 1905 г.

Я осведомляю через неофициальное доверенное лицо французского премьера Рувье о том, что французский посланник действительно назвал себя представителем европейских держав и что он, по распоряжению Делькассе, теперь пытается запретить султану поддерживать сношения с другими державами. К этому сообщению мы добавляем следующее: Я убежден в том, что премьер не одобряет такого образа действия, и поэтому я принял бы надлежащие меры для того, чтобы не допустить в настоящее время оглашения вышеупомянутых фактов в прессе, где они, поскольку дело идет о Германии, произвели бы неблагоприятное впечатление. Хотя немецкий народ верит в благополучное разрешение марокккского вопроса, он — в том числе и социал-демократические слои населения — поддерживает правительство в деле отстаивания соответствующей договорам точки зрения. Для ориентирования премьера я избрал неофициального посредника, во-первых, потому что мы в настоящее время не можем вступить в сепаратные переговоры с Францией; во-вторых, потому что при неофициальном рассмотрении вышеупомянутых фактов, я не оказываюсь вынужденным немедленно реагировать на них.

Теперь французская пресса подчеркивает, что Вы находитесь в хороших отношениях с французским посланником. Конечно, она все время имеет в виду внушить этим миру и в особенности марокккскому султану уверенность в том, что между Германией и Францией ведутся тайные переговоры.

Вам следует теперь достать письменный экземпляр французских предложений относительно реформ или каких-либо иных французских требований и, во-вторых, побудить султана сделать государствам, участникам договоров, предложение относительно созыва конференции. В заключение я прошу своевременно телеграфировать, заметно ли влияние вышеупомянутого обращения к Рувье на образ действий французского посланника.

Бюлов.

(Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914 г., Bd. XX, часть 2. Berlin, 1925 г., № 6664, S. 381—382).

№ 90. ТЕЛЕГРАММА БЮЛОВА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ПАРИЖЕ князю РАДОЛИНУ, 1 июня 1905 г.

Граф Таттенбах сообщает, что со стороны французов марокккскому султану непрерывно грозят действиями у алжирской границы в том случае, если он отвергнет французскую программу. Однако султан сообщил французскому представителю 28 мая, что о принятии французских предложений относительно реформы может быть речь лишь после того, как эти предложения были бы рассмотрены и одобрены державами—участницами договора[1]. Благодаря этому выдвинут на первый план вопрос о созыве конференции.

Ныне султан усвоил ту самую точку зрения, которую Германия с

[1] Имеется в виду Мадридский договор 1886 г. по вопросу о Марокко.

самого начала признала правильной с точки зрения международного права по отношению ко всем заинтересованным сторонам. Поэтому мы не могли бы сказать, что дело нас не касается, но нам пришлось бы сделать соответствующие выводы в том случае, если бы после неопровержимого с точки зрения международного права заявления султана Франция продолжала ту, затрагивающую не только интересы, но и достоинство находящихся в одинаковом с нами положении участвовавших в заключении договора государств, политику запугивания и насилий, которой до сих пор держался Делькассе. Я искренно надеюсь на то, что этого не произойдет, но что в конце концов между заинтересованными сторонами будет достигнуто соглашение на основе намеченной мной в моем сообщении за № 740[1] программы, которую можно резюмировать в словах: Rèserver l'avenir[2].

В интересах мира важно, чтобы вышеизложенные соображения были безотлагательно доведены до сведения премьера для того, чтобы он не принимал предстоящего ему решения, не будучи вполне осведомлен о положении дел. Но по особым соображениям прошу и Вас прибегнуть в данном случае к неофициальному посреднику для того, чтобы господин Рувье имел прежде всего возможность правдиво заявить, что германское правительство не обращалось к нему с требованиями ни через Вас, ни через господина Биур (Bihourd).

Бюлов.

Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914, Bd XX, Tl. 2. S. 392—393).

№ 91. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ АКТ АЛЖЕЗИРАССКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО МАРОККСКИМ ДЕЛАМ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ 25 марта (7 апреля) 1906 года

Во имя бога всемогущего.

(Россия, Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Испания, Соединенные Штаты Америки, Франция, Великобритания, Италия, Марокко, Нидерланды, Португалия и Швеция)..., проникаясь мыслью о пользе утверждения в Марокко порядка, мира и благосостояния и признав, что эта благая цель не может быть иначе достигнута, как путем введения преобразований, основанных на тройственном принципе суверенитета и независимости е. в. султана (марокского), целости его государства, а также свободы и полного равенства в экономическом отношении, решили собраться.... на конференцию в Алжезирасе... и назначили (перечень фамилий уполномоченных)..., каковые... приняли:

1. Декларацию об устройстве полиции;
2. Положение о надзоре за контрабандным провозом оружия и мерах к его пресечению;
3. Концессию на учреждение государственного банка;
4. Декларацию об обеспечении лучшего поступления налогов и о создании новых доходов;
5. Положение о таможнях в империи и о пресечении злоупотреблений и контрабанды;
6. Декларация об отдельных отраслях государственного хозяйства и об общественных работах...

[1] Письмо Бюлова Радолину 4 мая 1905 г.
[2] Обеспечить будущее.

Гл. 1. Декларация об устройстве полиции

Ст. 2. Полиция будет состоять под верховною властью е. в. султана. Она будет комплектоваться... из числа марокккских мусульман...

Ст. 3. В помощь султану для устройства этой полиции испанские и французские офицеры и унтер-офицеры-инструкторы будут командированы в его распоряжении соответствующими правительствами...

Ст. 7... Деятельность полиции будет подлежать в общем объеме надзору, который будет поручен е. шефским величеством одному из старших офицеров швейцарской армии... Этому офицеру будет присвоен титул генерального инспектора...

Ст. 9. В случае жалоб, заявленных дипломатическому корпусу заинтересованною миссиею, дипломатический корпус будет иметь право... просить генерального инспектора произвести следствие...

Гл. 2. Положение о надзоре за контрабандным провозом оружия и о мерах к его пресечению

Ст. 13. На всем пространстве шерифской империи запрещены... ввоз и торговля боевым оружием..., огнестрельными припасами, порохом, селитрою... и всеми составами, предназначенными исключительно для изготовления огнестрельных припасов.

Ст. 15. (Определение порядка ввоза оружия для войск султана).

Ст. 24. В случае уважительных оснований для подозрения судна, стоящего в одном из открытых для торговли портов, в том, что оно перевозит... оружие... или другие запрещенные товары, шерифские таможенные агенты должны заявить о том подлежащей консульской власти, дабы сия последняя, при участии представителей шерифской таможни, приступила к... расследованию...

Гл. 3. Концессия на учреждение государственного банка

Ст. 31. В Марокко будет учрежден банк под наименованием «Марокккский государственный банк». Сей банк будет пользоваться правами..., концессия на которые ему дарована е. в. султаном на сорок лет...

Ст. 32. (Присвоение банку права производить все банковые операции и исключительного права выпускать билеты на предъявителя).

Ст. 33. Банк будет исполнять обязанности расходной кассы империи с устранением от сей обязанности всякого другого банка или кредитного учреждения...

Ст. 34. Банк будет исполнять обязанности финансового агента правительства как в пределах империи, так и вне ее...

Ст. 35. (Установление порядка и размеров выдачи банком авансов и кредитов султанскому правительству).

Ст. 37. Банк примет меры, которые признает полезными, для упорядочения монетной системы в Марокко. Испанская монета будет попрежнему принимаема к обращению...

Ст. 38. Банк... будет помещаться в Танжере.

Ст. 40. Шерифское правительство под своею ответственностью обеспечит безопасность и охрану банка, его отделений и агентств. Для сего оно будет держать в каждом городе достаточную стражу в распоряжении каждого из этих установлений.

Ст. 41. Банк, его отделения и агентства будут свободны от всякого налога и повинностей, обыкновенных и чрезвычайных, ныне существующих или имеющих быть установленными.

Ст. 42. Шерифское правительство будет иметь за банком высший надзор при посредстве... марокккского главного комиссара.

Ст. 45. Иски, вчиняемые банком в пределах Марокко, будут предъявляться в консульский суд ответчика или в марокккские судебные учреждения...

Иски, вчиняемые банку в пределах Марокко, будут предъявляться в особый суд, составленный из трех консульских судей и двух асессоров. Дипломатический корпус будет ежегодно составлять список судей, асессоров...

Этот суд будет применять в означенных случаях принятые французским законодательством по делам торговым постановления материального и процессуального права... Апелляционные жалобы на решения этого суда подаются в федеральный суд в Лозанне...

Ст. 46. В случае пререканий относительно положений концессии или несогласий, могущих возникнуть между марокккским правительством и банком, спор будет подвергнут рассмотрению федерального суда в Лозанне...

Ст. 49. Все служащие в банке будут назначаться, по мере возможности, из числа подданных различных государств, которые приняли участие в подписке на капитал банка.

Ст. 51. (Перечисление банков, участвующих в консорциуме по учреждению марокккского государственного банка: германский импер. банк, английский банк, испанский банк и французский банк).

Гл. 4. Декларация об обеспечении лучшего поступления налогов и о создании новых доходов

Ст. 60. (Подтверждение статьи 2 мадридского трактата 3 июля 1880 года. Дарование марокккским султаном иностранцам общего разрешения приобретать недвижимость в открытых для торговли портах.)

Ст. 61. В видах создания новых доходов для (Марокко)... конференция признает в принципе, что может быть установлен налог на городские постройки.

Ст. 65. (Согласие конференции на предложение Марокко установить целый ряд перечисленных в статье налогов и сборов).

Ст. 66. ...Товары иностранного происхождения, при ввозе их в Марокко, будут подлежать особой пошлине, доходящей до 2,5% их стоимости. Суммы, поступившие от взимания этой пошлины, полностью образуют особый фонд, который будет предназначен на покрытие расходов и исполнение общественных работ...

Программа работ и их очередной порядок будут установлены по взаимному соглашению шерифским правительством и дипломатическим корпусом в Танжере...

Ст. 68. Е. шерифское величество изъявит согласие на увеличение до десяти тысяч цифры в шесть тысяч голов рогатого скота, каковое количество каждая из держав будет иметь право вывозить из Марокко...

Ст. 69. (Объявление свободы каботажа хлеба и продуктов огородничества и животноводства между портами Марокко).

Ст. 72. Опиум и киф будут попрежнему составлять предмет монополии в пользу шерифского правительства...

Ст. 73. (Принятие державами к сведению намерения султана распространить монополию на все сорта табака. Признание права иностранцев на вознаграждение за могущие проистечь для них из введения монополии убытки).

Ст. 75. В случае, если окажется необходимым изменить какое-либо из постановлений настоящей декларации, то по этому предмету должно быть установлено соглашение между (Марокко)... и дипломатическим корпусом в Танжере.

Гл. 5. Положение о таможнях в империи и о пресечении злоупотреблений и контрабанды

Ст. 77—81. (Установление для капитанов приходящих в Марокко судов обязанности предъявлять манифесты, исключения из этого правила и порядок наложения взысканий за его нарушение).

Ст. 82—92. (Установление случаев, в которых ввоз товаров признается контрабандным, и установление порядка конфискации таких товаров).

Ст. 96—97. (Учреждение смешанной оценочной комиссии, в составе 3 представителей Марокко, 3 представителей по назначению дипломатического корпуса, делегата государственного банка и агента делегации марокккского займа, по вопросам установления цен на товары и таможенного комитета, в составе по одному члену от Марокко, от дипломатического корпуса и от государственного банка для надзора за деятельностью таможен).

Ст. 102. Всякое постановление о конфискации, денежном взыскании или наказании должно быть сделано по отношению к иностранцам консульским судом, а по отношению к марокккским подданным — шерифским судом.

Ст. 103. В пограничной с Алжиром местности применение настоящего положения будет исключительно касаться Франции и Марокко.

Равным образом, применение этого положения в Рифе и вообще в пограничных с испанскими владениями местностях будет исключительно касаться Испании и Марокко.

Гл. 6. Декларация об отдельных отраслях государственного хозяйства и об общественных работах

Ст. 105. В видах обеспечения применения начала свободы и полного равенства в экономическом отношении, подписавшиеся державы заявляют, что ни одна из отраслей государственного хозяйства шерифской империи не может быть отчуждена в пользу интересов частных лиц.

Ст. 106. В случае, если бы шерифское правительство сочло нужным прибегнуть к иностранным капиталам или к иностранной промышленности для использования отдельных отраслей государственного хозяйства или для общественных работ, грунтовых и железных дорог, портов, телеграфа и других, подписавшиеся державы оставляют за собою наблюдение за тем, чтобы власть государственная по отношению к этим важным общественным предприятиям оставалась неприкосновенной.

Ст. 112. Шерифский фирман определяет условия отвода и эксплоатации рудников, открытых разработок и каменоломен. При выработке этого фирмана шерифское правительство будет руководствоваться относящимися до сего иностранными законоположениями...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 325—329. Док. 320).

№ 92. НОТА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВАМ от 10 мая 1907 г. ПО ВОПРОСУ О ВТОРОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИРА В ГААГЕ

Принимая на себя почин созыва второй конференции мира, императорское правительство имело в виду необходимость дать дальнейшее развитие человеколюбивым принципам, положенным в основу трудов знаменательного международного собрания 1899 г.

По мнению императорского правительства, предстояло привлечь их к участию в предположенной конференции возможно большее число держав, и выказанное к этому призыву сочувствие указывает, насколько в настоящее время глубоко укоренилось сознание общей солидарности в деле осуществления идей, направленных ко благу всего человечества. Первая конференция закрылась в убеждении, что труды ее будут дополняемы в будущем путем постепенного и правильного развития в народах просвещения, а также по мере накопления указаний опыта. Важнейшее создание конференции — международная палата третейского суда — доказало на деле свою жизнеспособность, объединив в одном высшем учреждении всемирно-уважаемых юристов. Выяснилось также, какое благотворное значение имеют международные следственные комиссии для разрешения несогласий между государствами. Тем не менее, необходимо внести некоторые улучшения в конвенцию «о мирном разрешении международных столкновений». По случаю происходивших в последнее время третейских разбирательств, юристы, принимавшие в них участие в качестве судей, возбудили некоторые частные вопросы, которые следовало бы разрешить, внеся в упомянутую конвенцию необходимые дополнения. Представляется, между прочим, желательным, чтобы были установлены твердые принципы по вопросу о языке судопроизводства, для устранения затруднений, которые могли бы возникать в будущем по мере умножения случаев обращения к третейской юрисдикции. Необходимо также внести некоторые усовершенствования в порядок деятельности международных следственных комиссий.

Что касается установления законов и обычаев сухопутной войны, то решения по сему предмету первой конференции следовало бы равным образом дополнить и придать им большую определенность, дабы устранить всякие недоразумения. Что касается морской войны, законы и обычаи которой для отдельных стран не во всех отношениях сходятся между собою, то следует установить твердые правила в соответствии с необходимостью согласовать права воюющих с интересами нейтральных. По этим вопросам необходимо выработать конвенцию, составление которой явилось бы одною из наиболее важных задач предстоящей конференции. Вследствие сего, полагая, что в настоящее время надлежит заняться рассмотрением лишь вопросов, с особенною настоятельностью поставленных на очередь опытом последних лет, не затрагивая тех, которые могли бы коснуться ограничения морских и сухопутных сил, импе-

раторское правительство предлагает, как программу для предположенного собрания, следующие главные пункты:

1) Усовершенствование постановлений «Конвенции о мирном решении международных столкновений» в тех частях ее, которые касаются палаты третейского суда и международных следственных комиссий.

2) Дополнение постановлений конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, между прочим, касательно открытия военных действий, прав нейтральных на суше и проч. декларации 1899 г. Ввиду истечения срока одной из них — вопрос о ее возобновлении.

3) Выработка конвенции о законах и обычаях морской войны, по следующим вопросам: особые средства морской войны, как-то: бомбардирование портов, городов и селений морскими силами, постановка мин и т. п., обращение торговых судов в военные, частная собственность воюющих на море, льготный срок для выхода торговых судов из нейтральных и неприятельских портов после открытия военных действий, права и обязанности нейтральных на море. Между прочим, вопросы о контрабанде, положении судов воюющих в нейтральных портах; уничтожение, в случае крайней необходимости, нейтральных торговых судов, взятых в качестве призов. В проектируемую конвенцию могли бы быть включены те правила сухопутной войны, которые в то же время приложимы к морской войне.

4) Дополнения к конвенции 1899 г. о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. Прения предположенного собрания, подобно тому, как и на конференции 1899 г., очевидно, не должны касаться ни политических отношений между державами, ни порядка вещей, установленного трактатами, ни вообще вопросов, которые не войдут прямо в границы одобренной правительствами программы.

Императорское правительство считает важным отметить, что сообщение настоящей программы и возможное принятие ее разными государствами не предрешает, конечно, взглядов, которые могли бы быть высказаны на конференции касательно самого разрешения поставленных на обсуждение вопросов. Равным образом, от предложенного собрания будет зависеть определить порядок рассмотрения вопросов и форму, в которую будут облечены принятые решения, смотря по тому, признано ли будет предпочтительнее включить некоторые из них в новые конвенции, или же присоединить, в виде дополнения, к конвенциям уже существующим. Устанавливая вышеизложенную программу, императорское правительство по мере возможности приняло во внимание пожелания, выраженные первою конференциею мира, а именно — касательно прав и обязанностей нейтральных, частной собственности воюющих на море, бомбардирования портов, городов и т. п. Оно надеется, что... правительство увидит в совокупности поставленных на обсуждение пунктов выражение желания приблизиться к тому высокому идеалу международной справедливости, который является постоянною целью всего цивилизованнаго мира.

По приказанию моего правительства, имею честь сообщить вам о вышеизложенном, присовокупляя, что временем собрания конференции в Гааге могла бы быть вторая половина будущего июля (нов. ст.), каковой срок и нидерландскому правительству представляется наиболее подходящим.

(Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774—1906), Варшава, 1906, стр. 558—561. Док. 99).

№ 93. МЕМОРАНДУМ сэра ЭЙР КРОУ «О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АНГЛИИ С ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ», 1 января 1907 года

Англо-французское соглашение от 8 апреля 1904 г. явилось результатом открыто выраженного, искреннего желания всех классов и партий обеих стран, сделать все возможное для устранения многих противоречий, бывших источником постоянных трений между ними...

Трудно предположить, что те, кто вел англо-французские переговоры, были бы чужды мысли, что устранение причин англо-французских трений, кроме своего непосредственного значения для укрепления мира, могло предоставить правительствам обеих стран большую свободу в устройстве их внешних отношений вообще...

Если бы как Франция, так и Англия были уверены, что в случае вовлечения одной из них в конфликт с той или иной державой, англо-французское соглашение могло предотвратить вытекающую отсюда серьезную опасность, то патриотический интерес, по одной уже этой причине, оправдал бы и поощрил любую попытку, направленную к разрешению основных противоречий [между Англией и Францией], поскольку это не подвергло бы риску их жизненных интересов...

Германия выжидала благоприятный момент, чтобы разбить англо-французскую Антанту, если это окажется возможным. Когда Россия пошатнулась под сокрушающими ударами, нанесенными ей Японией, и когда ей угрожала внутренняя революция, тогда Германия начала свое наступление. Для того, чтобы уничтожить еще не окрепшую дружбу между Францией и Англией, пытались использовать в качестве предлога те самые (германские) интересы в Марокко, относительно которых имперский канцлер год тому назад официально заявил, что они ни в коей мере не находятся под угрозой.

Предлог был придуман неплохо. Под прямой угрозой войны, к которой Франция, как известно, не была подготовлена, последняя должна была безоговорочно капитулировать. В ответ на официальный запрос, Англия признала, что помимо тех пунктов соглашения, которые обязывали ее оказать Франции дипломатическую поддержку в Марокко, она не давала обязательства к дальнейшему сотрудничеству... Считалось совершенно определенно установленным, что она откажется оказать Франции вооруженную поддержку...

Теперь мы знаем, что такова была политика, которую г. фон Гольштейну удалось внушить германскому императору при помощи князя Бюлова. Начало обещало быть удачным. Г. Делькассе пал; Франция была сильно встревожена, готова идти на уступки Германии, была готова верить, что дружба с Англией вместо помощи оказывается гибельной. Трудно сказать, что могло бы произойти, если бы в этот критический момент Германия, под искусным руководством какого-нибудь Бисмарка, сочла себя удовлетворенной своей решительной победой...

В этом отношении политика г. фон Гольштейна зашла слишком далеко. Германское правительство продолжало держаться политики угроз, французские предложения были оставлены без ответа. Настаивали на созыве европейской конференции на условиях для Франции особо унизительных... Преемникам г. Делькассе стало очевидным, что его напрасно принесли в жертву. Его первоначальная политика снова была признана единственной совместимой с национальным достоинством и

независимостью. Вместе с тем ожила уверенность в том, что безопасность заключается в сближении с Англией. Было поставлено смелое требование о военном союзе с последней, на случай нападения Германии. Это был, быть может, наиболее критический момент для Антанты...

...Известно, что г. фон Гольштейн и по его настояниям князь Бюлов фактически поставили на карту свою репутацию, предсказывая, что ни одно английское правительство, если его в достаточной мере запугать, не станет на сторону Франции, которая с давних пор была союзницей России, «наследственного врага» Англии. Поэтому, перед заседанием международной конференции в Алжезирасе, делегаты Германии по инструкциям, исходившим от князя Бюлова, конфиденциально, самым серьезным образом указывали английским представителям, насколько безумно и опасно поддерживать Францию, нарисовав в розовых тонах перспективу сотрудничества Англии с Германией для того, чтобы нанести поражение Франции. Даже в этот момент считалось, что Англию можно склонить на свою сторону. Проявленное при такой конъюнктуре столь глубокое непонимание того, на что способно английское правительство, определяет лучше многих прямых высказываний ту оценку, которую давали Англии руководящие круги Берлина... Когда, наперекор советам г. Гольштейна, Германия в Алжезирасе пошла, наконец, на уступки, которые одни только делали возможным заключение международного договора, он был с позором отставлен князем Бюловым, который сам до тех пор действовал постоянно в том же направлении (что и Гольштейн) и должен был главным образом нести ответственность за то, что побуждал императора вести неуспешную политику. Когда подписанием алжезирасского акта завершилась первая глава марокккского конфликта, англо-французская Антанта приобрела иное значение по сравнению с тем, какое она имела в момент своего возникновения. Тогда имело место только дружественное урегулирование основных противоречий, которое давало основание надеяться на дружеские отношения в будущем между этими двумя соседними странами, привыкшими прежде косо глядеть друг на друга. Теперь же появился элемент совместного сопротивления чужеземной гегемонии и агрессии, единство особых интересов, имеющее тенденцию развиться в активное сотрудничество против третьей державы. Нужно помнить, что эта новая особенность Антанты явилась непосредственным результатом попытки Германии ее разрушить...

Стало почти что историческим труизмом определять политику Англии как поддержание [европейского] равновесия, посредством чего она бросала свое влияние то на одну, то на другую чашку весов, но всегда на ту сторону, которая противостояла политической гегемонии сильнейшей в данное время державы или группы держав. Применяя это общее правило к частному случаю, следует попытаться установить, является ли в данное время какая-либо могущественная и честолюбивая держава естественно и неизбежно враждебной Англии; положение Германии в настоящее время, пожалуй, подходит под это определение. Исследование такого рода должно заняться вопросом, действительно ли Германия стремится к политической гегемонии в целях осуществления чисто германских планов экспансии и установления преобладания Германии в международной политике за счет других народов и в ущерб [их интересам]...

...«Германия должна иметь колонии». Таково требование новой ми-

ровой политики, и, соответственно этому, появляются колонии как в тех местах, которые еще не были чьей-либо собственностью, так и там, откуда энергичное отстаивание германских притязаний на «место под солнцем» могло вытеснить других [хозяев]. Таковы Дамараланд, Камерун, Тоголанд, Германская Восточная Африка, Новая Гвинея и группы других островов в Тихом океане. Вполне естественно, что пример Германии легко нашел себе последователей, и карта незанятых территорий заполнилась с поразительной быстротой. Когда был произведен окончательный расчет, действительные приобретения Германии ей самой показались несколько скудными. Путем покупки или международных соглашений было приобретено еще несколько новых владений: Каролины, Гельголанд, Самоа. Сделка в старом прусском стиле обеспечила Киао-Чао. Однако в общем «колонии» оказались приобретением довольно сомнительной ценности.

Тем временем, мечта о колониальной империи захватила воображение Германии. Император, государственные деятели, журналисты, географы, экономисты, торговые и судостроительные фирмы и вся масса просвещенного и непросвещенного общественного мнения продолжают заявлять в один голос: «Мы должны иметь настоящие колонии, где немецкие эмигранты смогут селиться и насаждать национальные идеалы отечества, мы должны иметь флот и угольные станции для защиты колоний, которые мы должны приобрести». На вопрос: «Почему должны?» готовый ответ гласит: «Здоровое и сильное государство, подобное Германии, с 60 000 000 жителей должно расширяться, оно не может остановиться в своем развитии, и оно должно иметь территории, на которые сможет эмигрировать его все увеличивающееся население, не теряя своей национальности»...

...В этой связи нельзя не упомянуть о целом ряде изречений императора, которые время от времени являлись выражением преобладающих в Германии настроений; некоторые из них заслуживают того, чтобы их привести: «Наше будущее на воде». «Трезубец должен быть в наших руках». «Германия должна возвратить себе свои наследственные права на преобладание на море, некогда неоспоримо принадлежавшие старой Ганзе». «Ни один вопрос мировой политики не должен быть решен без согласия германского императора». «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана»...

Поскольку Германия, полагаясь на свои силы и национальные преимущества, претендует на культурно-моральное первенство в мире, Англия может только восхищаться, аплодировать и участвовать в соревновании с нею. Если же Германия считает, что относительно большее преобладание материальной мощи, больший размер территорий, безопасность границ и первенство на море являются предварительными и необходимыми условиями, без которых любое стремление к такому первенству должно кончиться неудачей, тогда Англия должна ожидать, что Германия несомненно будет стараться ослабить силы своих соперников и усилить свои собственные, путем расширения своих владений, и в конце концов, подорвать и вытеснить Британскую империю...

Непосредственная цель настоящего исследования заключается в том, чтобы установить, имелись ли действительно основания для вражды между Англией и Германией. Здесь показано, что фактически такая вражда в значительной степени существовала в продолжение долгого

времени, но что она исходила исключительно от односторонней агрессии, и что со стороны Англии самое примирительное настроение соединялось с неизменной готовностью к возобновлению дружеских взаимоотношений путем ряда уступок.

Из этого можно сделать заключение, что антагонизм слишком глубоко коренится в положении обеих стран, в их отношении друг к другу, чтобы допустить возможность его преодоления какими-либо временными мерами, которыми Англия так давно и терпеливо пользовалась. Исходя из этого положения, надо полагать, что Германия обдуманно ведет политику, направленную по существу против интересов Англии, и что недалек момент вооруженного столкновения, если только Англия не пожертвует своими интересами, теряя при этом свою репутацию независимой великой державы, или не усилится настолько, что отнимет у Германии шансы на успех в случае войны. Таково мнение тех, кто во всей политике Германии видит определенное доказательство ее сознательного намерения установить свою гегемонию сначала в Европе, а постепенно и во всем мире.

После всего сказанного в предыдущих параграфах бесцельно было бы отрицать правильность данного объяснения событий. Налицо и доказательства, подтверждающие, что подобная концепция мировой политики дает единственное последовательное объяснение того упорства, с которым Германия стремится к сооружению мощного флота, с открытой целью медленно, но верно создать оружие, годное для того, чтобы держать возможного врага в страхе, как бы силен на море он ни был.

Однако в этом объяснении имеется одно явное противоречие. Если планы Германии идут столь далеко и так основательно продуманы, как это предполагается в приведенном объяснении,— тогда самому ограниченному немецкому рассудку станет ясным, что успех в основном зависит от того, будет ли Англия слепа по отношению к этой политике, и останется ли она в добром расположении вплоть до того момента, когда будет нанесен роковой удар ее могуществу. Для Германии было бы непреложным долгом, в ожидании того момента, когда она разовьет свои силы, завоевать и сохранить дружбу с Англией всеми доступными ей средствами. Ни один добросовестный критик не может сказать, что германское правительство до сих пор, хотя бы отдаленно, соблюдало это элементарное стратегическое правило.

Возможно, что имеется другое объяснение этого вопроса. Можно предположить, что великие планы Германии являются лишь выражением неопределенной беспорядочной и непрактичной политики [германских] государственных деятелей, не вполне ясно представляющих себе свои собственные цели; ...что фактически Германия не знает, к чему она стремится и что все ее поползновения, все ее беспокойство и тайные интриги не способствуют выработке хорошо продуманной и настойчиво проводимой системы в политике, потому что на самом деле они не являются частью такой системы... Этой гипотезой можно в значительной степени объяснить современную ситуацию.

Конечно, необходимо исключить период канцлерства Бисмарка. Было бы нелепо предположить, что такому великому государственному деятелю не были вполне ясны цели его политики. Если же предположить правдоподобность приведенной выше гипотезы, тогда следует дать разумное объяснение поведению Бисмарка по отношению к Англии после

1884 г. и еще другое объяснение для продолжения враждебности Германии после падения Бисмарка, последовавшего в 1890 г. Такая точка зрения не так нелепа, как может показаться с первого взгляда.

Бисмарк страдал тем, что граф Шувалов назвал «кошмаром коалиций». Несомненно, что он особенно боялся враждебной комбинации из Франции и России против его отечества и в качестве верного средства для противодействия этой опасности он желал ввести Англию в Тройственный союз, или, по крайней мере, вызвать ее на непосредственное столкновение с Францией и Россией, которое неизбежно поставило бы ее на сторону Германии. Он знал отвращение Англии к союзным обязательствам и ко всякой политике, которая сделала бы ее державой, на которую и Франция и Россия стали бы рассчитывать самым серьезным образом. Но Бисмарк был невысокого мнения относительно способности английских министров противостоять решительному давлению. Он очевидно полагал, что мог заставить их выбирать между дружбой с Германией и всеобщей враждой к Англии. Когда колониальная агитация в Германии предоставила ему удобный случай, он, повидимому, решил показать Англии, что во внешних делах мягкость и недостаток решительности — это не политика, и что самым разумным и наименее неприятным для Англии будет с определенностью встать на путь дружбы с Германией, и что в сотрудничестве с Германией заключается для нее освобождение от международных осложнений, так же как и ее безопасность, тогда как отказ от этого сотрудничества приведет лишь к бесславным столкновениям и к перспективе найти Германию в одних рядах с Францией и Россией с нарочитой целью нанести ущерб английским интересам.

Правдоподобность такого объяснения доказывается признанием самого Бисмарка, что точно такая политика проводилась им до 1866 года в его отношениях с мелкими немецкими государствами. Пруссия намеренно вела себя вызывающе и старалась доставить им всем как можно больше неприятностей, в твердой уверенности, что для обеспечения мира и спокойствия они скорее будут [при таком положении] следовать за ней, нежели за Австрией. Вспыхнувшая в 1866 г. война заставила Бисмарка понять, что за исключением немногих маленьких княжеств, которые фактически врезывались клиньями в территорию Прусского королевства, остальные немецкие государства целиком стали на сторону Австрии. К концу своей карьеры ему стало очевидно, что вызывающая политика в отношении Англии для того, чтобы заставить ее вступить в дружбу, несмотря на некоторый мимолетный успех, потерпела неудачу. Но к этому времени обычай вести себя вызывающим образом и оскорблять Англию превратился почти в традицию. В берлинском иностранном ведомстве последователи Бисмарка, которые очень мало унаследовали из его политических способностей и его целеустремленности, казалось, стали видеть в этом обычае самоцель политики, вместо того, чтобы рассматривать ее как дипломатический прием, рассчитанный на достижение других целей. В то время как великий канцлер заставлял Англию уступать требованиям, которые были неприемлемы скорее по форме, чем по существу, обращаясь с ней в стиле Ричарда III, ухаживающего за лэди Анной, его преемники явно пришли к убеждению, что их основная цель заключается в том, чтобы получать от Англии ценные уступки путем оскорбительных угроз и докучливого клянчанья. Опыт Бисмарка показал, что на нее можно подействовать

подобным способом убеждения без всякого риска возбудить ее длительное раздражение...

Действия Германии по отношению к нашей стране после 1890 года могут быть уподоблены действиям профессионального шантажиста, занимающегося вымогательством от своих жертв, угрожая им в случае отказа какими-то неопределенными и ужасными последствиями. Уступки угрозам шантажиста обогащают последнего, но уже давно по опыту было известно, что хотя они и дают жертве временное успокоение, но затем ведут к новым мучениям и к еще большим требованиям после недолгого периода снисходительности. Шантаж обычно разрушается после первого решительного отпора, посредством решимости открыто встретить все возможные неприятности, а не путем продолжения бесконечных уступок. Если же такой решимости нет, то более чем вероятно, что отношения между обеими сторонами станут еще хуже.

Первенство Германии на море не может быть признано совместимым с существованием Британской империи, и даже если бы последняя исчезла, то соединение в руках одного государства величайшей военной и величайшей морской мощи заставило бы весь мир объединиться, чтобы избавиться от подобного кошмара. Приобретение колоний, годных для немецкой колонизации в Южной Америке, несовместимо с доктриной Монроэ, являющейся основным принципом политического символа веры Соединенных Штатов. Создание немецкой Индии в Малой Азии в конце концов зависит от господства Германии на море, или от завоевания Германией Константинополя и стран, находящихся между нынешними юго-восточными границами Германии и Босфором. Хотя каждый из этих грандиозных планов и кажется невыполнимым в нынешних международных условиях, похоже на то, что Германия носится со всеми ими зараз, тем самым легкомысленно нагромождая на своем пути все препятствия и силы сопротивления встревоженного мира. Ее поведение только доказывает, как мало логики и последовательности и целеустремленности скрывается за той бурной деятельностью, ошеломляющими выступлениями и пренебрежительным отношением к чувствам других наций, которые столь характерны для последних выступлений немецкой политики.

Если нужно сформулировать и принять теорию, которая объяснила бы все установленные факты немецкой внешней политики, выбирать придется между двумя гипотезами: или Германия определенно стремится к общей политической гегемонии и к морскому превосходству, угрожая этим независимости ее соседей и в особенности существованию Англии.. Или же: Германия не имеет подобных и столь определенных притязаний и думает в настоящее время использовать свое законное положение и влияние, как одна из ведущих держав в семье народов, желая развить только свою внешнюю торговлю, распространить немецкую культуру, увеличить свои национальные силы, создать везде новые немецкие интересы, где только представится возможность, предоставив неизвестному будущему решать, не приведет ли течение событий к крупным переменам в международном положении, которые в один прекрасный день дадут Германии большую долю непосредственного политического влияния в странах, не входящих в состав ее владений, без нарушения уже существующих прав других стран, которые пострадали

бы, если бы ее влияние установилось там при нынешних политических условиях.

В любом случае Германия безусловно приложит все усилия к тому, чтобы построить такой сильный флот, какой только сможет...

До тех пор, пока Англия останется верной общему принципу сохранения европейского равновесия, ее интересы не требуют низведения Германии в ряды слабых держав, так как это могло бы легко повести к франко-русскому первенству, столь же, если только не еще более грозному для Британской империи. Ни одно из ныне принадлежащих Германии прав, ни территориальных, ни каких-либо других, наша страна не может стремиться ущемить. Поэтому до тех пор, пока Германия в своих действиях не перешагнет границ законной защиты своих существующих прав, она всегда может рассчитывать на симпатию и доброе отношение, и даже на моральную поддержку Англии...

Не британскому правительству препятствовать Германии в постройке флота такого размера, который она считает необходимым для защиты ее национальных интересов... Ничто не произведет в Германии такого впечатления практической безнадежности бесконечного ряда дорого стоящих морских программ, как основанное на наглядном примере убеждение в том, что на каждый немецкий корабль Англия ответит двумя, удерживая нынешнее английское превосходство.

Было бы действительно полезным, если бы было решительным тоном объявлено о намерении не мешать ни законной и мирной экспансии Германии, ни ее планам морского развития, при условии, что в то же время будет ясно дано понять, что это снисходительное отношение уступит место определенному сопротивлению при первом признаке нарушения интересов Англии или ее союзников.

Это, пожалуй, единственное средство, которое могло бы привести к прочным удовлетворительным отношениям с Германией.

Вполне вероятно, что Германия не замедлит выступить с предложением о «тесном сотрудничестве» с Англией, как она это уже часто делала. Для ответа на этот вопрос, сначала необходимо рассмотреть, что именно подразумевается под этим сотрудничеством. Англо-французская Антанта имеет весьма материальное основание и реальную цель, а именно: улаживание ряда действительно существующих серьезных разногласий. Попытки придти к соглашению с Россией, предпринимаемые Англией в данный момент, оправдываются точно таким же положением. Но поскольку англо-германское соглашение не может быть заключено на тех же основаниях, то о нем не может быть и речи. Уж было доказано, что между обеими странами не имеется разногласий по вопросам, имеющим известное значение... При существующих политических условиях для Англии нет оснований вступать в наступательный или оборонительный союз с Германией, и вряд ли было бы честным считать этот вопрос, подлежащим рассмотрению...

Путь, который,— если можно полагаться на предшествующий опыт,— почти наверное не ведет к улучшению отношений с любой державой, и менее всего с Германией,— это путь миролюбивых уступок со стороны Англии, уступок, не основанных на убеждении в их справедливости или в том, что за них будут получены соответствующие компенсации...

Однако, было бы неверным предположить, что имеется в виду что-либо направленное в ущерб Германии. Наоборот, то же самое правило, естественно, будет применяться ко всем другим державам. Будет не бесполезно оглянуться назад на отношения Англии с Францией до и после 1898 года. Обращение к официальным данным покажет, что с 1882 года Англия разрешала все увеличивающееся количество французских требований и нарушений английских прав, в том же примирительном духе, который руководил ею в сношениях в Германией. Естественным результатом этого было то, что каждое французское правительство начинало политику нажима на Англию — вплоть до кризиса, наступившего в год Фашоды, когда дело шло о сохранении английских позиций на верхнем Ниле. Тогдашний французский министр иностранных дел утверждал, подобно его предшественникам, что кажущееся сопротивление Англии недостаточно энергично и должно прекратиться под угрозой вызвать неудовольствие Франции. Ничто не могло убедить его в том, что Англия в подобном вопросе может встать на путь упорного сопротивления. Именно это ошибочное впечатление, оправдывавшееся в глазах французского кабинета тем, что оно основывается на его данных об английской политике, привело эти две державы на грань войны. Когда фашодский инцидент был исчерпан справедливым поражением Франции, она некоторое время оставалась недовольной, а враги Англии радовались, так как считали, что между обеими легла непроходимая пропасть. На самом деле фашодские события оказались началом новой главы в развитии англо-французских отношений...

Хотя Германия не получала такого резкого отпора, какой встретила Франция в 1898 году, события, связанные с Алжезирасской конференцией, казалось, произвели на германское правительство действие неожиданного откровения, ясно показавшего признаки того нового духа, которого Англия намеревается придерживаться в своем поведении по отношению к Франции, с одной стороны, и к Германии, с другой. Что результатом [конференции] было очень серьезное разочарование Германии, было ясно видно из того смятения, которое создало в стране подписание алжезирасского акта. Официальные, полуофициальные и неофициальные круги соперничали в выражении своего удивления и недовольства. С тех пор прошло, конечно, еще мало времени, но за этот промежуток можно было наблюдать, что наши отношения с Германией если и не отличались настоящей сердечностью, то во всяком случае были совершенно лишены каких бы то ни было симптомов прямых недоразумений, и создается впечатление, что Германия теперь дважды подумает, раньше чем возбудить какие-либо новые разногласия.

(British Documents on the Origins of the War, 1898—1914, vol. III, London, 1928, p. 397—420).

№ 94. ТИРПИЦ О ЗНАЧЕНИИ ФЛОТА ДЛЯ ГЕРМАНИИ

...Мы не могли бы приобрести дружбу и сочувствие Англии иначе, как превратившись снова в бедную земледельческую страну....

...Между тем как в первое десятилетие нынешнего века гигантский размах германской промышленности мог еще развиваться без поддержки военной силы главным образом потому, что Франция и Россия не были еще «готовы», в 1914 г. выяснилось, наоборот, что Англия стала наи-

более медлившей с объявлением войны державой Антанты. Если бы не было германского флота, то мы недолго имели бы возможность продолжать наше торговое соревнование, находясь между тремя державами Антанты...

В первые годы политики окружения Англия не принимала еще всерьез сооружение германского флота...

...Впервые взглянули иначе на нашу морскую программу в 1904 г. В этом году, вопреки моему желанию, на кильской неделе на смотр Эдуарда VII были выведены все те корабли, которыми мы обладали, и кайзер в своем тосте торжественно отметил «вновь укрепляющееся морское значение вновь образованной Германской империи». Король Эдуард отвечал холодно и во время смотра наших кораблей обменивался с первым лордом адмиралтейства Сельборном многозначительными взглядами и словами, которые подействовали на меня неприятно. Англичанам было не по себе при виде того, что мы создали так много при столь ограниченных средствах и твердо осуществляли органическое развитие, планомерность которого превосходила их собственную...

Поднимался вопрос о том, не пожелает ли Англия именно потому, что мы строим флот, задушить его в зародыше, т. е. начать превентивную войну? В самом деле в 1904—1908 годах мы были не слишком далеко от этой опасности; с одной стороны, тогда была признана серьезность работы нашего морского ведомства, но с другой—наша сила была еще слаба. Только неподготовленность Франции и английской армии в то время помешала столкновению. Это и была та опасная зона, которую нам, согласно взгляду Бюлова и моему, предстояло пройти.

...Направленное против нас сосредоточение английского флота, осуществленное затем лордом Фишером, было подчеркнуто в феврале 1905 г. речью гражданского лорда адмиралтейства Ли, который без всякого явного повода объявил, что британский флот в случае необходимости сумел бы нанести первый удар, прежде чем по другую сторону Северного моря успели бы прочитать в газетах об объявлении войны. Поведение Англии в 1904—1905 гг. доказало, что она очень склонна была в то время одним военным ударом совершенно уничтожить все мировое положение Германии. Тогдашняя склонность к войне объясняима тем, что сама по себе война не заключала еще для Англии никакого риска...

(Tirpitz, A. Erinnerungen. Leipzig, 1919, S. 167, 170—173).

№ 95. ФРАНКО-ИСПАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О status quo В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ПАРИЖЕ 15 мая 1907 года

Декларация, подписанная французским министром иностранных дел Пишоном и врученная испанскому послу в Париже Муни.

Одушевленное желанием содействовать всеми возможными средствами сохранению мира и убежденное, что поддержание территориального status quo и прав Франции и Испании в Средиземном море и в части Атлантики, омывающей берега Европы и Африки, должно действительным образом содействовать достижению этой цели, оставаясь вместе с тем выгодным для обоих народов, которых, впрочем, объединяют узы вековой дружбы и общности интересов.

Правительство Французской республики желает довести до сведения его католического вел-ва нижеследующую декларацию, с твердою надеждою, что она будет содействовать не только укреплению доброго согласия, которое столь счастливо соединяет оба правительства, но и будет также служить делу мира:

Общая политика правительства Французской республики в вышеуказанных районах имеет целью поддержание территориального status quo... и соответственно этой политике указанное правительство имеет твердое решение сохранять неприкосновенными права Французской республики на ее островные и морские владения, расположенные в названных местностях.

В случае, если бы произошли новые обстоятельства, которые, по мнению правительства Французской республики, могли бы либо изменить, либо содействовать изменению существующего status quo, указанное правительство вступит в сношения с правительством его католического вел-ва, дабы сделать для обоих правительств возможным совещание, поскольку оно будет признано желательным, о мерах которые необходимо принять сообща.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 331. Док. 322).

№ 96. АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ 18/31 августа 1907 года

Е. в. имп. всеросс. и е. в. король Великобритании..., воодушевленные искренним желанием уладить... различные вопросы, касающиеся интересов их государств на азиатском материке, решили заключить соглашения, предназначенные предупреждать всякий повод к недоразумениям..., и назначили... (Россия — Извольского, Великобритания — Никольсона)...

А. Персия.

Прав-ва России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны,... принимая во внимание, что каждое из них имеет, по причинам географического и экономического свойства, специальный интерес в поддержании мира и порядка в некоторых провинциях Персии, смежных или соседних с русской границей, с одной стороны, и с границами Афганистана и Белуджистана, с другой, и желая избежать всякого повода к столкновению между их взаимными интересами в персидских провинциях..., согласились о нижеследующих положениях:

1. Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства... по ту сторону линии, идущей от Касри-Ширина через Исфаган, Иезд, Хакк и оканчивающейся в точке на Персидской границе при пересечении границ русской и афганской, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым российским правительством...

2. Россия, со своей стороны, обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в

пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства... по ту сторону линии, идущей от афганистанской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивающейся в Бендер-Аббасе, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым британским правительством...

3. Россия обязуется, со своей стороны, не противиться, не уговорившись предварительно с Англией, тому, чтобы какие-нибудь концессии были выдаваемы британским подданным в областях Персии, расположенных между линиями, упомянутыми в статьях 1 и 2.

Великобритания принимает тождественное обязательство в том, что касается концессий, могущих быть выданными русским подданным в тех же областях Персии...

5. В случае неисправностей в погашении или уплате процентов по персидским займам, заключенным в Учетно-Ссудном банке Персии и в Персидском Шахиншахском банке до дня подписания настоящего соглашения, и если представится необходимость для России установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным в первом из сказанных банков и расположенными в области, упомянутой в статье 2 настоящего соглашения, или же для Великобритании — установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным во втором из сказанных банков, и расположенными в области, упомянутой в статье 1 настоящего соглашения,— правительства российское и английское обязуются войти предварительно в дружественный обмен мыслей в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля...

Б. Афганистан.

Высокие договаривающиеся стороны в видах обеспечения совершенной безопасности на обоюдных границах Средней Азии... заключили следующую конвенцию:

Ст. 1. Правительство его британского вел-ва объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Афганистана.

Правительство его британского вел-ва обязуется, кроме того, осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле и оно не примет само в Афганистане и не будет поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России.

Со своей стороны, российское императорское правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредством правительства его британского вел-ва; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан.

Ст. 2... Великобритания обязуется не присоединять или занимать... какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые им по отношению к прав-ву его британского вел-ва...

Ст. 4. Правительства России и Великобритании объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были или будут при-

обретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба правительства условятся о мерах, какие следует принять, взяв, конечно, во внимание верховные права эмира.

В. Тибет.

Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом и принимая во внимание, что вследствие своего географического положения Великобритания имеет специальный интерес в том, чтобы видеть существующий порядок внешних сношений Тибета сохраненным полностью, условились:

Ст. 1. Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление.

Ст. 2. Сообразуясь с признанным принципом сюзеренитета Китая над Тибетом, Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только через посредство китайского прав-ва. Это обстоятельство не исключает, однако, непосредственных сношений английских коммерческих агентов с тибетскими властями, предусмотренных... (следуют ссылки на статьи англо тибетского и англо-китайского соглашений 1904 и 1906 годов).

Считается, конечно, условленным, что буддисты как русские, так и британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с далай-лама и другими представителями буддизма в Тибете; правительства России и Великобритании обязуются, насколько от них будет зависеть, не допускать, чтобы эти сношения могли нарушить постановления настоящего соглашения.

Ст. 3. Российское и великобританское правительства обязуются, каждое за себя, не посылать представителей в Лхассу.

Ст. 4. Обе высокие стороны обязуются не домогаться или приобретать ни за свой собственный счет, ни в пользу своих подданных, никаких концессий..., ни других прав в Тибете.

Ст. 5. Оба правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета, ни в натуре, ни деньгами, не может быть заложена как России и Великобритании, так и их подданным.

Нота, врученная великобританским послом российскому министру иностранных дел. С.-Петербург, 18/31 августа 1907 года.

Ссылаясь на соглашение относительно Тибета, подписанное сегодня, имею честь сделать вашему превосходительству нижеследующее заявление:

Британское правительство считает полезным, поскольку от него будет зависеть, не допускать,— кроме как по предварительному соглашению с российским правительством,— в течение трех лет со дня настоящего сообщения, доступа в Тибет какой-либо научной экспедиции под условием, однако, чтобы подобное же заверение было дано со стороны российского имп. правительства.

Британское правительство, кроме того, обратится к китайскому правительству с целью побудить последнее принять на себя подобное же обязательство на соответствующий срок; само собой разумеется, что такой же шаг будет предпринят российским правительством.

По истечении трехлетнего срока, приведенного выше, британское правительство обсудит по взаимному согласию с российским правительством вопрос о желательности, если к тому представится надобность, принятия дальнейших мер в отношении научных экспедиций в Тибет [1].

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 333—336. Док. 326).

---

[1] Извольский того же 18/31 августа 1907 года, ответил Никольсону аналогичной нотой.

IV. ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В 1909—1914 гг.

№ 97. ВЫПИСКА ИЗ ЗАПИСКИ ЭРЕНТАЛЯ. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ, ПРОИСХОДИВШЕЙ 16 сентября 1908 г. В ЗАМКЕ БУХЛАУ С РУССКИМ МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИЗВОЛЬСКИМ

...Результаты, к которым мы пришли были следующие:

...Что касается аннексии Боснии и Герцеговины, то г-н Извольский вначале пытался окопаться за формулой, которую в свое время предлагал Муравьев. На мое указание, что я не могу удовлетвориться таким ответом, и что России пора занять окончательную позицию в этом, уже так часто обсуждавшемся вопросе, он, не задумываясь, заявил мне, что если мы будем вынуждены приступить к аннексии, то Россия отнесется к этому событию дружественно и благожелательно. Одновременно русский министр признал бо́льшую умеренность и сдержанность, которые мы проявляли, отказавшись от санджака, и высказал мнение, что «совершившийся факт» аннексии представился бы в более благоприятном свете, если бы одновременно с этим последовал вывод наших войск из санджака.

...Г-н Извольский заметил, что он отнюдь не относится с подозрительностью к консолидации владений монархии, которая последует благодаря аннексии Боснии Герцеговины. Но, давая свое согласие, он не может упускать из вида специально русские интересы и должен также взвесить, как повлияет вызванное нами изменение Берлинского трактата на Балканские государства и на общее положение в Турции.

Коснувшись русских интересов, г-н Извольский формулировал свои давнишние желания относительно прохода русских военных судов через проливы. Он начал с того, что повторил заявления, которые уже неоднократно прежде делали при таких обстоятельствах русские государственные деятели, что Россия не стремится к территориальным приобретениям ни в Константинополе, ни в его окрестностях. При изменении договоров, которые он имеет в виду, речь идет исключительно о чисто академическом постановлении, дающем России возможность усиливать свои различные эскадры за счет судов Черноморского флота, не прибегая к до-

рогостоящему сооружению новых судов. В этом смысле, с нашей стороны, потребовалось бы согласие на формулу приблизительно следующего содержания:

В случае, если бы Россия, по соображениям своих интересов, сочтет нужным предпринять шаги с целью добиться свободного прохода через Дарданеллы для отдельных русских военных судов, Австро-Венгрия обещает соблюдать благожелательную и дружественную позицию. Разумеется, что такое изменение существующего права не должно ни в какой мере затрагивать независимость и безопасность оттоманской столицы; и другим государствам, расположенным по берегам Черного моря, будут предоставлены такие же права.

Я возразил г-ну Извольскому, что нам необходимо подготовить почву для политического соглашения с Россией и на будущее время. Поэтому мы готовы дружески пойти ей навстречу и в этом вопросе, и я могу обещать ему, что мы согласимся принять его формулу, если Россия тем временем при аннексии Боснии и Герцеговины докажет нам свое благожелательное и дружеское отношение. Решение вопросов должно, во всяком случае, последовать в том смысле, что проход русских военных судов будет совершаться только поодиночке, а не эскадрами, что Константинополь останется неприкосновенным под властью Турции и ничто не будет угрожать безопасности и независимости турецкой столицы. Г-н Извольский был очень обрадован обещанным мною согласием на его формулу, и выразил надежду, что ему удастся найти такую редакцию, которая может быть принята и другими заинтересованными сторонами. На мой вопрос, зондировал ли он уже английский кабинет, русский министр ответил отрицательно и заметил, что ему еще предстоит тяжелая задача привлечь на свою сторону Сен-Джемский кабинет.

Впрочем, он надеется и в Лондоне достичь благоприятного результата, так как Англия за последние годы проявляет значительно меньший интерес к вопросу о проливах. Не так гладко шли наши переговоры относительно уступок, которые, может быть, пришлось бы предоставить Сербии и Черногории. Здесь г-н Извольский выступил со странным предложением, что может быть следовало бы расположить оба эти государства в пользу аннексии посредством исправления их границ за наш счет. Я весьма решительно высказался против этой странной мысли и заявил г-ну Извольскому, что о такой комбинации не может быть и речи. Совершенно исключена возможность того, чтобы монархия вела переговоры с каким-нибудь балканским государством об уступке хотя бы одного километра. В особенности же это относится к Сербии, которая ведет по отношению к нам враждебную и коварную подрывную политику. Единственно, что может в этом отношении сделать г-н Извольский, это утешить сербские круги указанием на то, что если королевство будет теперь вести себя корректно, то современем, когда на Балканском полуострове произойдут большие перемены, оно может остаться неприкосновенным, тогда и Австро-Венгрия со своей стороны не будет препятствовать территориальному расширению Сербии в южном направлении.

...В заключение г-н Извольский поставил вопрос: когда мы будем считать, что наступил момент для провозглашения аннексии Боснии и Герцеговины? Я ответил ему, что это в первую очередь будет зависеть от того, каковы будут вести из Сараева и Плевле. Но весьма возможно, что аннексия будет провозглашена уже в начале октября, незадолго до

созыва делегации. Когда г-н Извольский заметил, что ему было бы приятнее, если бы это событие совершилось уже после его возвращения в С.-Петербург в середине октября этого года потому, что тогда он имел бы возможность сам направлять русское общественное мнение, я немедленно заявил, что и мне было бы гораздо приятнее, если бы г-н Извольский в момент аннексии находился в С. Петербурге, но что мы находимся в безвыходном положении и поэтому, как сказал, я не могу обещать, что аннексия не будет произведена еще до созыва делегации. Во всяком случае он будет мною своевременно предупрежден об этом.

(Die Aussenpolitik Österreich-Ungarns, Bd. I).

№ 98. АННЕКСИЯ АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ РЕСКРИПТЫ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ИОСИФА от 5 октября 1908 года

А. На имя министра иностранных дел Эренталя

Проникнутый непоколебимым убеждением, что высокие культурные и политические цели, ради которых Австро-Венгерская монархия предприняла занятие и управление Боснии и Герцеговины, и достигнутые ценою тяжких жертв успехи предшествовавшего управления могут быть обеспечены лишь путем предоставления соответствующих его потребностям конституционных установлений, для введения которых, однако, непременной предпосылкой является создание ясного и недвусмысленного правового положения обеих стран, — я распространяю права моего суверенитета на Боснию и Герцеговину и делаю одновременно установленный для моего дома порядок наследования действительным также и для этих стран. В засвидетельствование мирных намерений, которые мною руководили в этом неизбежном решении, я отдаю одновременно приказ об очищении Ново-базарского санджака от размещенных там частей войск моей армии.

Б. На имя министра финансов Буриана

Я решил сделать права моего суверенитета, равно как установленный для моего дома порядок наследования, действительными также и для Боснии и Герцеговины.

Одновременно я направляю вам обращенное к населению этих стран воззвание и уполномачиваю вас сделать то, что требует для его распубликования.

...Моя воля такова, чтобы подданным Боснии и Герцеговины были в полной мере даны и обеспечены гражданские права...

Представительный орган, который имеет быть создан и построен на принципе представительства интересов, должен являться наивозможно точным отражением существующих в обеих странах национальных, исповедных и культурных отношений.

Чтобы дать населению вновь приобретенных стран доказательство моего серьезного стремления к обеспечению их правового положения и удовлетворительного устройства их внутренних дел, я приглашаю их настоящим представить мне со всею срочностью проекты, выработанные в

духе настоящих положений, чтобы новая конституция страны могла как можно скорее войти в действие.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I. стр. 340. Док. 333).

№ 99. АВСТРО-ТУРЕЦКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ОБ УСТУПКЕ АВСТРИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ 26 февраля 1909 года

(Уполномоченные: Австро-Венгрии—Паллавичини, Турции—Гусейн—Гильми-паша и Нарадунгиан).

Ст. 1. Австро-Венгрия определенно заявляет о своем отказе от всех прав, которые были даны ей в отношении Ново-базарского санджака берлинским трактатом и константинопольской конвенцией 21 апреля 1879 года.

Ст. 2. Конвенция 21 апреля 1879 года, равно как протест Блистательной Порты против решения... австро-венгерского правительства о Боснии и Герцеговине... отменяются и заменяются настоящим протоколом, который констатирует, что всякое разногласие по вопросу об этих двух провинциях устранено между ними и что Оттоманское правительство определенным образом признает новое положение вещей в Боснии и Герцеговине, созданное указанным решением.

Ст. 4. (Обеспечение свободы культа и всех политических прав за живущими в Боснии и Герцеговине мусульманами. Имя султана, как халифа, будет упоминаться в мечетях).

Ст. 6. (Обязательство Австро-Венгрии заключить с Портою торговый договор на основах публичного европейского права, т. е. с отменой капитуляций. Согласие Австро-Венгрии на поднятие Турцией таможенных пошлин с 11 до 15% ad valorem[1]).

Ст. 8. В силу того, что Блистательная Порта имеет в виду открыть путем европейской конференции или иначе с заинтересованными великими державами переговоры, в целях прекращения в Турции капитуляционного режима и замены его режимом международно-правовым, Австро-Венгрия, признающая основательность этих намерений Блистательной Порты, заявляет ныне же о своей готовности оказать ей в этих целях свою полную и искреннюю поддержку...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 342. Док. 336).

№ 100. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛА КОНРАДА ФОН ГЕТЦЕНДОРФА

Как протекал аннексионный кризис

4 и 17 января 1909 г. у меня были совещания с бароном Эренталем.

На первом совещании барон Эренталь присоединился к моему мнению, что конфликт с Сербией должен быть решен силою оружия, потому что через 2—4 года Россия и Италия будут в состоянии притти на помощь сербам, и тогда мы можем оказаться вовлеченными в войну одно-

[1] Ad valorem, т. е. от цены товара.

временно с Россией, с Италией и на Балканах, чего во что бы то ни стало надо избегать. Однако, на совещании 17 января он совершенно изменил свое мнение, заявил, что присоединение Сербии не осуществимо, так как мы не в состоянии переварить Сербию; он сказал, что задачей его политики является только всемерное обеспечение аннексии Боснии и Герцеговины.

Он добавил, что дальнейшее могут сделать его преемники. Барон Эренталь не принял при этом во внимание, что не может быть речи об обеспечении аннексий до тех пор, пока Сербия продолжает существовать в качестве второго Пьемонта. У меня не было никаких сомнений в том, что он изменил свое мнение под влиянием венгерских кругов, которые противились присоединению к монархии новых южно-славянских областей, из опасения, что это создаст опасный противовес мадьярскому элементу. Такая точка зрения постоянно и упорно отстаивалась с венгерской стороны и в последующие годы, в особенности графом Тиссой.

(Conrad, Feldmarschall. Aus meiner. Dienstzeft 1906—1918, Bd. I, Wien..., 1921 S. 138).

№ 101. РУССКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ В РАККОНИДЖИ[1]

1. Россия и Италия должны стараться в первую очередь сохранить status quo на Балканском полуострове.

2. Во всех случаях, могущих возникнуть на Балканах, они должны придерживаться применения национального принципа путем развития Балканских государств, в целях устранения всякого иностранного преобладания.

3. Они обязуются сообща противодействовать всем противоположным стремлениям в целях вышеизложенного. Под «действиями сообща» нужно подразумевать дипломатические действия, всякое же действие другого порядка должно естественно оставаться до последующего соглашения.

4. Если Россия и Италия захотят заключить для Восточной Европы новые соглашения с третьей державой сверх тех, которые действуют сейчас, каждая из них должна это делать только с участием другой.

5. Италия и Россия обязуются соблюдать с благожелательством, одна — интересы России в вопросе о проливах, другая — интересы Италии в Триполитании и Киренаике.

(Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., М., 1922, стр. 298).

№ 102. ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО МАРОККСКОМУ ВОПРОСУ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В БЕРЛИНЕ 8 февраля 1909 года

(Уполномоченные: Франции—Ж. Камбон, Германии—Кидерлен-Вехтер).

Правительство Французской республики и имп. германское правительство, одушевленные одинаковым желанием облегчить выполнение алжезирасского акта, согласились точнее определить значение, которое они придают его постановлениям, дабы избегнуть всякой причины для недоразумений между ними в будущем.

---

[1] 11/24 октября 1909 г. — Сост.

Вследствие этого,

правительство Французской республики, всецело приверженное мысли о поддержании целости и независимости шерифской империи, решившее ограждать в ней экономическое равенство и соответственно этому не препятствовать в ней коммерческим и промышленным интересам Германии, и

имп. германское правительство, преследующее в Марокко лишь экономические интересы, признающее с другой стороны, что особые политические интересы Франции тесно связаны в Марокко с укреплением порядка и внутреннего мира, и принявшие решение не препятствовать этим интересам,

заявляют, что они не будут преследовать и не будут поощрять никаких мер, могущих создать в их пользу или в пользу какой-либо державы экономическую привилегию, и что они будут стараться включать своих подданных в те предприятия, права на которые каждому из правительств удалось бы получить...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 341).

№ 103. К ИСТОРИИ ПОТСДАМСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1911 г.

Из статьи А. Ерусалимского

Потсдамское соглашение представляет большой интерес прежде всего как попытка. Последняя перед войной крупная попытка царской России, окончательно включившейся в систему Антанты, — договориться по крупным вопросам с германским империализмом. Вместе с тем оно показывает, какое объективное значение имеют империалистические «соглашения» в процессе обострения борьбы за передел мира. Перед нами типический пример того, кто является обычно страдательным объектом империалистских соглашений, против кого они направлены. Наконец, тут раскрываются обычные методы хищнической и реакционной, по самой классовой природе своей, политики империализма.

В эпоху монополистического капитализма царская Россия перестала быть единственной и главной реакционной силой в Европе. Революция 1905 г. нанесла могучие удары царизму, и последнему, некогда являвшемуся оплотом европейской реакции в борьбе против демократического движения, самому пришлось обращаться за помощью, чтобы продлить свое существование. Помощь эта, как известно, была предоставлена Западной Европой, где, — пишет Ленин, — «вполне сложилось к этому времени международная реакция буржуазных правительств» [1].

Едва оправившись от ударов революции, царизм в союзе с империалистскими государствами Западной Европы снова пытается разрешить свои внутренние противоречия за счет колониальной экспансии, пытается активно выступить на международно-политической арене, пытается создать видимость дипломатических успехов. При активной поддержке русской империалистской буржуазии царизм заключает соглашение с Англией — соглашение, которое Ленин тогда же оценивал, как орудие империалистской борьбы против поднимающегося национально-освободитель-

---

[1] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 112, изд. 2-е, «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию».

ного движения азиатских народов, как крупнейший этап в перегруппировке империалистских держав на пути к всеобщей войне за передел мира. «Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии, — писал Ленин в конце октября 1908 г., — затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов, — вот два двигателя всей европейской политики»[1]. Действительно, англо-русское соглашение 1907 г., направленное в первую очередь против колониальных и полуколониальных народов, сильно обострив всю систему империалистских отношений, отнюдь не сняло противоречий между двумя договорившимися сторонами. В этом очень скоро смог убедиться и русский царизм, который при первом же, после революции, активном своем выступлении на Балканах встретил противодействие не только со стороны своей старой соперницы Австро-Венгрии, за спиной которой стояли с ультиматумом в руках представители германского империализма, но и со стороны своего новоявленного и опасливого друга—британского империализма, за спиной которого стыдливо спряталась не слишком верная французская союзница, ревниво оберегавшая прежде всего свои собственные интересы. Это достаточно ярко проявилось и непосредственно в самой Персии, где англо-русское соглашение оказалось достаточно мощным политическим оружием для совместной борьбы с революцией в Азии, но не могло преодолеть развернувшегося тут империалистского соперничества. История и результаты Боснийского кризиса были учтены русским царизмом как поучительный урок. Предотвратив неизбежное дипломатическое поражение вооруженным выступлением оказалось невозможным не только потому, что международная обстановка была совершенно неблагоприятна для царской России: развязать войну—значит развязать революцию, это Столыпин мог авторитетно заявить всеми словами. Если нельзя было воевать, нужно было договариваться, — и это заставляло царизм искать пути сближения с германским империализмом и вскоре привело в Потсдам. Путь этот, конечно, вызвал недовольство и возбуждение в руководящих кругах английского империализма: тем лучше, с точки зрения правящих кругов царской России — пусть англичане пожнут то, что они посеяли во время Боснийского кризиса, и пусть научатся быть более податливыми в отношении своих русских друзей. В связи с непосредственно надвигавшейся угрозой проникновения нового и сильного соперника в Персию — империалистской Германии, переговоры с этой последней стали для царской России еще более необходимыми и планы русско-германского соглашения приобрели таким образом конкретное содержание.

Опубликованные ранее материалы дали возможность уяснить реальную картину экономических и политических интересов царской России в Персии[2]. В дополнение к этим материалам публикуемый ниже документ выясняет подлинные мотивы, определившие позицию царской России в ее потсдамских переговорах с Германией по персидским вопросам. По существу, перед нами довольно точная инструкция Сазонову, только что назначенному управляющему министерством иностранных дел и призванному ликвидировать неудачи своего предшественника в целях лучшего

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 358. «События на Балканах и в Персии».

[2] См. «Красный архив», т. LIII, «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны», т. LVI «Англо-русское соперничество в Персии».

и более безопасного проведения столыпинской линии в вопросах внешней политики. Позиция, занятая царской Россией в потсдамских переговорах, давно и хорошо известна. И потому наиболее интересной в переговорах с Германией по персидскому вопросу является представленная тут аргументация и расчеты, определившие эту позицию.

С точки зрения интересов царской России самая готовность поставить в переговорах с Германией персидский вопрос означала отступление, — притом довольно значительное. Еще незадолго до заключения англо-русского соглашения, а именно 18 июня 1907 г., — со стороны германского империализма, стремившегося сорвать намечавшуюся новую враждебную комбинацию, сделано было предложение, возрожденное впоследствии в потсдамских переговорах. Германское правительство тогда обязывалось «не добиваться ни для себя, ни в пользу германских или иностранных подданных железнодорожных, шоссейных или телеграфных концессий в северной Персии при следующих условиях: 1) Россия, в видах соединения сети будущих железных дорог в Персии с Багдадской дорогой, озаботится сооружением в первую очередь линии, которая бы примкнула на турецко-персидской границе, к линии Садидже-Ханекен, как только эта последняя линия будет окончена, 2) на путях сообщения между Турцией и Германией не будет установлено транзитных пошлин или диференциальных тарифов и 3) германская торговля будет пользоваться в Персии полной свободой» [1].

Тогда, в 1907 г., накануне своего соглашения с Англией, царское правительство отвергло германские притязания, считая их столь далеко идущими и столь для себя невыгодными, что сочло возможным просто не отвечать на сделанные предложения.

Спустя три года царское правительство вынуждено было об этих условиях вспомнить и рассматривать их как возможную базу для переговоров. Но так как в связи с продвижением Багдадской железной дороги появилось серьезное основание опасаться, что Германия сделает попытку получить концессию от Ханекена на Тегеран взамен предоставления Персии займа, — то в Петербурге сначала подумали о том, нельзя ли вышибить опасного германского соперника, крепко ударив по Персии: «нам прежде всего следует, — полагал русский министр финансов, — испытать все средства давления на Персию с целью воспрепятствовать благоприятному для Германии исходу дела» [2]. Предполагалось при этом в качестве «важнейшего из доступных нам способов воздействия» потребовать от Персии невозможного — прежде всего выкупа старых займов 1900—1902 гг. Правда, это было менее выгодно по сравнению с тем, что несли с собой англо-русские условия о предоставлении Персии нового займа, но все же это казалось лучшим выходом из положения ввиду «столь опасного для нас оборота немецкой политики в Персии». Необходимо было добиваться, по выражению Сазонова, «существенно важного результата, а именно, общего улучшения наших отношений с Германией» [3] и поэтому пришлось итти по другому пути, который и привел, в конце

---

[1] Письмо министра финансов тов. министра иностранных дел от 21 апреля 1910 г. за № 291. — Архив революции и внешней политики Перс. ст. № 4464. — Даты везде указаны по новому стилю.

[2] Письмо министра финансов тов. министра иностранных дел от 27 апреля 1910 г. за № 291. — Архив революции и внешней политики Перс. ст. № 4464.

[3] См. журнал заседания Особого совещания по персидским делам.

концов, в Потсдам. При этом царское правительство, которое в Персии больше проводило интересы капиталистического империализма новейшего типа, хотя военно-феодальные методы эксплоатации там также давали себя знать, — отлично отдавало себе отчет в том, какую угрозу экономическим и политическим интересам русского империализма несла с собой германская экспансия на этом театре колониальной эксплоатации. Но так как германские проекты постройки своими собственными средствами Ханекенской железнодорожной ветки, т. е. соединения Багдадской дороги с Тегераном, означали бы завоевания персидского рынка и, в частности, сферы русского влияния германскими товарами, и, более того, это означало бы создание в Персии наряду с русской и английской зонами влияние третьей зоны — германской,—то из всех зол нужно было выбирать меньшее: в данном случае приходилось ставить вопрос о том, чтобы дело постройки линии Тегеран — Ханекен взять в свои собственные руки.

«При всей своей очевидной невыгодности для нас с точки зрения наших политических интересов в Персии, — писал русский министр финансов, — такая постановка дела представляется однако для нас менее неблагоприятной, чем получение самой Германией концессии на линию Ханекен — Тегеран» [1].

С точки зрения военно-стратегической, эта дорога не представляла для царской России существенной угрозы, и главная задача заключалась в том, чтобы ликвидировать те неизбежные экономические невыгоды, которые несла в будущем эта дорога, облегчая германскому империализму вытеснение своего русского соперника, который опирался тут на персидское бездорожье и монополию своей военной силы. «Нужно, в ограждение нашей торговли, чтобы соединение Тегерана с русскими линиями состоялось раньше постройки ветки на Ханекен — Багдад, потому что иначе неминуем полный захват рынков немецкими товарами», — заявил министр путей сообщения Рухлов. Но и это предприятие исторически повисло в воздухе: русский империализм оказался на это неспособным.

Интересно однако, что царизм накануне потсдамских переговоров пытался еще раз политически застраховать свою позицию, которая Столыпиным формулирована была следующим образом: 1) «мы подтверждаем свое преимущественное право приобретать, когда это будет нам удобно, железнодорожные концессии в северной Персии; 2) линию Тегеран — Ханекен беремся выстроить лишь по завершении линии Энзели — Тегеран и при условии персидской правительственной гарантии». Если принять во внимание, что царское правительство, понимая обременительный характер этой гарантии, заранее отказывалось брать ее на себя, то понятно будет, что это означало для опустошенной казны Персии, которая и не могла до поры до времени подозревать, как дорого ей придется расплатиться за условия русско-германского соглашения.

Как бы то ни было конечные пункты отступления были уже намечены, но, чтобы до них не докатиться, решено было придать предстоящим потсдамским переговорам «лишь очень общий характер» с тем, чтобы не «связывать себя никакими определенными обещаниями».

Известно, что содержание потсдамских переговоров, протекавших в ноябре 1910 г., существенно отличается от содержания того, что называется Потсдамским соглашением, подписанным фактически в Петер-

---

[1] Письмо министра финансов тов. министра иностранных дел от 21 апреля 1910 г.

бурге 19 августа 1911 г. Советское[1] и германское издания[2] соответствующих документов показывают, что персидский вопрос рассматривался лишь как один из элементов в общей системе русско-германских отношений и под углом зрения основных империалистских противоречий, ведущих к вооруженному столкновению в целях передела мира. Известно, что германский империализм готов был заявить об отказе от поддержки австрийской наступательной политики на Балканах, но взамен этого требовал, чтобы царская Россия отказалась от «намерения оказывать поддержку враждебной Германии политике в случае, если бы таковой придерживалась Англия»[3].

Выйти из системы Антанты царская Россия, конечно, не могла, да и плата, предлагавшаяся за это германским империализмом, была ничтожно мала: царизм накапливал силы для империалистских захватов, а ему было предложено сохранение существующего положения вещей и роль пассивного зрителя в подготовлявшейся схватке между английским и германским империализмом. Дальнейшие попытки зафиксировать сделанные Германией предложения в качестве основы для переговоров были со стороны царского правительства довольно решительно отклонены. На поверхности остался таким образом только персидский вопрос, и тут царской России, которой, как указывалось выше, необходимо было спасать все, что можно, пришлось отступить на заранее намеченные позиции.

Уже первые сведения о содержании русско-германских переговоров по персидским делам вызвали бурное негодование русской буржуазии. На квартире у П. П. Рябушинского созвано было совещание крупных промышленников Московского района совместно с рядом членов Государственной думы. На совещании, куда вызван был для ответа и дачи разъяснений представитель министерства иностранных дел Клемм, хозяин дома «сам» Рябушинский выступил с пространным докладом о значении Персии как рынка для экспорта русских товаров. Признанный лидер московских промышленников указывал на огромные размеры русско-персидской торговли и на все возрастающее значение русского экспорта, который занял в Персии первое место среди других промышленных стран, вывозящих туда свои товары. Общий оборот русско-персидской торговли достиг 393 млн. кран. 80% русского ввоза в Персию падало на хлопчатобумажные изделия. Всех этих успехов русская буржуазия добилась лишь в результате больших усилий, в результате того, что Персия согласилась на крайне невыгодные для нее и потому навязанные ей таможенные тарифные соглашения, наконец,— и это самое главное,— потому, что русская буржуазия всегда опиралась на политическое и военное влияние царизма. При таких условиях, — указывал далее П. П. Рябушинский,— развитие железнодорожного строительства в Персии и в особенности соединения Багдадской железной дороги с Тегераном принесет с собой самые пагубные последствия для экспорта русских товаров, который будет уничтожен экономическим проникновением Германии. Более того, проектируемое сначала проведение железных дорог, соединяющих Тегеран с русским Закавказьем, окажется не столько орудием укрепления русских экономических интересов в Персии, сколько проводником встреч-

[1] См. «Красный архив», т. III, а также «Материалы по истории франко-русских отношений», М., 1922.
[2] См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», Bd. 27, Kap. 218, 219.
[3] «Красный архив», т. III, стр. 10.

ного потока товаров, проникающих таким образом с юга в русскую зону влияния. Рябушинского энергично поддержал известный русский промышленник, член Государственного совета Крестовников, который при этом обрушился не только на проект русско-германского соглашения, но и на проект Трансперсидской железной дороги, имеющей в виду соединить сеть русских железных дорог с индийскими дорогами. Крестовников при этом довольно прозрачно намекнул, что если в этой дороге кто-либо действительно заинтересован, то это, во всяком случае, не те, кто представляет собою истинно русский капитал.

Русская буржуазия требовала от царизма проведения в Персии обычной политически-реакционной линии сохранения персидского бездорожья и настойчиво настаивала на том, чтобы военно-феодальная охрана обеспечила ее капиталистические интересы в Персии.

Вызванный для дачи объяснений представитель министерства иностранных дел указал, что русская буржуазия должна со своей стороны подумать об усилении своей конкурентоспособности к тому времени, когда германские товары с неизбежностью начнут проникать в больших массах на персидский рынок. Он обещал, впрочем, правительственную поддержку, весьма туманно ссылаясь при этом на сложность создавшегося положения.

Действительная сложность положения обрисовалась лишь несколько позднее, когда английский и французский империализм, осведомленный о русско-германских переговорах, решил захватить политическую инициативу и повел наступление, требуя от царского правительства привлечения англо-французского капитала в дело проведения железнодорожной линии Ханекен — Тегеран. И на эти переговоры царской России пришлось итти, выбирая и тут из двух зол меньшее. «Мне лично сдается, — писал Сазонов, — что Германия, встречая непреодолимое противодействие англичан, склонна отказаться от продолжения Багдадской дороги до Персидского залива и повернуть взамен этого свою магистраль в Персию. При таком положении дела нам особенно важно сохранить за собой обладание Ханекен — Тегеранской линией. Для этого необходимо будет привлечение англо-французских капиталов» [1]. В связи с проявлением «неосновательной нервности» английских империалистов, которые опасались и политических результатов русско-германских переговоров и возможности привлечения к русскому делу исключительно германских капиталов, Сазонов, указывая на возможность «допущения в той или иной форме помощи французского и английского капиталов», деликатно заранее приглушал разрастающиеся аппетиты своих империалистских друзей и союзников: «конечно, — добавлял он, — при непременном условии, чтобы руководство делами осталось в наших руках» [2].

Но отбиваясь от слишком энергичной и неожиданной предприимчивости англо-французских капиталистов в этом вопросе, царское правительство только проводило интересы русского империализма, который требовал создания в Персии наиболее благоприятных условий для отпора надвигающейся опасности германской конкуренции. «Нам,— писал Сазо-

---

[1] Тел. министра иностранных дел послу в Париже Извольскому от 4 февраля 1911 г. за № 93. — Архив революции и внешней политики.

[2] Тел. министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу от 10 февраля 1911 г. за № 128, там же.

нов,— необходимо считаться с нашим общественным мнением, которое настаивает на постройке нашего пути проникновения раньше создания явно вредной нам Ханекенской линии, которую оно даже считает лучшим предоставить, в крайнем случае, Германии»[1]. Царизму прежде всего потребовались капиталы на проведение железных дорог, связывающих русское Закавказье с Персией,— вопрос о постройке Ханекен — Тегеранской дороги нужно было отложить в наиболее далекое будущее. И тут последовало более почтительное обращение к лондонской и парижской биржам, которые к этому времени, под влиянием русско-германских переговоров в Потсдаме в результате проникших в печать сведений о согласии России не препятствовать постройке Багдадской дороги, очень быстро повернули фронт.

«Французские и английские финансовые круги, — сообщал царский посол из Берлина, — которые под влиянием своих правительств до сего дня отказывались открыто принять участие в финансировании предприятия, разразились теперь как в печати, так и в парламентах ярыми нападками против руководителей внешней политики этих стран, обвиняя их в нанесении своей близорукой политикой громадных убытков отечественной промышленности и финансам. Под влиянием этих нападок и того лихорадочного интереса, который вдруг проявили денежные сферы Парижа и Лондона к Багдадской дороге, правительства этих государств предприняли энергические шаги в Берлине и Константинополе, чтобы дать возможность отечественным капиталам найти помещение не только в Багдадской, но и в целой сети проектированных дорог в Анатолии и Албании»[2].

В Берлине тогда же и начались переговоры между немецкими и английскими капиталистами о постройке последнего участка Багдадской дороги. Эти переговоры, как известно, надолго затянулись, приведя к парафированию соглашения накануне возникновения мировой войны. Начавшаяся война и являлась наиболее острой формой дальнейшего пересмотра этого соглашения...

Но тогда, после потсдамского свидания, когда эти англо-германские переговоры о Багдадской железной дороге только начались, они осложнились противодействием Турции, которая вовсе не согласна была удовлетворять претензии британского империализма, добивавшегося полного контроля на южном участке Багдадской дороги. Империалистские противоречия, которые в столь сложном переплетении развернулись на почве борьбы за влияние в Персии, в своем дальнейшем углублении привели, таким образом, к поискам выхода и за счет другого полуколониального государства — за счет Турции. Англо-германская империалистская борьба за счет турецких интересов продолжалась еще долго, но попутно и прежде чем она закончилась, на другом участке империалистских противоречий интересам Турции, — и притом за ее спиной, — был нанесен чувствительный удар. Наряду с заключением русско-германского соглашения по персидским делам, царская Россия заручилась устным и совершенно секретным «обещанием Германии не строить ветвей Багдадской железной дороги в

---

[1] Телеграмма министра иностранных дел послу в Париже Извольскому от 29 января 1911 г. за № 133.— Архив революции и внешней политики.

[2] Депеша посла в Берлине от 17 февраля 1911 г. за № 11.— Архив революции и внешней политики.

области, лежащей между этой линией и русской и персидской границами к северу от Ханекена, а также не оказывать содействия подобным предприятиям в указанной области...»[1]. В своем реальном выражении это означало гарантию русской концессии на турецкое бездорожье, лишение Турции возможности строительства дорог, необходимых ей в экономическом и стратегическом отношениях. Неудивительно, что означенное обязательство не было включено в текст соглашения по просьбе Германии, связавшей себя официальным обещанием перед Турцией[2]. Германский империализм, попросту говоря, предал интересы Турции, которая таким образом была принесена в жертву русско-германскому соглашению,— обычная судьба колониальных и полуколониальных народов.

Но и это соглашение, как и все попытки разрешить империалистские противоречия, имело весьма условный характер не только в том смысле, что оно достигнуто было за счет полуколониальных народов Персии и Турции. Оно в самом себе носило зародыши дальнейших антагонизмов между царской Россией и империалистской Германией. «До Багдада, — строил свои расчеты руководитель внешней политики царской России, — она (жел. дорога) дойдет очень нескоро,— может быть, лет через 10—15. Ханекенский путь начнется постройкой не ранее этого срока. Таким образом мы имеем еще очень много времени на принятие мер к окончательному утверждению за собой персидских рынков»[3]. Но не русское согласие оказалось «чисто фиктивным», а русские расчеты. Самый факт русско-германского соглашения содействовал активизации постройки Багдадской железной дороги, а это обратным образом содействовало обострению всех империалистских и, в частности, русско-германских противоречий.

«Постройка Багдадской железной дороги, — с грустью констатировал незадолго до начала войны русский полуофициоз «Новое время», — к сожалению, производится несравненно скорее, чем это рассчитывала русская дипломатия при заключении соглашения с Германией»[4]. А между тем с русской стороны не приступили к сооружению не только Ханекен—Тегеранской линии, но и северных линий, долженствовавших обеспечить интересы русского империализма в Персии. Активизация германского империализма в Персии в непосредственно предвоенные годы происходила в условиях обостряющихся также англо-русских противоречий. В такой обстановке царская Россия оказалась неподготовленной к отпору экономическими средствами новому грозному сопернику в Персии — империалистской Германии. Узел империалистских противоречий в Персии и Турции стягивался все более туго.

Мировая война, которая представляла собою империалистскую попытку разрубить этот узел, открыла новую страницу империалистской борьбы за передел этих полуколониальных стран.

(«Красный архив», 1933, т. III (58), стр. 46—52).

---

[1] Весьма секретное письмо товарища министра иностранных дел поверенному в делах в Константинополе Свечину от 9 сентября 1911 г. за № 651. — Архив революции и внешней политики.

[2] Там же.

[3] См. ниже публикуемый документ.

[4] «Новое время» от 12 июня 1914 г.

№ 104. РУССКО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО ПЕРСИДСКОМУ ВОПРОСУ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ 6/19 августа 1911 года (в итоге переговоров, начатых во время свидания в Потсдаме)

(Уполномоченные: России—Нератов, Германии—Пурталес)

Ст. 1. Имп. правительство Германии заявляет, что оно не имеет намерения добиваться концессий железнодорожных, шоссейных, водяных или телеграфных, или поддерживать в этом направлении притязания германских или иностранных подданных,—в районе к северу от линии, идущей от Касри-Ширина, проходящей через Исфаган, Иезд и Ха и достигающей афганистанской границы на широте Базика.

Ст. 2. Со своей стороны, российское правительство, имея в виду получить от персидского правительства концессию на сооружение сети железных дорог в северной Персии, обязуется ходатайствовать, между прочим, о предоставлении концессии на постройку пути, который должен пройти от Тегерана до Ханекена, в целях соединения на турецко-персидской границе вышепоименованной сети с линией Садидже—Ханекен, как только эта ветвь железной дороги Кония — Багдад будет готова. Как только эта концессия будет получена, работы по сооружению вышепоименованной линии должны быть начаты не более, как через два года по окончании ветки Садидже—Ханекен, и окончены в течение четырех лет. Российское правительство сохраняет за собой право окончательно установить в свое время путь, по которому пройдет вышесказанная линия, принимая, однако, во внимание пожелания германского правительства в этом вопросе. Оба правительства будут облегчать условия международного товарного движения по линиям Ханекен — Тегеран и Ханекен — Багдад, избегая всех мер, которые могли бы его затруднить, как, напр., установление транзитных пошлин или применение диференциального режима.

Если через два года после того, как будет окончена постройка ветки Садидже — Ханекен, железной дороги Кония — Багдад, не будет приступлено к сооружению линии Ханекен — Тегеран, российское правительство поставит в известность германское правительство о том, что оно отказывается от концессии на последнюю линию. В таком случае германское правительство будет вправе, со своей стороны, добиваться этой концессии.

Ст. 3. Признавая важное значение вообще для международной торговли сооружения Багдадской железной дороги, российское правительство обязуется не принимать никаких мер, имеющих целью затруднить ее постройку или препятствовать иностранным капиталам принимать участие в этом предприятии, при условии, конечно, чтобы это не было сопряжено для России с какими-либо денежными или экономическими жертвами.

Ст. 4 Российское правительство сохраняет за собой право поручить выполнение проекта железнодорожной линии, соединяющей его сеть в Персии с линией Садидже — Ханекен, группе иностранных финансистов по своему выбору, вместо того, чтобы строить ее самому.

Ст. 5. Независимо от того, каким способом будет осуществляться постройка вышесказанной железной дороги, Российское правительство сохраняет за собой право на участие в работах в той мере, в какой оно этого пожелает, а также и на то, чтобы стать владельцем этой железной дороги по оплате действительных расходов, произведенных строителем.

Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются, сверх того, добиваться предоставления друг другу всех тарифных и всяких других преимуществ, которые одна из них могла бы получить на этой линии.

Во всяком случае, другие условия этого соглашения останутся в силе.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 348—349. Док. 345).

№ 105. ОБЗОР ПОСЛЕДНИХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ВОПРОСУ О ПРОЛИВАХ в 1911 г.

(Записка Д. А. Нелидова, дополненная Н. А. Базили, 4 сентября 1912 г.)

Предварительный проект Извольского

Справка 1908 г.

1) Принцип закрытия Дарданельских проливов Босфора остается. Исключение делается для военных судов прибрежных государств Черного моря.

Из этого принципа равным образом исключены легкие военные суда, которые государства, подписавшие парижский трактат, имеют право отправлять в устье Дуная, и станционеры, которые они держат в распоряжении своих посольств в Константинополе.

2) Пока порт не будет находиться в состоянии войны, прибрежные державы Черного моря будут иметь возможность проводить без остановки через Дарданельские проливы и Босфор в обоих направлениях военные суда всех размеров и названий.

Специальный регламент установит технические условия этого прохода.

Если нужды плавания заставляют одно из этих судов остановиться, оно сможет бросить якорь в Босфоре только в Бюшок-лиманской бухте или в таковой в Бейкос-Бюнюкдер, в Мраморном море, около Принцевых островов и Дарданеллах в Нагоре.

Однако он не сможет там оставаться более трех дней за исключением случаев аварии, которые потребуют продолжительных починок или входа в доки.

Ни в каком случае переход от Черного до Эгейского моря не могут совершать более трех за раз военных судов одной и той же прибрежной державы. Русские станционеры не включаются в это число.

Оттоманские власти должны быть предупреждены, по меньшей мере, за 24 часа о проходе каждого военного судна прибрежных государств, чтобы могли быть приняты меры для беспрерывного транзита.

Англия

В меморандуме, переданном 14 октября нов. ст. 1908 г., сэром Э. Греем А. П. Извольскому во время пребывания его в Лондоне, Великобританское правительство выразило следующим образом свою точку зрения на вопрос о проливах.

Правительство его величества соглашается, что открытие проливов целесообразно и справедливо, и принципиально оно не воспротивится ему, если сделанное предложение состоялось в том духе, что проливы должны быть открыты на условиях полного равноправия для всех без исключения.

Затруднения возникают в связи с предложением предоставить России и прибрежным государствам исключительное, хотя и ограниченное, право... общественное мнение в Англии... было бы крайне разочаровано, если бы Россия после протеста против действий Австрии, явно желала бы воспользоваться случаем извлечь выгоды для самой себя, направленные в ущерб положению Турции или нарушавшие «status quo» к невыгоде других... Чисто одностороннее соглашение, которое дало бы Черноморским государствам преимущество в военное время иметь все Черное море как недоступную гавань, каковой крейсера и коммерческие истребители могли бы пользоваться и свободно укрываться в ней от всякого преследования воюющих, не представит возможность к восприятию его английским общественным мнением, которое к нему не подготовлено.

Соглашение должно быть, следовательно, такого рода, чтобы, давая России и прибрежным государствам в любое время преимущества, оно ограничивалось условиями, которые указал Извольский в ограждение от возможности утверждения и угрозы посторонней иностранной морской силы в Черном море в мирное время, в настоящее же время содержало бы такого рода в себе условия, которые в случае войны поставили бы воюющих на одинаковых основаниях.

Далее, относительно прохождения проливов правительство его величества позволяет себе заметить, что согласие Турции должно быть необходимой предпосылкой ко всякому предложению.

Турция

Письмом 19-го сентября 1911 года, № 617, Н. В. Чарыкову предписывается, пользуясь обстоятельствами итало-турецкой войны и франко-германских переговоров о Марокко, а также вероятною большею податливостью нового великого визиря и министра иностранных дел, — приступить к переговорам об изменении железнодорожного соглашения 1900 года, «а может быть, и о более общих взаимных интересах», если бы он встретил соответствующее настроение у турок. Это расширение программы переговоров оставлено, однако, вполне на усмотрение поосла. В этих видах к письму были приложены проекты уговоров: 1) о проливах, 2) о продлении 3% надбавки таможенных пошлин и 3) о выкупе броненосцев, заказанных Турцией у Армстронга. Пункт 1 редактирован так:

Императорское правительство обязуется, кроме того, оказать Оттоманскому правительству действительно поддержку, чтобы держать существующее управление Босфорским и Дарданельским проливами, распространяя ее главным образом на прилегающие территории. В целях облегчить выполнение вышеуказанных ограничительных условий императорское Оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противиться проходу русских военных судов через проливы при условии, если эти суда не будут останавливаться в водах проливов без согласия на то.

При всем этом, однако, в упомянутом письме было оговорено, что относительно проливов «мы добиваемся лишь личного, по отношению к нам, обещания Турции не противиться нашим интересам в этом вопросе; возможные же объяснения с другими державами мы оставляем за со-

бою». О времени фактической возможности приступить к переговорам, по высочайшем одобрении, Н. В. Чарыков имел быть уведомлен дополнительно.

24 сентября 1911 г. Н. В. Чарыков был уведомлен о последовавшем высочайшем одобрении этих инструкций и ему предложено приступить к переговорам, «не придавая своему обращению характера резких и бесповоротных настояний».

24 сентября Н. В. Чарыков сообщает «некоторые соображения редакционного и процессуального характера». Его замечания заключают существенную уступку по вопросу о постройке железных дорог в Малой Азии и предположение сейчас же поднять вопрос о проливах. Но при этом вместо министерской редакции «Распространяя en l'ètendant», т. е. «управление на прилегающие территории» le règimee, aux territoires adjacents и т. д. говорится: «Распространяя вышеназванную поддержку на территории», «en ètendant le dit appui aux teritoires» и т. д., затем о плавании в проливах вместо ясного указания на право прохода военных судов, посол ставит более туманное выражение: «те же льготы, которое оно (Оттоманское правительство) предоставило судам русского «Добровольческого Флота» «Les mêmes facilités qu'il (le Gouvernement Ottoman) a concédées aux navires de la flotte volontaire russe», т. е. говорится «о льготах» « facilités » раньше, чем установлено самое право passage.

Наконец, Н. В. Чарыков прибавляет от себя предложение обещать Турции наше посредничество для установления между нею и Балканскими государствами прочных отношений на почве поддержания status quo.

Последнюю мысль посол подчеркивает в письме от 26 сентября 1911 г.

27 сентября 1911 г. за № 1475, А. А. Нератов телеграфирует Н. В. Чарыкову, что даже в частном письме было бы осторожнее не ставить переговоров слишком широко. Опасно упоминание о Балканских государствах, и вопрос о капитуляциях лучше не затрагивать в конкретной форме.

30 сентября посол сообщает, что начал переговоры, передав Саиду-паше письмо, содержащее «текст намеченной декларации». В ней особенно замечательна прибавка к ст. 4 «о проливах», с оговоркой, что применение уговора reste suboldonné au consentement préalable des autres signataires du Traité de Londres de 1871.

Н. В. Чарыков просит осведомить Германию о сделанном нами туркам сообщении «относительно желательности установления русско-турецкого соглашения».

1 октября 1911 г. Н. В. Чарыков сообщает текст письма к Саиду с приложением проекта декларации со всеми крайними пределами уступок (кроме железнодорожной зоны). В письме посол просит заключения Саида, прежде чем испросить инструкцию на возбуждение официальных переговоров.

8 октября Саид-паша обещается дать ответ «через неделю», если не будет препятствий.

9 октября 1911 г. телеграммою № 1570, Н. В. Чарыков предупреждается о следующих оговорках со стороны министерства: основою переговоров было обеспечение железнодорожных интересов в Малой Азии. Уступки и расширение программы предполагалось позднее. Поэтому

жаль, что уже обозначены уступки и притом по пунктам, которые уже нельзя будет взять назад и напротив турки будут ожидать еще большего; вообще письмо посла Саиду-паше не встретит здесь сочувствия; пункт 4-й предпочтительно сохранить в прежней редакции и последняя фраза опасна, так как очень затруднит наши будущие переговоры с другими державами и недостаточно связывает Турцию на случай осложнений у нас с несогласной державой.

17 октября Н. В. Чарыков упоминает о двухнедельном сроке, данном Саиду для ответа.

25 октября Саид сказал, что начал совещаться с министрами и требует еще неделю и две для ответа.

Около того же времени Саид-паша говорит Бомпару, что если Россия в связи с Малоазиатскими железными дорогами потребует открытия проливов, то это едва ли понравится Австрии».

31 октября, в разговоре на эту тему, Саид-паша спрашивает Н. В. Чарыкова: „Vous nous aiderez sur le terrain du traitè de Berlin?»[1], и назначает время после возвращения чрезвычайного посольства из Крыма для начала переговоров.

14 ноября начаты переговоры официальною передачею Ассим-бею с ведома великого визиря текста декларации с изменением лишь в пункте 4 последнего абзаца: „Le Gouvernement Impérial et le Gouvernement Ottoman porteront d'un commun accord l'entente á la connaissance des Puissances signataires du Traité de 1871?“.

23 ноября 1911 г. за № 1968 обращено внимание Н. В. Чарыкова на «опасность и деликатность редакции этого места».

24 ноября Чарыков телеграфирует за № 725, что при первом чтении министру иностранных дел проекта декларации, Ассим-бей высказал, что он ставит на первое место вопрос о проливах и подвергнет его на обсуждение Совета министров незамедлительно. Он постарается предотвратить предположение, будто Россия предъявляет свои пожелания, пользуясь войной. Если, — продолжает Ассим-бей, — мы сговоримся о проливах, то возьмемся за второе предложение — железнодорожное. Что же касается дружеского содействия Турции со стороны России, то в этой области у министра найдется множество пожеланий.

26 ноября Чарыков телеграфирует, что Ассим-бей сказал ему, что Совет министров еще не обсуждал наших предложений и что он относится очень бережно к сообщению их Совету министров, дабы не подумали, что Россия желает использовать затруднения Турции. Ввиду того, что переговоры вступают, повидимому, в обычную турецкую колею, Чарыков, признавая необходимость давления на Порту, просит разрешения сообщить текст проекта соглашения французским и английским послам (тексты эти не были им сообщены).

26 ноября министр Сазонов телеграфирует из Парижа в м-ство: в Риме и Лондоне имеются известия, дающие «повод думать, что вопрос о проливах перешел из области частной беседы в официальные переговоры. Благоволите поручить Чарыкову ясно установить в Константинополе совсем частный характер его обмена мыслей с турками касательно проливов».

2 декабря м-ство телеграфирует Чарыкову: так как переданные Вами

[1] Поможете ли Вы нам в отношении Берлинского договора.

Ассим-бею пункты преждевременно огласились не по нашей вине, считаем невозможным вести переговоры в рамках, сообщенных Вами туркам текстов.

Проект соглашения с Турцией, включенный в письмо Чарыкова Саид-паше от 29 сентября (12 октября 1911 г.).

[Российское императорское правительство и императорское Оттоманское правительство, желая урегулировать в духе дружбы и доброго соседства некоторые вопросы, касающиеся их взаимных интересов, условились о нижеследующем:

1). Российское императорское правительство заявляет об отказе от привилегий, приобретенных в пользу русских капиталистов в силу соглашения, заключенного в 1900 г. между обоими правительствами относительно постройки железной дороги в определенных районах Малой Азии] [1] постольку, поскольку они не были в противоречии с [2]

по другую сторону [2]

и облегчить по возможности соединение линий этой сети с русскими железными дорогами. С этой целью, когда положение на их азиатских границах договаривающимися правительствами будет рассматриваться, как позволяющее думать о постройке предполагаемых линий — они обязуются предварительно сговориться для заключения договора, который определит условия постройки и соединения этих линий.

Прибавлено дополнительно:

I.

Российское императорское правительство обязуется, кроме того, оказывать Оттоманскому правительству свою действительную поддержку для сохранения существующего управления Босфорским и Дарданельским проливами, распространяя ее также на прилегающие территории.

В мирное время, как в военное время.

II.

Российское императорское правительство на дальнейшую поддержку увеличения на 3% таможенной пошлины, срок которых кончается 13—26 июня 1914 г., если другие державы также присоединятся к этому.

III.

Императорское правительство предлагает Оттоманскому правительству возместить ему суммы, заплаченные Высокой Портой заводу Армстронг за три броненосца, которые там строятся и принять на свой счет соответствующие контракты Оттоманского правительства.

Изменение в тексте, врученном 14 ноября 1911 года Чарыковым Саид-паше: «Российское императорское правительство и императорское Оттоманское правительство с общего согласия доведут до сведения других держав, подписавших Лондонский договор от 1—13 марта 1871 года о заключении между ними соглашения».

Российское императорское правительство и императорское Оттоманское правительство с общего согласия доведут до сведения других держав, подписавших Лондонский договор от 1—13 марта 1871 г., о заключении между ними соглашения.

---

[1] Перев. с французск. — Сост.

[2] В подлиннике так. — Сост.

Российское императорское правительство и Оттоманское императорское правительство, желающие урегулировать в духе дружбы и добрососедства некоторые вопросы, касающиеся их взаимных интересов, согласились на следующем:

1) Императорское правительство отказывается от привилегий, выгодных русским капиталистам, полученных в силу соглашения, установленного в 1900 году между обоими правительствами относительно постройки железной дороги в некоторых частях Малой Азии.

2) Императорское правительство обязуется, кроме того, не противиться реализации необходимых капиталов для постройки железных дорог в зоне, обусловленной вышеназванным соглашением, в согласии с существующей декларацией.

3) В развертывании железнодорожной сети в Малой Азии к востоку от линии Сам—сун — Сивас — Харпут — Диарбекир—Мосул, представляющий громадное значение также для взаимных торговых интересов, как и для поддержания добрососедских отношений между двумя империями, договаривающиеся правительства обязываются воздерживаться от всякого вредного соперничества, заключая предварительно договор, который будет соблюдать вышеуказанный интерес и установит пункты и условия соединения линий этой сети.

4) Российское императорское правительство обязуется, кроме того, оказывать Оттоманскому правительству действительную поддержку для сохранения существующего управления Босфорским и Дарданельским проливами, распространяя вышеупомянутую поддержку равным образом на прилегающие территории в случае, если последние подвергались бы угрозе со стороны иностранных военных сил.

В целях облегчить выполнение вышеупомянутого ограничительного условия Оттоманское правительство обязуется, со своей стороны, не противиться[1] проходу русских военных судов через проливы, при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов без согласия на то.

Выполнение такого истолкования конвенции, заключенной в Лондоне 1—13 марта 1871 года, находится в зависимости от предварительного соглашения других держав, подписавших вышеупомянутое соглашение.

5) Российское императорское правительство обязуется равным образом оказать дружественную услугу для того, чтобы облегчить установление прочных добрососедских отношений между Оттоманским императорским правительством и Балканскими государствами, базируясь на «status quo».

6. Российское императорское правительство заявляет о своей готовности приступить к обсуждению вопроса об уступках и рассмотреть благожелательно экономические и финансовые проекты, выставленные Высокой Портой.

Франция

Письмом от 22 сентября 1911 г., № 631, гофмейстеру Извольскому предлагается изложить правительству Роспублики, что, благосклонно относясь к переговорам ее с Германией о Марокко, мы рассчитываем, что

[1] В мирное время, как в военное время.

Франция сочтет нравственною обязанностью отказаться от оппозиции или вмешательства в такие вопросы, где Франция менее заинтересована, мы же имеем существенные интересы, а именно: проливы и Манчжурия.

По вопросу о проливах: «Мы далеки от мысли связывать Францию конкретными обещаниями; мы хотим лишь заручиться согласием союзницы не противиться нашей точке зрения в тот момент, когда мы сочтем нужным приступить к переговорам или действиям».

Уговору применительно к Ракониджи, желательно придать форму обмена писем министров иностранных дел.

Франция обязывается рассматривать благожелательно русские интересы в вопросе о Босфорском и Дарданельском проливах и не препятствовать осуществлению проектов, которые Россия может иметь в виду относительно названных проливов и территорий, к ним прилегающих.

28 сентября сообщается А. П. Извольскому запрос Панафье о значении разговоров Чарыкова с Бомпаром о проливах.

Письмом от 28 сентября 1911 г. А. П. Извольский сообщает, что начал разговор с де-Сельвом, мотивировав наш интерес к вопросу о проливах изменением положения в бассейне Средиземного моря. Мы уверены, что Франция, как и три года назад, не откажет не только в сочувствии, но и в формулировке, так или иначе, своего отношения к шагам, которые мы сочтем нужным рано или поздно предпринять в отношении проливов.

Де-Сельв в общих чертах выразил готовность искренне обсудить вопрос.

На запрос Панафье о значении разговора Чарыкова с Бомпаром о проливах, А. А. Нератов отвечает, что де нам важно сохранить суверенитет Турции в проливах и получить прежде всего от Франции признание наших «особых» интересов. Принципиальных вопросов, связанных с трактатами, мы не поднимем, а лишь стремимся к фактическому улучшению нашего положения, не нанося ущерба другим державам.

На это Панафье возразил, что окончательного разрешения теперь было бы трудно достичь, но возможно движение дела в желаемом нами смысле при помощи Англии.

3 октября Панафье передал от имени правительства заверение о готовности содействовать осуществлению наших планов в вопросе о проливах и спросил, нужно ли теперь же приступить к каким-либо шагам.

Отвечено, что желаем обождать, чем кончиться правительственный кризис в Турции.

По впечатлениям А. П. Извольского (13 октября) по вопросу о проливах, Франция желает итти заодно с Англией, хотя и нет, повидимому, формального уговора.

20 октября министерство пишет А. П. Извольскому, что, кроме поддержки переговорам Н. В. Чарыкова в Константинополе, мы желали бы получить от Франции формулировку ее отношений непосредственно к нашим домогательствам в вопросе о проливах. Рассчитываем, что Франция даст нам полную свободу действий при условии, за которое ручаемся, что не имеем в виду вовлекать Францию в активные действия для обеспечения наших интересов и предупредим ее о своих действиях.

Просим поэтому письменной формы, приблизительно, как итальянское обязательство и независимо от уговоров, которые последуют с Турцией.

22 октября А. П. Извольский пишет, что де-Сельв готовит ответ с

положительным удовлетворением наших дезидерата, изложенных так: что мы де apprécions hautement les déclarations reçues de la France en 1908 qu'elle envisagera avec bienveillance les intérêts russes dans la question des Dètroits et favorisera les résolutions que la Russie serait amenée à prendre.

(Высоко ценим заявление Франции от 1908 г., что она относится благожелательно к русским интересам в вопросе о проливах и будет благоприятствовать решениям, которые стала бы Россия принимать).

Луи.

10 ноября Извольский сообщает, что Louis опасается общности выражения «liberté d'action»[1] и желал бы знать, что именно мы хотим предпринять.

Отвечено, что мы желаем возможно дольше сохранить существование Турецкой империи, но чтобы были сняты устаревшие стеснения и не допустим перехода проливов в другие руки, кроме русских.

4 января 1912 г. по новому стилю де-Сельв адресует А. П. Извольскому письмо, коего главные места касательно проливов изложены следующим образом:

(В общем, я счастлив снова подтвердить, в. п., заявление от Французского правительства по случаю событий 1908 г. относительно удовлетворения стремлений, которые Русское правительство могло бы преследовать в вопросе о Босфорском и Дарданельском проливах. Французское правительство попрежнему готово обмениваться взглядами по этому поводу с Русским правительством, если новые обстоятельства вызвали бы необходимость поднять вопрос о проливах).

Англия

6 октября 1911 г. № 660, сообщается графу Бенкендорфу, что Н. В. Чарыкову при переговорах о железных дорогах предоставлено расширить e cas echéant рамки переговоров и затронуть щекотливейший из вопросов — о проливах, о чем посол завел речь с Бомпаром и упомянул и Лоудеру. На случай разговора гр. Бенкендорфу сообщается предыдущая переписка.

Гр. Бенкендорф 10 октября сообщает в ответ разговор с Камбоном, коему сказал Никольсон, что, по его убеждению, мнение Англии то же, как и в 1908 г., и что нынешний момент (война Италии с Турцией) неудобен для возбуждения вопроса о проливах.

Гр. Бенкендорф сказал Грею, что мы де желаем, que le Sultan decrète de sa propre autorité le libre passage des vaisseaux de guerre russes sans s'arrêter. Cette forme a été, choisie pour éviter les longueurs d'une révision de traités(чтобы Султан объявил собственной власти свободный переход военных русских судов без задержки. Эта форма была выбрана, чтобы избежать затяжку от пересмотра договоров).

Ответ: qú il était prêt à donner son appui à Constantinople tel qu'il avait été élaboré en 1908[2], а что иначе ему нужно справиться с трактатами и сообщить совещанию министров.

11 октября английский поверенный в делах сделал устное сообщение по тому же вопросу, что Грей придерживается мнения, что в мирное

[1] Свобода действий.

[2] Чтобы он был готов поддержать Константинополь, как это он сделал.

время проход русских судов возможен при согласии Турции, но что в военное время и если замешана Россия, нельзя ставить другую воюющую державу at an unfair disadvantage (в невыгодное положение).

Турция находится в состоянии войны.

От 12 октября гр. Бенкендорф сообщает оговорки: а) la Turquie se trouve en guerre — а потому нельзя де теперь гарантировать ее; в) вряд ли Англии нужно наше содействие в Египте.

20 октября № 692, м-ство просит графа Бенкендорфа получить и от Англии точную и письменную формулировку ее отношения по вопросу нашей свободы плавания через проливы и независимо от уговоров наших с Турцией; при этом мы оговариваемся, что, по нашему мнению, предварительное согласие Турции при этом не требуется, так как это поддержало бы ее несговорчивость и что, вообще, мы стремимся не к решению вопроса ныне же, а лишь к выяснению могущих представиться условий его решения.

Италия

Письмом от 13—26 сентября 1911 г. посол в Париже, напоминая о соглашении в Раккониджи, по коему мы предоставили Италии свободу действий в Триполи взамен нашей свободы в вопросе о проливах, считает своевременным «заручиться в той или иной форме заявлением Италии, что, осуществляя ныне права свои в Триполи, она продолжает считать себя в будущем связанной по отношению к нам в вопросе о проливах».

То же мнение поддерживает Н. В. Чарыков 17 сентября и советует добиться признания Италией специальных прав России о проливах. А так как это вопрос европейского международного права, то приравнять пока права для наших военных судов к «добровольному флоту».

28 сентября частным письмом предписывается А. П. Извольскому «через Титтони возбудить в Риме вопрос о закреплении Италией принятых ею на себя в Раккониджи обязательств относительно признания за Россией свободы действия в вопросе о проливах».

Справка 1908 г.

В письмах, обмененных 24 октября нов. ст. 1908 г. Титтони и Извольским в Раккониджи отношение Италии к вопросу о проливах формулировано так:

(Италия и Россия обязываются рассматривать с благожелательством: одна — русские интересы в вопросе о проливах, другая — итальянские интересы в Триполи и Киренаике).

Германия

22 октября 1911 г. государь император Вильгельм в общих чертах говорил давно, что со стороны Германии мы не встретим затруднений при условии мирного разрешения Россией вопроса о проливах. Гинце говорил то же в 1909 году.

26 октября газеты говорят, что Германия ничего не имеет против открытия проливов для России, при условии, чтобы Россия отказалась от Балканской федерации.

Около 23 октября частным письмом графу Остен-Сакену сообщается положение дела.

26 октября посол сообщает, что по его мнению ce n'est pas le moment[1].

В первых числах ноября по возвращению из отпуска, граф Пурталес заявляет, что Германия еще со времени Бисмарка признает принцип преимущественных интересов России в проливах и не сделает никаких затруднений к разрешению его согласно нашим желаниям, при условии причастности к переговорам.

3 ноября эти соображения передаются графу Остен-Сакену для сообщения в разговорной форме Германскому правительству с выражением надежды, что Германия благоприятно отнесется к намеченным переговорам нашим с Портою.

5 ноября гр. Остен-Сакен сообщает личное мнение Кидерлена, что у Германии нет интереса мешать нам при условии согласия Турции. На это граф Остен-Сакен замечает, что нам нужен предварительный отзыв Германии для успешного разговора с турками.

10 ноября граф Остен-Сакен сообщает: „Le Cabinet de Berlin ne s'oppose en aucune façon à nos arrangements avec la Turquie au sujet des Détroits“[2].

Австро-Венгрия

30 октября 1911 г. Паллавичини, по собственному почину, заявляет Н. В. Чарыкову, после вопроса «не ведет ли он переговоров о проливах», что де «Венский кабинет уже высказал свое принципиальное согласие на свободное прохождение русских военных судов через проливы (в 1908 г.)».

Газета „Reichspost“ заявляет, что открытие проливов было бы противно интересам Австрии и что она не допустит этого.

3 ноября № 731, гофмейстеру Гирсу сообщается инструкция графу Остен-Сакену с просьбой проверить настроения и выяснить насколько статья «Reichspost» соответствует истинным намерениям австрийского министерства иностранных дел. Сообщается дополнительно и вышеприведенное известие Н. В. Чарыкова.

6 ноября 1911 г. граф Эренталь говорит гофмейстеру Гирсу, что «Reichspost» не передает мнение министерства, что Паллавичини говорил от себя, но что он готов обсудить вопрос дружески, хотя и не считает себя связанным обещаниями 1908 г.

10 ноября гофмейстер Гирс сообщает, что австрийскому послу в С.-Петербурге даны инструкции по этому вопросу в смысле признания наших специальных интересов в проливах.

Граф Турн исполнил это около 20-го ноября, оговорив о необходимости найти формулу, обеспечивающую Австрию от нападения нашего флота.

(Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., М., 1922, стр. 529—538).

№ 106. ЗАПИСКА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ фон КИДЕРЛЕНА 3 мая 1911 г.

...Представляется мало вероятным, чтобы восставшим племенам удалось завоевать окруженный крепкой стеной Фец, тем более, что вслед-

[1] Это не время.

[2] Берлинский кабинет ни в какой мере не препятствует нашим соглашениям с Турцией относительно проливов.

ствие вышеупомянутых свойств марроканцев[1] представляется невозможным, чтобы отдельные Кабильские племена отказались от взаимной вражды и решились приступить к планомерным действиям. Кроме того, предстоящая жатва может в значительной степени охладить воинственный пыл мятежников. Ведь уже теперь все учащаются слухи об ослаблении движения. Тем не менее, ссылаясь на получаемые им официальные сообщения, французское правительство предполагает, что его военной миссии, находящейся в Феце, угрожает серьезная опасность и подготовляет экспедицию для ее спасения.

С точки зрения соглашения, заключенного в Альжезирасе, против этого нельзя по существу возражать, так как нельзя оспаривать, что великая держава вправе защищать своих подданных теми средствами, которые она считает пригодными для достижения этой цели. И французское правительство решительно заявило, что единственною целью подготовляемой им экспедиции является спасение его подданных и других находящихся в Феце европейцев.

Приходится ожидать дальнейших событий. Если французские войска в самом деле войдут в Фец, то представляется мало вероятным, чтобы ход событий дал французам возможность вернуться с европейцами на побережье и вновь предоставить внутреннее Марокко самому себе.

Даже если предположить, что вряд ли мыслимо, что общественное мнение Франции и допустило бы такой образ действий своего правительства, нельзя обманывать себя относительно того, что подобное отступление было бы истолковано племенами как проявление слабости. А это вызвало бы новые волнения, которые снова повлекли бы за собой французское наступление.

Из этого вытекает следующее:

По всему вероятию сила вещей рано или поздно заставит признать, что даже, допуская произвольнейшие фикции, уже нельзя будет считать, что предпосылки альжезирасского соглашения остаются в силе. Султан, который может поддерживать свою власть в стране, лишь опираясь на французские штыки, уже не представляет гарантий для обеспечения самостоятельности своей страны, сохранение чего было единственной целью соглашения, заключенного в Альжезирасе. Поэтому придется принять в расчет эту перемену, совершившуюся благодаря силе вещей, и изменить нашу политику по отношению к Марокко.

При этом представилась бы следующая возможность. Через некоторое время после того, как французы войдут в Фец и начнут устраиваться там, мы, ссылаясь на заявление французского правительства о том, что оно не имеет в виду оставить свои войска в Фене, в дружественном тоне запросим в Париже: как долго, по мнению французского правительства, его войска должны оставаться в Фене? Франция вряд ли могла бы не указать нам срока. Конечно, по истечении этого срока отступление войск было бы вновь отложено под какими-нибудь предлогами. Тогда для нас наступил бы подходящий момент для того, чтобы заявить державам, закончившим соглашение в Альжезирасе, что мы вполне понимаем, что обстоятельства заставляют Францию оставаться в Феце, но что мы уже не можем признавать султана, который правит лишь с помощью французских войск, самостоятельным суверенным властителем

[1] Имеется в виду вражда между отдельными племенами.

в качестве какового его трактует Альжезирасское соглашение. Поэтому соглашение аннулировано силою вещей и всем подписавшим его державам возвращается полная свобода действий. Тогда для нас возник бы вопрос, как мы воспользуемся этой свободой. Оккупация Феца подготовила бы поглощение Марокко Францией. Мы ничего не достигли бы протестами и потерпели бы благодаря этому тяжкое моральное поражение. Поэтому нам следовало бы обеспечить себе для предстоящих переговоров объект, который сделал бы французов склонными к компенсациям. Если французы водворятся в Феце из «опасения» за своих соотечественников, то и мы вправе охранять соотечественников, которым угрожает опасность. У нас имеются крупные немецкие фирмы в Могадоре и Агадире. Немецкие корабли могли бы направиться в эти гавани для охраны этих фирм. Они могли бы совершенно мирно оставаться там — лишь для предотвращения предварительного проникновения других держав в эти важнейшие гавани южного Марокко.

Для выбора именно этих гаваней, отдаленность которых от Средиземного моря делает мало вероятными затруднения со стороны Англии, имеет значение то обстоятельство, что за ними расположены чрезвычайно плодородные местности, в которых, говорят, находятся такие заслуживающие внимания минеральные богатства. Например, Гамбургская фирма Варбург и К° недавно имела возможность установить там существование, как говорят, богатых медных руд. К тому же могущественные каиды в этих местностях давно уже поддерживают дружеские отношения с немецкой фирмой Вейс и Мауэр в Могадоре, так что, при искусном образе действий можно было бы избежать всякого возбуждения в прилегающих к этим двум гаваням местностях. Относительно Агадира можно еще отметить, что он не принадлежит до сих пор к числу «открытых» гаваней Марокко, но, как говорят, является лучшею гаванью этой страны на берегу Атлантического океана.

Обладая таким залогом, мы могли бы спокойно следить за дальнейшим ходом событий в Марокко и ждать, не предложит ли нам Франция подходящих компенсаций в своих колониях, в обмен за которые мы могли бы покинуть обе эти гавани.

Его величество неоднократно всемилостивейше указывало на то, какое значение имело бы для нас, если бы французы все более и более запутывались в марокканской авантюре и благодаря этому были бы в значительной степени стеснены. Нынешний ход событий у Феца, повидимому, в самом деле ставит их в такое стесненное положение. А, с другой стороны, для императорского правительства открывается возможность, заручившись таким залогом, придать положению дел в Марокко такой оборот, который мог бы заставить забыть о прежних неудачах.

И для дальнейшего развития в отношении немецкой внутренней политики имело бы важное значение, если бы удалось достигнуть осязательных выгод для Германии при ликвидации марокканского вопроса.

Немецкое общественное мнение, за единственным исключением социал-демократической партии, резко упрекало бы императорское пра-

вительство, если бы оно просто не вмешивалось бы в ход событий в шерифском государстве. С другой стороны, можно быть уверенным в том, что практические результаты вызвали бы изменение настроения некоторых недовольных избирателей и, быть может, оказали бы существенное влияние на исход предстоящих выборов в рейхстаг.

(Die grosse Politik der Europäishen Kabinette 1871 — 1914, Bd. XXIX, Berlin, 1925 № 10549, S.104—108).

№ 107. ТЕЛЕГРАММА БЕТМАН-ГОЛЬВЕГА ИМПЕРАТОРУ ВИЛЬГЕЛЬМУ II 15 июля 1911 г.

Господин фон Кидерлен сообщает мне, что французский посол сегодня снова посетил его. Посол заявил, что если мы согласны не создавать для Франции затруднений в Марокко, то французское правительство предоставит всякие гарантии, которых мы можем пожелать относительно открытых дверей, прав наших подданных и особого внимания к нашим интересам в Сузе. Кроме того, оно могло бы согласиться уступить нам часть пограничной территории. Пусть мы выразим наши пожелания в этом отношении. Господин фон Кидерлен сказал, что он должен сперва подождать возвращения господина фон Линдеквиста, который вернется через несколько дней. Затем еще должно быть получено через меня согласие вашего императорского и королевского величества на эти предложения. Не входя в детали, он уже теперь может сказать послу, что мы выражаем притязание на все французское Конго. Посол едва не упал навзничь и сказал, что «французскому правительству очень трудно было бы оправдать пред своим парламентом уступку хотя бы части Конго». Во всяком случае Франция должна была бы сохранить выход к морю. В дискуссии посол подчеркнул, как и следовало ожидать, что французам пришлось бы уступить нам фактическое французское достояние, в которое они вложили деньги и труд, тогда как мы лишь отказываемся от притязаний, которые мы разделяем с другими державами, подписавшими соглашение в Алжезирасе. Господин фон Кидерлен сообщает мне, что эта дискуссия произвела на него такое впечатление, что для достижения благоприятного результата, нам придется еще весьма энергично выступить. Конечно, вряд ли удастся получить все французское Конго до границ бельгийского Конго иначе, как ценой территориальных уступок также и с нашей стороны, которые, однако, могут быть гораздо менее значительными, чем французские. Я еще осведомлюсь у статс-секретарей колониального ведомства и ведомства иностранных дел о том, где возможны такие уступки, быть может в Того, чтобы затем быть в состоянии представить вашему величеству детальные предложения.

Затем господин фон Кидерлен сообщает мне, что он дал понять французскому послу, что лучше не осуществлять упоминаемого различными органами печати похода на Марракеш до окончания переговоров. Господин Камбон отрицал, что имеется в виду предпринять этот поход. Затем статс-секретарь дал ему понять, что именно в настоящее время следует особенно тщательно избегать крупных и мелких правонарушений, производившихся французскими военными по отношению к лицам, пользующимися покровительством Германии.

Господин Камбон обещал написать домой в этом смысле.

(Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914, Bd.XXIX Berlin, 1925, № 10607, S.184—186).

№ 108. РЕЧЬ ЛЛОЙД-ДЖОРДЖА О МИРОВОМ ПОЛОЖЕНИИ в Mansion House 21 июля 1911 г.[1]

...Единственное, что я могу сказать про Англию—это то, что ни одна страна в мире так не заинтересована в благосостоянии других стран, как мы. Мы—банкиры всего мира, мы—торговые маклера всего мира. Мы—страховое общество всего мира. Мы продаем на мировом рынке товаров больше, чем какая-либо другая страна. И поэтому, мы главным образом заинтересованы в благосостоянии всех других стран. В наших интересах сделать все, что может поднять мировое благосостояние. Все, что вредит ему, вредит главным образом нам. Только одна причина в состоянии в настоящий момент остановить этот постоянный рост благосостояния, плодотворное влияние которого распространяется на все страны, одно только нарушение международного мира. Мир является необходимым условием для дальнейшего процветания. Но, с другой стороны, я считаю своим долгом подчеркнуть, что я считаю делом огромной важности, и не только в интересах Англии, но и в интересах всего мира, при всяких обстоятельствах сохранение Великобританией своего места среди великих держав и поддержание ее престижа... Я считаю, что нарушение международного мира может быть оправдано только обстоятельствами, имеющими первостепенное значение для нации. Но если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранен только благодаря отказу от той значительной и благотворной роли, которую Англия завоевала себе столетиями героизма и успехов или если Великобритания, в вопросах, затрагивающих ее жизненные интересы, будет поставлена в такое положение, точно она больше не имеет никакого значения в семье народов, тогда,— я подчеркиваю это,— мир какой угодно ценой явится унижением, которое великая страна, как наша, не сможет вынести.

Честь нации не является вопросом партийного порядка. Обеспечение нашей огромной международной торговли также не является партийным вопросом. Общий мир будет более прочным если все народы поймут, какие условия нужны для этого...

(Morel, E. D. Ten years of secret diplomacy. London, 1915, s. 144).

№ 109. ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО МАРОККСКОМУ ВОПРОСУ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В БЕРЛИНЕ 4 ноября 1911 года

(Уполномоченные Франции—Ж. Камбон, Германии:—Кидерлен-Вехтер)

Ст. 1. Имп. германское правительство объявляет, что, преследуя в Марокко лишь экономические интересы, оно не будет препятствовать действиям Франции, имеющим целью оказание ею содействия марокканскому правительству по введению в действие тех административных, судебных, экономических, финансовых и военных реформ, в которых оно нуждается для надлежащего управления империею..., под тем условием, что действия Франции оградят в Марокко экономическое равенство между нациями.

В случае, если бы Франция была вынуждена... расширить свой контроль и свою охрану, имп. германское правительство, признавая полную свободу действий за Франциею, не будет делать этому никаких препят-

[1] В связи с франко-германским конфликтом из-за оккупации Феца французами и посылки германского военного судна «Пантеры» в марокканский порт Акдир.

ствий, под условием, что свобода торговли, предусмотренная предыдущими договорами, будет сохранена в силе.

Условлено, что не будет делаться никаких препятствий правами и действиями марокккского государственного банка, как они определены алжезирасским актом.

Ст. 2. В этом порядке мыслей условлено, что имп. правительство не будет делать препятствий к тому, чтобы Франция после соглашения с марокккским правительством приступила к военной оккупации марокккских территорий в размере, который она признает необходимым для поддержания порядка и для ограждения товарообмена, и чтобы она осуществляла все полицейские действия на суше и в водах Марокко.

Ст. 3. (Согласие Германии на охрану Францией интересов Марокко в третьих странах и на ведение сношений между Марокко и третьими странами через французского представителя).

Ст. 4. (Согласие Франции не допускать неравенства между нациями в отношении таможенных пошлин и тарифов и иных сборов в Марокко и влиять в этом духе на марокккское правительство).

Ст. 5. (Согласие Франции наблюдать, чтобы в Марокко не взималось вывозной пошлины с железной руды).

Ст. 7. (Согласие Франции повлиять на марокккское правительство в смысле предоставления собственникам копей и других промышленных или сельскохозяйственных предприятий, без различия национальности, права строить железные дороги между центрами их производства и линиями общего пользования и портами).

Ст. 9. (Согласие Франции повлиять на марокккское правительство в смысле передачи спорных дел между иностранцами и марокккскими властями третейскому судье, назначенному ad hoc для каждого дела по соглашению между французским консулом и консулом другой стороны. Оставление этого правила в силе впредь до введения в Марокко судебной реформы).

Ст. 10. (Согласие Франции наблюдать за тем, чтобы иностранцы продолжали пользоваться правом рыбной ловли в водах и портах Марокко).

Ст. 11. (Согласие Франции повлиять на марокккское правительство в смысле открытия для торговли новых портов).

Ст. 14. Настоящее соглашение будет сообщено другим державам, подписавшим алжезирасский акт, при чем оба правительства обязуются взаимно оказывать поддержку при указанных державах для того, чтобы добиться их присоединения [1].

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 350—351. Док. 346).

№ 110. ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Берлин, 4 ноября 1911 г.

Мой дорогой посол,

Для того, чтобы как следует уточнить соглашение о Марокко от 4-го ноября 1911 г. и определить его значение, имею честь довести до

[1] Того же числа между Камбоном и Кидерленом были обменены письма, в которых, наряду с другими пунктами, указывалось, что германское правительство не будет возражать в том случае, если французское правительство приняло бы решение объявить свой протекторат над Марокко.

сведения вашего превосходительства, что если французское правительство сочтет нужным взять на себя протекторат над Марокко, императорское правительство не будет чинить этому никаких препятствий[1].

(Documents diplomatiques français, Série 3, t. 1. Paris, 1929, p. 21).

№ 112. ИТАЛО-ТУРЕЦКОЕ СЕКРЕТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О МИРЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ЛОЗАННЕ 15 октября 1912 года

(Уполномоченные: Италии—Бертолини, Фузинато и Вольпи, Турции—Наби-бей, Румбей-оглы и Фареддин-бей).

Е. в. итальянский король и е. в. император Оттоманов, одушевленные одинаковым желанием прекратить состояние войны между обеими странами и ввиду трудности достигнуть этого, — проистекающей из невозможности для Италии отменить закон 25 февраля 1912 года, провозгласивший суверенитет Италии над Триполитанией и Киренаикой, а для Оттоманской империи — формально признать этот суверенитет, — назначили своими уполномоченными..., которые... согласились о следующем modus pocedendi:

Ст. 1. Имп. правительство обязуется к тому, что самое позднее, в 3-дневный срок, будет издан имп. фирман, адресованный населению Триполитании и Киренаики, соответствующий прилагаемому тексту (приложение 1).

Ст. 2. Представитель султана и религиозные главы должны предварительно утверждаться королевским правительством.

Жалование названному представителю и наибам будет установлено по соглашению обоих правительств и уплачиваться из местных доходов; жалование кади будет, напротив, выплачиваться имп. правительством.

Число названных религиозных глав не может превосходить числа тех, которые существовали к моменту объявления войны.

Ст. 3. Королевское правительство обязуется к тому, что самое позднее, в 3-дневный срок, по опубликовании упомянутого в ст. 1 имп. фирмана, будет издан королевский декрет, соответствующий прилагаемому тексту (приложение 2).

Ст. 4. Имп. правительство обязуется к тому, что самое позднее, в 3-дневный срок по опубликовании имп. фирмана, упомянутого в ст. 1, будет издано имп. ираде, соответствующее прилагаемому тексту (приложение 3).

Ст. 5. Немедленно по опубликовании трех вышеупомянутых односторонних актов, уполномоченные обеих высоких договаривающихся сторон подпишут открытый договор, соответствующий прилагаемому тексту (приложение 4).

Ст. 6. Естественным образом остается условленным и освященным настоящим соглашением, что имп. правительство обязуется не посылать и

---

[1] Одновременно с переговорами об этом соглашении шли переговоры о «компенсациях», которые Франция предоставит Германии за ее согласие на французский протекторат над Марокко. В результате было заключено соглашение, по которому Германия получила гораздо меньше, чем она потребовала первоначально. Франция уступила ей полосу земли во французском Конго вдоль границы германского Камеруна. Эта территория имела некоторое значение в том смысле, что создавала выход из Камеруна к берегу р. Конго.

не разрешать посылку из Турции в Триполитанию и Киренаику оружия, снабжения, солдат и офицеров.

Ст. 8. Высокие договаривающиеся стороны обязуются сохранять настоящее соглашение в тайне.

Ст. 9. Само собой разумеется, что упомянутые в настоящем договоре приложения входят в него составной частью.

Приложение 1. (Текст имп. турецкого фирмана населению Триполитании и Киренаики о даровании ему «полной и совершенной автономии», о переходе Триполитании и Киренаики под «новые законы», о назначении туда наиб-уль-султана и кади и о порядке назначения наибов).

Приложение 2. (Текст декрета итальянского короля об амнистии жителям Триполитании и Киренаики, о свободе мусульманской религии, о сохранении вакуфов, о назначении турецкого представителя для защиты интересов оттоманских граждан и о назначении комиссии при участии местных нотаблей для выработки гражданского и административного положений для обеих провинций).

Приложение 3. (Текст султанского ираде об административных и судебных реформах на оттоманских островах Эгейского моря и об амнистии их гражданам, принимавшим участие в военных действиях против Турции).

Приложение 4. (Текст приводимого ниже Лозанского мирного договора от 18 октября 1912 года).

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 357—358. Док. 352).

№ 112. ИТАЛО-ТУРЕЦКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ЛОЗАННЕ 18 октября 1912 года

(Уполномоченные: Италии—Бертолини, Фузинато, Вольпи, Турции—Наби-бей, Румбей-оглы и Фареддин-бей).

Ст. 1. (Соглашение о немедленном прекращении враждебных действий).

Ст. 2. (Соглашение об издании немедленных приказов относительно вывода войск и гражданских чиновников — турецких из Триполитании и Киренаики, итальянских — с занимавшихся итальянцами островов Эгейского моря. Итальянцы уйдут с островов немедленно после того, как турки очистят Триполитанию и Киренаику).

Ст. 5. Все договоры, конвенции и соглашения всякого рода, вида и характера между обеими высокими договаривающимися сторонами, заключенные или действовавшие до объявления войны, будут немедленно восстановлены в силе, и оба правительства равно как и их подданные будут поставлены по отношению друг к другу в положение, тождественное с тем, в каком они находились до враждебных действий.

Ст. 6. Италия обязуется заключить с Турцией, в то же время, как она возобновит свои торговые договоры с другими странами,— торговый договор на основе европейского публичного права, т. е. она соглашается оставить Турции всю ее экономическую независимость и право действовать в коммерческой и таможенной областях, по примеру всех других европейских держав и не будучи связанною капитуляциями и другими актами. Само собой разумеется, что названный торговый договор только

тогда вступит в действие, когда вступят в действие торговые договоры, заключенные Блистательной Портой на той же основе с другими державами.

Сверх того, Италия соглашается на повышение с 11 до 15% таможенных пошлин ad valorem в Турции, равно как на установление новых монополий или увеличение акцизов на следующие пять товаров: керосин, папиросы, бумагу, спички, спирт, игральные карты. Все это при условии, что этот режим будет применяться одновременно и без различий к вызову из других стран.

Ст. 7. Итальянское правительство обязуется закрыть действующие в Оттоманской империи итальянские почтовые конторы тогда же, когда и другие государства, имеющие почтовые конторы в Турции, закроют свои конторы.

Ст. 8. Так как Блистательная Порта предполагает открыть в порядке европейской конференции с участием заинтересованных великих держав или иначе переговоры с целью прекращения капитуляционного режима в Турции с заменой его режимом международного права, то Италия, признавая обоснованность этих намерений Блистательной Порты, ныне же заявляет о своей готовности оказать ей с этой целью свою полную и искреннюю поддержку.

Ст. 9. Оттоманское правительство, желая засвидетельствовать свое удовлетворение хорошими и лойяльными услугами, оказанными ему итальянскими подданными, которые состояли на его службе и которых оно было вынуждено уволить во время враждебных действий, заявляет о своей готовности вернуть их на те должности, которые они покинули.

...Им будет уплачено за месяцы, проведенные вне службы, и этот перерыв в службе не причинит никакого ущерба тем среди этих чиновников, которые имеют право на пенсию за выслугу лет.

Сверх того, Оттоманское правительство обязуется употребить свои добрые услуги в отношении учреждений, с которыми оно находится в сношениях (Государственный долг, Об-ва железных дорог, банки и т. д.) с тем, чтобы они поступили так же с итальянскими гражданами, бывшими у них на службе и находящимися в аналогичных условиях.

Ст. 10. Итальянское правительство обязуется уплачивать ежегодно в кассу Оттоманского Государственного Долга на счет имп. правительства сумму, соответствующую средней тех сумм, которые в каждый из трех предшествовавших объявлению войны годов получались управлением Государственного Долга с доходов обеих провинций. Высота названного аннуитета будет определена по соглашению двух комиссаров, назначенных: один — королевским правительством, другой — имп. правительством. В случае несогласия, решение будет передано третейской коллегии...

Королевское правительство, а равно управление оттоманского Государственного Долга, через посредство имп. правительства, будут иметь право требовать замены названного аннуитета уплатой соответствующей суммы, капитализированной из 4%.

В отношении предыдущего абзаца королевское правительство... теперь же признает, что аннуитет не может быть ниже суммы в 2.000.000 итальянских лир и что оно готово уплатить управлению Государственного Долга соответствующую капитализированную сумму, как только его о том попросят.

Ст. 12. Настоящий договор вступит в силу в день его подписания.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 358—360. Док. 353).

№ 113. БЕСЕДА БОЛГАРСКОГО ПРЕМЬЕРА ГЕШОВА С СЕРБСКИМ ПРЕМЬЕРОМ МИЛОВАНОВИЧЕМ в сентябре 1911 г.

...Не будем проводить никакой разграничительной линии теперь,— сказал мне Милованович. Таким образом вы не подвергнетесь упрекам в том, что согласились на предварительный раздел Македонии. Когда наступит момент, и когда ваши соотечественники сделают так, что вы получите львиную часть, никто не возразит против той маленькой части Македонии, которую русский император, под чьим покровительством и возвышенным чувством справедливости совершится это великое дело, даст Сербии. О, да! Если бы одновременно с ликвидацией Турции могло наступить и распадение Австро-Венгрии, разрешение очень упростилось бы: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния — Трансильванию и мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией.

(Гешов, И. Е. Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг. 1915, стр. 17).

№ 114. БОЛГАРО-СЕРБСКИЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В СОФИИ 29 февраля (13 марта) 1912 года

Ст. 1. Царство Болгарии и королевство Сербии гарантирует одно другому независимость и целость государственной территории, обязуясь... прийти на помощь одно другому всеми своими силами в случае, когда на одно из них нападет одно или несколько государств.

Ст. 2. Обе договаривающиеся стороны обязуются также прийти на помощь одна другой всеми своими силами в том случае, если какая-либо великая держава сделает попытку присоединить или оккупировать, или занять своим войском, хотя бы временно, какую бы то ни было часть балканских территорий, находящихся в настоящее время под властью турок, притом поскольку одна из договаривающихся сторон найдет подобную политику вредной для своих жизненных интересов или сочтет ее как casus belli.

Ст. 3. Обе договаривающиеся стороны обязуются не заключать мира иначе как только совместно и по предварительному соглашению.

Ст. 4. О полном и наиболее целесообразном исполнении настоящего договора будет заключена военная конвенция..., и она должна быть приготовлена в течение не более двух месяцев.

Ст. 5. Настоящий договор и военная конвенция будут считаться в силе со дня их подписания до 31 декабря 1920 года включительно. Они могут быть продолжены и после этого срока, но только после дополнительного соглашения, которое должно быть утверждено обеими договаривающимися сторонами. В случае же, если в день истечения срока договора и военной конвенции стороны будут находиться в войне или в состоянии ликвидации войны, договор и военная конвенция останутся в силе до заключения мира и ликвидации положения, созданного войной.

Ст. 7. Настоящий договор и военная конвенция могут быть опубликованы или сообщены другим государствам только по предварительному соглашению обеих договаривающихся сторон и то совместно и одновременно.

Точно так же только по предварительному соглашению можно будет принять в союз какое-либо иное государство.

Секретное приложение

Ст. 1. В случае наступления в Турции внутренних беспорядков, которые могли бы угрожать государственным и национальным интересам обеих договаривающихся сторон или одной из них, а равно в случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, могущих наступить для Турции, status quo на Балканском полуострове будет поколеблен, то договаривающаяся сторона, которая первая убедится в необходимости вооруженного выступления, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, обязанной, в свою очередь, немедленно вступить в обмен мыслей и, в случае несогласия со своей союзницей, дать последней обстоятельный ответ. Если соглашение о вооруженном выступлении состоится, то о сем будет сообщено России и, в случае отсутствия препятствий со стороны последней, союзники приступят к военным действиям согласно состоявшемуся уговору, руководствуясь во всем чувствами солидарности и соблюдая во всем обоюдные интересы. В противном случае, если соглашение не состоится, вопрос будет представлен на усмотрение России, мнение которой, каковым бы оно ни было, явится обязательным для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не пожелает высказать своего мнения и если и после того соглашение между договаривающимися сторонами не будет достигнуто, то, в случае самостоятельного начала военных действий против Турции стороною, высказавшеюся за вооруженное вмешательство, другая сторона должна по отношению к своей союзнице соблюдать дружественный нейтралитет, немедленно приступить к мобилизации в размерах, предвиденных военной конвенцией, и помочь всеми своими силами союзнице, если бы какая-либо третья держава стала на сторону Турции.

Ст. 2. Вся территория, приобретенная совместными действиями согласно ст.ст. 1 и 2 договора, равно и ст. 1 сего секретного приложения, поступит в общее управление обоих союзников; ликвидация condominium состоит не позже трехмесячного срока со дня восстановления мира на следующих основаниях:

Сербия признает права Болгарии на территории к востоку от Родопа и реки Струмы, а Болгария — права Сербии на территории к северу и западу от Шар-Планины. Что же касается территории, лежащей между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и Охридским озером, то, буде обе стороны удостоверятся в невозможности образования из нее... отдельной автономной области, по отношению к этой территории будет поступлено на основании следующих постановлений: Сербия обязуется ничего не требовать за линией, которая начинается от турецко-болгарской границы с Голема Охра и тянется в юго-западном направлении до Охридского озера... Болгария обязуется принять эту границу, если е. имп. в. гос. имп., к которому будет обращена просьба быть верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу означенной линии...

Ст. 3. Копия договора с этим секретным приложением, а равно военная конвенция будут переданы совместно договаривающимися сторонами российскому имп. правительству с просьбой принять к сведению и отнестись доброжелательно к преследуемым ими целям, а равно войти с ходатайством к гос. имп., дабы е. имп. в. соизволил принять и одобрить

участие, предназначенное сим договором как ему, так и его правительству.

Ст. 4. Всякий спор, который мог бы возникнуть при толковании и исполнении какой-либо статьи сего договора, секретного приложения и военной конвенции, представляется на окончательное решение России...

Ст. 5. Ни одна статья сего секретного соглашения не может быть предана гласности, ни сообщена какой-либо другой державе без предварительного соглашения двух договаривающихся сторон и согласия на то России.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 352—354. Док. 348).

№ 115. КОНРАД ф. ГЕТЦЕНДОРФ ЗА ПРЕВЕНТИВНУЮ ВОЙНУ ПРОТИВ СЕРБИИ

Корнем всех зол Австро-Венгерской монархии были ее отношения с Сербией и стоящей позади Сербии Россией. С этого следовало начинать. Все остальное имело второстепенное значение.

Путь, который я себе всегда представлял для этого заключался, прежде всего, в достижении длительного государственного объединения Сербии с габсбургской монархией *мирными* средствами. Если бы Сербия, однако, отклонила объединение и продолжала бы питать свои враждебные монархии намерения, которые имели место, то выходом должно было быть *военное* решение вопроса в подходящий момент.

Я указывал это уже в 1906 г., при назначении меня начальником генерального штаба, а в 1908—1909 гг. — определял момент, как подходящий для достижения с Сербией ясных взаимоотношений, предполагая, что с течением времени шансы неизбежного расчета будут для нас лишь ухудшаться.

В 1912 г. положение все еще казалось мне подходящим для разрешения конфликта с Сербией, хотя уже далеко не таким благоприятным, как в 1908—1909 гг. Но в 1913 г. я считал, что пришел *последний момент* для того, чтобы вообще разрешать конфликт с надеждой на успех, хотя уже при гораздо более трудных условиях, чем раньше.

(Conrad, Feldmarschall. Aus meiner Dienstteit 1906—1918, Bd, III, S.11).

№ 116. МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РУМЫНИЕЙ, ГРЕЦИЕЙ, ЧЕРНОГОРИЕЙ И СЕРБИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И БОЛГАРИЕЙ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В БУХАРЕСТЕ 28 июля (10 августа) 1913 года

Ст. 1. (Установление мира и дружбы между сторонами).

Ст. 2. (Новая болгаро-румынская граница между Дунаем и Черным морем начинается на Дунае, выше Туртукая, и кончается у Черного моря к югу от Экрена. В 2-летний срок Болгария разоружит существующие крепости и не будет строить новых в Рущуке, Шумле, в промежуточной области и в зоне в 20 км. вокруг Балчика.

Смешанная комиссия с равным представительством от обеих сторон приступит к точному установлению новой границы и к разделу земельной собственности и капиталов, принадлежащих округам, общинам или обществам, оказавшимся теперь разделенными границей. В случае разногласий — окончательный арбитраж третьей дружественной державы).

Ст. 3. (Новая болгаро-сербская граница начнется у вершины Патарики на прежней границе, пойдет по прежней болгаро-турецкой границе и по водоразделу Вардара и Струмы, но с тем, что долина верхнего течения Струмицы останется за Сербией; она окончится на горе Белазика, где сомкнется с болгаро-греческой границей.

О смешанной болгаро-сербской комиссии — дословно как в ст. 2).

Ст. 4. (Вопросы, касающиеся прежней болгаро-сербской границы, будут разрешены на основании обеих сторон).

Ст. 5. (Новая греко-болгарская граница начнется у новой болгаро-сербской границы на гребне Белазика Планины, а окончится в устье Месты на Эгейском море.

О смешанной греко-болгарской комиссии — дословно как в ст. 2-й.

«Формально определено, что Болгария отказывается отныне от всяких претензий на остров Крит»).

Ст. 6. (Немедленное извещение генеральных штабов о подписании мира. Перевод болгарской армии на мирное положение «на другой же день» по получении Болгарией этого извещения. Гарнизоны стороны в оккупированных зонах будут направлены в другие пункты прежней болгарской территории, а к себе вернутся лишь по окончательной эвакуации этих зон).

Ст. 7. Эвакуация болгарской территории как старой, так и новой начнется немедленно после демобилизации болгарской армии и будет закончена в течение не более как 15 дней.

(На это время демаркационная зона для румынской армии будет определена линией Систово — Златица — Мирково — Конак — Ошанья— Берковицы — Лом — Дунай).

Ст. 10. (Срок ратификации настоящего договора не более, чем 15-дневный).

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 372. Док. 366).

№ 117. ОРГАНИЧЕСКИЙ СТАТУТ АЛБАНСКОГО ГОСУДАРСТВА, ПРИНЯТЫЙ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПОСЛОВ В ЛОНДОНЕ 29 июля 1913 года

(Участники: Россия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия).

Ст. 1. Албания провозглашается автономным, суверенным и наследственным, в порядке первородства, княжеством под гарантией шести держав. Князь будет намечен шестью державами.

Ст. 2. Всякая связь сюзеренитета между Турцией и Албанией исключается.

Ст. 3. Албания делается нейтральной. Ее нейтральность гарантируется шестью державами.

Ст. 4. Контроль над гражданским управлением и финансами Албании поручается международной комиссии, составленной из делегатов шести держав и делегата Албании.

Ст. 7. Князь будет назначен в шестимесячный срок. В ожидании его назначения и образования национального правительства, существование действующих туземных властей и жандармерии будет предметом контроля со стороны международной комиссии.

Ст. 8. Общественная безопасность и порядок будут обеспечены путем международной организации жандармерии. Эта организация будет поручена иностранным офицерам...

Ст. 9. Эти офицеры будут избраны из шведской армии...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 369. Док. 364).

№ 118. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ. АНГЛО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР от 12 августа 1905 г.

Правительства Великобритании и Японии, желая заменить соглашение, заключенное между ними 30 января 1902 года, новыми постановлениями, согласились о следующих статьях, имеющих своим предметом:

а) укрепление общего мира в странах Дальнего Востока и в Индии;

б) охрану общих интересов всех держав в Китае обеспечением независимости и целости китайской империи и принципа равных возможностей для промышленности и торговли всех наций в Китае;

в) сохранение территориальных прав высоких договаривающихся сторон в странах Восточной Азии и в Индии и защиту их собственных интересов в названных странах.

Ст. 1. Постановлено, что в случае, если, по мнению или Великобритании или Японии, какому-либо из прав или интересов, упомянутых во вступлении к этому соглашению, будет угрожать опасность, оба правительства сообщают об этом друг другу с полнотой и откровенностью и обсудят сообща меры, которые следует принять, чтобы охранить эти, находящиеся в опасности, права и интересы.

Ст. 2. Если вследствие не вызванного ничем нападения или агрессивного действия, возникшего где-либо со стороны какой-либо другой державы или держав, та или другая из договаривающихся сторон будет вовлечена в войну для защиты своих территориальных прав или специальных интересов, упомянутых во вступлении к этому соглашению, другая договаривающаяся сторона тотчас же придет на помощь к своей союзнице, будет вести войну сообща и заключит мир во взаимном согласии с нею.

Ст. 3. Так как Япония обладает преобладающими политическими, военными и экономическими интересами в Корее, то Великобритания признает за Японией право принять такие меры руководства, контроля и покровительства над Кореей, какие она найдет соответствующими и необходимыми, чтобы охранить и развить эти интересы, при наличности, во всяком случае, того условия, чтобы такие меры не противоречили принципу одинаковых выгод для торговли и промышленности всех стран.

Ст. 4. Так как Великобритания особенно заинтересована во всем том, что касается индейской границы, то Япония признает ее право принять такие меры близ этой границы, какие она может найти необходимыми для охранения ее индейских владений.

Ст. 5. Высокие договаривающиеся стороны постановляют, что ни та, ни другая сторона, не посоветовавшись с другою, не войдет в отдельные соглашения с иной державой в ущерб тем целям, которые упомянуты во вступлении к этому соглашению.

Ст. 6. Что касается настоящей войны между Японией и Россией, то Великобритания будет продолжать сохранение строгого нейтралитета, если

только какая-либо иная держава или державы, не присоединятся к военным действиям против Японии, в каковом случае Великобритания придет на помощь Японии, будет вести войну сообща и заключит мир во взаимном согласии с Японией.

Ст. 7. Условия, на которых вооруженная помощь будет оказана каждой державой другой при обстоятельствах, упомянутых в настоящем соглашении, и меры, коими такая помощь должна быть оказана, будут установлены морскими и военными властями договаривающихся сторон, которые от времени до времени будут совещаться друг с другом с полной откровенностью по всем вопросам взаимных интересов.

Ст. 8. Настоящее соглашение войдет в силу, при наличности условий ст. 6, тотчас же по его подписании и останется в силе 10 лет от этого времени. (О порядке денонсиации договора: за год до истечения срока).

(Гримм Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 165—166. Док. 64).

№ 119. ЯПОНО-КОРЕЙСКИЙ ДОГОВОР ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОТЕКТОРАТА ЯПОНИИ НАД КОРЕЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В СЕУЛЕ 17 ноября 1905 года

(Уполномоченные: Японии—Хаяши Гонзуке, Кореи—Пак-ше-сун).

Ст. 1. Японское правительство через министерство иностранных дел в Токио будет впредь осуществлять контроль за внешними сношениями и делами Кореи и их управлением. Дипломатическим и консульским представителям Японии будет поручена защита подданных и интересов Кореи в иностранных государствах.

Ст. 2. Японское правительство обязуется наблюдать за выполнением договоров, существующих ныне между Кореей и другими державами, корейское же правительство обязуется не заключать отныне никаких актов или обязательств, имеющих международный характер, иначе, как через посредство японского правительства.

Ст. 3. Японское правительство будет представлено при дворе е. в. имп. Кореи генеральным резидентом, пребывающим в Сеуле и имеющим главным образом целью взять в свои руки управление делами, имеющими отношение к дипломатическим вопросам...

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 325. Док. 318).

№ 120. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЗАКАБАЛЕНИЕ КОРЕИ ЯПОНИЕЙ. ЯПОНО-КОРЕЙСКИЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В СЕУЛЕ 24 июля 1907 года

(Уполномоченные: Японии—Хиробуми Ито, Кореи—Ие Ван Ионг).

Ст. 1. Корейское правительство будет действовать в области административных реформ под руководством генерального резидента.

Ст. 2. Корейское правительство обязуется не издавать никаких законов, указов и распоряжений и не предпринимать никаких важных административных мер без предварительного одобрения генерального резидента.

Ст. 3. Судебные дела в Корее будут отделены от общих административных дел.

Ст. 4. Назначение и увольнение всех высших должностных лиц в Корее будет делаться при участии генерального резидента.

Ст. 5. Корейское правительство будет назначать в качестве корейских чиновников японских подданных, рекомендованных генеральным резидентом.

Ст. 6. Корейское правительство не будет принимать на службу иностранцев без участия генерального резидента.

Ст. 7. Ст. 1 протокола, подписанного между Японией и Кореей 22 августа 1904 года, потеряет, следовательно, свою силу.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 332. Док. 324).

№ 121. ФРАНЦУЗСКО-ЯПОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАСАТЕЛЬНО ЦЕЛОСТИ КИТАЯ и т. д.

Париж, 10 июня 1907 г. (Пишон—Курино)

Правительство Французской республики и правительство его вел. имп. Японии, воодушевленные желанием укрепить дружеские отношения, существующие между ними, и устранить на будущее время всякую причину недоразумений, решили закрепить следующее соглашение:

«Правительства Франции и Японии, одинаково согласные уважать независимость и целость Китая, а равно и принципы равенства для торговли и уроженцев всех наций в этой стране, и специально заинтересованные в том, чтобы порядок и мирное состояние было гарантировано в частности в области Китайской империи, соседних с территориями, в которых они имеют права суверенитета, протектората или оккупации, взаимно обязуются поддерживать друг друга в целях обеспечения мира и безопасности в этих областях, в видах сохранения соответствующего положения и территориальных прав двух договаривающихся сторон на азиатском материке».

В подтверждение чего нижеподписавшиеся и т. д.

(Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М., Ин-т Востоковедения 1927, стр. 170. Док. № 67).

№ 122. РУССКО-ЯПОНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О status quo НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ 17/30 июля 1907 года

(Уполномоченные: России—Извольский, Японии—Мотоно)

Ст. 1. Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется уважать существующую территориальную целость другой и все права, вытекающие для той и другой стороны из действующих трактатов, конвенций и контрактов между ними и Китаем..., из Портсмутского договора 23 августа (5 сентября) 1905 года, а равно и из специальных соглашений, заключенных между Россией и Японией.

Ст. 2. Обе высокие договаривающиеся стороны признают независимость и целость территории Китайской империи и принцип общего равноправия по отношению к торговле и промышленности всех наций в этой империи и обязуются поддержать и защищать сохранение status quo и

означенный принцип всеми мирными средствами, имеющимися в их распоряжении.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 333. Док. 325).

№ 123. ОБМЕН НОТАМИ МЕЖДУ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ И ЯПОНИЕЙ 30 ноября 1908 г.

I. Нота японского посла в Вашингтоне барона Такахира статс-секретарю Соединенных штатов Америки Руту.

Сэр,— обмен мнений между нами, состоявшийся во время разных свиданий, которые я недавно имел честь иметь с вами, показал, что при обладании Японией и Соединенными Штатами важными, вне их пределов лежащими, островными владениями в области Тихого океана, правительства двух стран одушевлены общими целями, политикой и намерениями в этой области. Полагая, что откровенное признание этих целей, политики и намерений не только будет способствовать дружественным и добрососедским отношениям, с незапамятных времен существующих между Японией и Соединенными Штатами, но окажет реальное содействие сохранению всеобщего мира, имп. прав-о уполномочило меня представить вам проект изложения его понимания этих общих целей, политики и намерений.

1. Два правительства желают способствовать свободному и мирному развитию их торговли в Тихом океане.

2. Политика обоих правительств, не руководимая никакими агрессивными тенденциями, имеет целью сохранение существующего status quo в вышеназванной области и защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае.

3. Они в соответствии с сим питают твердое намерение уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области.

4. Они равным образом намерены охранять общие интересы всех держав в Китае, поддерживая всеми мирными средствами, находящимися в их распоряжении, независимость и неприкосновенность Китая и принцип равных возможностей для торговли и промышленности всех народов в этой империи.

5. Если бы какое-либо обстоятельство стало угрожать вышеописанному status quo или вышеустановленному принципу равных возможностей, двум правительствам остается вступить в сношения друг с другом с целью притти к соглашению насчет мер, которые они сочтут нужным принять.

Если вышеизложенные соображения соответствуют взглядам прав-а Соединенных Штатов, я буду рад получить подтверждение сего с Вашей стороны. Пользуясь случаем, и. т. д.

II. Нота статс-секретаря Соединенных Штатов Рута барону Такахира.

Ваше прев-ство, имею честь констатировать получение мною вашей ноты от сего дня, излагающей результат обмена мнений между нами во время недавних наших свиданий и определяющей согласие мнений двух правительств в отношении их политики в области Тихого океана.

Мне приятно осведомить Вас, что выражение взаимного понимания приветствуется правительством Соединенных Штатов, как соответствующее счастливым взаимоотношениям двух стран и как повод для точного обоюдного утверждения согласия их политики в отношении Д. Востока, о котором оба правительства столь часто заявляли в прошлом. Я счастлив, что могу подтвердить, в. прев-ство, от имени Соединенных Штатов, декларацию двух правительств, заключающуюся в следующих словах (дальше воспроизводится содержание пунктов 1—5 ноты Такахира).

Примите, и т. д.

(Гримм Э. Д., Сборник договоров и других документов..., стр. 173. Док. 69)

№ 124. РУССКО-ЯПОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 4 июля н. ст. 1910 г. (ИЗВОЛЬСКИЙ — МОТОНО)[1]

I. Договор опубликованный.

Империя Российского правительства и империя Японского прав., искренно преданные принципам, установленным конвенцией, заключенной между ними 30 (17) июня 1907 г., и желая развить результаты этой конвенции в целях укрепления мира на Д. Востоке, согласились дополнить названное соглашение нижеследующими соглашениями:

Ст. 1. В целях облегчения сношений и развития международной торговли, высокие договаривающиеся стороны взаимно обязываются оказывать друг другу дружественное содействие для улучшения соответственных их жел.-дор. линий в Манчжурии и для усовершенствования соединительной службы вышеуказанных железных дорог, воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели.

Ст. 2. Каждая из высоких договаривающихся сторон обязывается поддерживать и уважать status quo Манчжурии, как он определяется всеми договорами, конвенциями и другими соглашениями, ранее заключенными как между Россией и Японией, так и между этими двумя державами и Китаем. Копии вышеназванных соглашений были обменены между Россией и Японией.

Ст. 3. В случае, если бы возникло обстоятельство, угрожающее вышеназванному status quo, две высокие договаривающиеся стороны вступят незамедлительно в переговоры между собой в целях соглашения относительно мер, которые они сочтут нужным принять для сохранения названного.

II. Договор секретный.

Империя Российского правительства и империя Японского правительства, желая укрепить и точнее установить положения секретной кон-

[1] Кит. правительство ответило на эту конвенцию нотой от 21 июля 1910 г. следующего содержания: «Имп. правительство по внимательном изучении новой русско-японской конвенции, заключенной 4 июля 1910, копии с коей были вручены Вайвубу русским и яп. посланниками, препроводило им, датированное от 21 июля нижеследующее сообщение: Так как конвенция определенно устанавливает, что каждая из высоких договаривающихся сторон обязывается уважать и поддерживать договоры, конвенции и другие соглашения, заключенные между Китаем и Россией, между Китаем и Японией и между Японией и Россией, то оно посему согласуется и подтверждает принципы соглашений, заключенных между Японией и Россией в силу мирного договора 1905 г., а равно и договора и соглашений, заключенных между Китаем и Японией относительно дел трех восточных провинций. Ибо по ст. 3 русско-японского мирного договора, Россия и Япония взаимно обязываются вернуть все части Манчжурии пол-

венции, подписанной в Петербурге 30 (17) июля 1907 г., согласились о нижеследующем:

Ст. 1. Россия и Япония признают, как разграничивающую сферу их специальных интересов в Манчжурии, демаркационную линию, определенную добавочной статьей к секретной конвенции 1907 г.

Ст. 2. Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах. Они признают, следовательно, право свободно принимать, за каждой в ее сфере, все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов.

Ст. 3. Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется не противодействовать никоим образом дальнейшим укреплению и развитию специальных интересов другой стороны, в пределах вышеуказанных интересов.

Ст. 4. Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Манчжурии. Кроме того, условлено, что Россия не будет стремиться в русской сфере к получению какой-либо привилегии или какой-либо концессии, могущей нанести ущерб соответствующим специальным интересам каждой из них и что оба правительства — русское и японское — не будут нарушать никакие права, приобретенные каждым из них в своей сфере, согласно договоров, конвенций и других соглашений, указанных в ст. 2 явной конвенции от сего числа.

Ст. 5. В целях обеспечения хорошего действия своих взаимных обязательств, обе высокие договаривающиеся стороны войдут во всякое время открыто и лойяльно в сношение по поводу всего, что касается дел, относящихся, общим образом, к их специальным интересам в Манчжурии.— В случае, если бы возникла угроза этим специальным интересам, обе высокие договаривающиеся стороны сговорятся о мерах, которые нужно будет принять в целях общего действия или оказания себе взаимной поддержки и ограждения и защиты этих интересов.

Ст. 6. Настоящая конвенция будет совершенно конфиденциальной между обеими высокими договаривающимися сторонами.—В удостоверение чего и т. д.

ностью и во всем объеме исключительному управлению Китая, и заявляют, что имп. правительства не обладают в Манчжурии никакими территориальными выгодами или какими-либо преимущественными или исключительными концессиями, нарушающими суверенитет Китая или несоответствующими принципу равных возможностей; а ст. 4 Япония и Россия взаимно обязываются не препятствовать каким-либо общим мерам, равно относящимся ко всем державам, каковые Китай сможет принять для развития торговли и промышленности Манчжурии. В том же году Япония и Китай назначили своих уполномоченных, согласились и заключили в Пекине статьи, основанные на мирном договоре, заключенном в Портсмуте, и относящиеся к делам трех манчжурских провинций, в силу коих открытие Манчжурии стало совершившимся фактом,—имп. правительство будет впредь действовать в согласии с принципами, изложенными в русско-японском мирном договоре, и осуществлять положения договора и соглашения с Японией, поддерживая с возрастающей энергией меры, вытекающие из осуществления суверенных прав Китая, принцип равных возможностей и развития торгового и промышленного процветания трех манчжурских провинций в целях развития подлинных интересов всех стран. — Копии настоящего сообщения были вручены правительствам всех стран, с коими Китай имеет договорные и дипломатические отношения».

(Гримм Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 176—177).

№ 125. АНГЛО-ЯПОНСКИЙ ДОГОВОР от 13 июня 1911 года

Правительство Великобритании и прав-о Японии, принимая во внимание важные изменения, наступившие в положении со времени заключения англо-японского соглашения 12 авг. 1905 г., и полагая, что пересмотр этого соглашения, соответствующий названным изменениям, будет содействовать всеобщей прочности положения и покою, согласились в нижеследующих статьях, имеющих заменить сказанное соглашение и преследующих ту же цель, что оно, а именно:

а) консолидацию и поддержание всеобщего мира в областях Д. Востока и Индии;

б) охранение общих интересов всех держав в Китае путем обеспечения независимости и неприкосновенности Китайской империи и принципа равных возможностей для торговли и промышленности всех наций в Китае;

в) охранение территориальных прав высоких договаривающихся сторон в областях Д. Востока и Индии и защиту их специальных интересов в сказанных областях.

Ст. 1. Постановлено, что если, по мнению Великобритании или Японии, какое-либо из прав и интересов, упомянутых в вводной части сего соглашения, будет в опасности, два правительства вступят друг с другом в полный и откровенный обмен мнений и обсудят меры, которые должны быть приняты для обеспечения угрожаемых прав или интересов.

Ст. 2. Если в силу непровоцированного нападения или агрессивных действий, откуда бы они ни исходили, со стороны какой-либо державы или держав, одна из высоких договаривающихся сторон будет вовлечена в войну для защиты своих территориальных прав или специальных интересов, упомянутых в вводной части сего соглашения, другая высокая договаривающаяся сторона тотчас же выступит на помощь своего союзника и будет вести войну совместно и заключит мир по взаимному соглашению с ней.

Ст. 3. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются, что ни одна из них не вступит без совещания с другой в специальные соглашения с иной державой в ущерб целям, изложенным в вводной части сего соглашения.

Ст. 4. Если та или другая из высоких договаривающихся сторон заключит генеральный договор об арбитраже с третьей державой, то условлено, что никакое положение сего соглашения не должно возлагать на эту договаривающуюся сторону обязательство вступить в войну с державой, с которой будет иметь силу такой договор об арбитраже.

Ст. 5. Условия, при которых каждой из держав должна быть оказана другой вооруженная помощь в соответствии с обстоятельствами, упомянутыми в настоящем соглашении, и средства, при помощи коих такая помощь имеет быть оказываема, будут согласованы морскими и военными авторитетами высоких договаривающихся сторон, которые от времени до времени будут со всей полнотой и откровенностью совещаться по всем вопросам, имеющим общий интерес.

Ст. 6. Настоящее соглашение вступит в силу тотчас со дня его подписания и сохранит силу на десять лет, считая с этого дня. В случае, если ни одна из высоких договаривающихся сторон не нотифицирует за 12 месяцев до истечения 10 лет своего желания прекратить его

действие, оно сохранит обязательную силу до истечения одного года с того дня, когда одна из высоких договаривающихся сторон денонсирует его. Однако, если, когда наступит срок его прекращения, тот или другой из союзников будет фактически находиться в состоянии войны, союз сохранит ipso facto силу до заключения мира.

(Гримм Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 177—178. Док. 72).

V. ПОДГОТОВКА АНТАНТЫ И АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО БЛОКА К ВОЙНЕ

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ АНТАНТЫ И ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА

№ 126. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ОБЕИХ СТОРОН

Сухопутные армии

Для характеристики военного могущества воюющих сторон нужно было бы оценить всю совокупность средств, которыми располагало каждое государство, принявшее активное участие в войне, к моменту ее возникновения в августе 1914 г. Подобная задача в ее полном объеме едва ли выполнима в ограниченном размере данного труда.

Приводимая ниже таблица дает лишь некоторые отправные данные о численности сухопутных вооруженых сил обоих союзов к началу войны на основании новейших статистических сведений. В действительности же военная мощь любой страны слагается из целого ряда факторов, среди которых одна голая численность живых сил не дает полного представления о могуществе государства. И к началу мировой войны ни одно государство не предвидело размеров грядущей борьбы, особенно ее продолжительности. В результате воюющие стороны, имея только боеприпасы мирного времени, столкнулись во время самой войны с целым рядом неожиданностей, преодолевать которые приходилось уже наспех в процессе борьбы.

Анализ приведенных в таблице данных сразу резко подчеркивает численное превосходство вооруженных сил Антанты, но необходимо пояснить это бросающееся в глаза преимущество одной стороны. В число 122 русских пехотных дивизий входят 17 стрелковых бригад, штатный состав которых был вдвое меньше пехотных дивизий, и 35 второочередных пехотных дивизий, боевая ценность которых к моменту первых столкновений значительно уступала мобилизованным кадровым дивизиям. Точно так же при несомненном огромном превосходстве русской конницы не следует упускать из вида, что в числе 36½ кавалерийских дивизий — 10 второочередных казачьих. Медленность русской мобилизации и особенно стратегического сосредоточения русских сил также ослабляет значение указанного превосходства, если вспомнить, что окончание сосредоточения русских армий без двух дальневосточных корпусов последовало на 45-й день мобилизации, а вместе с этими корпусами — только в конце 3-го месяца войны. Обращает на себя внимание незначительность боевых русских сил к началу операций сравнительно с общей численностью отмобилизованных сил. Эта разница объ-

ясняется указанной медленностью русского сосредоточения и оставлением крупных масс внутри государства (ополченские войска и неорганизованные запасные части)

В число 92 французских пехотных дивизий входят, кроме 47 полевых, 26 резервных дивизий, 12 резервных бригад и 13 территориальных дивизий, почти равноценных русским ополченским бригадам.

В цифровых данных об английских силах имеется несоответствие между их боевой численностью и числом дивизий. Последние показаны лишь в том размере, в каком они входили в состав экспедиционной армии для действий на материке (см. вторую выноску в таблице). К пограничному сражению англичане успели сосредоточить только 4 пехотных (1-ю, 2-ю, 3-ю и 5-ю) и 1 кавалерийскую дивизии. Пятая (4-я) дивизия была погружена 23 августа и участвовала 26-го в сражении у Ле-Като, а 6-я прибыла и участвовала в Марнском сражении. Территориальная армия составила еще 14 дивизий, которые начали прибывать во Францию в ноябре 1914 г., а для военных действий были использованы впервые лишь в 1915 г.

По быстроте окончания стратегического сосредоточения всех сил Германия и Австро-Венгрия обладали бесспорным преимуществом, что и позволило им на обоих важнейших направлениях предупредить своих врагов наступлением компактными массами.

Соотношение сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил к началу мировой войны [1])

СТРАНЫ	Сухопутные вооруженные силы: Численность населения в 1914 г.	Вооруженные силы мирного времени: Кадровая армия	Вооруженные силы к началу операций: Боевая численность к началу операций	Число дивизий: Пехотных	Число дивизий: Кавалерийских	Число легких орудий	Число тяжелых орудий	Численность вооруженных сил по окончании мобилизации	Морские вооруженные силы: Линейные корабли, дредноуты и крейсеры дредноуты: готовые	Линейные корабли: строящиеся	Крейсеры 2-го класса: готовые	Крейсеры 2-го класса: строящиеся	Крейсеры 3-го класса: готовые	Крейсеры 3-го класса: строящиеся	Легкие быстроходные крейсеры: готовые	Легкие быстроходные крейсеры: строящиеся	Истребители: готовые	Истребители: строящиеся	Подводные лодки: готовые	Подводные лодки: строящиеся	Численный состав экипажей по штатам мирного времени	Людские ресурсы: Общее число военнообученных	Общее число мобилизованных	Воздушные силы (самолеты)
Союз держав Антанты																								
Россия	169 400 000	1 284 155	2 500 000	122	36 1/2	6 848	240	5 460 955		11	2	—	6		2	4	30	45	13	14	59 500	5 650 000	19 000 000	216
Франция	39 600 000 в колониях: 55 500 000	884 000	2 689 000	92	10	3 960	688	3 781 000	3	4	9	—	11	—	3	—	54	3	35	21	69 500	5 067 000	6 300 000 в колониях: 1 394 000	162
Англия	47 000 000 в колониях: 393 500 000	411 400 Вместе с индийской армией	566 778 Вместе с резервными войсками и территориальными дивизиями и экспедиционными силами [2]	6	1	—	—	Около 1 000 000	29	13	10		30	—	31	20	98	29	47	24	151 000	1 203 000	4 970 000 в колониях: 4 526 000	30
Бельгия	7 700 000 в колониях: 15 000 000	100 000	166 000 117 000	6	1	656	85	175 000	—			—	—	—	—	—			—	—	—	—	3 800 000	—
Сербия	4 500 000	52 000	247 000	12 1/2	1	564		380 000	—	—	—	—	—					—		—	—	440 000	750 000	
Черногория	440 000	2 000	60 000	—	—	104	—	60 000	—	—	—	—	—			—	—	—		—	—	—	50 000	—
Итого	248 640 000 в колониях: 464 000 000	2 733 555	6 179 778	237 1/2	49 1/2	12 132	1 013	10 856 955	32	28	21	-	47	—	36	24	182	77	95	59	280 000	12360000	41 290 000	408

Страны	Сухопутные вооруженные силы							
	Численность населения в 1914 г.	Вооруженные силы мирного времени	Вооруженные силы к началу операций			Число легких орудий	Число тяжелых орудий	Численность воору-[illegible] сил по окончании мобилизации
		Кадровая армия	Боевая численность к началу операций	Число дивизий				
				Пехотных	Кавалерийских			
Союз центральных держав								
Германия . .	64 900 000 в колониях 12 300 000	768 000	2 147 000	$121\frac{1}{2}$	11	7 312	2 076	3 822 000
Австро-Венгрия . . .	52 800 000	478 000	1 421 250	$49\frac{1}{2}$	11	3 920	168	2 300 000
Итого . .	117 700 000 в колониях: 12 300 000	1 246 000	3 568 250	171	22	11 232	2 244	6 122 000

Страны	Морские вооруженные силы														Людские ресурсы		
	Линейные корабли, дредноуты и крейсеры дредноуты		Крейсеры 2-го класса		Крейсеры 3-го класса		Легкие быстроходные крейсеры		Истребители		Подводные лодки		Численный состав экипажей по штатам мирного времени	Общее число военнообученных	Общее число мобилизованных	Воздушные силы (самолеты)
	готовые	строящиеся	готовые	строящиеся	готовые	строящиеся	готовые	строящиеся	готовые	строящиеся	готовые	строящиеся				
Германия	18	8	—	—	20	—	16	6	97	24	20	23	79 000	4 900 000	13 150 000	232
Австро-Венгрия	3	1	3	-	6	—	4	—	18	—	4	4	23 000	3 000 000	9 000 000	
Итого	21	9	3	—	26	—	20	6	115	24	24	27	102 000	7 900 000	22 250 000	

1. В таблице приведены цифры только для государств, начавших войну в 1914 г. Поэтому в ней не упоминаются силы государств, позже примкнувших к тому или другому союзу

2. Согласно организации мирного времени, в Англии имелось шесть полевых дивизий (соединение всех родов войск) и одна кавалерийская дивизия. Но в первые же дни войны были добавлены 7-я и 8-я полевые дивизии, две кавалерийские дивизии и две англо-индийские дивизии. Таким образом, Англия выставила в первые же дни войны всего восемь полевых, три кавалерийских и две индийские дивизии; эта численность определяла силу британской армии на театре войны до окончания Фландрского сражения, т. е. до конца 1914 г

3. В графах морских сил показаны только суда, прослужившие менее 10 лет.

Русская армия

За десять лет до начала мировой войны из великих держав только Россия имела боевой (и неудачный) опыт войны — с Японией. Это обстоятельство должно было оказать, и в действительности оказало, влияние на дальнейшее развитие и жизнь русских вооруженных сил.

Россия успела залечить свои раны и сделать большой шаг вперед в смысле укрепления своего военного могущества. Мобилизованная русская армия достигла в 1914 г. грандиозной цифры 1 816 батальонов, 1 110 эскадронов и 7 088 орудий, 85% которых по сложившейся обстановке могло быть двинуто на западный театр военных действий. Расширение повторных сборов запасных для обучения, а также ряд поверочных мобилизаций улучшали качество запасных и делали более достоверными все мобилизационные расчеты.

В русской армии под влиянием японской войны усовершенствовалось обучение, расширялись боевые порядки, начала проводиться в жизнь эластичность их, было обращено внимание на значение огня, роль пулеметов, связь артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку младшего командного и в особенности офицерского состава и на воспитание войск в духе активных решительных действий. Но, с другой стороны, оставлено было без внимания выдвинутое японской войной значение в полевом бою тяжелой артиллерии, что, впрочем, следует отнести и к погрешностям всех остальных армий, кроме германской. Не были достаточно учтены ни громаднейший расход боеприпасов, ни значение техники в будущей войне.

Обращая большое внимание на обучение войск и на усовершенствование младшего командного состава, русский генеральный штаб совершенно игнорировал подбор и подготовку старшего командного состава: назначение лиц, просидевших всю жизнь после окончания Академии на административном кресле, сразу на должность начальника дивизии и командира корпуса было не редкостью. Генеральный штаб был оторван от войск, ограничивая в большинстве случаев свое знакомство с ними кратким цензовым командованием. Проведение в жизнь в войсках идеи маневра ограничивали только уставами и мелкими войсковыми соединениями, но на практике крупные войсковые начальники и крупные войсковые соединения не упражнялись в ее применении. В результате русский порыв вперед был беспочвен и неумел, дивизии и корпуса медленно ходили на театре военных действий, не умели совершать в больших массах марши-маневры, и в то время, когда германские корпуса легко в такой обстановке проходили по 30 км. много дней подряд, русские с трудом делали по 20 км. Вопросами обороны пренебрегали. Встречный бой стал изучаться всей армией только с появлением его в полевом уставе 1912 года.

Однообразного понимания военных явлений и однообразного подхода к ним ни в русской армии, ни в ее Генеральном штабе достигнуто не было. Последний, начиная с 1905 г., получил автономное положение. Он сделал очень мало для проведения в жизнь армии единого взгляда на современное военное искусство. Успев разрушить старые устои, он не смог дать ничего цельного, а его молодые и наиболее энергичные представители раскололись, следуя за германской и французской военной мыслью. С таким разнобоем в понимании военного искусства русский Генеральный штаб вступил в мировую войну. Кроме того, русская армия

начала войну без достаточно хорошо подготовленного офицерского и унтер-офицерского состава, с малым запасом кадров для новых формирований и для подготовки призываемых, с резким, по сравнению с противником, недостатком артиллерии вообще и тяжелой в особенности, весьма слабо снабженной всеми техническими средствами[1] и огнеприпасами[2] и с плохо подготовленным высшим командным составом, имея у себя в тылу не подготовленную для ведения большой войны страну и ее военное управление и совершенно не подготовленную к переходу для работ на военные нужды промышленность.

В общем русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки, но не личных качеств.

Россия сознавала недочеты своих вооруженных сил и с 1913 г. начала приводить в исполнение большую военную программу, которая к 1917 г. должна была намного усилить русскую армию и во многом восполнить ее недостатки[3].

По количеству авиации Россия, имея 216 самолетов, стояла на 2-м месте, следуя за Германией.

Французская армия

Французская армия свыше сорока лет находилась под впечатлением разгрома ее прусской армией и готовилась к несомненному в будущем столкновению со своим соседом-врагом не на жизнь, а на смерть

---

[1] К началу войны этот недостаток был в большей или меньшей степени присущ и остальным армиям. Отсталость русской армии в технических средствах особенно выявилась позднее, во время позиционной войны.

[2] Мобилизационный запас огнеприпасов был недостаточен: 6 432 605 выстрелов для 76-мм пушек, 91 200 выстрелов для 107-мм пушек, 512 000 выстрелов для 122-мм гаубиц и 164 000 выстрелов для 152-мм гаубиц. — Ред.

[3] По большой военной программе 1913 г. русская армия по штатам мирного времени увеличивалась на 480 000 человек, т. е. на 39% своего штатного состава 1913 г. Пехота увеличивалась на 273 600 человек, т. е. на 57%, но для вновь формируемых 140 батальонов (32 четырехбатальонных и 6 двухбатальонных полков) предназначалось только несколько больше $1/3$ этого количества, главная же масса должна была пойти на усиление штатного состава уже существующих частей. Кавалерия увеличивалась на 38 400 человек, т. е. на 8% своего штатного состава; главная масса этого количества шла на усиление уже существующих частей, причем ей придавалась организация, не ослабляющая ее дивизий выделением войсковой конницы во время войны. Артиллерия усиливалась на 129 600 человек и получала новую организацию: число пушечных батарей в легких полевых бригадах дивизионной артиллерии увеличивалось с 6 до 9, но число орудий в батарее уменьшалось с 8 до 6. Общее число легких полевых гаубиц увеличивалось вдвое, и в состав каждой полевой бригады дивизионной артиллерии включался 1 двухбатарейный дивизион гаубиц. После переформирований дивизионная артиллерия состояла бы из 54 легких пушек (вместо 48) и 12 легких гаубиц. Число полевых тяжелых дивизионов значительно увеличивалось, и в состав каждого армейского корпуса должен был войти, как корпусная артиллерия, 1 четырехбатарейный тяжелый дивизион (12—10-см пушек и 12—15-см гаубиц). Артиллерия русского корпуса не была бы слабее артиллерии германского корпуса, так как всего в ней имелось бы 156 орудий (108 легких пушек, 24 легкие гаубицы, 12 полевых тяжелых пушек и 12 полевых тяжелых гаубиц). Всего же в русской армии состояло бы на вооружении 8 538 орудий. Проведение большой военной программы 1913 г. требовало единовременной затраты в полмиллиарда рублей. Она начала проводиться в жизнь в 1914 г., но к началу войны успели сформировать только 4-ю стрелковую финляндскую бригаду.

Идея реванша и защиты своего великодержавного бытия сначала, борьба с Германией за мировой рынок впоследствии заставили Францию с особой заботливостью относиться к развитию своих вооруженных сил, поставив их, по возможности, в равные условия с ее восточным соседом. Для Франции это было особенно трудно, ввиду разницы в количестве ее населения по сравнению с Германией и характера управления страной, из-за которого то увеличивались, то уменьшались заботы о ее военной мощи.

Политическая напряженность последних перед войной лет заставила французов проявить усиленную заботу в отношении своей армии. Военный бюджет сильно возрос.

Франция особенно была озабочена возраставшими затруднениями в развитии своих сил: чтобы не отставать от Германии, необходимо было увеличить ежегодный призыв новобранцев, но эта мера была неосуществима вследствие слабого прироста населения. Незадолго до войны Франция решила перейти от 2-летнего к 3-летнему сроку действительной службы, что увеличивало численность постоянной армии на $^1/_3$ и облегчало переход ее в мобилизованное состояние. 7 августа 1913 г. был введен закон о переходе к 3-летней службе. Эта мера дала возможность осенью 1913 г. призвать под знамена сразу два возраста, что дало контингент новобранцев в 445 000 человек. В 1914 г. состав постоянной армии, без колониальных войск, достиг 736 000. Было обращено особое внимание и на увеличение туземных войск во французских колониях, которые оказали такую существенную пользу своей метрополии. Сильные штаты французских полков содействовали быстроте и прочности новых формирований, а также быстроте и простоте мобилизации, особенно же кавалерии и пограничных войск. Французскую армию 1914 г. нельзя назвать широко обеспеченной всеми средствами техники того времени. Прежде всего обращает внимание по сравнению с Германией и Австро-Венгрией полное отсутствие тяжелой полевой артиллерии, а по сравнению с Россией и отсутствие легких полевых гаубиц; легкая полевая артиллерия была очень бедно снабжена имуществом связи, кавалерия не имела пулеметов и т. д.

Что касается авиации, то к началу войны Франция имела только 162 самолета.

Французские корпуса, так же как и русские, были по сравнению с германскими более бедно снабжены артиллерией; только в последнее время перед войной было обращено внимание на значение тяжелой артиллерии, но к началу войны еще ничего не успели сделать. В отношении расчета необходимого наличия огнеприпасов Франция была так же далека от действительной потребности, как и другие страны[1].

Командный состав был на высоте требований современной войны, и на обучение его было обращено большое внимание. Особого кадра Генерального штаба во французской армии не было; лица с высшим военным образованием чередовали свою службу между строем и штабом. На подготовку лиц высшего командования было обращено особое внимание.

---

[1] Во французской армии имелись незначительные мобилизационные запасы винтовок и орудий, 5 млн. снарядов 75-мм и 155-мм калибров и 1 388 тыс. ружейных патронов. Заводы обеспечивали ежедневную продукцию 2,6 млн. ружейных патронов, 13 600 снарядов для 75-мм пушек и 455 снарядов для 155-мм орудий. Б. Шапошников, Мозг армии, ч. I, М., 1927 г., стр. 212.

Обучение войск стояло на высоком уровне того времени. Французские солдаты были индивидуально развиты, искусны и вполне подготовлены к полевой и позиционной войне. Армия основательно готовилась к маневренной войне; на практику походных движений больших масс было обращено особое внимание.

Французская военная мысль работала самостоятельно и вылилась в определенную, противоположную взглядам германцев, доктрину. Французы развили метод XIX столетия ведения операций и сражений из глубины и в подходящий момент маневрировали крупными силами и имеющимися наготове резервами. Они стремились не к тому, чтобы создать сплошной фронт, а к тому, чтобы дать возможность всей массе маневрировать, оставляя между армиями достаточные стратегические промежутки. Они проводили идею необходимости первоначально выяснить обстановку и затем уже вести главную массу для решительного контрудара, а потому в период стратегической подготовки операций располагались очень глубокими уступами. Встречный бой во французской армии не только не культивировался, но его даже не было в полевом уставе.

Свой метод обеспечения маневрирования массовых армий из глубины французы гарантировали мощной сетью рельсовых путей и пониманием необходимости широкого применения на театре войны автотранспорта, на путь развития которого они стали первыми из всех европейских держав и в чем достигли больших результатов [1].

В общем германцы вполне основательно считали французскую армию самым опасным своим врагом. Главный недостаток ее заключался в нерешительности первоначальных действий до Марнской победы включительно.

Английская армия

Характер английской армии резко отличался от армий других европейских держав. Английская армия, предназначавшаяся, главным образом, для службы в колониях, комплектовалась вербовкой охотников с продолжительным сроком действительной службы. Части этой армии, находившиеся в метрополии, составляли полевую экспедиционную армию (6 пехотных дивизий, 1 кавалерийская дивизия и 1 кавалерийская бригада), которая и предназначалась для европейской войны.

Кроме того, была создана территориальная армия (14 пехотных дивизий и 14 кавалерийских бригад), предназначавшаяся для защиты своей страны. По свидетельству германского Генерального штаба, английская полевая армия котировалась как достойный противник с хорошей боевой практикой в колониях, с подготовленным командным составом, но не приспособленным к ведению большой европейской войны, так как у высшего командования нехватало для этого необходимого опыта. Кроме того, английскому командованию не удалось изжить и бюрократизма, царившего в штабах высших соединений, а это вызывало массу ненужных трений и осложнений. Незнакомство же с другими родами войск в армии было поразительно. Зато длительные сроки службы, крепость традиций создавали крепко спаянные части.

---

[1] В 1914 г. французская армия располагала 6 000 автомобилей, а в 1918 г. — 100 000.

Обучение отдельного солдата и частей вплоть до батальона было хорошим. Индивидуальное развитие отдельного солдата, выполнение походов и обучение стрельбе стояли на высоком уровне. Вооружение и снаряжение были вполне на высоте, что давало возможность высоко культивировать искусство стрельбы, и действительно, по свидетельству германцев, пулеметный и ружейный огонь англичан в начале войны был необычайно меток.

Недостатки английской армии резко обнаружились в первом же столкновении с германской армией. Англичане потерпели неудачи и понесли такие потери, что в дальнейшем их действия отличались излишней осторожностью и даже нерешительностью.

Сербская и бельгийская армии

Армии этих двух государств, как и весь их народ, испытали во время войны наиболее тяжелую судьбу первого удара соседних колоссов и потерю своей территории. Обе они отличались высокими боевыми качествами, но в остальном между ними заметна и разница.

Бельгия, обеспеченная «вечным нейтралитетом», не готовила свою армию для большой войны, поэтому она и не имела характерных, прочно установившихся особенностей. Долгое отсутствие боевой практики накладывало на нее известный отпечаток, и в первых боевых столкновениях она проявила естественную неопытность в ведении большой войны.

Сербская армия, напротив, имела большой и удачный боевой опыт балканской войны 1912—1913 гг. и представляла собой как прочный военный организм внушительную силу, вполне способную, как это и было в действительности, отвлечь на себя превосходные по числу войска противника.

Германская армия

Германская армия после успехов своего оружия в 1866 г. и в особенности в 1870 г. пользовалась репутацией лучшей армии в Европе.

Германская армия служила образцом для ряда других армий, большинство которых находилось под ее влиянием и даже точно копировало ее устройство, германские уставы и следовало германской военной мысли.

В отношении организационных вопросов германское военное ведомство последовательным развитием кадров в количественном и качественном отношениях и поддержанием запасных в смысле обучения и воспитания, достигло возможности развить свои вооруженные силы до максимального использования мужского населения. При этом ему удалось сохранить почти полное однообразие боевых качеств вновь формируемых частей с кадровыми. Исследуя опыты каждой войны, германский Генеральный штаб культивировал этот опыт в своей армии. Германия оказалась более готовой к войне, чем ее враги. Оплотом германской армии служил сплоченный, однообразный и хорошо подготовленный офицерский и унтер-офицерский состав. Он был настолько многочислен, что во время войны мог отчасти обслуживать и союзные армии.

В обучении армии не только в теории, но и на практике широко проводился принцип активности, дерзости и взаимной помощи и выручки. Нельзя сказать, что центром тяжести в обучении войск являлся индивидуальный боец: дисциплина, переходящая в муштру, движение в атаку

густыми цепями были свойственны германской армии 1914 г. Втянутость и плотные построения совместно с немецкой пунктуальностью делали ее наиболее способной к маневрированию и к походным движениям в крупных массах. Основным видом боя считался встречный бой, в принципах которого главным образом и обучалась германская армия. В то же время она более других армий уделяла внимание тактической обороне.

Германская военная мысль выкристаллизовалась в весьма определенную и четкую доктрину, которая основной нитью прошла через весь командный состав армии.

Последним учителем германской армии перед мировой войной, сумевшим с энергией провести свое учение в толщу армии, был начальник германского Генерального штаба Шлиффен, большой поклонник фланговых операций с двойным охватом (Канны). Идея Шлиффена состояла в том, что современные сражения должны свестись к борьбе за фланги, в которой победит тот, кто будет иметь последние резервы не за серединой фронта, а на его крайнем фланге. Шлиффен исходил из того заключения, что в грядущих сражениях естественное желание обеспечить себя, в связи с стремлением использовать всю силу современного оружия, приведет к громадному удлинению фронтов сражения, которые будут иметь совершенно иное протяжение, чем это было раньше. Чтобы достигнуть решительного результата и разгрома противника, необходимо вести наступление с двух или с трех сторон, т. е. с фронта и с флангов. При этом необходимые для сильного флангового удара средства можно получить, ослабляя, насколько возможно, фронт, который во всяком случае также должен участвовать в наступлении. Все войска, которых прежде задерживали для использования в решительный момент, теперь должны быть с места двинуты в бой; развертывание сил для сражения должно начинаться с момента выгрузки войск с железных дорог.

Германский Большой генеральный штаб, выдвинутый заботами фельдмаршала Мольтке старшего на доминирующее место в строительстве вооруженных сил империи и в подготовке к войне, сохранил традиции своего основателя. Связь офицеров Генерального штаба со строем, детальное изучение всех элементов войны, практические выводы из этого изучения, однообразный подход к пониманию их и хорошо поставленная техника штабной службы являлись положительной его стороной.

В техническом отношении германская армия была хорошо снабжена и отличалась в выгодную в отношении своих врагов сторону сравнительным богатством полевой, не только легкой, но и тяжелой артиллерии, значение которой она поняла лучше, чем другие.

Австро-венгерская армия

Австро-венгерская армия занимала одно из последних мест среди первоначальных участников войны. Наличный состав войсковых частей был очень ослаблен (60, впоследствии 92 человека в роте); для доведения полевых войск до полного боевого состава нехватало запаса обученных людей; ландвер до 1912 г. не имел никакой артиллерии. Хотя принципы, положенные в основание уставов, вполне отвечали времени, но учение хромало, и старшие войсковые начальники не имели опыта в управлении войсками.

Отличительной чертой австро-венгерской армии являлся разнонацио-

нальный характер ее, так как она состояла из немцев, мадьяр, чехов, поляков, русинов, сербов, кроатов, словаков, румын, итальянцев и цыган, объединенных только офицерским составом. По мнению германского Генерального штаба, австро-венгерская армия, будучи одновременно занята борьбой на два фронта, не могла освободить германские силы, собранные на русской границе, а численный состав ее, степень обучения, организация и отчасти вооружение оставляли желать многого. Быстрота мобилизации и сосредоточения австро-венгерской армии превосходила таковую русской, против которой ей и приходилось действовать.

Морские силы воюющих держав

Десятилетие, предшествовавшее мировой войне, может быть отмечено в области развития морских сил тремя фактами: ростом германского военного флота, восстановлением русского флота после катастрофического разгрома его во время японской войны и развитием подводного флота.

Морская подготовка к войне в Германии велась в направлении постройки флота из крупных боевых судов (в несколько лет затрачено на это 7½ млрд. марок золотом), что вызвало сильное политическое возбуждение, в особенности в Англии.

Россия развивала свой флот исключительно с активно-оборонительными задачами в Балтийском и Черном морях.

На подводный флот наибольшее внимание было обращено в Англии и Франции; Германия центр тяжести морской борьбы перенесла на него уже во время ведения самой войны.

Сравнительная сила флотов воюющих держав приведена в нижеследующей таблице[1] (см. стр. 233). Суда старой постройки, прослужившие 10 лет и более, в таблицу не включены.

К этим морским силам следует прибавить в пользу Тройственного союза турецкий флот, состоявший, впрочем, кроме нескольких старых броненосцев, купленных у германцев, из 3 крейсеров и 12 миноносцев, находившихся в хорошем состоянии[2].

Распределение морских сил обеих сторон перед началом войны

В общем балансе морских сил воюющих государств господствующее значение по своей мощности имели британский и германский флоты, боевая встреча которых ожидалась с особой тревогой во всем мире с пер-

---

[1] Таблица заимствована из книги Вильсона «Линейные корабли в бою», Воениздат, Москва.

[2] 11 августа 1914 г. Турция пропустила через проливы в Константинополь германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау», которые вскоре были куплены турками. Получение турецким флотом этого подкрепления из Германии меняло всю стратегическую обстановку на Черном море: наличие «Гебена» более чем удваивало силы турецкого флота. «Гебен» принадлежал к числу новейших линейных крейсеров, не имея себе соперников среди русского Черноморского флота. Благодаря своему большому ходу (27 узлов) он являлся практически неуязвимым для устарелых линейных кораблей (имевших ход 16 узлов); мощность его артиллерии превосходила таковую двух «Евстафиев» (линкор Черноморского флота). Лишь вступление в строй дредноутов восстанавливало положение, но новые корабли Черноморского флота могли вступить в строй лишь через год.

КАТЕГОРИИ СУДОВ	Англия		Франция		Италия		Россия		Япония		Германия		Австро-Венгрия	
	к 31 июля 1914 г.													
	гот.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.	гот.	стр.
Дредноуты	20	12	3	4	3	3	—	7	2	2	14	5	3	—
Бронированные крейсеры	9	1	—	—	—	—	—	4	1	3	4	3	—	—
Крейсеры 2-го класса	10	—	9	—	4	—	2	—	4	—	—	—	3	—
Крейсеры 3-го класса	30	—	11	—	7	—	6	—	9	—	20	—	6	—
Легкие быстроходные крейсеры	31	20	3	—	2	—	2	4	3	—	16	6	4	—
Истребители (менее 10 лет службы)	98	29	54	3	20	13	30	45	38	2	97	24	18	—
Подводные лодки	47	24	35	21	11	9	13	14	4	2	20	23	4	4
Численный состав судовых команд по штату мирного времени	151.000		69.500		40.000		59.500		51 000		79.000		23.000	

вого дня войны. Их столкновение могло сразу же иметь очень серьезные последствия для одной из сторон. Накануне объявления войны был момент, когда по некоторым предположениям такая встреча входила в расчеты английского адмиралтейства. Уже начиная с 1905 г., британские морские силы, до той поры разбросанные на важнейших морских путях, стали стягиваться к берегам Англии в состав трех «домашних» флотов, т. е. предназначенных для обороны Британских островов. При мобилизации эти три флота соединялись в один «Большой» флот, который в июле 1914 г. насчитывал в общем 8 эскадр линейных кораблей и 11 крейсерских эскадр, — всего вместе с мелкими судами 460 вымпелов. 15 июля 1914 г. была объявлена этому флоту опытная мобилизация, завершившаяся маневрами и королевским смотром 20 июля на Спитгэдском рейде. В связи с австрийским ультиматумом демобилизация флота была приостановлена, и затем 28 июля флот получил приказ итти из Портланда в Скапа-Флоу (пролив) близ островов Оркней у северных берегов Шотландии.

В это же время германский флот открытого моря выходил в крейсерство в норвежские воды, откуда был возвращен 27—28 июля к берегам Германии. Английский флот шел из Портланда на север Шотландии не по обычному пути — западнее острова, а вдоль восточного берега Англии. Оба флота прошли в Северном море в противоположных направлениях.

К началу войны английский «Большой» флот расположился в двух группах: на крайнем севере Шотландии и в Ламанше у Портланда.

В Средиземном море, по англо-французскому соглашению, обеспечение морского господства Антанты возлагалось на французский флот, который в составе лучших своих единиц был сосредоточен у Тулона. На обязанности его лежало обеспечение путей связи с Северной Африкой. У острова Мальта находилась английская крейсерская эскадра.

Английские крейсеры несли также службу охраны морских путей в Атлантическом океане, у берегов Австралии, и, кроме того, значительные крейсерские силы находились в западном районе Тихого океана.

В Ламанше, кроме второго английского флота, у Шербурга была сосредоточена легкая эскадра французских крейсеров; она состояла из бронированных крейсеров, поддержанных флотилией минных судов и подводных лодок. Эта эскадра стерегла юго-западные подступы к Ламаншу. В Тихом океане у Индо-Китая находилось 3 легких французских крейсера.

Русский флот был разделен на три части.

Балтийский флот, безмерно уступавший в силах противнику, был принужден принять исключительно оборонительный образ действий, стараясь на рубеже Ревель — Поркаллауд задержать, по мере возможности, наступление неприятельского флота и десанта в глубь Финского залива. С целью усилить себя и выравнять шансы боя было намечено оборудование в этом районе укрепленной минной позиции, к моменту начала войны далеко не законченное (вернее, только-что начатое). На флангах этой так называемой «центральной позиции», на обоих берегах залива, на островах Макилота и Нарген, были установлены батареи дальнобойных орудий крупного калибра, а на протяжении всей позиции было поставлено в несколько линий минное заграждение.

Черноморский флот оставался на севастопольском рейде и бездействовал, не сумев даже заложить как следует минные заграждения у

входа в Босфор. Однако нельзя не учесть всей трудности положения Черноморского флота не только в отношении недостаточности боевых сил, но и в смысле отсутствия иных операционных баз, кроме Севастополя. Базироваться же на Севастополь для наблюдения за Босфором было очень трудно, и операции по преграждению входа противнику в Черное море в этих условиях являлись совершенно необеспеченными.

Дальневосточная эскадра — из ее состава 2 легких крейсера («Аскольд» и «Жемчуг») пытались крейсеровать у юго-восточных берегов Азии.

Германский флот открытого моря состоял из 3 эскадр линейных кораблей, крейсерской эскадры и флотилии истребителей. После крейсерства у берегов Норвегии этот флот вернулся к своим берегам, причем 1 линейная и крейсерская эскадры стали у Вильгельмсгафена на рейде, под прикрытием батарей острова Гельголанда, а 2 другие линейные эскадры и флотилия истребителей — у Киля в Балтийском море. К этому времени Кильский канал был углублен для прохода дредноутов, и таким образом эскадры из Киля могли присоединиться при надобности к эскадрам Северного моря. Кроме означенного флота открытого моря, вдоль побережья Германии находился оборонительный флот крупного состава, но из устаревших уже судов. В Черное море искусно проскочили мимо английских и французских крейсеров германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау», причинившие позже достаточно неприятностей русскому Черноморскому флоту и побережью. В Тихом океане германские суда находились частью у своей базы — Циндао, близ Киао-Чао, а легкая эскадра адмирала Шпее из 6 новых крейсеров крейсеровала близ Каролинских островов.

Австро-венгерский флот был сосредоточен на рейдах Пола и Катарро в Адриатическом море и укрывался за береговыми батареями от крейсеров и минных судов Антанты.

Сравнивая морские силы обеих коалиций, можно отметить следующее:

1. Силы одной Англии превосходили силу всего флота центральных держав.

2. Большинство морских сил было сосредоточено в европейских морях.

3. Английский и французский флоты имели полную возможность действовать совместно.

4. Германский флот мог получить свободу действий только после удачного боя в Северном море, который ему пришлось бы дать при самом невыгодном соотношении сил, т. е. фактически германский надводный флот оказался запертым в своих территориальных водах, имея возможность предпринимать наступательные операции только против русского Балтийского флота.

5. Морские силы Антанты были фактическими хозяевами всех водных пространств, за исключением Балтийского и Черного морей, где центральные державы имели шансы на успех, — в Балтийском море при борьбе германского флота с русским и в Черном — при борьбе турецкого флота с русским.

(Зайончковский, А., Мировая война 1914—1918 гг., т. I, М., Воениздат, 1938, стр. 19—31, 34—38).

№ 127. ПЛАНЫ ОПЕРАЦИЙ НА ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОМ (ФРАНЦУЗСКОМ) ТЕАТРЕ

Антанта

Как отмечено выше, основным стержнем плана войны для Антанты служила военная конвенция между Россией и Францией 1892 г. с последующими дополнениями, вносимыми на совещаниях начальников обоих Генеральных штабов. Наиболее существенные изменения были сделаны по инициативе Жоффра в протоколах последних совещаний, происходивших в 1912 и 1913 гг.

Еще в 1911 г. предшественник Жоффра генерал Дюбайль заявил, что он будет считать себя вполне удовлетворенным в случае, если русское наступление против Германии будет выполнено с такими силами, которые прикуют от 5 до 6 германских корпусов на восточной (русской) границе. Жоффр на совещаниях 1912 и 1913 гг. высказывался о желательности при сосредоточении германцев в Восточной Пруссии, занятия русскими войсками исходного положения, допускавшего развитие решительного наступления с юга на Алленштейн. Если же германцы развернули бы свои силы в районе Торн — Познань, то русским следовало бы развернуть свои силы против Германии на левом берегу р. Вислы, в пределах Польши, для наступления по прямому направлению на Берлин.

За основание при разработке плана войны принято было считать наиболее вероятным направление главного удара Германии сначала на запад — по Франции; решительные действия против России являлись при этом последующим актом германцев после разгрома французских сил. Зависимость русского правительства от французского капитала диктовала подчинение и русского Генерального штаба французскому. Поэтому Дюбайль и Жоффр позволяли себе откровенно внушать Жилинскому желательный для них план операций русских вооруженных сил. По существу выходило, что на совещаниях французы предъявляли свои требования, а русский представитель выяснял возможность и способы их удовлетворения. Сами же французы не открывали карт относительно своего плана операций. На совещаниях никогда не ставился вопрос о наивыгоднейшем способе встречи французами германского удара. Жоффр ревниво оберегал от обсуждения свою идею французского контрудара с фронта Бельфор — Лонгви. Этим маневром, как известно, Жоффр предполагал не только парировать вторжение германцев, но и взять инициативу исходных операций в свои руки.

Взамен этого план русского наступления с началом войны всегда занимал центральное место на совещаниях и привлекал наибольшее внимание французского Генерального штаба. Французам не нравилась мысль о нанесении русскими армиями решительного удара по австрийцам, что требовало сосредоточения главной массы русских сил на русском Юго-западном фронте. Французы настойчиво указывали, что победа над главным противником—Германией—сразу же закончит борьбу с Австро-Венгрией.

В итоге перед войной не существовало конкретного общего плана операций коалиции, несмотря на близкие отношения между французским и русским генеральными штабами. Эти отношения навязывали серьезные обязательства русским и внушили их стратегическому творчеству предвзятость при разработке своего плана операций. «Военная тайна», которая должна была окружать взаимные военные обязательства Франции и

России, безнаказанно допускала со стороны русского представителя уступчивость, оказавшуюся с возникновением войны вредной для русских интересов.

О военном участии в будущей войне третьего члена Антанты — Великобритании, как уже отмечено выше, не имелось никаких письменных документов. Об этом свидетельствует первый том истории войны, издаваемый французским Генеральным штабом. Англия не желала брать на себя письменных обязательств. Когда в марте 1912 г. Френч был назначен начальником английского Генерального штаба, им были предприняты некоторые шаги к обеспечению в случае войны перевозок английских экспедиционных сил на континент, а его помощник Анри Вильсон не раз навещал французский Генеральный штаб и бывал в районе будущего развертывания союзных армий для изучения стратегической обстановки.

Английский Генеральный штаб разрабатывал в общих чертах разные варианты участия английских войск на Европейском материке и в связи с этим их высадки на французском побережье — на участке Кале — Дюнкерк или на бельгийском берегу — в Зеебрюге и Остенде; поднимался даже вопрос о высадке в Антверпене. Но все эти работы можно считать только черновыми набросками английского командования, которым недоставало самого главного — политического оформления со стороны правительства. Последнее не связывало себя до начала войны никакими внешними обязательствами.

Франция. План операций французских вооруженных сил, подобно германскому, последовательно, в течение 40 с лишним лет, разрабатывался Генеральным штабом, но задуманный тотчас после разгрома 1870—1871 гг., этот план в процессе своей эволюции не мог освободиться от влияния германского превосходства и не отличался такой ясной целеустановкой, как германский. За указанный срок сменилось 17 планов развертывания французской армии. Однако, последний план, № 17, не давал четкого представления о том, что предпримет французский главнокомандующий по окончании стратегического развертывания.

В первые годы после войны 1870—1871 гг. вследствие слабости французской армии, ее развертывание происходило под прикрытием линии крепостей на восточной границе Франции с целью дальнейших действий в зависимости от операций германских войск. Однако, и позже, когда оборона Франции окрепла, ее военная организация приобрела устойчивость и быстро стали накапливаться живые и материальные средства борьбы,—руководящая идея первых операций всегда сводилась к их подчинению германской инициативе. Эта идея клонилась к тому, чтобы французское развертывание одинаково было пригодно для наступательных и оборонительных действий. В предпоследнем плане—№ 16—прямо указывалось, что развертывание должно удовлетворять двум условиям: обеспечивать выполнимость исходного маневра армий и быть в состоянии противодействовать возможным неожиданностям в ходе событий[1]. Это все та же идея «наступательной обороны», которая красной нитью пронизывала оперативные планы французского Генерального штаба.

План № 17 разрабатывался в течение трех последних лет перед войной оперативным бюро французского Генерального штаба, начальником

[1] Официальный труд французского генерального штаба „Les Armees Françaises dans la grande querre", t. I.

которого был генерал Жоффр. План был окончательно принят 15 апреля 1914 г. По собственному выражению Жоффра, планом операции является основная идея, которая вынашивается в голове главнокомандующего, но не запечатлевается письменно. Результатом же этого замысла служит план сосредоточения вооруженных сил. Впервые высший командный состав узнал о задачах армий из директивы № 1, сообщенной Жоффром командующим армиями 8 августа уже после объявления войны. Эта директива указывала на намерение главнокомандующего после сосредоточения всех сил атаковать германские армии, причем атаку развивать в двух главных направлениях: одну — на восток из района южнее крепости Туль, между лесистыми массивами Вогезов и р. Мозель, другую — на северо-восток из района к северу от линии Верден—Мец. Обе эти атаки должны были быть тесно связаны силами, действующими на Маасских высотах и на Ваврском плато.

Соответственно этой задаче правое крыло в составе 1-й и 2-й армий сосредоточивалось между Тулем и Бельфором, причем главные силы 1-й армии — в районе Эпиналя, а 2-й армии — в районе Нанси. Обе эти армии должны были первоначально действовать между рр. Рейном и Мозелем южнее Туля и по течению р. Мозеля. Левое крыло из 5-й армии и отдельного кавалерийского корпуса сосредоточивалось на линии Вузье — Гирсон. Для связи операций обоих крыльев служила 3-я армия, главные силы которой сосредоточивались у Вердена. 4-я армия временно располагалась во второй линии, в районе С.-Дизье — Бар-ле-Дюк, в готовности двинуться к югу или к северу от 3-й армии. Эта армия являлась оперативным резервом для армий первой линии. На случай движения германцев через южную Бельгию имелся «вариант к плану № 17», по которому 5-я армия выдвигалась на линию р. Мааса, на участок Музон — Мезьер, а 4-я армия—к С.-Менеульд на Верхнем Эне, в 40 км западнее Вердена, для заполнения промежутка между 5-й и 3-й армиями. Этот вариант не предусматривал возможности германского маневра через северную Бельгию. Сверх означенных армий в распоряжении главнокомандующего были 2 фланговые группы, каждая в составе 3 резервных дивизий: одна—уступом за правым флангом, у Везуль, другая—уступом за левым флангом, в районе Гирсон—Вервен. Кроме того, главнокомандующий мог рассчитывать на африканские войска по мере их прибытия во Францию (XIX корпус из Алжира и 1½ дивизии из Марокко) и на 12 резервных дивизий, формировавшихся внутри Франции и частью предназначавшихся в гарнизоны крепостей.

В общем французы развертывались на фронте в 350 км от швейцарской границы, у Монбельяра, до бельгийской границы, у Гирсона на р. Уазе. По заложенной в план идее их развертывание представлялось неясным. Оно намечало нанесение контрудара в лоб по противнику на германско-французской границе и не таило в себе возможности какого-либо маневра. Это был план развертывания, ориентированный, главным образом на восток, но не на с е в е р о - в о с т о к—против германского обхода через всю Бельгию. Исходя из неправильной предпосылки, что главная масса германских сил будет стремиться вторгнуться во Францию через Люксембург и южную Бельгию, Жоффр до некоторой степени массировал свои силы для удара правым крылом между Вогезами и р. Мозелем. Когда до войны ему указывали на вероятность германского главного удара через всю Бельгию, севернее и западнее р. Мааса, он возражал,

что у германцев нехватит для этого сил; он не учитывал дублирования ими полевых корпусов резервными. А если такой глубокий обход тем не менее был бы предпринят германцами, то Жоффр считал, что таковой облегчит прорыв германского центра. Большим недостатком французского плана являлось и неиспользование сразу крупных резервных формирований, подсказанное недоверием к их боевой прочности, вследствие чего к началу операций резервные войска, не сведенные в корпуса, оставались на флангах и в тылу — частью для второстепенных задач, а частью для завершения боевой подготовки. Первая операция французов — Пограничное сражение — обнаружила полную несостоятельность плана, разработанноого Жоффром в мирное время, и только успех Марнской операции замаскировал слабость замысла и предвзятость плана № 17.

Англия. Участие Англии в коалиции против Германии начало подготавливаться с момента возникновения «сердечного согласия» между Англией и Францией в 1904 г., но всегда очень осторожная в связывании себя конкретными обязательствами Англия не торопилась с выработкой плана операций своей сухопутной армии, которая в большой войне на европейском материке вначале могла играть только подсобную роль. Переговоры об операциях английской армии совместно с бельгийской, начатые в 1906 г., не привели к конкретным решениям, но позже, начиная с 1911 г., было выработано условное соглашение между английским и французским Генеральными штабами о занятии английской экспедиционной армией во Франции район Мобеж — Ле-Като — Гирсон. Начальник английского Генерального штаба генерал Вильсон предпринимал неоднократные поездки для изучения будущего театра операций английской армии; эту работу надо отнести скорее к его личной инициативе специалиста. Не встречая энергичной поддержки в правительстве, английский Генеральный штаб не мог закрепить общей наметки сосредоточения английской армии на левом фланге французского развертывания точными расчетами перевозок и сроков их окончания на материке. Жоффр включил в план № 17 предположения о прибытии английской армии под названием «армейской группы W» в указанный выше район, но по всем признакам разрешение вопросов о совместных действиях обеих армий не было уложено в точные рамки, и потому только с прибытием английских войск на левый фланг французских армий и после первых боевых неудач англичан стало постепенно оформляться участие английской армии в операциях и на Западно-европейском фронте.

Бельгия. Согласно системе укреплений, бельгийская полевая армия должна была в случае войны оборонять линию р. Мааса между голландской границей и Намюром, опираясь на укрепления Льежа и Намюра и войдя в связь своим правым флангом с французской армией. Но если бельгийцам не удалось бы удержаться на р. Маасе до прихода к ним союзников, то, предоставив оборону своих маасских крепостей их гарнизонам, полевые войска должны были отходить на линию Диест—Тирлемон — Намюр, прикрывая пути к Брюсселю и к Антверпену. В крайнем случае бельгийская армия должна была укрыться в Антверпене, откуда угрожать правому флангу или тылу германских войск, наступающих через Бельгию. Бельгийский план операций был проникнут внушенной Бриальмоном идеей крепостной обороны Бельгии. Было бы гораздо целесообразнее для бельгийской армии предусмотреть отступление не к Антверпену, а на присоединение к англо-французским армиям в качестве стра-

тегического арьергарда последних. Повидимому, политические соображения бельгийского правительства клонились к тому, чтобы заранее не связывать окончательно судьбу страны с Антантой.

Центральные державы

План Мольтке старшего

План операций, согласно учению Мольтке старшего, должен представлять подробно разработанное стратегическое развертывание армий в пограничных районах, дающее исходный рубеж для намеченных первоначальных действий, за пределами которых в плане ставится лишь руководящая мысль для дальнейшего хода войны. Детали же последнего являются только личными взглядами составителя плана операций. Тот же Мольтке учил, что на плохо составленном плане развертывания армий нельзя построить победоносной кампании, и этот взгляд был твердо усвоен преемниками Мольтке, которые отдавали долгие годы своей деятельности на углубленную разработку стратегического развертывания своих армий в духе определенной основной идеи.

Как было уже сказано, разработанного единого плана операций для обеих союзных армий не было. Германский Генеральный штаб всегда скептически относился к австро-венгерской армии и имел в виду использовать ее, главным образом, для задержания русских сил, пока германцам придется наносить удар по французам. Австрийская армия рассматривалась всегда как «слабейший товарищ», и таким удельным весом в союзе определялось ее стратегическое значение. В зависимости от изменений в распределении германских войск между Западным и Восточным фронтами менялась и роль австрийских сил. В период действия плана Шлиффена на австрийцев ложилась главная тяжесть борьбы с русскими армиями до переброски германских сил на восток. В отношении подробностей оперативных предположений Генеральный штаб Дунайской монархии оставался вполне самостоятельным.

Не существовало также военной конвенции между Германией и Италией, но устные и письменные переговоры о военном сотрудничестве Италии с Германией и Австро-Венгрией, на основании заключенного в 1882 г. договора о Тройственном союзе, были начаты в 1888 г. и продолжались вплоть до самой войны. Была заключена военно-железнодорожная конвенция о перевозке через Австро-Венгрию в Южную Германию на Верхний Рейн 2 итальянских кавалерийских дивизий, первые эшелоны которых должны были выгружаться в Страсбурге на 5-й и 6-й день германской мобилизации. За ними должны были следовать 3 итальянских полевых корпуса, головы которых перевозились через итальянскую границу на 15 день для направления в районы Страсбурга и Фрейбурга. Но 3 августа 1914 г. итальянское правительство официально объявило о своем нейтралитете, и все военные обязательства Италии к Германии и Австро-Венгрии были аннулированы [1].

[1] В первоначальных предположениях, когда центральные державы рассчитывали на активное выступление на своей стороне Италии, Германия должна была содействовать первоначальному наступлению австро-венгерцев наступлением 7 из своих 11 дивизий из Восточной Пруссии на Седлец и 4 дивизий на Сандомир — Ивангород. Но нейтралитет Италии заставил Германию уменьшить силы на своем Восточном фронте. Конрад, т. IV, 1923.

Германский план операций на всем 44-летнем протяжении, от момента своего возникновения и до осуществления, развивался с точки зрения ведения войны для Германии на два фронта. Эта предпосылка устанавливала ведение операций по «внутренним операционным линиям». Вместе с тем численность сил противника всегда была не в пользу Германии. Отсюда для нее очевидна была необходимость быстрых и решительных действий против одного из своих противников, чтобы, разделавшись с ним, броситься с главной массой сил на другого.

На этой стратегической основе для Германии возникло два варианта главного удара — на запад или на восток. Много лет в германском Генеральном штабе велась параллельная разработка сосредоточения на оба случая, но она была отменена в 1913 г. ввиду загрузки железнодорожных органов обилием мобилизационных материалов, угрожавшим путаницей и при объявлении войны.

В зависимости от направления главного удара разработку плана операций можно разделить на три периода:

Первый период (1871—1879 гг.) тотчас после войн за объединение Германии под главенством Пруссии был моментом бесспорной военной гегемонии Германии в Европе, и Мольтке считал вначале возможным вести одновременно наступательную войну на обоих фронтах. Быстрое восстановление Франции и медленность русской мобилизации, выяснившаяся в войну 1877 г., побудили Мольтке к концу означенного периода склониться к нанесению главного удара по Франции, чтобы быстро покончить с ее возрождающейся мощью, и уже затем, в расчете на содействие Австро-Венгрии, броситься против России. В октябре 1879 г. последовало заключение союзного австро-германского договора, и оно вызвало у Мольтке пересмотр намеченного решения.

Наступил второй период (1879—1892 гг.), когда постепенно принимался план нанесения первоначального главного удара против России. Расчет на союз с Австро-Венгрией, в который с 1882 г. вошла и Италия, наличие в мирное время крупных русских сил на обоих берегах р. Вислы и сведения о русском плане стремительного вторжения в Австро-Венгрию привели Мольтке к решению направить, в случае войны на два фронта, половину германских сил вместе с австрийскими на восток, чтобы одновременным маневром из Восточной Пруссии и Галиции быстро покончить с русской армией. Другая половина германских сил должна была вести оборонительные операции против Франции на пограничном фронте в 270 км между Бельгией и Швейцарией, опираясь на крепость Мец и Страсбург. Союз с Италией, а также расчет с 1883 г. на присоединение к союзу Румынии обеспечивали для Австро-Венгрии возможность выставить все свои силы против России, что укрепляло германский Генеральный штаб в мысли о быстром достижении конечного успеха в борьбе с русской армией.

В это время Германия еще не была вполне промышленной страной; не учитывалась потребность в огромных боевых припасах; крупповские заводы в Эссене находились далеко от границы и им непосредственно опасность не угрожала; перерыва в подвозе сырья из нейтральных государств ожидать было нельзя, так как о борьбе с Англией в этот период не могло быть еще речи. Все это подтверждало правильность принятого Мольтке решения, которое оставалось в силе и при преемнике Мольтке — Вальдерзее, сменившим первого в 1888 г., и также в пер-

вые годы возглавления германского Генерального штаба Шлиффеном от 1891 г. до 1894 г. Однако с 1892 г. у Шлиффена стало закрадываться сомнение в соответствии принятого плана операции с изменившимся политическим положением. Уже Вальдерзее считал необходимым внести поправку в оборону на французской границе, придав операциям возможно более активный характер и не упуская использования случаев частного перехода в наступление. Шлиффен же немедленно реагировал на заключение франко-русской конвенции и на военное усиление России в связи с постройкой новых железных дорог и изменившимися условиями ее мобилизации и сосредоточения. Не укрылся от него также все возраставший рост французской экономической и военной мощи и параллельно усиление чувства реванша в правящих группах французской нации.

План Шлиффена

Наступил третий период составления германского плана операций, начавшийся в 1892 г. и протянувшийся до самой войны, когда основной идеей операций неизменно проводилось массирование возможно больших сил на французском фронте с целью быстрого уничтожения французских армий и выставление первоначально против России только необходимых для совместного участия с австрийцами войск.

В свою очередь в течение означенных 20 с лишком лет указанная идея главного удара по французам постепенно оформлялась в различные варианты плана операций, в которых можно отметить три последовательных этапа.

Исходя из численного превосходства французов сравнительно с теми германскими силами, которые могут быть выставлены на западе, Шлиффен намечал единственный путь, чтобы избежать фронтального столкновения с противником на укрепленной франко-германской границе, а именно: выполнить охватывающий маневр и заменить недостающее общее превосходство сил численным преобладанием на флангах с выдвижением слабых сил на фронте. В плане 1894 г. у Шлиффена была мысль об охвате обоими флангами за счет ослабленного центра, но сама операция представлялась пока в виде фронтального удара. Здесь была уже заложена идея сражения при Каннах с робкой пока попыткой осуществить ее в оперативном масштабе.

Продолжавшееся укрепление французской восточной границы и быстрое увеличение, под напором союза с Францией, русских вооружений толкали Шлиффена к изысканию более стремительного решения на Западном фронте. В поисках этого решения возникает мысль об обходе правым крылом севернее Вердена, где кончается воздвигнутая французами укрепленная линия. Но между Верденом и бельгийской границей тянулось всего пять дорог, и недостаточная ширина полосы вынудила Шлиффена выбрать направление обхода через Люксембург и южную Бельгию, что окончательно было проведено в плане 1898 г. Это был первый этап в плане нанесения главного удара по французам.

Вторым этапом того же плана надо считать окончательное оформление Шлиффеном идеи обхода французского фронта германским правым крылом. Оно было выражено в его записке в декабре 1905 г., и эта за-

писка явилась программой для дальнейшего строительства германских вооруженных сил и для плана их мобилизации и развертывания при войне на два фронта вплоть до 1914 г., так как именно этот шлиффеновский план в измененном позже виде и явился планом операций для войны 1914 г.

Последний вариант плана Шлиффена для французского фронта

Воздвигнутая французами укрепленная линия Верден — Туль — Эпиналь — Бельфор на протяжении 200 км. заставила Шлиффена искать оперативного решения в обходе ее с севера через Бельгию.

Главная масса германских сил в составе 23 полевых и 12½ резервных корпусов и 8 кавалерийских дивизий с исходной линии развертывания Крефельд — Мец должна была выйти на линию Дюнкерк — Верден. Южнее этой обходной массы для обеспечения левого фланга в Лотарингии, кроме гарнизонов Меца и Страсбурга, развертывалось 3½ полевых и 1½ резервных корпуса и 3 кавалерийских дивизии. Левее (южнее) их на верхнем Рейне 3½ ландверные бригады и в верхнем Эльзасе 1 ландверная бригада. Опорным пунктом для прикрытия левого фланга обходной маневренной массы должна была служить крепость Мец, которая была значительно расширена вновь проектированными сооружениями, снабжена крупным гарнизоном и большим количеством тяжелой артиллерии.

Обходная масса наступала тремя большими группами, из которых важнейшее оперативное значение приобретала правофланговая группа. Она состояла из 8 армейских корпусов и 5 кавалерийских дивизий и наступала уступами в направлении на фронт Брюссель — Намюр. Девятый корпус должен был позже примкнуть к левому флангу этой группы после ее перехода через р. Маас. Маневр группы надлежало вести форсированным маршем, чтобы пройти между Антверпеном и Намюром раньше столкновения с французской армией для возможности развертывания всей массы на «поле сражения» из глубины без помехи со стороны названных крепостей. За корпусами правой группы уступом справа наступали 7 резервных корпусов, в которые предназначались для обложения Антверпена и для обеспечения вообще маневра справа, со стороны англичан и бельгийцев. С той же целью предполагалась также переброска еще 2 полевых корпусов по железной дороге из Лотарингии.

Средняя группа обходной массы состояла из 6 полевых корпусов и 1 резервной дивизии за правым флангом группы и направлялась на участок р. Маас — Намюр — Мезьер. Южная группа из 8 полевых корпусов и 2 кавалерийских дивизий — на участок р. Маас — Мезьер — Верден. 5 резервных корпусов, опираясь на крепость Мец, прикрывали левый фланг германского маневра со стороны французов, которые могли угрожать с линии Туль — Верден. Сзади, за средней и южной группами, по обоим берегам р. Мааса следовали 10 и 6 ландверных бригад.

Как только средняя группа переправится через р. Маас, на левом берегу в общем развернется 15—17 полевых корпусов, которые будут стремиться обойти левый фланг французского развертывания. Когда германцам удастся проникнуть через линию бельгийских и северных французских крепостей и преодолеть Арденны, положение германцев, по мнению Шлиффена, станет выгоднее положения французов, если последние

перейдут в контрнаступление. Если французы, отказавшись от контрудара, будут искать решения в обороне, то они займут расположение позади р. Соммы или даже, может быть, позади р. Уазы, примкнув правый фланг к Ля-Фер, а левый — уперев в Парижский укрепленный лагерь В таком случае германские армии будут атаковать на всем фронте.

Окончательный удар Шлиффен соединял с обходом Парижа западнее и южнее. «Необходимо обязательно стремиться ударом в левый фланг французов оттеснить их в восточном направлении на их крепости на р. Мозель, за горный хребет Юры, к границе Швейцарии, где французская армия должна быть окончательно уничтожена. Самое существенное условие для достижения германцами такого результата операций заключается в образовании сильного правого крыла, посредством которого германцы должны были наносить французам удары и непрерывным преследованием (тем же мощным крылом) все время их добивать» [1].

Шлиффен правильно рассчитывал, что требуемое им массирование главных германских сил на правом крыле достигалось только за счет левого фланга всего германского развертывания на французском фронте. Этому флангу в составе 3 полевых и 1 резервного корпусов и 3 кавалерийских дивизий предстояло выдержать борьбу с превосходными силами французов, которые нужно было притянуть на себя в возможно большем количестве посредством энергичного наступления на Нанси и при поддержке со стороны крепости Мец. Задача левого германского крыла сводилась к настойчивому стремлению возможно меньшими германскими силами сковать здесь возможно крупнейшие французские силы. Только тогда можно было спокойно рассчитывать на успешное выполнение правым крылом своей трудной задачи, если в решительном сражении там, на левом берегу р. Мозеля, примут участие 25 германских полевых корпусов.

План Мольтке младшего

Шлиффен ушел в отставку в 1906 г., за 8 лет до начала войны; его преемником был Мольтке младший, племянник фельдмаршала Мольтке. В течение этих лет германский план операций, сохранив основную идею плана Шлиффена, подвергся ряду изменений.

Мольтке после русско-японской войны признал необходимым учесть быстрое восстановление русских сил и ускорение их мобилизации. Поэтому в Восточной Пруссии Мольтке развертывал 3 полевых корпуса и 1 резервный. На французском фронте, опасаясь наступления французов, он постепенно стал усиливать левое крыло германского развертывания, и к началу 1914 г. оно состояло уже из двух групп: 6-й армии в составе 4 полевых и 1 резервного корпусов и 7-й армии в составе 2 полевых и 1 резервного корпусов, а всего — из 8 корпусов.

Главные силы германцев, по плану Мольтке накануне войны, должны были вторгнуться во Францию через нейтральные Бельгию и Люксембург. Их наступление должно было выполняться в виде захождения правым крылом и центром вокруг неподвижной оси, которую образуют Диденгофен — Мец. Движение армий центра и левого крыла должно было регулироваться так, чтобы сохранена была связь между соседними

[1] „Der Weltkrieg 1914 bis 1918", Reichsarchiv, I, стр. 53.

армиями и не произошло отрыва левого фланга центра и заходящего крыла (главных сил на этом фронте) от Диденгофена — Меца. Обеспечение левого фланга должны были выполнить наряду с крепостями Диденгофен и Мец и войска, наступавшие юго-восточнее Меца.

(Зайончковский, А., Мировая война 1914—1918 гг., т. I, М., Госвоениздат, 1938, стр. 53—66).

№ 128. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АДМИРАЛА ТИРПИЦА

...Меня в течение 1905—1906 гг. с разных сторон осаждали просьбами провести значительное увеличение германских морских сил для того, чтобы быть лучше подготовленными против английской угрозы войной и таким образом дать англичанам политический урок. Сам кайзер также находился под сильным впечатлением преследовавшей ту же цель пропаганды флотского ферейна и желал, чтобы я потребовал от рейхстага понижения срока службы наших больших кораблей. Этот срок как раз только вследствие парламентского недоразумения был определен в законе о флоте на 25 лет выше, нежели во флотах иностранных держав, что привело к значительной перезрелости наших кораблей.

Несмотря на это, я воспротивился внесению такого законопроекта и в связи с этим в начале 1906 г. подал в отставку. Закон, который я внес в 1906 г. и который без возражений был принят рейхстагом, содержал только шесть больших крейсеров, которые были исключены рейхстагом в 1900 г., но тотчас снова предложены мною, как дополнительное требование для 1906 г. Далее я не преминул потребовать от рейхстага более крупные средства, которые вызывал переход к постройке дредноутов, к чему нас, так же как и все остальные флоты мира, принудили англичане. И, наконец, должны были быть ассигнованы средства на расширение Кильского канала, ставшее необходимым благодаря такому повышению размеров кораблей.

Моя сдержанность по отношению к оказанному на меня давлению, заставлявшему меня требовать большего, подействовала успокаивающим образом во внешней политике и усилила доверие рейхстага; весьма вероятно, что эти повышенные требования в 1904—1905 гг., при создавшемся тогда положении, вызвали бы непосредственную опасность войны, а взамен не принесли бы нам в скором времени никакой выгоды и сверх того превысили бы тогдашнюю способность нашего флота справляться со своими задачами. Та цель, к которой я стремился из технико-организаторских и бюджетно-политических соображений, состояла в том, чтобы строить по возможности непрерывно. Оказалось, что всего для нас выгоднее закладывать ежегодно 3 корабля. Этот строительный темп, заключавший в себе постройку трех больших кораблей в год, так называемый «трехтактный темп», не мог быть осуществлен посредством строительного плана, предусмотренного в законе о флоте. Поэтому мы стремились к тому, чтобы присоединить к основному закону о флоте законопроекты, дабы таким образом можно было установить трехтактный темп. С 1906 г. этого всего легче можно было достигнуть сокращением срока службы наших кораблей по образцу иностранных флотов, другими словами, ускорением новых построек. Моментом, когда мы должны были требовать понижения срока службы кораблей, был 1908 бюджетный год.

Согласно законопроекту 1908 г., строительный план сложился теперь таким образом, что в течение 4 лет, с 1908 г. по 1911 г., закладывалось ежегодно 4 корабля, затем в течение 6 лет — с 1912 г. по 1917 г.—по 2 корабля ежегодно, между тем как с 1917 г. на будущее время становился постоянным трехтактный темп. Для того, чтобы предотвратить слишком продолжительный период двухтактного темпа, который вызывал крупные опасения в смысле строительной и бюджетной политики, мы в морском министерстве обратили внимание прежде всего на то, чтобы в 1915 или 1916 гг. нарушить двухтактный темп включением в число требовавшихся кораблей еще одного или двух. Это возможное (но еще отнюдь не решенное) будущее новое требование стало бы тогда вообще единственным и, конечно, в высшей степени незначительным расширением корабельного состава сравнительно с первоначальным флотским планом 1900 г., ибо в 1906 г. мы только восстановили проекты 1900 г., а в 1908 г. мы вообще не увеличили числа кораблей.

Таким образом, все эти соображения морского ведомства, от которых я, при их значении во внешней политике, не могу совершенно избавить читателя, представляют вкратце следующую картину:

1. Ни в 1906 г., ни в 1908 г. мы не превысили первоначального, всему свету известного, флотского плана 1900 г.

2. Восстановленный нами в 1908 г. срок службы кораблей соответствовал всеобщей тенденции всех флотов.

3. Мы стремились установить трехтактный темп, и если теперь, по случаю большего числа устаревших кораблей, оставшихся от периода, предшествовавшего закону о флоте, временно в течение четырех лет строилось по четыре корабля в год, то это уравнивалось следующим за тем периодом, во время которого ежегодно строилось преимущественно по два корабля...

...С января 1909 г. я в процессе этого обсуждения с канцлером выразил свое согласие на то, чтобы мы сообщили английскому правительству наше согласие на такое длительное соотношение сил обоих флотов, которое навсегда закрепило бы некоторое превосходство за британским флотом. Я назвал сначала, в качестве исходного пункта для переговоров, соотношение сил, равное 3 : 4, с течением времени объявил себя готовым принять отношение 2 : 3 и, в конце-концов, остановился на отношении 10 : 16. Эта цифра была последней, которую предложило британское адмиралтейство при Уинстоне Черчиле и которая была тотчас же принята мною. Хотя Черчиль при этом до известной степени обеспечивал себе отступление, которое в действительности делало для английского флота возможным более выгодное отношение, нежели 10 : 16, я все же взглянул на это сквозь пальцы, в том убеждении, что планомерное выполнение закона о флоте позволит нам достигнуть тех оборонительных целей, к которым мы в действительности все время только и стремились...

(Тирпиц, А., «Из воспоминаний», М.—Л., 1925, стр. 51—54; 56).

№ 129. ДЕПЕША РОССИЙСКОГО ПОСЛА В ПАРИЖЕ А. П. ИЗВОЛЬСКОГО МИНИСТРУ ИН. ДЕЛ С. Д. САЗОНОВУ

Париж, 20 января (2 февраля) 1911 г., № 7.

Чередовавшиеся за последние десять лет во Франции морские министры из случайных политических деятелей, вроде Томсона и Пельтана,

внесли, к сожалению, большое расстройство в неосторожно доверенное им ведомство. Мало заботясь о боевой готовности флота и о достаточном оборудовании береговой обороны, по каковым вопросам они не имели необходимой осведомленности, они злоупотребляли своим положением в партийных целях: например, сообразуясь для определения стоянок эскадр не с требованиями морского дела, а с выгодами наиболее важных, в отношении избирательной кампании, приморских городов, или потакая рабочим арсеналов для поддержания своей популярности, хотя бы в ущерб судостроению.

Упадок военно-морского могущества Франции не мог, однако, не обратить, наконец, внимания общества и печати, под влиянием которых была образована под председательством г. Делькассе парламентская комиссия для расследования вопроса, причем, как ваше высокопревосходительство изволите припомнить, обсуждение в палате доклада этой комиссии привело к падению кабинета Клемансо. С переходом власти в руки г. Бриана правительство приступило к исправлению допущенных предыдущими министерствами ошибок.

Прежде всего, во главе Морского министерства был снова поставлен специалист-адмирал, который и принялся за преобразование. За два года, несмотря на множество затруднений, уже достигнуто кое-что в смысле упорядочения службы, но судовой состав до сих пор остается весьма слабым: так, в нынешнем году Франция располагает не более 18 эскадренными броненосцами, из которых больше половины совершенно устарелого типа, и 20-ю броненосными крейсерами, также в значительной степени обветшалыми. Лишь подводный флот Республики может еще равняться с таковыми же других морских держав.

Чтобы восполнить вышеозначенный существенный пробел, адмирал Буэ де-Лапарейр выработал программу судостроения, которая ныне внесена уже на обсуждение парламента. Программа эта рассчитана на 10-летний срок (с 1910 по 1920 годы) и предвидит постройку 16 броненосцев, 6 эскадренных разведчиков, 20 эскадренных контр-миноносцев и 50 подводных лодок. Ожидаемый расход, достигающий свыше четырех миллиардов трехсот миллионов франков, предполагается распределить следующим образом:

1910 г.	371.426.000	франков.
1911 »	410.742.000	»
1912 »	428.741.000	»
1913 »	438.845.000	»
1914 »	453.035.000	»
1915 »	449.009.000	»
1916 »	459.977.000	»
1917 »	453.239.000	»
1918 »	449.475.000	»
1919 »	418.692.000	»

Весьма возможно, однако, что эти цифры будут еще повышены.

Из намеченных судов два броненосца в 23.000 тонн уже заложены и должны быть совершенно закончены в три года.

Выполнение программы будет поручено как правительственным, так и частным верфям.

Означенные предположения нынешнего морского министра встречают некоторых противников, которые ссылаются, главным образом, на невозможность, каковые бы ни были затраты, создать флот, способный поме-

ряться с флотами опередивших в этом отношении Францию других держав. Кроме того, те же лица указывают, что в борьбе с наиболее вероятным врагом — Германией — Франция будет гораздо более нуждаться в сильной сухопутной армии, чем во флоте, который оказался бы совершенно бесполезным в случае захвата французской территории немецкими войсками.

Напротив того, защитники изложенной программы думают, что даже в войне с Германией флот необходим Франции, чтобы помешать высадке неприятеля в тылу армии, охраняющей восточную границу; он необходим и для обороны весьма растянутого французского побережья, а также для поддержания связи между метрополией и ее колониями, к числу которых надо прежде всего отнести Алжир и Тунис, тем более, что в сторону последних легко могут быть направлены враждебные действия австрийского и итальянского флотов. Вообще есть основание полагать, что в случае столкновения держав Тройственного союза с Англией и Францией, британским морским силам придется, главным образом, бороться с немецким флотом в Северном море, тогда как на долю французов вероятно выпадет состязание в Средиземном море с двумя союзницами Германии. Напряженное развитие морской мощи одной из них — Австро-Венгрии — недаром заставляет многих призадумываться.

Сознание необходимости, хотя бы ценою крупных жертв, воссоздать свой флот, повидимому, все более вкореняется в уме французов, так что можно предвидеть, что успех представленной морским ведомством судостроительной программы в парламенте обеспечен. С своей стороны, правительство, как слышно, намерено настаивать на принятии ее без урезок, так как оно считает предъявленные требования минимумом необходимого, и оно, говорят, готово поставить по этому поводу вопрос о доверии.

Благоприятному разрешению дела в смысле ассигнования народными представителями испрашиваемых кредитов будет несомненно также содействовать то немаловажное обстоятельство, что докладчик бюджетной комиссии по морскому ведомству является столь выдающийся и убежденный поборник усиления французского флота, так г. Делькассе, влияние которого за последнее время снова заметно усиливается.

Примите и проч... Извольский.

(Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., М., 1922, стр. 28—30).

КОНСОЛИДАЦИЯ АНТАНТЫ в 1912—1914 гг.

№ 130. ВОЕННО-МОРСКАЯ КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ 3 (16) июля 1912 года в ПАРИЖЕ

(Уполномоченные: России—Фивен, Франции—Обер)

Ст. 1. Морские силы Франции и России будут действовать совместно во всех случаях, в которых соглашением предусматриваются и предуказываются совместные действия сухопутных войск.

Ст. 2. Совместные действия морских сил будут подготовлены еще в мирное время. С этой целью начальники штабов обоих флотов отныне уполномочены непосредственно сноситься, обмениваться всеми сведениями, изучать все военные возможности и согласовать свои стратегические программы.

Ст. 3. Начальники штабов обоих флотов будут лично совещаться друг с другом не менее одного раза в год; они будут вести протоколы своих совещаний.

Ст. 4. В отношении срока действия и тайны настоящая конвенция одинакова с военной конвенцией от 17 августа 1892 года и с последующими соглашениями.

Дополнительная конвенция об обмене сведениями между обоими флотами.

Вследствие обмена взглядов, имевшего место в июле 1912 года между г-ом вице-адмиралом князем Ливеном, начальником генерального штаба императорского российского флота, и г-ом вице-адмиралом Обером, начальником генерального штаба французского флота, были приняты следующие основные решения между обоими совещающимися:

1. С 1/14 сентября 1912 года начальник генерального штаба имп. российского флота и начальник генерального штаба французского флота будут обмениваться всеми сведениями, касающимися их флотов, и регулярно каждый месяц, письменно, всякими сведениями, которые смогут получить обе стороны; в особо важных случаях может применяться телеграфный шифр.

2. Дабы избежать всякой нескромности или всякого разглашения касательно этих сведений, необходимо принять следующий способ передачи:

Всякая просьба о сведениях, касающихся французского флота, интересующих русский флот, будет направлена русским морским атташе в Париже начальнику генерального штаба французского флота; и взаимно, всякий запрос о сведениях о русском флоте, интересующих французский флот, будет направлен французским морским атташе в Петербурге начальнику генерального штаба российского флота.

Такой порядок будет исключать всякий другой; поэтому, как правило, нельзя будет обращаться прямо к морским атташе за сведениями, касающимися их собственных флотов.

(«Международная политика новейшего времени в договорах...», ч. I, стр. 356. Док. 951).

№ 131. ПИСЬМО СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ ГРЕЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ КАМБОНУ

22/9 ноября 1912 года.

Частное.

Дорогой посол.

За последние годы французские и британские морские и военные эксперты время от времени совещались. Всегда предполагалось, что такие совещания не ограничивают свободу каждого правительства решить в любую минуту в будущем, должно ли оно или нет помочь другому военной силой. Мы согласились, что совещания экспертов не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, которое может принудить какое-либо из правительств к выступлению при обстоятельствах, которые еще не наступили и могут никогда не наступить. Так, например, расположение французского и английского флотов в настоящее время не основывается на обязательстве сотрудничать в войне.

Вы, однако, заметили, что в случае если одно из правительств бу-

дет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы, то будет важно знать, может ли оно в этом случае рассчитывать на вооруженную помощь другого.

Я согласен, что в случае если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно обсудить немедленно с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира и если так, то какие меры готовы они совместно принять. Если эти меры включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие.

Примите и пр.

Э. Грей.

ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКОГО ПОСЛА В ЛОНДОНЕ КАМБОНА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ ГРЕЮ

23/10 ноября 1912 г.

Дорогой сэр Эдуард.

В вашем вчерашнем письме от 22/9 ноября вы мне напомнили, что в течение последних лет военные и морские власти Франции и Великобритания время от времени совещались: что всегда считалось, что эти совещания не ограничивают свободу каждого правительства решить в будущем, окажут ли они друг другу содействие своими вооруженными силами; что обеими сторонами эти совещания специалистов не должны были рассматриваться и не рассматривались как обязательства, понуждающие наши правительства в известных случаях выступить; что тем не менее я заметил вам, что в случае если одно из двух правительств будет иметь серьезные основания опасаться не вызванного им нападения со стороны третьей державы, то ему было бы очень важно знать, может ли оно рассчитывать на вооруженную помощь другого правительства.

Ваше письмо дает ответ на это замечание, и я уполномочен вам заявить, что в случае, если одно из наших правительств будет иметь серьезные основания опасаться как нападения со стороны третьей державы, так и каких-либо событий, угрожающих общему миру, то это правительство немедленно рассмотрит с другим, должны ли оба правительства действовать совместно в целях предупреждения нападения или сохранения мира. В этом случае оба правительства обсудят меры, которые они желали бы совместно принять; если эти меры предполагают активное выступление, то оба правительства примут тотчас во внимание планы своих генеральных штабов и решат, в какой мере они будут приведены в исполнение.

П. Камбон.

(Международные отношения в эпоху империализма. Сокращенное изд., сер. 3, т. I, М., 1935 г., стр. 36—37. Док. 22).

№ 132. ПИСЬМО РОССИЙСКОГО ПОСЛА А. П. ИЗВОЛЬСКОГО МИНИСТРУ ИН. ДЕЛ С. Д. САЗОНОВУ

14/27 февраля 1913 г.

За последние две недели внимание как правительственных кругов, так и общества и печати во Франции было, главным образом, сосредото-

чено на вопросе об увеличении численности германской армии и о необходимости соответственных мер со стороны Франции.

Газеты самых различных направлений, за исключением органов крайней социалистической партии, требуют не только новых ассигнований на улучшение материальной части французской армии, но изменения закона 1905 года о двухлетнем сроке службы в смысле возвращения к трехлетнему сроку, так как, при невозможности увеличить контингент ежегодных новобранцев, лишь этим путем возможно поднять численность мирного состава французской армии.

При настоящих условиях военной службы, французская армия, ежегодно, от октября до апреля, находится в критическом положении, так как в этот период войсковые единицы, вследствие неподготовленности новобранцев, состоят всего из одного призывного класса и роты частей, расположенных внутри Франции, имеют не более пятидесяти штыков; в пограничных же корпусах (troupes de couverture) новобранцы в этот период являются даже опасным элементом, так как при мобилизации их пришлось бы отодвигать назад навстречу прибывающим резервистам. Особенно же вредно отражается двухлетний срок службы на кавалерии и артиллерии, где значительно понизилась боевая подготовка людей.

Различные предлагавшиеся до сих пор паллиативные меры, вроде изменения закона о кадрах и преимуществ для добровольцев («engagés et rengagés»), ныне окончательно признаются недостаточными, и, как я уже писал Вам, правительство серьезно озабочено изысканием более радикальных средств.

Принятие единственной действительной меры, возвращения к трехлетнему сроку службы для всех трех родов оружия, — способной сразу поднять на одну треть (на 210 000 человек) мирный состав французской армии и устранить вышеуказанные неудобства, встречает со стороны крайних радикальных элементов парламента серьезные затруднения. Закон 1905 года о двухлетнем сроке был введен, главным образом, из-за чисто политических побуждений и, так сказать, поднесен населению при выборах именно настоящего состава палаты. Тем не менее господствует убеждение, что, под влиянием нынешнего подъема национального чувства во Франции и заключающейся в германском проекте угрозы по адресу Франции, если правительство решится ныне же поставить ребром вопрос этот перед парламентом, оно может быть уверено в успехе.

Из разговоров моих с французскими министрами и с самим президентом Республики, я могу заключить, что дело в настоящую минуту находится в следующем положении: правительство уже решило тотчас же, т. е. до пасхальных вакаций, внести в палату требование кредита в 500 миллионов франков на улучшение материальной части армии; средства эти будут распределены на пять лет, причем первые сто миллионов будут израсходованы в текущем году (главным образом на артиллерию и на увеличение учебных лагерей «Camps d'instruction»). Что касается вопроса о сроке службы, то до сих пор Совет министров еще не установил на него окончательной точки зрения. Мне известно, что президент Республики и министр иностранных дел являются безусловными сторонниками трехлетнего срока, но некоторые другие министры еще колеблются вследствие политических соображений; вопрос этот будет разрешен на-днях и соответственный закон может также поступить в палаты в ближайшем будущем. Г-н Делькассе, превосходно осведомленный о на-

строении палаты, сказал мне, что, если бы закон о трехлетней службе подвергся голосованию в течение предстоящих двух недель, он прошел бы громадным большинством голосов. Г-н Жоннар того же мнения и будет всеми силами действовать в пользу немедленного его внесения в парламент.

Из всего, что здесь происходит в настоящую минуту, нельзя не вывести заключения, что германское правительство опять, и точно так же, как во время Агадирского инцидента, дало сильнейший толчок подъему во Франции национального и военного чувства. При этом следует отметить, что французская печать, настойчиво требуя немедленного ответа со стороны Франции на германские военные мероприятия, сохраняет по отношению к Германии вполне спокойный тон, признает за ней право увеличивать свои военные силы и не приписывает ей непосредственных агрессивных намерений по отношению Франции. Среди авторитетных лиц высказывается даже мнение, что Германия принуждена учитывать военно-политическое ослабление Тройственного союза вследствие отвлечения значительной части австрийской армии от наших границ Балканскими государствами. С другой стороны, здесь проникнуты убеждением, что новые вооружения Германии дадут ей настолько подавляющий перевес над нынешними военными силами Франции, что в случае наступления кризиса, германская армия будет в состоянии сразу прорвать первую французскую линию и расстроить формирование и сосредоточение главной французской армии: поэтому и совершенно независимо от нынешнего политического настроения германского правительства, стоящие во главе правления во Франции лица обязаны употребить все средства, дабы восстановить нарушенное с германской стороны равновесие.

В заключение считаю долгом упомянуть, что, излагая в разговоре со мной свои взгляды на организацию боевых сил Франции, г-н Жоннар высказал мне, что он является убежденным сторонником не только трехлетнего срока службы, но и создания постоянного колониального войска, которое, при наличности соглашения с Англией, могло бы во всякое время быть переброшено на главный театр; во время своего одиннадцатилетнего генерал-губернаторства в Алжире, он убедился, что колония эта может на собственные средства и путем лишь соответственных организационных мероприятий создать в пятнадцатилетний срок 75-тысячную образцовую армию. Г-н Жоннар присовокупил, что он намерен лично пропагандировать эту мысль в правительственных и парламентских кругах.

Извольский.

(Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., М., 1922, стр. 336—337).

№ 133. ПОСОЛ В ПАРИЖЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВУ

29/16 апреля 1914 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении весьма доверительного письма вашего от 2 апреля (20 марта с. г. за № 23), я не преминул тотчас же переговорить по содержанию оного, сперва с г-ном Думергом, а затем с г-ном Пуанкаре, как только он возвратился в Париж, то есть за несколько часов до

приезда в Париж английской королевской четы [1]; оба они еще раз обещали мне воспользоваться первым удобным моментом, чтобы указать королю Георгу и сэру Э. Грею на желательность более тесного соглашения между Россиею и Англиею и предложить английскому министру иностранных дел совместно сообщить нам содержание существующего между Франциею и Англиею политического соглашения, каковое могло бы послужить основанием для выработки подобного же соглашения между Россией и Англией.

В первый день пребывания здесь английских гостей, всецело занятый официальными визитами, приемами и торжествами, не происходило никаких деловых разговоров; во второй день г-н Думерг мог лишь самым беглым образом переговорить с сэром Э. Греем во время следования на смотр войскам в Венсенне; но в четверг в министерстве иностранных дел состоялось длинное совещание, в котором с французской стороны приняли участие г.г. Думерг, Поль Камбон и де-Маржери, а с английской — сэр Э. Грей и личный секретарь его сэр В. Тиррель. Со своей стороны г-н Пуанкаре имел доверительную беседу с королем Георгом и сэром Э. Греем. В тот же день вечером, на приеме в министерстве иностранных дел, как г-н Пуанкаре, так и г-н Думерг, поставили меня самым подробным образом и почти в тождественных выражениях в известность о результате вышесказанных бесед.

Обмен мыслями между французскими и английскими государственными людьми, прежде всего, коснулся отношений между Франциею и Англиею; приступая к нему, обе стороны единодушно признали, что существующие между обеими странами соглашения не нуждаются ни в каком формальном изменении или дополнении и что, продолжая последовательно и лойяльно применять ко всем выдвигаемым политическим вопросам так называемое «сердечное согласие», Франция и Англия тем самым с каждым днем укрепляют и развивают соединяющие их узы; при этом было признано также, что Россия самым тесным образом приобщается как Франциею, так и Англиею к их совместной политике. Мысль эта, как вы, конечно, изволили заметить, вполне рельефно выражена в опубликованном здесь и в Лондоне, после вышесказанного совещания, сообщении печати; г-н Думерг сказал мне, что каждое слово этого сообщения, редактированного г-ном Камбоном, было тщательно взвешано и проверено не только им самим, но и сэром Э. Греем, который всецело одобрил упоминание в нем России, а также указание, что целью трех держав является поддержание не только «мира», но и «равновесия». Франко-английское сообщение, уже переданное мною по телеграфу, считаю долгом еще раз препроводить при сем в газетной вырезке [2].

Окончив обсуждение различных стоящих на очереди вопросов текущей политики, г-н Думерг перешел к вопросу об отношениях между Россиею и Англиею и высказал сэру Э. Грею условленные между ним и мною

---

[1] 21/8 апреля 1914 г.

[2] Указанное сообщение читается: «Во время переговоров, имевших место между сэром Э. Греем и г-ном Думергом по случаю приезда их величеств короля и королевы Англии, обсуждались различные вопросы, интересующие обе страны, и подтвердилось тождество взглядов обоих министров по всем вопросам. Устанавливая результаты политики, проводимой обоими правительствами совместно с императорским правительством России, сэр Э. Грей и г-н Думерг пришли к соглашению о необходимости для этих трех держав попрежнему направлять свои постоянные усилия к сохранению мира и поддержанию равновесия».

пожелания; при этом он выставил в пользу более тесного русско-английского соглашения, главным образом, два аргумента: 1) усилия Германии отвлечь нас от Тройственного согласия, являющегося, будто бы, ненадежною и слабою политическою комбинациею и 2) возможность путем заключения между нами и Англией морской конвенции освободить часть английских морских сил для энергических действий не только в Балтийском и Немецком морях, но и в Средиземном море. Г-н Думерг указал, между прочим, сэру Э. Грею, что через два года у нас будет в Балтийском море сильная эскадра, составленная из дредноутов. Сэр Э. Грей ответил г-ну Думергу, что лично он вполне сочувствует высказанным им мыслям и был бы вполне готов заключить с Россиею соглашения наподобие тех, которые существуют между Англиею и Франциею; он не скрыл, однако, от г-на Думерга, что не только в среде правительственной партии, но даже среди членов кабинета имеются элементы, предубежденные против России и мало склонные к дальнейшему сближению с нею; он выразил тем не менее надежду, что ему удастся склонить г-на Асквита и других членов правительства к своей точке зрения, и предложил следующую линию поведения: прежде всего, оба кабинета, лондонский и парижский, могли бы, по взаимному уговору, сообщить петербургскому кабинету все существующие между Англией и Францией соглашения, а именно: 1) выработанные генеральными и морскими штабами сухопутную и морскую конвенции, имеющие, как вам уже известно, так сказать, условный характер и 2) политическое соглашение, оформленное обменом писем между сэром Э. Греем и французским послом в Лондоне; в письмах этих выражено, что в случае, если по ходу событий Англия и Франция решатся на совместное активное выступление, они «примут во внимание» вышесказанные конвенции. Одновременно с этим сообщением лондонский и парижский кабинеты могли бы спросить нас, как мы относимся к затронутому в нем предмету, а это могло бы, в свою очередь, додать нам повод приступить к обмену мыслей с Англией о заключении соответствующего русско-английского соглашения. По мысли сэра Э. Грея, между нами и Англией могла бы быть заключена лишь морская, а не сухопутная конвенция, ибо все сухопутные силы Англии уже заранее распределены и, очевидно, не могут кооперировать с русскими. Сэр Э. Грей присовокупил, что тотчас по возвращении в Лондон он предложит вышеизложенный план действий на обсуждение г-на Асквита и других своих коллег. На вопрос г-на Думерга, не думает ли он, что было бы желательно придать соглашениям между Россией, Францией и Англией форму не параллельных соглашений, а единого «Тройственного» соглашения, сэр Э. Грей ответил, что лично он не исключает подобной возможности, но что об этом может быть речь впоследствии в связи с техническою разработкою предполагаемого русско-английского соглашения

Все трое присутствовавших на совещании — г.г. Думерг, Камбон и де-Маржери сказали мне, что они были поражены выраженною сэром Э. Греем ясною и определенною готовностью вступить на путь более тесного сближения с Россиею; по их убеждению, высказанные им оговорки относительно г-на Асквита и других членов кабинета имеют лишь формальный характер, и если бы он не был заранее уверен в их согласии, он воздержался бы от столь конкретных предложений.

Из вышеизложенного, мне кажется, можно заключить, что вопрос,

затронутый в письме вашем от 2 апреля/20 марта поставлен на надлежащие рельсы; г.г. Пуанкаре и Думерг обещали мне, что г-н Камбон будет самым внимательным образом следить за исполнением намеченного сэром Э. Греем плана; со своей стороны, я ознакомился со всеми обстоятельствами дела, находившегося здесь посла нашего в Лондоне графа Бенкендорфа, который также думает, что есть полное основание рассчитывать на дальнейший успешный его ход.

Во время пребывания здесь английской королевской четы я имел случай несколько раз и довольно долго беседовать как с королем Георгом, так и с сэром Э. Греем. Король Георг высказал мне в самых теплых выражениях свою личную привязанность к государю императору; не входя в подробности предполагаемого развития существующих между Россиею и Англиею соглашений, он выразил мне самым определенным образом свое сочувствие этому плану; с сэром Э. Греем я также не касался подробностей дела, но все, что я от него слышал, убедило меня в том, что мы имеем в нем самого искреннего сторонника дальнейшего и более тесного сближения между Россией и Англией...

Примите и пр. Извольский.

(Международные отношения в эпоху империализма. Сокращенное издание, сер. 3, т. I, М., 1935, стр. 26—29. Док. 16).

№ 134. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

9 мая/26 апреля 1914 г.

Г-н министр,

Как я имел честь сообщить вам телеграммой от 15/2 апреля, сэр Э. Грей в этот день просил меня посетить его.

Во время приема статс-секретарь сказал мне, что после возвращения из Парижа он не имел случая видеть меня иначе, как в присутствии французского посла, что лишало его возможности сообщить мне так подробно, как он считал это нужным, насколько глубоким были впечатления, полученные им во время этого посещения. Он сказал мне, что, передавая их мне, он думал, что сообщает не только свои личные впечатления, но и впечатления короля и всех тех, которые принимали участие в поездке.

Сэр Э. Грей сказал, мне, что его впечатления намного превзошли его ожидания; что он не может достаточно оценить прием, оказанный президентом республики и г-ном Думергом, с которыми было установлено полное соглашение по текущим вопросам и общему политическому положению; что, больше того, прием, оказанный их величествам всюду, где они появлялись, и во всех случаях, носил характер действительного расположения, относительно которого нельзя ошибиться; английское правительство сделало из этого вывод, что принцип Согласия пустил во Франции такие же корни, как и в Англии, и что благодаря всему этому он особенно укрепился и упрочился.

Сэр Э. Грей говорил об этом с горячностью, ему мало свойственной и свидетельствовавшей о сложившемся убеждении, на основании которого он делал свои выводы.

Его намерения при приглашении меня для того, чтобы сказать мне только это, были очевидны. Он хотел указать мне, что Англия вступает в фазу еще более реального сближения с Францией.

Это намерение он, по-моему, подчеркнул еще сильнее, сказав мне

без всякого перехода, что я, вероятно, был посвящен в беседу, которую он имел с г-ном Думергом по поводу России. Сэр Э. Грей сказал мне, что в Париже, вдали от своих коллег, он не имел возможности немедленно высказать что-нибудь, кроме своего личного сочувствия проекту, который был ему сообщен и который заключается в том, что оба правительства посвятят императорское правительство во все дополнительные соглашения, существующие между Францией и Англией; что сегодня он может мне сообщить, что после своего возвращения в Лондон он говорил об этом с премьер-министром, который разделяет его мнение и не имеет никаких возражений против этого проекта, но что вопрос этот чересчур серьезен для того, чтобы его можно было решить без одобрения кабинета.

Сэр Эдуард сказал мне, что, к его сожалению, в течение этой первой недели он лишен был возможности собрать кабинет для этой цели, ввиду того, что внимание министров было полностью поглощено вопросам об Ульстере и необходимостью представить бюджет к определенному сроку.

Я ответил лишь несколькими словами. Поблагодарив сэра Эдуарда за его сообщение, я сказал ему, что отдаю себе отчет во всем его значении; я резюмировал положение, сказав, что если оба правительства сообщат нам свои соглашения, то императорское правительство получит возможность, если оно найдет это нужным, сделать британскому правительству подобное же предложение на аналогичных основаниях. Я сказал ему, что у меня есть основания думать, что ему известно мнение вашего превосходительства о необходимости более действительного объединения Тройственного согласия, которое не исключает даже союза по примеру группы трех других держав. Сэр Эдуард мне ответил, что считает союз невозможным. Я заметил, что я лично констатировал наличие тех же трудностей. Он только добавил: «Но вы же видете, что даже теперь мы не имеем союза с Францией».

Во время беседы я сказал сэру Эдуарду, что я сам, задержавшись в Париже по личным делам, присутствовал в толпе во время английского посещения, и насколько я могу судить, я нахожу его впечатления от посещения совершенно верными; я добавил, что такого же мнения придерживается и наш посол в Париже...

Примите и пр. Бенкендорф.

(Международное отношение в эпоху империализма. Сокращенное издание, сер. 3, т. I, М., 1935, стр. 33—34. Док. 19).

№ 135. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

19/6 мая 1914 г.

Г-н министр,

Сэр Э. Грей сегодня пригласил г-на Камбона и меня. Как меня предупреждал мой французский коллега, статс-секретарь подтвердил, что кабинет одобрил ответ, который он дал в Париже от своего собственного имени г-ну Думергу, когда французский министр ему говорил об отношениях между Россией и Англией и о пользе некоторого предварительного военного соглашения между правительствами на случай, если в нем позже представится надобность. Прежде всего речь идет о сообщении императорскому правительству обеими сторонами двух конфиден-

циальных и секретных писем, которыми французское и английское правительства обменялись в 1912 г.[1].

Сэр Э. Грей указал, что текст этих писем показывает, что оба правительства не заключили союза, что цель этих писем состоит главным образом в правильном освещении духа тех военных соглашений, которые были предварительно разработаны совместно военными и морскими властями на случай, если станет необходимым активное сотрудничество военных и морских англо-французских сил.

Сэр Эдуард указал, что при отсутствии подобных соглашений, заключенных заранее, немедленное сотрудничество двух правительств, даже при желании с их стороны и наличии политического согласия, встретиться с опасными техническими препятствиями.

Сэр Эдуард добавил, что со стороны британского правительства не имеется никаких возражений против переговоров между русскими и британскими адмиралтействами и заключения соглашения в духе, указанном в письмах, которыми обменялись г-н Камбон и он. Он сказал, что видит в этом те же практические выводы, что и в соглашении с Францией. Он сказал нам, что если он думает о морском соглашении, то потому, что это определяется сущностью вещей и что, кроме того, как ему известно, этого желает императорское правительство.

В эту минуту сэр Э. Грей передал мне копию письма, которое он отправил 22/9 ноября 1912 г. французскому послу; со своей стороны, г. Камбон, уполномоченный своим правительством, передал мне копию того письма, которое он на следующий день направил статс-секретарю[1].

Я имею честь приложить к сему эти копии.

Отвечая на мой вопрос, сэр Э. Грей сказал мне, что всего лучше, если бы наш морской агент был уполномочен вступить в переговоры с английским адмиралтейством, так как первый лорд адмиралтейства, как и его коллеги по правительству, осведомлен о проекте, и английское адмиралтейство имеет в своем распоряжении морские соглашения, разработанные Францией и Англией. Относительно остальных соглашений он мне сказал, что это дело нашей союзницы Франции использовать их, как она сочтет нужным.

Выразив благодарность сэру Э. Грею за проявленное им дружеское расположение, я ограничился ответом, что передам немедленно вашему превосходительству копии обоих писем и дам вам точный отчет о том, что он мне сказал во время передачи своего письма.

Примите и пр. Бенкендорф.

(Международные отношения в эпоху империализма. Сокращенное изд., сер. 3, т. I, М.,1935, стр. 37—38. Док. 22).

ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС 1914 г.

№ 136. УБИЙСТВО НАСЛЕДНИКА АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО ПРЕСТОЛА ТЕЛЕГРАММА РУССКОГО ПОСЛА В ВЕНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, 28 июня 1914 г.

Сегодня утром в Сараеве наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и супруга его герцогиня Гогенберг оба были убиты выстрелив-

---

[1] См. выше документ № 131.

ним в них из револьвера человеком, по слухам, сербом. Император завтра возвращается из Ишля в Вену.

Шебеко.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг., сер. 3, т. IV, М.—Л., 1934, № 3, стр. 15).

№ 137. ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕ ЧИРШСКОГО РЕЙХСКАНЦЛЕРУ БЕТМАНУ-ГОЛЬВЕГУ, 30 июня 1914 года

...Здесь даже со стороны серьезных людей я неоднократно слышу пожелания, что нужно раз навсегда[1] основательно свести счеты с сербами.

Надо прежде всего предъявить Сербии ряд требований и, если она их не примет, действовать энергично.

Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно, но весьма настоятельно и серьезно предостеречь от необдуманных шагов[2]. Прежде всего нужно себе уяснить, чего именно хотят, потому что я до сих пор слышал лишь весьма неясные намеки. Затем следовало бы тщательно взвесить шансы какого-нибудь выступления и иметь в виду, что Австро-Венгрия не стоит обособленно в мире. Необходимо наряду с вниманием, уделяемым собственным союзникам, обязательно принять еще в расчет и общеевропейское положение, специально имея в виду поведение Италии и Румынии во всех вопросах, касающихся Сербии[3].

(Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. I, Charlottenburg, 1919; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 22).

№ 138. ИЗ ДОКЛАДА ВЕНГЕРСКОГО МИНИСТРА-ПРЕЗИДЕНТА ГРАФА ТИССЫ ИМПЕРАТОРУ ФРАНЦУ-ИОСИФУ, 1 июля 1914 г.

Всемилостивейший государь!

Только после аудиенции я имел возможность говорить с графом Берхтольдом и узнал о его намерении использовать сараевское преступление как предлог для того, чтобы рассчитаться с Сербией. Я не скрыл от графа Берхтольда, что это, по моему мнению, было бы роковой ошибкой.

Во-первых, мы до сих пор не имеем никаких оснований, по которым мы могли бы считать Сербию ответственной и вызвать войну с государством, несмотря на удовлетворительные заявления его правительства. Мы оказались бы в самом невыгодном положении, предстали бы перед всем миром в роли нарушителей мира и начали бы большую войну в самых невыгодных условиях.

(Diplomatische Aktenstücke zur vorgeschichte des Krieges, 1914, Wien, 1919; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 25—26).

---

[1] Пометка Вильгельма II: «Теперь или никогда».

[2] Пометка Вильгельма II: «Кто его уполномочил на это? Очень глупо. Это его совершенно не касается, это исключительно дело Австрии думать о соответствующих шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно: Германия не хотела!! Пусть Чиршский соблаговолит оставить этот вздор. С сербами надо покончить и именно сейчас».

[3] Пометка Вильгельма II: «Все это, само собой разумеется, является избитой истиной».

№ 139. АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ В ВЕНЕ БУНЗЕН — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГРЕЮ

Вена, 5 июля 1914 г.

Я имел беседу сегодня с русским послом... господином Шебеко. Он не верит, что страна решится на войну, ибо изолированная борьба с Сербией невозможна, и Россия была бы вынуждена прибегнуть к оружию для защиты Сербии. В этом не может быть никакого сомнения. Сербская война означала бы всеобщую европейскую войну.

Господин Дюмен, мой французский коллега, чрезвычайно озабочен. Его страна, как известно, симпатизирует сербским стремлениям, и он действительно знает, что Сербия в Вене скажет и сделает. В течение последних недель он со мной неоднократно говорил относительно опасности ситуации. И он опасается, что возможно, все это приведет скоро к таким осложнениям, из которых легко возникнет война...

Бунзен.

(Britisch Dokuments on the Origins of the War. 1898—1914, vol. XI, London; в книге «Заговор против мира, М., 1934, стр. 39).

№ 140. АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ПОСОЛ В БЕРЛИНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Берлин, 5 июля 1914 г.

Собственноручное письмо императора Франца-Иосифа и приложенный меморандум я передал его величеству [1]. Император читал в моем присутствии с величайшим вниманием оба документа. Сначала он меня заверил в том, что ожидает с нашей стороны серьезного выступления против Сербии.

По мнению императора Вильгельма, нельзя мешкать с этим выступлением.

Позиция России будет во всяком случае враждебной, но он к этому готовился в течение ряда лет, и если даже дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то можем не сомневаться в том, что Германия выполнит свой союзный долг и будет стоять на нашей стороне...

(Oesterreich-ungarns Aussenpolitik... Bd. VIII. Wien, 1930; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 38).

№ 141. БЕСЕДА ФЕЛЬДМАРШАЛА КОНРАДА фон ГЕТЦЕНДОРФА С АВСТРО-ВЕНГЕРСКИМ МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, 6 июля 1914 г.

«...6 июля я имел беседу с графом Берхтольдом.

Граф Берхтольд: — Вы были вчера у его величества. Император сказал, что вы очень спокойно оцениваете положение.

Я: — Да, я сказал также его величеству, что фундаментального разрешения вопроса можно ожидать только путем войны с Сербией.

Затем... я подчеркнул, что мы прежде всего должны знать наверняка, будет ли Германия на нашей стороне.

Граф Б.: — Завтра утром будет ответ. Германский кайзер ответил

---

[1] В этих документах излагались основные линии, намечавшейся австро-венгерским правительством политики на Балканах. Меморандум был составлен еще до сараевского убийства. После смерти эрцгерцога к нему было сделано добавление, так что меморандум заканчивался следующими словами: «Сербия... как политический фактор на Балканах должна быть уничтожена...» (Ред.).

утвердительно, но он должен еще поговорить с Бетман-Гольвегом. Как примет это его величество?

Я: — Если Германия согласится, то его величество будет за войну против Сербии.

Граф Б. спросил мое мнение относительно момента, который следовало бы выбрать для начала войны. Он указал, что сейчас время жатвы и что его страна должна прожить целый год этим урожаем. Граф Берхтольд предложил сначала устроить пробную мобилизацию.

Я решительно возражал против этого и заметил, что если уж объявлять мобилизацию, то это должна быть полная мобилизация.

Граф Берхтольд: — Тисса против войны. Он боится румынского наступления на Семиградье (Трансильвания). Что будет с Галицией, если мы начнем мобилизацию против Сербии?

Я: — Галиция пока не подлежит мобилизации. Если, однако, русские начнут угрожать, тогда в Галиции должны быть мобилизованы 3 корпуса.

Граф Берхтольд: — Я не сомневаюсь в том, что Германия должна выступить с нами, — во-первых, в силу своих союзнических обязанностей, и, во-вторых, потому, что здесь речь идет о существовании самой Германии.

Я: — Когда могу я узнать ответ Германии?

Граф Б.: — Завтра. Но немцы спросят нас, что будет после войны.

Я: — Тогда вы скажете им, что мы сами этого не знаем».

(Conrad, Feldmarschall. Aus meiner Dienstzeit 1906 – 1918, Bd. IV, Wien, 1933, S. 39—40; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 43—44).

№ 142. ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО СОВЕТА МИНИСТРОВ[1]

Вена, 7 июля 1914 г.

Слушали: Боснийские дела. Дипломатическое выступление против Сербии.

Председатель открывает заседание и замечает, что совет министров созван для обсуждения мероприятий, которые должны быть приняты для оздоровления выявившихся в связи с катастрофой в Сараеве внутриполитических бедствий в Боснии и Герцеговине... Переговоры в Берлине привели к чрезвычайно благоприятным результатам и как кайзер Вильгельм, так и господин фон Бетман-Гольвег со всей твердостью заверили нас, что в случае военного осложнения с Сербией мы будем иметь безусловную поддержку Германии...

Поэтому ясно, что вооруженный конфликт с Сербией может иметь следствием войну с Россией...

Логическим следствием, вытекающим из сказанного было бы опередить наших противников и своевременной расправой с Сербией задержать уже находящийся на полном ходу процесс развития. Позже это сделать не представилось бы возможным.

Королевский венгерский председатель совета министров с этим соглашается... Но он... никогда не дал бы своего согласия на внезапное

---

[1] Совместное заседание австрийского и венгерского кабинетов.

нападение на Сербию без предварительной дипломатической подготовки, как это, повидимому, намереваются сделать и о чем, к сожалению, через графа Гойоша велись разговоры в Берлине. Он не дал бы согласия, потому что мы в этом случае, по его мнению, показали бы себя в очень плохом свете перед Европой, а также, что весьма вероятно, встретили бы враждебность со стороны Балкан, за исключением Болгарии, причем последняя, будучи в настоящее время крайне ослабленной, не могла бы оказать нам соответствующей поддержки...

Императорский и королевский председатель совета министров[1] замечает.... Как должен начаться конфликт — это вопрос подробностей, и если венгерское правительство считает, что внезапное без «предостерегающего окрика», как выразился граф Тисса, неприемлемо, то нужно найти другой путь. Однако крайне желательно, чтобы перед лицом неизбежного действовали быстро и чтобы наше народное хозяйство было ограждено перед наступлением длительного периода треволнений. Все это детали рядом с принципиальным вопросом...

Поэтому сегодня нужно принципиально решить, что следует перейти к действиям и что мы перейдем к действиям. Он также разделяет мнение председателя, что дипломатический успех никоим образом не может улучшить положения. И если из международных соображений будет предпринята дипломатическая акция против Сербии, то это должно быть сделано с твердым намерением, что эта акция может закончиться только войной.

Затем развертывается дискуссия о цели военных действий против Сербии, причем принимается точка зрения королевского венгерского председателя совета министров о том, чтобы Сербия была уменьшена, но, учитывая Россию, не совсем уничтожена. Императорский и королевский председатель совета министров подчеркивает, что рекомендовалось бы также отстранить династию карагеоргиевичей и передать корону одному из европейских князей и одновременно установить зависимые отношения уменьшенного в своем объеме королевства к монархии в области военной...

В продолжительных прениях вопрос о войне обсуждается во всех подробностях. В заключение этих высказываний можно констатировать:

1) что все собравшиеся желают по возможности быстрого разрешения спора с Сербией в мирном или военном духе;

2) что совет министров готов присоединиться к мнению королевского венгерского председателя совета министров о том, что сначала следует провести мобилизацию, потом предъявить к Сербии конкретные требования и поставить их перед ней, как ультиматум.

Все присутствующие, однако, за исключением королевского венгерского председателя совета министров придерживаются мнения, что чисто дипломатический успех, даже в том случае, если бы он закончился блестящим унижением Сербии, не имел бы ценности и что поэтому нужно предъявить к Сербии настолько далеко идущие требования, чтобы можно было предвидеть их отклонение и тем самым радикальное разрешение вопроса путем военного вмешательства.

(Conrad, Feldmarschall. Aus meiner Dienstzeit. 1906—1918, Bd. IV, Wien, 1923. S. 45—51).

---

[1] Граф Штюргк.

№ 143. ПИСЬМЕННОЕ СООБЩЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТЕРБУРГЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

24/11 июля 1914 г., 11 ч. утра.

Императорское и королевское правительство было поставлено в необходимость вручить в четверг 23/10 сего месяца через императорского и королевского посланника в Белграде следующую ноту сербскому королевскому правительству:

«31/18 марта 1909 г. сербский посланник в Вене сделал, по приказанию своего правительства, императорскому и королевскому правительству следующее заявление:

«Сербия признает, что права ее не были затронуты совершившимся фактом, созданным в Боснии и Герцеговине, и что, следовательно, она будет сообразоваться с теми решениями, которые будут приняты державами по отношению к ст. 25 Берлинского трактата. Подчиняясь советам великих держав, Сербия обязуется впредь отказаться от того положения протеста и оппозиции по вопросу об аннексии, которое она занимала с прошлой осени, и обязуется, кроме того, изменить курс своей настоящей политики по отношению к Австро-Венгрии, чтобы впредь, поддерживать с названной державой добрососедские отношения».

Между тем, история последних лет, и в частности, прискорбное событие 28/15 июня доказали существование в Сербии революционного движения, имеющего целью отторгнуть от австро-венгерской монархии некоторые части ее территории.

Движение это, зародившееся на глазах у сербского правительства, в конце концов, дошло до того, что стало проявляться за пределами территории королевства в актах терроризма, в серии покушений и в убийствах. Королевское сербское правительство не только не выполнило формальных обязательств, заключающихся в декларации 31/18 марта 1909 г., но даже не приняло никаких мер, чтобы подавить это движение.

Оно допускало преступную деятельность различных обществ и органиазций, направленную против монархии, распущенный тон в печати, прославление виновников покушения, участие офицеров и чиновников в революционных выступлениях, вредную пропаганду в учебных заведениях; наконец, оно допускало все манифестации, которые могли возбудить в сербском населении ненависть к монархии и презрение к ее установлениям.

Эта преступная терпимость королевского сербского правительства не прекратилась даже в момент, когда события 28/15 прошлого июня показали всему миру ее прискорбные последствия. Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28/15 июня явствует, что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками, входящими в состав «Народной Одбраны» и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты расследования не позволяют императорскому и королевскому правительству сохранять долее то выжидательное и терпеливое положение, которое оно занимало в течение ряда лет по отношению к действиям, намечавшимся в Белграде и пропагандировавшимся оттуда в пределах территории монархии.

Эти результаты, напротив, возлагают на него обязанность положить конец проискам, являющимся постоянной угрозой для спокойствия монархии. Для достижения этой цели императорское и королевское правительство находится вынужденным просить сербское правительство официально заявить, что оно осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгерской монархии, т. е. всю совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от монархии входящих в ее состав территорий, и что оно обязуется принять все меры для подавления этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характер этому обязательству, королевское сербское правительство опубликует на первой странице официального органа от 26/13 июля нижеследующее заявление:

«Королевское сербское правительство осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгрии, т. е. совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от Австро-Венгерской монархии частей ее территории, и искренно сожалеет о прискорбных последствиях этих преступных действий.

Королевское правительство сожалеет, что сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде и скомпрометировали таким образом те добрососедские отношения, поддерживать которые королевское правительство торжественно обязалось в своей декларации от 31/18 марта 1909 г.

Королевское правительство, порицая и отвергая всякую мысль или попытку вмешательства в судьбы населения какой-либо части Австро-Венгрии, считает своим долгом формально предупредить офицеров, чиновников и все население королевства, что отныне оно будет принимать самые суровые меры против лиц, виновных в подобных действиях, которые правительство всеми силами будет предупреждать и подавлять».

Это заявление будет немедленно объявлено войскам приказом его величества короля по армии и будет опубликовано в официальном военном органе.

Королевское правительство, кроме того, обязуется:

1) Не допускать никакие публикации, возбуждающие ненависть и презрение к монархии и проникнутые общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности.

2) Немедленно закрыть общество, называемое «Народна Одбрана», конфисковать все средства пропаганды этого общества и принять те же меры против других обществ и организаций в Сербии, занимающихся пропагандой против Австро-Венгерской монархии. Королевское правительство примет необходимые меры, чтобы распущенные им общества не могли продолжать свою деятельность под другим названием или в другой форме.

3) Незамедлительно исключить из области сербского народного образования как в отношении личного состава учащих, так и в отношении способов обучения, все то, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии.

4) Удалить с военной и вообще административной службы всех офицеров и должностных лиц, виновных в пропаганде против Австро-Венгерской монархии, имена которых императорское и королевское правительство оставляет за собою право сообщить королевскому правительству вместе с указанием совершенных ими деяний.

5) Допустить сотрудничество в Сербии органов императорского и королевского правительства в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной неприкосновенности монархии.

6) Произвести судебное расследование против участников заговора 28/15 июня, находящихся на сербской территории, причем лица, командированные императорским и королевским правительством, примут участие в розысках, вызываемых этим расследованием.

7) Срочно арестовать коменданта Войя Танкосича и некого Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированных результатами сараевского расследования.

8) Принять действительные меры к воспрепятствованию оказания сербскими властями содействия в незаконной торговле оружием и взрывчатыми веществами через границу; уволить и подвергнуть суровому наказанию чинов пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в том, что оказали содействие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу.

9) Дать императорскому и королевскому правительству объяснения по поводу недопустимых заявлений высших сербских чинов как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на свое официальное положение, позволили себе после покушения 28/15 июня высказываться в интервью во враждебном по отношению к Австро-Венгерской монархии тоне.

10) Наконец, без замедления уведомить императорское и королевское правительство об осуществлении указанных в предыдущих пунктах мер.

Австро-Венгерское правительство ожидает ответа королевского правительства не позднее 6 часов вечера в субботу 25/12 текущего месяца.

К настоящей ноте приложена памятная записка, касающаяся результатов сараевского следствия относительно чиновников, упомянутых в пунктах 7 и 8».

Приложение

Уголовное следствие, начатое сараевским трибуналом против Гаврилы Принципа и единомышленников по обвинению в убийстве и соучастии в убийстве (преступлении, совершенном ими 28/15 прошлого июня), пришло до настоящего момента к следующим выводам:

1) Заговор, ставивший своей целью убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда во время пребывания его в Сараеве, был составлен в Белграде Гаврилой Принципом, Неделько Чабриновичем, некиим Миланом Цигановичем и Трифко Грабежем, при содействии майора Войи Танкосича.

2) 6 бомб и 4 пистолета системы Браунинг с снаряжением, пользуясь которыми злоумышленники совершили покушение, были получены Принципом, Чабриновичем и Грабежем в Белграде от некого Милана Цигановича и майора Войи Танкосича.

3) Бомбы представляют собой ручные гранаты из запасов арсенала сербской армии в Крагуеваце.

4) Чтобы обеспечить успех покушения, Циганович обучил Принципа, Чабриновича и Грабежа приемам обращения с гранатами и дал Принципу и Грабежу несколько уроков стрельбы из пистолетов системы Браунинг в лесу около полигона в Топчидере.

5) Чтобы обеспечить Принципу, Чабриновичу и Грабежу возмож-

ность перейти границу Боснии — Герцеговины и перенести туда тайно их контрабандный груз оружия, Цигановичем была организована особая система секретной перевозки.

6) Следуя этому плану, пограничные капитаны в Шабаце (Раде Попович) и в Лознице, а также таможенный чиновник в Лознице Рудивой — Грибич, при содействии ряда частных лиц, переправили в Боснию — Герцеговину как самых злоумышленников, так и их оружие.

(Международные отношения в эпоху империализма. Сокращенное издание. Сер. 3, т. I, М., 1935, стр. 431—436. Док. 292).

№ 144. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Лондон, 9 июля 1914 г.

Я имел вчера с Греем беседу, которой он, очевидно, придает значение...

Для начала Грей сказал мне, что известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся...

Я ответил..., если Австрия попытается использовать содеянное убийство, общественное мнение в России не останется равнодушным. «Вот почему, — сказал Грей, — положение мне представляется очень серьезным». Я сказал ему, что тем не менее Германии еще предстоит сказать свое слово и что я не могу поверить, чтобы император Вильгельм желал войны. Он ответил мне, что он думал так же, как и я, но что его впечатления относительно намерений Берлина, — впечатления, почерпнутые из многих источников, — являются в общем не особенно благоприятными. За последние годы там продолжают говорить... с целью увеличения вооружений, о русской или английской политике «окружения», не веря в нее в действительности... Там вбили себе в голову, что Россия имеет агрессивные намерения, вооружается, ведет переговоры то с Румынией, то с Англией для заключения военной конвенции и, по меньшей мере, думает о войне, а потому рассчитывать на Германию в такой степени, как в прошлом году, было бы неблагоразумно...

Я ответил, что все германские опасения насчет окружения кажутся мне попрежнему весьма мало искренними. Но... независимо от этой удобной и легко поддающейся использованию теории, изменившееся военное положение само по себе заставляет Германию задумываться. Оно может внушить ей благоразумие, точно так же, как может побудить ее ускорить события. Я кратко резюмировал военное положение: Россия значительно более сильна людским составом и железными дорогами, Франция — в том же точно положении, что прежде, Румыния — стала подозрительной, Англия — тем более. Грей мне ответил: «Да, таковы мои впечатления по этому поводу, и я хотел бы, чтобы Сазонов знал. Наш разговор, конечно, является строго конфиденциальным, но я считаю, что мы должны об этом подумать».

...Грей сказал мне еще, что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести военных операций перемещается довольно быстро с Запада на Восток... Мало-помалу главным противником становится Россия...

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг., сер. III, т. IV, М.—Л., 1934, № 146, стр. 188—190).

№ 145. ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ — РЕЙХСКАНЦЛЕРУ

Секретно.

Лондон, 9 июля 1914 г.

Сэр Эдуард Грей вызвал меня сегодня к себе и сначала ознакомил меня с записью, которую он сделал о нашем разговоре, имевшем место незадолго до моего отъезда в Берлин и Киль.

Он заявил, что он не имеет ничего добавить к тому, что говорил 6-го и может лишь повторить, что между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией, с другой, не заключено никаких секретных соглашений, которые связывали бы Великобританию в случае европейской войны.

Англия хочет, по его словам, сохранить полную свободу действий для того, чтобы иметь возможность действовать по собственному усмотрению в случае осложнений на континенте. Правительство обязалось до известной степени перед парламентом не принимать на себя какие-либо тайные обязательства. В случае осложнений на континенте, британское правительство ни в каком случае не окажется на стороне нападающего государства.

...Если, таким образом, нет никаких соглашений, возлагающих какие-либо обязательства, то он (Грей) все же не отрицает, что от времени до времени происходили совещания между морскими или военными инстанциями обеих стран. Первое совещание произошло в 1906 году, второе — во время марокканского кризиса, когда здесь полагали, как он, смеясь, заметил, что мы хотим напасть на французов.

Со времени нашего последнего разговора, — добавил сэр Эдуард,— он тщательно ознакомился с настроением, царящим в России против нас, и не нашел никаких оснований для беспокойства. Он также готов, если мы пожелаем, повлиять в той или иной форме на позицию России... Многое будет зависеть от характера проектируемых мероприятий и от того, не затронут ли они славянские чувства в такой мере, что господин Сазонов не сможет остаться пассивным.

Лихновский.

(Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. I, Charlottenburg, 1919; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 57—58).

№ 146. АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ПОСОЛ В БЕРЛИНЕ — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Берлин, 12 июля 1914 г.

Как император Вильгельм, так и все прочие здешние компетентные факторы не только полны решимости поддержать монархию в качестве ее верных союзников, но даже решительно подстрекают нас не упустить теперешний момент выступить самым энергичным образом против Сербии и раз навсегда ликвидировать находящееся там гнездо революционных заговорщиков, предоставляя нам полную свободу в выборе средств...

С другой стороны, я считаю, что если руководящие германские круги и не в малой мере сам император Вильгельм нас буквально толкают к тому, чтобы предпринять даже военные действия против Сербии, то это нуждается в известном пояснении...

По мнению Германии, — и это мнение я вполне разделяю, — необ-

ходимо выбрать теперешний момент, исходя из общих политических соображений и специально из моментов, вытекающих из сараевского убийства. В последнее время Германия еще больше укрепилась в мнении, что Россия готовится к войне против своих западных соседей и рассматривает эту войну уже не как известную возможность, а определенно считается с ней в своих политических расчетах на будущее. Но именно на будущее. И в настоящий момент она не собирается воевать, или вернее, она еще не подготовлена.

Далее германское правительство считает, что имеются верные признаки того, что Англия не приняла бы сейчас участия в войне, возникшей ради какой-либо балканской страны, даже если бы дошло до войны с Россией и даже, может быть, с Францией.

Таким образом, в общем политическая конъюнктура является для нас в настоящее время максимально благоприятной.

Сегени.

(Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges, 1914, Wien, 1919; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 64—65).

№ 147. ГЕРМАНСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ — ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ

Секретно. Берлин, 15 июля 1914 г.

...Дело идет сейчас о высокополитическом вопросе, может быть о последней возможности нанести великосербскому движению смертельный удар при сравнительно благоприятных условиях. Если Австрия упустит этот случай, она потеряет всякий престиж и станет в нашей группе еще более слабым фактором...

Мы жизненно заинтересованы в том, чтобы австрийский союзник сохранил свою мировую позицию. Вашей светлости известно, какое значение будет иметь для нас при возможных дальнейших результатах конфликта позиция Англии.

Ягов.

(Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. I, Charlottenburg, 1919; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 75).

№ 148. ГЕРМАНСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИМПЕРАТОРУ ВИЛЬГЕЛЬМУ II

Берлин, 23 июля 1914 г.

Посол в Лондоне телеграфирует:

«Я секретным образом узнал, что сэр Эдуард Грей заявит... графу Менсдорфу, что британское правительство использует свое влияние для того, чтобы сербское правительство приняло австро-венгерские требования, если они *умеренные и совместимы с самостоятельностью сербского государства*.

(Пометка Вильгельма: «*Не его дело решать этот вопрос, это — дело императора Франца-Иосифа!*»...)

Между прочим, Грей сегодня вновь просил меня передать, что он старается в Петербурге влиять в интересах австрийской точки зрения. (Пометка Вильгельма: «*Это невероятное британское бесстыдство...*»).

Посол в Лондоне получает инструкции говорить в том духе, что мы не знали австрийских требований, но рассматривали их как *внут-*

ренний вопрос Австро-Венгрии, на который мы не компетентны воздействовать.

(Пометка Вильгельма: «Правильно. Это нужно ясно и отчетливо заявить Грею! Для того, чтобы он понял, что я не признаю никаких шуток. Грей совершает ошибку, ставя Сербию на один уровень с Австрией и другими великими державами! Это неслыханно! Сербия — это банда грабителей, которых нужно прибрать к рукам за их преступления. Я не стану вмешиваться в вопросы, которые вправе решать лишь сам император! Я ожидал эту телеграмму, и она меня не удивила! Чисто британская манера мышления, манера приказывать свысока, которой нужно дать должный отпор! Вильгельм»).

(Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. I, Charlottenburg, 1919; в книге: „Заговор против мира", М., 1934, стр. 104—105).

№ 149. ПОДЕННАЯ ЗАПИСЬ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

24 июля 1914 г.

Рано утром в министерстве иностранных дел получена телеграмма из Белграда, подтверждающая сведение, сообщенное накануне вечером советником итальянского посольства...

К 10 часам утра приехал из Царского Села С. Д. Сазонов, которому барон Шиллинг тотчас же сообщил все вышесказанное. Известия эти произвели на министра весьма тяжелое впечатление, и он сразу сказал: „c'est la guerre uropéenne"[1]. Тотчас по телефону был вызван в министерство австро-венгерский посол, в ожидании которого С. Д. Сазонов по телефону же из кабинета барона Шиллинга доложил лично государю императору о предъявленном Австрией Сербии ультиматуме. Его величество воскликнул: «Это возмутительно» и повелел держать его в курсе дальнейшего.

В это время приехал австро-венгерский посол и передал министру копию австро-венгерской ноты Сербии.

Между тем барон Шиллинг по телефону предупредил от имени военного министра, морского министра и министра финансов о ходе событий и, по поручению С. Д. Сазонова, просил их непременно прибыть в заседание совета министров. По просьбе адмирала Григоровича, барон Шиллинг передал то же самое начальнику морского генерального штаба адмиралу Русину. Министр финансов только что вернулся с доклада у государя, от которого он уже узнал о шаге Австрии в Белграде. Шиллинг указал П. Л. Барку на необходимость на всякий случай безотлагательно изъять сколько можно наших государственных вкладов из Германии.

По телеграфу были немедленно вызваны из отпусков А. А. Нератов, кн. Трубецкой и все члены канцелярии министра и Ближне-Восточного отдела.

Французский посол собрал у себя за завтраком для обмена мнений С. Д. Сазонова, английского посла и румынского посланника. Министр

---

[1] «Это европейская война».

при этом просил названных представителей срочно передать их правительствам его просьбу немедленно выработать сообща с нами план действий. Эта просьба была естественным образом обращена также и к присутствовавшему румынскому посланнику, благодаря чему Румыния оказалась привлеченной к общему делу; для нас было выгодно втянуть ее в дело на нашей стороне, для самой же Румынии было, очевидно, лестно участвовать на равных основаниях в предпринимаемых великими державами дипломатических шагах.

В 3 часа состоялся совет министров, в котором С. Д. Сазонов изложил ход переговоров, вызванных вручением накануне Австро-Венгрией угрожающей ноты Сербии.

После заседания совета министров состоялось свидание С. Д. Сазонова с сербским посланником, во время которого министр преподал посланнику советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту.

В 7 часов к министру иностранных дел приехал германский посол. Он пытал[ся] оправдать образ действий Австрии, ссылаясь на то, что следствием по сараевскому убийству, будто бы добыты данные, устанавливающие вину сербского правительства. Кроме того, он старался доказать правильность австрийского выступления необходимостью ограждения «монархического принципа». С. Д. Сазонов говорил с графом Пурталесом весьма твердым языком и резко осуждал прием венского кабинета, настаивая на неприемлемости для Сербии врученной ей ноты, а также на неуважении к великим державам, выразившимся в том, что Австро-Венгрия, обратившись к ним, вместе с тем поставила столь короткий срок исполнению своих требований Сербией, что не дала возможности державам рассмотреть дело и дать своевременно свой отзыв.

Видевшие графа Пурталеса по выходе его от министра свидетельствуют, что он был весьма взволнован и не скрывал, что слова С. Д. Сазонова, и особенно его твердая решимость дать австрийским требованиям отпор, произвели на посла сильное впечатление.

В то время как у министра был германский посол, в министерство прибыл французский посол, который, не желая встречаться со своим германским сотоварищем, прошел к барону Шиллингу и с ним вместе отправился ждать, чтобы министр освободился, в кабинет товарища министра, через который граф Пурталес не мог пройти...

Тотчас по уходе графа Пурталеса французский посол был принят министром, который поставил его в известность о принятых в совете министров решениях, а также о своих разговорах с сербским посланником и германским послом.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг., сер. III, т. IV, М.—Л., 1934, № 25, стр. 45—48).

№ 150. ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ

24/11 июля 1914 г.

По заявлению министра иностранных дел о последних выступлениях австро-венгерского правительства в отношении Сербии.

Министр иностранных дел довел до сведения совета министров, что, согласно полученным им сведениям и сделанному австро-венгерским послом при императорском дворе сообщению, австро-венгерское правитель-

ство обратилось к сербскому правительству с требованиями, являющимися по существу для Сербского королевства, как суверенного государства, совершенно неприемлемыми и изложенными в ультимативной форме, причем сербскому правительству назначен для ответа срок, истекающий завтра, (25)12 июля, в 6 часов вечера. Таким образом, предвидя, что Сербия обратится к нам за советом, а быть может, и за помощью, настоит надобность ныне же подготовиться к тому ответу, который может быть нами дан Сербии.

Обсудив изъясненное заявление гофмейстера Сазонова, в связи с доложенными совету министрами военным, морским и финансов сведениями о современной политической и военной обстановке, совет министров положил:

I. Одобрить предположение министра иностранных дел снестись с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства к предоставлению Сербии некоторой отсрочки в деле ответа на предъявленные ей австро-венгерским правительством ультимативные требования, дабы дать тем возможность правительствам великих держав исследовать и изучить документы по поводу совершившегося в Сараеве злодеяния, которыми австро-венгерское правительство располагает и которое оно готово, по удостоверению австро-венгерского посла, сообщить российскому правительству.

II. Одобрить предположение министра иностранных дел посоветовать сербскому правительству, на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав.

III. Предоставить военному и морскому министрам по принадлежности испросить высочайшее вашего императорского величества соизволение на объявление, в зависимости от хода дел, мобилизации четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского, Балтийского и Черноморского флотов.

IV. Предоставить военному министру незамедлительно ускорить пополнение запасов материальной части армии.

V. Предоставить министру финансов принять меры к безотлагательному уменьшению принадлежащих финансовому ведомству сумм, находящихся в Германии и Австро-Венгрии.

О таковых своих заключениях совет министров всеподданнейшим долгом почитает довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

И. Горемыкин. В. Саблер. В. Сухомлинов. И. Григорович. П. Харитонов. А. Кривошеин. С. Сазонов. Н. Маклаков. С. Тимашев. П. Барк. А. Веревкин. П. Думитрашко. В. Шевятков.

И. д. упр. делами сов. мин. И. Лодыжинский.

Пометка Николая II: «С о г л а с е н».

Красное село, (25) 12 июня 1914 г.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг., сер. III, т. V, М.—Л., 1934, № 19, стр.38—40).

№ 151. ТЕЛЕГРАММА СЕРБСКОГО РЕГЕНТА КОРОЛЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЮ II,

24 июля 1914 г.

«Вчера вечером австро-венгерское правительство передало сербскому правительству ноту относительно покушения в Сараеве. Сербия в сознании своих международных обязательств заявила, с первых дней ужасного преступления, что она осуждает...[1] и готова открыть следствие на своей территории в том случае, если дело, которое ведется австро-венгерскими властями, докажет соучастие некоторых ее подданных. Но требования, заключенные в ноте австро-венгерского правительства, не совместимы с достоинством Сербии как независимого государства и излишне для нее унизительны. Требуется, между прочим, в категорической форме от нас декларация правительства в официальной газете, приказ короля по армии, в котором мы осуждали бы враждебный дух против Австро-Венгрии и вместе с тем высказали бы себе самим упреки за преступное попустительство по отношению к коварным проискам; далее нам ставят условием присутствие австро-венгерских чиновников в Сербии как для совместного участия с нашими в следствии, так и для наблюдения за выполнением остальных мероприятий, указанных в ноте. Нам дают 48-часовой срок для принятия всего, в противном случае австро-венгерская миссия выедет из Белграда. Мы готовы принять те требования Австро-Венгрии, которые совместимы с... солидного государства[2], а также и те, кои ваше величество, по ознакомлении с ними, посоветуете нам принять; мы строго накажем всех тех, участие коих в покушении будет доказано. Среди условий находятся и такие, которые требуют перемен в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время. Срок назначен слишком краткий. Австро-венгерская армия сосредоточивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться. Посему молим ваше величество оказать нам помощь возможно скорее. Ваше величество дало нам столько доказательств своего драгоценного благоволения, и мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в его славянском и благородном сердце. Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит ваше величество принять участие в судьбах Сербии. — А л е к с а н д р».

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг., сер. III, т. V, М.—Л., 1934, № 37, стр. 54—55).

№ 152. ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ВЕНЕ—МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Вена, 24 июля 1914 г.

...Для того, чтобы демонстрировать свои хорошие намерения по отношению к России, граф Берхтольд вызвал к себе сегодня русского поверенного в делах, чтобы с ним подробно поговорить об отношении Австро-Венгрии к Сербии...

Он заявил, что Австрия отнюдь не претендует на сербскую территорию. (Пометка Вильгельма: «О с е л! С а н д ж а к А в с т р и я д о л ж н а в з я т ь, и н а ч е с е р б ы п о д о й д у т к А д р и а т и ч е с к о м у м о р ю»).

[1] В Ор. кн. вставлено: «Это злодеяние».
[2] В Ор. кн. «с положением независимого государства».

Берхтольд далее заявил, что он не помышляет об изменении существующего соотношения сил на Балканах и в Европе. (Пометка Вильгельма: «Это изменение придет и должно притти само собой. Австрия должна получить на Балканах господствующее положение по отношению к другим меньшим странам за счет России, иначе не будет покоя»).

Чиршский.

(Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. I, Charlottenburg, 1919; в книге: „Заговор против мира". М., 1934, стр. 109).

№ 153. ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ—МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Лондон, 24 июля 1914 г.

Сэр Эдуард Грей вызвал меня к себе... Он заявил, что государство, которое примет такие требования, перестало бы рассматриваться как самостоятельная страна. (Пометка Вильгельма: «Это было бы весьма желательно. Это не государство в европейском смысле, а банда разбойников!»). Ему, Грею, трудно в настоящий момент давать в Петербурге какие-либо советы...

Если Австрия вступит на сербскую территорию, то по его мнению возникнет опасность европейской войны. (Пометка Вильгельма: «Это без сомнения будет»). Невозможно даже представить себе следствия подобной войны, четырех, — он подчеркнул слово «четыре», — имея в виду Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию. (Пометка Вильгельма: «Он забывает Италию»).

Лихновский.

(Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. I, Charlottenburg, 1919; в книге: "Заговор против мира", М., 1934, стр. 108).

№ 154. АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ В ПЕТЕРБУРГЕ БЬЮКЕНЕН — СЭРУ ЭДУАРДУ ГРЕЮ

Петербург, 25 июля 1914 г.

Французский посол заявил, что он получил ряд телеграмм от вице-министра иностранных дел. Ни одна из этих телеграмм не говорит о каких бы то ни было даже малейших колебаниях и он, таким образом, в состоянии формально заверить его превосходительство, что Франция становится безоговорочно на сторону России.

После того, как я его поблагодарил, министр иностранных дел обратился ко мне с вопросом: «А ваше правительство?». Я ответил, что вы еще не считаете все потерянным и главное теперь — это выиграть время. Я повторил то, что заявил императору во время аудиенции, что Англия могла бы с большей пользой играть в Берлине и Вене роль посредника, выступая в качестве друга, который в случае, если призывы к умеренности будут оставлены без внимания, мог бы в один прекрасный день превратиться в союзника, чем, если бы Англия сразу объявила себя союзницей России...

Его превосходительство заявил, что выступление Австрии в действительности направлено против России. Австрия намерена опрокинуть на Балканах существующее status quo и установить там свою гегемонию. Он не верит, что Германия действительно хочет войны, но ее позиция определяется нашей позицией. Если бы мы решительно стали на сторону Франции и России, то не было бы войны, а если мы их теперь оставим на произвол, то прольются потоки крови и, в конце концов, мы, по его мнению, все же будем втянуты в войну.

Французский посол заметил, что французское правительство хотело бы уже теперь знать, готов ли наш флот играть роль, присвоенную ему англо-французской морской конвенцией. Он не может допустить, что Англия откажется помочь своим обоим друзьям, объединившимся в этом вопросе.

Бьюкенен.

(Britisch Documents on the Origins of the War 1898—1914, Vol. XI, London; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 113).

№ 155. ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ПЕТЕРБУРГЕ — МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Петербург, 25 июля 1914 г.

Только что имел продолжительную беседу с Сазоновым. Министр, находившийся в сильнейшем волнении, предъявил Австро-Венгрии совершенно невероятные обвинения.

Во время разговора Сазонов воскликнул: «Если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с ней воевать». (Пометка Вильгельма: «Ну, что ж, валяйте»).

Пурталес.

(Die deutschen Documente zum Kriegsansbruch, Bd. I, Charlottenburg, 1919; в книге: „Заговор против мира", М., 1934, стр. 112).

№ 156. РОССИЙСКИЙ ПОВЕРЕННЫЙ В ДЕЛАХ В БЕЛГРАДЕ — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Белград, 25 июля 1914 г.

Несмотря на крайнюю примирительность сербского ответа на ультиматум, австрийский посланник только что, в 6½ вечера, уведомил сербское правительство нотой, что он, не получив в установленный срок удовлетворительного ответа, со всем составом миссии покидает Белград.

Штрандтман.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг. Сер. III, т. V, М.—Л., 1934, № 76).

№ 157. ЗАМЕЧАНИЯ ЭЙР КРОУ, ОДНОГО ИЗ ПОМОЩНИКОВ ГРЕЯ, К ТЕЛЕГРАММЕ АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА В ПЕТЕРБУРГЕ БЬЮКЕНЕНА

Лондон, 25 июля 1914 г.

«Прошел момент, когда еще, может быть, можно было добиться французской поддержки в попытке удержать Россию.

Ясно, что Франция и Россия решили поднять брошенную им перчатку. Какого бы мнения мы ни были о правовой стороне австрийских обвинений против Сербии, Франция и Россия считают, что это предлоги и что окончательно встал более крупный вопрос о борьбе Тройственного союза против Тройственного согласия.

Я считаю, что было бы неразумно,— если не сказать опасно,— если бы Англия пыталась выступить против этого мнения или затуманить это ясное положение представлениями в Петербурге и Париже.

Важно лишь, абсолютно ли решила Германия вести эту войну или нет?

Имеется еще возможность пошатнуть решимость Германии, внушив ей опасение, что в случае войны Англия будет на стороне Франции и России.

Я могу предложить лишь одно действительное средство для того, чтобы это дать ясно понять германскому правительству, не связывая себя абсолютно и окончательно в этой стадии. Если правительство его величества в момент, когда Австрия или Россия начнут мобилизацию, даст приказ привести весь наш флот немедленно в состояние боевой готовности, то это должно открыть глаза Германии на серьезность опасности, которой она бы подвергалась, если бы Англия приняла участие в войне.

Если предположить, что это решение могло бы быть теперь принято, то было бы правильно осведомить об этом французское и русское правительства и это было бы самое лучшее, что мы могли бы сделать, чтобы не допустить создания серьезного положения между Англией и Россией.

Трудно не согласиться с господином Сазоновым, что Англия раньше или позже будет втянута в войну, если последняя вспыхнет. Мы ничего не выиграем, если мы не решимся насчет того, что мы можем сделать в условиях, которые, может быть, уже завтра наступят.

Если война вспыхнет и Англия не примет в ней участия, то может произойти следующее:

а) Если победят Германия и Австрия, то они задавят Францию и унизят Россию. Французский флот исчезнет, Германия овладеет каналом при добровольном или невольном сотрудничестве Голландии и Бельгии: каково будет тогда положение Англии, лишенной друзей?

б) Победят Франция и Россия. Как они тогда отнесутся к Англии? Что будет с Индией и Средиземным морем?

В этой борьбе, которая ведется не за овладение Сербией и в которой дело идет о цели Германии установить свое политическое господство в Европе и желании держав сохранить свою индивидуальную свободу,— в этой борьбе наши интересы связаны с интересами Франции и России. Если мы можем способствовать предотвращению конфликта, показав, что наши морские силы готовы в любой момент выступить, то было бы ошибочно отказаться от этой попытки.

Какое бы решение мы в конце концов ни внесли, я думаю, что должны уже теперь решить мобилизовать флот, как только какая-либо великая держава объявит мобилизацию, и мы должны это решение немедленно довести до сведения французского и русского правительства.— Э. А. К. 25 июля».

Пометки помощника Грея Артура Никольсона:

«Пункты, указанные сэром Э. Кроу, заслуживают серьезного внимания и кабинет, без сомнения, взвесит положение. Россия будет рассматривать нашу позицию в этом кризисе, как пробный камень и мы должны быть крайне осторожными, чтобы ее от себя не оттолкнуть.—А. Н.».

Пометки Эдуарда Грея:

«Черчиль мне сегодня заявил, что флот можно мобилизовать в течение 24 часов. Но я думаю, что было бы преждевременно уже теперь сделать заявление России и Франции. Э. Г.».

(British Dokuments on the Origins of the War 1898—1914, Vol. XI, London; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 114—116).

№ 158. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Лондон, 27 июля 1914 г.

Тон речи Грея с сегодняшнего дня значительно более ясен, гораздо более тверд, чем до сих пор...

Во всяком случае уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы.

Бенкендорф.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг., сер. III, т. V, М.—Л., 1934, № 124).

№ 159. РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ В АНГЛИИ — В ОТДЕЛ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Лондон, 28 июля 1914 г.

Английский флот готовится. Первые четыре боевые эскадры — двадцать девять броненосцев с крейсерами, миноносцами — собраны, готовы, берут уголь из Портланда. Остальные эскадры могут быть готовы через сутки. В армии мобилизации еще нет. Отпуска во флоте приостановлены.

Ермолов.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг. сер. III, т. V, М.—Л., 1934, № 176, стр. 184).

№ 160. ЦАРСКИЙ ПОВЕРЕННЫЙ В ДЕЛАХ СЕРБИИ — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Очень срочная. Ниш, 29 июля 1914 г.

Последние надежды исчезли, Белград бомбардирован, и мост на Саве взорван.

Штрандтман.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг. сер. III, т. V, М.—Л., 1934, № 257, стр. 236).

№ 161. АВСТРИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ — СЕРБСКОМУ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Вена, 28 июля 1914 г.

Так как королевское правительство Сербии не ответило удовлетворительным образом на ноту, переданную ему 23 июля 1914 года австро-венгерским посланником в Белграде, то правительство его величества вынуждено само озаботиться о защите своих прав и интересов и прибегнуть для этой цели к оружию.

С этого момента Австро-Венгрия считает, что она находится в состоянии войны с Сербией. Австро-венгерский министр иностранных дел граф Берхтольд.

(Diplomatische Aktenstüche zur Vorgeschichte des Krieges 1914, Wien 1919; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 125).

№ 162. ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ — МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Лондон, 29 июля 1914 г.

Сэр Эдуард Грей вновь вызвал меня к себе. Министр был совершенно спокоен, но чрезвычайно серьезно настроен и встретил меня словами, что положение все больше обостряется. Сазонов ему заявил, что

после объявления войны он уже не в состоянии вести переговоры с Австрией и передал сюда просьбу возобновить посредничество. (Пометка Вильгельма: «Совершенно неслыханный образчик английского лицемерия! С подобными жуликами я никогда не заключу морского соглашения!»).

Грей далее заявил (пометка Вильгельма: «Гнусный обманщик!»), что британское правительство попрежнему хочет поддерживать дружбу с нами и оно останется в стороне, поскольку конфликт ограничится Австрией и Россией. (Пометка Вильгельма: «Т. е., чтобы мы оставили Австрию на произвол судьбы, какая мефистофельская гнусность! Чисто по-английски!»). Если же мы втянем и Францию, то положение немедленно изменится и британское правительство, может быть, вынуждено будет принять немедленные решения. (Пометка Вильгельма: «Они уже приняты»). В этом случае нельзя будет долго стоять в стороне и выжидать — «если война вспыхнет, то это будет величайшая катастрофа, какую когда-либо видел мир». (Пометка Вильгельма: «Т. е. они на нас нападут»).

Лихновский.

(Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. II, Charlottenburg, 1919; в книге: «Заговор против мира», М., 1934, стр. 132—133).

№ 163. ПОДЕННАЯ ЗАПИСЬ ЦАРСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Петербург, 30 июля 1914 г.

В десятом часу утра министр иностранных дел говорил по телефону с министром земледелия, причем оба они были весьма встревожены последовавшей отменой общей мобилизации...

Около 11 час. утра министр иностранных дел вновь встретился с военным министром у начальника генерального штаба. Начальник штаба горячо умолял С. Д. Сазонова непременно убедить государя на общую мобилизацию, ввиду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией...[1] Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся склонить государя, то он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону из Петергофа для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет прежде всего как можно скорее уже начатую частично мобилизацию превратить во всеобщую... «После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации...».

Наконец, государь дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации. С. Д. Сазонов испросил высочайшее соизволение немедленно передать об этом по телефону начальнику генерального штаба и, получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением ген. Янушкевичу министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: «Теперь вы можете сломать телефон...».

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг., сер. III, т. V, М.—Л., 1934, № 284, стр. 256—258).

[1] 1-го августа последовало объявление Германией войны России, 3-го августа — войны Франции, 4-го Англия объявила войну Германии.

№ 164. СЕКРЕТНОЕ ГЕРМАНО-ТУРЕЦКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОЮЗЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ, 2 августа 1914 года

1. Обе договаривающиеся стороны сохранят строгий нейтралитет в существующем между Австро-Венгрией и Сербией конфликте.

2. В том случае, если бы Россия вмешалась при посредстве действительных военных мер в конфликт и сделала бы, таким образом, необходимым для Германии выполнение своего долга и своих обязанностей союзницы по отношению к Австро-Венгрии, то этот долг и эти обязанности подлежали бы выполнению также и для Турции.

3. В случае войны, германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства.

Оттоманское правительство обеспечит осуществление действительного влияния и действительной власти этой миссии в общих операциях турецкой армии.

4. Если оттоманские территории подвергнутся угрозе со стороны России, Германия защитит Турцию, в случае нужды, силой оружия.

5. Настоящее соглашение, заключенное с целью предохранения обоих государств от международных осложнений, могущих проистечь из современного конфликта, вступит в силу со дня его подписания и будет действительным до 31 декабря 1918 года.

6. Если ни одна из обеих договаривающихся сторон не откажется от него за шесть месяцев до истечения этого срока, то настоящее соглашение будет попрежнему подлежать исполнению в течение следующих пяти лет...

8. Настоящее соглашение останется секретным и может быть опубликовано лишь в случае согласия, установленного между обеими договаривающимися сторонами.

Вангенгейм[1]. Саид-Галим[2].

[1] Уполномоченный Германии.
[2] Уполномоченный Турции.

(Hohlfeld, J. Deutsche Geschichte in Dokumenten 1849—1926, Bd. II, Berlin, 1927, № 185, S. 520—521).

VI. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

№ 165. ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1914 г. После первоначального развертывания армий обе стороны перешли к решительным действиям. Три правофланговые германские армии без значительного труда сломили сопротивление бельгийских войск, а бельгийские крепости Льеж и Намюр быстро пали под огнем германской тяжелой артиллерии. С 21 по 25 августа 1914 г. происходили ожесточенные бои между французской и английской армиями, развернувшимися на фронте Бельфор-Лилль, и наступавшими германскими войсками. В этих боях (Пограничное сражение) выявилось *тактическое превосходство германских войск.* В частности, обнаружилось значительное превосходство германской армии в умении вести встречные бои, а также сказалось и наличие у нее легких гаубиц и большого количества тяжелых орудий. Использование пулеметов также стояло в германской армии значительно выше, чем во французской.

Наступление двух правофланговых французских армий на Эльзас и Лотарингию было отбито с большими потерями для последних.

Используя первоначальные успехи в Пограничном сражении, германская армия начала решительное преследование отходивших на Париж и Верден французских армий, стремясь обойти их левый фланг. Германские войска были уже в 17 км. от Парижа. Однако в это время русская армия, не закончившая сосредоточения и перешедшая по требованию французского генштаба в наступление раньше, чем позволяла ее готовность и чем предполагал германский штаб, вторглась в Восточную Пруссию. Спасая помещичьи владения прусских юнкеров, германцы перебросили на восточный фронт часть сил (2 корпуса) с запада. Контрудар французской армии, отошедшей за р. Марну для восстановления, приостановил натиск германских сил, ослабленных «огульным продвижением» армий без твердого руководства со стороны германского главного командования, отставанием тылов и переброской 2 корпусов в Восточную Пруссию. Сражение на Марне (6—9 сентября) было выиграно

французами; германские армии отошли на 30—60 км. к северу, за р. Эн, где и укрепились. Попытки французов отбросить их дальше к северу успеха не имели. Стремление обеих сторон к охвату северного фланга противника привело к удлинению фронта до берегов Ламанша («Бег к морю»). Высадившиеся новые английские экспедиционные силы успели организовать оборону, и попытки германской армии прорваться к Кале и угрожать Англии встретили самое упорное сопротивление англичан (сражение во Фландрии). После этих боев обе стороны зарылись в землю, укрепились, и война на западном театре приобрела позиционный характер.

На восточном русско-германском фронте после некоторых первоначальных успехов русские армии потерпели жестокий разгром в Восточной Пруссии (сражение под Танненбергом 26—30 августа); сражение у Мазурских озер (8—11 сентября), где из 2-й армии Самсонова были окружены и взяты в плен 1½ корпуса, а вслед затем и 1-ая армия Ренненкампфа была разбита и выброшена из Восточной Прусии.

На русско-австрийском фронте силы противников были более или менее равны, но австро-венгерская армия была все же менее оснащена технически, чем германская, и имела много солдат из национальных меньшинств, не надежных для австрийской монархии. В этих условиях русская армия, потерпев вначале ряд крупных неудач, выиграла в целом Галицийское сражение (август—сентябрь 1914 г.) и затем заняла Восточную Галицию, обложила крепость Перемышль и оттеснила австрийцев к Карпатам.

Сражения 1914 г. привели к огромным потерям обеих сторон, но не дали решительных результатов. На западном театре оба фланга фронта уперлись в непреодолимые препятствия (море и граница со Швейцарией), что исключало возможность маневра на флангах. Вместе с тем выявился гигантский расход материальных средств на фронте, поглотивший все накопленные в мирное время запасы; промышленность же была не подготовлена к производству вооружения в тех масштабах, которые потребовались. Невозможность для обеих сторон добиться быстрого решительного успеха, недостаток снарядов и других средств подавления при выяснившихся возможностях и силе обороны,— все это привело к превращению маневренной войны в позиционную, в борьбу на измор.

Вопрос о превосходстве людских и материальных ресурсов, необходимых для непрерывного пополнения потерь и усиления военной техники в течение длительного времени, приобрел решающее значение. Тем самым было обусловлено превосходство сил Антанты, на стороне которой были господство над морями, возможность снабжаться из Америки, гигантские людские ресурсы Британской империи и России. Однако реализация этих потенциальных возможностей Антанты потребовала столь длительного времени, что не раз военные успехи центральных держав грозили разгромом Франции, Италии, России прежде, чем скажется превосходство экономической мощи Антанты. Тем не менее, попытки германского блока добиться решающих успехов на восточном театре успеха не имели. На важнейшем же западном театре после неудач конца 1914 г. германцы не имели крупных успехов до весны 1918 г., фактически находясь в положении обороняющейся стороны.

В 1915 г. тяжелое положение Австро-Венгрии, после поражений в Галиции и Сербии, побудило Германию двинуться на выручку своей

союзницы. Прорвав русский фронт на Дунайце (Горлицкий прорыв Макензена), германо-австрийские войска не только вытеснили русскую армию из Галиции, но и вынудили ее уйти из Польши. В конце сентября 1915 г. русские армии закрепились на линии Рига — Двинск — Минск и далее на юг, до румынской границы, имея непрерывный фронт протяжением около 1 300 км. После этого и на восточном театре война приобрела позиционный характер, который она много раньше носила на западе.

В течение 1915 г. на франко-германском фронте крупных операций не было; обе стороны готовились к решительным действиям в 1916 г., лихорадочно развертывая мобилизацию промышленности и усиливая техническое оснащение армий. Важные события происходили однако на второстепенных театрах. В марте 1915 г. началась Дарданельская операция. Ее целью было — открыть путь в Черное море. Попытки англо-французской эскадры прорваться через пролив Дарданеллы закончились неудачей. Высадившийся на полуострове Галлиполи англо-французский экспедиционный корпус также не достиг успеха и после тяжелых потерь был переброшен (январь 1916 г.) в Салоники, положив начало восточной армии Антанты. Тем временем (октябрь — декабрь 1915 г.) сербская армия была разгромлена германскими, австрийскими и болгарскими войсками под командованием Макензена, и территория Сербии была оккупирована противником.

Италия после объявления войны (23 мая 1915 г.) перешла в наступление на австрийские войска, расположенные вдоль р. Изонцо, и, хотя не имела серьезного успеха, оттянула часть австрийских сил с русского фронта, несколько облегчив положение русской армии.

Впервые в 1915 г. (22 апреля на западном и 31 мая на восточном театрах) в крупном масштабе стали применяться на войне боевые отравляющие вещества («газы»), выпускаемые из особых газобаллонов. Эти газобаллонные атаки первоначально наносили большие потери из-за отсутствия средств защиты.

В 1916 г., окончив операции против России и Сербии, германское командование снова сосредоточило внимание на западном фронте, где обстановка уже значительно изменилась: англичане имели уже 45 дивизий, а французская армия значительно усилилась технически, получив от своей промышленности большое количество снарядов, орудий, пулеметов и автомобилей.

Поставив целью истощить силы французской армии, вынудив ее обороняться в неблагоприятных условиях, германское командование решило начать наступление на верденский укрепленный район, считавшийся краеугольным камнем французского фронта. Несмотря на брошенные большие силы, проявленное упорство и огромный расход артиллерийских средств, верденская операция германцев не достигла намеченной цели. Эта неудача сильно отразилась на политико-моральном состоянии германских войск и на внутри-политическом состоянии в самой Германии, где впервые за войну начались массовые демонстрации против войны в различных промышленных центрах. Неудача под Верденом подорвала престиж Германии в нейтральных странах и обнадежила милитаристов Антанты.

Крупное значение имело морское сражение близ Скагеррака (Ютландский бой. 31 мая — 1 июня 1916 г.), в котором германский флот нанес тяжелые потери английскому, но на стороне последнего был такой

перевес количества, что германцы вынуждены были отступить и после этого уже не решались вступить с англичанами в открытый бой на море.

На восточном театре 1916 г. ознаменовался наступлениями русских армий, имевшими целью отвлечь германские силы от Вердена. Наступления русских на северном и центральном участках успеха не имели, но на юге, против австро-венгерской армии, ослабленной переброской сил на итальянский фронт, русское наступление (так называемый «Брусиловский прорыв» — июнь — сентябрь) дало значительные результаты, вынудив австрийцев перебросить 20 новых дивизий.

Долго подготовляемая французами и англичанами операция на Сомме, в которой принимало участие еще небывалое количество технических средств (первое «материальное сражение»), окончилась без значительного успеха. Прорвать сильно укрепленный германский фронт англо-французские войска при недостатке тяжелой артиллерии и танков не смогли.

Румыния, вступившая в войну в августе 1916 г., пыталась начать наступление на Будапешт, но ударом австро-германских армий, под командованием Макензена и Фалькенгайна, румынские войска чрезвычайно быстро были разгромлены и вытеснены почти со всей территории Румынии. К январю 1917 г. остатки румынской армии вместе с прибывшими на помощь русскими войсками укрепились на линии западнее р. Серет по Нижнему Дунаю.

В 1916 г. впервые на фронте (на Сомме) появились танки, обеспечившие значительный успех англичанам, несмотря на крупнейшие технические недостатки. Применение отравляющих веществ продолжало расширяться с использованием для этого артиллерийских снарядов. Резко увеличилось количество авиации у обеих сторон и повысились летные качества самолетов.

На весну 1917 г. англо-французское командование наметило проведение решительного наступления, но германское командование заранее отвело войска на новую позицию («позиция Зигфрида»), сократив линию фронта и вынудив союзников снова возобновить подготовку операции, причем очищенная полоса подвергалась массовым разрушениям.

После новой подготовки французская армия задумала нанести мощный удар (16 мая — на фронте Реймс — Суассон — наступление Нивеля), но, несмотря на огромное количество брошенных материальных средств, наступление не имело успеха, главным образом из-за неправильного метода длительной артподготовки (до 10 дней), лишавшего операцию элемента внезапности. Неудача наступления, на исход которого возлагались огромные надежды, и понесенные тяжелые потери сказались на состоянии французской армии, в которой вспыхнули восстания, беспощадно подавленные буржуазией. На итальянском фронте центральные державы также добились в 1917 г. крупных успехов; 7 германских дивизий, переброшенных против Италии, прорвали фронт итальянской армии у Капоретто (24 октября), вышли в тыл итальянским войскам и нанесли им жестокий разгром, захватив огромное количество пленных и почти всю итальянскую артиллерию. При поддержке прибывших англо-французских войск, переброшенных с помощью массового применения автотранспорта на расстояние в несколько сот километров из Франции в Италию через Альпы, итальянцам удалось все же задержать австро-германское наступление на р. Пиаве, в 30 км. от Венеции.

Военные действия на русском фронте находились под влиянием революционных событий в России. Народные и солдатские массы отказывались воевать, и организованное Временным правительством Керенского в угоду Антанте июльское наступление естественно не могло иметь успеха. На галицийском фронте русские армии вынуждены были отойти за р. Збруч, а на севере германцы заняли Ригу (начало сентября), затем острова Эзель, Моон и Даго, угрожая Петрограду. В ноябре, после победоносной пролетарской революции, советское правительство прекратило войну. Значительная часть германских дивизий была переброшена на западный театр. Тем не менее, на востоке оставалось еще немало германских и австрийских войск, которые беспощадно грабили продовольственные и сырьевые запасы, заняли обширную территорию и активно вмешивались в ход гражданской войны, поддерживая белые правительства и армии на Дону, в Крыму и на Украине.

В феврале 1917 г. Германия, стремясь ударом по морской торговле Англии побудить последнюю к заключению мира, объявила «беспощадную подводную войну». Берега Англии, Франции и Италии были блокированы, и германские подводные лодки топили каждое торговое судно, которое осмеливалось приближаться к этим берегам. В разгар блокады таким путем пускался ко дну приблизительно каждый десятый пароход. Однако наличия германских подводных лодок и торпедного вооружения было недостаточно для того, чтобы парализовать морской транспорт союзников, тем более, что постепенно усилились средства борьбы с подводными лодками, а судостроительные верфи Англии и США успевали спускать на воду большое количество новых судов. Не дав Германии решительного успеха в борьбе против Англии, беспощадная подводная война сильно задела интересы нейтральных стран и побудила США объявить Германии войну (5 апреля 1917 г.).

В 1918 г. решающие военные события происходили на западном театре. Антанта была ослаблена выходом из строя России, разгромом итальянской армии, потерей Сербии и провалом Дарданельской операции. Однако германские войска, переброшенные с русского театра, уже испытали влияние русской революции и таили в себе элементы революционного взрыва. Хозяйственное положение в тылу Германии и особенно Австро-Венгрии было чрезвычайно тяжелым. Наконец, технически армии Антанты имели значительное превосходство в авиации и танках.

В марте 1918 г. германская армия нанесла удар на Амьен, в стык английского фронта с французским, и успешно прорвала фронт англичан, нанеся последним огромные потери. Большую роль в успехе германцев сыграли умелое применение больших количеств отравляющих веществ и новые методы артиллерийской подготовки, обеспечившие внезапность атаки. Однако, вследствие недостатка резервов (в частности конницы), застрявших на востоке в связи с германской оккупацией, германское командование не смогло использовать достигнутых успехов и наступление приостановилось, встретив сопротивление вновь подброшенных французских дивизий.

В апреле 1918 г. германское командование начало второе наступление во Фландрии (в долине р. Лис), между Ипром и Ла-Бассе с целью выхода на побережье Ламанша. После 14-дневных боев немцы вдавили английский фронт на 20 км., но были остановлены прибывшими подкреплениями. Прекратив активные действия против англичан, германское

командование предприняло третье наступление в направлении на Париж. Начатое 27 мая между Ла-Фер и Реймсом, оно развивалось успешно и в несколько дней дало германцам продвижение на глубину до 60 км. Германские войска уже находились на расстоянии всего лишь 70 км. от Парижа, но здесь наступление было задержано подоспевшими французскими и американскими войсками, оснащенными танками, мощной артиллерией и авиацией. С 9 июля началось четвертое германское наступление на Компьен, давшее незначительные результаты. Наконец, 15 июля было предпринято пятое наступление в районе Реймса. Однако перевес сил к этому времени явно перешел на сторону Антанты. Армии союзников, усиленные американскими войсками и гигантской техникой, сами перешли в контрнаступление. Удары союзников и, в частности поддержанное большим количеством танков наступление 8 августа, потрясли мощь германской армии. 26 сентября союзники начали общее наступление на протяжении от моря до р. Маас и после чрезвычайно упорных боев вынудили германскую армию откатиться в Бельгию и к германским границам. Под угрозой полного разгрома и под влиянием нарастающей революционной волны в тылу германское командование вынуждено было капитулировать.

1 ноября 1918 г. военные действия на западном театре прекратились. На второстепенных театрах они закончились уже ранее. На Балканском полуострове во второй половине сентября разложившаяся болгарская армия оставила фронт. В Италии австрийские войска, почти не оказав сопротивления, были разбиты в сражении при Витторио-Венето (24 октября — 4 ноября 1918 г.). Английская армия ген. Алленби в сентябре 1918 г. разбила турок в Палестине и в октябре заняла Сирию.

Германские колонии в Африке были захвачены еще в 1915—1916 гг., несмотря на отчаянное сопротивление незначительных германских сил.

Таким образом, подавляющий перевес людских и материальных ресурсов Антанты, усиленных США, несмотря на отдельные успехи германской армии, обеспечил Антанте окончательный успех.

(Мировая война в цифрах, М., Госвоениздат, 1934 г., стр. 7—12).

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ ЯПОНИИ

№ 166. ЯПОНСКИЙ УЛЬТИМАТУМ ГЕРМАНИИ от 15 августа 1914 года

Японское правительство, принимая в серьезное соображение настоящее положение и в результате исчерпывающего обмена мнениями с британским правительством, в целях укрепления и поддержания общего мира в восточной Азии, что составляет одну из целей англо-японского союза, пришло к решению принять, в силу этого, необходимые меры совместно с Великобританией. Но прежде, чем принять такие меры, японское правительство сочло соответственным обратиться к германскому правительству с дружеским предложением, которое было сообщено ему, с вытекающими из него последствиями, 15 августа 1914 года.

1. Все германские военные суда должны быть немедленно удалены из вод, находящихся в соседстве Японии и Китая; суда, которые не могут быть удалены, должны быть разоружены.

2. Германское правительство должно без всяких условий и без компенсаций передать японским властям всю арендованную территорию Киао-Чау до 16 сентября 1914 года в целях возвращения ее Китаю.

Японское правительство объявило германскому правительству, что если ответ о безусловном принятии вышеуказанного предложения не будет получен до полудня в воскресенье 23 сего месяца, то японское правительство оценит подобный образ действий так, как оно признает это необходимым.

Существует искренняя надежда, что вышеуказанное предложение, со столь широко данным временем для ответа, будет принято германским правительством. Но если, к несчастью, германское правительство не примет предложения японского правительства, то последнее будет вынуждено принять необходимые меры, дабы выполнить свои задачи.

Причины, которые повели имп. правительство к решению занять данную позицию, имеют, как уже указано, свое основание не в чем ином, как в желании оградить совместные интересы Японии и Великобритании, изложенные в англо-японском союзе и имеющие в виду укрепление постоянного мира в восточной Азии, причем японское правительство не имеет никоим образом намерения вступить на путь политики территориальной экспансии или какой-либо иной эгоистической задачи. Соответственно этому, имп. японское правительство имеет решение уважать, с наибольшею тщательностью, интересы третьих держав в восточной Азии и ни в малейшей степени не нарушать их.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. 2, М., Литиздат, 1926 г., стр. 18—19. Док. 12).

№ 167. ДВАДЦАТЬ ОДНО ТРЕБОВАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЕННОЕ ЯПОНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПРЕЗИДЕНТУ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮАНЬ-ШИКАЮ 18 янв. 1915 г.[1]

I (о Шаньдуне)

Японское правительство и китайское правительство, желая поддержания общего мира в В. Азии и дальнейшего укрепления дружеских отношений и доброго соседства между двумя нациями, согласились о нижеследующих статьях.

Ст. 1. Китайское правительство обязуется дать полное согласие на

[1] В результате последующих переговоров Япония была вынуждена смягчить свои требования (нота от 26 апреля). 7 мая она облекла требование о принятии этих уменьшенных требований в ультимативную форму. 8 мая Китай ответил на это последнее следующей нотой: «7 с. месяца в 3 ч. пополудни китайское правительство получило ультиматум японского правительства вместе с объяснительной нотой в семи статьях. Ультиматум кончался выражением надежды, что китайское правительство даст к 6 часам пополудни 9 мая удовлетворительный ответ, причем заявлялось, что если до указанного срока или к моменту наступления его не будет получено удовлетворительного ответа, то японское правительство примет меры, какие сочтет нужным. Китайское правительство в целях сохранения мира на Д. Востоке, сим принимает за исключением тех пяти статей, группы V, которые отложены до последующих переговоров, все статьи групп I, II, III и IV и обмен нот в отношении провинции Фуцзянь, как содержащиеся в пересмотренных (японских) предложениях, предъявленных 26 апр., и в соответствии с объяснительной нотой в семи статьях, сопроводительной к ультиматуму японского правительства, в надежде, что этим разрешены все спорные вопросы, так, что сердечные отношения между двумя странами сим могут быть в дальнейшем консолидированы. Японский посланник сим приглашается указать день, когда он явится в мин. ин. дел, дабы закрепить письменное изложение текста и подписать соглашение так скоро, как только возможно». 25 мая 1915 г. последовало подписание двух договоров о Шаньдуне и относительно Ю. Манчжурии и Восточной и Внутренней Монголии и 13 нот, обмененных представителями двух правительств.

все условия, о которых японское правительство может в будущем договориться с германским правительством, относящиеся ко всем правам, интересам и концессиям, которыми Германия, в силу договоров или иначе, обладает в отношении провинции Шаньдун.

Ст. 2. Китайское правительство обязуется не уступать или сдавать в аренду никакой части территории или о-вов в пределах провинции Шаньдун или вдоль ее берега никакой третьей державе под каким бы то ни было предлогом.

Ст. 3. Китайское правительство соглашается, чтобы Япония построила железную дорогу от Чифу или Лунчжоу для соединения с Цзяочжоу-Цинаньфучской жел. дор.

Ст. 4. Китайское правительство обязуется, в интересах торговли и для проживания иностранцев, открыть по собственной инициативе так скоро, как только возможно, некоторые из важных городов и портов провинции Шаньдун, как коммерческие порты. Какие места должны быть открыты, будет дополнительно определено в отдельном соглашении.

II (о Ю. Манчжурии и Вост. Внутр. Монголии)

Японское правительство и китайское правительство в виду того, что китайское правительство всегда признавало специальное положение, занимаемое Японией в Ю. Манчжурии и В. В. Монголии, соглашаются о нижеследующих статьях:

Ст. 1. Обе договаривающиеся державы взаимно соглашаются, что срок аренды Порт-Артура и Дальнего и срок аренды Ю.-Манчжурской и Аньдун-Мукденской железной дороги будет увеличен до периода в 99 лет.

Ст. 2. Японские подданные в Ю. Манчжурии и В. В. Монголии будут иметь право арендовать или приобретать в собственность земли, необходимые им для возведения соответствующих зданий как для торговли и промышленного производства, так и для земледелия.

Ст. 3. Японские подданные будут вольны селиться и путешествовать по Ю. Манчжурии и В. В. Монголии и заниматься делами или промышленностью всякого рода.

Ст. 4. Китайское правительство соглашается предоставить японским подданным право горных промыслов в Ю. Манчжурии и В. В. Монголии. Вопрос, какие горные промыслы должны быть открыты, будет решено совместно.

Ст. 5. Китайское правительство соглашается, что в двух нижеупомянутых случаях (им) должно быть получено предварительное согласие японского пр-ва, прежде чем (им) будут предприняты соответствующие действия:

а) всякий раз, когда будет даваться согласие подданным третьей державы на постройку железной дороги или на заключение займа в целях постройки железной дороги в Ю. Манчжурии и В. В. Монголии;

б) всякий раз, когда будет заключаться заем у третьей державы под залог местных налогов Ю. Манчжурии и В. В. Монголии.

Ст. 6. Китайское правительство соглашается, что если им будут приглашаться политические, финансовые или военные советники, то это будет прежде обсуждено с японским пр-вом.

Ст. 7. Китайское правительство соглашается, что контроль и управление Гиринь-Чанчуньской железной дороги будет вручен японскому пр-ву на срок в 99 лет от даты подписания сего соглашения.

III (о Ханьепинской компании)

Японское пр-во и китайское пр-во, усматривая, что японские финансисты и Ханьепинская компания имеют в настоящее время тесные сношения друг с другом, и желая, чтобы общие интересы обеих наций развивались, согласились о следующих статьях:

Ст. 1. Обе договаривающиеся стороны взаимно соглашаются, что, когда наступит удобный момент, Ханьеп. компания станет соединенным концерном обеих наций, и, сверх того они соглашаются, что, без предварительного согласия Японии, Китай не будет ни распоряжаться по собственному усмотрению всякого рода правами и собственностью упомянутой компании ни побуждать ее распоряжаться ими по (собственному) ее усмотрению.

Ст. 2. Китайское правительство соглашается, что все горные промысла по соседству с таковыми же, принадлежащими Ханьепской компании, не должны разрабатываться без разрешения упомянутой компании никем, кроме этой компании. Оба правительства соглашаются, что если будет желательно осуществить какое-либо предприятие, о котором предполагается, что оно могло бы прямо или косвенно повредить интересам упомянутой компании, то предварительно должно быть получено согласие компании.

IV (О неотчуждении какого-либо пункта на побережьи Китая)

Японское правительство и китайское правительство, в целях действительного охранения территориальной неприкосновенности Китая, соглашаются в следующей специальной статье: китайское правительство обязуется не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какой-либо гавани, бухты или острова вдоль берега Китая.

V (Общеполитические постановления)

Ст. 1. Китайское центральное правительство будет приглашать влиятельных японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам.

Ст. 2. Японским госпиталям, храмам и школам внутри Китая будет предоставлено право владеть землей на началах собственности.

Ст. 3. Так как японское правительство и китайское правительство имели много случаев в пререкании между японской и китайской полицией при улажении (возникавших) дел, что причиняло немало недоразумений, то поэтому необходимо, чтобы полицейские учреждения в важных местах Китая управлялись совместно с японцами и китайцами, или чтобы полицейские учреждения этих мест принимали на службу многочисленных японцев, дабы они могли в то же время помочь в работе по усовершенствованию китайской полицейской службы.

Ст. 4. Китай будет приобретать в Японии определенное количество военного вооружения (примерно 50% или более того), в котором нуждается китайское правительство, или же в Китае будет создан, на началах совместной работы, китайско-японский арсенал. Имеют быть при-

глашены японские технические эксперты и приобретены японские материалы.

Ст. 5. Китайское правительство соглашается предоставить Японии право сооружения железной дороги, соединяющей Учан с Цзюцзяном и Наньчаном, другой дороги от Наньчана до Ханчжоу и третьей от Наньчана до Чаочжоу.

Ст. 6. Если Китай нуждается в капиталах для разработки горных промыслов, постройки железной дороги и для портовых работ (включая доки) в провинции Фуцзянь, то (ему) надлежит предварительно посоветоваться с Японией.

Ст. 7. Китай соглашается, что японские подданные будут иметь право миссионерской пропаганды в Китае.

(Гримм, Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М., ин-т Востоковедения, 1927, стр. 188—191).

№ 168. СОГЛАШЕНИЕ О НЕЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО МИРА

5 сентября 1914 г.

Нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные на то соответствующими их правительствами, заявляют о следующем:

Российское, английское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.

Три правительства соглашаются в том, что когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников.

Во свидетельство чего нижеподписавшиеся подписали эту декларацию и приложили к ней свои печати.

Подписано в Лондоне в трех экземплярах 5 сентября 1914 г.

М. П. Бенкендорф, чрезвычайный и полномочный посол его величества императора российского.

М. П. Э. Грей, министр иностранных дел его британского величества.

М. П. Поль Камбон, чрезвычайный и полномочный посол Французской республики.

(Международные отношения в эпоху империализма. Документы 1878—1917 гг. сер. III, т. VI, ч. I, № 220, стр. 214).

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ ТУРЦИИ

№ 169. РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ В СВЯЗИ С РАЗРЫВОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ТУРЦИЕЙ. Петроград, 20 октября (2 ноября) 1914 года

Оттоманский поверенный в делах 19 сего октября прочел министру иностранных дел полученную им от великого визиря следующую телеграмму:

«Передайте министру иностранных дел Сазонову, что мы глубоко сожалеем, что враждебный акт, вызванный русским флотом, нарушил дружественные отношения обеих держав. Вы можете заверить имп. российское правительство, что Блистательная Порта не преминет дать этому вопросу надлежащее разрешение и что Порта примет все меры к прекращению возможности повторения подобных фактов.

Вы можете заявить ныне же министру иностранных дел, что турецкое правительство решило запретить флоту выходить в Черное море и что мы, в свою очередь, надеемся, что русский флот не будет крейсировать у наших берегов.

Я твердо надеюсь, что имп. российское правительство выскажет в этом деле такой же примирительный дух, как и мы, в интересах обеих стран».

По выслушании этой телеграммы, министр иностранных дел ответил турецкому представителю, что он категорически отрицает факт враждебной инициативы со стороны нашего флота и считает, что теперь поздно вести какие-либо переговоры. Если бы, добавил министр, Турция немедленно выслала всех без исключения немецких военных и морских чинов, то тогда можно было бы еще приступить к переговорам об удовлетворении за вероломное нападение на наше побережье.

В виду того, что сделанное оттоманским поверенным в делах заявление ничего не меняет в создавшемся положении, министр, в заключение заявил Фахр-Эддину, что он получит паспорта для выезда на следующий день из Петрограда.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. 2, М., 1926 г. стр. 20—21. Док. 15).

№ 170. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

2 ноября (20 октября) 1914 г.

По мнению правительства его величества, Турция и не заслуживает того, чтобы с ней считались, так как она показала себя неисправимой и невыносимой.

Правительство его величества полагает, что мысль о том, что Турция сама навлекла на себя все несчастия, которые ей придется претерпеть, будет воспринята большинством мусульманских народов. В то же время послу его величества поручено обратить серьезное внимание императорского министра иностранных дел на то, что предстоящая война с Турцией должна оказать определенное влияние на мусульманское общественное мнение в Египте и Индии. Поэтому сэр Э. Грей указывает на совершенную необходимость для российского правительства, дабы ослабить это влияние и помочь правительству его величества в деле привлечения в Египте и в Индии общественного мнения на его сторону, выказать в отношении Персии возможную терпимость и дружелюбие.

Ввиду вышеизложенного, сэр Э. Грей горячо надеется, что, раз произошел полный разрвыв с Турцией и правительство его величества отказалось от рассмотрения каких-либо смягчающих обстоятельств, поскольку это ее касается, — г. Сазонов признает исключительную важность того, чтобы было предписано российским консулам и вообще всему русскому личному составу, находящемуся в Персии, сохранять в отношении последней примирительную и дружескую позицию.

Если войне с Турцией не будет противопоставлена примирительная позиция в Персии, то, как указывает сэр Э. Грей, для Великобритании в связи с войной могут возникнуть неисчислимые затруднения, и трудно предвидеть, насколько наши силы могут быть ослаблены.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IV, ч. 2, стр. 3. Док. 449).

№ 171. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИТАЛИИ САЛАНДРА ИТАЛЬЯНСКОМУ ПОСЛУ В ПЕТРОГРАДЕ КАРЛОТТИ

Телеграмма[1] 3 ноября/21 октября 1914 г.

Телеграмма кабинета № 1155.

Телеграмма маркиза Гаррони.

«Конфиденциально. Сегодня германский посол дал мне понять, что решено, что Турция выступит против России и Англии; он однако не видит, какие последствия это решение могло бы иметь для нас. Его обращение (ко мне) вызвано, будто бы, заявлением итальянского правительства о том, что вмешательство Турции могло бы повлиять на позицию Италии.

На мое замечание, что вступление в войну Турции может иметь серьезные последствия, которых не ожидает германское правительство, барон Вангенгейм мне ответил, что он в этом отдает себе отчет, но что оттоманское правительство закончило теперь все приготовления, необходимые для вступления в войну. Продолжая свой конфиденциальный разговор, Вангенгейм, указав на бесчисленные человеческие жертвы, которые вызвала эта война, добавил, что все, что он скажет дальше, является его личным и частным мнением и вызвано исключительно чувством гуманности. Он полагает, что нейтральным державам с Италией во главе следовало бы приступить к мирному посредничеству в целях скорейшего окончания войны. Входя в некоторые подробности этого посредничества, он сказал мне, что так как ни одна держава не согласилась бы первая прекратить военные действия и заключить мир, то единственный верный путь заключался бы в объединении нейтральных держав, которые предложили бы воюющим державам ответить на их решение тождественной нотой. Конференция нейтральных держав могла бы собраться на таких основаниях. Вангенгейм дал мне понять, что этот разговор ни в коем случае не должен носить официального характера, и что он заговорил со мной лишь ввиду большого доверия и дружбы ко мне и потому, что считает меня великодушным и способным оказать содействие осуществлению благородной идеи.

Этот разговор оставил у меня впечатление, что хотя Германия еще уверена в благоприятном для нее исходе войны, тем не менеее у нее бывают свои минуты сомнения, а потому она ищет путей к отступлению. С другой стороны, у послов Тройственного согласия, повидимому, такие же настроения. Так, русский посол, хоть и уверен в отдаленной, но несомненной победе России, но... (постороннее) вмешательство, по его мнению, сократило бы войну. Маллет, раньше утверждавший, что мир может быть заключен лишь после разгрома Германии, теперь проявляет сильное беспокойство. Бомпар не доходит до подобных крайностей. Можно предположить, что война до победного конца не является больше желанием всех. Это обстоятельство, позволяет мне добавить, должно быть серьезно учтено нами до принятия окончательного решения.

Считаю необходимым сообщить об этом лично вашему превосходительству и... настаивать на том, чтобы заявление Вангенгейма осталось совершенно доверительным.

Предпринятая нами вышеуказанным путем медиация может иметь для нас своим результатом приобретение тех компенсаций, которые дру-

[1] Телеграмма расшифрована в российском м-ве ин. дел.

гие рассчитывают получить в результате войны. Если мы пойдем этим путем, необходимо не терять времени. Будем откровенны».

Считаю необходимым сообщить вашему превосходительству эту телеграмму даже после нападения турок на русские суда в Черном море.

Прошу ваше превосходительство точно сообразоваться с желанием маркиза Гаррони, чтобы имени посла Вангенгейма не было названо.

Помимо того, прошу ваше превосходительство сообщить, считаете ли вы уместным и верным предположение маркиза Гаррони о том, что, повидимому, война до победного конца не является более для всех желательной. Мне кажется, это обстоятельство имеет большое значение в отношении Австрии, так как оно может способствовать возникновению мысли о заключении сепаратного мира этой державой.

Что касается вмешательства нейтральных, то прошу ваше превосходительство высказать свое мнение о своевременности этого предложения и прошу вас также протелеграфировать мне о вашем взгляде на последствия, которые может иметь для нас осуществление подобного проекта.

(Международное отношение в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 13—14. Док. 456).

№ 172. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ПАРИЖЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 572 Бордо, 7 ноября/25 октября 1914 г.

Говоря со мною о разрыве между тремя союзными державами и Турцией Делькассе высказал, что было бы желательно установить между Петроградом, Парижем и Лондоном общий план действий по отношению к Турецкой империи. Ввиду громадной сложности интересов европейских держав в Азиатской Турции, по мнению Делькассе, покуда Турция воздержится от каких-либо наступательных действий, союзные державы могли бы со своей стороны не принимать инициативы подобных действий в сказанном районе. Это натурально не относится к нашим операциям на кавказской границе. Бомбардирование фортов Дарданелл[1] имело характер демонстрации, и до сих пор Делькассе не имеет никаких указаний на намерения английского флота продолжать эту атаку. Весьма серьезное значение Делькассе придает попыткам Турции и Германии возбудить религиозный фанатизм мусульманских подданных трех союзных держав. По его мнению, Россия, Англия и Франция, могли бы сообща обратиться к мусульманам с воззванием, в котором им обещали бы охрану их религии и исторических святынь.

(Международное отношение в эпоху империализма, серия III, т. IV, часть 2, стр. 37. Док. 478).

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ ИТАЛИИ

№ 173. ДИРЕКТОР КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ

8 ноября/26 октября 1914 г.

В надежде, что мне, наконец, удастся порадовать ваше императорское высочество известием о присоединении к нам Италии и Румынии в

[1] Тел. от 4 ноября/22 октября за № 560 Извольский сообщал о том, что «англо-французский флот вчера на рассвете подверг бомбардировке порты Дарданелл». О бомбардировке дарданельских портов сообщил также Бенкендорф, тел. от 5 ноября/23 окт. за № 634.

борьбе с Австро-Венгрией, я с недели на неделю откладывал обещанное письмо. Однако время идет, и развиваются крупные события, а названные два государства держатся своей малодушной и близорукой политики. Впрочем, под влиянием изменившейся обстановки, этот вопрос до известной степени утратил теперь прежнее значение. Если в начале войны нам было бы полезно оттянуть в другие стороны часть австрийских войск, то ныне, после разгрома таковых, мы можем отнестить к этому делу довольно безразлично. В сущности теперь главная выгода, которая была бы сопряжена для нас со вступлением Румынии в пределы Трансильвании, заключалась бы в отвлечении австрийцев от истощенных в непосильной борьбе доблестных наших союзников — сербов. В остальном выступления Румынии, и в особенности Италии, не могут дать нам больших выгод, а только создадут этим запоздалым союзникам некоторое право на нашу благодарность. Это особенно ясно относительно Италии с тех пор, как в войну втянута Турция. Имея не меньше вожделений в сторону Оттоманской империи, нежели в сторону Австрии, Италия легко может соблазниться возможностью, не сталкиваясь пока прямо с Австрией, осуществить сперва свои виды без особых затруднений за счет Турции в Архипелаге и в Малой Азии, ставя себя при этом в положение союзницы держав Тройственного согласия и получая таким образом право на известное вознаграждение от них, может быть, и за счет Австрии без войны с последней. В силу соображений державы Согласия имели бы, пожалуй, основание ныне предпочесть сохранение Италией нейтралитета, если бы Англии не было желательно воспользоваться для защиты Египта помощью Италии, одинаково заинтересованной в обеспечении целости Суэцкого канала, необходимого ей для поддержания связи с африканскими колониями, безопасности коих угрожает Абиссиния. Таким образом дальнейшее воздержание Италии и Румынии от войны против Австро-Венгрии может теперь оставить нас равнодушными и способно вредно отразиться впоследствии только на их собственных интересах, рискуя лишить их желанных земельных приращений и во всяком случае охладить к ним сочувствие России. Иначе представляется для нас вопрос о положении, которое займет Болгария. Под первым впечатлением войны между Россией и Турцией естественный порыв общественного мнения, подсказанный верным чутьем болгарского народа, казалось, мог заставить даже правительство Радославова склониться в ту сторону, в которую ее должно было толкать все историческое прошлое. Однако этот первый порыв был короток, и скоро взяло верх обычно направление враждебного нам нынешнего правительства. Открыто заявляя о намерении остаться нейтральным, софийское правительство, повидимому, все более прислушивается к голосу заядлых македонцев и, как будто забыв об Адрианополе, только и грезит вырвать из рук обессиленной Сербии Македонию, а, если удастся, и у Румынии часть ее прошлогодних приобретений. Старания привлечь Болгарию к общеславянскому делу продолжаются, но достижение этой задачи кажется мне сомнительным. Таково положение вещей сегодня. Что касается хода военных действий, к которому в настоящее время приковано главное внимание, то ваше императорское высочество лучше и полнее меня осведомлены обо всем, и нам,

---

[1] Маш. копия.

следящим за событиями только издалека, остается лишь позавидовать вам, имеющим возможность лично видеть все происходящее.

Шиллинг.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 40—41. Док. 482).

№ 174. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В БУХАРЕСТЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

11 сентября/29 августа 1914 года
Срочная.
Личная.
Весьма секретно.

Копия в Бордо.

С самого начала войны здешний итальянский посланник высказывал в разговорах со мною сожаление о том, что Франция не делает Италии достаточно заманчивых предложений, дабы добиться ее вооруженного содействия. Он вместе с тем опасался, что военные успехи Германии могут сделать в будущем заключение подобного соглашения затруднительным. В настоящую минуту Фашиотти следующим образом резюмирует точку зрения Италии: он считает, что только возбуждение вопроса о завершении национального объединения Италии может побудить ее к вооруженному выступлению против Германии и Австрии, а именно, что Франции следовало бы уступить и графство Ниццу по реку Вар и остров Корсику, и Италии же должно быть обещано присоединение Адриатического побережья до Острии включительно. При этом Корсика могла бы быть впоследствии обменена на часть Туниса, за исключением Бизерты. Итальянский посланник так же, как и я, считает более чем вероятным, что Румыния не замедлит вслед за Италией выступить активно на нашей стороне. Братиану просил его на-днях предупредить румынское правительство хотя бы за 48 часов до того, как Италия решит объявить войну Германии и Австрии. Позволю себе донести о вышеизложенном ввиду особого доверия, которое итальянское правительство всегда оказывало своему здешнему посланнику, последний, повидимому, тоже желал, чтобы я передал вашему высокопревосходительству сообщенные им мне сведения и лично просил в случае дальнейших переговоров никак не упоминать его имени.

Поклевский

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, т. VI, часть I, стр. 238—239. Док. 248).

№ 175. ИТАЛЬЯНСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ САН-ДЖУЛИАНО ИТАЛЬЯНСКОМУ ПОСЛУ В ПЕТРОГРАДЕ КАРЛОТТИ

Телеграмма[1] 25/12 сентября 1914 года.

Телеграмма кабинета № 1066.

Королевское правительство желает сохранять нейтралитет Италии, считая, что это будет лучшим средством для обеспечения ее жизненных интересов. Но в случае, если Австрия окажется неспособной поддержать равновесие в Адриатике, Италия в видах защиты своих жизненных интересов будет вынуждена притти к соглашению с противниками Австрии

[1] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

и выступить совместно с ними. Принимая во внимание эту возможность, прошу ваше превосходительство телеграфировать ваше мнение по следующим пунктам:

1. Modus procedendi...[1] морские операции... англо-французского флота в Адриатическом море, чтобы поставить в... интересы Италии в Адриатике. В связи с этими операциями мне представляется полезным заключение соглашения между Италией и Тройственным согласием.

2. Обязательство не заключать сепаратного мира.

3. Военная конвенция.

4. Морская конвенция.

5. В случае участия в войне Италия получит итальянские провинции Австрии с границей, которая пойдет по водоразделу Альп до Кварнеро. В этих видах будет необходимо приобретение нами части Далмации.

6. Италия не будет противодействовать разделу Албании между Черногорией, Сербией и Грецией при условии нейтрализации этого побережья. Валона перейдет в полное суверенное владение Италии.

7. Я задаюсь вопросом: какие части (острова?) Далмации мы должны занять?

8. В случае... Оттоманской империи... но... одному... итальянское.

9. В случае, если целость Оттоманской империи не будет сохранена и будет произведен... на... равновесие западного мира для... державы... Додеканез достанется Италии.

10. В случае раздела Оттоманской империи Италии... зона Адалия.

11. Было бы необходимо, чтобы интересы Италии на западе были гарантированы и чтобы по возможности Италия получила соответствующее приращение от Мандалии до Макри, Мармарицу и Адалию. В случае, если Германия будет вынуждена отказаться от своих интересов в Малой Азии, сфера итальянского влияния будет распространена до Мерсины.

12. Италия требует часть... контрибуции в соответствии со своими усилиями и расходами.

13. Италия потребует у Англии и Франции уступок в Африке в... из приобретений, которые эти державы... из германских колоний.

14. Четыре державы соглашаются сохранить и, в случае необходимости, защищать распределение территорий и равновесие, созданное в результате войны, но будущее соглашение будет носить оборонительный характер без обязательства поддерживать агрессивную политику.

15. Англия... Лондона...

16. Державы Тройственного согласия договорятся между собой об оказании Италии дипломатической поддержки в случае затруднений со стороны Абиссинии.

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, т. VI, часть I, стр. 308—309. Док. 313).

№ 176. ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ г. ПАШИЧА от (28) 15 сентября 1914 года СЕРБСКОМУ ПОСЛАННИКУ В ПЕТРОГРАДЕ

«Часть итальянской печати и дипломатические представители Италии в иностранстве ведут разговор о том, чт Сербия должна получить на берегах Адриатического моря в случае успешного окончания войны. Из

[1] Многоточия означают нерасшифрованные места.

этих разговоров вытекает, что Сербия должна получить известную часть нынешней Далмации и известную часть Албанского побережья, прочая же часть Далмации, как и Хорватия и Словеначка, должны быть автономною областью. Так как теперь ведутся переговоры между итальянским правительством и правительствами Тройственного согласия о том, что Италия должна была бы получить, если она перейдет на сторону Тройственного согласия и последнее выйдет победителем, и так как одновременно идут переговоры между Римом и Веною и Берлином, то полагаю, что могли бы об этом начать разговоры. Обратите внимание императорского правительства, что доходят известия из Италии, что Италия собирается войти в Далмацию и присоединить ее, как и слухи, что действия франко-английского флота в Адриатическом море не распространяются на Далмацию из известных соображений относительно итальянских видов на Далмацию. Затрагивая этот вопрос, вы можете заявить правительству, при коем состоите, что Далмация будет сопротивляться такому выступлению Италии, что она будет бороться против нее и что такое действие Италии заставит Далмацию скорее высказаться в пользу Австро-Венгрии, чем согласиться подпасть под власть Италии. Далмация желает присоединиться к Сербии, это ее идеал, это требуют ее национальные интересы и, наконец, это всегдашнее желание всего сербско-хорватского народа. Италии будет довольно, если она получит Триест, Триент, Полу, Истрию с Пулем. Если больше будет требовать, она вызовет реакцию и таким образом послужит Австро-Венгрии. Попросите императорское правительство, чтобы не давало Италии обещаний во вред славянам, ибо Италия не принимает никакого участия в нынешней войне и думает захватить славянские земли, заплаченные славянскою же кровью, без всяких ее жертв. Пашич».

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, том. VI, часть I, стр. 357—358. Док. 352).

№ 177. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ПАРИЖЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 472. Бордо, 4 октября/21 сентября 1914 г.

Весьма секретно.

Из частного, но весьма надежного источника узнаю, что итальянскому послу было поручено выяснить, не согласится ли Франция уступить часть Туниса Италии за вооруженное содействие сей последней. Вполне сознавая, что подобный запрос никаких шансов на успех не имеет и лишь оскорбит Францию, Титтони не решился на этот шаг. По его поручению, некоторые частные лица пробовали завязать по этому поводу разговор с чинами здешнего министерства иностранных дел, но, разумеется, безуспешно. Как я узнал из того же источника, недавно французский посланник в Бухаресте сообщил, что он случайно узнал о высказанном кому-то его итальянским коллегою мнении, что Италия могла бы сговориться с Францией на почве территориальных уступок в Тунисе и «исправлении границы» около Ниццы. Отсюда был послан Блонделю очень категорический ответ о недопустимости подобных предположений. Я не сомневаюсь, что Франция проявила бы крайнее негодование, если бы вопрос о подобных уступках был серьезно поднят.

Извольский.

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, том VI, часть I, стр. 366. Док. 357).

№ 178. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

4 октября/21 сентября 1914 года.

Согласно телеграммы, полученной от сэра Э. Грея, Валона может быть вскоре занята эпиротами и албанскими бандами, которые находятся вне всякого контроля.

Итальянское правительство, опасаясь, что занятие Валоны эпиротами повлечет за собой ее аннексию Грецией, считает предпочтительным, чтобы Валона была занята им самим, как единственною нейтральною державою. Это занятие будет только временным и не помешает нисколько будущему обсуждению этого вопроса между Италией и Тройственным согласием. Кроме того, если только ее не вынудят к тому местные события, Италия не имеет намерения спешить с занятием Валоны.

Итальянский посол в Лондоне справлялся, даст ли правительство его величества согласие на такой шаг, и просил сэра Э. Грея выяснить взгляд французского и российского правительств.

По мнению сэра Э. Грея, противодействие Италии в этом вопросе уничтожило бы, по всей вероятности, все шансы на ее присоединение к союзникам и могло бы даже оказаться решающим фактором, направив итальянское общественное мнение в другую сторону. Австрия и Германия наверное не станут тратить время и используют ситуацию, а сохранение расположения Италии является жизненным вопросом для положения на Средиземном море.

Сэр Э. Грей надеется, что г. Сазонов даст согласие на его ответ, что мы принимаем к сведению причины и условия возможного занятия Италией Валоны, против которого мы не будем возражать, если она будет ощущать необходимость этой меры в силу местных условий.

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, том VI, часть I, стр. 364. Док. 355).

№ 179. РОССИЙСКИЙ ПОВЕРЕННЫЙ В ДЕЛАХ СЕРБИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Депеша № 51. 14/1 октября 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к моей секретной телеграмме от сего числа за № 709 [1] имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что заместитель г. Пашича по должности министра иностранных дел г. Иованович из разговоров своих с итальянским посланником выводит заключение, что Италия уже ныне серьезно озабочена будущим распределением земель на Адриатическом побережьи. Ему самому однако барон Сквитти на этот счет прямых сообщений не делал, высказываясь, пови-

---

[1] Тел. от 14/1 окт. за № 709 Штрандтман сообщил о поездке в Рим «по собственной инициативе видных далматинских хорватов-католиков» с целью ходатайствовать перед послами держав Тройственного согласия о присоединении Далмации к Сербии. Итал. прав-во, встревоженное, по словам Штрандтмана, этой поездкой, поручило Сквитти «разузнать сербские территориальные притязания в Адриатике», но получило ответ, что «вопрос этот за недостатком времени сербским правительством еще не рассматривался».

димому, откровенно лишь перед давнишним своим знакомым по Цетинье черногорским посланником Л. Миушковичем. В передаче последнего итальянский план представляется в следующем виде: Италия претендует на Валону, Триест и Полу. Сербам предоставляется Дубровник, причем острова вдоль далматинского берега должны были бы по соображениям стратегическим тоже принадлежать Италии. Далмация, начиная приблизительно от Метковича на север, с частью Боснии и Славония образуют автономные католические провинции, непосредственное включение коих в православную Сербию в Риме считают нежелательным, опасаясь образования слишком сильного славянского государства, могущего стать серьезной помехой для итальянского экономического проникновения на Балканский полуостров.

Примите и пр. В. Штрандтман.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 404. Док. 390).

№ 180. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

12 ноября/30 октября 1914 г.

Сэр Э. Грей признает, что пожелания и интересы России в отношении Имброса и Тенедоса должны быть приняты во внимание, и он не сделает никаких предложений, не придя предварительно к соглашению с русским правительством.

Так как Италия оккупирует в настоящее время Додеканез, сэр Э. Грей полагает, что позиция, которую займет эта держава во время войны в отношении союзников, повлияет на их решение касательно указанных островов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 65. Док. 500).

№ 181. ПОСЛАННИК В БУХАРЕСТЕ СОВЕТНИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГУЛЬКЕВИЧУ

Телеграмма № 408. 23/10 ноября 1914 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Фашиотти высказывает личное свое мнение, что теперь, ввиду скорого открытия сессии итальянского парламента, наступит психологический момент, когда, может быть, удастся побудить Италию к активному выступлению против Австрии. Он также уверен, что примеру Италии последовали бы немедленно не только Румыния, но и Болгария. При этом Фашиотти продолжает настаивать на необходимости территориальных уступок со стороны Франции, но он их точно не определяет, а для примера указывает на обмен итальянского Сомалиленда на часть Туниса.

Поклевский

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 118—119. Док. 553).

№ 182. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В РИМЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 196. 8 декабря/25 ноября 1914 г.

Как ваше высокопревосходительство замечаете, в речи Саландры нет ничего существенно изменяющего положение Италии. Поэтому я и телеграфировал, что правительственное заявление, по моему мнению, «едва ли к чему-либо обязывает римский кабинет». Общественное же мнение и французский посол остались довольны речью потому, что в ней в первый раз с правительственной стороны было указано в парламенте на то, что Италия не сможет остаться безучастной к готовящимся территориальным изменениям. Это толковали как намерение, хотя и осторожно высказанное, расширить территорию Италии за счет Австрии. Навестив сегодня Соннино, я его просил объяснить мне не вполне мне понятное выражение «активный нейтралитет», так как нейтралитет — по существу понятие пассивное, а не активное. Саландра,—ответил министр мне дословно,— говорил: „neutralitè vigilante et active, vigilante de nos interêts et devant tenir compte des aspirations nationoles, active, pour dire que nous armons pour etre prets a toutes bes éventualitès [1]

В дальнейшей беседе я спросил Соннино, какое он придает значение приезду Бюлова в качестве временного посла [2]. Министр мне ответил, что ему до сих пор ничего не сообщали из Берлина по поводу причин такого назначения, которым полны газеты. Я указал, что мне кажется очевидным, что Германия надеется изменить этим политическое направление римского кабинета. Министр мне ответил: «Если Бюлов действительно едет сюда с намерением заручиться нашим содействием, то он преследует совершенно невозможное, и его миссия обречена на неуспех». На это я заметил, что может быть, берлинский кабинет надеется получить гарантию, что Италия останется до конца нейтральной. Соннино мне с сердцем возразил: „Rome n'est pas Constantinople; soyjer Certain que nous ne nous laisserons pas lier les mains et que nous garderons toute libertè d'action" [3].

(Международное отношение в эпоху империализма, сер. III, т. VI, ч. 2, стр. 189—191. Док. 621).

№ 183. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В СЕРБИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Депеша № 59. 9 декабря/26 ноября 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В беседах со мною румынские деятели самых различных партий подчеркивали солидарность своих интересов с политикою Италии.

---

[1] «Бдительный и активный нейтралитет, — бдительный в отношении наших интересов и учитывающий национальные вожделения; активный в том смысле, что мы вооружаемся для того, чтобы быть готовыми ко всяким случайностям».

[2] Тел. от 5 дек./22 нояб. за № 193 Крупенский сообщал, что назначение Бюлова на место Флотова (получившего трехмесячный отпуск по болезни) производит в Риме «немалое впечатление и объясняется печатью как попытка Германии перетянуть на свою сторону Италию».

Тел. от 7 дек./24 нояб. (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Делькассе передавал Палеологу тел. Баррера, в которой отмечалось, что назначение Бюлова в Рим состоялось через два дня после заявления Саландры в парламенте, которое, повидимому, произвело на Вильгельма II сильное впечатление и побудило его прибегнуть к услугам Бюлова и воспользоваться его связями в политических кругах Италии.

[3] «Рим — не Константинополь; будьте уверены, что мы не позволим связать себе руки и сохраним за собой полную свободу действий».

По их словам, последняя еще менее готова, быть может, к войне, чем Румыния, и еще менее расположена предпринять зимний поход. Вместе с тем согласованные действия обеих держав, когда они в состоянии будут выставить два миллиона штыков, окажут тем большее влияние, чем позднее они выступят. Ту же мысль развивал мне итальянский посланник в Бухаресте, г. Фашиотти, доходивший в своей откровенности до некоторого цинизма. По его словам, чем дольше тянется война, а тем слабее в качественном и количественном отношении становятся армии противников. Следовательно, голос Италии и Румынии приобретает тем более значения, чем позднее они положат свои силы на чашу весов. В беседах с Фашиотти и румынами я старался, насколько мог, поколебать их уверенность в силе столь узких расчетов. При этом я высказывал мнение, что они могут быть совершенно опрокинуты, если, например, Австрия в известный момент предложит заключить отдельный мир на условиях, приемлемых для России и Сербии. В этом случае пусть обе нейтральные державы не пеняют на нас, если мы примем в расчет только собственные выгоды, следуя примеру, который они сами дают в настоящее время.

Развивая ту же мысль в разговоре с министром иностранных дел г. Порумбару, я сказал ему, что для меня непонятно какое-то подчинение румынской политики указаниям из Рима. Мне кажется, что Италия не прочь занять место Австрии на Балканах, а потому боится, как бы Румыния не опередила ее начатием действий, ибо тем самым руководящая роль выскользнула бы из рук римского кабинета, и он сам принужден был бы последовать за Румынией. Между тем в данном случае интересы Румынии гораздо больше совпадают с нашими, ибо мы хотим независимости и равновесия государств, а не ищем для себя какой-либо гегемонии.

Порумбару признался мне, что за самые последние дни политика Италии начала смущать и румын. Им кажется подозрительным назначение князя Бюлова на посольский пост в Рим. Человек его веса и репутации едва ли принял бы подобное назначение, если бы не имел каких-нибудь оснований рассчитывать на успех своей миссии.

Я ответил министру, что его подозрения представляются мне не лишенными основания. Весьма возможно, что Германия уже готовится к минуте, когда бросит нынешнюю свою союзницу, если не будет раньше покинута ею. В этом случае Германия, вероятно, великодушно предложит Италии занять место Австрии на Балканах.

Сообщая содержание моей беседы с румынским министром иностранных дел, считаю долгом добавить, что некоторые соображения, высказанные мне итальянским посланником в Бухаресте, как-будто указывают, что в своей выжидательной тактике итальянцы действительно не чужды указанных мотивов.

Так, г. Фашиотти сказал мне, между прочим, что результат европейской войны все еще представляется неясным, что, может быть, дело кончится вничью и что во всяком случае нельзя себе представить, чтобы Германия вышла из борьбы уничтоженною. Ввиду этого нельзя не взвешивать с достаточною осторожностью отношений с этой державой.

Вместе с тем он с непонятным для меня раздражением говорил о

Франции. По его словам, Франция все сделала во время триполитанской войны, чтобы вооружить против себя Италию, которая питает к России, наоборот, самые лучшие чувства. Мы должны быть благодарны итальянскому правительству за то, что оно сохранило теперь свой нейтралитет вместо того, чтобы напасть на Францию, что совершенно изменило бы характер войны.

Я возразил на это, что если нейтралитет Италии нам был действительно ценен, то во всяком случае для нас выгодно и то обстоятельство, что мы можем чувствовать себя не связанными никаким долгом благодарности по отношению к Италии, которая выбрала линию своего поведения с тем же холодным расчетом, который руководит ею и в настоящее время. Я вижу в этом только лишнее доказательство того, насколько узок подобный расчет, ибо, разрушая старые связи, Италия не закладывает прочных основ симпатий с новыми друзьями. Германская мудрость не шла дальше утилитарных расчетов. В результате она рискует самой большой опасностью для государства — полным моральным одиночеством.

В заключение я высказал удивление мало доброжелательному отношению моего собеседника к Франции, которой Италия стольким обязана в своем прошлом, и с коей у нее должна бы чувствоваться тесная культурная и племенная связь.

Фашиотти возразил, что если отношения между обеими державами не всегда носят тот искренний и дружественный характер, на который можно рассчитывать, то это не вина Италии. При этом он высказал мне опасение, что в будущем Франция не захочет примириться с мыслью, что Италия может стать могущественной, между тем, по его словам, это должно быть естественным результатом нынешней войны.

Если я несколько подробно остановился на том, что мне довелось услышать от г. Фашиотти, то это ввиду того, что в лице этого несомненно умного итальянского еврея весьма полно выражается, как мне кажется, образ мыслей политиков нейтральных государств. Он только высказывал вслух то, что другие думают про себя.

Настроения эти, конечно, меняются в зависимости от положения дел на театре войны. И, быть может, когда эти строки дойдут до вас, оно будет иным, чем то, которое отразилось в беседе итальянского посланника. Во всяком случае на содействии нейтральных едва ли можно строить иной расчет, кроме того, который выражается в изречении, что имеющему дастся и приумножится, а у неимущего отнимется и то, что у него есть.

Примите и пр.

Князь Трубецкой.

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, т. VI, ч. II, стр. 197—199. Док. 629).

№ 184. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЮЛОВА

...В Риме в тяжелую зиму 1914/15 г., когда мне при плохой помощи со стороны Берлина и еще меньшей поддержке со стороны Вены приходилось вести борьбу против многочисленных враждебных и противодействующих влияний, я время от времени получал письма от Мольтке, свидетельствовавшие об его дружественном расположении и об его пат-

риотизме. Мне думается, что очень немногие так искренно и горячо желали успеха моему римскому делу, как Гелльмут Мольтке. Такие пожелания и молитвы действительно мне были нужны. При моем первом разговоре с советником посольства Гинденбургом я сравнил себя с врачом, которого слишком поздно призвали к постели больного. Это сравнение было подходящим. Если в июле 1914 года при ловкой политике со стороны Германии представлялось возможным военное сотрудничество Италии, если перед отступлением от Марны по меньшей мере был возможен полный и надежный нейтралитет, то теперь даже лишь для сохранения нейтралитета требовалось, чтобы Австрия немедленно, безоговорочно и с красивым жестом пожертвовала Трентино и согласилась на автономию Триеста. Но австрийцы не решались на такие неизбежные уступки, а Бетман и Ягов не отваживались оказать энергичное давление на венский кабинет. После того как мы без колебания безусловно дали наше согласие на карательную экспедицию Австрии против Сербии и предоставили венскому кабинету выбор средств, австрийцы были абсолютно уверены в нашей поддержке и не считали себя связанными какими-либо условиями по отношению к нам. Имея от нас в кармане неограниченные полномочия, они уселись за игорный стол, за которым, к сожалению, разыгрывались не только их, но и наши деньги. Мы с самого начала разрешили им вести дело против Сербии до крайних пределов, вплоть до войны со всеми ее последствиями...

В день моего приезда в Рим я посетил в Консульте министра иностранных дел Сиднея Соннино. В этом роскошном дворце тогда помещалось министерство иностранных дел. Когда я вошел в приемную министра, я очутился там лицом к лицу с тремя послами Антанты: Баррером, сэром Реннелем Роддом и Крупенским. Их отношение ко мне было характерно для духа их народов. Добрый Крупенский бросился ко мне и стал заверять меня, что его личное чувство дружбы ко мне нисколько не изменилось. Умный и утонченный Родд протянул мне руку и сказал по-английски: «Жму вашу руку и прошу вас передать мои наилучшие пожелания княгине Бюлов». Из всех троих послов Антанты Камилл Баррер был моим самым старым другом. Но когда он увидел меня, он с присущим всем французам актерским талантом с ужасом посмотрел на меня, затем закрыл глаза руками и отвернулся. Французский зритель наверное сказал бы: «Это была сама Франция, демонстрировавшая свою непримиримость перед врагом».

С министром Сиднеем Соннино я в течение многих лет находился в дружественных отношениях. Он родился в Леванте от итальянского еврея и англичанки и сочетал в себе британскую настойчивость и британское упрямство с еврейской остротой ума и диалектикой. Соннино с самого начала войны был сторонником выступления Италии на стороне центральных держав. Он прежде всего желал, чтобы Италия вышла из мировой войны с территориальными приобретениями. Она и в 1866 и в 1870 гг. извлекла выгоду из чужих войн; того же хотела она и теперь.

Наряду с Соннино министр-президент Саландра играл сравнительно второстепенную роль. У него не было ни остроты ума, ни серьезности, ни твердости характера министра иностранных дел. Он просто хотел в большой мировой заварухе что-нибудь заработать для своей страны.

Соннино с самого же начала ясно и откровенно изложил мне свой взгляд на создавшееся положение. Антанта предлагает Италии в каче-

стве военной награды все населенные итальянцами австрийские области. Чтобы избежать военного столкновения между Италией и габсбургской монархией, Австрия также должна со своей стороны предложить уступки в конкретной, связывающей ее форме. Эти уступки должны быть предложены приличным образом. Их нельзя бросать Италии как подачку надоедливому нищему. Они должны служить выражением искреннего желания установить между двумя старинными противниками, Австрией и Италией, прочные, надежные, ясные и длительные дружественные отношения. И прежде всего это нужно сделать как можно скорее. Минимумом таких уступок было бы Трентино, которое раньше не принадлежало к габсбургским владениям, а до венского конгресса являлось сначала самостоятельным епископством, а затем частью итальянского королевства находившегося под властью вице-короля Евгения Богарне. Конечно многие итальянцы требуют также присоединения города Триеста, где преобладает итальянское население. Но против присоединения к Италии города Триеста имеются и некоторые возражения: цветущий Триест может повредить соседней с ним Венеции, на развитие торговли которой итальянское правительство за последние годы затратило много труда и средств; но возможен и упадок Триеста, так как от него отпадает его прежний хинтерланд. Против присоединения Истрии и в особенности Далмации говорят те соображения, что в этих частях габсбургской монархии итальянский элемент находится в значительном меньшинстве сравнительно с сербо-кроатским. Немедленная, безоговорочная уступка чисто итальянской части Тироля, т. е. Трентино, автономия Триеста в рамках габсбургской монархии и улучшение положения итальянцев в Истрии и Далмации являются безусловно необходимыми...

Из всех моих переговоров с министром Соннино и из всех разговоров с моими римскими друзьями и знакомыми я вынес впечатление, что необходимо действовать безотлагательно, чтобы в этот последний момент воспрепятствовать выступлению Италии против Австрии. „Bis dat, qui cito dat"[1] часто говорил я австрийскому послу Маккио и писал в моих письмах и докладах в Берлин. Я не знал в точности, в какой мере и главное насколько прочно Италия до моего приезда связала себя по отношению к Антанте. Я чувствовал, что предварительные переговоры зашли уже очень далеко, но еще не было окончательного, не подлежащего изменению обязательства. Следовательно нужно было как можно скорее внушить влиятельным итальянским государственным деятелям убеждение в том, что Австрия без всяких задних мыслей выполнит минимум итальянских требований, и одновременно вызвать в итальянском народе такое движение, которое предпочитало бы удовлетворение итальянских вожделений посредством мирных переговоров, а не путем военного риска. Все то, что я в этом направлении делал, та решительность, с которой я использовал мое личное влияние, чтобы предотвратить войну между Италией и Австрией, — все это делалось не в интересах габсбургской монархии, а в интересах моей германской родины, которая уже боролась против столь многочисленных врагов...

Пропаганда Антанты действовала в Риме не только энергично, но и ловко. Ее самым сильным оружием было и оставалось нарушение нами бельгийского нейтралитета, сопряженное, как это постоянно

[1] Вдвойне дает тот, кто дает быстро.

усиленно подчеркивалось, с несоблюдением и попранием старинных торжественных договоров...

Чем больше медлила Австрия, чем более колеблющейся, неуверенной и запутанной становилась наша политика, тем ближе надвигалась опасность войны.

Я всегда буду с гордостью вспоминать, что Бенедикт XV горячо поддерживал мои усилия, направленные на сохранение мира. Он желал сохранения габсбургской империи, этой последней католической великой державы. Он ясно сознавал, что войны можно было избежать лишь при условии, чтобы Австрия больше не медлила пожертвовать по меньшей мере Трентино. Папа, любивший Италию, желал осуществления итальянских национальных стремлений, но лишь в таких пределах, какие совместимы с дальнейшим существованием габсбургской империи. Но прежде всего он считал своей обязанностью содействовать возможно более скорому прекращению ужасного кровопролития мировой войны и во всяком случае препятствовать тому, чтобы мировой пожар распространялся дальше. Он поручил венскому архиепископу кардиналу Пиффлю в этом смысле переговорить со старым императором Францем-Иосифом. Но восьмидесятичетырехлетний император не дал кардиналу даже высказаться, когда он скромно и боязливо стал исполнять желание святого отца. Краска гнева залила его старческое лицо. Он взял кардинала за руку и буквально выставил его за дверь...

16 марта 1915 г. господин фон Бетман-Гольвег писал мне: «Собравшись писать вам, я получил вашу интересную телеграмму относительно ваших переговоров с господином Соннино. К сожалению поведение итальянского правительства, повидимому, до некоторой степени оправдывает те опасения, которые постоянно высказываются с австрийской стороны, отмечающей, что уступчивость по отношению к итальянским желаниям влечет за собой постоянное повышение требований Италии. Требование немедленного проведения в жизнь договора об уступке территорий как для Австро-Венгрии, так и для нас — я это усиленно подчеркиваю — является конечно н е п р и е м л е м ы м. Даже по отношению к тем уступкам, которые мы могли бы сделать итальянской политике беспримерного в истории вымогательства, имеется граница, перейти за которую нельзя без значительного умаления национального достоинства и международного авторитета обеих союзных империй, ведущих победоносную борьбу. Вполне уверен, что ваше сиятельство разделяете эту точку зрения, и не сомневаюсь в том, что вы приложите всю вашу энергию и все ваше испытанное в течение всей вашей жизни дипломатическое искусство к тому, чтобы побудить итальянское правительство к отказу от его требований, без чего — я этого не отрицаю — присоединение Италии к нашим противникам окажется неизбежным. Нами здесь сделано все человечески возможное, чтобы заставить венский кабинет отказаться от той неуступчивой позиции, которую он первоначально занял по отношению к трентинскому вопросу и которую он сохранял с величайшим упорством. Достигнутый в конце концов успех свидетельствует о правильности и целесообразности принятых нами мер. Если результат наступил не так скоро, как того можно было бы желать ввиду создавшегося политического положения, то причины этого должны быть вам ясны. Они заключались в тех известных австро-итальянских противоречиях, при наличности которых принесение жертвы в пользу Италии являлось для авст-

рийской гордости и самомнения особенно мучительным. Они заключались в совершенно извращенных и обманчивых донесениях австро-венгерского посла в Риме. Они заключались наконец в чрезмерно преувеличенных надеждах, сопряженных с военными успехами союзных армий на востоке.

В наших переговорах с Веной мы дошли до последнего предела, допустимого по отношению к союзнику, которого угрозы в конце концов могут довести до того, что он швырнет свое оружие в кусты и оставит нас одних в борьбе с нашими противниками. Я лично в Тешене всеми мерами пытался воздействовать на барона Буриана, но все мои усилия остались безрезультатными, тем более, что точку зрения министра поддерживал и присутствовавший при переговорах начальник австро-венгерского штаба, несмотря на то, что он солидарно со своим германским коллегой высказывался в том смысле, что выступление Италии и Румынии на стороне наших противников окажется для нас равносильным потере нами всей военной кампании...».

В конце апреля из моих разговоров с министром Соннино я вынес впечатление, что он уже перешел через Рубикон. Я не мог бы доказать этого, но я слышал это в тоне его голоса, читал в его глазах. Но я всегда помнил старинный бюловский девиз, „nie desperandum“[1], вспоминал также прекрасные слова французского морского героя Жана Барта, написанные на его памятнике в Дюнкирхене: «Если остается хотя бы еще одна пуля в ружье, нужно выстрелить». 9 мая я заставил императорского и королевского посла барона Маккио у себя на вилле Мальта, куда я пригласил его для переговоров, написать под мою диктовку заявление, которое в тот же день должно было быть секретным порядком переслано итальянскому правительству и в котором было сказано, что Австро-Венгрия готова уступить населенную итальянцами часть Тироля, а также Градиску и западный берег Изонцо, где имеется чисто итальянское народонаселение; Триест должен стать имперским свободным городом с итальянским университетом и итальянским муниципалитетом; Австрия признает суверенитет Италии над Валоной и заявляет о своей политической незаинтересованности в Албании.

Мне пришлось применить сильное давление, чтобы заставить боязливого Маккио совершить тот шаг, который еще в январе мог бы иметь желательные последствия. Однако известные слова великого Наполеона о том, что Австрия всегда отстает и всюду опаздывает, и на этот раз вполне подтвердились. Итальянское правительство уже 26 апреля 1915 г. секретно приняло на себя обязательства по отношению к Антанте. Через восемь дней оно нотой от 3 мая официально денонсировало договор Тройственного союза.

(Бюлов, Бернгард. Воспоминания. М.-Л., 1935, стр. 467—468, 471—472, 473—474, 476—477, 478—479).

№ 185. СЕКРЕТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ С ИТАЛИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ЛОНДОНЕ 13/26 апреля 1915 года

(Уполномоченные: России—Бенкендорф, Великобритании—Грей, Франции—П. Камбон, Италии—Империали).

Ст. 1. Французский, великобританский, российский и итальянский генеральные штабы незамедлительно заключат военную конвенцию. Эта

[1] Никогда не отчаиваться.

конвенция установит минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австрии с целью воспрепятствования этой державе сосредоточить все свои силы против Италии, в том случае, если Россия решила бы направить свои главные усилия против Германии. Эта военная конвенция урегулирует вопрос о перемириях, зависящих по существу от главного командования армиями.

Ст. 2. Италия, со своей стороны, обязуется использовать все средства для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов.

Ст. 3. Французский и английский флоты окажут активную и постоянную помощь Италии, вплоть до уничтожения австрийского флота или до заключения мира. Франция, Великобритания и Италия незамедлительно заключат морскую конвенцию.

Ст. 4. По мирному договору Италия получит Трентино, Цизальпинский Тироль с его географической и естественной границей Бреннером, а также Триест, графства Горицу и Градиску, всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску и Истрийские острова Керсо, Луссин, а также малые острова Плавник, Униэ, Канидолэ, Палаццуоли, Сан-Пьетро-ди-Немби, Азинелло, Груицу и соседние островки...

Ст. 5. Италии будет дана также провинция Далмация в ее нынешних административных границах, включая на севере — Лиссарицу и Трибанию, а на юге — до линии, идущей от мыса Планка на побережьи и идущей на востоке по вершинам возвышенностей, образующих водораздел, таким образом, что все долины и потоки, спускающиеся к Себенико, как Чикола, Керка, Бутисница и их притоки, останутся в пределах итальянской территории. Она получит также все острова, расположенные к северу и к западу от Далмации... Будут нейтрализованы: 1) весь берег от мыса Планка на севере до южного основания полуострова Саббиенчелло на юге, охватывая таким образом весь этот полуостров; 2) часть побережья, начиная на севере от точки, расположенной в 10 километрах к югу от мыса Рагуза Веккиа, и вниз на юг до реки Воюцы, так, чтобы охватить залив и порты Катарро, Антивари, Дульцинио, Сен-Жан-де-Медуа, Дураццо, не нарушая прав Черногории... 3) и, наконец, острова, которые не будут предоставлены Италии.

Ст. 6. Италия получает в полное владение Валону, острова Сасено и территорию, достаточно обширную, чтобы обеспечить защиту этих пунктов между Воюцой на севере и на востоке, и, приблизительно, до северной границы округа Кимара на юге.

Ст. 7. Если Италия получит Трентино и Истрию, согласно ст. 4, Далмацию и острова Адриатики в пределах, указанных в ст. 5, и Валонскую бухту... и если центральная часть Албании сохранится для создания небольшого автономного нейтрального государства, Италия не будет противиться разделу северной и южной частей Албании между Черногорией, Сербией и Грецией, если таково будет желание Франции, Великобритании и России. Побережье от южной границы итальянской территории Валоны (см. ст. 6) до мыса Стилос будет нейтрализовано. Италии будет поручено представлять Албанское государство в его внешних сношениях. Италия соглашается, с другой стороны, во всяком случае оставить на восток от Албании территорию, достаточную для обеспечения существования общей границы Сербии и Греции к западу от Охридского озера.

Ст. 8. Италия получит в полное владение острова Додеканеза, которые она занимает в настоящее время.

Ст. 9. Франция, Великобритания и Россия вообще признают, что Италия заинтересована в сохранении равновесия на Средиземном море и что в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции, она (Италия) должна будет получить равноценную часть в средиземных областях, смежных с провинцией Адалии, где Италия уже приобрела права и интересы, которые послужили предметом итало-британского соглашения. Зона, которая будет эвентуально представлена Италии, будет в свое время разграничена, причем будут учтены существующие интересы Франции и Великобритании. Интересы Италии будут, равным образом, приняты во внимание в том случае, если территориальная неприкосновенность Турецкой империи будет сохранена и если будут сделаны изменения в зонах интересов держав. Если Франция, Великобритания и Россия заняли бы во время войны территории Азиатской Турции, то область смежная с провинцией Адалии в области Средиземного моря и в пределах, указанных выше, будет предоставлена Италии, которая получит право занять ее.

Ст. 10. Италии будут предоставлены в Ливии права и привилегии, принадлежащие в настоящее время султану в силу Лозаннского договора.

Ст. 11. При возмещении военных издержек настоящей войны, Италия получит долю, соответствующую ее усилиям и жертвам.

Ст. 12. Италия заявляет о своем присоединении к декларации, сделанной Францией, Великобританией и Россией с целью оставить Аравию и мусульманские священные места в Аравии под властью независимой мусульманской державы.

Ст. 13. В случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии, и смежных колоний, принадлежащих Франции и Англии.

Ст. 14. Англия обязуется облегчить немедленное заключение на справедливых условиях займа не менее, чем в 50 000 000 ф. ст., который должен быть выпущен на лондонском рынке.

Ст. 15. Франция, Великобритания и Россия будут поддерживать противодействие, которое Италия будет оказывать всякому предложению, клонящемуся к привлечению представителя святейшего престола к участию во всех переговорах о мире и об урегулировании вопросов, выдвигаемых настоящей войной.

Ст. 16. Настоящее соглашение будет храниться в тайне...

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М., 1926, стр. 27—29. Док. 21).

№ 186. СЕКРЕТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИИ, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИТАЛИИ О НЕЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО МИРА, ПОДПИСАННАЯ В ЛОНДОНЕ 13/26 апреля 1915 года

(Уполномоченные: России — Бенкендорф, Франции — П. Камбон, Великобритании — Грей, Италии — Империали).

Ввиду того, что итальянское правительство решило принять участие в настоящей войне вместе с французами, британским и русским прави-

тельствами и присоединиться к декларации, сделанной в Лондоне 5 сентября 1914 года тремя вышеназванными правительствами,

нижеподписавшиеся... делают следующую декларацию:

Французское, британское, итальянское и русское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны. Четыре правительства уславливаются, что, когда понадобится обсуждать условия мира, ни одна из союзных держав не может выставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из двух союзников...

Декларация тех же стран того же 13/26 апреля 1915 года.

Декларация 26 апреля 1915 года, которою Франция, Великобритания, Италия и Россия обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей европейской войны, остается секретной.

После объявления войны Италией или против Италии четыре державы подпишут новую тождественную декларацию, которая будет тогда же опубликована.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М., 1926 г., стр. 30. Док. 22).

№ 187. ДЕКЛАРАЦИЯ О ВЫХОДЕ ИТАЛИИ ИЗ ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА ВЕНА, 4 мая 1915 года

Нота итальянского посла в Вене Аварна на имя австро-венгерского министра иностранных дел Берхтольда

Союз между Италией и Австро-Венгрией представлялся при своем возникновении в качестве элемента и гарантии мира и, прежде всего, имел главной своей целью общую защиту.

Перед лицом позднейших событий и нового положения вещей, которое создалось в итоге их, правительства обеих держав должны были поставить себе другую не менее существенную цель, и в процессе последовательных возобновлений договора они стремились сохранить существование их союза, утвердив принцип предварительных соглашений относительно Балкан в целях примирения противоречащих интересов и тенденций обеих держав...

Совершенно очевидно, что этих соглашений, лойяльно соблюдаемых, было бы достаточно, чтобы получить базу для общего и плодотворного действия.

Напротив, Австро-Венгрия, в течение лета 1914 года, без какого-либо соглашения с Италией, без малейшего предупреждения ее и совершенно не обращая внимания на советы умеренности, с которыми обращалось к ней королевское правительство, предъявило Сербии 23 июля ультиматум, ставший причиной и отправным пунктом настоящего европейского пожара...

Австро-Венгрия, пренебрегая обязанностями, вытекающими из договора, глубоко потрясла балканский status quo и создала положение, из которого ей одной предназначалось получить выгоду в ущерб интересам самой большой важности, которые ее союзник столько раз защищал и провозглашал.

Столь разительное нарушение буквы и духа договора не только оправдало отказ Италии встать на сторону союзников в войне, вызванной

без ее ведома, но одновременно лишила союза и его главного содержания и его смысла.

Даже предусмотренное договором обязательство благожелательного нейтралитета оказалось скомпрометированным этим нарушением. В самом деле, и разум и чувство согласно отрицают, чтобы можно было соблюдать благожелательный нейтралитет, когда один из союзников берется за оружие для проведения программы, диаметрально противоположной тем жизненным интересам другого союзника, обеспечение которых составляет основной смысл самого союза.

Несмотря на это, Италия в течение нескольких месяцев силилась создать условия, благоприятные для восстановления между обеими державами тех дружественных отношений, что составляют главный фундамент всякого сотрудничества в области общей политики. В этой цели и в этой надежде королевское правительство заявило о своей готовности пойти на соглашение, основанное на удовлетворении в справедливых пределах законных национальных вожделений Италии и способное в то же время ослабить различие взаимного положения обеих держав в Адриатике.

Переговоры эти не привели, однако, ни к какому обязательному результату. Все усилия королевского правительства наталкивались на противодействие императорского и королевского правительства, которое по прошествии нескольких месяцев решилось всего-навсего признать особые интересы Италии в Валоне и обещать не удовлетворяющую уступку территорий в Трентино, уступку, ни каким образом не создающую нормального выхода из положения ни с этнической точки зрения, ни с точки зрения политической или военной. Уступка эта, сверх того, должна была быть выполнена лишь в неопределенный срок, т. е. лишь по окончании войны.

При таком положении вещей итальянское правительство должно отказаться от надежды достичь соглашения и вынуждено взять обратно все свои предложения о соглашении.

Равным образом бесполезно поддерживать за союзом формальную видимость, которая служила бы лишь для сокрытия действительности, заключающейся в постоянном недоверии и в ежедневных противоречиях.

Поэтому Италия, уверенная в своей правоте, заявляет и провозглашает, что она возвращает себе с этого момента полную свободу действий и объявляет аннулированным и лишенным отныне действия свой союзный договор с Австро-Венгрией.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М., 1926 г., стр. 30—32. Док. 23).

№ 188. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В РИМЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

19/6 мая 1915 г.

Лично.

Соннино высказал мне доверительно, прося не оглашать этого, что до сих пор Германия и Австрия продолжают делать предложения Италии, видимо стремясь предоставить ей почин разрыва. Еще сегодня после

речи Бетмана[1] Италии предложена еще одна новая уступка. На мой вопрос, денонсировала ли Италия Тройственный союз, министр доверительно ответил, что это сделано только по отношению к Австрии[2]. Только этой последней и будет объявлена Италией война, несмотря на то, что Германия заявила здесь о своей солидарности с Австро-Венгрией.

Гирс.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VII, ч. 2, стр. 485—486. Док. 793).

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ БОЛГАРИИ

№ 189. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В СОФИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 393 2 ноября/20 октября 1914 г.

Сегодня имел с Радославовым продолжительный разговор. Он утверждал, что после нападения на нас Турции с королем не виделся, и возникшее новое положение в совете министров еще не обсуждалось. Я выразил изумление, что правительство относится столь равнодушно к вопросам первостепенной важности для Болгарии, и путем долгих убеждений заставил его обещать обсудить вновь созданное положение. Я высказал следующее соображение: настоящая минута редко благоприятна для Болгарии, чтобы доказать России, что она не окончательно забыла ее благодеяния; вместе с тем Болгария таким образом могла бы надеяться восстановить многое утраченное в Бухаресте. Усилия Болгарии были бы минимальные, так как в случае ее выступления ей пришлось бы иметь дело со знакомыми местами и со слабыми турецкими войсками; соседи ее настроены все скорее благожелательно. Лично думаю, что, если болгарское правительство до сих пор еще не выяснило своего положения, то, конечно, это происходит не почему другому, как потому, что оно все еще окончательно не уверено в исходе борьбы и в случае победы Австрии надеется получить не только сербскую Македонию, но и часть Старой Сербии. Французский посланник прочел мне сегодня инструкции, данные... французским послом в Петрограде и Лондоне. Мне кажется, предлагаемый им способ действий единственно практичный: когда мы будем в состоянии втроем предложить гарантировать Болгарии компенсации, то она скорее сдастся на наши требования. Размер же этих компенсаций можно было бы установить на основании трех международных актов, составленных под покровительством и при участии трех держав Согласия: сербо-болгарское соглашение 1912 г., петроградский и лондонский протоколы. Правда, при этом условии останется невыясненным вопрос о размерах уступок со стороны Греции. К воззванию Пашича

[1] 18/5 мая в день открытия германского рейхстага Бетман-Гольвег произнес речь, в которой заявил, что Австро-Венгрия согласна сделать Италии следующие территориальные уступки: 1) Италия получит часть Тироля, населенную итальянцами. 2) Италия получит территории, расположенные на западном берегу Изонцо, поскольку они населены итальянцами, а также город Градиску. 3) Триест будет объявлен свободным городом, и в нем будет введено новое управление, обеспечивающее итальянские интересы, а также будет основан итальянский университет. 4) Австро-Венгрия признает суверенитет Италии над Валоной, а прилегающие к последней территории — итальянской сферой влияния. 5) Австро-Венгрия заявляет о своей незаинтересованности в Албании.

[2] 17/4 мая 1915 г. итальянский посол в Вене Аварна заявил Буриану о денонсиации Италией союзного договора с Австро-Венгрией ввиду того, что переговоры между этими двумя странами не привели к удовлетворительному результату.

Радославов отнесся снисходительно. В разговоре с Радославовым я подчеркнул его нравственное значение, но зашедшему ко мне ...ому посланнику сказал откровенно свое мнение, что соловья баснями не кормят.

Савинский.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 6—7. Док. 452).

№ 190. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛАННИКУ В СОФИИ САВИНСКОМУ

Телеграмма № 3622 4 ноября/22 октября 1914 г.

Ваша телеграмма № 390 получена.

Узнав о нападении на нас Турции, я ограничился на первых порах предложением Болгарии не выступать против Сербии. Я не счел возможным пойти дальше, потому что предыдущие наши предложения нашли так мало сочувствия у болгарского правительства.

Воспользовавшись последним свиданием с Маджаровым, который сам заговорил о возможности совместного с нами выступления Болгарии, я не скрыл от него причин моей сдержанности и уполномочил его лично от себя запросить инструкций для переговоров на следующих двух основаниях.

Содействие Болгарии нам в войне с Турцией обеспечивает ей наше согласие на приобретение Фракии по линии Энос—Мидия; содействие нам же на австрийском фронте в районе действий сербских войск обеспечило бы Болгарии в случае победоносной войны компенсации на базе договоров 1912 года.

Узнаем секретно, что Маджаров запросил инструкции, повидимому, почтой, что может замедлить ответ. Во всяком случае, соблюдая должную осторожность и не придавая вашим словам характера официальных предложений, пока мы не уверимся в действительном намерении правительства пойти нам навстречу, можете пользоваться изложенной беседой в ваших обменах мнений.

Если бы здешний посланник получил инструкции на основе четырех пунктов, передаваемых вами, то дело нашего соглашения могло бы значительно подвинуться. Безопасность болгарского побережья могла бы быть достигнута разрешением нашему флоту пользоваться Бургасом как базою для действий против Турции. Компенсации за счет Сербии потребовали бы указанного выше содействия Болгарии против Австрии. Безопасность тыла со стороны Румынии может быть легко нами оговорена. Свобода командования войсками должна быть предметом переговоров между военными в целях согласования.

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 17—18. Док. 459).

№ 191. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ПАРИЖЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 573. Бордо, 7 ноября/25 октября 1914 г.

Получил ваш № 3643.

Делькассе получил от Палеолога телеграмму с вашим проектом декларации трех союзных держав софийскому кабинету. Он высказал мне по этому поводу, что с практической точки зрения трудно ожидать от Болгарии вооруженного выступления против Австрии, ибо подобное

выступление могло бы принять лишь форму совместной просьбы военных действий с сербами, но что едва ли согласится (король) Фердинанд и болгарское общественное мнение. По мнению Делькассе, можно было бы удовлетвориться выступлением Болгарии против Турции и за это выступление обещать ей как линию Энос-Мидия, так и компенсации со стороны Греции и Сербии в Македонии. Говоря о Греции, Делькассе сказал мне, что, насколько, по его мнению, было ошибкой предоставить Греции... Кавалу, настолько представляется теперь абсолютно невозможным отдать ее болгарам и что поэтому от Греции можно... потребовать в пользу Болгарии лишь Дойран и Драму.

Извольский.

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, т. VI, ч. 2, стр. 38. Док. 479).

№ 192. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛАМ В ПАРИЖЕ И ЛОНДОНЕ — ИЗВОЛЬСКОМУ И БЕНКЕНДОРФУ

Телеграмма № 3687. 9 ноября/27 октября 1914 г.

Сообщено посланнику в Софии.

Послы Франции и Англии условились со мной относительно текста тождественной телеграммы каждого из них своему правительству, составленной так:

«Английский посланник в Софии предполагает, что державы Тройственного согласия могли бы добиться сотрудничества Болгарии против Турции, если бы они гарантировали ей расширение ее территории:

1) до линии Энос-Мидия;

2) до Вардара.

Принимая во внимание это соображение, г. Сазонов был бы расположен начать переговоры в этом смысле, если во всяком случае будет установлено, что болгарское правительство искренно на них согласится.

Поэтому он считал бы желательным, чтобы сэр Г. Бакс-Айронсайд лично убедился в действительных намерениях короля Фердинанда и его министров».

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, т. VI, ч. 2, стр. 42. Док. 483).

№ 193. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛАМ В ПАРИЖЕ И ЛОНДОНЕ — ИЗВОЛЬСКОМУ И БЕНКЕНДОРФУ

Телеграмма № 4953. 12 января 1915 г./30 декабря 1914 г. 6 час. веч.

Копия Ниш.

Передал сегодня английскому и фр(анцузскому) послам памятную записку следующего содержания:

„L'Autriche-Hongrie se préparant á une prochaine attaque de la Serbie, Mr Sazonow considère le moment actuel comme indiqué pour renouveler la démarche auprés du gouvernement serbe dans le but de l'amener á une promesse de cessions territoriales en faveur de la Bulgarie.

Cette fois-ci pourtant les trois Puissances alliées ne devraient demander au gouvernement serbe de s'engager á remettre entre leurs mains les parties de la Macédoine revenant ála Bulgarie en vertu du traité d'alliance de 1912 que dans le cas oú le traité de paix définitif attribuerait

á la Serbie la Bosnie-Herzégovine, une partie de l'Albanie lui assurant une frontiére commune avec la Grèce et la Dalmatie méridionale jusqu'á Spalato inclusivement»[1].

Доверительно. Ввиду создавшегося в Нише впечатления, что в вопросе об уступках Болгарии, Франция и Англия, будто бы, лишь поддерживают наши настояния, не интересуясь результатом таковых, благоволите побудить правительство, при коем вы аккредитованы, к снабжению своего посланника в Сербии указаниями проявить в новых переговорах более деятельное участие[2].

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 363—364. Док. 706).

№ 194. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

19/6 мая 1915 г.

Посольство его британского величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что сэр Э. Грей получил телеграмму из Софии, в которой указывается на желательность сделать Болгарии определенное письменное предложение с целью дать действующим в Софии в пользу трех держав силам рычаг, при помощи коего они могли бы работать.

Вследствие этого сэр Э. Грей предполагает дать посланнику его величества в Софии предписание сделать болгарскому правительству формальное сообщение. Выбор момента для этого сообщения будет предоставлен сэру Г. Бакс-Айронсайду, который объяснит, что предложение исходит от правительства его величества, как указывал г. Геннадиев (см. памятную записку посольства его величества № 26 от 15/2 мая). Тем не менее было бы желательно, чтобы французский и российский посланники получили предписание присоединиться к выступлению посланника его величества.

Текст сообщения, предложенного сэром Э. Греем, следующий:

«Взамен сотрудничества Болгарии против Турции союзные державы выражают согласие на немедленную оккупацию и присоединение к Болгарии Фракии вплоть до линии Энос-Мидия. Союзные державы гарантируют Болгарии переход в ее владение по окончании войны части

---

[1] «Так как Австро-Венгрия готовится к нападению в ближайшем будущем на Сербию, г. Сазонов считает настоящий момент подходящим, чтобы возобновить шаги перед сербским правительством с целью побудить его к обещанию территориальных уступок в пользу Болгарии.

На этот раз однако три союзные державы должны были бы потребовать от Сербии обязательства передать в их руки отходящие к Болгарии в силу союзного трактата 1912 г. части Македонии лишь при условии, если окончательный мирный договор предоставит Сербии Боснию и Герцеговину и часть Албании, обеспечивающую ей общую границу с Грецией, и Южную Далмацию до Спалато включительно».

[2] Тел. от того же числа за № 4965 Сазонов, сообщая Трубецкому о предполагаемом выступлении в Нише, отмечал, что по сравнению с прежними обещаниями компенсаций Сербии, носившими «несколько общий характер», «ныне таковые уже достаточно определены, чтобы убедить Сербию в ее собственной выгоде, следовать указаниям держав Согласия». «Время для выступления Болгарии, — по словам Сазонова, — будет ей указано державами Согласия, когда они сочтут таковое желательным с общеполитической точки зрения».

Македонии, расположенной между теперешними границами Болгарии и Греции и линией Эгри — Паланка — Сопот — Охрида и включающей города Эгри — Паланку, Кепрюлю, Охриду и Монастырь, под условием, что Сербия получит соответствующие компенсации в Боснии и Герцеговине и на Адриатическом побережьи и что Болгария обязуется не занимать какой бы то ни было части означенной территории до заключения мира. Наконец, союзные державы дают обязательство использовать свое влияние на греческое правительство, дабы обеспечить уступку Кавалы Болгарии. Для того чтобы иметь возможность это сделать, они должны быть в состоянии предложить Греции соответствующие компенсации в Малой Азии, для достижения чего необходимо сотрудничество болгарской армии против турок во Фракии. Союзные державы предоставят Болгарии всю ту финансовую поддержку, которую она могла бы потребовать».

Сэр Дж. Бьюкенен получил указание запросить, одобряет ли г. Сазонов текст изложенного сообщения болгарскому правительству.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VII, ч. 2, стр. 481. Док. 787).

№ 195. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В СОФИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 625.

Копия в Ниш. 14/1 сентября 1915 г.

№ 2. В дополнение к их сообщениям от 29/16 мая и 3 августа/21 июля с. г., представителем союзных держав поручено сделать королевскому болгарскому правительству следующее сообщение:

Четыре державы готовы гарантировать Болгарии уступку Сербией немедленно после окончания войны части Македонии, которая была включена болгаро-сербским договором в так называемую бесспорную зону. Эта гарантия обусловлена, однако, заявлением со стороны Болгарии, что она готова заключить с союзными державами военное соглашение касательно ее выступления против Турции в скором времени. Если никакого заявления в этом смысле не будет получено в ближайший срок, то заключающееся в настоящей ноте предложение будет рассматриваться как несостоявшееся по взаимному соглашению.

Савинский.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 298. Док. 708).

№ 196. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В СОФИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 638. 17/4 сентября 1915 г.

Секретно.

В министерском совете ярко обрисовались два противоположных течения: против и за наше последнее предложение. Радославов сохраняет пока молчание, ожидая решений короля. Геннадиев, лично находящий нашу ноту недостаточно убедительной, высказал Деклозьеру по этому поводу следующие соображения, которые, по его словам, будут, несомненно, использованы нашими противниками: 1) державы заставят Грецию уступить Кавалу, если греки откажутся от малоазиатских при-

обретений; 2) так как часть Македонии, которую державы обещают оккупировать, неизмеримо меньше немецких обещаний, то лучше было бы ее вовсе не определять, а говорить об оккупации вообще; 3) недостаточно подчеркнута наша огромная уступка не подчинять болгарских компенсаций сербским. Геннадиев полагает, что ответ не будет отрицательным, а будет заключать, вероятно, какие-либо новые условия и оттяжки. Нападения на Сербию не следует бояться до появления немцев на болгарской границе. Последнего же не следует опасаться, пока не будет окончательно подписано болгаро-турецкое соглашение. Так как, по уверению Геннадиева, немцы за последнее время сильно теряют почву, то он находит, что настаивать на немедленном выступлении против турок было бы неполитично, так как это укрепило бы только положение правительства, которое поспешило бы указать, что ничего не усматривается нового, обеспечивающего предложения держав, обязывающие, однако, Болгарию к войне, лишают ее выгоды, полученной за один нейтралитет[1]. Геннадиев сознает слабость такой аргументации, но не сомневается, что правительство к ней прибегнет. Относительно собственного поведения Геннадиев говорит, что если ответ правительства сведется к дальнейшему сохранению нейтралитета, то кризис он считал бы несвоевременным; если же немецкое влияние возьмет верх, то он и его партия немедленно вызовут министерский кризис путем отставки Апостолова, который обратится с соответствующим воззванием к народу. Геннадиев особенно опасается, как бы державы, потеряв терпение, не уступили позиции и не прервали дипломатических сношений с Болгарией. В таком случае приверженцы немцев, которые к этому стремятся, легко завладели бы положением. По убеждению Геннадиева, выступление в настоящую минуту исключено, но с каждым днем обстоятельства могут измениться. Если бы однако скорое выступление было призвано необходимым, то нужно было бы сговориться оппозиции для вызова внепарламентского кризиса, но для этого нужно по...иться[1] на последние предложения, дабы создать в народе известный подъем.

Савинский.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 317—318. Док. 725).

№ 197. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛАННИКУ В СЕРБИИ ТРУБЕЦКОМУ

Телеграмма № 4663. 21/8 сентября 1915 г.

Срочная.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

Сведения о назначенной на сегодня в Болгарии мобилизации, объявление ею вооруженного нейтралитета, вынуждают меня воззвать к испытанному благоразумию Пашича и предостеречь его от всякого поспешного шага. Столкновение между сербами и болгарами может только иметь итогом облегчение очередной задачи немцев, ускорить открытие сквозного пути Берлин — Константинополь. Как бы ни казалось тяжелой такая жертва сербскому правительству, но в интересах возможности окончательного одоления наших врагов, сербам следует прежде всего сберечь свою армию для ограждения северной границы.

[1] Так в оригинале.

Ввиду этого сербам необходимо избегать всего, что могло бы быть истолковано болгарским правительством, как вызывающее действие и даже, по возможности, уклоняться от принятия боя.

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 327—328. Док. 737).

№ 198. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

25/12 сентября 1915 г.

Болгарский посланник сообщил сэру Э. Грею, на основании инструкции от 23 сентября, что Болгария мобилизовалась, но намерена сохранить нейтралитет, хотя и вооруженный.

Сэр Э. Грей ответил, что союзники предложили Болгарии бесспорную зону в Македонии и оказание влияния на Грецию, если это будет признано (Болгарией) желательным в целях урегулировать уступку Кавалы; что Румыния, как известно, готова заключить выгодное соглашение о Добрудже, но предпочитает осуществить это непосредственно, без нашего вмешательства, и что он (Грей) на вопрос болгарского посланника ответил, что, в случае присоединения к нам Болгарии, не будет затруднения гарантировать ей, что Румыния и Греция не нападут на нее.

Единственным ответом на все это явилась мобилизация, которая, по сведениям сэра Э. Грея, является подготовкой к нападению на Сербию совместно с Австрией и Германией, являющимися нашими врагами. Это произведет очень тяжелое впечатление на общественное мнение в Англии, — стране, питавшей в течение многих лет искреннюю дружбу к Болгарии. Несколько месяцев назад союзники предупредили Грецию, что нападение на Болгарию лишило бы ее их симпатии и доброжелательства. В настоящее время они вынуждены обсудить вопрос, какую поддержку они могли бы оказать Греции и Сербии, если на последнюю нападет Болгария. Было бы очень прискорбно, если бы первый случай посылки союзниками войска на Балканы имел целью отразить нападение Болгарии.

Если Сербия не может быть заверена, что целью болгарской мобилизации не является оказание поддержки нашим врагам, то естественным для него (Грея) разрешением вопроса будет снабжение г. О'Бейрна инструкцией покинуть Софию.

Г. О'Бейрну было поручено повторить это болгарскому премьер-министру.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 363—364. Док. 775).

№ 199. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛАННИКУ В СОФИИ САВИНСКОМУ

Телеграмма № 4778/1126. 27/14 сентября 1915 г.

Срочная.

По получении вашими сотоварищами тождественных указаний благоволите сделать Радославову следующее заявление:

Не получая до сих пор ответа на сделанное ими 14/1 сентября сообщение болгарскому правительству, державы предлагают таковому в

24-часовой срок открыто присоединиться к ним или приступить к немедленной демобилизации.

Неполучение от болгарского правительства ответа на это заявление повлечет за собой разрыв дипломатических сношений, т. е. оставление Болгарии союзными дипломатическими и консульскими представителями.

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 378. Док. 794).

№ 200. ТОВАРИЩ РОССИЙСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ БЕНКЕНДОРФУ

29/16 сентября 1915 г.
Для Лондона срочно.

Требует срочного исполнения.

Предложение Грея не отвечает нынешнему серьезному положению.

Продолжая делать недостаточно требовательные заявления Радославову, мы лишили бы Сербию единственной имеющейся у нее возможности не быть раздавленной Болгарией, а именно использовать военное свое преимущество до завершения болгарской мобилизации. Дабы пойти навстречу желанию Грея, мы готовы изложить наши требования в менее резкой форме. С окончанием болгарской мобилизации (6 октября) 23 сентября сербы потеряют имеющийся у них перевес над болгарами. Державы не могут взять на себя ответственность за то, что они вынудили бы Сербию принять бой в ухудшившихся для нее условиях. Поэтому я предложил великобританскому послу телеграфировать своему правительству, что в целях достижения в этом вопросе единодушия между союзниками мы готовы при предъявлении ультиматума болгарскому правительству удлинить срок для ответа, согласно предложению Делькассе, до 48 часов при условии, что самый ультиматум будет сообщен Радославову не позднее (2 октября) 19 числа[1]. Текст обращения мог бы быть выработан четырьмя посланниками в Софии, но он должен содержать: 1) дружеское приглашение Болгарии присоединиться к нам объявлением войны Турции и 2) требование, в случае нежелания Радославова подчиниться этому условию, приступить к немедленной мобилизации. Если бы до указанного числа наступили события, дающие уверенность, что направление болгарской политики изменилось, то посланникам будет разрешено воздержаться от предъявления ультиматума. Предложение Делькассе вполне соответствует, Грей же взял бы на себя исключительную ответственность за то, что державы не смогли бы, благодаря его нерешительности, во-время оказать единодушного давления на Радославова. Благоволите от имени С. Д. Сазонова объясниться в вышеуказанном смысле с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Нератов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 391—392. Док. 806).

---

[1] Нератов телеграфировал Сазонову в царскую ставку в тот же день: «Грей уклоняется от предъявления ультиматума. В целях добиться единодушия союзников я согласился на удлинение до 48 часов срока «для ответа Болгарии, при условии предъявления ультиматума» не позднее 2 октября/19 сентября. В этом смысле телеграфирую послам».

№ 201. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ НИКОЛАЮ II

Телеграмма № 4824. 1 октября/18 сентября 1915 г.

В дополнение ко вчерашней моей телеграмме осмеливаюсь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что колебания сэра Э. Грея, несомненно, вызываются как его преувеличенной доверчивостью к расточаемым Радославовым заверениям, так и его опасениям, что более решительное выступление держав Согласия в Софии вызовет короля Фердинанда на действия, к которым он, будто бы, все еще боится приступить. С другой стороны, не исключена возможность, что спешное обещание Францией и Великобританией, в целях воздействия на болгар, посылки 150 000 отряда в помощь Сербии окажется не так легко осуществить за отсутствием свободных войск. Это обстоятельство способно также повлиять на сэра Э. Грея в смысле укрепления его в выжидательном настроении.

Чего-либо нового, не известного болгарскому правительству в предложении Грея, не содержится. В этом смысле постоянно высказывались в союзных столицах перед болгарскими представителями министры иностранных дел, а также и посланники держав Согласия в Софии, но воздержание наше от участия в выступлении, делаемом ныне нашими союзниками, могло бы породить на Балканах подозрение, что державы не вполне солидарны.

Необходимость же поддерживать в глазах наших врагов убеждение, что между нами и нашими союзниками не существует ни малейшего разногласия, вынуждает нас поэтому не отделяться в этом вопросе от точки зрения, на которой стоял Грей, а после него Соннино и Делькассе.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 401—402. Док. 818).

№ 202. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

1 октября/18 сентября 1915 г.

Сэр Э. Грей уведомил г. О'Бейрна по телеграфу, что правительство его величества, в особенности на основании слов, сказанных г. Малиновым г. Савинскому, считало бы за большую ошибку вручение болгарскому правительству ультиматума, требующего демобилизации. Тем не менее г. О'Бейрн уполномочен, сговорившись со своими коллегами, выработать и безотлагательно передать сообщение в следующем смысле: «Болгарская мобилизация, при отсутствии всякого ответа на последнюю ноту четырех держав, не может рассматриваться иначе, как угроза Сербии, задуманная совместно с Австрией и Германией, в особенности потому, что, как мы осведомлены, мобилизация совпала с появлением в Софии германских офицеров. При подобных обстоятельствах мы не можем удержать Сербию от действий, направленных к защите ее существования.

Если на Балканском полуострове начнутся враждебные действия в результате болгарской мобилизации, каковая при нынешней обстановке не может не быть признана за провокацию, четыре державы вынуждены будут порвать сношения с Болгарией и оказать поддержку своим друзьям».

Вручение подобного сообщения предоставлено на полное усмотре-

ние г. О'Бейрна в редакции, выработанной им с его коллегами, и способом, который он считал бы наиболее желательным.

Опыт доказал, что присутствие германских офицеров в Константинополе привело к нападению на Россию, не вызванному ею, и г. О'Бейрн уполномочен в том случае, если болгарское правительство запросит, что оно может сделать для улучшения создавшегося положения, не прибегая к демобилизации, предложить ему помочь четырем державам устранить опасность войны на Балканах путем немедленной высылки германских офицеров.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 402—403. Док. 819).

№ 203. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

1 октября/18 сентября 1915 г.

По поводу вопроса о предъявлении ультиматума Болгарии Грей получил сегодня утром телеграмму Бьюкенена. Вопрос долго обсуждался сегодня в совете министров. Кабинет высказался против этого проекта. Грей мне сказал, что какой бы то ни был ультиматум или требование демобилизации, имел бы, по его сведениям, результат, противоположный желаемому, парализовал бы все делаемые в Болгарии оппозицией усилия и вызвал бы славяно-германский конфликт. Грей сказал Камбону и мне, что он получил телеграмму от английского посланника в Софии, сообщающую, что... сказал, что, если державы Согласия предъявят ультиматум или потребуют демобилизации, то он сам, его партия и оппозиционные элементы в армии и народе примкнут к правительству, которое, несомненно, должно подобный ультиматум отвергнуть, так как ни одно болгарское правительство не может согласиться оставаться разоруженным в течение настоящей войны ввиду того, что демобилизация делает невозможной какую-либо новую позднейшую мобилизацию. Грей сказал, что подобный результат уничтожит всякую надежду на изменение Болгарией своей политики и поставит державы в весьма неблагоприятное положение на будущее время. Он однако очень считается с интересами Сербии. Сегодня вечером посланы в Петроград, Париж и Рим телеграммы с предложением выступления, которое не было бы ультиматумом и не требовало бы немедленного ответа. Предложенное выступление сводится к предупреждению болгарского правительства, что присутствие в Болгарии германских офицеров придает болгарской позиции провокационный характер, не позволяющий державам устранить последствия выводов, могущих быть сделанными сербами, и что если вспыхнет конфликт, то союзники окажут Сербии вооруженную помощь. Это выступление, сказал Грей, не должно быть однако сообщено Сербии. По мнению Грея, следует направить удар именно на присутствие германских офицеров, принимая во внимание, что, отнюдь не объединяя страну вокруг правительства, — результат, который был бы произведен ультиматумом, — этот способ действия, в порядке предупреждения, встретил бы благожелательный отклик и отвечал бы руссофильским настроениям, которые все сильнее проявляются, и таким образом не допустил бы осуществления германских замыслов. Тон, в котором высказался Грей, не позволяет надеяться, что возможно заставить его изменить свое мнение.

Бенкендорф.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 406—407. Док. 821).

№ 204. РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ В СВЯЗИ С РАЗРЫВОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С БОЛГАРИЕЙ
ПЕТРОГРАД, 7/20 октября 1915 г.

В тот роковой час, когда злосчастная Болгария поднимает свой меч против возродившей ее России и становится под немецкие и турецкие знамена, русский народ отдает на суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены.

Когда австрийская интрига возвела на болгарский престол немецкого принца, русское правительство не могло не почувствовать тревоги за будущность освобожденной русскою кровью Болгарии и отказало Фердинанду в признании.

Первые годы царствования князя не могли окончательно рассеять коренного недоверия России к австрийскому ставленнику, тем не менее, некоторые факты, как, например, вступление в лоно православной церкви княжича Бориса, а равно и нежелание ввергать еще неокрепшее государство в опасную смуту побудили русское правительство через несколько лет согласиться на признание Фердинанда.

Однако и после этого Фердинанд Кобургский остался болгарским князем только по имени. Вся его внутренняя политика подготовляла пути к установлению в стране германского влияния... Великодушие России не позволило ей вымещать на Болгарии поведение ее князя. Мало того, когда между Турцией и Болгарией возникли серьезные недоразумения на почве денежных расчетов, грозившие войною, русское правительство вмешалось и предупредило осложнения путем финансовой жертвы; часть турецкого долга России была переведена на Болгарию... Реально обеспечив таким образом независимость Болгарии, Россия, побуждаемая теми же чувствами великодушия по отношению к болгарскому народу, сделала дальнейший шаг и признала Фердинанда болгарским царем.

Победоносная война, объединившая балканские народы в борьбе с вековым врагом — Турцией, покрыла болгарское оружие славой и обеспечивала Болгарии почетное место в славянской семье.

Но, следуя все тем же австро-германским наущениям, вопреки совету русского царя и без ведома болгарского правительства, кобургский принц двинул 16 июня 1913 года болгарские войска на сербов. Этим преступным актом Фердинанд создал пропасть между двумя братскими союзными народами...

Разгром обманутой им Болгарии и кара, наложенная на несчастную страну Бухарестским миром, лишившим ее почти всех плодов ее победы, нанесли тяжелый удар самолюбию Фердинанда. Он замыслил не только возвращение утраченной по его вине Македонии, но и расширение своих владений за счет всех прочих балканских государств. Следствием этого явилось окончательное подчинение свободной страны германскому влиянию...

Целый год союзники старались вырвать злосчастный болгарский народ из цепких рук поработившего его немца; Болгарии предоставлялась возможность вернуть утраченные земли и покрыть себя новой славой в общей борьбе против германского варвара; с болью в сердце доблестная Сербия приносила на алтарь единения тяжелые жертвы. Но король Фердинанд остался глух ко всяким увещеваниям. В чудовищном для Болгарии союзе с турками и немцами, он отверг все предложения,

клонившиеся к благу доверившей ему свои судьбы страны, и пошел войною на Сербию и ее союзников.

В течение почти тридцати лет кобургский принц стоял между Россией и Болгарией. В течение этого времени Россия не переставала надеяться на просветление близкого ей народа. И ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не подымется на сыновей русских воинов, легших костьми за Болгарию.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях»), ч. 2, М., 1926 г., стр. 36—37. Док. 28).

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ РУМЫНИИ

№ 205. СЕКРЕТНОЕ РУССКО-РУМЫНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ РУМЫНИИ НЕКОТОРЫХ ЧАСТЕЙ ТЕРРИТОРИИ АВСТРО-ВЕНГРИИ

ЦАРСКОЕ СЕЛО — ПЕТРОГРАД, 18 сентября (1 октября) 1914 г.

I.

Нота российского министра иностранных дел Сазонова на имя румынского посланника в Петрограде Диаманди

Царское Село — Петроград, 18 сентября (1 октября) 1914 г.

В результате переговоров, которые мы вели, имею честь сделать вам следующее сообщение:

Россия обязуется противиться всякому покушению против территориального status quo Румынии на протяжении ее теперешних границ. Она одновременно обязуется признать за Румынией право присоединить к себе те местности австро-венгерской монархии, которые населены румынами. В отношении Буковины принцип большинства населения должен составить основу территориального разграничения между Россией и Румынией.

Это разграничение будет совершено после специальных исследований на месте, для чего между министерствами будет образована комиссия, которой будет дана инструкция, составленная в том примирительном духе, которым одушевлены оба правительства.

Румыния займет упомянутые выше территории, когда она сочтет это нужным.

Россия позаботится о том, чтобы упомянутые выше обязательства были подтверждены лондонским и парижским кабинетами.

Само собой разумеется, что настоящая декларация должна содержаться в тайне до момента аннексии Румынией тех территорий, о которых идет речь.

II.

Ответная нота Диаманди на имя Сазонова

Петроград, 18 сентября (1 октября) 1914 г.

Имею честь сообщить вашему прев-ству, что я получил и принял к сведению вашу декларацию от 18 сентября (1 октября)..., что:

(Следует дословное воспроизведение ноты Сазонова без последнего ее раздела).

В обмен на эту декларацию, я уполномочен г. Братиано... объявить вашему прев-ству, что Румыния со своей стороны обязуется хранить до того дня, в который она займет населенные румынами территории австро-венгерской монархии, дружественный нейтралитет по отношению к России.

Само собой разумеется, что декларации, которыми мы обменялись, должны оставаться в тайне до того дня, когда Румыния аннексирует те территории, о которых идет речь.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. 2, М., 1926, стр. 19—20. Док. 14).

№ 206. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В БУХАРЕСТЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 429. 6 декабря/23 ноября 1914 г.

Трубецкой просить передать: «Из бесед со здешними политическими деятелями и Братиану прихожу к заключению, что едва ли можно надеяться склонить Румынию выступить теперь же на помощь Сербии. Несомненное влияние в этом смысле оказывается здешним итальянским посланником, утверждающим, что Италия не готова к зимнему походу и что совместное выступление Италии и Румынии перед самым началом весны выгоднее для обеих держав. Нерешимость Братиану усугубляется опасением... (со) стороны Болгарии, словесным заявлениям коей он не придает веры. Высказывая со своей стороны готовность пойти на земельные уступки Болгарии, если этим путем можно достигнуть действительной кооперации с нею, Братиану, как и другие здешние деятели, считает необходимым, чтобы Сербия стала на тот же путь, причем только согласие ее на уступку Македонии в границах договора 1912 г. может, по их мнению, оказать должное воздействие. В том же смысле говорил со мною Радев, определивший пожелания Болгарии восстановлением границ трех договоров: 1912 года с Сербией, Петроградского с Румынией и Лондонского с Турцией. На мой вопрос, что же Болгария в свою очередь дала бы взамен жертвы Сербии, если бы последняя на нее согласилась, Радев ответил: восстановление союзных обязательств с направлением своих сил по указанию держав Тройственного согласия. Отметив, что наша беседа носит характер частного обмена мнений и что я не берусь судить, можно ли склонить Сербию к подобной уступчивости, я сказал Радеву, что для меня было бы крайне ценно получить официальное подтверждение его точки зрения. При этом добавил, что в настоящую минуту Болгария, сама утратившая доверие как великих держав, так и своих соседей, может добиться успешного разрешения своих задач, только высказывая сговорчивость и действительное доверие России. Я, быть может, мог бы говорить с сербами о границах в духе, а не в букве договора 1912 года, но лишь при непременной уверенности, что болгары поступят в этом случае согласно указаниям держав. Я предупредил Радева, что если Болгария выступит против Сербии, Россия никогда не простит этого. В беседах со мною здешние деятели различных направлений утверждали, что выступление Болгарии неминуемо повлекло бы за собою выступление Румынии. Не берусь судить, насколько это верно, тем более, что итальянский посланник, неустанно укрепляющий Братиану в его желании выиграть время, высказывал мне в этом сомнение. Из совокупности впечатлений убеждаюсь, что единственная

попытка выйти из затруднений могла бы быть сделана на почве соглашения с Болгарией, указанной Радевым и которая соответствует точке зрения Англии, согласно одной из записок, переданных нашему министерству. Никакие общие формулы не способны, мне кажется, оказать желательное воздействие. Из слов Костинеску понял, что Румыния пошла бы, если нужно, на уступку линии от Туртукая до Кали Аскры. Что касается болгар, то, имея главной задачей приобретение договорной границы в Македонии, они едва ли будут столь же настойчивы в вопросе о границе с Румынией. Радев, видимо, мирится с трудностью добиться каких-либо уступок от Греции. Что касается сербов, то вопрос о необходимых жертвах здесь мною был бы затронут с успехом, если три державы согласятся обеспечить им включение в условия мира с Австрией приобретение Боснии, Герцеговины и части Далмации. Сегодня выезжаю в Ниш, надеюсь прибыть во вторник утром. Прошу инструкций». Трубецкой.

Поклевский.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 178—179. Док. 610).

№ 207. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В СЕРБИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Депеша № 58. 9 декабря/26 ноября 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В первый же день моего приезда в Бухарест я имел продолжительное свидание с председателем совета министров Братиану.

Я с полной откровенностью изложил бы ему соображения, которые вы не раз высказывали Диаманди в пользу немедленного выступления Румынии. Указав ему, что для наших непосредственных интересов выступление это не представляет уже особой ценности, так как, благодаря богу, мы не можем пожаловаться на наши дела на австрийском фронте, я добавил, что выступление Румынии представляет для нас серьезный интерес лишь как немедленная помощь Сербии, находящейся в тяжелом положении. Всякая же отсрочка в выступлении Румынии сделала бы последнее для нас безразличным. «Я понимаю, что вам хочется всячески оттянуть решение, чтобы с наименьшими жертвами достигнуть наибольших результатов,—сказал я,—но бывают минуты, когда нельзя при всем желании оттягивать решение и непринятие его равносильно также решению, но самому неудовлетворительному и невыгодному. Румыния находится сейчас как раз в этом положении: если она не придет на помощь Сербии и Австрии удастся одержать желанный успех, результаты его скажутся в прервании сообщений Румынии не только с Сербией, но и со всей Европой. Не имея возможности получать припасы, Румыния будет окружена враждебным блоком, причем и Болгария и Турция будут представлять непрерывную цепь сообщений и получать все недостающие им припасы из Австрии и Германии. Кроме того, разбив Сербию, Австрия освободит свои силы против той же Румынии. Обстоятельства эти настолько очевидны, что я опасаюсь, как бы отказ Румынии принять решение не произвел впечатление, что Румыния на самом деле приняла решение, но не то, какое мы от нее ожидали». Внимательно выслушав меня, Братиану со своей стороны подробно и весьма определенно выска-

зал свою точку зрения. Он очень долго говорил о том, как он ценит новую эру отношений Румынии с Россией и ваше личное отношение к его стране. Если бы война вспыхнула два года тому назад, Румыния была бы во враждебном России лагере. Этим одним измеряется значение достигнутого с тех пор переворота в отношениях между обоими государствами. Но на этом дело не остановится. Румыния перейдет открыто в лагерь России. Она предоставляет себе только воспользоваться выбором минуты, каковое право мы сами признали за ней. «В этом вопросе я остаюсь румыном и не могу оценивать вещи иначе, как с точки зрения румынских интересов»,— сказал Братиану.— «Война скоро кончиться не может. Я не могу поставить себя в положение Сербии из-за недостатка припасов. Я должен обеспечить себя в этом отношении, и, если в это время сообщения будут прерваны, мы их восстановим. Помимо того, есть другие пути. То, что происходит в Сербии, печально, но не предрешает результата. Нам надо выступить одновременно с Италией, которая не расположена предпринимать зимнего похода, и тогда два миллиона штыков сумеют оказать свое воздействие. До тех пор Румыния принуждена вести выжидательную политику».

«Помимо того, имея национальные задачи на Балканах, я хочу быть обеспеченным со стороны Болгарии и считаю, что, только когда она скомпрометирует себя действием в нашу пользу, ей можно будет поверить. Я понимаю, что для того могут потребоваться уступки, и после колебаний я решил стать на эту почву. Но, конечно, в этом отношении гораздо существеннее была бы решимость Сербии. К сожалению, до сих пор последняя не высказала достаточного сознания необходимости жертв. С другой стороны, Греция влияет на нее скорей в отрицательном смысле».

«Если вы считаете желательным сделать все возможное для солидаризации и восстановления балканского союза, почему не возьмете вы это дело в руки?» — спросил я в свою очередь. «Румыния идет на возможность уступок. Как не использует она эту решимость, чтобы повлиять на другие балканские государства; разве это не послужило бы одновременно как на пользу данного дела, так и для усиления престижа Румынии? России приписывают иногда желание опекать балканские государства. Разве не представляется вам теперь случай, взяв дело в руки, лишний раз утвердить начало независимости балканских государств? Если Румыния, Сербия и Греция солидарно выступят в Софии, они гораздо легче достигнут желаемого результата».

На мои доводы Братиану ответил, что никто, как он, не ценит в той же мере уважения, которое Россия оказывает столь развитому у румын чувству независимости, но что он предпочитает, чтобы мы подготовили почву в Софии, потому что он слишком мало доверяет тамошним деятелям и опасается их склонности к шантажу. Не решаясь пока ни на какой окончательный шаг, он, очевидно, боится сколько-нибудь скомпрометировать себя в глазах Австрии. В этом отношении он остается себе верен, остается настоящим румыном, высматривающим, как бы побольше наиграть на чужих жертвах и поменьше принести их самому. На этой почве установилась близость взглядов и приемов между Румынией и Италией. При всем этом готовность Румынии пойти на известные земельные уступки Болгарии не может все же не быть оценена, как серьезный шаг вперед и как некоторый успех в том направлении, кото-

рое одно, мне кажется, может послужить основанием для столь желанной попытки восстановить союз балканских государств.

Примите и пр. князь Трубецкой.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 194—196. Док. 628).

№ 208. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В БУХАРЕСТЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 440. 11 декабря/28 ноября 1914 г.

Румынский посланник в Берне телеграфировал сюда, что, по полученным достоверным сведениям, Австрия, будто бы, обратилась к посредничеству Испании с целью заключения отдельного мира с нами. Сообщая мне о вышеизложенном, Братиану казался обеспокоенным. Я сказал министру, что мне по этому вопросу ничего неизвестно и что вообще сведение это представляется маловероятным, но что скорейшее выступление Румынии явилось бы наилучшим способом предохранения ее от подобной неожиданности. Министр ответил, что Румыния усиленно работает над привлечением Италии и Болгарии к совместному с ней выступлению на стороне держав Тройственного согласия и что она всюду старается найти нужные ей военные припасы [1].

Поклевский.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 207—208. Док. 638).

№ 209. ДИРЕКТОР ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Записка 4 ноября/22 октября 1915 г.

Прилагаю довольно большое число литографий, заслуживающих, как я думаю, внимания вашего высокопревосходительства.

Из донесений из Бухареста особенно важны №№ 667 [2] и 669. Я думаю, что ввиду повторных категорических отзывов нашего посланника об отношении Румынии к вопросу о пропуске наших войск, это отношение должно считаться вполне ясным. Я нигде не вижу, чтобы была проведена разница между проходом тем или иным путем в тот или другой пункт. Для меня несомненно, что осторожное отношение Румынии к вопросу о нашем проходе обусловливается исключительно страхом перед ответом за такой проход перед Австро-Германиею. Я это подчеркиваю, так как слышал мнение, будто на «Новую Добруджу» (с уступкою коей Болгарии румыны якобы примирились) не распространяется «запрет» прохода нашим войскам, если Австро-Германия усмотрит в высадке, например, в Балчике, нарушение румынского нейтралитета, то,

[1] Ответная телеграмма Сазонова от 13 дек. 1914 г. за № 4264 гласила: «Подобные же сведения получились и здесь; если таковые, вызывая беспокойство Братиану, могут повлиять на скорейшее выступление Румынии, то разубеждать министра едва ли следует».

[2] В телеграмме от 30/17 окт. за № 667 Поклевский извещал Сазонова, что «румынское правительство намерено противиться проходу иностранных военных судов по Сулинскому каналу» и что «оно отнеслось бы совершенно отрицательно к проекту перевозки наших войск из Рени вверх по Дунаю в Болгарию». На литографии этой телеграммы, переданной в дипломатическую канцелярию ставки, имеется следующая пометка ген. Алексеева: «Г. Поклевский представляет из себя баржу, послушно повинующуюся буксируемому пароходу (Братиану). Бесполезная для настоящего важного периода величина».

конечно, Румыния запротестует так же, как если мы насильно пропустим войска через Сулину. Отсюда логичный вывод: в тот момент, когда мы будем достаточно сильны, чтобы страх Румынии перед нами был сильнее страха перед немцем, — нам следует избрать тот способ нарушения ее нейтралитета, который нам даст большие выгоды с стратегической точки зрения. По моему скромному мнению, этому однако могли бы предшествовать указанные в № 669 переговоры.

Позволю себе обратить также ваше внимание на телеграмму из Стокгольма. Летом, когда мы опасались осложнений со Швецией, была установлена очень предупредительная политика по отношению к ней. Теперь, когда ее выступление против нас ввиду зимнего времени не так опасно, быть может, опасения нашего посланника не так серьезны.

Н. Кудашев.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 167—168. Док. 167).

№ 210. ПОДЕННАЯ ЗАПИСЬ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

7 декабря/24 ноября 1915 г.

В 12 часов государь император принял г. Поля Думера, который изложил его величеству те же пожелания, о которых он сообщил уже министру иностранных дел. Предупрежденный о таковых военным министром, которого он принимал как раз перед Думером, государь не высказался определенно и, ограничившись тем, что оказал вообще Думеру весьма милостивый прием, сказал ему приехать через неделю на ставку, где у него будет больше времени для обстоятельного обсуждения затронутых французским уполномоченным вопросов.

В 6 часов государь император принял министра иностранных дел. При этом выяснилось, что переданное министром императорского двора от высочайшего имени повеление было основано на недоразумении. В разговоре с графом Фредериксом государь, повидимому, действительно упомянул в общих чертах о существовавшем у него несколько времени тому назад предположении отправить в Румынию великого князя (Николая Михайловича), но не давал никакого поручения передать что бы то ни было по этому поводу министру иностранных дел, тем более, что означенное предположение было уже давно оставлено его величеством.

Таким образом, этот вопрос устранился сам собою, но происшедшее недоразумение подало повод к новому обсуждению возможных способов воздействия на Румынию. С. Д. Сазонов высказал доводы в пользу поездки в Бухарест в д. шталмейстера Шебеко, причем государь отнесся к этой мысли весьма сочувственно.

В отношении спора о дальнейшем направлении, которое надлежит дать начатой Салоникской экспедиции, государь высказался весьма решительно за принятие французской точки зрения и одобрил энергичные телеграммы, посланные С. Д. Сазоновым в Париж и Лондон с целью настоять на усилении союзных войск на Балканском полуострове и сохранении в руках союзников Солунской гавани.

Пришедший к барону Шиллингу румынский посланник казался весьма встревоженным слухами о возможном уходе союзных войск из Салоник. Он не скрыл своих опасений насчет впечатления, которое такой оборот дела произведет в Румынии. Перечислив все общеизвестные

доводы в пользу сохранения Салоник в руках союзников, он постарался доказать необходимость этого и тем соображением, что с утратой указанной точки опоры союзникам уже нельзя будет предписывать свою волю балканским государствам. Таким образом, по его мнению, даже в случае окончательной победы, Четверное согласие не будет иметь возможности восстановить Сербию в своих владениях, так как не будет способа заставить болгар очистить Македонию.

На это барон Шиллинг возразил, что, будучи сам убежденным сторонником сохранения союзниками Салоник, и соглашаясь с остальными высказанными в пользу этого доводами, он тем не менее не придает значения последнему из приведенных посланником соображений. Действительно, если еще несколько месяцев тому назад всякое воздействие вооруженною силою со стороны России на Болгарию было немыслимым, то теперь, после всего содеянного болгарами, вполне возможно допустить в случае нужды такое воздействие; а потому, если болгары снова не пожелают подчиниться требованиям России, то последняя всегда будет иметь в своих руках орудие давления в своем флоте, под ударами которого остаются болгарские берега. Барон Шиллинг прибавил, что в таком же положении все балканские государства: Россия никогда не прикасалась к ним иначе как для того, чтобы принести им свободу и всякие другие блага. Но раз такое государство обнажит против России меч, оно должно знать, что в будущем его будет ожидать за это соответствующая расплата.

Г. Диаманди весьма положительно утверждал, что если бы Германия пожелала принудительными военными мерами побудить Румынию присоединиться к ней для похода против России, то она встретила бы со стороны румын решительный отпор. «Немцы хорошо знают это,—сказал посланник,— а потому никогда не сделают такой ошибки. Единственно возможное — это то, что германцы сосредоточат войска на румынской границе для того, чтобы этим способом дольше удержать Румынию в нейтралитете».

«Именно потому, что немцы хорошо знают положение в Румынии,— воскликнул барон Шиллинг,— они для указанной цели не двинут ни одного солдата, ибо им, конечно, ясно, что для поддержания еще долго румынского нейтралитета с их стороны не требуется никаких усилий».

Г. Диаманди лишь засмеялся и ограничился замечанием, что скептицизм барона Шиллинга на этот счет ему известен и что он отказывается с ним бороться.

(Международные отношения в эпоху империализма, сер. III, т. IX, стр. 475—476. Док. 457).

№ 211. ПОДЕННАЯ ЗАПИСЬ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

8 декабря/25 ноября 1915 г.

Вызвав Н. Н. Шебеко, барон Шиллинг сообщил ему по поручению министра, что С. Д. Сазонов согласен на его поездку в Румынию и что мысль о таковой удостоилась также высочайшего одобрения. При этом было еще раз установлено, что поездка должна носить строго доверительный и частный характер и имеет целью главным образом более полное осведомление о положении дел в Румынии. Н. Н. Шебеко и барон Шиллинг совместно выработали все подробности осуществления сказанного предположения. Во избежание огласки было решено выдать Н. Н.

Шебеко паспортный бланк, который он лично заполнил, а также затребовать в генеральном штабе пропуск, в котором имя Шебеко было проставлено впоследствии. Кроме того, чтобы не посвящать в дело румынскую миссию в Петрограде, решено, что Шебеко доедет до Одессы и лишь там визирует свой паспорт в румынском консульстве.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 481. Док. 464).

№ 212. РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ Н. Н. ШЕБЕКО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Бухарест, 23/10 декабря 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Несколько дней, проведенных мной здесь, дали мне возможность убедиться в том, что настроение общественного мнения Румынии в нашу пользу, несмотря на колоссальную работу, предпринятую Германией для того, чтобы привлечь на свою сторону Румынию, нисколько не изменилось к худшему со времени моего проезда через Бухарест в сентябре месяце прошлого года. Общественное мнение страны и армия ныне, так же, как и тогда, громко высказываются за немедленное выступление на стороне Четверного согласия. Оппозиция, в лице консерваторов-демократов и части консервативной партии, резко нападает на правительство за его выжидательную политику и требует немедленного выступления Румынии против австро-германцев при первом удобном случае, когда будут закончены приготовления для кампании на Балканах, причем румыны единогласно выражают желание драться против австрийцев, предоставив нам разделаться с болгарами.

Особенно резкие нападки вызывает безучастное положение, занятое правительством в момент разбойнического нападения Болгарии на Сербию, имевшее столь тяжелые последствия для этого государства и для общего положения на Балканах.

Правительство, в лице главы своего Братиану, по всем признакам решившего выступить на нашей стороне, всячески старается оттянуть момент выступления Румынии, дабы подвергнуть это выступление возможно меньшему риску и получить возможно больше с возможно меньшей затратой сил.

Из продолжительного разговора, который я имел вчера с Братиану, я вынес впечатление, что он, веря в окончательное торжество держав Четверного согласия, бесповоротно решил связать с ними судьбу Румынии, но, опасаясь внезапного нападения австро-германцев в случае, если последние потеряют надежду на сохранение Румынией нейтралитета и, с другой стороны, желая приурочить свое выступление, как он выражается, к тому моменту, когда выступление это может принести делу максимум пользы (но в действительности к тому моменту, когда с этим выступлением будет связан минимум риска), всячески оттягивает произнесение слова, которое должно окончательно связать Румынию.

Вполне частный характер моего посещения и нашей беседы дал мне возможность побудить его дать мне достаточно определенные ответы на вопросы, имеющие для нас в настоящий (для нас) момент первостепенное значение, а именно: 1) что сделает Румыния в случае предъявления ей со стороны Германии требования присоединиться к союзу центральных держав или обязаться сохранить нейтралитет до конца войны,— он

мне без колебания ответил, что он не верит в возможность предъявления Румынии подобного требования, но в случае его предъявления, Румыния будет этому противиться всеми имеющимися в ее распоряжении средствами; 2) чего ожидает румынское правительство для своего выступления на нашей стороне,—на этот вопрос Братиану также без колебания ответил, что самым подходящим для выступления Румынии моментом ему представляется момент нашего общего наступления на всех фронтах, т. е. на нашем, французском и итальянском, в котором Румыния могла бы с успехом принять участие. К этому Братиану прибавил, что Россия должна была бы предварительно дать Румынии возможность получить те военные припасы, в которых она так нуждается; 3) на мой вопрос, не опасается ли Братиану, что в момент принятия окончательного решения король Фердинанд откажется за ним следовать далее и обратится к сочувствующим нашим противникам государственным деятелям для составления другого кабинета,— он ответил, что считает это предположение совершенно исключенным, так как вопрос этот неоднократно обсуждался между ними, и король высказал намерение подчиниться ясно выраженной воле румынского народа,— да и поступить иначе он не может по мнению Братиану[1].

Правильность всего вышесказанного и искренность намерений настоящего румынского министра-президента подтверждены были мне всеми политическими деятелями, с которыми мне пришлось беседовать в эти дни, а также и членами оппозиции, не сочувствующими выжидательной политике Братиану, но не сомневающимися в искренности его намерений связать судьбу Румынии с судьбой держав Четверного согласия.

Примите и пр. Шебеко.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 639—640. Док. 615).

№ 213. ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОСЛАННИК В БУХАРЕСТЕ ФАШИОТТИ ИТАЛЬЯНСКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОННИНО

Секретная телеграмма № 631. 27/14 декабря 1915 г.

Мне доверительно сообщили, что вчера состоялось совещание между Шебеко, Поклевским и Таке Ионеску, в котором они пришли к заключению о необходимости для оппозиции продолжать кампанию пропаганды за вступление в войну на стороне Антанты. Помимо того, было признано, что, ввиду позиции Братиану, нельзя рассчитывать на вступление (Румынии) в войну, если не будет оказано сильного давления со стороны общественного мнения внутри страны, а также присутствием русских военных сил в Бессарабии.

В течение этой беседы Таке Ионеску равным образом заявил, что в случае оккупации Бессарабии австро-германцами для Антанты явится опасность перехода Румынии во враждебный лагерь.

---

[1] Тел. от 26/13 дек., расшифрованной в российском м-ве ин. дел, Фариотти сообщил Соннино следующее: «За последнее время возобновилось давление австро-германской дипломатии в целях заставить выступить Румынию на стороне центральных империй. Это воздействие приняло одно время столь настоятельную форму, что его величество король Фердинанд послал месяц тому назад письмо императору Вильгельму, где он заявил, что не имеет возможности действовать против воли румынского народа, решение которого не вмешиваться в борьбу столь твердо, что это для него будет стоить трона. Его величество в заключение писал, что достоверно лишь одно: румынский народ ни в коем случае не решиться отказаться от нейтралитета, не обеспечив себе значительных территориальных приращений».

Прошу ваше превосходительство сохранить вышеизложенное в тайне.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 668. Док. 641).

№ 215. СЕКРЕТНЫЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РУМЫНИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И РОССИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ИТАЛИЕЙ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В БУХАРЕСТЕ 4/17 августа 1916 года

(Уполномоченный России—Поклевский-Козелл)

Ст. 1. Франция, Великобритания, Италия и Россия гарантируют целость территории Румынского королевства на всем протяжении ее современных границ.

Ст. 2. Румыния обязуется объявить войну Австро-Венгрии и напасть на нее в условиях, установленных в военной конвенции; Румыния обязуется равным образом прекратить с момента объявления войны все экономические отношения и весь товарообмен с врагами союзников.

Ст. 3. Франция, Великобритания, Италия и Россия признают за Румынией право аннексировать территории австро-венгерской монархии, указанные и определенные в ст. 4.

Ст. 4. Границы территорий, упомянутых в предыдущей статье, устанавливаются следующим образом:

Демаркационная линия начнется на Пруте в одном из пунктов современной границы между Румынией и Россией близ Новоселиш и поднимется по этой реке до границы Галиции при слиянии Прута и Черемоша. Вслед затем она последует вдоль границы Галиции и Буковины и границы Галиции и Венгрии до пункта Стог. Оттуда она последует по линии водораздела Тиссы и Визо, подойдя к Тиссе... выше того места, где она соединяется с Визо. С этого пункта начиная, она спустится по тальвегу Тиссы до... слияния ее с Шамошом... Далее она будет тянуться в направлении на юг и юго-восток до пункта, находящегося в 6 килом. к востоку от города Добречан. Здесь она достигнет Крича в 3 килом. книзу от соединения обоих его притоков... Она подойдет затем (к Тиссе... к северу от Чегедина... За Алджие линия будет спускаться по тальвегу Тиссы до ее слияния с Дунаем), и наконец, последует по тальвегу Дуная до современной границы Румынии.

Румыния обязуется не возводить укреплений напротив Белграда в зоне, которая будет определена позже, и держать в этой зоне лишь силы, необходимые для полицейской службы. Королевское румынское правительство обязуется возместить убытки сербов области Баната, которые, покидая свою собственность, пожелали бы эмигрировать в течение 2 лет после заключения мира.

Ст. 5. Румыния, с одной стороны, и Франция, Великобритания, Италия и Россия, с другой стороны, обязуются не заключать сепаратного мира, а общий мир заключить лишь совместно и одновременно.

(Четыре державы) обязуются равным образом к тому, чтобы территории австро-венгерской монархии, указанные в ст. 4, были присоединены к румынской короне.

Ст. 6. Румыния будет пользоваться теми же правами, что и союзники, во всем, что касается прелиминариев, мирных переговоров, а равно обсуждения вопросов, которые будут предложены на решение мирной конференции.

Ст. 7. Договаривающиеся державы обязуются держать в тайне настоящую конвенцию впредь до заключения общего мира.

Сазонов.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М., 1926, стр. 50—51. Док. 37).

ВОПРОС О НЕЙТРАЛИТЕТЕ ШВЕЦИИ

№ 216. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛАННИКУ В СТОКГОЛЬМЕ НЕКЛЮДОВУ

Телеграмма № 5400. Совершенно секретно.
30/17 октября 1915 г.

Возникает предположение об объявлении блокады всего германского побережья Балтийского моря от Рижского залива до Дании[1]. Торговые сношения Дании и Норвегии по Балтике сейчас ничтожны. Таким образом блокада нанесет в первую голову ущерб торговым сношениям Швеции с Германией, уже значительно постарадвшим от действия наших и английских подводных лодок. Из мероприятий по транзиту мы знаем, что такое воздействие на шведскую торговлю может отразиться на наших отношениях с Швецией. Поэтому при решении этого вопроса необходимо не упускать из вида и этой стороны. Благоволите в возможной скорости сообщить ваше заключение как об общем впечатлении, которое блокада германского побережья может произвести в Швеции, так и в частности о влиянии на налаживающиеся ныне переговоры о транзите, так же как и на вывоз к нам из Швеции.

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 103. Док. 112).

№ 217. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В СТОКГОЛЬМЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 410. Совершенно секретно.
1 ноября/19 октября 1915 г.

Блокада германского побережья от Рижского залива до Дании нанесет существенный ущерб всей экономической жизни Швеции. Необходимо иметь в виду, что Швеция извлекает огромные выгоды из экспорта в Германию разных товаров, особенно же железной руды из своего северного района, обработанного дерева, стали и других товаров. Эта выгода компенсирует ущерб, наносимый ей задержкой товаров, идущих с запада. Руда, идущая в громадных количествах и по необычайным ценам, а равно и лесные материалы могут вывозиться в достаточном количестве лишь морем из портов Ботнического залива. Блокада почти пресекла бы этот ввоз. Тем паче, была бы она принята здесь как ущерб достоинству Швеции и шведского флага. До сих пор захват и потопление германских судов в Балтике переносится здесь спокойно, ибо грузы уже оплачены в Швеции. Но совсем другое положение создал бы захват и потопление шведских судов. В таком случае политика активистов получила бы и более твердые основания и популярность в стране, начиная именно с промышленных классов и с рабочего люда, представ-

[1] Проект объявить блокаду герм. побережья Балтийского моря был выдвинут англ. прав-вом в меморандуме от 28/15 окт.

лявших доселе главный оплот шведского нейтралитета. Наконец, Германия, лишившись выгод, вытекающих и для нее из шведского нейтралитета, не постеснялась бы принять все меры, вплоть до насильственных, дабы заставить Швецию объявить нам войну и отвлечь на себя часть русских сил, ныне борющихся с германскими. Словом предположенная блокада не только самым невыгодным образом отразилась бы на нашем транзите и на нашем ввозе из Швеции, но весьма легко помогла бы привести к вооруженному выступлению Швеции на стороне Германии[1]. Ввиду лежащей на мне тяжкой ответственности, благоволите держать меня и в дальнейшем курсе этого решающей важности вопроса[2].

Неклюдов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 120—121. Док. 128).

№ 218. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

3 ноября/21 октября 1915 г.

В памятной записке за № 240 от 7 октября/24 сентября посольство его величества уведомило императорское правительство о дошедшем до него слухе относительно предпринятого германскими властями в Шлезвиге обучения некоторого числа шведских финляндцев с целью подготовки революционного движения в Финляндии.

Ныне из Копенгагена получена телеграмма, подтверждающая вышеизложенное. Сэр Г. Лоутер, посланник его величества в Копенгагене, сообщает, что он получил уведомление из заслуживающего доверия источника о производящемся обучении около 300 молодых людей из Швеции и Финляндии в Итцехоэ в Гольштинии. В случае германо-шведского нападения на Россию эти лица предназначены занять в шведской армии офицерские должности под германским начальством.

Доносят о существовании секретного соглашения, в силу которого 1 000 финляндцев и шведов будут проведены через германские офицерские школы, коль скоро это окажется возможным.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 149. Док. 148).

№ 219. ДИРЕКТОР ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИ СТАВКЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

8 января 1916 г./26 декабря 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Начальнику штаба верховного главнокомандующего было сообщено в копии частное письмо нашего морского агента в Швеции. Ознакомив меня с его содержанием, генерал Алексеев поручил мне передать вашему высокопревосходительству суть сообщения капитана II ранга Стащевского.

---

[1] В телеграмме от 5 ноября/23 окт. за № 446 Кудашев сообщил Сазонову, что на копии этой тел. ген. Алексеев написал следующее: «Нужно оставить шведов в покое. Нам важен их нейтралитет».

[2] В дополнение к этой тел. Неклюдов в тел. от 3 ноября/21 окт. за № 411 сообщил, что французский и английский посланники в Стокгольме придерживаются мнения, что «предполагаемая блокада явилась бы мерой весьма полезной и не вызвала бы никаких враждебных действий со стороны Швеции, если бы она совпала с ощутительно благоприятным для нас всех оборотом военного положения, но что ныне она является мерой преждевременной по отношению к Швеции и поэтому опасной».

В письме этом описывается настроение в Швеции, вызванное временным перерывом телеграфных сношений с Россией, впрочем быстро исчезнувшее и смененное раздражением на англичан вследствие инцидента с задержанием Англией американской почты с рождественскими подарками для Швеции [1]. Все эти факты уже известны и в достаточной мере освещены донесениями нашего посланника в Стокгольме. А потому я позволяю себе остановиться лишь на той части письма,— в выдержке при сем прилагаемой [2],— в коей наш морской агент указывает на переменившееся, по его впечатлению, отношение Швеции к России за год войны и на желательность улучшения этих отношений на почве взаимных уступок в вопросе о транзите.

Высказанное капитаном Сташевским мнение мне казалось интересным главным образом в оценке его начальником штаба, а потому я спросил генерала Алексеева, разделяет ли он все изложенное капитаном Сташевским? На это он мне ответил, что выступлению Швеции на стороне Германии в случае, если последней будет очень плохо,— он совсем не верит, но не исключает возможности ее выступления в числе наших врагов при других обстоятельствах, причем указал на крайнюю желательность всеми средствами, даже ценой уступок в деле транзита, сохранения ее нейтралитета. В этом отношении он, повидимому, разделяет мнение капитана Сташевского, что пока нам Швеция нужна как путь и как рынок, то надо что-нибудь ей давать даже при условии, что часть может попасть в Германию, — генерал при этом упомянул о жмыхах, вывоза коих из России добивается Швеция.

В заключение он поручил мне самым положительным образом высказаться перед вами за необходимость сохранения добрых отношений со Швецией. «Германии удалось втянуть Турцию против нас, затем и Болгарию»,— сказал он,— «если ей удастся восстановить против нас и Швецию, то задача наша может стать уже совсем для нас непосильной».

Примите и пр.

Н. Кудашов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 758—759. Док. 723).

НЕЙТРАЛИТЕТ ГОЛЛАНДИИ

№ 220. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В ГААГЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Весьма доверительно.
14/1 декабря 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За последнее время в некоторой части печати, а также в парламентских кругах был возбужден вопрос о частичной демобилизации армии. Требование это мотивировалось соображением, что ход военных событий уменьшил опасность для Голландии быть вовлеченною в войну и что поэтому бремя всеобщей мобилизации, почти полтора года тяготеющее над страной, не оправдывается более в той же мере.

Правительство не сочло возможным гласное обсуждение этого вопроса, и ему на-днях было посвящено закрытое заседание обеих палат генеральных штабов.

[1] См. № 571 и прим. к нему.
[2] См. приложение.

Тайна происходивших прений была соблюдена, и о них до сих пор ничего не проникло в печать. Союзные миссии были однако о них осведомлены строго доверительным образом, благодаря своим близким сношениям с одним из членов нижней палаты, занимающим также выдающееся положение в правлении Н. О. Т.

По словам этого заслуживающего полного доверия осведомителя, правительство, в лице первого министра г. Корт-ван-дер-Линдена, высказалось категорически против демобилизации части войск из-за необходимости сохранения в полной готовности всей наличной военной силы. Опасность осложнений, по его мнению, не миновала для Голландии; он сказал, что давление, особенно в области экономической, производимое как с той, так и с другой из воюющих сторон становится с каждым днем сильнее, ставя нидерландское правительство в самое затруднительное положение и умножая пункты трений и возможных столкновений.

Это первый раз, что со стороны правительства делается указание на военную опасность из-за экономических вопросов, связанных с войной. Англия всегда избегала вовлекать Голландию в безысходные затруднения и не претендовала стеснять свободу ее действий относительно торговли ее собственными произведениями; по ввозу же иностранных, Голландия принуждена для обеспечения своего собственного снабжения допускать ограничительные условия, исключающие их вывоз.

C'est un cas de force[1] с которым, повидимому, Германия доселе мирилась. Кажется сомнительным, чтобы в настоящем фазисе войны Германия стала бы предъявлять к Голландии несбыточные требования. Если, в чисто военном отношении, столкновение с Голландиею не представило бы для нее непосредственных трудностей, оно отвлекло бы однако, по крайней мере, 200—300 тысяч войска; занятие же голландского побережья доставило бы ныне весьма проблематическую выгоду, после того как Германии пришлось отказаться от кампании ее подводных лодок в Северном море. Остается захват имеющихся в Голландии продовольственных и иных запасов. Но их для Германии хватило бы не надолго. Может ли одно это служить достаточным мотивом военного занятия?

Сопоставляя все эти соображения, можно до известной степени предположить, что г. Корт-ван-дер-Линден несколько сгустил темные краски ради достижения желаемого результата в парламенте. Однако трудно составить себе определенное мнение по этому вопросу, не зная, в какой именно форме проявляется давление со стороны Германии.

Примите и пр.

А. Свечин.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 537—538. Док. 525).

НЕЙТРАЛИТЕТ ИСПАНИИ

№ 221. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В МАДРИДЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма № 39. 5 декабря/22 ноября 1915 г.

Германский посол начал переговоры с маркизом Санта-Анна, собственником «Correspondencia de Espania», одного из самых значительных

[1] «Это — случай, вызываемый независящими обстоятельствами».

мадридских органов печати. Эта газета, которая не входит в «трест публицистов», занимала до сих пор безупречную позицию, отличаясь от остальной прессы, подкупленной для Германии или Германией. Правда, что уже несколько месяцев французское правительство платило этой газете ежемесячно 4 000 франков. Главный редактор г. Ромео пришел заявить послам Франции и Англии, что так как потеря германских объявлений и других доходов подорвала их финансовое положение, то владелец газеты решил прислушиваться к предложениям наших врагов, но что, если мы обеспечим ему 15 000 песет в месяц, он будет продолжать служить делу держав Согласия, как и до сих пор. Ввиду значения газеты и несмотря на шантажный характер сделки, французское и английское правительства согласились платить 5 000 в месяц, причем послы обратились к графу Бонэн и ко мне прося, чтобы Италия и Россия восполнили сумму, внося каждая по 2 000 песет в месяц. Не придавая чрезмерного знания общественному мнению Испании и не упуская из виду, что причины перемены фронта „Correspondencia Espania" были бы здесь скоро разгаданы, я должен сказать, что этот факт тем не менее был бы истолкован здесь как германский успех и что отпадение единственного органа, корректного с точки зрения держав Согласия, было бы достойно сожаления. Уполномочиваете ли вы меня эвентуально принять обязательство в вышеуказанном смысле от имени императорского правительства?

Будберг.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX, стр. 450. Док. 434).

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОРТУГАЛИИ

№ 222. РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В ЛИССАБОНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Депеша № 63. Секретно.

13 января 1916 г. (31 декабря 1915 г.).

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вопрос об участии Португалии в настоящей войне с внешней стороны представляется именно в том виде, как объясняет его « Times « в статье под заглавием «Portugal and the war», помещенной в номере от 8 января н. ст.

Согласно этой статье республиканское правительство, верное союзу с Великобританиею, предложило свои услуги, но английское правительство, приняв во внимание неподготовленность Португалии к войне и отсутствие всяких средств, отклонило предложение португальцев, находя, что Португалия окажется более полезной в борьбе с общим врагом, не объявляя войны Германии.

По этому вопросу между французами и англичанами с самого начала существовало некоторое различие во взглядах. И те и другие были хорошо осведомлены о полной несостоятельности Португалии как военной державы, но французский посланник все же желал видеть Порту-

галию в войне с Германией, хотя бы только номинально, тогда как английский представитель, смотря на дело с практической точки зрения, высказывался против привлечения Португалии в число воюющих государств на основании тех же доводов, какие приведены в указанной мною статье „Times".

Не берусь судить, в какой степени это разномыслие представителей Франции и Англии разделялось парижским и лондонским кабинетами, могу лишь засвидетельствовать, что здесь оно не вышло из тесного круга союзной дипломатии, и ни в чем не нарушило доброго согласия и единства в действиях представителей названных государств.

Так как Португалия по сие время не объявила войны Германии, нужно полагать, что точка зрения английской дипломатии взяла верх.

Было бы однако ошибочно полагать, что приведенными в «Times» доводами исчерпываются все соображения английского правительства, направленные к сохранению Португалии в положении нейтрального государства.

Заботливое отношение лондонского кабинета к военным приготовлениям Португалии показывает, что Англия имеет виды на свою союзницу в будущем. В чем именно будет заключаться роль Португалии, пока еще не видно, но ясно одно: для Великобритании важно сохранение португальских военных сил на Иберийском полуострове.

Настоящая война дала столько неожиданностей, за которые пришлось потом расплачиваться дорогой ценой, что нельзя в данном случае упрекнуть англичан в излишней предусмотрительности.

Если б Португалия с самого начала была вовлечена в войну, при слабых ее военных силах и внутренней неурядице, положение ее в настоящее время перед Испаниею было бы совершенно беспомощное. При существовании известного антагонизма между старым королевством и неустановившейся Республикой достаточно было бы малейшей искры, чтобы вспыхнул пожар. Есть много элементов, которые толкали бы Испанию в этом направлении. Вооруженное столкновение между Испаниею и Португалиею заставило бы Англию вступиться за свою союзницу с риском потерять Гибралтар и видеть еще одно маленькое союзное государство во власти врагов.

В бытность мою в Марокко я имел честь представить секретную записку о стратегическом положении Гибралтара. Крепость эта, как известно, может быть обстреляна с высот Сиеры Карбонерры и вообще не в состоянии противостоять новейшим изобретениям по артиллерии. Многочисленные немецкие офицеры, застигнутые войной в Испании, наверное все это уж объяснили испанцам и, чего доброго, подготовили их на всякий случай.

Я не сомневаюсь, что именно эти соображения заставляют английское правительство стоять на страже сохранения мира на Иберийском полуострове и всячески стараться устранять могущие возникнуть поводы к нарушению благоприятного для Англии status quo.

Примите и пр.

П. Боткин.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. IX стр. 781. Док. 752).

ЦЕЛИ ВОЙНЫ

№ 223. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВ ПОСЛАМ В ПАРИЖЕ И ЛОНДОНЕ А. П. ИЗВОЛЬСКОМУ И гр. А. К. БЕНКЕНДОРФУ

Телеграмма № 937. 19 февраля/4 марта 1915 г.

...Сегодня мною составлена совместно с французским и великобританским послами памятная записка следующего содержания:

Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и в виду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Франции и Великобритании в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами. Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам.

Сазонов.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 118—119. Док. XVI).

№ 224. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ РОССИЙСКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВУ

Посол его королевского величества получил инструкции заявить г. Сазонову, что только исходя из соображений пользы общего дела, правительство его величества предприняло операции в Дарданеллах. Великобритания не извлечет из них для себя никакой прямой выгоды: она сама не намерена там обосноваться. Правительство его королевского величества рискует своими солдатами, своими матросами, своими судами, стремясь Турцию сделать бесполезной, в качестве союзницы для Германии, сокрушить ее наступательную силу против России и Великобритании (великий князь верховный главнокомандующий подчеркнул сам важность этой задачи в интересах русских военных операций), а также и для того, чтобы побудить нейтральные балканские государства к сотрудничеству с союзными державами.

Поскольку это касается будущности проливов и Константинополя, сэр Эдуард Грей подтвердил сказанное г. Сазоновым в государственной думе. И хотя, в соответствии с конвенцией от 5 сентября[1], всякое

[1] Так называемое Лондонское соглашение между Россией, Францией и Великобританией от 23 августа (5 сентября) 1914 г. о незаключении сепаратного мира.

окончательное и формальное соглашение должно быть подвергнуто обсуждению с Францией и, вероятно, не может быть заключено ранее окончательных мирных условий, сэр Эдуард Грей не сделал никаких возражений против того, что было сказано по этому поводу г. Сазоновым сэру Джорджу Бьюкенену.

Помощь, и особенно военная помощь Греции, на Галлиполийском полуострове может представиться важной и существенно необходимой для полного успеха операций, и при данных условиях было бы неразумно и невозможно затруднять их, отклонив эту помощь, если бы она была предложена.

Императорское правительство должно принять во внимание, что неудача дарданельской операции повлекла бы за собой очень тяжелые последствия.

Правительство его королевского величества никогда не рассматривало вопрос об аннексии в пользу Греции какой-либо части проливов. Смирна — как раз та часть турецкой территории, которая рассматривалась, как компенсация Греции. Правительство его королевского величества охотно допускает, что Греция не должна иметь точки опоры на проливах, что противоречило бы русским интересам. Правительство его королевского величества согласно с русским и французским правительствами по этому вопросу, хотя интересы правительства его величества в настоящее время в Малой Азии ограничиваются вопросом о Смирна-Айдинской жел. дороге. В целях побудить Грецию присоединиться к союзникам, правительство его королевского величества готово поступиться каким-либо из своих притязаний.

Посол его королевского величества должен повторно указать, что операции, предпринятые ныне в Дарданеллах, преследуют общую цель самым бескорыстным образом по отношению к притязаниям России в этом районе и с полным сознанием, что непосредственные их результаты будут выгодны не для нас, а для России.

Поэтому в настоящих условиях королевское правительство не должно быть лишено помощи в той части операций, где последняя могла бы быть полезной. Само собой разумеется, что всякая помощь, которая могла бы быть дана, не должна зависеть от какого-либо условия или устанавливать какие-либо притязания, за исключением тех, на которые могли бы согласиться три союзных правительства.

Из предшествующих сообщений вполне ясно, что королевское правительство с первой же минуты жаждало деятельного участия русских судов и войск для доведения этих операций до успешного конца.

6 марта 1915 г.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 119—120. Док. XVII).

№ 225. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ РОССИЙСКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВУ

В случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, как-то указано в нижеупоминаемом русском сообщении, правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и проливов, текст коей был сообщен послу

его величества его высокопревосходительством г. Сазоновым 19 февраля/4 марта сего года.

12 марта 1915 г.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 124. Док. XXII).

№ 226. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ РОССИЙСКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВУ[1]

Посол его величества получил инструкцию сделать следующие замечания касательно памятной записки, которую великобританское посольство имело честь препроводить императорскому правительству 27 февраля/12 марта 1915 года:

Требование, высказанное императорским правительством в памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 года, значительно превосходит пожелания, предусматривавшиеся г. Сазоновым несколько недель тому назад. Прежде, чем правительство его величества успело выяснить, каковы будут при заключении окончательного мира его собственные пожелания в иных местах, Россия просит определенного обещания, что ее желания будут удовлетворены по отношению того, что собственно является наиболее ценным приобретением всей войны. Вследствие сего сэр Эдуард Грей надеется, что г. Сазонов отдает себе отчет в том, что правительство его величества не имеет возможности дать большего доказательства дружбы, нежели то, которое дается содержанием вышеупомянутой памятной записки. Этот документ свидетельствует о полном перевороте традиционной политики правительства его величества и находится в прямом противоречии взглядам и чувствам, в свое время всецело господствовавшим в Англии и пока еще отнюдь не исчезнувшим. Сэр Эдуард Грей надеется поэтому, что императорское правительство признает, что недавние общие заверения, данные г. Сазонову, выполнены самым лойяльным и полным образом. Ныне, представляя свою памятную записку, правительство его величества верит и надеется, что прочная дружба между Россией и Великобританией будет обеспечена, как только будет достигнуто предположенное соглашение.

Из великобританской памятной записки следует, что пожелания правительства его величества, какое бы они ни имели значение для английских интересов в других частях света, не будут содержать в себе ни одного условия, которое могло бы затронуть русское господство над территориями, описанными в русской памятной записке от 19 февраля/4 марта 1915 года.

В виду того обстоятельства, что Константинополь всегда останется торговым складом для юго-восточной Европы и Малой Азии, правительство его величества будет просить, чтобы Россия, когда она войдет в обладание им, установила бы свободный порт для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями. Правительство его величества будет также просить о том, чтобы была установлена свобода обращения для торговых судов, проходящих через проливы, как было уже обещано г. Сазоновым.

В настоящее время стало совершенно ясным, что — независимо от того значения, которое могут иметь для общего дела союзников пред-

[1] Перевод с английского языка, сделанный в министерстве иностранных дел.

принятые правительством его величества операции в Дарданеллах—операции эти, как бы успешны они ни были, не могут принести какую бы то ни было выгоду правительству его величества при заключении мира. Россия одна, если война будет успешна, получит непосредственные плоды этих операций. Россия не должна была бы поэтому, по мнению правительства его величества, ставить теперь препятствия на пути всякой державы, которая может на разумных условиях предложить союзникам свою помощь. Единственная держава, которая могла бы принять участие в операциях в проливах,— Греция. Адмирал Карден просил адмиралтейство прислать ему еще истребителей, но таковых свободных не имеется. Помощь греческой флотилии, если бы ею возможно было заручиться, была бы, следовательно, чрезвычайно ценной для правительства его величества.

Одной из главных целей, которые имело в виду правительство его величества, когда им были предприняты операции в Дарданеллах, было побудить нейтральные государства присоединиться к союзникам. Правительство его величества, надеется, что Россия употребит все усилия, чтобы рассеять опасения Болгарии и Румынии касательно того, будто обладание Россией проливами и Константинополем невыгодно для них. Правительство его величества надеется также, что Россия сделает все, что в ее власти, чтобы придать сотрудничеству этих государств заманчивый для них характер.

Сэр Эдуард Грей отмечает, что будет, очевидно, необходимо принять во внимание весь вопрос о будущих интересах Франции и Англии в том, что теперь является Азиатской Турцией: формулируя пожелания правительства его величества касательно Оттоманской империи, он должен сговориться с французским правительством, также как и с русским. Как только, однако, станет известно, что Россия получит Константинополь при окончании войны, сэр Эдуард Грей хотел бы заявить, что в течение всех переговоров правительство его величества настаивало, чтобы мусульманские священные места и Аравия остались при всех обстоятельствах под независимым мусульманским владычеством.

Сэр Эдуард Грей не в состоянии пока сделать определенного предложения по какому бы то ни было пункту английских пожеланий; но одним из пунктов последних будет пересмотр касающейся Персии части англо-русского соглашения 1907 года[1], в смысле признания нынешней нейтральной сферы, как сферы английской.

До тех пор, пока союзники не будут в состоянии дать балканским государствам, и в особенности Болгарии и Румынии, удовлетворительное заверение относительно их общего положения в отношении территорий, соприкасающихся с их границами и к обладанию которых они заведомо стремятся, и до того времени, когда будет достигнуто более определенное соглашение касательно французских и английских пожеланий для окончательных мирных условий, сэр Эдуард Грей также отмечает, что весьма желательно, чтобы соглашение, к которому теперь пришли русское, французское и великобританское правительства, оставалось бы тайным.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две

---

[1] Англо-русское соглашение 1907 г. о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете.

точки). Такая пометка была условным знаком, свидетельствовавшим, что документ одобрен царем.

12 марта 1915 г.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 125—127. Док. XXIII).

№ 227. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ гр. А. К. БЕНКЕНДОРФУ

Телеграмма [1] 7/20 марта 1915 г.

...Дав уже обещание касательно условий торговли в проливах и в Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, ни следующих из России, ни идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через проливы коммерческих судов.

...Императорское правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством... Со своей стороны императорское правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При этом оно считает, однако, справедливым выговорить, чтобы районы Исфагании и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное целое, были закреплены за Россией, в виду создавшихся там русских интересов.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 131. Док. XXXIII).

№ 228. ВСЕПОДДАННЕЙШАЯ ЗАПИСКА РОССИЙСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВА

В предвидении победоносного окончания войны и на случай возникновения вопроса о судьбе азиатских владений Турции, французское и английское правительства представили на наше рассмотрение проект раздела Малой Азии, составленный известными знатоками этих местностей г. Пико и сэром М. Сайксом.

Основные положения этого проекта сводятся к следующему:

Все пространство между Черным морем и линией, начинающейся от Урмийского озера и идущей к Анамуру южнее Вана, Битлиса, Муша и Харпута по горным хребтам Тавра и Антитавра,— предоставляется в распоряжение России для разграничения в будущем с турецким султаном в Анатолии.

Во владение Франции поступает узкая прибрежная полоса Сирии и Киликии, идущая приблизительно от Акки до Анамура и территории к югу от намеченной русской границы, приблизительно по линии Айнтаб-Урфа-Мардин-Урмия.

Англия получает провинцию, известную ныне под именем Арабского Ирака, примыкающую к Персии и Персидскому заливу.

Вся область между французскими и английскими владениями составит независимое арабское государство (халифат) или федерацию нескольких арабских княжеств.

[1] 9/22 марта аналогичного содержания памятная записка была вручена великобританскому и французскому послам в Петрограде.

Северная часть его признается лежащей в сфере французского влияния, а южная — английского.

Палестина образует особую автономную провинцию под международным контролем.

Кроме этого, Франция и Англия принимают на себя целый ряд взаимных обязательств относительно предоставления друг другу всякого рода льгот и облегчений торгового и экономического характера в зонах их влияния на территории будущего арабского государства.

В этом проекте для нас наиболее существенное значение имеет предлагаемая англо-французами граница, имеющая отделить наши будущие владения от французских.

С точки зрения топографической, она представляется довольно естественной, следуя по направлению главного горного массива, но по политическим и стратегическим соображениям она едва ли может считаться приемлемой. Появление на большом протяжении нашей азиатской границы, в местностях со смешанным и беспокойным населением, великой европейской державы, хотя бы в настоящее время и союзной нам, и внедрение ее углом в русско-персидскую границу — должно быть признано нежелательным. Кроме этого, в частности мы не могли бы признать в области Урмии суверенитета другого европейского государства, вследствие значительности наших миссионерских интересов среди местных христиан.

Для нас наиболее выгодною была бы общая граница на юге с каким-либо азиатским мусульманским государством, в виде ли арабского халифата, или турецкого султаната. Эта точка зрения, казалось бы, еще оправдывается и тем соображением, что в наших предыдущих переговорах с французами о проливах и Константинополе мы, согласно изъявленному Францией желанию, соглашались на присоединение к ней лишь Сирии и Киликии до Тавра. Диарбекирский же округ входит в состав Месопотамии.

Если бы, однако, нам не удалось отстоять эту точку зрения, то тогда следует во всяком случае настаивать на включении в нашу зону Урмийского округа и Битлисских проходов, предоставив французам некоторые вознаграждения в Малой Армении в районе треугольника Сивас-Харпут-Кесария...

Точно так же явилась бы, вероятно, возможность согласиться на территориальное уменьшение Палестинской области, ограничив там защиту наших интересов исключительно Святыми Местами.

Вообще же говоря, без ущерба для наших государственных интересов, в предстоящих переговорах с Англией и Францией мы могли бы легко заявить о нашей незаинтересованности к югу от линии Амадия-[Джезире]-ибн-Омар-Диарбекир—Самсат—Мараш-Адана (красная линия на карте).

Подробное и тщательное изучение всех вопросов, связанных с англо-французским проектом, я полагал бы желательным представить на рассмотрение особого совещания, под председательством председателя совета министров и из представителей министерств военного, морского, иностранных дел и наместника вашего императорского величества на Кавказе.

О вышеизложенном приемлю смелость доложить вашему императорскому величеству и испрашивать высочайших указаний.

Петроград, 29 февраля 1916 г. Сазонов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «С ъ»[1].

Царское село, 1 марта 1916 г.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 160—161. Док. LXXVII).

№ 229. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ РОССИЙСКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВУ

От сэра Эдуарда Грея была получена телеграмма, сообщающая, что вопрос о поселении евреев в Палестине был недавно доведен до сведения правительства его величества.

Хотя, как известно, многие из евреев относятся безразлично к идее сионизма, многочисленная и влиятельнейшая часть еврейства во всех странах весьма оценила бы предложение соглашения касательно Палестины, вполне удовлетворяющего стремления евреев.

Если вышеизложенная точка зрения правильна, то ясно, что путем использования сионистской идеи могут быть достигнуты важные политические результаты. В число их будет входить обращение на сторону союзников еврейских элементов на Востоке, в Соединенных Штатах и в других местах, элементов, настроенных в настоящее время в значительной части враждебно делу союзников.

Г. Люсьен Вольф следующим образом определил еврейские стремления в Палестине:

«Если в результате войны Палестина попадет в сферу французских и великобританских интересов, французское и великобританское правительства не преминут принять в соображение исторические интересы еврейства в этой стране. Оба правительства обеспечат еврейскому населению равные с остальными жителями политические права, религиозную и гражданскую свободу, те муниципальные привилегии в колониях и в городах, которые представятся необходимыми, а также разумные льготы для колонизации и эмиграции».

Сэр Эдуард Грей не имеет никаких возражений к вышеприведенной формулировке, но в ответ просто уведомил г. Вольфа, что он должен обсудить этот вопрос с союзными правительствами и что это дело встретит сочувственное отношение со стороны правительства его величества.

Единственная цель правительства его величества — найти какое-либо соглашение, достаточно привлекательное для большинства евреев, которое облегчило бы заключение сделки, обеспечивающей еврейскую поддержку. Имея в виду это соображение, правительству его величества представляется, что если бы проект предусматривал разрешение евреям, когда их колонисты в Палестине настолько окрепнут, что смогут соперничать с арабским населением, взять в свои руки управление внутренними делами этой области (за исключением Иерусалима и Святых Мест),— то соглашение было бы гораздо более привлекательным для большинства евреев. Правительство его величества не хотело бы высказать предпочтение тому или иному решению вопроса. Как бы то ни было,

[1] «Согласен».

оно осведомлено, что международный протекторат встретит сопротивление со стороны части влиятельных еврейских общественных кругов.

Сообщая по телеграфу все вышеизложенное, сэр Эдуард Грей предписывает сэру Джорджу Бьюкенену испросить у российского правительства серьезного отношения к этому вопросу и удостоить его в возможно скором времени сообщением русской точки зрения.

13 марта 1916 года.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 161—162. Док. LXVIII).

№ 230. ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА РОССИЙСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ С. Д. САЗОНОВА ФРАНЦУЗСКОМУ ПОСЛУ В ПЕТРОГРАДЕ М. ПАЛЕОЛОГУ

Ссылаясь на памятные записки императорского министерства иностранных дел от 4/17 и 8/21 марта с. г., имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что в результате бесед моих с г. Жорж Пико, специальным делегатом французского правительства относительно признания соглашения, подлежащего заключению между Францией и Англией, об образовании государства или федерации арабских государств и о назначении территорий Сирии, Киликии и Месопотамии, императорское правительство готово утвердить соглашение, установленное на основах, которые ему были сообщены, при соблюдении следующих условий:

1) Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезонда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря к западу от Трапезонда.

2) Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией, и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен признает собственностью Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах с допущением изменений в деталях, могущих быть предложенными комиссией по разграничению, имеющей собраться впоследствии на местах.

Императорское правительство соглашается, сверх того, допустить сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, железнодорожных и других концессий, предоставленных французским гражданам оттоманским правительством. Если императорское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение состоится по соглашению с правительством республики.

Что касается учреждений, управлений, религиозных, школьных и больничных заведений и т. д., зависящих от этих двух наций, то они и впредь будут пользоваться привилегиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством. Во всяком случае, остается в силе, что, принимая означенную оговорку, оба правительства не имели в виду

требовать сохранения в будущем прав юрисдикции, религиозного протектората и капитуляций в областях, таким образом аннексируемых Россией и Францией, но лишь обеспечить дальнейшее существование учреждениям и заведениям, в настоящее время существующим, и открыть путь для переговоров между обеими державами после заключения мира.

Наконец, оба правительства допускают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих турецкие территории, должно принять участие в служебных органах оттоманского долга.

Сазонов.

13/26 апреля 1916 г.

(«Раздел Азиатской Турции», по секретным документам б. министерства иностранных дел, М., НКИД, 1924, стр. 185—186. Док. CIII).

№ 231. СЕКРЕТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО МАЛОАЗИАТСКИМ ВОПРОСАМ МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ЛОНДОНЕ И В ПАРИЖЕ 18/22 августа 1917 года

Меморандум итальянского посла в Лондоне Империали на имя британского статс-секретаря по иностранным делам Бальфура

Лондон, 18 августа 1917 года.

1. Итальянское правительство дает свое согласие на постановления, содержащиеся в пунктах 1 и 2 франко-британского соглашения от 9—16 мая 1916 года. Со своей стороны, французское и великобританское правительства признают за Италией, на тех же самых условиях в отношении управления и интересов, зоны зеленую и С...

2. Италия обязуется учредить в Смирне порто-франко, поскольку то касается торговли Франции, ее колоний и протекторатов, а также торговли Великобритании и зависящих от нее областей. Италия будет пользоваться правами и привилегиями, которые Франция и Великобритания взаимно обеспечили себе в портах Александретты, Кайфы и Акры, согласно пункту 5, упомянутых выше соглашений. Мерсина будет порто-франко, поскольку то касается торговли Италии, ее колоний и ее протекторатов, и в ней не будет установлено ни различия в режиме, ни преимуществ в отношении портовых сборов, в которых было бы отказано итальянскому флоту и товарам. Будет существовать свободный транзит через Мерсину и по железной дороге, пересекающей Аданский вилайет, для итальянских товаров, независимо от того, происходят ли эти товары из итальянской зоны или предназначаются туда. Никакой разницы в режиме не будет установлено прямо или косвенно за счет итальянских товаров на какой бы то ни было железной дороге, равно как за счет итальянских товаров и судов во всяком порте на протяжении Киликийского побережья, обслуживающего итальянскую зону.

3. Форма международного управления в коричневой зоне, о которой идет речь в пункте 3 упомянутого выше соглашения от 9—16 мая 1916 года, будет установлена в согласии с Италией.

4. Италия, поскольку то ее касается, дает свое согласие на постановления, содержащиеся в пункте 4 тех же соглашений относительно портов Кайфы и Акры.

5. Италия дает свое согласие, поскольку то касается зеленой зоны и зоны С, на... (пункт) 8 франко-английских соглашений относительно таможенного режима, который будет сохранен в синей и красной зонах, а также зонах А и В.

6. Решено, что интересы, которые каждая держава имеет в зонах, отходящих к другим державам, будут тщательно охраняться, но что державы, которых касаются эти интересы, не будут пользоваться ими, как средством для политических действий.

7. Постановления, содержащиеся в пунктах 10, 11 и 12 франко-английских соглашений касательно Аравийского полуострова и Красного моря, будут рассматриваться, как относящиеся равным образом и к Италии, как если бы эта держава была упомянута в этих статьях вместе с Францией и Англией в качестве договаривающейся стороны.

8. Решено, что в случае, если при заключении мира не окажется возможным обеспечить полностью в пользу одной или нескольких из союзных держав преимущества, предусматриваемые соглашениями, состоявшимися между названными державами касательно признания за каждой из них части Оттоманской империи, то при каждом изменении или переустройстве провинций Оттоманской империи, являющемся следствием войны, сохранение равновесия в Средиземном море будет должным образом принято в соображение сообразно с пунктом 9 Лондонского соглашения от 26 апреля 1915 года.

9. Решено, что настоящий меморандум будет сообщен российскому правительству для того, чтобы оно могло высказать свою точку зрения.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М., 1926, № 67, стр. 83—85).

№ 232. СЕКРЕТНОЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ЦЕЛЯХ ВОЙНЫ ПЕТРОГРАД — ПАРИЖ, 14 февраля/11 марта 1917 г.

I. Нота русского министра иностранных дел Покровского на имя французского посла в Петрограде Палеолога от 14 февраля 1917 года

В вашей ноте от сего числа ваше превосходительство благоволили уведомить императорское правительство, что правительство Республики имеет в виду включить в условия мира, которые должны быть предложены Германии, следующие требования и гарантии территориального характера:

1. Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции;

2. Границы должны быть распространены, по крайней мере, до пределов бывшего Лотарингского княжества и должны быть начертаны по усмотрению французского правительства таким образом, чтобы удовлетворить стратегическим потребностям и включить во французскую территорию весь лотарингский железный район и весь угольный район долины Саара.

3. Остальные территории, расположенные на левом берегу Рейна, которые ныне составляют часть Германской империи, должны быть окончательно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от нее.

4. Территории на левом берегу Рейна вне французской территории должны образовать автономное и нейтральное государство и должны быть заняты французскими войсками до того момента, пока неприятельские государства не выполнят целиком всех условий и гарантий, указанных в мирном договоре.

Ваше превосходительство отметили, что правительство Республики было бы счастливо рассчитывать на поддержку императорского правительства в деле выполнения своих планов... Я имею честь от имени российского правительства уведомить ваше превосходительство, что правительство Республики может рассчитывать на поддержку императорского правительства при выполнении своих указанных выше планов.

II. Телеграмма российского посла в Париже Извольского на имя министра иностранных дел Покровского от 11 марта 1917 года

...Правительство Французской республики, желая подтвердить важность договоров, заключенных с российским правительством в 1916 году для урегулирования при окончании войны вопроса о Константинополе и Проливах в соответствии с вожделениями России, желая, с другой стороны, обеспечить своему союзнику в военном и промышленном отношении все гарантии, нужные для безопасности и для экономического развития империи, признает полную свободу России в деле определения своих западных границ.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М., 1926, Док. 50, стр. 68—69).

№ 233. СЕКРЕТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ЯПОНИЕЙ ПО ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНЫМ ВОПРОСАМ, ЗАКЛЮЧЕНННОЕ В ТОКИО 16—21 фев. 1917 г.

I. Нота британского посла в Токио Конингама Грина на имя японского министра иностранных дел Мотоно Иширо от 16 февраля 1917 года

Ссылаясь на предмет нашего разговора от 27 минувшего месяца, правительство его британского величества с готовностью соглашается на просьбу японского правительства о заверении, что оно [британское правительство] будет поддерживать на мирной конференции притязания Японии в отношении распоряжения правами Германии в Шаньдуне и ее владениями на расположенных к северу от экватора островах; при этом установлено, что японское правительство в будущей процедуре заключения мира отнесется в том же духе к притязаниям Великобритании на германские острова, расположенные к югу от экватора.

II. Ответная нота Мотоно Иширо на имя Конингама Грина от 21 февраля 1917 года

Японское правительство глубоко ценит дружественный дух, в котором ваше правительство дало заверения, и счастливо отметить их, как новое доказательство близких уз, которые соединяют обе союзные державы. Я рад заверить, что японское правительство со своей стороны полностью готово поддержать в том же духе притязания, которые могли бы быть выдвинуты на мирной конференции в отношении германских владений на островах, расположенных к югу от экватора.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М. 1926. Док. 51, стр. 69).

№ 234. МЕМОРАНДУМ ПРУССКОГО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ фон-ЛЕБЕЛЯ от 29 октября 1914 г.

«О целях войны»

Некоторые соображения о целях, которых Германия может добиться при помощи победоносной войны, а также о целях, которых не стоит добиваться.

При заключении мира для нас играет роль только следующее:

«Что нам нужно и что могло бы нам пригодиться в интересах нашего великого национального будущего?» На этот вопрос необходимо ответить двояким образом:

1) Мы должны отказаться от того, что нам хотя и пригодилось бы, но чего мы не могли бы переварить.

2) Мы должны взять все, что нам хотя непосредственно не нужно, но должно быть отобрано у противника для того, чтобы он в будущем был слабее по сравнению с нами.

Нам могут пригодиться лучшие порты и более широкое побережье с более свободным выходом в мировой океан, более сильная континентальная позиция по отношению к английскому сопернику: мы нуждаемся в безусловной свободе морей, в колониях с удобными гаванями, которые можно защитить, — в колониях, снабжающих нас сырьем и способных стать рынками для сбыта, в колониях, способных жить своей собственной экономикой и отличающихся по сравнению с английской колониальной империей сплоченностью и свободой передвижения. Нам не нужны потерянные в мире позиции, которые нельзя удержать. Мы можем это все завоевать, идя по тому мировому политическому пути, на который вступил наш император и за который мы в первую очередь боремся. Нам нужна на западе граница, которая дала бы нам по возможности *ключ к Франции*. Нам могут пригодиться *районы угля и руды*, прилегающие непосредственно к нашей границе. С военной точки зрения желательно улучшить восточно-прусскую границу. *Наконец, нам нужна военная контрибуция, которая связала бы на долгое время Францию в экономическом отношении и лишила бы ее возможности развить в других частях света финансовую деятельность во вред нам.*

Это значит, что удовлетворение наших потребностей должно пойти в первую очередь за счет Франции, что необходимо фундаментальное изменение бельгийских условий, для чего необходимо добиться по меньшей мере сильных частичных успехов в борьбе с Англией, и что от России мы можем взять мало, или даже вовсе ничего не взять.

В политическом отношении *Великобритания стала теперь тем врагом, который противопоставил свои жизненные интересы нашим и с которым мы раньше или позже должны покончить*, так как Англия не хочет терпеть рядом с собой сильной, дееспособной Германии, играющей роль в мировой политике. Эта враждебность является картой в нашей будущей мировой исторической игре, и мы не можем и *не должны никогда надеяться, что удастся придти на основе половинчатого компромисса к соглашению, которое носило бы длительный характер...*

Франция является историческим врагом Германии, и мы должны были с этим веками считаться. Францию можно найти в любой враждебной нам комбинации. Если мы хотим это изменить в будущем, мы должны настолько ослабить Францию в отношении ее силы, территориальной мощи и в экономическом отношении и ослабить на долгое время для того, чтобы она не имела ни сил, ни средств вновь составлять заговоры, заостренные против нас. Покой на западе является вопросом нашей жизни и уже по одному этому мы должны заключить мир, главным образом за счет Франции. Этого тем легче добиться, что Франция имеет возможность предложить нам гораздо больше других государств. Что Франция является из всех наших противников самым храбрым, взявшимся за оружие по относительно благородным мотивам, — является фактом, не лишенным исторического трагизма. Но нам нечего заботиться о соображениях и воззрениях противника, и мы должны думать лишь о наших германских интересах и потребностях. В этой войне не разрешаются моральные вопросы...

Теперешняя война России с Германией основана на временных, а вовсе не на принципиальных противоречиях. Однако в первую очередь Россия хочет нас поразить как союзника Австро-Венгрии, поскольку она вообще сохранила контроль над своей политической волей в результате неопределенной политики последнего десятилетия, руководившейся не столько интересами страны, сколько инстинктом...

Говорят, что в результате этой войны мы должны будем разрешить польский вопрос. Это неверно. Собственно польский вопрос для нас существует лишь во внутренней политике. Исторически этот вопрос нельзя полностью разрешить, разве только против нас. Поскольку он мог быть разрешен в наших интересах, он был разрешен польскими разделами и венским конгрессом. И как раз разрешение вопроса, найденное с 1818 г., всегда приносило пользу князю Бисмарку в самых трудных положениях, когда нужно было обеспечить Пруссии — Германии надежное и решающее положение наряду с Россией и Австрией и между ними...

Нам неудобна самостоятельная сильная Польша, ввиду той притягательной силы, которую она может иметь на наши земли, заселенные поляками, без которых мы никогда не сможем обойтись. Но самое главное — это то, что сильная Польша будет относиться с симпатиями ко всем странам — к России, Австрии, Франции, Англии, но только не к нам...

Мы ни в коем случае не должны, благодаря успехам нашего оружия, сделать Австрию настолько сильной и установить такие границы с нею, что мы в будущем вынуждены будем добиваться ее дружбы даже в том случае, когда наши жизненные интересы указывали бы нам другие пути и мы должны были бы сохранить свободу действий...

Не так уже ошибаются люди, утверждающие, что война России с нами рождена не столько русско-французским союзом, сколько германско-австрийским. Дело в том, что Россия отнюдь не была для нас невыносимым соседом, напротив, она была

максимально удобным соседом в самые трудные наши времена...

Горнопромышленные районы, прилегающие к Верхней Силезии, представляли бы для нас экономическую ценность, но они нам не необходимы, зато кажется необходимой лучшая защита восточно-прусской границы на Немане и Нареве. Так тяжело пострадавшая теперь прусская провинция будет по праву требовать обеспечения, при котором она не боялась бы, что ее будущая работа по восстановлению всего разрушенного не станет вновь жертвой неприятельских нападений. Россия тем легче и безболезненней откажется от этих земель, не имеющих большого экономического значения, что в ее руках останутся ее польские земли...

Само собой разумеется, что вначале надо будет гораздо больше требовать от России для того, чтобы получить то, что мы желаем, и для того, чтобы она могла с большей легкостью примириться перед лицом всего мира с территориальной жертвой на границе.

Мир с Францией мы можем заключить лишь одновременно заключив его и с Англией. Ибо колониальные завоевания, которые мы должны сделать за счет Франции и Бельгии, будут носить иллюзорный характер, пока мировые морские пути не будут вновь свободны и мы не овладеем вновь своими старыми колониями. Закончив победоносно войну с Францией, мы не сможем оспаривать победу у Англии, поддерживаемой Россией...

Судьба Бельгии стоит в центре политических споров и представляет собой тяжелую проблему. Бельгийское побережье до Кале является, конечно, таким же заманчивым и даже желанным, как и прекрасный торговый порт Антверпен. Это означало бы однако полную аннексию Бельгии, с другой стороны, это была бы такая добыча, что Англия вела бы и должна была бы вести войну до конца ради того, чтобы вырвать ее из наших рук. Оккупация побережья Немецкого моря является пригодным средством для того, чтобы заставить Англию заключить выгодный для нас мир, если нам не удастся добиться решающих успехов на море. Если Англия будет долго отказываться от подобного мира, то оккупация неизбежно превратиться постепенно в аннексию. Мы должны будем поэтому считаться с тем, что нам, может быть, придется отказаться от своих наиболее смелых бельгийских надежд ради заключения подходящего мира с Англией. Этот выигрыш не следует недооценивать в случае, если мы не пойдем дальше частичных успехов в борьбе с Англией. Само собой разумеется, что подходящий мир с Англией должен был бы предусмотреть передачу бельгийского Конго в руки Германии.

Мы боремся за свое мировое политическое будущее. Для его обеспечения необходимо в первую очередь обладать достаточной территориальной и союзно-политической гарантией на континенте против нападений на метрополию — гарантией, которая по своей ценности была бы равна той, которую Англия имеет на морях. Эта гарантия нашей безопасности должна основываться на длительном ослаблении Франции и усилении нашей западной границы. Эта гарантия требует ликвидации бельгийских

условий[1], оказавшихся невыносимыми. Она (гарантия. — Ред.) должна предотвратить слишком далеко идущую славянизацию и колонизацию Австро-Венгрии. Она, наконец, не должна допустить, чтобы вновь поднялся сосед, мечтающий о реванше... Она, наконец, заставляет желать, чтобы Англия и Япония находились под постоянным давлением, исходящим от покоренной нами России, ибо так как Россия является мощной политической реальностью, от которой нельзя отмахнуться и мы не ощущаем потребности обогатиться за ее счет, то мы должны заботиться о том, чтобы использовать ее в наших всемирно-политических интересах.

Фон-Лебель».

Берлин, 29 октября 1914 г.

«Заговор против мира», факты и документы. М., 1934 г., стр. 151—155.

№ 235. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ И ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПО ПОВОДУ БЕЛЬГИЙСКОГО ВОПРОСА

Берлин, 31 декабря 1914 г.

Совершенно секретно.

«Имеем честь передать вашему превосходительству прилагаемую записку о судьбе Бельгии в случае решающей германской победы.

Министерство внутренних дел Дельбрюк.

Министерство иностранных дел Циммерман.

Его превосходительству господину рейхсканцлеру в Главную квартиру

Если теперешняя война закончится решающей победой германского оружия, надо будет обсудить вопрос о таком восстановлении Бельгии, как вассального государства, при котором она находилась бы в военном и экономическом отношении в распоряжении Германской империи, причем по форме (!) она должна была бы остаться по возможности свободной, и на нас не лежали бы обязанности, связанные с политической исполнительной властью.

I. Военное обеспечение Бельгии.

В военном отношении мы должны так обеспечить для себя Бельгию, чтобы при новой войне она уже не могла служить врагу в качестве опорного пункта для его операций.

1. Для этого необходимо, чтобы Германия установила свое фактическое господство над крепостями, побережьем и путями сообщения.

Для того, чтобы во всех случаях была обеспечена надежная связь германских оккупационных войск с родиной, необходимо, чтобы бельгийские пути сообщения, поскольку они обслуживают эту связь, находились в распоряжении германских войск.

Германские войска должны иметь всегда возможность пользоваться бельгийскими железными дорогами.

Необходимо также обеспечить, чтобы и другие пути сообщения находились в распоряжении германских оккупационных войск.

---

[1] Т.-е. бельгийской независимости! — Ред.

2. Обеспечение Бельгии в военном отношении возможно, однако, лишь в том случае, если Бельгии будет запрещено содержать свою собственную армию со своим военным командованием. Здесь возможны два пути:

а) Можно было бы обязать Бельгию распустить свою армию и сохранить лишь местную полицию для поддержания общественного порядка... Бельгия должна была бы взять на себя платежные обязательства по отношению к Германской империи. Подобное обязательство могло бы заключаться:

аа) в уплате раз навсегда установленной суммы. Эта форма носила бы неприятный характер контрибуции.

бб) Или же переложить на бельгийский бюджет все оккупационные расходы, включая расходы по содержанию и строительству укреплений.

3. Установленное в Бельгии военное положение оккупации приводит с железной необходимостью к другим ограничениям бельгийского суверенитета.

а) Поэтому германские гарнизонные войска должны подлежать своей юрисдикции. Это обязательно необходимо в той области, где действуют военно-полевые законы. Здесь даже придется потребовать, чтобы виновных в нападении на представителей германской армии судили по германским законам. Точно так же нельзя будет предоставить исключительно бельгийским властям право разрешать вопрос о возмещении за мирные работы для армии, за конфискации, порчу полей. Но даже и в области гражданского судопроизводства рекомендуется ввиду ожидаемого пристрастия бельгийских судов подчинить все дела лиц, принадлежащих германским оккупационным войскам, поскольку они являются ответчиками, германской юрисдикций.

б) Прочное военное господство над Бельгией немыслимо, пока бельгийское правительство сможет проводить свою собственную внешнюю политику.

аа) Таким образом, Бельгия должна была бы передать германскому правительству представительство своих интересов в международном масштабе.

бб) Она должна будет иметь право содержать собственных посланников в других странах.

сс) Бельгии нельзя будет даже оставить право иметь своих консульских представителей, так как можно ожидать, что бельгийское правительство, помышляющее об освобождении от германского влияния, использует этих консулов в качестве дипломатических представителей. Поэтому, пока Бельгия будет иметь свой самостоятельный торговый флаг, его будут защищать наши консульские представители.

с) При этих условиях Бельгия не могла бы вести свою собственную колониальную политику. Внутренняя и внешняя защита государства Конго также перешла бы к Германии.

д) В области внутреннего управления Бельгии Германская империя должна была бы оставить за собой право вето[1] против всех законов и административных мероприятий. В чрезвычайных случаях император дол-

[1] Наложение запрета. — Ред.

жен иметь право ввести осадное положение во всей Бельгии или в той или в другой области страны.

II. Экономическое проникновение в Бельгию.

Германия сможет приобрести решающее экономическое влияние в Бельгии лишь в том случае, если она максимально включит эту страну в германскую хозяйственную систему.

1. Для этого нужно в первую очередь принять Бельгию в германский таможенный союз... Дело идет, главным образом, о полном таможенном союзе...

с) Присоединение к германской таможенной территории должно произойти так, чтобы Бельгия не получила никакого права голоса в вопросах, касающихся таможенного союза. Напротив, она должна образовать не самостоятельную область таможенного союза, как это сейчас имеет место в Люксембурге. Бельгия была бы обязана немедленно ввести у себя все германские законы и распоряжения, касающиеся взыскания пошлин. Само взыскание пошлин должно быть поставлено под германский контроль.

2. В области транспорта нужно будет стремиться к установлению максимально тесной связи между Бельгией и Германией.

а) В железнодорожной области надо будет увеличить число железнодорожных линий, связанных друг с другом, добиться единообразия в порядке железнодорожной службы и принятия бельгийских ж.-д. дорог в германский железнодорожный союз.

б) Надо будет тесно связать систему бельгийских водных путей с германской и ввести по возможности одни и те же правила движения.

с) Германская империя должна будет обеспечить за собой право голоса в выработке железнодорожных и водных тарифов.

3. Было бы целесообразно привести денежную систему Бельгии в соответствие с германской системой. Для этой цели Бельгия должна была бы:

а) выступить из латинской монетной унии;

б) ввести марку в качестве денежной единицы и заключить с Германией монетный договор.

4. Кроме того, для защиты германской промышленности от бельгийского бросового экспорта необходимо было бы максимально уравнять условия в области социального и налогового законодательства.

а) Пришлось бы обязать Бельгию ввести у себя принципы германских законов в области рабочего страхования, защиты труда и германских законов о выдаче пособий...

б) Бельгия должна была бы обложить налогами доходы и продукцию так же, как в Германии...

с) И в законодательстве, касающемся синдикатов и картелей, Бельгия должна быть связана соответствующими германскими мероприятиями.

Эти требования уже по тому одному необходимо предъявить, что в противном случае производственный капитал начнет уходить из Германии и Бельгии, что принесло бы вред германскому хозяйству.

III. Окончательные выводы.

Приведенные выше необходимые ограничения бельгийского суверенитета настолько серьезны, что, судя по психологическим законам, действие которых подтверждено историей, бельгийское правительство и бельгийский народ почувствуют непобедимое стремление во что бы то ни стало от них освободиться. Безусловно ожидаемые попытки бельгийского правительства освободиться от своих оков путем сговора с враждебными нам странами, равно как и более или менее опасные повстанческие движения бельгийского народа, которых также можно будет с уверенностью ожидать, привели бы к насильственному вмешательству германской оккупационной армии, к вмешательству заграницы и пересмотру правового положения Бельгии.

(«Заговор против мира», факты и документы. М., 1934 г., стр. 156—159).

№ 236. МЕМОРАНДУМ О ЦЕЛЯХ ВОЙНЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ 20 мая 1915 г. ШЕСТЬЮ КРУПНЕЙШИМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ РЕЙХСКАНЦЛЕРУ

Ваше превосходительство!

Германские промышленные деятели в области сельского хозяйства и промышленности, ремесла и торговли твердо решили вместе со всем германским народом терпеливо выжидать, несмотря на все жертвы в этой борьбе не на жизнь, а на смерть, навязанной Германии. Выжидать для того, чтобы Германия вышла из этой борьбы внешне сильнее, с гарантией длительного мира, а вместе с тем и с гарантией обеспеченного национального, культурного и экономического развития внутри страны.

При наличии такой целеустремленности и такой на деле подтвержденной готовности целого народа приносить жертвы, циркулирующие по стране слухи о подготовке мирных переговоров и в особенности о подготовляющихся шагах к заключению сепаратного мира с Англией на основе определенных английских пожеланий и требований, — слухи, которые, казалось, нашли поддержку в некоторых сообщениях прессы, действуют вдвойне тревожаще.

Поэтому, повсюду принято с особым удовлетворением заявление «Норддейче Альгемейне Цейтунг» о том, что ни один здравомыслящий человек не должен думать о том, будто можно подвергать благоприятное военное положение Германии риску преждевременного заключения мира с каким-либо из ее врагов.

Эту решимость не смогло бы изменить и менее благоприятное или ненадежное военное положение, если только поставленная его величеством, кайзером, в области внешней и внутренней политики цель не будет упущена из вида, так как этой цели можно достигнуть только посредством мира, который обеспечил бы нам большую неприкосновенность границ на западе и востоке, расширение основ нашего значения на море и возможность беспрепятственного и мощного развертывания наших экономических сил, короче говоря, который дал бы политическое, военно-морское и экономическое распространение нашей власти, обеспечившее бы нам наибольшую силу во внешнем мире.

Мир, который не дает такого рода результатов, сделает неизбежными новые битвы при значительно менее выгодных для Германии перспективах. Поэтому, — никакого преждевременного мира, так как при за-

ключении такого мира ожидать каких-либо выгод от войны не приходится.

Не нужен также и такой мир, который согласно намеченным направлениям, не включал бы в себе полное политическое использование ожидаемых нами окончательных военных результатов!

Не следует недооценивать того обстоятельства, что полное использование военного положения для расширения мощи Германии во вне не только создает предпосылки для упрочения нашего будущего во внешнем мире, но и не менее важные предпосылки к тому, что самоотверженная целостность германского народа может стать полезной и для внутренней политики в течение будущего мирного периода.

Наш народ, безусловно, учтет военное вынужденное положение, ставящее даже самоотверженную выдержку, в конце-концов, перед непреодолимыми препятствиями.

Неуместная, не оправданная вынужденными обстоятельствами военного положения уступчивость при заключении мира, так же, как и преждевременное прекращение борьбы повлекли бы лишь к тому, что наши возвращающиеся домой воины, найдут лишь единственное последствие своей самоотверженности — давящее бремя налогов, что имело бы роковые последствия для внутреннего мира нашей родины. Кровавым жертвам сотен тысяч людей должен соответствовать и результат победы.

Какие отдельные условия, имея в виду их военное выполнение, — должны быть, по мнению нижеподписующихся организаций, осуществлены для того, чтобы так укрепить политическую, военную и экономическую мощь Германии, чтобы она могла спокойно противостоять всем возможностям будущего, приведены в нижевоспроизведенном письменном заявлении, направленном 10 марта с. г. Вашему превосходительству Союзом землевладельцев, Германским крестьянским Союзом, Центральным объединением германских промышленников, Союзом промышленников и Германским Союзом средней буржуазии, а также присоединившими свои подписи христианскими германскими крестьянскими союзами. Это письменное заявление гласит:

Нижеподписавшиеся корпорации занимались вопросом о том, как осуществить, так часто за последние месяцы обсуждавшуюся проблему, заключающуюся в том, что за этой войной должен последовать почетный мир, соответствующий понесенным жертвам и заключающий в себе гарантию того, что он будет продолжительным.

При разрешении этого вопроса ни в каком случае не следует забывать, что наши враги не перестают возвещать о том, что Германия должна быть уничтожена и вычеркнута из ряда великих держав. Против этих стремлений мы не найдем защиты в договорах, которые в подходящий момент можно попрать ногами, а только в настолько сильном экономическом и военном ослаблении наших противников, которое на определенное время могло бы обеспечить мир.

Наряду с условием создания колониального государства, полностью удовлетворяющего разносторонним экономическим интересам Германии, наряду с обеспечением нашей пошлиной и торговополитической будущности и достижением, целесообразного разрешения вопроса о репарациях, они видят основную задачу в навязанной нам борьбе в обеспечении и улучшении положения Германии в европейской системе по следующим направлениям:

Ввиду необходимости обеспечения нашего значения на море, ввиду нашей будущей военной и экономической позиции по отношению к Англии и ради тесной связи такой значительной с экономической стороны бельгийской области с нашей главной промышленной областью, Бельгия, т. е. вся ее пошлинная, денежная, банковская и почтовая системы должны быть подчинены германскому государственному законодательству.

Железные дороги и водные пути должны быть включены в систему нашего транспорта. В остальном, правительство и управление страной, при условии отделения Валлонской и Фламандской области и перехода в руки немцев наиболее значительных с точки зрения господства над страной хозяйственных предприятий и владений, должны направляться таким образом, чтобы население не приобрело никакого влияния на политические судьбы Германии.

Что касается Франции, то, исходя из той же точки зрения, что и в отношении нашей позиции к Англии обладание граничащей с Бельгией береговой территорией до Соммы и вместе с тем выход к Атлантическому океану должны рассматриваться как жизненный вопрос для нашего будущего могущества на море. Приобретаемая при этом позадилежащая местность должна быть измерена таким образом, чтобы было обеспечено полное стратегическое и экономическое использование полученных гаваней, каналов. Всякое дальнейшее приобретение французской территории, не говоря уж о необходимом присоединении богатых рудой областей Бриэ, должно производиться исключительно, исходя из военно-стратегических соображений.

Само собой разумеется, как явствует из опыта этой войны, мы не станем подвергать наши границы опасности вражеских вторжений, оставляя угрожающие нам крепости Верден и Бельфор и лежащий между ними западный склон Вогезов врагу.

С приобретением линии Мааса и французской зоны каналов, кроме вышеупомянутой области Бриэ, в наши владения перешли бы также угольный район департамента Севера и Па-де-Калэ.

Как вытекает само собой из Эльзас-Лотарингского опыта, эти приобретения предполагают, что население присоединенных областей должно быть лишено возможности оказывать политическое влияние на судьбы Германии и, что существующие в этих областях хозяйственные ресурсы, в том числе средние и крупные владения должны перейти в немецкие руки, таким образом, чтобы Франция возместила собственникам убытки.

В отношении Востока следует руководствоваться одним соображением, а именно: ожидающийся на Западе большой промышленный подъем должен найти противовес в приобретении на Востоке равноценной сельскохозяйственной области. Современная экономическая структура Германии так выявилась в настоящей войне, что необходимость сохранения ее на ближайшее будущее может быть отмечена, как единодушная уверенность нашего народа.

Необходимость укрепить также здоровый сельскохозяйственный базис нашего народного хозяйства, осуществить широкий план германского поселения в деревнях, а также возвращение в германское государство и в систему народного хозяйства, живущих заграницей, в частности в России, бесправных теперь немецких крестьян, в результате чего сильно возрастет наше обороноспособное население, — все это требует значи-

тельного расширения прусских и государственных границ в сторону Востока путем присоединения, по меньшей мере, Прибалтийских провинций и расположенных к югу от них территорий.

При этом нужно иметь в виду основную цель — сделать нашу восточную границу обороноспособной.

Восстановление Восточной Пруссии требует лучшего обеспечения ее границ посредством изменения их контура.

Западная Пруссия, Познань и Силезия также не должны оставаться подвергнутыми опасностям внешними рынками, которыми они являются теперь.

Что касается предоставления политических прав населению новых областей и обеспечения в них немецкого экономического влияния, то все сказанное в отношении Франции применимо и в данном случае.

Военные репарации России должны будут в большом объеме состоять в территориальных уступках.

Само собой разумеется, эти требования основываются на их военной выполняемости. На основании до сих пор достигнутого мы, однако, питаем полное доверие к нашей армии и ее командному составу и верим, что нами будет одержана победа, которая обеспечит достижение этих целей. Этих целей нужно добиваться не захватнической политики ради, а лишь потому, что только достижение этих целей даст гарантию продолжительного мира, которого ждет весь германский народ, принесший великие жертвы, не говоря уже о том, что, по нашему мнению, добровольное оставление на произвол судьбы вражеских территорий, на которых пролилось столько немецкой крови, в которых лежат бесчисленные гробы лучших сыновей нашего народа, не будет соответствовать пониманию и представлению народа о почетном мире.

Недостаток гаваней непосредственно у канала как раньше, так и теперь будет препятствовать размаху нашей политики на море. Самостоятельная Бельгия явилась бы поддержкой для Англии, ее точкой опоры против нас. Естественная линия укреплений во Франции в руках французов означала бы постоянную угрозу нашей границе. Россия же, если бы она вышла из войны без территориальных потерь, стала бы пренебрегать нашей силой и мощью, в то время как, с другой стороны, неприобретение сельскохозяйственной области на нашей Восточной границе уменьшило бы возможность усилить (противопоставив ее России) обороноспособность Германии путем увеличения народонаселения.

Доводим до сведения вашего превосходительства, что эти соображения, которые, за небольшими исключениями, разделяются не только нижеподписавшимися объединениями, но и кругами, которые пока еще не высказываются, мы одновременно вручили государственным министрам отдельных Союзных государств.

В дополнение к этому заявлению следует подчеркнуть, что политические, военные и экономические цели, которых германский народ должен добиться в интересах обеспечения своей будущности, находятся в тесной связи друг с другом и не могут быть отделены одна от другой.

Совершенно очевидно, что достижение больших политических целей зависит от боевой мощи и успехов нашей армии. Несомненно также, исходя из опыта этой войны, что именно в отношении продолжительности срока наши военные успехи и далее их использование в большой степени обусловлены экономической силой и трудолюбием нашего народа.

Если бы германское сельское хозяйство не было бы в состоянии, несмотря на все усилия врага, помешать этому, обеспечить питание нашего народа, и если бы германская промышленность, германский дух изобретательства и германская техника не были бы в состоянии сделать нас независимыми от заграницы в различных областях, мы, несмотря на блестящие успехи наших победоносных войск, в конце концов, были бы побеждены в навязанной нам борьбе.

Из этого следует, что и такие требования, которые, на первый взгляд, как будто имеют исключительно экономическое значение, если это необходимо для наибольшего усиления нашей национальной мощи, могут представлять интерес и с военной точки зрения.

В особенности это относится к поставленным в заявлении требованиям, с одной стороны приобретения сельскохозяйственных поселенческих районов и, с другой стороны — конфискация рудного района Мерта и Мозеля, а также французский угольный район Департамента Севера и Па-де-Калэ рядом с Бельгией.

Приобретение достаточного сельскохозяйственного поселенческого района неизбежно не только в интересах расширения сельскохозяйственного базиса нашего народного хозяйства и поддержания таким образом признанного в настоящей войне чрезвычайно необходимым счастливого равновесия всего нашего хозяйства, но и для обеспечения вытекающих из развитого сельского хозяйства источников нашей национальной народной мощи, в особенности нашего прироста населения, а вместе с этим и для усиления нашей военной мощи.

Приобретения вроде вышеупомянутых угольного и богатого рудами районов представляют собой интерес не только с точки зрения нашего промышленного роста, — они являются военной необходимостью, как явствует из следующего:

Ежемесячное производство чугуна в Германии с августа 1914 г. вновь поднялось до, приблизительно, 1 000 000 тонн, т. е. оно приблизительно удвоилось. Ежемесячное производство стали достигло более 1 000 000 тонн. Вместе с тем в чугуне и стали не только нет избытка, но, наоборот, ощущается недостаток внутри страны, а еще больше в нейтральных государствах.

Производство гранат требует стали и железа в таком количестве, о котором раньше редко кто-либо имел представление. Даже для гранат, на производство которых требуется небольшого добавления стали идет за последние месяцы минимум 4 000 тонн чугуна ежедневно. Точными цифрами в данный момент мы не располагаем. Несомненно, однако, одно — если не увеличить производство чугуна и стали вдвое по сравнению с сентябрем, продолжение войны стало бы невозможным.

В качестве основного материала для производства такой массы чугуна и стали на передний план выступает преимущественно минетта, т. к. только эту руду можно добывать во все возрастающем количестве внутри страны.

Производство других районов сильно ограничено, а экспорт, даже шведских руд так затруднен, что во многих местах и за пределами Люксембурга и Лотарингии минетта покрывает от 60 до 80 процентов потребности в железе и стали. Если бы добыча минетты была нарушена, войну можно было бы считать потерянной.

Как, однако, обстоит дело с добычей минетты в настоящей войне и как оно будет обстоять в будущем.

Если крепость Лонгви вместе с прилегающими к ней многочисленными доменными печами будет отдана обратно французам, то в новой войне с дальнобойными орудиями вышли бы из строя в течение нескольких часов следующие германские и люксембургские заводы:

Родинген	на расстоянии	7	клм.	от Лонгви
Диффердинген	»	10	»	»
Эш	»	16—17	»	»
Эттинген	»	21	»	»
Рюмелинген	»	21	»	»
Дюделинген	»	25	»	»

Таким образом, лишь по приблизительной оценке 20 процентов германского производства чугуна и стали отпадет.

Взгляд, брошенный на карту покажет также, что, например, Жарни (минеттовая шахта Феникс) находится на расстоянии 33 километров от Вердена и что западные рудные концессии у Ландра и Конфлана находятся в 26 километрах от Вердена. Мы сейчас обстреливаем Дюнкерк на расстоянии 38 километров. Поверит ли кто-нибудь тому, что французы упустят в будущей войне момент и не установят в Лонгви и Вердене дальнобойные орудия для того, чтобы сделать для нас невозможной добычу руды и производство чугуна.

Заметим, между прочим, что высокая добыча стали из минетты дает одновременно возможность снабжать германское сельское хозяйство при прекращении ввоза фосфата необходимой фосфорной кислотой.

Укрепление Германии для будущей войны властно требует обладания всеми месторождениями минетта, включая крепость Лонгви и Верден, без которых их нельзя будет удержать.

Обладание большим количеством угля и в особенности углем с большим содержанием батума, в большом количестве имеющимся в северном французском бассейне является в такой же мере решающим в вопросе об исходе войны, как и железная руда.

Бельгии и Северной Франции вместе требуется более 40 000 000 тонн.

В настоящее время, как это видно из объявленного 15 мая английского декрета о запрещении вывоза угля, последний является политическим фактором решающего значения. Промышленные нейтральные государства должны будут стать на сторону той военной партии, которая сможет обеспечить ее углем. В настоящее время мы не можем сделать это в достаточной степени и вынуждены уже теперь возвратиться к вопросу о бельгийской угольной продукции для того, чтобы наши нейтральные соседи не попали целиком в зависимость от Англии.

Вполне вероятно, что целеустремленное способствование подъему бельгийской угольной промышленности еще в этой войне будет иметь наибольшее значение в деле сохранения в силе нейтралитета некоторых соседних государств.

То, что коксующийся или же Vergasbare Kohle уголь является базой для наших важнейших взрывчатых материалов должно быть всем известно, так же как и значение угля в получении аммиака.

Кроме того, ряд продуктов, получаемых из угля, как, например, бензол, является единственным заменителем недостающего нам бензина, смола (деготь) дает такие необходимые для морского флота горючие масла, антраценоль (Anthrazenol) представляет собой заменитель для смазочных целей и нафталин — элемент для искусственного керосина. Следует указать, к тому же, что своевременное оборудование вооружения торпедных катеров и подводных лодок невозможно без достаточного количества горючих веществ. Ход этой войны показал превосходство применения жидкого топлива над твердым (угольным) в торпедных катерах и при этом в такой степени, что было бы непростительным легкомыслием не сделать из этого выводы для будущего.

Если враждебные нам соседи гарантируют себе нефтяные источники, Германия должна постараться обеспечить себе газовый и жирный угли и должна создать в мирное время из них неистощимые источники масла, бензола, толуола, аммиака, нафталина. Это необходимо не только для увеличения благосостояния в мирный период, но и для необходимых вооружений.

Подводя итоги, можно сказать, что цели, при посредстве которых мы стараемся укрепить нашу боевую готовность, являются одновременно целями, гарантирующими нам нашу военную силу и вместе с тем нашу политическую независимость и мощь, не говоря уж о том, что они умножают результаты наших трудов путем расширения наших возможностей в области деятельности и таким образом служат на пользу всему рабочему классу.

Следуют подписи.

(Опубликовано в «Альдейчен Блеттерн» 23/XII, 1916 г., № 52. „Europäischer Shithess Geschichtskalender" 1915. Teil 2, S. 1400—1405).

ПОПЫТКИ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

№ 237. РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

7 февраля/25 января 1916 г.

Телеграмма № 56. Строго лично.

Считаю нужным предупредить вас, что внутренние русские дела вызывают здесь большее беспокойство, чем это можно заключить из вынужденного молчания влиятельной прессы. Только вчерашний „Sundoy Times" составляет исключение. Существует беспокойство в том смысле, что общественное мнение задается вопросом, не могут ли крайние затруднения (момента) вынудить Россию пойти на сепаратный мир. Эта тревога становится слишком заметной, чтобы я не мог не обратить на это ваше внимание.

Бенкендорф.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. X, стр. 163. Док. 153).

№ 238. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ БЕНКЕНДОРФУ

10 февраля/28 января 1916 г.

Телеграмма № 475. Лично.

С назначением нового председателя совета министров нарушенное при его предшественнике взаимное доверие между правительством и

членами законодательных палат вновь восстанавливается. Общественные круги, как о том свидетельствуют многочисленные обращения земских учреждений, встречают Штюрмера сочувственно. Несмотря на длительность войны, по всей России настроение остается бодрым, и для борьбы с дороговизной в больших городах постепенно налаживается подвоз жизненных припасов, имеющихся в стране в избытке. Благоволите поэтому приложить старания к успокоению англичан. Что же касается предположений о возможности заключения Россией отдельного мира, то после принятых нами на себя перед союзниками обязательств и ввиду неоднократно уже заявленного твердого намерения как императорского правительства, так и русского общества довести войну до благоприятного нам окончания, означенные предположения представляются мне смешными и требуют с вашей стороны самого решительного отпора.

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. X, стр. 183. Док. 177).

№ 239. ЯПОНСКИЙ ПОСОЛ В ПЕТРОГРАДЕ МОТОНО ЯПОНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ИНОУЭ

Телеграмма [1]

Наш посланник в Стокгольме послал министру иностранных дел следующую телеграмму:

«Здешний русский посланник выехал отсюда 11 февраля в Россию с целью свидания с сыном, который в ближайшем будущем отправляется на фронт. Так как эта причина мне показалась подозрительной, я стал наводить справки, причем оказалось, что директор шведского телеграфного агентства Эклунд, который в хороших отношениях с здешним германским посланником, в конце января имел беседу с русским посланником, которая продолжалась приблизительно четыре часа и касалась вопроса о сепаратном мире между Россией и Австро-Германией.

Кроме того, Эклунд меня посетил 19 февраля и заявил мне, что если Россия в настоящее время еще не решается заключить сепаратного мира, то исключительно из боязни перед Японией.

Если бы Япония заключила сепаратный мир, Россия последовала бы ее примеру, и тогда Япония получила бы возможность разделить Китай совместно с Германией и Россией» [2].

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. X, стр. 249—250. Док. 239).

№ 240. РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОСЛУ В ПАРИЖЕ ИЗВОЛЬСКОМУ

Телеграмма № 1044. 14/1 марта 1916 г.

По просьбе бывшего министра юстиции Щегловитова благоволите опровергнуть появившееся во французской печати известие, будто он

---

[1] Телеграмма расшифрована и переведена с японского в росс. м-ве ин. дел.

[2] Памятной запиской за № 200 (не датированной) японское пос-во в Петрограде извещало Сазонова о том, что японское прав-во не намерено входить в обсуждение вопроса о заключении сепаратного мира с герм. прав-вом и что если у Германии действительно имеются такие намерения, то со своими предложениями ей надлежит обратиться непосредственно к прав-вам Японии, Англии, Франции и России.

и другие его политические единомышленники высказывались в пользу скорейшего мира с Германией[1].

Сазонов.

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. X, стр. 404. Док. 364).

№ 241. ЯПОНСКИЙ ПОСОЛ В ПЕТРОГРАДЕ МОТОНО ЯПОНСКОМУ ПОСЛУ В ЛОНДОНЕ ИНОУЭ

8 апреля/26 марта 1916 г.

Я уполномочен министром иностранных дел передать вам следующую циркулярную телеграмму:

«Телеграмма от нашего посланника в Стокгольме за № 35 от 2 апреля. До сих пор было неясно, представлял ли разговор г. Эклунда, о котором я телеграфировал в последней части моей телеграммы за № 20, выражение взглядов германского правительства, или нет. Теперь прибыл сюда германский экспедитор Гуго Стиннес (Мюльгейм) и просил нашего нештатного консула Линдберга устроить ему со мной свидание. Согласно его желанию, я 1 апреля имел весьма секретное свидание с здешним германским посланником фон Люциус, который мне заявил, что, по его мнению, уже настало время заключить мир между Японией и Германией. Россия на самом деле также желает мира, но представители правительства опасаются общественного мнения и... посла Мотоно и медлят.

Я ответил, что у Японии не только нет надобности ускорить мир, но вообще сепаратный мир с Германией невозможен. Союзные государства также не могут допустить, чтобы Россия заключила сепаратный мир.

Посланник сказал, что в таком случае нет надежды, чтобы когда-либо был восстановлен мир. Не будет ли лучше, если Япония, Россия и Германия секретно и неофициально начнут обсуждение в виде приготовления для начала общих мирных переговоров всех воюющих держав.

Я ответил, что не имею полномочий вести мирные переговоры, но что я сообщу о его словах японскому правительству.

Когда посланник сказал, что он не желал, чтобы казалось, как будто Германия теперь просит мира, и этими словами хотел закончить разговор, присутствующий на этом свидании Гуго Стиннес сказал, что он сожалеет, что сегодняшнее свидание кончится безрезультатно. Через посредство японского правительства следовало бы пригласить вли-

---

[1] В письме от того же числа Щегловитов писал Сазонову: «Во вчерашнем заседании Государственной Думы член Думы Савенко, сославшись на русскую и французскую печать, удостоверял, что я, Маклаков, и барон Таубе представляли в высокие сферы записку о необходимости заключения мира с Германией. Подобное удостоверение (?), уже опровергавшееся в русской печати, требует самого решительного опровержения и во Франции».

Письмом от 15/2 марта Маклаков обратился к Сазонову с аналогичной просьбой, указывая при этом, что как он, так и Щегловитов придают большое значение тому, чтобы «в прессе союзного с нами государства не оставались без опровержения обвинения вздорные, необоснованные, ложные и порочащие имена людей, всегда только сочувственно относившихся к нашим союзникам и недопускавших никогда и мысли о возможности заключения мира с нашими врагами иначе, как до полной победы над ними и в полном соответствии с царскими всенародно объявленными словами и с достоинством великодержавной России».

ятельного местного представителя России и устроить затем между Японией, Россией и Германией неофициальный обмен мнений относительно условий мира. Если будет надежда, что мир может быть заключен, обе стороны могли бы сообщить об этом своим союзникам и обсудить с ними результаты переговоров, которые каждое государство в отдельности вело за это время.

Я ответил, что, по-моему мнению, невозможно, чтобы японское правительство вступило с русским правительством в переговоры относительно посылки представителя.

Гуго Стиннес меня затем спросил, каковы мирные условия Японии. Я ответил, что не имею никаких сведений. Он заявил о желательности сохранить это дело в секрете. Он не сообщит об этом свидании никому, кроме двум-трем представителям правительства, и просил бы поэтому, чтобы и мы, кроме представителям правительства, не делали никаких сообщений англичанам. После совещания с одним высоким сановником он попросит о новом свидании.

Это — директор общества „Luxemburger Bergmerk"—влиятельное лицо, хорошо знакомое с Бетманом-Гольвегом, которое, по его словам, знакомо со взглядами правительства и прибыло сюда специально для мирной агитации».

(Международные отношения в эпоху империализма, серия III, т. X, стр. 594—595. Док. 479).

№ 242. МИРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА от 12 декабря 1916 года

Самая ужасная война, которую история когда-либо видела, свирепствует, скоро в течение двух с половиною лет, в большей части света. Эта катастрофа, которую не могли сдержать узы совместной тысячелетней цивилизации, грозит человечеству в его наиболее ценных достижениях. Она угрожает превратить в обломки духовный и материальный прогресс, который составлял гордость Европы в начале двадцатого столетия.

Германия и ее союзники, Австро-Венгрия, Болгария и Турция показали в этой борьбе свою непреодолимую силу. Они одержали значительные успехи над своими врагами, превосходящими их численностью и военным материалом. Ряды их войск непоколебимо стоят перед непрекращающимися нападениями неприятельских войск. Недавнее наступление на Балканах было быстро и победоносно отброшено. Последние обстоятельства показывают, что и дальнейшее продолжение войны не может побороть силы их сопротивляемости, а что общее положение скорее дает основание ожидать дальнейших успехов.

Для защиты своего существования и свободы своего национального развития четыре союзные державы были принуждены взяться за оружие. Славные дела их войск ничего в этом не изменили. Они держались всегда того убеждения, что их собственные права и обоснованные притязания не стоят ни в каком противоречии с правами других наций. Они не имеют целью разгромить и уничтожить своих противников.

Руководимые сознанием своей военной и хозяйственной силы и готовые продолжить в случае надобности до крайних пределов навязан-

ную им борьбу, но воодушевленные одновременно желанием предупредить дальнейшее кровопролитие и положить конец ужасам войны, четыре союзные державы предлагают немедленно приступить к мирным переговорам. Предложения, которые они представят на этих переговорах и которые будут направлены к тому, чтобы обеспечить существование, честь и свободу развития их народов, составляют, по их убеждению, подходящую основу для восстановления длительного мира.

Если, несмотря на это предложение мира и примирения, борьба должна была бы продолжаться, то четыре союзные державы полны решимости довести ее до победного конца. Они, однако, торжественно слагают с себя всякую ответственность в этом перед человечеством и историей.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 57—58. Док. 44).

№ 243. МИРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА от 18 декабря 1916 г., ПЕРЕДАННОЕ ЧЕРЕЗ ПОСЛОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

...Президент полагает, что наступило время получить от всех воюющих ныне держав соображения как об условиях, на которых война могла бы быть закончена, так и о формах, которые, по их мнению, могли бы быть признаны в качестве действительной гарантии против ее возобновления или недопущения подобных конфликтов в будущем,— дабы было возможно откровенно сравнить все эти соображения...

Он берет на себя смелость обратить внимание на то обстоятельство, что те цели, которые имеют в виду на обеих сторонах в этой войне государственные люди воюющих,— на деле одни и те же, насколько это видно из тех общих обращений, которые они делают своим народам и всему миру. Каждая сторона желает, чтобы на будущее время права и привилегии слабых народов и малых государств были ограждены против нападений или против отрицания их права на существование, в такой же мере, как и права, и привилегии великих и могущественных стран, ныне воюющих. Каждый желает обеспечить себя на будущее время, наравне с другими нациями и народами, против возвращения войн, подобных этой, и против нападения или эгоистического вмешательства всякого рода. Каждый, желая предупредить возможность неопределенного равновесия власти, осложненного возрастающими подозрениями, смотрел бы неодобрительно на дальнейшее образование враждующих между собою союзов. Но каждый готов войти в обсуждение вопроса об образовании некоей Лиги наций для обеспечения мира и справедливости на всем свете. Но, прежде чем можно будет перейти к этому последнему шагу, каждый считает необходимым разрешить прежде всего вопрос об исходе настоящей войны на условиях, могущих верным образом обеспечить независимость, территориальную целость и политическую и торговую свободу замешанных в конфликте наций.

В тех мерах, которые должны быть приняты для того, чтобы обеспечить будущий всеобщий мир..., Соединенные Штаты заинтересованы столь же жизненно и непосредственно, как и воюющие ныне правительства. Кроме того, их интерес к мероприятиям, могущим освободить малые и более слабые народы от опасности причинения зла и насилия,

столь же решителен и горяч, как интерес любого другого народа или правительства... Но война должна быть прежде всего закончена. Условия, на которых она должна быть закончена, они не берут на себя смелости предлагать, но президент считает себя вправе и считает своей обязанностью отметить проявляемый ими (Штатами) искреннейший интерес к окончанию войны, ибо существует опасность, что иначе будет слишком поздно достигнуть великих задач, возникающих после ее окончания, что положение нейтральных наций, уже ныне чрезвычайно тяжелое, сделается совсем невыносимым и что, и это самое главное, цивилизации будет нанесен удар, который нельзя будет смягчить или исправить.

Президент поэтому считает себя в полном праве поднять вопрос о немедленном сравнении тех точек зрения, которые должны предшествовать окончательному соглашению о всеобщем мире, которого все желают и в каковом соглашении нейтральные нации, наравне с нациями воюющими, готовы играть вполне ответственную роль. Если борьба должна продолжаться для того, чтобы итти к неопределенным целям путем медленного истощения до тех пор, пока та или другая группа воюющих не выбьется из сил, если должны итти на заклание миллион за миллионом человеческих жизней до тех пор, пока та или другая сторона не будет больше располагать людьми, то можно опасаться достижения такого состояния мрачной злобы, которое никогда не удастся стереть, а также появления глубокого отчаяния, от которого не будет спасения, и все надежды на мир и добровольное соглашение свободных народов сделаются пустыми и безнадежными.

Жизнь повсеместно испытала глубокое потрясение. Все части великой семьи человечества ощутило тяготы и ужас не имевшего прецедента столкновения. Ни один народ в цивилизованном мире, поистине, не может быть уверенным, что ему удастся остаться вне растлевающего влияния или оградиться от разлагающих последствий этого столкновения и, несмотря на это, конкретные цели, из-за которых оно происходит, никогда не были точно установлены.

Руководители воюющих стран в общих выражениях, как сказано, излагали эти цели. Но, высказанные в общих выражениях, они кажутся одинаковыми на обеих сторонах. Никогда еще авторитетные голоса не излагали точно тех задач, которые, в случае их достижения, удовлетворили бы их самих и их народы в такой мере, чтобы война могла бы быть окончена. Каждый свободен предполагать, какие конечные результаты, какой реальный обмен гарантиями, какие политические или территориальные изменения или исправления, даже какая степень военного успеха — могли бы привести войну к концу.

Может быть, мир ближе, чем мы думаем. Может быть, условия, на которых воюющие обеих сторон считали бы нужным настивать не столь несогласуемы, как того боятся. Может быть, обмен мнениями расчистил бы, по крайне мере, пути для переговоров и сделал бы надежду на постоянное согласие между нациями возможной в ближайшем будущем, а соглашение между нациями непосредственно осуществимым.

Президент не предлагает мира, он даже не предлагает посредничества, он только предлагает, чтобы было приступлено к зондировке, дабы мы все — нейтральные и воюющие — могли узнать, насколько

близка пристань мира для всего человечества, которое стремится к нему с настойчивым и все увеличивающимся вожделением...

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 58—60, Док. 45).

№ 244. НОТА ДЕРЖАВ СОГЛАСИЯ, СОДЕРЖАЩАЯ ИХ ОТВЕТ НА МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА, ПАРИЖ, 28 декабря 1916 года (10 января 1917 года)

3.... Союзники испытывают столь же глубокое, как и правительство Соединенных Штатов, желание видеть войну, за которую ответственны центральные империи и которая причиняет человечеству столь ужасные страдания, оконченной возможно скорее. Но они полагают, что невозможно уже сегодня достичь мира, могущего обеспечить им репарации, реституции и гарантии, на которые они имеют право, в связи с тем нападением, ответственность за которое падает на центральные державы и которое имело конечной целью разрушить спокойствие Европы,— мира, который, с другой стороны, позволил бы построить на прочной основе будущее европейских наций. Союзные нации знают, что они сражаются не за эгоистические интересы, но за охрану независимости народов, права и человечества.

4. Союзники отдают себе полностью отчет в жертвах и страданиях, которые война наносит нейтральным, равно как и воюющим, они сожалеют об этом, но они не считают себя за это ответственными, так как они никоим образом не желали и не вызывали этой войны. Они пытаются уменьшить этот вред во всей мере, совместимой с неумолимыми требованиями самозащиты против насилия и козней врага.

6. Союзные правительства считают нужным самым дружественным, но самым решительным образом протестовать против приравнения, проведенного в американской ноте между двумя группами воюющих. Это приравнение, основанное на публичных декларациях центральных держав, находится в прямом противоречии с очевидностью как в отношении ответственности за прошлое, так и в отношении гарантий будущего...

9. Вильсон... желает, чтобы воюющие державы объявили с полной ясностью цели, которыми они руководствуются, продолжая войну. Союзники не испытывают никакого затруднения в ответ на этот вопрос. Их цели войны хорошо известны. Они были формулированы несколько раз главами их правительств. Эти цели войны будут подробно разъяснены, со всеми компенсациями и справедливыми вознаграждениями за понесенные убытки лишь в момент переговоров. Но цивилизованный мир знает, что они в полной мере и в первую очередь включают: восстановление Бельгии, Сербии и Черногории и должное им вознаграждение, эвакуацию занятых во Франции, в России и в Румынии территорий со справедливой компенсацией, реорганизацию Европы, гарантированную прочным режимом, покоящимся как на уважении к национальностям и на праве на полную безопасность и на свободу экономического развития, которым обладают все народы малые и великие, так и на территориальных соглашениях и на международном уговоре, могущем гарантировать сухопутные и морские границы против необоснованных нападений; возвращение провинций или территорий, вырванных у союзников силою или против желания населения; освобождение

итальянцев, румын, чехов и словаков от иностранного господства; освобождение народов, находящихся под кровавой тиранией турок; изгнание «вон из Европы» Оттоманской империи, решительно чуждой западной цивилизации. Намерения е. в. имп. всероссийского по отношению к Польше были ясно указаны в воззвании, с которым он обратился к своим армиям.

10. Само собой разумеется, что, поскольку союзники желают избавить Европу от грубых вожделений прусского милитаризма, в их намерения никогда не входило стремиться, как то утверждают, к полному истреблению германских народов и к их политическому уничтожению; они хотят прежде всего обеспечить мир на основах свободы и справедливости, на нерушимой верности международным обязательствам, которой всегда руководствовалось правительство Соединенных Штатов...

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 61—62. Док. 47).

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ США

№ 245. ИЗ АРХИВА ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

В ответ на ноту Вильсона от 15 мая[1] с требованием, чтобы германское правительство принесло извинения за действия командира подводной лодки, потопившей «Лузитанию» и дало заверения в том, что подобные действия больше не повторятся, немцы две недели спустя, 28 мая, ответили, что «Лузитания» была вооружена, как крейсер, служила транспортным судном и являлась, таким образом, военным судном. Президент в своем отчете от 9 июня показал, что он не намерен позволить кому-то бы ни было запутать дело. Он отверг германские утверждения и объявил их неприемлемыми. Он обосновал свой протест высшими побуждениями, не связанными с техническими подробностями дела.

«Потопление пассажирских судов, — писал он, — затрагивает основы человечности, отодвигающей на задний план какие бы то ни было особые обстоятельства, которые могли бы оправдать подобные случаи. Императорское германское правительство несомненно не замедлит признать и согласиться с этими принципами, обсуждение которых выходит за пределы обычных объектов дипломатических переговоров и международных споров...

Правительство США стремится к гораздо большему, чем соблюдение прав собственности или торговых привилегий. Оно стремится к соблюдению высоких священных прав человечества, которые всякое правительство уважает и от которых ни одно правительство не вправе отказаться в отношении тех, кто находится под его защитой и властью.

Правительство США не может допустить, чтобы провозглашение военной зоны, в стороне от которой предложено держаться нейтральным судам, смогло бы в какой-либо степени ущемить права американских судовладельцев или американских граждан, совершающих законные поездки в качестве пассажиров, на торговых судах воюющих стран. Оно полагает, что императорское германское правительство не намерено оспаривать эти права. Оно также считает установленным фактом тот принцип, что жизни мирных людей не могут быть подвергнуты опасно-

[1] 1915 г. — Сост.

сти пленением или истреблением несопротивляющегося торгового судна, и настаивает на принятии необходимых мер предосторожности при установлении принадлежности заподозренного торгового судна воюющей стороне или того, везет ли это судно военную контрабанду под нейтральным флагом. Следовательно, правительство США вправе полагать, что императорское германское правительство примет все необходимые меры для того, чтобы эти принципы были применены на практике в отношении охраны жизни американских граждан и американских судов и требует заверений в принятии всех этих мер в будущем».

Эта нота, посланная 9 июня, привела к отставке Брайана.

(«Архив полковника Хауза», т. II, М., 1937, стр. 4—5).

8 июня 1915 г. мистер Брайан подал в отставку и в своем письме к президенту заявил: «Повинуясь своему сознанию долга и, будучи побуждаем высшими мотивами, вы приготовили для передачи германскому правительству ноту, к которой я не могу присоединиться, не нарушая того, что считаю моим обязательством перед своей страной. Этот вопрос имеет такое важное значение, что оставаться членом кабинета было бы нечестно как в отношении вас, так и в отношении дела, наиболее близкого моему сердцу, а именно, дела предотвращения войны». Отставка должна «последовать после отправки ноты, если только вы не предпочитаете более ранней отставки».

Осаждаемый репортерами, как только отставка стала известна, мистер Брайан сказал:

«Разногласия между президентом и мною по вопросу об этих нотах не возникли внезапно сегодня или на этой неделе. Они существовали со времени дела Фалаба. У нас было много бесед, связанных с этим вопросом, и различие наших взглядов постепенно увеличивалось. Наконец мы пришли к соглашению разойтись. Мы решили это на прошлой неделе».

(Mc. Master, T. B. The United States in the world war 1914—1918, N-York—London, 1933, стр, 106).

№ 246. ОБРАЩЕНИЕ БРАЙАНА «К АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ»

«Пред вами текст ноты, подписать которую явилось бы моим служебным долгом, если бы я оставался министром иностранных дел.

Я прошу вас по справедливости судить о моем решении лучше выйти в отставку, чем разделить ответственность за нее (ноту)...

В данном случае разногласие имелось не между лицами, а между системами. [Применяя их правительства употребляют либо силу, либо убеждение]. Сила выступает с твердостью и действует путем ультиматумов. Убеждение применяет доводы, судебные обследования и зависит от переговоров. Сила представляет старую систему, систему, которая должна исчезнуть. Убеждение представляет новую систему, систему, которая растет, правда, слишком медленно, но растет в течение 1900 лет.

[Если Брайан] «правильно истолковал ноту Германии, она скорее соответствует нормам старой системы, чем правилам новой» [и он с готовностью допустил], что это достаточно подкрепляется прецедентами, вписанными кровью почти в каждую страницу истории человечества.

Наиболее современным примером является Австрия. Именно твердость Австрии, продиктовавшая ультиматум Сербии, привела мир к войне.

Дерево познается по его плодам. Война в Европе есть зрелый плод старой системы. Это то, что твердость, поддержанная силой, сделала в старом мире. Должны ли мы пригласить ее за океан? Шовинисты уже заразились бешенством от собак войны. Должны ли противники организованной бойни молчать, в то же время, как зараза распространяется?».

(Mc. Master, T. B. The United States in the world war 1914—1918, N-York – London 1933, стр. 111—112).

№ 247. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ВИЛЬСОНА СЕНАТУ О ПРИНЦИПАХ МИРА, ВАШИНГТОН, 22 января 1917 года

Господа сенаторы! 18 минувшего декабря я обратился с тождественною нотою к правительствам воюющих наций, в которой просил их высказаться более определенным образом, чем это до сих пор было сделано тою и другою из воюющих сторон, относительно тех условий, на которых они полагали бы возможным заключить мир... Центральные европейские государства единогласно ответили лишь в том смысле, что они готовы встретиться со своими врагами на конференции для того, чтобы сообща обсудить условия мира. Государства четверного согласия дали значительно более определенный ответ.

Они заявили..., какие соглашения, гарантии и искупительные акты они сочли бы неизбежным условием мирного договора. Таким образом, мы значительно приблизились к определенному обсуждению того мира, которым закончится настоящая война...

Немыслимо, чтобы Соединенные Штаты уклонились от участия в этом великом деле. Задача наша заключается в следующем: присоединить наш престиж и наше могущество к престижу и могуществу прочих наций с целью обеспечить всему свету мир и справедливость... Я имею в виду изложить перед вами свои взгляды на эти (вопросы). Эта война должна быть сначала закончена. Но, из уважения к истине человечества, мы должны заявить, что, поскольку мы примем участие в заключении будущего мира, для нас не безразлично, каким образом и на каких условиях эта война закончится. Трактаты и соглашения, которыми она завершится, должны заключать условия мира, которые были бы достойны обеспечения и охранения и заслуживали бы одобрения человечества, а не только служили бы различным интересам и непосредственным целям воюющих народов. Наше мнение о том, какие условия являются основными и необходимыми для долговечности договоров, должно быть высказано теперь, а не после, когда будет уже, пожалуй, поздно. Ни одно соглашение об общем мире не явится достаточным обеспечением против войны в будущем, если в него не войдут и народы Нового Света. Но народы Америки могли бы принять участие в обеспечении мира, заключенного лишь на известных условиях. Основы этого мира должны внушать доверие и удовлетворять принципам американских государств... Является совершенно необходимым, чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантией прочности составившегося соглашения. Эта сила должна быть могущественнее не только каждой из ныне воюющих наций, но даже любой коалиции в прошедшем и в будущем так, чтобы никакой народ и никакие возможные комбинации народов не могли противостоять этой силе. Если мы хо-

тым, чтобы грядущий мир оказался долговечным, то его следует обеспечить при помощи организованной высшей силы всего человечества...

Вопрос, от которого зависит как будущий мир, так и будущая мировая политика, состоит в следующем: является ли нынешняя война борьбою за справедливый и прочный мир, или же это только борьба за установление новой системы равновесия между державами?

Если это борьба за новую систему политического равновесия, то кто может поручиться за устойчивость нового равновесия? Европа может быть устойчивой, только когда она спокойна. Тут нужно не равновесие, а общность сил, не соперничество, а общий мир. К счастью, мы получили в этом направлении весьма определенные заверения. Государственные деятели в обеих враждебных друг другу группах заявили нам в недопускающих сомнений выражениях, что в их намерении не входит раздавить своих врагов окончательно. Они, может быть, не все понимают вполне ясно и даже, может быть, не вполне одинаковым образом, все выгоды, которые вытекают из этих заверений. И я считаю полезным изложить эти выгоды, как мы их понимаем.

В первую очередь они требуют, чтобы грядущий мир был миром, не основанным на победе одной из воюющих сторон. Да будет мне дозволено осветить эту мысль с моей собственной точки зрения. Победа означала бы такой мир, который был бы навязан побежденной стороне, так как победитель заставил бы побежденного согласиться на свои условия. Такой мир был бы сопряжен с унижением, насилием, с невыносимыми жертвами. Он оставил бы после себя жало обиды и горькую память, так что такой мир был бы построен на песке. Только такой мир может считаться долговечным, который заключен равным с равным, который весь основан на принципе равенства и равного участия в общих благах. Чувство правды, чувство международной справедливости настолько же необходимы для установления прочного мира, насколько необходимо для этого правильное разрешение жгучих вопросов территориального, расового или национального характера. Равенство наций, на коем впредь должно покоиться здание прочного мира, должно выражаться в их равноправии. Гарантии этого равноправия не должны делать различия между великими и малыми державами, между нациями могущественными и слабыми. Право должно опираться на общее могущество всех наций, от соглашения которых мир будет зависеть, а не на могуществе одной из них. Конечно, это не означает равенства территорий и прочих ресурсов и вообще равенства в распределении благ, поскольку последние не явились результатом обычного мирного развития народов. Но никто и не ждет и не требует ничего, кроме равенства прав. Ныне человечество жаждет свободы существования, а не равенства сил. Но тут имеется еще более важный элемент, чем даже равенство прав. Между организованными народами не может и не должен быть прочным такой мир, который не исходит из принципа, что правительство заимствует все свои справедливые полномочия только из воли народа и что никто не имеет права передавать народы от одного государства к другому, как будто бы они были просто вещью. Если взять отдельный пример, то я могу утверждать, что всюду государственные люди согласны в том, чтобы Польша была единою, независимою и самостоятельною и что впредь тем народам, которые жили под властью государства, исповедывающего иную веру и преследую-

щего иные, даже враждебные этим народам, цели, что всем этим народам должна быть обеспечена свобода существования, веры, промышленности и общественного развития...

Поскольку это представляется практически осуществимым, каждому из борющихся в настоящее время за развитие национальных средств и сил великих народов должен быть обеспечен доступ к открытому морю. Там, где это не может быть достигнуто уступкою территорий, это несомненно может быть осуществлено путем нейтрализации путей, при условии общей гарантии, что, в свою очередь, явится обеспечением мира. При наличии правильного соглашения ни одна нация не должна быть лишена доступа к открытым путям мировой торговли. Морские же пути должны как по закону, так и на практике быть свободными. Свобода морей является условием Sine qua non мира и сотрудничества... Не будет трудным ни определить, ни обеспечить свободу морей, если только мировые государства искренне желают достигнуть согласия по этому вопросу...

Этот вопрос находится в тесной связи с ограничением морских вооружений и с кооперацией морских международных сил в деле поддержания свободы и безопасности на морях. А вопрос об ограничении морских вооружений приводит к постановке, быть может, более сложного вопроса об ограничении сухопутных вооруженных сил, а также всех программ, касающихся вооружения. Сколь ни сложны и деликатны эти вопросы, к ним следует подойти с величайшею искренностью и решать их необходимо в истинно-примирительном духе, если только мы желаем, чтобы мир принес на своих крыльях целебный бальзам и остался среди нас. Мира нельзя достигнуть без уступок и жертв. Не может существовать уверенности в безопасности и сознания равенства в отношениях между государствами, если будут продолжаться подавляющие своими размерами вооружения. Государственные деятели должны строить планы о мире и направлять свою политику в этом духе, подобно тому, как раньше они строили свои расчеты на войне и постоянно готовились к соревнованию и безжалостной борьбе...

Я говорю об этом великом деле вполне откровенно и по возможности ясно, так, как мне это казалось необходимым, дабы жажда человечества к миру могла получить возможность свободного выражения. Если может, я являюсь единственным лицом, облеченным высоким авторитетом среди народа, которое имеет возможность свободно высказаться, ничего не утаивая. Я говорю в качестве отдельного лица, но я говорю также в качестве ответственного главы великого государства, и я уверен, что я сказал именно то, что желают услышать американские граждане. Не могу ли я прибавить, что я надеюсь и верю тому, что в действительности я говорю от имени свободомыслящих людей человечества в каждой стране, какова бы ни была их программа свободы. Я хочу верить, что я говорю от имени молчаливых народных масс человечества, которые не имели возможности высказаться откровенно относительно смерти дорогих людей и разорения их домов. И, выражая предположение о том, что народ и правительство Соединенных Штатов присоединяются к другим цивилизованным нациям в деле обеспечения постоянного мира на тех условиях, о которых я упомянул, я говорю это с величайшей гордостью и уверенностью, так как каждому мыслящему человеку ясно, что в этом обещании нет нарушения ни од-

ной из традиций нашей национальной политики, а наоборот, оно скорее является осуществлением всего того, что нами исповедывалось или к чему мы стремились. Я предлагаю, чтобы все нации по общему соглашению приняли доктрину президента Монроэ, в качестве мировой нормы, а именно, чтобы ни одна нация не стремилась к распространению своего господства над другими, но чтобы каждому народу было предоставлено право свободного самоопределения, а также право следования по избранному им пути развития без препятствий и без устрашения для слабых, так же как и для сильных.

Я предлагаю, чтобы впредь все нации избегали заключения союзов, которые могли бы вовлечь их в соперничество и запутать их в сеть интриг или вовлечь в эгоистическое соревнование и внести смуту в их собственные дела. Соглашение всех держав не налагает никаких пут. Когда все объединяются для действия в одном направлении, с единою целью, то все действуют в общем интересе и имеют возможность жить собственною жизнью под общим покровительством. Я предлагаю управление, основанное на согласии управляемых. Я предлагаю восстановление той свободы людей, на которой граждане Соединенных Штатов настаивают с откровенностью, присущей убежденным апостолам свободы, на следовавших одна за другою международных конференциях. Я также предлагаю такое ограничение вооружений, которое сделало бы армии и флоты исключительно орудием порядка, а не орудием для нападения или политического проявления насилия. Вот, в чем заключаются американские принципы и американская политика... Это принципы человечества, и они должны восторжествовать.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II, М., 1926 г., стр. 62—66. Док. 48).

№ 248. ОБЪЯВЛЕНИЕ НЕОГРАНИЧЕННОЙ ПОДВОДНОЙ ВОЙНЫ ГЕРМАНИЕЙ. НОТА ГЕРМАНСКОГО СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ ЦИММЕРМАНА ПОСЛУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В БЕРЛИНЕ ДЖЕРАРДУ от 31 января 1917 г.

Вашему прев-ству было угодно сделать мне 22 числа этого месяца сообщение о послании, которое г. президент Соединенных Штатов Америки направил в тот же день американскому сенату. Имп. правительство ознакомилось с содержанием послания с тем серьезным вниманием, которое должно быть оказано полным чувства ответственности мыслям г. президента. Я могу с величайшим удовлетворением констатировать, что руководящие линии этого важного заявления совпадают в широкой мере с принципами и желаниями, которые исповедует также и Германия. Сюда относятся в первую очередь право на самоопределение и равноправие всех наций; признание этого принципа Германия искренно приветствовала бы, если бы такие народы, как Ирландия и Индия, не пользующиеся благодеянием государственной независимости, отныне получили свою свободу. Союзы, которые народы заключают в соперничестве за власть, отвергает также и германский народ. Напротив, его мирное сотрудничество обеспечено всем усилиям, которые направлены на недопущение будущих войн. Свобода морей, в качестве предварительного условия для свободного существования мирного общения народов, всегда принадлежала так же, как и открытые двери для торгового общения всех наций к руководящим принципам германской политики. Тем больше

имп. правительство сожалеет, что враждебное миру поведение ее противников делает невозможным для всего света то, чтобы уже теперь было приступлено к осуществлению этих возвышенных целей. Германия и ее союзники были готовы тотчас же вступить в мирные переговоры и выставили, в качестве основы, гарантию существования, чести и свободы развития своих народов. Их планы не были направлены, как они то определенно подчеркнули в ноте от 12 декабря 1916 года, на разгром или уничтожение противника, и, по их убеждению, эти планы согласовывались с правами других наций. Что касается, в особенности, Бельгии, которая составляет предмет теплых симпатий в Соединенных Штатах, то рейхсканцлер несколько недель тому назад заявил, что инкорпорация Бельгии никогда не входила в намерения Германии. Германия хотела только в мирном договоре, который должен быть заключен с Бельгией, принять меры предосторожности к тому, чтобы эта страна, с которой имп. правительство желает жить в добрососедских отношениях, не могла быть использована противниками для направления враждебных ударов. Такая мера предосторожности представлялась тем более настоятельно необходимой, что неприятельские властители в многократно повторявшихся речах и, в особенности, в постановлениях Парижской Экономической Конференции высказывали неприкрытым образом намерение не признавать Германию за равноправную даже и после восстановления мира, но, напротив, систематически бороться с нею и впредь. Пред лицом завоевательных стремлений противников, которые хотят диктовать мир, рухнула мирная попытка четырех союзников. Под вывеской принципа национальностей (противники) обнаружили, что их военная цель — расчленить и обесчестить Германию, Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию. Желанию примирения они противопоставляют свою волю к уничтожению. Они хотят борьбы до последнего предела. Таким образом создалось положение, вынуждающее также и Германию к новым решениям. В течение двух с половиной лет Англия злоупотребляет силою своего флота в преступной попытке привести Германию к подчинению путем голода. В грубом неуважении к международному праву группа руководимых Англией держав не только пресекает законную торговлю своих противников, но путем беззастенчивого давления принуждает также нейтральные государства отказываться от всякого неугодного им торгового общения или ограничивать торговлю по их произвольным предписаниям. Американский народ знает те усилия, которые были сделаны, чтобы побудить Англию и ее товарищей по союзу вновь вступить на почву международного права и уважения к закону свободы морей. Английское правительство неуклонно стоит на своей (идее) войны до голодного истощения, которое, хотя и не поражает силы сопротивления противника, но, тем не менее, заставляет женщин и детей, больных и старцев переносить ради отечества болезненные и разрушающие народную мощь лишения.

Таким образом, британская жажда владычества с холодным сердцем нагромождает страдания мира, не обращая внимания на заповеди человечности, не обращая внимания на протесты терпящих тяжелые ущербы нейтральных, не обращая даже внимания на глухое стремление к миру среди народов их собственных товарищей по союзу. Всякий день, в который продолжается ужасная борьба, приносит новые опустошения, новую нужду и новые смерти. Всякий день, на который война будет со-

кращена, сохраняет на той и на другой стороне жизнь тысячам храбрых бойцов и является благодеянием для пораженного страданием человечества. Имп. правительство не могло бы держать ответ перед собственной совестью, перед германским народом и перед историей, если бы оно оставило неиспробованным какое бы то ни было средство для ускорения конца войны. Вместе с г. президентом Соединенных Штатов, оно надеялось достигнуть этой цели путем переговоров. Когда же на попытку к соглашению его противники ответили обещанием усиленной борьбы, имп. правительство должно, если оно желает служить человечеству в высшем смысле и не прегрешить против своих собственных соотечественников, продолжать отныне снова навязанную ему борьбу за существование, с полным применением всего своего оружия. Оно должно поэтому отбросить ограничения, которые оно до сих пор накладывало на себя при применении своих средств борьбы на море. В уверенности, что американский народ и его правительство не останутся глухи к основаниям этого решения и к его необходимости, имп. правительство надеется, что Соединенные Штаты оценят новое положение с высокого поста беспристрастности и, со своей стороны, будут помогать прекращению дальнейших бедствий и жертв человеческими жизнями, которых можно избежать.

...Я позволю себе одновременно ожидать, что американское правительство будет предостерегать американские корабли от посещения... запретных зон, а своих граждан оно будет предостерегать от того, чтобы они доверяли кораблям, сообщающимся с портами запретной зоны, пассажиров или товары.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 66—68. Док. 49).

№ 249. ИЗ ДНЕВНИКА ПОЛКОВНИКА ХАУЗА[1]

1

В столице и по всей стране люди оживленно обсуждали, что предпримет Вильсон. В частном кабинете в Белом Доме вопрос, повидимому, был ясен. После потопления «Суссекса» президент окончательно предупредил Германию, что дальнейшее неограниченное использование подводных лодок означало бы разрыв дипломатических отношений, и теперь он готов был осуществить свою угрозу. Впоследствии недоброжелатели Вильсона заявляли, что шаг, который он тогда обдумывал, следовало предпринять в связи с любым из того десятка случаев, которые имели место на протяжении предыдущих полутора лет. Но Вильсон решил, что разрыв не должен произойти из-за неясных причин. В каждом случае потопления судов, начиная с «Лузитании», показания были противоречивы. Но теперь Германия хладнокровно угрожала правам человечества, и терпению президента пришел конец.

Но даже теперь Вильсон отказывался поверить, что дипломатический разрыв означает войну. Может быть, он исходил из доводов Уолтера Пэйджа, который утверждал, что одним лишь фактом отправки Бернсторфа домой США произведут на Германию такое впечатление, что она убедится в безнадежности своего дела, и война прекратится.

Полковник Хауз с этим не соглашался. Он всегда был убежден, что дипломатический разрыв неизбежно приведет к войне; его уверенность

[1] Дневник прокомментирован профессором Чарлзом Сеймурат.

еще более усилилась оттого, что поражение либеральных элементов в Берлине означало непоколебимую решимость Германии довести подводную блокаду до предельного эффекта.

«Президент настойчиво заявлял, — писал Хауз, — что не позволит, чтобы этот шаг привел к войне, если будет хотя бы малейшая возможность ее избежать. Он все твердил, что со стороны нашего правительства было бы преступным дать себя вовлечь в войну настолько, чтобы впоследствии сделать невозможным спасение Европы. Он говорил о Германии как о «сумасшедшем, которого надо связать». Я спросил его, считает ли он честным по отношению к союзникам просить их связать этого сумасшедшего, а нам самим остаться в стороне. Мой вопрос заметно смутил его, но он продолжал настаивать на своей решимости не быть вовлеченным в войну, если избежать ее окажется не в человеческих силах.

Утро мы провели в бездействии, пока в половине двенадцатого не пришел Лансинг. Президент нервным движением убрал на полку свои книги и начал ходить взад и вперед по комнате. М-сс Вильсон заговорила о гольфе и спросила меня, считаю ли я удобным, чтобы президент отправился поиграть в гольф. Я полагал, что американский народ считал бы, что в такое время президенту не следует заниматься подобными обыденными делами.

Публика не имеет никакого представления о том, что творится за кулисами в периоды государственных кризисов подобного рода. Если бы она смогла увидеть авторов и декорации и то, как готовится такая трагедия, для публики это было бы откровением. После того, как дело решено, нельзя ничего предпринимать, пока не настанет время поднимать занавес. Это произойдет тогда, когда президент выступит перед конгрессом, чтобы объявить, почему он отсылает германского посла. В ожидании мы равнодушно убивали время. За полчаса мы покончили с вопросом и больше говорить было не о чем. Наконец, президент предложил сыграть на биллиарде. К концу второй партии доложили о приходе Лансинга. Втроем мы перешли в кабинет.

Лансинг мыслил настолько одинаково с нами, что мы почти не дискутировали. Он прочитал написанный им текст, и мы его одобрили. Президент показал ему германское сообщение, переданное германским послом через меня. Лансинг взял его, чтобы снять копию, и ушел.

Президент спросил, не следует ли ему, по моему мнению, созвать на сегодня заседание кабинета. Я считал, что в этом нет необходимости; он мог созвать его завтра в обычное время, так как было решено, что паспорта Бернсторфу будут вручены не ранее утра субботы. Президент обещал председателю комиссии внешних сношений, сенатору Стоуну, не вручать паспорта Бернсторфу, предварительно не уведомив его, Стоуна. Стоун находится в Сент-Луисе, президент телеграфировал ему, чтобы он немедленно выехал в Вашингтон».

3 февраля в послании к конгрессу Вильсон объявил о разрыве дипломатических отношений с Германией. Раздосадованный и возмущенный в своих чувствах поступком германского правительства, он, тем не менее, подчеркнул мирный характер политики, которую он надеялся продолжать.

«Я отказываюсь верить в намерение германских властей совершить то, о чем они предупреждали нас, что будут считать себя вправе совершить... Даже сейчас только действительно враждебные действия с их стороны смогут заставить меня этому поверить... Мы желаем служить не

корыстным целям в помыслах наших действий, мы хотим оставаться верными принципам нашего народа, установленным с незапамятным времен... Они образуют основы мира, но не войны. Дай бог, чтобы злостная несправедливость правительства Германии не заставила нас силой защищать эти принципы».

Хотя полковник Хауз был убежден в неизбежности войны, он, тем не менее, использовал все свое влияние для того, чтобы предотвратить рост воинственной истории, и предупреждал своих английских друзей, чтобы те не пытались понуждать Вильсона к действиям или торопить его. Хауз вернулся в Нью-Йорк.

«3 февраля 1917 г. Повсюду наблюдается сдержанное волнение. Поле действия — за англичанами. Все они, либо звонили, либо заходили. Самым интересным посетителем был Уиллерт из лондонской «Таймс». Я посоветовал ему, так же как Дилноту из лондонской «Кроникл» и другим корреспондентам, не посылать своим газетам слишком восторженных сообщений; хотя президент и порвет дипломатические отношения с Германией, но это еще не означает войны. Я полагал, что союзники будут обрадованы новостями и в течение десяти-пятнадцати дней президент будет пользоваться популярностью. Затем последует обычная реакция, подвернется что-нибудь новое, что позволит им вернуться к своему критическому тону. Я считал, что к президенту относились несправедливо и эту несправедливость необходимо исправить.

Я утверждал, что США не испытывают никакой трусости, хотя союзники никак не могли этому поверить. С их стороны это объяснялось непониманием вещей, но тем не менее оно существовало, а мы не могли заставить себя испытывать чувства благодарности по отношению к Англии и Франции за те бои, которые они, по их мнению, вели и за себя и за нас.

В последующие дни заботы Хауза удвоились. Он проводил долгие часы с редакторами и журналистами всех направлений. Он составлял с агентами контрразведки планы на случай возможных беспорядков и заговоров. Он неустанно трудился над тем, чтобы внушить американским немцам, что их судьба неразрывно связана с судьбой Америки, и убедить их предоставить свое знание Германии на службу США».

«5 февраля 1917 г. моим первым посетителем был начальник контрразведки Флинн, — писал Хауз. — Я показал ему несколько телеграмм от нашего посла в Берне, сообщавшего о заговоре на жизнь президента и называвшего фамилию одного немца в Нью-Йорке, замешанного в этом деле. Мы всесторонне обсудили вопрос о возможных беспорядках у нас на случай войны с Германией.

Со мной завтракал фон Виганд. Я хотел почерпнуть у него дополнительные сведения о положении в Германии. Я встречаюсь с этими немцами и американскими немцами, узнаю, что они знают или что хотят сказать, и, как в китайской головоломке, пытаюсь сопоставить все сказанное...».

«6 февраля 1917 г. В десять утра зашел Ральф Пулитцер. Я пытаюсь заставить всех редакторов и издателей газет воздержаться от всяких сенсационных сообщений и советую им сохранить спокойствие. Я также стараюсь предотвратить всякие враждебные высказывания по адресу американских немцев. Пулитцер мне сочувствует».

«7 февраля 1917 г. Начальник полиции Вуд приходил ко мне, что-

бы поговорить об общем положении и сообщить мне о принятых мерах... выдвинул мысль о том, чтобы мэр назначил комитет безопасности... Суть в том, чтобы в комитете было побольше американских немцев».

«15 февраля 1917 г. приходил Флинн для обсуждения дел контрразведки».

«16 февраля 1917 г. К завтраку пришел Рой Говард из «Юнайтед пресс» и Дадли Малон. После завтрака я сообщил Говарду о принятых мною мерах сохранения спокойствия среди американских немцев; он согласился мне помочь. Я связал его с начальником полиции и мэром. Когда здесь начнется движение в пользу образования комитетов безопасности, он уведомит через «Юнайтед пресс» мэров всех городов США, чтобы они создавали у себя аналогичные комитеты.

Меня посетил Герман Риддер из «Статс-цейтунг», пришедший заявить о лойяльности американских немцев. Я одобрил выдвинутый им план объединения их в комитеты, которые будут помогать мэрам. Не оставалось ничего иного, как горячо поддержать этот план, так как это был тот план, о котором Риддер услышал стороной, через мэра и Вуда. Я поздравил его с патриотичностью американских немцев и всячески постарался усилить это чувство».

«9 марта 1917 г. Ко мне заходил Филиппс; он наблюдал часть моей напряженной работы и удивился, как я выдерживаю до вечера. Я ответил ему, что это объясняется тем, что я хорошо сплю и ни о чем не беспокоюсь, как бы серьезны ни были дела. Если бы я не обладал этой способностью, то в такие решающие дни меня нехватило бы и на неделю...».

«10 марта 1917 г. Мы с Фрэнком Полком вели по телефону долгий интересный разговор о текущих делах. Напомню, что около половины всего, что я делаю, почти не зафиксировано в виде документов, так как проводится главным образом путем телефонных и личных разговоров. Например, министерство иностранных дел сообщается со мной почти ежедневно, а иногда и почаще...».

«16 марта 1917 г. Первым посетителем был Пол Уорбург. Он очень честный человек, хотя склоняется в своих симпатиях к немцам. Он знает, что в настоящий момент сотрудничество с союзниками необходимо в интересах нашей страны...».

«25 марта 1917 г. Несмотря на то, что сегодня было воскресенье, это был один из моих самых занятых дней. Он начался в 10 часов с пацифистов; в том числе были Амос Пинчот, Пол Келлог и мисс Лиллиан Уолд. Я думаю, что успокоил их, заявив, что президент знает о положении больше чем они, и точно так же, как они, пытается избежать войны...».

«30 марта 1917 г. Первым моим посетителем был N. Он пришел... как сам сказал, затем, чтобы я прочистил ему мозги. Повидимому, это занятие больше понравилось ему, чем мне».

2

Даже после того, как граф фон Бернсторф окончательно убедился в разрыве дипломатических отношений, он продолжал стараться предотвратить войну США с Германией и возобновил попытки приостановить затеянную его правительством подводную блокаду.

(«Архив полковника Хауза», т. II, М., 1937 г., стр. 334—338).

№ 250. ПИСЬМО ХАУЗА ПРЕЗИДЕНТУ

Нью-Йорк, 10 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром ко мне пришел голландский посланник. Он сказал, что одной из причин того, что нейтральные страны не отозвались на ваш призыв, является то, что нейтральные страны в течение двух лет пытались добиться нашего сотрудничества, но вы отказывались до того момента, пока не разразился кризис.

Он полагает, что если вы созовете нейтральную конференцию в Вашингтоне и предложите, чтобы представителями на ней были посланники, то сможете добиться того, чтобы нейтральные страны присоединились к США для составления плана действий против нарушения морских прав.

Я подозреваю, что этот план внушен ему Бернсторфом, его самым близким другом в дипломатическом корпусе.

Зная, что Ван-Раппард (голландский посланник) передаст Бернсторфу все мои слова, я с выгодой для себя использовал представившуюся возможность. Я дал ему кое-какое понятие о потенциальной силе нашей страны с военной, финансовой и промышленной стороны и заявил ему, что если нас толкнут на войну, то даже усилия Англии покажутся пустяком в сравнении с тем, что можем сделать и сделаем мы...

Преданный вам Э. М. Хауз».

15 февраля Бернсторф и чины его посольства отплыли из Нью-Йорка. Его отъезд был отмечен отсутствием враждебного настроения, что могло показаться удивительным ввиду циркулировавших слухов об участии германского посольства в заговорах и пропаганде. Хауз был убежден, что лично Бернсторф хорошо позаботился о том, чтобы ничего не знать об интригах фон Паппена и Бой-Эда; он был уверен в искренности и усердии посла в его стараниях предотвратить возобновление подводной войны. Впоследствии, когда были опубликованы письма Бернсторфа к своему правительству, уверенность Хауза нашла подтверждение. До того момента как Германия взяла обратно свое обязательство, данное в связи с «Суссексом», Хауз старался удержать Бернсторфа в Вашингтоне, так как видел в нем орудие, при помощи которого можно было сдерживать экстремистов в Берлине. Со своей стороны, германский посол покинул США, проникнутый самыми дружескими чувствами к полковнику.

«Сегодня утром звонил Дадли Малон, — писал Хауз 15 февраля, — и сообщил об отъезде Бернсторфа. Он сказал, что супруги Бернсторф были невыразимо грустны. Посол просил передать мне: «Кланяйтесь ему и скажите, что он мой лучший друг в Америке. Он много раз выручал меня, и если бы не он, то я не смог бы оставаться здесь так долго». Хотя эти слова несколько патетичны, но я действительно сделал многое для Бернсторфа; однако, все это было сделано в соответствии с долгом, в моем понимании...».

Стремление Вильсона избежать войны не поколебало его решимости не итти ни на какой компромисс с Германией до тех пор, пока она будет продолжать подводную войну. 11 февраля Хауз узнал, что швейцарский посланник, который взял на себя защиту германских интересов

в США, предложил начать переговоры о восстановлении дипломатических отношений. Чиновники министерства иностранных дел, повидимому, опасались, что президент уступит. Но президент был непоколебим и заверил Хауза, что тот может не бояться никаких уступок.

«Из Вашингтона звонил Фрэнк Полк, — писал Хауз 12 февраля, — чтобы сообщить мне об ответе президента на германские авансы, сделанные через швейцарское правительство. Вчера вечером звонил Полк и просил меня написать об этом президенту. Это я сделал и письмо пришло к нему сегодня утром».

«13 февраля 1917 г. Полученное сегодня утром письмо от президента убедило меня, что не было оснований беспокоиться о швейцарско-германском ходе; ничего из этого не выйдет. Вильсон настаивает на том, что если они желают сейчас разговаривать с ним, то должны возобновить и выполнить обязательство от апреля прошлого года или же предложить мир на условиях, которые позволили бы нам действовать».

Отъезд фон Бернсторфа был встречен общественным мнением недвусмысленным чувством одобрения, и по крайней мере на атлантическом побережье считалось, что война с Германией почти неизбежна. Но до кабинета Хауза доходили противоречивые мнения разных кругов.

«Глава компании «Дженерал моторс» Дюрант посетил меня для того, чтобы выразить надежду, что президент избавит нас от войны. Он только что вернулся с Дальнего Запада и утверждает, что за весь путь — от Калифорнии до Нью-Йорка — он видел только одного человека, который хотел войны. Дюрант говорит, что мы сидим на вулкане и война может вызвать его извержение. Я не совсем понимал его доводы и не согласен с ними. Его удивил рассказ о моей миротворческой деятельности, которую я начал перед войной и продолжал непрерывно вплоть до нашего разрыва с Германией».

Возможность начать мирные переговоры через Австрию, оставляла еще одну лазейку, которую Вильсон и Хауз хотели изучить. Новый австрийский посол, граф Тарновский, приехал в Вашингтон почти одновременно с объявлением Германией своего решения возобновить подводную войну; вскоре же из Вены прибыл секретарь посла Пенфилда, привезший с собой вести, что в Австро-Венгрии все хотят мира.

(«Архив полковника Хауза», т. II, М., 1937 г., стр. 339—340).

«27 марта 1917 г. Я сел в поезд, отправляющийся в Вашингтон в 11 ч. 08 м., — писал Хауз. — Поездка была спокойной, и я отдохнул. На вокзале меня встретил Фрэнк Полк и отвез меня в Белый Дом. Президент меня ждал. Только что он кончил с заседанием кабинета, который стал собирать теперь во второй половине дня. Он чувствовал недомогание и жаловался на головную боль. Мы отправились в его кабинет и обсуждали разные вопросы, главным образом его предстоявшее послание.

Президент спросил, следует ли ему, по моему мнению, потребовать объявления войны от конгресса или же самому заявить, что состояние войны существует, а у конгресса испросить необходимые средства для ведения войны. Я посоветовал ему последнее. Опасался я того, что если он предоставит конгрессу объявить войну, то завяжутся резкие прения».

Повидимому, полковник Хауз считал, что президент должен встретить кризис преисполненным одновременно покорности и решимости. Он

приступил к выполнению деликатной задачи: заставить президента сперва почувствовать необходимость сделать над собой особое усилие, а затем внушить ему, что таким путем задача сможет быть успешно решена.

«Я заявил ему, что в его правлении наступил кризис, совершенно отличный от всего того, с чем он до сих пор сталкивался, и мне хочется, чтобы он встретил его достойным образом, так, чтобы его влияние не уменьшилось в момент, когда он приступит к великой работе, которая неизбежно предстоит после окончания войны. Я сказал ему, что хотя бывали более сложные ситуации, из которых он выходил с честью, но именно для нынешней ситуации он не очень приспособлен. Это он признал и сказал, что при существующих условиях он не считает себя пригодным для президентства вообще. Я сказал ему, что, по-моему, он слишком утонченный, слишком цивилизованный, слишком умный и слишком воспитанный человек, чтобы не понимать чудовищности и абсурдности войны. Для того же, чтобы вести жестокую, энергичную и успешную войну, требуется человек более грубых нравов и не такой философ, как он».

Обрисовав перед Вильсоном его недостатки, с тактом, не задевшим самолюбия президента, и с откровенностью, которая удивила бы тех, кто утверждал, что президент прислушивается только к голосу лести, полковник стал ободрять его, перечисляя преимущества его положения и прошлые успехи его правления во внутренних делах.

«Я заставил его почувствовать, — как впоследствии говорила мне м-сс Вильсон,— что ставшая перед ним задача была не так трудна, как ему казалось. Мои доводы сводились к одному: то, что нам предстояло проделать, было тщательно взвешено в других странах; нам же оставалось положиться на опыт и не тревожиться о том, как это будет выглядеть со стороны. По-моему, гораздо труднее было в свое время заставить более или менее несведующее и дезорганизованное собрание людей в конгрессе провести закон о федеральном резервном банке, тарифный закон, закон о панамских пошлинах и тому подобные мероприятия.

В моих глазах дело рисовалось так: он поставил ставку на то, что войны не будет, и проиграл; но страна зачтет это ему в пассив только в том случае, если он не проведет успешно самую войну... Он слушал меня с благожелательным и сочувственным видом, и хотя возражал на многие мои доводы, но делал это в спокойном тоне».

На следующий день Вильсон приступил к обсуждению с Хаузом сущности послания к конгрессу, в котором он должен был объявить о фактическом состоянии войны. Интересно отметить, что всего лишь за пять дней до произнесения этой величайшей в его карьере речи, президент набросал вопросы, которых он собирался коснуться. Заботу о фразеологии он отложил на самый конец.

«После вечернего разговора он составил тезисы, которые я одобрил... Он проведет грань между германским народом и теми, кто вовлек его в эту катастрофу... То же самое я советовал сделать английскому правительству, но оно этого так и не сделало; надеюсь, это будет сделано теперь. Моей целью было и осталось сокрушить германское прави-

тельство, разжегши пламя за его спиной в Германии...[1]. Таков лейтмотив речи, который я настойчиво просил его усвоить: это — война за демократию и война за германский народ в такой же мере, как и война за другие страны».

Хауза осаждали члены кабинета, стремившиеся заранее узнать, в какой мере вильсоновская политика удовлетворит их собственным устремлениям.

«Сегодня утром президент играл в гольф, — писал полковник Хауз 28 марта.— Моим первым посетителем был Мак-Аду. Он оставался у меня почти все утро, пока я не сказал ему, что мне нужно итти к президенту, который вернулся и ждет меня в своем кабинете. Мак-Аду хочет войны — войны до конца. Он заявил, что его аппетит к войне настолько силен, что ему хотелось бы покинуть кабинет, собрать полк и отправиться на фронт. Все трое его сыновей поступили добровольцами в армию. Мы говорили о том, как финансировать войну и каким налоговым обложением покрыть расходы...».

(«Архив полковника Хауза», т. II, Москва, 1937 г., стр. 352—354).

№ 251. РЕЧЬ ВИЛЬСОНА ПЕРЕД КОНГРЕССОМ 2 апреля 1917 г.

Нынешняя подводная война Германии против торговли является войной против всего человечества. Это война против всех стран. Американские суда потоплены, американские жизни загублены методами, известие о которых вызвало в нас глубокое возмущение. Суда и люди нейтральных и дружественных стран были потоплены и поглощены пучиной подобным же образом. Не делалось никаких различий. Вызов брошен всему человечеству. Каждая страна должна решить за себя, как она его примет.

Выбор, который мы делаем для себя, должен быть сделан с осторожностью и сдержанностью, присущими нашему характеру и нашим мотивам, как нации. Мы должны отбросить чувство возбуждения. Наша цель — не месть или победоносное утверждение физической мощи нации, но лишь восстановление права, человеческого права, единственным поборником которого мы являемся.

Есть только один выбор, которого мы не можем, не в состоянии сделать. Мы не изберем пути подчинения, мы не пожертвуем нашими правами и не потерпим пренебрежения или нарушения самых священных прав нашей страны и народа. Зло, против которого мы вооружаемся, не является обычным злом, оно подрывает самые корни человеческого существования.

С глубоким сознанием огромной важности, и даже трагичности предпринимаемого мною шага и серьезной ответственности, которую он за собой влечет, непоколебимо следуя тому, что я считаю своим конституционным долгом, я советую Конгрессу: объявить нынешнюю политику

---

[1] Хауз выдвигал эту идею еще во время первого кризиса в связи с потоплением «Лузитании». 3 июля 1915 г. Хауз писал Вильсону из Лондона: «В случае войны с Германией я посоветовал бы обратиться с посланием к конгрессу, возложив вину за этот ужасающий конфликт на кайзера и его военное окружение; я выступил бы с идеей оправдания великой массы германских граждан, заявив, что мы боремся как за освобождение Европы, так и за их освобождение. Это оказало бы прекрасное действие на американских немцев».

имперского правительства Германии ничем иным, как войной против правительства и народов Соединенных Штатов; официально объявить военное положение, к чему его принудили, и немедленно предпринять шаги не только к тому, чтобы привести страну в состояние наилучшей оборонной способности, но также употребить все усилия и мобилизовать все ресурсы к ограничению германского правительства и окончанию войны.

Теперь, когда мы занимаемся этими в высшей степени важными делами, необходимо уяснить себе и всему миру, каковы наши мотивы и цели.

Наша цель сейчас, как и всегда, восстановить принцип мира и справедливости в международной жизни против эгоистической и автократической силы и установить среди действительно свободных и самоуправляющихся народов мира такое согласие целей и действий, которое и впредь обеспечит соблюдение этих принципов.

У нас нет недоразумений с немецким народом. У нас нет иного чувства к нему, кроме симпатии и дружбы. Не по его почину его правительство вступило в войну. Это произошло без ведома и одобрения германского народа.

Эта война была предпринята так же, как предпринимались войны в недобрые старые времена, когда народы не привлекались их правителями к обсуждению, и войны провоцировались и велись в интересах династий или небольших групп честолюбивых людей, которые привыкли пользоваться своими согражданами, как орудием для достижения своих целей.

Одним из обстоятельств, убедивших нас в том, что прусская автократия не была и никогда не может быть нашим другом, послужило то, что с самого начала этой войны она наводняла наше, ничего не подозревающее, общество и даже правительственные учреждения шпионами и создавала повсюду преступные интриги для подрыва нашего национального единства и согласия, мира внутри страны и во вне, нашей промышленности и торговли.

В самом деле, теперь совершенно доказано, что их шпионы были здесь даже до начала войны; и что — это, к сожалению, не плод воображения, а факт, доказанный нашим судом — интриги, которые не один раз непосредственно угрожали расстройством промышленности страны, велись по подстрекательству, при поддержке и даже под личным руководством официальных агентов имперского правительства, аккредитованных при правительстве Соединенных Штатов.

Но они сыграли свою роль в том, чтобы, наконец, убедить нас, что их правительство не питает настоящей дружбы к нам и намеревается в подходящий момент нарушить наш мир и безопасность. Оно намеревается восстановить против нас врагов у самых наших границ, красноречивым доказательством чего служит перехваченная нота германскому министру в городе Мексико.

Мы принимаем этот враждебный вызов, потому что мы знаем, что в лице такого правительства, действующего подобными методами, мы никогда не можем иметь друга и что при наличии в его распоряжении организационных сил, постоянно находящихся в готовности осуществить неизвестные нам цели, не может быть полной безопасности для демократических стран мира.

Мы сейчас готовы вступить в борьбу с этим исконным врагом свободы и, если это будет необходимо, употребим все силы нашей страны,

чтобы сдержать и уничтожить его притязания и его мощь. Мы рады тому, что видим теперь факты без покрова лжи, мы рады бороться за окончательный мир во всем мире и за освобождение народов, включая и германский народ, за права больших и малых стран, за право людей, везде и всюду избирать свой путь в жизни.

Миру должна быть обеспечена демократия. Мир должен быть установлен на прочной основе политической свободы.

Мы не преследуем эгоистических целей. Мы не хотим ни побед, ни власти, нам не нужны военные контрибуции и никакие материальные компенсации за жертвы, которые мы добровольно принесем. Мы только боремся за права человечества. Мы будем удовлетворены тогда, когда эти права будут обеспечены так, как могут обеспечить их только доверие и свобода наций.

(Mc. Master, T. B. The United States in the world war 1914—1918, N-York—London, 1933, стр. 352—354).

№ 252. РЕЗОЛЮЦИЯ КОНГРЕССА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЙНЫ ГЕРМАНИИ от 6 апреля 1917 года

Ввиду того, что имп. германское правительство совершило повторные акты вооруженного выступления против правительства и народа Соединенных Штатов, американским сенатом и палатой представителей, собравшимися в составе американского конгресса, решено объявить состояние войны между Соединенными Штатами Америки и имп. германским правительством, которое было навязано Соединенным Штатам.

При этом официально объявляется, что президент уполномочивается использовать все морские и сухопутные вооруженные силы Штатов и ресурсы правительства в целях ведения войны против имп. германского правительства и доведения конфликта до успешного конца. Все необходимые для этого ресурсы страны будут предоставлены в его распоряжение конгрессом Штатов.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 73. Док. 55).

ОКОНЧАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

№ 253. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ ВИЛЬСОНА ОБ УСЛОВИЯХ МИРА. ИЗ ЕГО ПОСЛАНИЯ КОНГРЕССУ 8 января 1918 года

Нашей программой является программа всеобщего мира. Эта программа, единственная возможная программа, следующая:

1. Открытые мирные договоры, открыто обсужденные, после которых не будет никаких тайных международных соглашений какого-либо рода, а дипломатия всегда будет действовать откровенно и на виду у всех.

2. Абсолютная свобода судоходства на морях вне территориальных вод как в мирное, так и военное время, кроме случаев, когда некоторые моря будут частью или полностью закрыты в международном порядке для исполнения международных договоров.

3. Устранение, насколько это возможно, всех экономических барьеров и установление равенства условий для торговли всех наций, стоящих за мир и объединяющих свои усилия к поддержанию такового.

4. Справедливые гарантии того, что национальные вооружения будут сокращены до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью.

5. Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены.

6. Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более, чем прием, также и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет прочным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий.

7. Бельгия,— весь мир согласится,— должна быть эвакуирована и восстановлена, без попытки ограничить суверенитет, которым она пользуется наравне со всеми другими свободными нациями. Никакое другое действие не может более, чем это, послужить к восстановлению между народами доверия к тем законам, которые они сами установили и определяли в качестве руководства для своих взаимных сношений. Без этого целительного акта все построение и все действие международного права будет навсегда поражено.

8. Вся французская территория должна быть освобождена и оккупированные части возвращены, а зло, нанесенное Франции Пруссией в 1871 году в отношении Эльзас-Лотарингии, которое нарушало всеобщий мир почти-что 50 лет, должно быть исправлено, чтобы мирные отношения могли снова быть установлены в интересах всех.

9. Исправление границ Италии должно быть произведено на основе ясно различимых национальных границ.

10. Народы Австро-Венгрии, место которых в Лиге Наций мы хотим видеть огражденным и обеспеченным, должны получить широчайшую возможность автономного развития.

11. Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы. Занятые территории должны быть возвращены. Сербии должен быть предоставлен свободный и надежный доступ к морю.

Взаимоотношения различных балканских государств должны быть определены дружественным путем в соответствии с исторически установленными принципами принадлежности и национальности. Должны быть установлены международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целости различных балканских государств.

12. Турецкие части Оттоманской империи, в современном ее составе, должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие нацио-

нальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития. Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями.

13. Должно быть создано независимое Польское государство, которое должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением, которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю, а политическая и экономическая независимость которого, равно как и территориальная целость, должны быть гарантированы международным договором.

14. Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статутов в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целости как больших, так и малых государств.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 108—110. Док. 88).

«ПЯТЬ ПУНКТОВ» ВИЛЬСОНА

№ 254. ИЗЛОЖЕНИЕ ВИЛЬСОНОМ МИРНЫХ УСЛОВИЙ В ЕГО РЕЧИ В НЬЮ-ЙОРКЕ 27 сентября 1918 года

Во-первых, нелицеприятная справедливость... должна состоять в том, чтобы не было различия между теми, к кому мы хотим быть справедливыми, и теми, к кому мы не хотим быть справедливыми. Должна существовать справедливость, которая не играет на фаворитов и которая не знает иной мерки, чем равные права у всех заинтересованных народов.

Во-вторых, специальный или сепаратный интерес какой-либо отдельной нации или группы наций не может быть сделан основой какой-либо части решения, несовместимой с общим интересом всех.

В-третьих, не может быть лиг или союзов, или особых пактов и соглашений в самой среде общей и согласной семьи Лиги Наций.

В-четвертых, и более близким образом, не может быть особых своекорыстных экономических комбинаций в самой среде Лиги и применения какой бы то ни было формы экономического бойкота или исключения, кроме права налагать экономические наказания путем устранения с мировых рынков, которым может быть наделена сама Лига Наций, в качестве средства дисциплины и контроля.

В-пятых, все международные соглашения и договоры должны полностью доводиться до сведения остальной части мира.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926, стр. 177. Док. 129).

№ 255. ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ И ТУРЦИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ НА БРИТАНСКОМ КОРАБЛЕ «АГАМЕМНОН» В ПОРТУ МУДРОС НА ОСТРОВЕ ЛЕМНОС, 30 октября 1918 года

(Уполномоченные: союзников—Кальторп, Турции—Рауф, Хикмет и Саадула).

Ст. 1. Открытие Дарданелл и Босфора и свободный доступ к Черному морю. Военная оккупация союзниками портов Дарданелл и Босфора.

Ст. 2. Указание союзникам мест расположения мин в турецких водах и оказание содействия в их тралении.

Ст. 3. Сообщение всех сведений о минах, находящихся в Черном море.

Ст. 4. Все союзные военнопленные, все военнопленные и интернированные армяне должны быть собраны в Константинополе для того, чтобы без всяких условий быть переданными союзникам.

Ст. 5. Немедленная демобилизация турецкой армии, кроме войск, необходимых для охраны границ и для поддержания внутреннего порядка...

Ст. 6. Сдача всех военных судов, находящихся ныне в турецких водах или в водах, занятых турками...

Ст. 7. Союзники будут иметь право оккупировать все стратегические пункты, в случае, если обстоятельства сделались бы угрожающими для безопасности союзников.

Ст. 8. Свободное пользование союзными судами всеми портами и причалами, ныне занимаемыми турками, и запрещение врагу пользоваться этими портами...

Ст. 9. Пользование всеми починочными средствами, находящимися в портах Турции и в ее арсеналах.

Ст. 10. Военная оккупация союзниками системы туннелей Тавра.

Ст. 11. Немедленный отход турецких войск на северо-запад Персии за довоенную границу был уже предписан и будет продолжен.

Турецкие войска уже получили приказ эвакуировать часть Заказказья, причем оставшиеся войска будут удалены, если союзники потребуют того по изучении положения на местах.

Ст. 12. Радиотелеграфные станции и кабели будут поставлены под контроль союзников, кроме депеш турецкого правительства.

Ст. 13. Запрещение разрушать какой-либо морской, военный или торговый материал.

Ст. 14. Союзникам будут даны льготы для покупки угля, масел, мазута и морского материала, который можно будет получить из турецких источников, после обеспечения потребности страны. Ни один из этих предметов не может быть вывезен.

Ст. 15. Будут назначены союзные офицеры для наблюдения за всеми железными дорогами, включая те части закавказских дорог, которые находятся ныне под контролем Турции и которые должны быть предоставлены в свободное и полное распоряжение союзных властей с учетом потребности населения. Из этого постановления следует, что союзники имеют право занимать Батум. Турция не сделает никаких возражений против оккупации Баку союзниками.

Ст. 16. Сдача всех гарнизонов в Геджасе, Ассире и Иемене, Сирии и Месопотамии союзному командованию... Уход (турецких войск) из Каликии.

Ст. 17. Сдача всех турецких офицеров в Триполитании и в Киренаике ближайшему итальянскому гарнизону...

Ст. 18. Сдача ближайшему союзному гарнизону всех портов, занятых в Триполитании и Киренаике, включая Мизурату.

Ст. 19. (Эвакуация с турецкой территории всех военных и гражданских немецких и австрийских подданных).

Ст. 21. К турецкому министерству продовольствия будет причислен союзный представитель для ограждения интересов союзников.

Ст. 22. Турецкие пленные будут оставлены в распоряжении союзных держав. Освобождение турецких гражданских пленных и пленных, перешедших возраст военной службы, будет изучено.

Ст. 23. Обязательство для Турции прекратить все сношения с центральными державами.

Ст. 24. В случае беспорядков в одном из армянских вилайетов, союзники сохраняют за собой право занять часть его.

Ст. 25. Неприятельские действия между союзниками и Турцией прекратятся в четверг 31 октября 1918 года в полдень по местному времени.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926, стр. 188—189. Док. 136).

№ 256. ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ И АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В ВИЛЛЕ ДЖЮСТИ БЛИЗ СЕРРАВАЛЛЕ (ПАДУЯ) 3 ноября 1918 г.

(Уполномоченные союзников: 7 человек во главе с Бадольо, Австро-Венгрии—7 человек во главе с Вебенау)

1. Военные положения.

Ст. 1. Немедленное прекращение неприятельских действий на земле, на море и в воздухе.

Ст. 2. Полная демобилизация австро-венгерской армии и немедленный отход всех единиц, производящих операции на фронте от северного моря до Швейцарии. (Оставление за Австро-Венгрией лишь 20 дивизий. Сдача Соединенным Штатам половины австрийской артиллерии).

Ст. 3. Эвакуация всей территории, в которую Австро-Венгрия вторглась с начала войны... Все эвакуированные территории будут оккупированы войсками союзников и Соединенных Штатов Америки.

Сохранение на месте всего военного материала и железных дорог противника, находящихся на подлежащих эвакуации территориях.

Сдача союзникам и Соединенным Штатам всего этого материала, включая запасы угля и иные...

Ст. 4. Возможность для армий объединившихся держав свободно передвигаться по всем дорогам, железным дорогам и речным путям австро-венгерских территорий с правом пользоваться всеми нужными австро-венгерскими транспортными средствами.

Оккупация армиями объед. держав всех стратегических пунктов в Австро-Венгрии, поскольку они в любой момент будут признаны подлежащими оккупации со стороны этих держав, чтобы сделать возможными всякие военные операции и для поддержания порядка.

Ст. 5. Полная эвакуация в течение 15 дней всех германских войск, не только на итальянском и балканском фронтах, но и со всех австро-венгерских территорий.

Интернирование всех германских войск, которые не покинули бы до этого срока австро-венгерскую территорию.

Ст. 7. Немедленная репатриация, без взаимности, всех союзных подданных военнопленных, интернированных и эвакуированного гражданского населения.

2. Морские положения.

Ст. 1. Немедленное прекращение всех неприятельских действий на море и точное указание местонахождения и передвижений всех австро-венгерских судов. Нейтральным будет сообщено о предоставленной военному и торговому судоходству союзных и объединившихся держав свободе плавать во всех территориальных водах без того, чтобы был поднят вопрос о нейтралитете.

Ст. 2. Сдача союзникам и Соединенным Штатам Америки 15 австро-венгерских подводных лодок..., и всех германских подводных лодок, находящихся в австро-венгерских территориальных водах или могущих в них проникнуть. Полное разоружение... всех других австро-венгерских подводных лодок, которые должны будут оставаться под наблюдением союзников и Соединенных Штатов Америки.

Ст. 3. Сдача им же в полном вооружении 34 австро-венгерских военных судов. Все другие австро-венгерские надводные военные суда должны быть сконцентрированы в австро-венгерских морских базах, разоружены там и поставлены под наблюдение союзников и Соединенных Штатов Америки.

Ст. 4. Свобода судоходства для всех военных и торговых судов союзных и объед. держав в Адриатике, включая территориальные воды, и на Дунае и на его притоках в австро-венгерской территории.

Право союзных и объединившихся держав тралить мины.

Чтобы обеспечить свободу судоходства по Дунаю, союзники и Соединенные Штаты Америки будут иметь право занимать или разоружать все оборонительные или крепостные сооружения.

Ст. 5. Оставление в силе блокады со стороны союзных и объединившихся держав на действующих (для нее) условиях, причем застигнутые в море австро-венгерские суда попрежнему будут подлежать захвату, кроме случаев, разрешенных комиссией, назначенной союзниками и Соединенными Штатами Америки.

Ст. 6. Сосредоточение в австро-венгерских базах... всех воздушных и морских сил и запрещение покидать эти базы.

Ст. 7. (Эвакуация всего итальянского побережья).

Ст. 8. Оккупация союзниками и Соединенными Штатами Америки сухопутных и морских укреплений и островов, составляющих оборону Полы, равно как ее верфей и арсеналов.

Ст. 9. Возвращение всех торговых судов союзных и объединившихся держав, задержанных в Австро-Венгрии.

Ст. 10. Запрещение какого-бы то ни было разрушения судов или материалов до эвакуации, сдачи или возвращения.

Ст. 11. Возвращение без взаимности всех военнопленных (служивших) в военных и торговых флотах союзных и объединившихся держав, находящихся во власти австро-венгерцев.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 190—191. Док. 137).

№ 257. ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ МЕЖДУ СОЮЗНЫМИ ДЕРЖАВАМИ И БОЛГАРИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В САЛОНИКАХ 29 сентября 1918 года

(Уполномоченные: союзников — Франше-д'Эспере, Болгарии — Ляпчев и Луков)

Статья 1. Немедленная эвакуация... еще занимаемых в Греции и в Сербии территорий. С этих территорий не будут вывозиться ни скот, ни

хлеб, ни какое-либо продовольствие. При отходе не будет причиняться никакого вреда. Болгарская администрация будет продолжать действовать в частях Болгарии, ныне занятых союзниками.

Статья 2. [Немедленная демобилизация всей болгарской армии, кроме трех пехотных дивизий и четырех кавалерийских полков для охраны восточных границ, Добруджи и железных дорог].

Статья 3. Сдача в местах по определению [союзного] верховного командования оружия, снаряжения и военных перевозочных средств, принадлежащих демобилизованным единицам, причем сданное будет затем помещено в склады распоряжением болгарских властей и под контроль комиссий. Лошади равным образом будут сданы союзникам.

Статья 4. Сдача Греции снабжения греческого 4-го армейского корпуса, взятого у греческой армии в момент оккупации восточной Македонии, поскольку оно не было выслано в Германию.

Статья 5. Части болгарских войск, находящиеся ныне к западу от меридиана Ускюба и принадлежащие к 11-й германской армии, сложат оружие и до нового приказания будут рассматриваться как военнопленные. Офицеры сохранят свое оружие.

Статья 6. Использование до заключения мира союзными армиями болгарских пленных на востоке, без взаимности для союзных военнопленных. Последние будут незамедлительно переданы союзным властям, а высланные гражданские лица будут иметь полную свободу вернуться в места своего жительства.

Статья 7. Германия и Австро-Венгрия получат четырехнедельный срок для ухода из Болгарии их войск и военных органов. В тот же срок должны будут покинуть территорию царства дипломатические и консульские представители центральных держав, равно как и их подданные.

Приказания о прекращении военных действий будут даны с момента подписания настоящей конвенции.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926, стр. 177—178. Док. 130).

№ 258. ГЕРМАНСКАЯ НОТА СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ НАЧАТЬ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ, ПОСЛАННАЯ РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ МАКСОМ БАДЕНСКИМ 3 октября 1918 года ЧЕРЕЗ ГЕРМАНСКУЮ МИССИЮ В ШВЕЙЦАРИИ

Германское правительство просит президента Соединенных Штатов Америки взять в свои руки установление мира, известить об этой просьбе все воюющие государства и пригласить их послать уполномоченных в целях начала переговоров. Оно принимает программу, выставленную президентом Соединенных Штатов Америки в послании к Конгрессу от 8 января 1918 года и в его позднейших заявлениях, в частности, в речи от 27 сентября, за основу мирных переговоров.

Чтобы избежать дальнейшего кровопролития, германское правительство просит о немедленном заключении всеобщего перемирия на суше, на воде и в воздухе.

Макс, принц Баденский. Рейхсканцлер.

(Hohlfeld, J. Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten 1849—1926, Bd. II, Berlin, 1927, № 227, S. 635—636).

№ 259. НОТА ГОС. СЕКРЕТАРЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЛАНСИНГА В ОТВЕТ НА ГЕРМАНСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПЕРЕМИРИИ от 8 октября 1918 года

Прежде чем ответить на ходатайство имп. германского правительства и для того, чтобы ответ этот был настолько чистосердечен и прям, насколько того требуют затронутые важные интересы, президент Соед. Штатов считает необходимым удостовериться о смысле ноты имперского канцлера. Подразумевает ли имп. канцлер, что имп. германское правительство принимает условия, изложенные президентом в его обращении к конгрессу Соед. Штатов от 8 января с. г. в его последующих обращениях, и что его целью при вступлении в переговоры является лишь соглашение о практических деталях их применения?

Президент чувствует себя вынужденным сказать в связи с предложением перемирия, что он не чувствовал бы себя в праве предложить прекращение военных действий правительствам, с которыми правительство Соед. Штатов объединилось против центральных держав, пока армии этих держав находятся еще на их земле. Добросовестность всяких переговоров будет очевидным образом зависеть от согласия центральных держав немедленно удалить свои военные силы отовсюду с захваченных территорий.

Президент чувствует также, что он в праве спросить, говорит ли имп. канцлер непосредственно от имени установленных властей той империи, которая до сих пор вела войну. Он считает ответы на эти вопросы жизненно важными со всех точек зрения[1].

Роберт Лансинг.

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 179. Док. 133).

№ 260. ОТВЕТ НА ГЕРМАНСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О МИРЕ, ДАННЫЙ АМЕРИКАНСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЛАНСИНГОМ 5 ноября 1918 года

...Президент имеет ныне в руках меморандум с замечаниями союзных правительств по поводу переписки следующего содержания:

«Союзные правительства внимательно изучили переписку, имевшую место между президентом Соединенных Штатов и германским правительством. С теми оговорками, которые следуют ниже, они заявляют о своей готовности заключить мир с германским правительством на принципах, изложенных в послании президента к Конгрессу от 8 января 1918 года...

---

[1] Нотою от 12 октября германское правительство согласилось на требования Вильсона-Лансинга. Однако, 14 октября в Берлин была послана из Вашингтона новая нота с требованием новых гарантий с немецкой стороны: должно быть обеспечено превосходство сил союзников на всех фронтах, а также должна быть прекращена подводная война. При этом немцам были повторены слова Вильсона (4 июля 1918 года, о необходимости сокрушения «всякой основанной на произволе власти, которая может сепаратно, секретно и по своему единоличному усмотрению потрясать всеобщий мир». Германия согласилась и на эти дополнительные требования, указав попутно, что теперь у нее уже имеется ответственное правительство (нота от 20 октября). Однако, и на этот раз перемирия не последовало. В ноте от 23 октября Соедин. Штаты требуют уже, в качестве предварительного условия для перемирия, чтобы союзникам была обеспечена возможность принудить врага к принятию любых положений и сделать для него совершенно неосуществимым возвращение к новым военным действиям. В этой же ноте без обиняков высказано, что Вильгельм II не угоден американскому правительству. Рейхсканцлер Зольф снова обращает внимание государственного секретаря Лансинга «на далеко идущие изменения в конституционной жизни Германии». Согласие на перемирие было, наконец, дано в ноте Лансинга от 5 ноября.

Они должны, однако, отметить, что тезис второй, относящийся к тому, что обычно именуется как свобода морей, может быть различным образом толкуем, причем некоторые из этих толкований не могут быть признаны. Они должны поэтому оставить за собой полную свободу по этому вопросу, который они обсудят на мирной конференции. Далее, в условиях мира, выраженных в послании к Конгрессу от 8 января 1918 года, президент заявил, что оккупированные территории не только должны быть эвакуированы, но и восстановлены. Союзные правительства чувствуют, что нельзя допустить существования сомнения о смысле этого тезиса. Они понимают под этим тезисом, что Германией будет дана компенсация за весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзников и их имуществу вследствие нападений Германии на суше, на море и в воздухе...»

[Указывается, что маршал Фош получил от правительства Соединенных Штатов Америки и союзных правительств разрешение вступить в переговоры с уполномоченными германского правительства для обсуждения условий перемирия]...

Роберт Лансинг.

(Hohlfeld J. Deutshe Reichsgeschichte in Dokumenten 1849—1926. Bd. II, Berlin, 1927, № 227, S. 643).

№ 261. ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ И ГЕРМАНИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В КОМПЬЕНСКОМ ЛЕСУ БЛИЗ РЕТОНД 11 ноября 1918 года

(Уполномоченные: союзников—Фош и Уэмис, Германии—Эрцбергер, Оберндорф, Винтерфельд и Ванзелов)

А. На западном фронте

Ст. 1. Прекращение военных действий на суше и в воздухе в течение 6-ти часов после подписания перемирия.

Ст. 2. Немедленная эвакуация занятых стран: Бельгии, Франции, Люксембурга, равно как Эльзас-Лотарингии — так, чтобы она была осуществлена в течение 15 дней...

Ст. 4. Уступка германской армией следующего военного материала: 5 тысяч пушек, 25 тысяч пулеметов, 3 тысячи минометов и 1 700 аэропланов, включая сюда все Д. 7 и все аэропланы для ночной бомбардировки.

Ст. 5. Эвакуация германскими армиями местностей на левом берегу Рейна.

Местности на левом берегу Рейна будут управляемы местными властями, но под контролем оккупационных войск союзников и Соединенных Штатов.

Войска союзников и Соединенных Штатов произведут оккупацию этих местностей гарнизонами, занимающими главные переправы на Рейне (Майнц, Кобленц и Кельн) с предмостными укреплениями этих пунктов в районе 30 километров на правом берегу.

Будет создана на правом берегу Рейна, от границы Голландии до границы Швейцарии, нейтральная зона между рекой и линией, проведенной параллельно предмостным укреплениям и реке и в 10 километрах от них...

Ст. 6. Во всех эвакуированных неприятелем территориях будет вос-

прещена всякая эвакуация жителей. Не будет нанесено никакого ущерба или вреда лицам или имуществу жителей...

Не будет произведено никакого рода разрушений...

Ст. 7. (Запрещение порчи средств сообщения и связи и водных путей. Уступка союзникам 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов и 5 тысяч грузовиков. Оставление на месте всего персонала и материала эльзас-лотарингских железных дорог и имеющихся на них запасов угля и всего оборудования).

Ст. 9. Содержание оккупационных войск в Рейнских землях (не включая Эльзас-Лотарингии) будет на обязанности германского правительства.

Ст. 10. Немедленная репатриация без взаимности... всех военнопленных, принадлежащих к армиям союзников и Соединенных Штатов, включая находящихся под следствием и обвиненных...

В. Положения о восточных границах Германии

Ст. 12. Все германские войска, ныне находящиеся на территориях, которые составляли до войны часть Австро-Венгрии, Румынии и Турции, должны немедленно вернуться в пределы Германии.

Все германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны равным образом вернуться в пределы Германии... как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий.

Ст. 13. Немедленное приведение в исполнение эвакуации германских войск и отозвание всех инструкторов, военнопленных и гражданских и военных агентов Германии, находящихся на территориях России (в границах 1 августа 1914 года).

Ст. 14. Немедленное прекращение германскими войсками в Румынии и в России (в границах 1 августа 1914 года) всех реквизиций, захватов или понудительных мер, в целях получения средств снабжения, предназначенных для Германии...

Ст. 16. Союзники будут иметь свободный доступ на территории, эвакуированные немцами на восточных границах, либо через Данциг, либо через Вислу, чтобы иметь возможность продовольствовать население и в целях поддержания порядка.

С. В Восточной Африке

Ст. 17. Эвакуация в срок, определяемый союзниками, всех военных германских сил, оперирующих в Восточной Африке...

Д. Общие положения

18. Репатриация без взаимности... всех гражданских интернированных, включая заложников.

Финансовые положения

Ст. 19. Не нарушая ни в чем права союзников и Соединенных Штатов отказаться в будущем от каких-либо требований и претензий.

Возмещение убытков.

На время срока перемирия неприятелем не будет израсходовано ничего из государственных ценностей, могущих служить союзникам залогом обратного получения военных возмещений.

Немедленное возвращение кассовой наличности Бельгийского Национального Банка.

(Общее возмещение всех документов и ценностей, затрагивающих государственные и частные интересы в оккупированных странах).

Возвращение русского или румынского золота, взятого немцами или им переданного.

Это золото будет взято на хранение союзниками до заключения мира.

Е. Морские положения

Ст. 22. Сдача союзникам и Соединенным Штатам всех подводных лодок (включая подводные крейсеры и минные транспорты), ныне существующих, с их вооружением и снаряжением, в портах, указанных союзниками и Соединенными Штатами.

Подводные лодки, которые не могут выйти в море, будут разоружены... и должны остаться под наблюдением союзников и Соединенных Штатов.

Подводные лодки, которые готовы выйти в море, должны будут покинуть германские порты немедленно по получении по радиотелеграфу приказания отправиться в порт, назначенный для их сдачи...

Ст. 23. Надводные германские военные суда, указанные союзниками и Соединенными Штатами, будут немедленно разоружены, затем интернированы в нейтральных портах или, при отсутствии таковых, в союзных портах, указанных союзниками и Соединенными Штатами. Они останутся в этих портах под наблюдением союзников и Соединенных Штатов, причем на борту останутся только отряды сторожей.

(Все другие германские надводные военные суда должны быть сконцентрированы в германских военных базах и быть помещены там под наблюдением союзников и Соединенных Штатов).

Ст. 25. Свободный вход и выход из Балтики для военных и торговых флотов союзных и объедин. держав, обеспеченные путем оккупации в Германии всех портов, оборонительных сооружений, батарей и укреплений всякого рода на всех фарватерах, идущих от Каттегата к Балтике, и путем траления и разрушения всех мин или заграждений в германских территориальных водах и вне их...

Ст. 26. Оставление в силе блокады со стороны союзных и объединившихся держав, на действующих для нее условиях, причем настигнутые в море германские суда попрежнему будут подлежать захвату.

Союзники и Соединенные Штаты имеют в виду на время перемирия снабжение Германии продовольствием в количестве, которое будет признано необходимым.

Ст. 27. (Концентрирование в германских базах, указанных союзниками и Соединенными Штатами, всех воздушных сил Германии и запрещение таковым передвижения).

Ст. 29. Эвакуация Германией всех портов Черного моря и передача союзникам и Соединенным Штатам всех русских военных судов, захваченных немцами в Черном море...

Ст. 32. (Нотификация Германией нейтральным державам о снятии всех воспрещений для торговли их судов с союзными и объединившимися державами).

Ст. 33. Никакой перевод германских торговых судов под какой-либо нейтральный флаг не будет иметь места после подписания перемирия.

Срок действия перемирия

Ст. 34. Срок перемирия определяется в 36 дней с правом продления.

Во время этого срока перемирие может быть, если положения его не будут выполняться, денонсировано одной из дог. сторон, которая должна будет предупредить о том за 48 часов. (Создание в принципе, под руководством союзного главнокомандования, международной постоянной комиссии о перемирии).

...3. Заявление представителей союзников о дополнении перемирия следующим постановлением:

«В случае, если германские суда не будут сданы в указанные сроки, то правительства союзников и Соединенных Штатов будут иметь право занять Гельголанд для обеспечения сдачи».

(«Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Ч. II, М., 1926 г., стр. 194—198. Док. 141).

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В СБОРНИКЕ

№ докум. в сборн.	Месяц	Число	Наименования документов	Стр.
17		12	Конфиденциальная записка Убри.	25—26
18		13	Депеша посла в Лондоне Шувалова Александру II.	26
19	Июнь	4	Депеша Шувалова Александру II.	26—27
20		4	Депеша Шувалова Александру II.	23—29
			1876	
23	Май	12	Берлинская памятная записка.	31—33
22	Июль	26	Рейхштадтское соглашение.	30—31
			1877	
24	Январь	15	Конвенция между Россией и Австро-Венгрией, заключенная в Будапеште.	33—36
			[redacted]	
27	Февраль		Записка гр. П. А. Шувалова (и переписка). . .	40—64
25	Март	3	Прелиминарный русско-турецкий мирный договор, заключенный в Сан-Стефано.	36—39
26	Июнь	4	Конвенция о союзе между Турцией и Англией (Кипрская конвенция).	39—40
28	Июль	13	Акт Берлинского конгресса.	64—69
			1879	
30	Октябрь	7	Германо-австрийский союзный и оборонительный договор, заключенный в Вене 7 октября 1879 года.	70—71
			1881	
32	Июнь	23	Австро-русско-германский договор.	73—75
			1882	
31	Май	20	Союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, заключенный в Вене. . . .	71—72
29	Декабрь	18	Из записки Нелидова, русского посла в Турции, «О значении проливов».	69—70
			1885	
33	Май	27	Письмо Бисмарка императору Вильгельму I «об отношениях с Россией и об англо-русском антагонизме».	75—77
			1886	
34	Ноябрь	27	Из продиктованной Бисмарком записки советника ведомства иностранных дел графа Рантцау. . .	77—79
38	Декабрь	30	Из письма германского посла в Париже графа Мюнстера императору Вильгельму I.	83—85

№ докум. в сборн.	Месяц	Число	Наименования документов	Стр.
106	Май	3	Записка стас-секретаря министерства иностранных дел фон Кидерлена	200—203
125	Июнь	13	Англо-японский договор от 13 июня 1911 г.	219—220
107	Июль	15	Телеграмма Бетман-Гольвега императору Вильгельму II.	203
108		21	Речь Ллойд Джорджа о мировом положении в Mansion House	204
104	Август	19	Русско-германское соглашение по персидскому вопросу, заключенное в С.-Петербурге, в итоге переговоров, начатых во время свидания в Потсдаме	190—191
113	Сентябрь		Беседа болгарского премьера Гешова с сербским премьером Миловановичем в сентябре 1911 г.	209
105	Сентябрь	4	Обзор последних переговоров по вопросу о проливах в 1911 г. Записка Д. А. Нелидова, дополненная Н. А. Базили.	191
109	Ноябрь	4	Франко-германское соглашение по марокккскому вопросу, заключенное в Берлине	204—205
110		4	Пояснительное письмо к франко-германскому соглашению 4/XI 1911 г. по марокккскому вопросу. Берлин, 4 ноября 1911 г.	205—206
			1912	
114	Март	13	Болгаро-сербский союзный договор, заключенный в Софии	209—211
115			Конрад фон Гетцендорф за превентивную войну против Сербии.	211
130	Июль	16	Военно-морская конвенция между Россией и Францией, заключенная 3 (16) июля 1912 года в Париже.	248—249
112	Октябрь	15	Итало-турецкое секретное соглашение о мире, заключенное в Лозанне	206—207
112		18	Итало-турецкий мирный договор, заключенный в Лозанне	207—209
131	Ноябрь	22	Письмо статс-секретаря по иностранным делам Грея французскому послу в Лондоне Камбону.	249
131		23	Письмо французского посла в Лондоне Камбона статс-секретарю по иностранным делам Грею	250
			1913	
132	Февраль	27	Письмо российского посла А. П. Извольского министру иностранных дел С. Д. Сазонову	250—252
117	Июль	29	Органический статут албанского государства, принятый на конференции послов в Лондоне	212—213
116	Август	10	Мирный договор между Румынией, Грецией, Черногорией и Сербией, с одной стороны, и Болгарией, с другой стороны, заключенный в Бухаресте	211—212
			1914	
133	Апрель	29	Посол в Париже министру иностранных дел С. Д. Сазонову	252—255

№ докум. в сборн.	Месяц	Число	Наименования документов	Стр.
183		9	Российский посланник в Сербии министру иностранных дел. Депеша № 58.	297—299
207		9	Российский посланник в Сербии министру иностранных дел. Депеша № 59.	321—323
208		11	Российский посланник в Бухаресте министру иностранных дел. Телеграмма № 440.	323
235		31	Заключение германского министерства внутренних и иностранных дел по поводу бельгийского вопроса. Берлин.	349—352
193	Январь	12	Российский министр иностранных дел послам в Париже и Лодоне — Извольскому и Бенкендорфу. Телеграмма.	310—311
167		18	Двадцать одно требование, предъявленное японским правительством президенту Китайской республики Юань-Шикаю.	284—287
223		4	Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.	335
224	Март	6	Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.	335—336
225		12	Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.	336—337
226		12	Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.	337—339
227		20	Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу. Телеграмма.	339
185	Апрель	26	Секретное соглашение союзных держав с Италией, заключенное в Лондоне.	303—305
186		26	Секретная декларация России, Франции, Великобритании и Италии о незаключении сепаратного мира, подписанная в Лондоне.	305—306
187	Май	4	Декларация о выходе Италии из Тройственного союза. Вена.	306—307
188		19	Российский посол в Риме министру иностранных дел.	307—308
194		19	Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.	311—312
236		20	Меморандум о целях войны, представленный 20 мая 1915 г. шестью крупнейшими хозяйственными организациями рейхсканцлеру.	352—358
245	Июнь	8	Письмо министра иностранных дел США Брайана Вильсону о выходе в отставку в связи и разногласиями по вопросу о «Лузитанской ноте».	356
245		9	Нота Вильсона Германии по поводу потопления «Лузитании». (Из архива полковника Хауза).	365—366
246		9	Обращение Брайана «К американскому народу».	366—367
195	Сентябрь	14	Российский посланник в Софии министру иностранных дел.	312
196		17	Российский посланник в Софии министру иностранных дел.	312—313
197		21	Российский министр иностранных дел в Сербии Трубецкому.	313—314

МАТЕРИАЛЫ БЕЗ ДАТ

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный редактор *В. М. Хвостов.*
Технический редактор *М. Н. Гольдина.*
Корректор *Н. Д. Бень.*

Сдано в производство 27/XII—1939 г.
Подписано в печать 23/IX—1940 г.
$25^1/_2$ п. л. 53040 зн. в 1 п. л.

Уполн. Главлита Г-65203 Зак. 144

Тип. Военно-Политической ордена Ленина Академии Красной Армии имени В. И. Ленина

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
18	[illegible] св.	леть	лет
105	11 сн.	буду	будут
110	14 св.	избегнуть	избегнут
151	18 св.	Путь	Пусть
152	14 св.	называемого	называемые
155	11 св.	Фейгина	Фейгиной
156	10 сн.	концертом	концерном
161	3 св.	сультана	султана
182	12 сн.	сложилось	сложилась
183	24 св.	Предотвратив	Предотвратить
208	9 св.	к вывозу	к ввозу
218	26 св.	ьремя	время
248	9 сн.	*Фивен*	*Ливен*
268	24 сн.	uropéenne	européenne
288	12 сн.	разрвыв	разрыв
327	10 сн.	Фариотти	Фашиотти
329	15 св.	постарадвшим	пострадавшим
355	9 св.	внешними рынками	окраинами
357	20 сн.	батума	битума
357	3 сн.	Vergasbare Kohle уголь	газирующийся уголь
358	23 св.	в области деятельности	в области промышленной деятельности
358	14 сн.	Sundoy Times	Sunday Times
361	17 св.	Bergmerk	Bergwerk
372	1 сн.	Сеймурат	Сеймуром
374	8 св.	истории	истерии

Уполн. Главлита Г-65203 Зак. 144
Тип. Военно-Политической ордена Ленина Академии Красной Армии имени В. И. Ленина